

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

САРАБЬЕВ Алексей Викторович

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В СИРИИ И ЛИВАНЕ
(С НАЧАЛА ПЕРИОДА НЕЗАВИСИМОСТИ ДО КОНЦА XX В.)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора исторических наук

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история.

(Новое и новейшее время)

Москва 2021

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном
учреждении науки Институте востоковедения Российской академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
ГЛАВА I. РЕЛИГИОЗНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ	
Сдвиги в ближневосточных обществах в конфессиональном аспекте	30
Ближневосточная религиозная идентичность как субъект и объект изменений	36
Факторы разбалансированности социальных отношений	39
Перцепция и логика конфессиональной проблематики Ближнего Востока ...	46
Протесты в «религиозных» обличиях	58
Системный и субъектный аспекты религиозного активизма	70
Межконфессиональные отношения в свете депривационной теории	82
ГЛАВА II. КОРЕННЫЕ СДВИГИ В СИРИЙСКОМ И ЛИВАНСКОМ ОБЩЕСТВАХ (40–60-е годы XX века)	
Наследие французского мандата	97
Сплачивающее влияние Победы сквозь конфессиональные разделения	107
Ожидания и реалии мусульмано-христианских отношений	126
Маргинализации конфессиональной проблематики на волне идеологии	150
Конфессиональная дифференциация некоторых социальных показателей ...	165
ГЛАВА III. МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПО ОСНОВНЫМ ГРАНИЦАМ (третья четверть XX века)	
Межконфессиональные зоны напряжения и внешние запускаящие механизмы	172
Ливанские мусульмане в системе гражданских взаимоотношений	184
Сунниты Сирии: парадоксы социального большинства	205

<u>Вопрос алавитского лидерства</u>	232
<u>Неоднозначные пути консолидации друзов</u>	252
<u>Марониты на пике идеологического противостояния</u>	275
ГЛАВА IV. РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИЗМЕНИВШИХСЯ УСЛОВИЯХ ЛЕВАНТИЙСКОГО СУБРЕГИОНА (последняя четверть XX века)	
<u>Конфессиональный аспект Ливанской гражданской войны</u>	298
<u>Социальные отношения в Сирии и Ливане в повестке исламистов-радикалов</u>	365
<u>Сопrotивление в шиитском исполнении: влияние на межобщинные отношения</u>	400
<u>Конфессионализм в социальном и политическом аспектах</u>	424
<u>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</u>	457
<u>Источники и литература</u>	466

ВВЕДЕНИЕ

Общественные явления на Ближнем Востоке так или иначе оказываются связанными со сферой межконфессиональных отношений. При этом явления не обязательно обусловлены заметными изменениями в этой сфере, которые, в свою очередь, не всегда сводятся к обострению взаимоотношений. Ближневосточные религиозные общины целесообразно рассматривать в качестве аспекта социальных отношений вообще – динамичных и многоплановых. Они обладают определенной инерцией, особенно в условиях традиционных обществ региона. В настоящее время, тем не менее, все больше говорят о глубоких социальных трансформациях в ближневосточных социумах, связанных как с продолжающимися уже десятилетия процессами, так и сравнительно новыми феноменами. Ведущим направлением изменений в Ближневосточном регионе становится универсализация явлений, которая по-разному проявляется как в религиозной жизни общин и их взаимоотношениях, так и влияет на общественно-политический и экономический региональный контекст. Универсализация включает в себя и элементы проявлявшейся на Ближнем Востоке и в Северной Африке глобализации¹, и сближение моделей социальных трансформаций, и нарастающие синкретизм и глобальная общность массовой культуры, и объединительные тенденции в религиозной области (как экуменизм, так и распространение культурно-выхолощенных «харизматических» движений²).

В оценках значения религиозной составляющей общественных изменений прослеживаются значительные расхождения. Они бывают вызваны разны-

---

¹ См.: Труевцев К.М. Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности / Отв. ред. В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2020.

² См.: Следзевский И.В. Десекуляризация мирового сообщества как источник напряженности в международных отношениях и мировой политике // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018, Т. 11, № 4. С. 30–45; Idem. Борьба за истинную веру: религиозная революция в Черной Африке // *Религия и общество на Востоке*. Вып. IV (2020). С. 127–161.

ми акцентами на многочисленных тенденциях, которые имеют разные, подчас встречные направления. Социальная роль религии оценивается многими как убывающая, ее замещает секуляризм и даже либертариизм (освобождение от якобы отживших норм этической регуляции)¹. Иные полагают, что религиозный фактор в своем новом (как его называют, постсекулярном) изводе, напротив, все больше доминирует в арабском мире, и делают выводы о религиозных аргументах в проявлениях региональной конкуренции в политико-экономической сфере (суннито-шиитские противоречия в целом, а также более узко: усложнение проблематики суннито-алавитских взаимоотношений, борьба ваххабитов с хуситами и т.п.).

Безусловно, на слуху исламистский дискурс террористических организаций, а также экстремистов разных толков, и зачастую этот псевдорелигиозный дискурс затеняет проблематику обычной борьбы за власть разных кругов (от националистических до универсалистских, от мотивированных интересами своих религиозных общин до движимых чисто светскими мотивами).

Напряженный поиск религиозных факторов конфликтов может уводить исследователя в сторону от выявления вполне тривиальных причин (экономической конкуренции, политического соперничества и т.д.) проблемных ситуаций разных масштабов на Ближнем Востоке. Тем не менее, важнейшим для рассмотрения остается факт тесной связи религиозного самовосприятия членов конфессиональных общин и их политического участия, отстаивания своих прав в том, что касается доступа к социальной поддержке, образованию, здравоохранению, возможности трудоустройства, реализации предпринимательских инициатив и вообще, прав на активное участие в экономической жизни.

У такой конфессиональной привязки есть множество противников, которые считают, что связь принадлежности к определенной общине с политиче-

---

¹ Еще полтора столетия назад русский мыслитель К.Н. Леонтьев подмечал набиравшее силу движение к «эгалитарной разнузданности». Это емкое выражение подразумевает, в первую очередь, выхолащивание этических традиций.

скими правами и социальными возможностями противоречит принципам равноправия и народовластия, что она абсолютно не соответствует нынешнему уровню общественного сознания. Это находит свое отражение в предлагаемых мерах по устранению элементов политического конфессионализма (*таифийя*), в частности таких, как квотирование в органах государственного управления на основе вероисповедания.

Особенно эмоционально эти идеи выражались в разгар широкой протестной волны, захватившей Ливан с октября 2019 г. Они же легли в основу требований участников социальных протестов по всей стране. Солидаризация представителей разных религиозных общин во имя общих целей показала, насколько реальные хозяйственные и общественные проблемы граждан для них важнее пресловутого замыкания во внутриконфессиональных границах, насколько политическая конкуренция их конфессионально-партийных представителей увела ливанскую политическую арену далеко в сторону от народных требований справедливого политического участия.

В последние годы разные научные направления, хотя и каждое по-своему, но важное значение придают самовосприятию, или идентичности социальных групп, разница в которой обуславливает многое в общественном сознании населения отдельного национального государства¹. Идентичность имеет разные уровни, накладывающиеся друг на друга или сталкивающиеся между собой: региональная (например, ближневосточная), общенациональная (например, арабская, еврейская, курдская), страновая, религиозно-конфессиональная, племенная, локально-общинная и даже клановая. На протяжении десятков лет существования независимых государств Ближнего Востока происходят изменения в элементах, составляющих идентичность жителей региона, что влияет, в свою очередь, на взаимоотношения как между конфессиональными общинами, так и внутри них.

---

¹ См.: Ближний Восток: политика и идентичность / под ред. И.Д. Звягельской; ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. М.: Аспект-Пресс, 2020. 334 с.

Изучение в историческом ключе ближневосточных реалий, связанных так или иначе с отношением друг к другу религиозно-конфессиональных общин и их членов, сегодня особенно актуально. Причины многих нынешних противоречий коренятся в событиях прошлых лет, иногда весьма отдаленных от нас. Например, невозможно понять амбиции усиливающейся шиитской общины Ливана без обращения к тому времени, когда ливанские шииты безуспешно требовали справедливого распределения бюджетных средств на развитие своих отсталых во многих отношениях районов (40-е годы XX в.). Сложно также установить степень остроты проблемы сокращения на Ближнем Востоке христианских общин сегодня, если не принимать во внимание документальные свидетельства самого начала 60-х годов XX в., где эта проблема уже звучала – в связи с эмиграцией или падением их политического статуса. Острейший вопрос мусульманского экстремизма, борьба с которым обусловила развитие региональной ситуации в последние годы, также зародилась многие десятилетия назад, так что без обращения к его корням, к истории противодействия ему невозможно верно оценить подпитывающие проблему факторы – для того, чтобы работать с причинами, а не следствием.

Актуальность представляемого исследования обусловлена той несомненной взаимосвязью, которая существует между нынешними ближневосточными реалиями и явлениями в области межконфессиональных отношений, имевшими место в XX в., и которая раскрывается на протяжении всей работы. Предложенный автором комплексный подход и его применение для оценки социально-политических явлений в современных Сирии и Ливане вполне вписывается в русло пристального внимания к этим странам со стороны ведущих мировых держав и международных организаций в контексте подъема религиозного активизма. Непосредственное участие российских ВКС в установлении безопасности в Сирии и активная позиция российских компаний в деле участия в экономических проектах в Ливане требуют адекватного представления о соци-

альной ситуации и возможных рисках, связанных с конкуренцией разных социальных сегментов, в том числе конфессиональных общин.

Особенную остроту вопросу придает религиозный экстремизм и терроризм в религиозном обликии. В этом моменте тема работы обусловлена необходимостью научного подхода к проблеме экстремизма в связи с задачей обеспечения безопасности нашей страны. Исторический анализ религиозного фактора и вообще межконфессиональных отношений в Сирии и Ливане способствует формированию требуемого адекватного представления о причинах религиозного экстремизма, его движущих силах, социальной базе, возможных последствиях и эффективных мерах его предотвращения.

Кроме того, беспристрастный взгляд на исторические события XX века, подкрепленный внимательным прочтением множества исторических документальных свидетельств, может являться надежным щитом против той политически обусловленной риторики и пропагандистских ходов, которые призваны обосновывать военные инициативы внешних сил или же подкреплять политические проекты, идущие вразрез с глубинными интересами самих сирийцев и ливанцев.

Все перечисленные моменты определяют высокую актуальность представляемого исторического исследования, даже несмотря на то, что его верхняя хронологическая граница отстоит от нашего времени на два десятилетия.

Поэтому свою **цель** автор видит в том, чтобы в ходе исторического анализа межконфессиональных отношений в Сирии и Ливане установить причины проблем в этой области, в том числе выявить долю в социальных проблемах религиозного фактора, его соотношение с остальными внутренними и внешними факторами.

Среди своих **задач** автор видит следующие:

- определить узловые моменты их истории, повлиявшие на принципиальное изменение взаимоотношений между религиозными общинами;

- установить основные проблемные области этих взаимоотношений по внутренним социальным границам – как между самими общинами, так и между иными группами, образованными поверх таких границ (особенно альянсов на основе идеологии);

- выявить степень влияния внутренних (экономических, социально-психологических, внутривполитических) и внешних факторов (региональной конкуренции, влиятельных транснациональных идеологических течений, арабо-израильской проблемы, интересов мировых держав);

- разделить составные элементы сложных явлений в жизни независимых Ливана и Сирии XX в., за которыми закрепились стереотипные характеристики как порожденных межконфессиональными противоречиями;

- опираясь, по возможности, на документальные данные, по-своему интерпретировать исторические события, связанные с борьбой разных конфессионально-маркированных групп – с привлечением элементов социологических теорий.

Объектами диссертационного исследования являются конфессиональные общины как составляющие социумов двух независимых стран Ближнего Востока – Ливана и Сирии. В этом качестве они предстают в своих проявлениях в исторических фактах и явлениях, а в общем смысле – в своем социальном действии в историческом ключе. **Предметом** же исследования являются их взаимоотношения. Поскольку община в условиях иноконфессионального окружения бывает связана с единоверцами в странах региона, то анализ конфессий, имеющих общины и в Сирии, и в Ливане не только в рамках национального государства, а и в рамках значительной части Леванта, вполне обоснован.

Теоретико-методологическая база исследования включает в себя историко-генетический принцип и элементы структурного анализа. Автор исследует причины, порождающие проблемы в межконфессиональных отношениях, которые залегают не в пресловутых имманентных противоречиях между религиозными общинами и вовсе не в «национальной психологии», но в социально-

политических сдвигах, вызываемых региональной или даже общемировой повесткой. В условиях многоконфессионального общества отдельные общины на протяжении истории выработали такое качество, как приспособляемость к жизни в окружении соотечественников с иным вероисповеданием. Общенациональная (или общая локальная) идентичность в некоторые периоды истории заставляла собой культурные особенности и социальные претензии, связанные с исповеданием веры, отличным от других сограждан. Как правило именно возбуждающие внешние факторы обостряли в такие периоды вопросы этих особенностей и претензий, выводили конфессиональную идентичность на первый план. Выявить факторы, порождающие связанные с этим проблемы, и помогает историко-генетический принцип.

Как в свое время в культурной антропологии «деконструктивизм разрушил монополию на единственно верное истолкование»¹ явления, так в истории прием деконструкции вполне подходит для эвристически нового витка познания, для взгляда на известные исторические явления под иным углом зрения. С этой целью автор проводит историческую деконструкцию² социально-политических явлений в Сирии и Ливане в означенный период, явлений очень сложных и многоплановых по своему характеру, включающих в себя сразу несколько составляющих. Большинство исторических фактов и рассматриваемых явлений были обусловлены целым набором причин и запускающих механизмов, но конфессиональная проблематика, ввиду своей яркости, в глазах наблюдателя или историка нередко заслоняет наиболее существенные причины. Для их вскрытия и применяется метод деконструкции.

Изучение Сирии и Ливана с их богатейшей историей и вкладом в мировую культуру требует деликатного подхода, тем более, когда речь идет о той стороне человеческих взаимоотношений, что касается религиозных феноменов.

---

¹ Гринин Л.Е., Крадин Н.Н., Коротаев А.В. О методах исторического исследования // Теория и методология истории. Волгоград: Учитель, 2014. С. 389.

² См., например: *The Yale critics: deconstruction in America* / Ed. by Jonathan Arac, Wlad Godzich, Wallace Martin. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1983.

При исследовании этой проблематики требуется опора на базовые элементы уникальных местных религиозных культур и традиций. Этим обусловлено частое обращение автора к связанным с культурологией понятиям.

Кроме того, межконфессиональные отношения находятся во взаимозависимости с субъективным восприятием членами религиозных общин своего положения, и в первую очередь, в сравнении со своими соседями других вероисповеданий. Подобное сравнение нередко делается не в свою пользу, что неминуемо ведет к недовольству, причем источник собственных неудач удобнее всего связывается с происками представителей общин-конкурентов. Начиная с конца 50-х годов XX в. в направлении такого рода наблюдений разрабатывался целый веер гипотез, связанных с понятием депривации (обделённости). Варианты депривационной теории, изложенные в социологических работах ряда известных авторов, в том числе и современных, как представляется, достаточно хорошо объясняют причины исторических явлений, связанных со взаимодействием и противостоянием религиозных общин Ближнего Востока.

Этот методологический подход увязывает вместе психологическое состояние относительной депривации субъекта и деструктивные проявления протестующей толпы. Он позволяет уделять внимание не только социально-политическим процессам, движимым в том числе религиозными факторами, но и состоянию конкретных действующих лиц социальной коммуникации – собственно людей с их уникальным левантийским самовосприятием и идентичностью, взглядами на собственные традиции, религиозную иерархию, политическую систему и, наконец, на возможности улучшения своего благосостояния. Беспристрастный исторический анализ, дополненный социологической и социально-психологической теорией, стал для автора удачным подспорьем, ориентиром усилий историка в верном направлении.

В продолжение обращения к личным переживаниям носителей разных религиозных традиций (микроуровень исследования) автор основывается на мысли, что отношение человека к согражданам иной веры формируется на про-

тяжении больших временных периодов, во многом являясь отражением культурно-исторической памяти. В этой связи приведем мнение отечественного ученого И.Н. Ионова, который, рассуждая о «потребности человека в позитивной идентичности», находит, что «проблема лежит глубже – в зависимости личности от собственных воспоминаний, которые позволяют ей идентифицировать себя как таковую... При этом в формирование идентичности вплетены не только позитивные, но и негативные знания»¹. В свою очередь, американский профессор А. Мегилл тоже ставил акцент на состоянии человека в его динамике, которое является производным от предшествующего исторического опыта и определяющим его актуальные и будущие взаимодействия в обществе. В своем интервью от 2009 г. он обосновывал такой микросоциологический аспект работы историков: «Представители исторической профессии в каждой стране должны быть внимательны к частной, приватной жизни людей, к реальному опыту людей прошлого и к нашей сопричастности этому опыту, каким бы негативным он ни был, и каким бы трудным ни был процесс понимания этого опыта»².

Об этом же ранее писали историки Школы Анналов, в частности, Люсьен Февр: «Для историка нет человека вообще, а есть люди. Люди, особенности которых он всеми силами старается познать, установить их отличительные признаки – все то, чем они отличаются от нас, – люди, которые жили не так, как мы, чувствовали и действовали не так, как мы»³.

Применение в исторических работах релевантных методов исследования из смежных наук – своего рода методологический синкретизм – не слишком популярен у большинства нынешних историков, хотя выдающиеся ученые прошлого считали его очень продуктивным. Так, известный немецкий мысли-

¹ Ионов И.Н. Формы исторической памяти и проблемы идентификации // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 38.

² Мегилл, Аллан. Послесловие к русскому изданию // Доманска, Эва. Философия истории после постмодерна: [Интервью с Х.Уайтом, Ф. Анкерсмитом, Е. Топольски, Й. Рюзенем и др.] / Пер. с англ.; ИФ РАН. М.: Канон+, 2010. С. 395.

³ Февр, Люсьен. Бои за историю / Пер. с франц. М.: Наука, 1991. – (Памятники исторической мысли). С. 283.

тель Вильгельм Вундт, рассуждая о психологии масс, (Völkerpsychologie), считал, что ее «возможно изучать лишь синтетически, то есть применяя, сочетая и скрещивая различные научные подходы, которые существуют в лингвистике, истории искусства и истории религии, социологии, этнологии, просто истории и экономике»¹.

Хронологические рамки представляемого исследования автор ограничивает тем периодом XX в., который можно назвать периодом независимости Сирии и Ливана в полном смысле слова. Следует оговориться, что нижняя граница весьма условна: общества этих стран, освободившиеся окончательно от присутствия французского контингента в 1946 г., еще за несколько лет до того события были полны предвкушения и готовились к нему, так что новые социальные процессы, соответственно, не получили резкого старта. Общественных потрясений, ожидаемых многими в регионе после ухода французов, покровительствовавших местным католикам-униатам, не последовало. На первом месте борьба за власть, причем политические силы, участвовавшие в ней, не имели тогда еще четких религиозно-конфессиональных характеристик. Поэтому явную точку отсчета исследуемого периода предполагается не обозначать четко: во всяком случае, это не дата заявления о намерениях администрации Анри Денца (июль 1941 г.) и не пафосное обещание генерала Жоржа Катру от имени движения Свободной Франции и его лидера Шарля де Голля (ноябрь 1943 г.), касавшиеся полной независимости подмандатных стран. Межконфессиональные отношения анализируются в данной работе с более реального в этом отношении момента – со времени напряженного ожидания долгожданного суверенитета обеих стран в год окончания Второй мировой войны.

Верхняя хронологическая граница исследования также не является четкой – в том смысле, что не обозначает окончание определенного периода развития сирийского и ливанского обществ. Отнесение ее автором к окончанию XX сто-

---

¹ Эспань, Мишель. История цивилизаций как культурный трансфер / пер. с франц.; под общ. редакцией Е.Е. Дмитриевой; вступ. статья Е. Е. Дмитриевой. М.: НЛЮ, 2018. С. 652.

летия является, тем самым, условным в смысле социальной истории, несмотря на то, что в 2000 году произошли важные политические события в обеих странах: в Сирии сменилось руководство страны и обозначился новый курс на взаимоотношения власти и общества («дамасская весна»), а в Ливане были освобождены оккупированные Израилем территории и форпосты на Юге, в то время как в палестинских лагерях стали явными отзвуки объявленной Соппротивлением «интифады Аль-Акса». И тем не менее, все эти политические явления не стали переломными для социумов и не обозначили новых поворотов в сфере межконфессиональных отношений в обеих странах.

Вообще, выделять периоды в развитии социальных отношений можно лишь очень условно (и в этом плане автор разделяет проблематику исторической периодизации внутри историко-генетического методологического подхода). Социальные сдвиги могут быть тесно связаны с политическими процессами или стадиями тех или иных конфликтов – острых столкновений интересов определенных кругов, чаще всего на Востоке представлявших свои общины или связанных с религиозными верхами. В этом случае временными вехами можно условно считать события политической или военной истории. Но чаще всего периодизация социальных отношений не представляется продуктивной уже в силу своей искусственности и когда обобщения оказываются односторонними, не учитывающими все многообразие аргументов – особенно в области социальной истории¹.

Это наблюдение в отношении Сирии и Ливана подтверждается тем, что оба народа, составлявших некогда единую общность – фактически родственные – прошли сквозь особенные, почти не связанные друг с другом испытания и процессы в сферах экономики, идеологии, региональной политики и внешних

---

¹ Жак Ле Гофф предостерегал, что вынужденное деление истории общества на периоды заключает в себе идею «перехода, поворота и даже отрицания общества и ценностей предыдущего периода». См.: Ле Гофф, Жак. Стоит ли резать историю на куски? / Пер. с франц. М.Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2018. 188 с.

связей (долговременное присутствие сирийского контингента в Ливане, конечно, далеко не сблизило общественные явления в обеих странах).

Очень разные судьбы сирийского и ливанского народов со второй половины XX в. подтверждают предположение, что корень якобы общих для большинства народов на Арабском Востоке общественных проблем лежит вовсе не в пресловутой конфессиональной дробности их сложных обществ. Он находится в сфере собственных, особых для каждой страны народных чаяний справедливости распределения социальных благ и политического участия, наиболее рельефно отражаемых как раз в общественно-религиозном дискурсе.

Исследование межконфессиональных отношений на арабском Востоке не может не носить исторического характера. Все нынешние социально-политические явления в рассматриваемых странах так или иначе коренятся в событиях и региональных тенденциях, имевших место еще десятилетия назад. Одни из этих исторических фактов и явлений охватывали сразу несколько ближневосточных многоконфессиональных государств, другие шли по границам лишь определенных конфессиональных общин внутри отдельной страны, а третьи были характерны для одного вероисповедания, но охватывали сразу несколько государств региона, где проживали его носители.

Это обстоятельство продиктовало особенность внутренней **структуры представленной работы**. Первая глава носит общий характер, в ней предлагается изложение авторского подхода к вопросу конфессиональных отношений в Леванте, подчеркивается его комплексность и предлагаются элементы социологической методологии. Вторая глава посвящена важным изменениям, наблюдавшимся в сирийском и ливанском обществах в постмандатный период. Проблемы взаимоотношений общин и особенностей их социально-политических повесток анализируются в последующих главах. При этом работа содержит в каждой из своих глав широкие обзоры региональных или страновых явлений, включавших или отразившихся на социальных отношениях представителей разных общин Сирии и Ливана. По мере необходимости, в отдельных подгла-

вах характеризуются внутренние идейные течения и социальные процессы отдельных конфессиональных общин, что является не только важной детализацией их исторических вех, но и дополняет аргументацию к авторским обобщениям.

Итак, хронологические рамки исследования обозначены достаточно условно: работа охватывает период независимости обеих стран с его преодолением социальных кризисов, политическими трансформациями, экономическими феноменами и, конечно, вооруженными конфликтами, и ограничена только XX веком.

Исследование построено в значительной степени, по проблемному принципу, но анализируемые события располагаются в нем, по возможности, в хронологическом порядке. Первая и вторая главы работы посвящены общим вопросам, поэтому иногда упоминаемые в них события анализируются и в последующих главах – уже более подробно и в связи с определенными проблемами.

Исследования в области межконфессиональных отношений активно ведутся во многих странах мира. Их результаты оказываются весьма востребованными, особенно учитывая ту роль, которая отводится этой большой теме в современной аналитике и политическом дискурсе. Так что **научно-практическая значимость результатов** предлагаемого исследования может быть высокой как в силу актуальности самой проблематики и востребованности такого рода анализа, так и в силу фактологической и документальной обоснованности выводов. Помимо учебных дисциплин в рамках курсов подготовки востоковедов-арабистов, результаты работы могут заинтересовать аналитические структуры министерств и иных государственных структур, которые работают в странах Ближнего Востока. Как сами выводы, так и предлагаемые подходы могут быть использованы специалистами крупных российских компаний, которые планируют выполнять долгосрочные экономические проекты в Сирии и Ливане: успеху может способствовать знание местных социальных реалий,

исторических предпосылок напряжений между социальными сегментами, разными политическими силами и деловыми кругами.

Непредвзятость подхода к теме в целом, опора на разработанные теории исторического процесса, применение некоторых методов науки об обществе и широкое использование доступных научных исследований, написанных с разных, порой диаметральных позиций, придают определенную объективность нашей работе. Обращение к многочисленным источникам (архивным материалам, историческим документам, дипломатической переписке, официальным заявлениям и программам, статистике и т.п.) также может с высокой степенью успеха послужить объективности выводов представляемого исследования и сделать его научно значимым.

Новизна работы обосновывается следующими соображениями.

1) Автор использует собственный комплексный подход, включающий в себя историко-генетический принцип, элементы структурного анализа, метод исторической деконструкции, применяет социологическую депривационную теорию, обращается к современным работам в изучении идентичности (религиозно-культурной, исторической, национальной, идеологической ее составляющим). Такое методологическое сочетание, а особенно повышенное внимание к динамике настроения конфессиональных общин и самовосприятия их членов (микроуровень), является новым в востоковедной науке.

2) Документальную и источниковую базу составляют в большом количестве материалы, не введенные до сих пор в научный оборот, или же обойденные вниманием отечественных исследователей. Впервые проблемы межконфессиональных отношений на Ближнем Востоке оцениваются с привлечением такой подборки архивных документов. Кроме того, в работе использованы многие ценные аналитические материалы советских и российских востоковедов – малоизвестные или незаслуженно забытые историками, поскольку входили ранее в фонды так называемого «специального хранения».

3) Исследование включает как общий анализ проблем межконфессиональных отношений в Сирии и Ливане, так и взаимоотношения по границам их основных конфессиональных общин. До сих пор научные исследования касались лишь отдельных аспектов такого рода проблем или же положения только некоторых общин в иноверном окружении.

4) Наконец, проблематика исследования затрагивает аспекты взаимосвязи религиозного фактора социально-политических процессов с идеологическим (в историческом ключе) и внешнеполитическим (в его динамике), что также является новым в отечественном востоковедении.

Сравнительно недавно ставшие доступными документальные данные (к сожалению, пока в основном из западных источников) позволяют обоснованно стать на сторону многих оценок современников описываемых событий и неангажированных выводов историков, не всегда близких к современным взглядам на исторические факты и процессы в Сирии и Ливане тех лет. Представленные выводы касательно межконфессиональных отношений иногда даже могут показаться абсолютно новой интерпретацией событий истории Сирии и Ливана, но большой объем привлеченных к работе аналитических материалов и документов той поры позволяет утверждать, что многие из выводов автора сходны с теми, что делались в свое время не только известными учеными, но и дипломатами, государственными деятелями и практическими работниками разных стран – особенно для «внутреннего употребления», когда пропагандистская риторика могла только отвлекать их руководство от принятия взвешенных решений. Оценки, полученные автором, вполне верифицируются документами, где применялись подходы, совершенно отличные от авторского, где преследовались вполне практические цели, вызывавшие необходимость объективности взгляда.

Источниковая база исследования. Среди документов, использованных в работе, большой пласт составляют неопубликованные архивные документы. Из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) это документы фонда Коминтерна (ф. 495), из Архива внешней по-

литики Российской Федерации (АВП РФ) – фонды Посольства СССР в Ливане и Референтуры по Ливану (ф. 2). В Архиве ТАСС Института востоковедения РАН удалось обнаружить несколько папок с подборками информационных сообщений ведущих мировых агентств по Сирии и Ливану за 80-е – начало 90-х годов, которые помогли составить детальный событийный фон к исследуемым явлениям.

Архив современной истории Высшей технической школы Цюриха (Archiv für Zeitgeschichte der ETH Zürich, AZGZ) любезно предоставил доступ к политическим донесениям (на немецком и французском языках) из Бейрута (за 1960–1965 гг.) посла Гвидо Киля, а также к очень информативным материалам газеты *Neue Zürcher Zeitung* по Сирии и Ливану за 1945 и 1954–1980 гг. Оба источника оказались чрезвычайно полезными для работы, поскольку содержат разностороннюю и подробную аналитику событий в Ливане и Сирии. Практически не введенными в научный оборот оставались оцифрованные документы Швейцарского федерального архива в Берне (Schweizerisches Bundesarchiv) по Сирии, Ливану и ближневосточным делам, и в работе они широко использованы.

Весьма полезными для исследования оказались предоставляемые по подписке интернет-архивы документов Палаты лордов (UK House of Lords) и Палаты общин (UK House of Commons) британского Парламента. В них богато представлены различные мнения по событиям в Сирии и Ливане дипломатов, а также авторитетных и опытных деятелей, хорошо знакомых с ближневосточными делами.

Многие из цитированных в работе документов американского Государственного департамента, касающиеся сирийского и ливанского направлений, опубликованы на подписном портале Цифрового архива национальной безопасности США (Digital National Security Archive, DNSA). Они дали бесценный материал для анализа многих событий, связанных со взаимоотношениями социальных сегментов Сирии и Ливана, их конфессиональных групп и политиче-

ских сил. В документах, в том числе, детально изложены позиции по конкретным вопросам ведущих лиц американской внешней политики, разведывательных сообществ, министерства обороны и др., что существенно расширяет набор оттенков некоторых социально-политических явлений в Ливане и Сирии.

Из опубликованных документов стоит выделить также тома по Ближнему Востоку собрания материалов по американской внешней политике (Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers), выложенные частично в историческом разделе сайта американского внешнеполитического ведомства (US Department of State, Office of the Historian).

В источниковую базу исследования вошли также документы из опубликованных сборников, например, на русском языке: «СССР и арабские страны, 1917–1960: документы и материалы», «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов», на арабском языке: Аль-васаик аль-арабийя (Арабские политические документы) 1970–1979, Аль-‘ахд аль-ватани фи салас санават: 1944, 1945, 1946 (Трехлетний патриотический период) и другие.

Документы британского внешнеполитического ведомства (UK Foreign Office), касательно межконфессиональных отношений в Сирии и Ливане содержатся в многотомном Кэмбриджском издании (Cambridge Archive Editions). Издание представляет собой подборки дипломатической аналитики по разным странам, в том числе по Сирии (Near and Middle East Records of Syria, 1918–1973), а также богатую коллекцию по ближневосточным религиозным общинам (Minorities in the Middle East: Christian minorities, 1838–1967; Muslim minorities in Arab countries, 1843–1973).

Использованные в работе официальные документы, касающиеся жизни религиозных общин Сирии и Ливана, напротив, немногочисленны и относятся в основном к католическим общинам: сиро-ливанские униаты пользуются особым вниманием как главы Католической церкви, так и специальных церковных

структур, в которых ближневосточные кардиналы-патриархи и епископы играют важную роль.

Интересные факты из истории сирийских и ливанских конфессий содержатся в уникальном франкоязычном досье *Fiches du monde arabe* (FMA), подобранном аналитиками информгентства «Аль-Машрик» в 1979–1986 гг. Эти материалы были любезно предоставлены автору востоковедом и дипломатом А.В. Вдовиным, служившим в 1970–80-х годах в Ливане и Сирии.

Историографию заявленной темы целесообразно увязать с выбранной автором методологией, а потому – начать с упоминания востоковедов, выработавших общие подходы и конкретные идеи, позволившие приблизиться к сложнейшей проблематике межконфессиональных отношений в Сирии и Ливане.

В своих подходах к социально-политической истории Сирии и Ливана автор основывался в наибольшей степени на разработках старших коллег по Институту востоковедения РАН И.М. Смилянкой и Б.Г. Сейраняна, которые делали упор на социальной стратификации (вертикальной) и религиозно-общинной сегментации (горизонтальной) восточных обществ.

Ценные идеи по вопросам исторического знания и методологии истории почерпнуты автором из работ историков-классиков Н.И. Кареева, В.Б. Луцкого, Л. Февра, Ж. Ле Гоффа и др.

Из общетеоретических работ, применимых в нашем историческом исследовании, стоит выделить также труды А.В. Коротаева, Н.Н. Крадина, Дж. Агамбена, Ж. Бернаноса, Дж. Гуди. Отдельный блок составляют статьи и книги ученых, разрабатывавших варианты депривационной теории, позволившие привнести в оценку межконфессиональных отношений как общественных явлений социологический элемент: Т.Р. Гарт, F. Crosby, Th. Pettigrew, E. Sayre, Q.T. Stewart.

О религиозном факторе в мировой политике, а также цивилизационном измерении процессов в конфессиональных сообществах пишут такие авторы,

как А.И. Яковлев, И.Д. Звягельская, Д.Б. Малышева, Г.И. Мирский, Ж. Корм, М. Эспань, J. Milbank,

О наблюдаемом в мире процессе десекуляризации и связанной с этим поворотом напряженностью в международных отношениях пишет И.В. Следзевский; проблемы постсекуляризма освещают в своих работах В.А. Кузнецов, А. Мегилл, D. Byrd.

Целый ряд работ по исламу в социально-политическом аспекте принадлежит перу В.В. Наумкина, ценные исламоведческие работы были написаны С.Х. Кямилевым и Т. Ибрагимом. Из научных трудов по мусульмано-христианским взаимоотношениям на Ближнем Востоке следует выделить работы А.В. Журавского, К.А. Панченко, J. Chamie, K. Zebiri и др.

Об эволюции социально-экономической структуры Сирии в связи с межконфессиональными отношениями и религиозно-политическом экстремизме в этой стране пишут российские востоковеды А.О. Филоник, И.А. Матвеев, а вопросам развития ливанского общества посвящены работы С.А. Воробьева, Н.А. Беренковой, А.А. Кузнецова. В настоящее время на русский язык переводится новая работа на эту тему о Ливане Х.А. Абу Зейда. Большое внимание экономической либерализации и политэкономии уделял в своих работах R. Hinnebusch, в то время как анализ общественных процессов под экономическим углом зрения оценивал весьма осведомленный эксперт G. Murray.

В партийно-институциональном ключе рассматривала сирийское общество Э.П. Пир-Будагова, что для определенного этапа истории Сирии оказалось весьма плодотворным. Сходный подход демонстрировали N. Van Dam, P. Seale, F. El Khazen, оценивая многие процессы в Сирии через партийную и политическую борьбу. Сквозь призму региональной конкуренции писал о сирийской политике С.А. Иванов.

О панисламизме и халифатизме на Ближнем и Среднем Востоке пишут В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин, И.Д. Звягельская, Р.Г. Ланда, С.А. Кирил-

лина, В.В. Орлов, А.Л. Сафронова, Д. Аль-Бизри, Ch. Lister, Gilles Kepel и многие другие.

Вопросы отношений между религиозными общинами и конфессиями в целом освещают в своих работах В.М. Ахмедов, В.Я. Белокреницкий, А.В. Демченко, Б.В. Долгов, В.В. Орлов, Н.М. Мамедова, И.В. Рыжов, Е.М. Савичева, А. Beydoun, L.-H. De Var, Th. Hanf, А.Н. Hourani, Ch. Nahas, R.G. Rabil, B. Salloukh. Широкий социальный фон межконфессиональных отношений в Ливане дает в своих книгах историк М. Дагер из Ливанского университета. Вопросы влияния племенного фактора на социально-политические процессы в Сирии освещает ученый из британского Университета Сент-Эндрюс Х. Духан.

О конкретных ближневосточных религиозных общинах пишут арабские, отечественные и западные исследователи. Серьезное исследование ливанских суннитских семей в их взаимоотношениях с представителями других конфессий опубликовал М. Johnson, а важную тему роли суннитского ислама в ливантской политике осветил Е. Mortimer. Угрозу для суннитского большинства и вообще для сдвига межконфессионального баланса в Сирии анализировал А. Хусейн. О шиитах Ливана писали очень многие авторы, среди которых М. Moosa, N. Nassif, R. Shanahan, M. Weiss. Об алавитам в распоряжении автора были работы таких историков, как В.Н. Саутов, М.Х. Бадиани ан-Нисабури, А.А. Аль-Ибрахим, Т. Ахмад, А. Аль-Харири, М. Аш-Шариф, Х. Усман, М. Kramer, Y. Friedman и др. Из работ по друзской общине следует выделить авторов: N. Abu Izzeddin, A. Bennett, K. Firro, J.P. Harik, Y. Hazran, F.I. Khuri, S.N. Makarem. О маронитах на русском языке имеется книга М.А. Родионова и А.В. Сарабьева, на европейских языках о маронитах писали такие авторы, как S. Baroudi, P. Tabar, S. Haddad, A.D. Henley. О Маронитской церкви в истории Ливана много пишет глава Маронитского ордена, аббат Б. Нааман (Университет Св. Духа в Каслике, Ливан). Православным арабам посвящены работы М. Семаан (Дэйви), а яковитам – Р. Муаввад (Джабер), ливанских профессоров, соответственно, Баламандского и Ливано-Американского университетов.

Особняком стоят книги и статьи опытных политиков, дипломатов и журналистов, которые, будучи вовлеченными во многие политические процессы в исследуемых странах, трезво оценивали ситуацию в сирийском и ливанском обществах и отражали ее в своих работах. Таковы, в частности, ливанские авторы, экс-президенты Пьер Жмайель и Камиль Шамун, известный политик Керим Пакрадуни, британский дипломат I. Lucas, журналисты И.В. Тимофеев, Т. Petran и, конечно, работавший многие годы на Ближнем востоке крупный ученый и государственный деятель Е.М. Примаков.

Перечисленные авторы научных работ внесли большой вклад в изучение обозначенной проблематики, что позволяет получить представление о степени разработанности проблемы, вынесенной в заглавие.

Автор хотел бы поблагодарить коллег-арабистов Института востоковедения РАН, где ему в свое время удалось пройти докторантуру, возглавляемую И.Х. Миняжетдиновым, и в первую очередь выразить свою благодарность сотрудникам Центра арабских и исламских исследований, особенно руководителю ЦАИИ В.А. Кузнецову, коллегам В.И. Бартеневу, Б.В. Долгову, И.А. Матвееву, Е.С. Мелкумян, Д.Е. Мишину, В.В. Орлову, Н.Г. Романовой, Б.Г. Сейраняну †, С.Н. Сереброву, И.М. Смилянкой †, К.М. Труевцеву, А.О. Филонику, А.И. Яковлеву. Неоценимую помощь в работе оказали также консультации заслуженных отечественных востоковедов, коллег по ИВ РАН, профессоров Л.Б. Алаева, Р.Г. Ланды † и Л.И. Медведко. Много в научном плане дали автору беседы с опытными дипломатами, Чрезвычайными и Полномочными послами России в странах региона А.В. Вдовиным, В.И. Колотушей †, А.Б. Подцеробом, В.В. Поповым, К.В. Шуваловым.

Автор берет на себя смелость считать своим научным наставником многолетнего директора Института востоковедения РАН, а затем Научного руководителя Института, академика В.В. Наумкина – непревзойденного знатока истории и политических коллизий Ближнего Востока. Поддержка со стороны В.В. Наумкина словом и делом – научными консультациями и помощью в организа-

ции командировок по арабским странам и международным арабистическим форумам – стала для автора неоценимой.

Особенные слова благодарности автор приносит опытнейшему российскому востоковеду – ученому и практику, на протяжении десятилетий работающему с партнерами, в том числе, в арабском мире – В.Н. Саутову. Поддержку с его стороны автор ощущает на протяжении всего периода работы над диссертацией и подготовки научных статей по теме: помимо его научных консультаций по вопросам религиозных меньшинств Ближнего Востока, это еще и возможность ездить в краткосрочные командировки в Ливан, которые обеспечивает В.Н. Саутов (при содействии советника Президента Ливана Амаля Абу Зейда). В ходе состоявшихся визитов удалось провести множество встреч с представителями ливанского духовенства и ученого мира, что очень обогатило научный багаж автора, задействованный в исследовании. Изданию своей работы по теме ближневосточных конфессий – книги «Марониты: традиции, история, политика» (2013, в соавторстве с профессором М.А. Родионовым), а также организацией ее перевода на английский язык и издания в Бейруте, автор также обязан В.Н. Саутову.

ГЛАВА I. РЕЛИГИОЗНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Изменения, которые претерпел Ближний Восток на протяжении последних семи десятилетий, затрагивают политико-экономический, военный, социально-географический и другие аспекты, и в настоящее время они в очередной раз демонстрируют свои высокие темпы. Но насколько каждый из этих аспектов связан с религиозной ситуацией? Насколько сильна внутренняя движущая сила изменения взаимоотношений между конфессиональными группами – заложенная будто бы в основе поликонфессиональных обществ их пресловутая противоречивость? Какого рода внутренние и внешние факторы, связанные так или иначе с религиозной проблематикой, ведут к изменениям социальных отношений, каковы причины активизации этих факторов?

Проблематика текущих региональных трансформаций включает в себя не только вопросы исторических границ государств Ближнего Востока и их внутренних областей, не только социальных отношений и общественного сознания – через призму взаимоотношений религиозных общин. Подвергается изменению сама постановка вопросов, касающихся религиозной ситуации. Можно констатировать, в частности, что прежняя упрощенная схема «одна община – одна повестка» и прежде не была слишком плодотворной, обнаруживая в себе дробность, затрудняющую адекватный анализ исторических фактов, а в настоящее время и вовсе перестала соответствовать положению дел.

К примеру, на общие, казалось бы, задачи многих христианских общин региона наслаивается обилие факторов – государственно-политического, национально-общинного, кланового характеров. На глазах меняется привычная соотношенность отдельных общин с внешними игроками, происходят перегруппи-

ровки конфессионально-партийных альянсов, выводящие за пределы прежней парадигмы ближневосточного политического поля.

Не приходится говорить и о единой повестке дня каждой из ближневосточных религиозных общин. Например, что касается самой многочисленной арабской общины мусульман-суннитов, то понимание первостепенных задач, стоящих перед уммой, со стороны арабов-суннитов, скажем, Ирака и Южного Йемена может кардинально различаться. А если рассматривать более широко, выходя за пределы арабского мира, то задачи, например, турецких суннитов очень трудно сравнивать с тем, как действуют сунниты из стран Северной Африки, и так же трудно – с планами их единоверцев из стран Залива.

Внешнеполитическая аффилиация шиитов в настоящее время, по мнению многих исследователей, вполне однозначна. Такое распространенное ныне заключение, однако, ничего не проясняет, поскольку сама проиранская ориентация отнюдь не отражает видение приоритетных целей для себя по-отдельности иракскими, ливанскими, саудовскими, йеменскими, бахрейнскими шиитами, которые имеют собственный набор задач, соответствующих местным проблемам и условиям, далеко не всегда коррелирующий с иранской повесткой.

Другим ярчайшим примером в отношении дробности приоритетов выступают иудейские ближневосточные общины, которые заключают в себе такой пестрый набор течений (от ультраортодоксальных до секулярных сионистских), что обобщить их задачи в целом просто не представляется возможным.

Еще один «вечный» вопрос, без обращения к которому невозможно обойтись и сейчас, это вопрос соотношения в регионе Ближнего Востока государственной власти и религии. Сложность его многократно увеличивается как с ростом множественности форм религиозного исповедания, так и появлением новых моделей государственности. Для национального государства второй трети XX века, например, было вполне справедливо следующее утверждение: «Государство, как правило, заменяет центральную роль традиционной религии “гражданской религией”. Для того, чтобы быть эффективными, гражданские

религии должны подражать традиционным религиям»¹. Светская власть и религиозная иерархия, действительно, нередко шли рука об руку, но часто использовали друг друга в своих интересах и даже вступали в непримиримый, как казалось, спор. Однако они находились примерно в одном и том же понятийном поле, пусть и используя его по-своему. На международном уровне основные участники геополитического соперничества в случае недостатка национальной и политической легитимности, «использовали религиозный инструмент друг против друга»², обвиняя, например, в религиозном экспансионизме, либо атеизме, либо неправоверии.

То, что делает подобные оценки устаревшими теперь, можно определить понятием *универсализация*. Обозначаемое этим термином направление, по которому начали развиваться и государственная власть, и религиозные институты, как представляется, включает в себя и значение универсального в смысле всеобщего, и универсума в смысле вселенной (вселенскости³). В чисто религиозном плане универсализация только набирает ход, и пока выявляется с трудом – в силу хотя бы консервативного характера самой сферы религии. Однако отмечаемые тенденции в этой, как и других областях, без сомнения, становятся наиболее основательным фундаментом будущего переформатирования⁴ Ближнего Востока.

Когда-то ограниченный политической сферой «силовой экспорт демократии» (как и прежде ограниченная социально-политической сферой программа

---

¹ Graziano, Manlio. *The Long Crisis of the Nation-State and the Rise of Religions to the Public Stage // Philosophy and Social Criticism* (Sage Publ.), 2016, Vol. 42, No. 4–5. P. 355.

² *Ibid.* P. 356.

³ См., например, тенденциозную работу Н.А. Бердяева «Вселенскость и конфессионализм» в сборнике «Христианское воссоединение» (Париж, YMCA-Press, 1933). Идеи, заложенные в этом прямо-таки гимне христианскому экуменизму, вполне могут быть экстраполированы на наблюдаемое ныне универсалистское переосмысление «общечеловеческих ценностей», «истинной демократии» и «прав и свобод личности».

⁴ Сложный и многозначный концепт, активно используемый современными политологами и востоковедами. Автор согласен с мнением коллеги-арабиста, д.и.н. В.В. Орлова, высказанным в ходе обсуждения работы: понятие пока лишено своей внутренней смысловой стабильности. Здесь термин употребляется в каузативном значении, близком по смыслу к «перекройке». Действующие силы и условия этого процесса располагаются как внутри, так и за пределами стран Ближнего Востока.

либерализация авторитарных ближневосточных режимов со стороны постиндустриальных проводников демократических свобод), вышел далеко за первоначальные рамки. Теперь прописанные «сценарии» демократизации непременно включают в себя работу с ценностной ориентацией населения, которая в условиях традиционного арабского общества не может не затрагивать религиозной стороны. Например, интервенция в Ирак еще на стадии ее планирования в 2002 г. предполагала работу с межконфессиональной обстановкой, в том числе в сторону ее принудительного политического уравнивания. Следствием такого приложения усилий западной коалиции стала радикализация в ряде областей иракских суннитов. Она включала в себя противодействие правительству со стороны племен, сопровождаемая действиями разного рода милиций (в том числе конфессиональных – шиитских, ассирийских и др.), которые мало поддавались какому-либо контролю.

Предложенные замечания относятся к сфере методологии изучения вопроса, а не актуального социально-политического и исторического анализа. Тем не менее без учета поставленных проблем методологического характера серьезно продвинуться в научном осмыслении конфессионального фактора будет нелегко.

Сдвиги в ближневосточных обществах в конфессиональном аспекте

Протекающие в разных областях изменения в регионе Ближнего Востока удерживают свой высокий темп, однако считать большинство из них необратимыми вряд ли возможно. Действительно, в ряде стран наблюдается явная децентрализация власти, что нередко сопровождается сужением ее общественно-го признания (например, в некоторых провинциях Ирака, Сирии). Налицо – набирающая силу роль негосударственных акторов, включая транснациональные организации религиозного толка (фундаменталисты или джихадисты). Пе-

риодически отмечается переход застарелых национальных и межрелигиозных конфликтов в острую фазу (палестино-израильское противостояние в районе Газы, курдская проблема в Сирии, суннито-алавитские столкновения в ливанском Триполи). В течение сирийского конфликта в стране возникали все новые рубежи внутригражданского противостояния, приводящих к глубокой внутренней расчлененности территорий. Колоссальные масштабы вынужденных миграций отмечаются в некоторых районах Ирака и Сирии, что нередко создает в лагерях беженцев в принимающих странах (Турция, Ливан, Иордания) ситуацию, близкую к гуманитарной катастрофе. Во всех этих случаях не следует недооценивать конфессиональный фактор (например, наплыв беженцев-суннитов в провинциях Турции, населенных исторически христианами-яковитами, быстро меняют религиозную карту этих областей). Тем не менее, и переоценивать фактор религии, считая его корнем всех противоречий, также не будет продуктивным¹.

Расчлененность территорий внутри государств, как, собственно, и сама фрагментация обществ проходит не по границам местных религиозно-конфессиональных общин. Пожалуй, приметой времени стало, что религиозная и национальная проблематики – традиционные для ближневосточных социумов – оказываются как бы зажатыми в тисках транснациональных проектов (условно говоря, «салафитского», «шиитского», «курдского») под религиозными или национальными лозунгами, и конечно попавшими под давление политических амбиций ведущих региональных и глобальных сил. Но какие из текущих изменений в сфере общественных отношений обнаруживают признаки необратимости?

---

¹ Показательно, что при серьезном обсуждении постконфликтного восстановления Сирии религиозно-конфессиональный фактор остается на последних позициях повестки дня, тогда как первыми пунктами идут обеспечение репатриации беженцев, политические реформы, восстановление разрушенного сельского хозяйства и отраслей промышленности, обустройство социальной инфраструктуры и т.п. См., например: Абу Зейд, Амаль. Что будет с Сирией, если ее поделят на зоны реконструкции? // *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*, 19.02.2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriya-rekonstruktsiya> (дата обращения: 28.02.2019).

Что касается такого рода изменений, то они пока представляют собой лишь тенденции стать необратимыми, находятся, так сказать, в развитии. И тревожными в этом отношении оказываются признаки трансформаций внутри самой религиозной сферы. Подвергаемые анализу региональные процессы затрагивают не только видимые торгово-экономическую и политико-административную сферы, но и религиозное сознание. В том числе, – и это одно из важнейших идущих на наших глазах изменений – продолжается размывание локальных религиозных культур под воздействием глобальных религиозно-культурных трендов. Например, католический универсализм, как и суннитский реформизм салафитского типа, все больше маргинализуют местные традиции и обрядовые особенности. Все больше подвергается сомнению целесообразность консервации разнообразных и богатейших религиозных культур Ближнего Востока. Многочисленные межцерковные диалоги, а также движение по сближению мазхабов в исламе, выискивают все новые аргументы в пользу обновления религиозных практик в сторону их взаимного сближения.

В ряде арабских стран происходят сдвиги в восприятии социальной роли религии и ее отражения в области политики¹. Имеет место острое обсуждение тесной связи религиозного самовосприятия членов общин и их политического участия, что находит отражение в развитии идей по устранению политического конфессионализма и квотирования на основе вероисповедания в ряде стран региона, особенно в Ливане. Показательной в этом отношении можно считать монографию коллектива авторов, специально посвященную ливанскому конфессионализму/сектарианизму. Подвергаемая критике, эта система политического участия и распределения власти предстает якобы в качестве «постоянно расширяющегося, целостного комплексного ансамбля, который действует на структурном, институциональном и индивидуальном уровнях и нацелен на укрепление и воспроизведение конфессиональных способов субъективации и мобили-

---

¹ См., например: Косач Г.Г. Саудовская Аравия: «религиозное государство» или «государственная религия» // *Религия и общество на Востоке*. Вып. I (2017). С. 7–50.

зации, одновременно отражая вызовы материальной подоплеке и идеологической гегемонии конфессиональной системы»¹.

Серьезные социальные проблемы, накопившиеся в странах региона, сами местные жители ставят, как правило, в зависимость от высокого уровня коррупции и кумовства, которые нередко имеют очевидную конфессионально-общинную подоснову. Ливан, Сирия, Ирак, Палестина, в определенной степени Египет и даже Иордания представляют собой многоконфессиональные общества, представители общин которых на протяжении веков истории обязательно были при верховной государственной власти. Особый уклад жизни общин, ближневосточные традиции самовосприятия и устоявшаяся система межконфессиональных отношений сводили к минимуму риск системных трудностей для хозяйственной жизни, исходящих из факта многосоставности. В таких странах, как Сирия и Ливан, система конфессионального представительства пережила и оставила позади даже период глубокого доминирования в регионе Ближнего Востока светских социалистических моделей государственного управления, слившись особым причудливым образом с демократической системой. В настоящее время политический конфессионализм начинает вступать в конфликт уже не с прежней моделью секулярной демократии в рамках национального государства, а с новой формирующейся моделью глобальных религиозно-окрашенных силовых полюсов. К ним можно отнести проекты региональные (например, теоретический конструкт «шиитского полумесяца»), трансрегиональные (например, «туранизм») и глобальные сетевые (например, запрещенная в России сеть «Братьев-мусульман»). Существуют и внерелигиозные разного рода «либеральные» проекты, которые характеризуются скорее отношением к традиционным культурам и деноминациям, нежели к социально-экономической либерализации.

---

¹ Salloukh, Bassel F. et al. The Politics of Sectarianism in Postwar Lebanon. London: Pluto Press, 2015. P. 174.

Можно выявить при этом закономерность: в некоторых странах с объективно низкой степенью общественных свобод, авторитарным правлением и высокой долей государства в экономике уровень конфессионализма (или, как иногда говорят, сектарианизма) в его негативных проявлениях был ниже – по крайней мере, был тщательно скрывается, рассматривался как социальный раздражитель и потому никогда не проявлялся в политическом дискурсе. Главное, что это явление не было принято ни обществом, ни властью в качестве легальной характеристики политической системы, а поэтому в глазах народа не выглядело причиной пронизывающих хозяйственную жизнь всего общества проблем. В то же время Ливан с его известной свободой прессы, предпринимательской инициативы и либеральной политической системой являет собой образец конфессионализма во всех областях общественной жизни, и именно это явление в глазах участников массовых протестов 2019–2020 гг. звучало как корень всех бед Ливана.

Судя по всему, консервация таких архаичных проявлений государственного устройства, как политический конфессионализм (Ливан) или политеократическая¹ монархия (Саудовская Аравия), не противоречит «сценарию» реформативному региону. По-видимому, ни конфессионализм, ни сильная теократическая составляющая в ряде стран региона не рассматривались в качестве негативных явлений, подлежащих демократической корректировке. Внешнее вмешательство не привело и к гармонизации отношений между конфессиональными общинами. Если начинать отсчет задолго до «Арабской весны», еще с планирования вторжения в Ирак в 2002 г., то с тех пор прямое или косвенное силовое воздействие извне было оказано на целый ряд государств, и наиболее явно (помимо Палестины со ее спецификой долговременного противостояния) – не на монархии, а на республики: Ирак, Сирию, Йемен в Машрике и Ливию в

---

¹ В том смысле, что властные полномочия в Королевстве уже долгое время делят две семьи – Аль Сауд и Аль аш-Шейх, подобно двум главам высшей власти – соответственно, светской и религиозной.

Северной Африке¹. При этом напряжение межконфессиональных (и межнациональных) отношений в этих странах многократно усилилось или даже стало наиболее выпуклой и очевидной проблемой.

Можно согласиться с теми исследователями, которые видят стремление привилегированных кругов внутри страны (а возможно, и зарубежных сил), напротив, поддерживать систему ближневосточного конфессионализма в качестве надежного фона для политического торга и прикрытия для монополизации целых хозяйственных отраслей. В подтверждение приведем пространную цитату о Ливане цитируемых выше авторов: «Неолиберальная, доминирующая в сфере услуг, но монополистическая по сути экономическая структура страны опутывает своих подданных из конфессиональных общин в клиентских сетях элит, все более совпадающих – конфессионально-политической и экономической. Основная функция этой политэкономии заключается в том, чтобы материально вознаградить эту элиту, облегчить захват прибыльных секторов экономики и экспортировать человеческий капитал страны, обеспечивая тем самым непрерывный поток денежных переводов для финансирования быстрорастущих потребительских расходов. В свою очередь, сектарианизм уводит в тень все виды доходов и диспропорций [финансирования] районов, одновременно позволяя элите защищать свои финансовые привилегии и избегать публичной отчетности. Результатом является политэкономия, которая воспроизводит конфессиональные способы субъективации за счет других форм аффилиации и увековечивает клиентологическую инфраструктуру конфессионально-политической элиты»². Впрочем, спорным остается, действительно ли в Ливане конфессиональная самоидентификация происходит «за счет других форм». Ярким примером обратного может служить ливанская армия, которая постепенно наращивает свою боеспособность, и в которой на самом деле работает запрет на подчер-

---

¹ Звягельская И.Д. Ближневосточный клинч: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс, 2014. С. 92.

² Salloukh B. et al. The Politics of Sectarianism... P. 174.

кивание конфессиональной идентичности, тогда как во главе угла стоит общенациональная ливанская идентичность – *ватанийя*.

Ближневосточная религиозная идентичность как субъект и объект изменений

При анализе процессов на Ближнем Востоке под углом зрения межрелигиозных отношений в фокус внимания все чаще попадает особая религиозная составляющая идентичности жителей региона. Она обладает своими ярко выраженными свойствами, причем вне зависимости от исповедания, которые заключаются, по всей видимости, в двух основных моментах:

а) особой теснейшей связи религии со всеми областями мировоззренческой сферы, вплоть до замысловатого переплетения этой составляющей с другими элементами самовосприятия – национальным, кланово-племенным, локально-культурным¹ и, в какой-то мере, профессиональным и классовым;

б) остроте самого вопроса отношения к секулярному в смысле внерелигиозного – от полного принятия (как в марксистских течениях) до полного отторжения (как, например, в радикальных мусульманских общинах или ультраортодоксальных харедимных группах в иудаизме).

Общеизвестны примеры общин, самовосприятие членов которых базируется в очень значительной степени на вероисповедании, служит главной отличительной чертой в среде сограждан. Таковы, например, друзы, алавиты, исмаилиты, алевиты, христиане-яковиты и др. Эти достаточно изолированные общины нередко претендуют и на особенность происхождения, что позволяет считать их общины в определенной степени этноконфессиональными. Любые потрясения – социальные, экономические, внешние и внутренние вооруженные

¹ Российская ученая-востоковед И.Д. Звягельская высказывается еще более категорично: «Групповая солидарность по принципу происхождения, родства или религиозной принадлежности формально становится синонимом политической солидарности». См.: Звягельская И.Д. Конфликты на Ближнем Востоке: тенденции и ироки // *Восток (Oriens)*, 2017, № 3. С. 20.

конфликты, даже миграции – часто становятся для них факторами сплочения и выявления угрозы или врага (история знает примеры, когда в этом качестве называются собственные государственные структуры, управляемые «большинством»).

Религиозная идентичность может меняться с течением времени и под воздействием обстоятельств. В определенные периоды обострение межрелигиозной проблематики в ближневосточном обществе сопровождается радикализацией общин.

Религиозно-конфессиональная идентичность, тем самым, становится серьезнейшей движущей силой социальных течений, политических механизмов, вооруженного сопротивления (вплоть до террора), а иногда и политических идеологем, охватывающих огромные массы населения региона. Далеко не всегда, конечно, это приводит в конечном итоге к видимым социальным изменениям, «переформатированию» общества или переустройству региона. Тем не менее, религиозный фактор является существенным в большинстве общественных процессов: с одной стороны, он во многом определяет мнение общины в целом и ее политическое действие, а с другой, он лежит в основе самосознания составляющих ее личностей, действующих на социальном поле (акторов).

Использование в интересах определенных кругов внутри государства, региона или из-за рубежа конфессионального фактора оказывается, увы, нередким по той же причине: он всегда находится «под рукой» и легко активизируется разного рода провокациями, которые трудно оставлять без ответа в силу самого предмета – священного. В этом отношении интересно замечание американской исследовательницы Мелани Кэмметт, которая, опираясь на многие работы своих коллег и собственные полевые исследования в Ливане и Сирии, делает вывод: «Политическая мобилизация конфессиональных, племенных, этнических, туземных и других идентичностей возникает из-за таких факторов, как сознательное манипулирование со стороны определенных политических или культурных предпринимателей или же изменение политических практик, таких как

политика непрямой власти колониальных держав, – факторов, которые делают некоторые идентичности более политически значимыми, нежели другие»¹.

В свою очередь, и это религиозно-общинное самовосприятие оказывается объектом трансформации с разных сторон. Это может быть и местный конфессиональный активизм, и привнесенные извне религиозно окрашенные мировоззрения со своей собственной программой. Впрочем, сознательное внешнее воздействие на местную религиозную ситуацию может не носить никакого негативного оттенка или инструментального замысла. В своей статье о месте религии как субъекта и объекта в многоплановых процессах постконфликтного восстановления ученые из Оксфордского университета и обсерватории Сингапура пишут: «Не просто религиозные организации (“faith-based organizations”, FBOs), а сама религия может рассматриваться как все более важный момент в понимании проектов восстановления после потрясений с сопутствующими им социальными преобразованиями. Чтобы понять эти сложные и широкомасштабные преобразования, необходимо продолжать наши изыскания за пределами оценок восстановления материальных [объектов] и институциональных механизмов, чтобы быть более широко вовлеченными в динамику изменений также и в сферах культуры и религии»². Благожелательные усилия не гарантируют, однако, от неожиданных проявлений негативных последствий такого рода внешнего вмешательства.

Так что межконфессиональные отношения не только сами отражают степень объективных изменений социумов под воздействием региональных политических процессов, текущих конфликтов (во всем спектре их фаз), а также внешнеполитических ориентиров. Воздействие на отношения между местными религиозными общинами нередко может служить промежуточной целью для

---

¹ Cammett, Melani. *Compassionate Communalism: Welfare and Sectarianism in Lebanon*. Ithaca – London: Cornell University Press, 2014. P. 11.

² Feener, R. Michael; Daly, Patrick. *Religion and Reconstruction in the Wake of Disaster // Asian Ethnology* (Nanzan University), 2016, Vol. 75, No. 1, Special Issue: Salvage and Salvation: Religion and Disaster in Asia. P. 193.

достижения, например, политического доминирования одной из сил (внутренних или внешних) или изменения в своих интересах экономических связей и путей (торговых, транспортных, транзита энергоресурсов). Претерпевшие изменения под тем или иным воздействием межконфессиональные отношения в этом случае выступают уже, в свою очередь, в качестве одной из движущих сил трансформаций.

Описанный циклический процесс, если он идет не стихийно и не под воздействием естественных внутренних механизмов, нуждается в постоянном приложении усилий – как на начальном этапе (разогрев ситуации), так и на поворотных отрезках этого деструктивного пути (от коррупционных вливаний до прямого вооружения сторон конфликта). При этом по ходу могут отмечаться и изменения в религиозной идентичности его участников, как правило, сопровождающиеся все большим отрывом от толерантных сторон собственного вероучения и акцентом на героизм. Это неизбежно ведет к усилению национально-культурной и религиозной фрагментации общества.

Факторы разбалансированности социальных отношений

Углубление разделительных линий между социальными сегментами и разгармонизация общественных связей во многом оказываются результатами определенных сдвигов в религиозной картине мира и самовосприятии членов конфессиональных общин, чему, в свою очередь, могут способствовать как внешние, так и внутренние факторы.

Иногда эти процессы идут под воздействием малозаметных, но очень важных внутренних явлений социокультурного порядка; иногда же внутриобщинные тенденции хорошо заметны, и тогда к ним пытаются свести весь сложный набор причин разогрева социальных отношений. К более заметным можно

отнести п. 3 и 4 из предложенных ниже, тогда как первые два называют более завуалированные, но и более основательные причины:

1) либерализация и обмирщение (секуляризация) религиозных институтов, сопровождающаяся повышением их политического веса и одновременно – внешним ригоризмом;

2) религиозно-культурный отзвук западного постсекуляризма¹, отставляющий в сторону оппозицию религиозное/светское и в то же время ставящий религиозную традицию в положение исторического (по сути, отжившего) феномена, якобы затрудняющего движение общества вперед;

3) обращение местных политических сил к архаичной комбинации политического и религиозного воздействия на массы как действенному средству решения своих задач;

4) неприкрытое использование религиозных лозунгов в качестве эффективного средства продвижения экстремистских (в том числе крайних интеграционистских и фундаменталистских) проектов.

Среди внерелигиозных условий, относящихся к области социальной психологии и под воздействием которых межконфессиональные отношения претерпели изменения, можно выделить такие:

- усиление ощущений социальной фрустрации, депривации и страха, порождаемых недоверием к государственной власти, которая показывает низкую эффективность в качестве гаранта общественной безопасности;

- ожидания вторжения сил, которое может привести к религиозным чисткам;

- вынужденность членов общин делать однозначный выбор между сторонами конфликта (особенно в условиях его горячей фазы) под действием либо прямых угроз, либо псевдорелигиозной риторики;

---

¹ Сюда же входит десекуляризация, идущая с «глобального Юга» и захватывающая Европу. См.: Следзевский И.В. Десекуляризация... С. 36.

- спутанность привычных для ближневосточных общин ориентиров на зарубежных покровителей, особенно в контексте военных действий разного рода международных коалиций и операций «возмездия».

Эти изменения, под воздействием которых происходят сдвиги в сфере межконфессиональных отношений, могут носить временный характер. И все равно они ведут к спорадическим эксцессам, вспышкам насилия (пусть и в качестве самообороны) и таким проявлениям тревоги, как нарушение привычных соседских связей с иноверцами, внутренняя миграция.

Результатом воздействия указанных факторов оказывается разгармонизация общественных связей и углубление разделительных линий внутри социума. Очевидно, что перечисленные условия создают чрезвычайно сложный фон для межконфессиональных отношений, и наиболее деструктивным в такой ситуации может стать императив однозначности в области исследования социальных связей и взаимодействий членов религиозных общин – в области, которая по определению является многоуровневой и многоплановой.

Политическая жизнь конфессиональных «элит» в основном не совпадает с потребностями и запросами рядовых членов их общин. Не касаясь пока усилий политиков по отстаиванию наиболее благоприятных для себя и своей общины условий, имеет смысл здесь остановиться на процессах, общих для всех членов определенной религиозной общины. Попытки представителей конфессий в верховной власти выиграть в тяжелое время дополнительные очки для себя и своих единоверцев (продвижение изменений в конфессиональном квотировании во власти и силовых структурах, в избирательном законодательстве, пропаганда остракизма в отношении определенных партий или движений), безусловно, тоже имеют значение, но не отражают полностью процессы внутри самой общины.

В этом плане вопрос о конфессиональных факторах трансформаций в регионе Ближнего Востока неожиданно выводит к вопросу о *факторах конфессиональных трансформаций*. Похоже, что как раз последние являются наиболее

существенными движущими силами изменений, хотя опосредованными и наименее очевидными. Обычно называют привычные социально-экономические и политические факторы мобилизации противоречий между общинами: глубокие различия в уровне жизни, экономические неудачи, циничный альянс религии и политики, сопровождающийся инструментальным отношением к религии. Но на уровне государств и в целом региона они, видимо, оказываются недостаточными или слишком поверхностными причинами изменений внутри арабских обществ.

Скорее всего, внешние условия входят в резонанс и стимулируют факторы конфессиональных трансформаций. Накал социальных отношений становится, тем самым, производным от глубинных внутренних процессов, протекающих в недрах конфессиональных общин, негативный эффект которых может быть многократно усилен внешним воздействием.

Выходя на более широкий – общенациональный – уровень анализа трансформаций, нужно, по-видимому, иметь в виду своеобразную систему понятий, выработанную у арабов в течение веков, которые коррелируют с европейским понятием «нация». Это *умма*, *каум*, *шааб* – слова, обозначающие определенную цивилизационную общность, но также *милля* или *ашира* – конфессиональная общность, *ватан* – отечество, *джинсийя* – национальная принадлежность. В одной из работ, посвященных постконфликтному национальному строительству в Сирии, в частности, признается: «Очевидно, для восстановления новой Сирии лучше всего подходит термин *ватанийя*. Его значение определялось в течение длительного процесса, берущего начало от интеллектуальных усилий Бутроса Бустани в XIX в. Этот термин подчеркивает национальную сирийскую идентичность, основанную на территориальной принадлежности. Термин, который противоречит ему, *таифийя*, относится к конфессиональной принадлежности и сродству по вере. <...> Новое поколение 90-х гг.

определяют свою идентичность скорее как национальную, нежели как конфессиональную или религиозную идентичность в глобализованном мире»¹.

Если быть точным, *тауфиийя* это и есть конфессионализм, тогда как *тауифа* – религиозная община – является структурным элементом «общенационального» отечества с единой территорией, государственной властью, общей арабской традицией и культурным наследием отдельно взятой страны. С таким уточнением понятие *ватанийя* как общенациональная идентичность непротиворечиво включает в себе конфессиональное многообразие и, в идеале, воплощает гармонию взаимоотношений между общинами.

Практическое значение изложенных соображений может быть показано на следующем примере. Существенный вопрос о религиозном факторе в мировой политике в наше время подчеркивается со всей яркостью феноменом «проекта Исламского государства²»: как вообще стал возможен этот разрушительный для уникальных ближневосточных обществ альянс? И одна из существенно важных для остальных стран мира составляющих этого вопроса такова: как внутри них самих вызревают элементы, готовые примыкать к религиозному движению, носящему далеко не протестный³, но открыто насильственный, экспансионистский характер?

Возможно, ответ кроется в областях социальной антропологии и социологии культуры в гораздо большей степени, чем в политологии и теориях общественной безопасности. Какие мотивы, кроме материальных трудностей, обусловленной жизненными неудачами фрустрации, а может быть и личной склонности к насилию и авантюризму, побуждают относительно благополучного человека (в том числе европейца) стать участником «религиозной» войны? В этом отношении одну из интересных, хотя, может быть, и слишком категорич-

¹ Çakmak, Cenan; Ustaoglu, Murat. Post-Conflict Syrian State and Nation Building: Economic and Political Development. Palgrave Macmillan, 2015. P. 26–27.

² Организация запрещена в РФ.

³ Lister, Charles R. *The Syrian Jihad: Al-Qaeda, the Islamic State and the Evolution of an Insurgency*. Oxford University Press, 2015. P. 176.

ных, позиций высказывает Джорджо Агамбен, рассуждая о так называемых перформативах религии и культуры. Он пишет: «Религия, магия и право <...> на самом деле тайно управляют функционированием наших обществ, притязаящих на то, чтобы быть светскими и секулярными. Я даже считаю, что можно было бы дать хорошее описание мнимо демократических обществ, в которых мы живём, простой констатацией: в рамках этих обществ онтология повеления заняла место онтологии утверждения – не в ясной форме императива, но в более коварной форме совета, приглашения, уведомления, которые даются во имя безопасности, так что повиновение приказу принимает форму сотрудничества и зачастую – форму повеления самому себе»¹.

Тем самым скрытые перформативы у Агамбена оказываются тесно связанными с неким новым социальным императивом, который будто бы довлеет над человеком современного «общества пост-постмодерна». Механизмы исполнения этих «повелений» могут быть разнообразными вплоть до противоположных, но результатом может стать причудливый и противоречивый союз радикального протеста с жадой его формализации – даже под флагом религиозного экстремистского движения-интернационала.

Ставшее особенно актуальным для Леванта вовлечение человека в «религиозную» войну позволяет предположить деформацию внутренних основ идентичности – кризис осознания принадлежности к определенной национальной культуре и даже, как полагают автора доклада фонда Эберта, началу кризиса семьи². Набирающие темп технологические, культурные, нравственные и социальные изменения в глобальном измерении, очевидно, могут постепенно входить в конфликт с имманентными духовными потребностями и традиционным мировоззрением³. Незаметные на первый взгляд изменения на социальном мик-

¹ Агамбен, Джорджо. Что такое повелевать. М.: Грюндриссе, 2013. С. 50–51.

² Jalaby, Sultan. Economic Consequences of Family Dispersion in Syria // Local Economies in Syria Divisions and Dependencies / Ed. by Salam Said. Beirut: Friedrich-Ebert-Stiftung, September 2019. P. 20.

³ Российский востоковед-арабист В.А. Кузнецов пишет в этой связи: «ИГИЛ со всеми его аватарами действительно расширяет рамки политического ислама, обращая свое послание ко всем неудовлетво-

роуровне вызывают сдвиги в самом основании традиционных обществ – сознании носителей традиций; появляющиеся разломы оказываются тем шире, чем они ближе к поверхностному, публичному уровню социума. Область межконфессиональных отношений – особенно на уровне всего ближневосточного региона – демонстрирует наиболее яркие в этом отношении проявления. И они оказываются следствиями сдвигов, происходящих на элементарном, человеческом уровне общества, основанного на традиции.

Надо полагать, что политологический или стратегический анализ на внешнем, «профанном» уровне глобальных джихадистских проектов – будь то суннитских, шиитских или иных – будет практически неплодотворен без обращения к своего рода элементарному микроуровню: самовосприятию человека в окружении своих родственников, религиозно-культурного уклада семьи, связанных с вероисповеданием взаимоотношениям в браке и воспитании детей. Отношения между религиозными общинами начинаются и регулируются, без сомнения, начиная с этого фундамента.

Следовательно, не новые идеологемы или модели отношений, не договоренности высоких религиозных авторитетов и иерархов, а традиционные основания на личном и семейном уровне будут теми источниками, из которых пойдет возрождение гармоничных межконфессиональных отношений в сложнейшем по своему составу и разнообразном по темпам развития регионе Ближнего Востока. Но это возрождение будет тем более трудным, чем дальше в сторону распада традиций на элементарном уровне уйдет общество в кризисный период¹.

ренным современным мироустройством». См.: Кузнецов В.А. После постмодерна: ближневосточное измерение одного тренда // *Восток (Oriens)*, 2017, № 3. С. 31.

¹ Ценное замечание еще на стадии обсуждения данной работы сделал коллега-востоковед И.А. Матвеев, добавив к этому отходу индивидуализацию и пересмотр ценностей, стремительно протекающие под глобализирующим влиянием доминирующей западной массовой и потребительской культуры. Он отмечает, что наиболее яркие примеры тому давали Бейрут и Амман как «крупнейшие реципиенты западной массовой культуры – вне религии и конфессий».

Вопрос о религиозном измерении многообразных процессов в этом быстро меняющемся регионе утратил ту однозначность, которую за ним признавали раньше. Якобы религиозное многообразие обществ региона (а там насчитывают до двух десятков крупных деноминаций, не считая многочисленных «харизматических» и «новых религиозных движений») представляет собой взрывной потенциал, готовый оказывать свое деструктивное воздействие на социальные и межгосударственные отношения при активизации большого числа факторов. Теперь этот вопрос требует обновленного подхода и детальной разработки – на нынешнем повороте развития международных отношений и с учетом того нового, что привнесли в сегодняшнюю повестку дня современные глобальные вызовы. Причем в число вызовов входят далеко не только проблемы экстремизма и терроризма, силовые методы продвижения ведущими державами своих интересов без учета интересов обществ-объектов, но и необратимые изменения отношений между локальными конфессиональными общинами.

Перцепция и логика конфессиональной проблематики Ближнего Востока

Наиболее нетерпеливые сторонники анализа «глобальных трендов»¹ сквозь призму всеобщей интернационализации видят принципиально новые явления не только в технологиях и социальных отношениях, но и в самих основаниях религиозных чувств и практик. В области культуры, в том числе религиозной, объявляется эра «неомодерна», вышедшая из причудливым образом соединенных постмодернизма и постсекуляризма. В своей целостности теологические основы различных религиозных общин, определяющие всестороннее их бытование, будто бы больше не являются актуальными для верующих. Они

---

¹ Или даже «проектирования глобальной ситуации». См.: Пахомов Ю.Н. Глобализация как явление и как планетарный проект // Цивилизационная структура современного мира. В 3 т. Под ред. Ю.Н. Пахомова и Ю.В. Павленко. Т.2. Макрохристианский мир в эпоху глобализации / ИМЭМО НАНУ. Киев: Наукова думка, 2007. С. 27.

якобы представляют собой «архаическое содержание» или некие осколки «смыслов», не представимые сегодня без «постмодернистской игры и иронии»¹.

На этом фоне, казалось бы, должно остаться далеко в прошлом стратегическое понимание различий в вероисповедании и национально-культурной самоидентификации жителей региона, который всегда признавался важнейшим цивилизационным средоточием. И тогда анализ социально-политического положения и общественных трансформаций стран Ближнего Востока не должен больше исходить из устоявшихся в XX веке исследовательских методов, выделявших религиозный фактор в качестве определяющего.

Однако этого не происходит, и ощущаемый разрыв между стремительным развитием событий и их историко-политической рефлексией действительно обнаруживает необходимость переосмысливать ключевые понятия, относящиеся к теории общественного развития и социологии религии, по-новому ставить вопросы соотношения традиции и прогресса, архаики и модерна. При этом трудно подвергать сомнению действенность основополагающих для ближневосточных обществ религиозно-культурных устоев в их целостности. Видимо, социально-философская деконструкция вне исторического подхода к религиозной жизни мусульманских, христианских, иудейских и иных общин Ближнего Востока не сможет дать объективную картину религиозно-конфессионального фактора в различных областях жизни ближневосточных обществ.

Тем временем, действительность продолжает ставить вопросы, актуальные и десятилетия назад, – причем в той мере, в какой она сама является результатом их нерешенности в регионе:

- 1) о принципиальной возможности справедливого конфессионального представительства в органах государственного управления;
- 2) о доле социального протеста в конфессиональных (сектарианских) амбициях;

---

¹ Кузнецов В.А. Постсекулярный век неомодерна. Ближневосточный извод // *Государство, Религия, Церковь*. № 3 (35), 2017. (С. 85–111) С. 89.

- 3) о природе радикализации под религиозными лозунгами;
- 4) о системных и субъектных факторах разогрева межконфессиональных отношений;
- 5) о сетевых околорелигиозных структурах как несистемных международно-политических факторах;
- 6) о правомерности, наконец, аналитических обобщений в региональном масштабе, касающихся религиозно-конфессиональной солидарности как основы активизма, выходящего далеко за политические рамки и вступающего в сферу политико-стратегическую и даже военную.

Правда, эти вопросы, оставаясь ключевыми, нуждаются в исследовательской парадигме, свободной от наносных и безосновательных исходных посылок. Ответы же на них должны предполагать беспристрастный взгляд на факты недавней истории региона и социальных отношений, свободный от ангажированных оценок и штампов. В свое время многие верные выводы в этом отношении были отражены не только в отечественных и зарубежных исследованиях, но и в массе доступных сейчас исторических документов. В дипломатических донесениях, закрытых докладах, аналитических записках и интервью современников анализируемых событий нередко имеют место оценки такого рода, что основные линии противостояния в ближневосточных обществах пролегли в плоскости не межконфессиональных отношений, а в экономико-политической¹. Причем для некоторых стран (Сирии, отчасти Турции) наиболее характерным было противостояние светско-государственное *versus* религиозно-экстремистское, тогда как для других сильнейшим политическим раздражителем являлась национально-политическая проблема.

Так что в нашем случае одним из исходных моментов может выступать многократно доказанный тезис об инструментальном характере религиозно-

---

¹ См., например, оценки британский дипломатов в: *Minorities in the Middle East Christian minorities, 1838–1967. Vol. 9. Maronite communities in the Levant, 1841–1958, and Coptic Christian communities in the Levant and Egypt, 1917–1967 / Cambridge Archive Edition, Near and Middle East Records of Syria, 1918–1973, 15 vols. Cambridge, 2005.*

конфессиональной проблематики в отношении политических, экономических, военных, гуманитарных и других сдвигах в самих ближневосточных обществах. Это, конечно, не означает, что Ближний Восток остается лишь ареной действий внешних игроков и не имеет внутренней логики социальных изменений, в том числе межконфессиональных отношений. Она же, в свою очередь, подвержена в последнее время следующим воздействиям:

- противоположным друг другу региональным процессам интеграции на основе единства целей, приближающихся к религиозным (транснациональное конфессиональное единство, антиссионистское «сопротивление»), и внутренней диссоциации обществ, устоявшихся в постколониальный период (совсем не обязательно по границам общин);

- миграционным процессам, определяющим необратимые изменения в «религиозной географии» региона;

- углублению социального расслоения (в том числе внутри конфессиональных общин), усилению недоверия к власти и разочарования (социальной фрустрации), что служит радикализации требований законности по традициям шариата;

- массовому демонстрационному эффекту «успехов» от применения насилия под религиозными лозунгами, что привело к экспоненциальному росту насилия в регионе вкупе с антизападными (а также антихристианскими) настроениями у некоторой части населения охваченных войной районов.

В результате описанных воздействий общественные отношения в таких районах как правило изменяются согласно логике «горячей точки»: растет взаимная неприязнь между конфессиональными общинами; накапливается жажда мести за чудовищные преступления, совершенные всеми сторонами; населением владеет страх и усталость, разрушенная инфраструктура и невозможность легального предпринимательства замещаются полукриминальными формами обеспечения, тогда как безопасность гарантируют локальные ополчения – во-

оруженные группы, действующие по своим «понятиям», окрашенным религиозной риторикой.

Вопрос справедливого конфессионального представительства в органах государственного управления, или политический конфессионализм, продолжает оставаться объектом острых споров политологов¹, хотя еще в 80–90-е годы XX в. он объявлялся многими как отживший принцип, который вот-вот уйдет в прошлое. Пусть и неформально, но достаточно стойко этот принцип обнаруживался в Сирии и Ираке, конфессиональные квоты имели место в Египте, Турции и других странах региона. Но наиболее ярким его примером служит, конечно, ливанский конфессионализм, подтягивающий конфессиональные квоты (неофициальные, хотя и существующие с 1943 г.) к изменяющемуся соотношению религиозных общин в стране.

Несмотря на звучавшую жесткую критику, сам по себе конфессионализм как принцип представительства не принадлежит непосредственно к области государственного управления, а поэтому, в отличие от пороков государственной системы, он не связан напрямую с негативными эффектами каких-либо социально-экономических и политических решений. Более того, среди арабских стран этот принцип только в Ливане декларируется открыто, и можно предположить, что он является не чем иным как элементом причудливой, характерной в арабском мире только для этой страны модели консоциальной (consociational) демократии².

Полярность мнений по ключевым политическим вопросам, присущая не только отдельным общинам (например, локальным маронитским и шиитским общинам, суннитским и друзским, и т.д.), но группам внутри этих общин

---

¹ См., например: Mattar, Mohammad F. Is Lebanese Confessionalism to Blame? // Choueiri, Youssef M. (ed.) *Breaking the Cycle: Civil Wars in Lebanon*. London: Stacy International, 2007. 323 p.; Nelson, Sally. Is Lebanon's Confessional System Sustainable? // *Journal of Politics & International Studies*, Summer 2013, Vol. 9. P. 332–387.

² Кстати, европейскими примерами этой модели исследователи называют такие государства как Швейцария и Нидерланды. См.: Haddad, Simon. Lebanon: From Consociationalism to Conciliation // *Nationalism and Ethnic Politics*, 2009, Vol. 15, No. 3. P. 411.

(например, маронитам-сторонникам Самира Джааджа и клана Шамунов)¹, не позволяет такой стране как Ливан выживать иначе, нежели достижением компромиссов (или системы компромиссов в разных сферах) между оппонентами. Отсюда – «согласительный» характер этой политической системы, вполне демократической по своей внешней форме.

«Арабская весна» и социальная турбулентность в ряде арабских стран вызвали тяжелые потрясения в регионе. Страшная война в Сирии повлекла за собой не только хозяйственные и демографические сдвиги, но и спровоцировала перетекание военных действий через сирийско-ливанскую границу. Тем не менее, эти факторы не стали для Ливана критичными. Возможно, серьезного анализа заслуживает вопрос, а не стала ли одной из главных причин устойчивости Ливана эта архаичная (в чем-то даже полуфеодальная) модель консоциональной демократии, предполагающая не один вертикальный (формальный), а множество, так сказать, лучевых властных векторов (реальных)?

Конечно, уникальная ливанская государственная модель не может отождествляться с системой конфессионального представительства как принципом, тем более что в последние десятилетия указанные предполагаемые векторы все меньше охватывают религиозные общины в целом. И все же в основе конфессионализма продолжает оставаться общность вероисповедания, хотя и с большими наслоениями политических связей и общих интересов, не имеющих отношения к этой общности. Саму конфессиональную солидарность, рассматривая ее в политической плоскости, можно, в конечном итоге, считать одной из форм групповой солидарности, обладающей специфическим набором характеристик.

В качестве определяющей политическое действие конфессиональная принадлежность выступает преимущественно в сельской местности. В этом отношении разницу между арабскими городом и деревней отмечали многие ис-

---

¹ Наиболее показательна в этом отношении бурная деятельность маронитского патриарха Бешары Бутроса ар-Раи по примирению разных маронитских партий и кланов.

следователи. Традиционно города представляли собой «центры перераспределения», которое осуществляли политические элиты. Политологи и социологи Тед Роберт Гарр и Десмонд Кинг особо выделяли этот аспект: «Такие города были также центрами религиозной деятельности, которую политическая элита использовала для легитимации своего правления, а также культурной деятельности, отвечавшей пожеланиям элит в сферах отдыха, развлечений и статуса. Города представляли собой стратифицированные и специализированные скопления людей, которые выполняли такие функции для государства и его элиты»¹.

Крупный ближневосточный город, например, сирийский, как правило, отличается более высоким уровнем толерантности и вообще иным восприятием иноверца, нежели деревня. До сих пор в деревнях сохраняется незыблемым кодекс гостеприимства, имеющий как бедуинское, так и исламское происхождение. Трехдневный период, в течение которого гость не обязан даже ничего о себе сообщать, пользуясь полным обеспечением от хозяев, отнюдь не отменяет – а возможно даже и подчеркивает – четкое противопоставление свой/чужой, где определяющим элементом у арабов из сельских районов является вероисповедание. Жители арабских городов в меньшей степени обособлены внутри своих конфессиональных общин, и если и образуют моноконфессиональные анклав (например, в Бейруте это христианские районы Ашрафие и Синн-эль-Филь с их маронитскими и православными улицами, или шиитские Шиях, Бурдж аль-Баражне и Харет Хрейк), то их социальные контакты никогда не замыкаются внутри общины и совершенно беспрепятственно включают сограждан иных вер. Различия в этом отношении, в конечном итоге, сводятся к доминированию традиционных форм внутриобщинной организации и обладающих большой социальной инерцией общественных устоев – у сельских жителей, что отличает их от горожан, у которых обе эти стороны ослаблены в пользу активной соци-

---

¹ Gurr, Ted Robert; King, Desmond S. *The State and the City*. L.: Macmillan Education, 1987. P. 28.

альной коммуникации, в которой границы конфессиональной общины становятся почти прозрачны.

Это наблюдение имеет немаловажное значение при анализе электоральных процессов в ближневосточных государствах, где конфессиональная принадлежность кандидатов нередко бывает строго определена по округам (своего рода квоты). Наибольшие протесты недостатки такой системы вызывают как раз в сельских (равнинных или горных) районах. Опять же наиболее ярким примером этого выступает ливанская система выборов в законодательный орган – однопалатный парламент, Совет депутатов. Так случилось, что последние перед запланированными на май 2018 г. выборы проходили в Ливане в 2009 г. Во многих округах тогда имелись районы, где избиратели, скажем, сунниты должны были выбирать между кандидатами-христианами и наоборот, в ряде районов христиане отдавали свои голоса за кандидатов-мусульман¹. Такая ситуация заставляла, как минимум, сомневаться в безусловности конфессиональных основ политического участия в Ливане.

Достойны упоминания сравнительно недавние попытки реформы ливанского избирательного законодательства в сторону еще большего закрепления конфессионализма. Суть предложенного первоначально от лица группы депутатов «Православного собрания» (*Лика орсодокси*) проекта состояла в упрощенном виде в том, чтобы страна представляла собой единый избирательный округ, где депутаты выбирались бы по квотам в соответствии с демографическими показателями конфессиональных общин (в Ливане их насчитывают до 17). Кстати, позднее эту идею поддержал и тогдашний лидер Свободного пат-

---

¹ «Поскольку избирательные округа включают разнообразные группы населения, человек не обязательно голосует за кандидата своей религиозной группы. Например, армянский православный, проживающий в районе Набатии, для которого предусмотрены три депутатских мандата для шиитов, может выбирать только между кандидатами-шиитами. Это делается для того, чтобы каждый депутат не просто занимался сектантскими интересами, а призывал к широкому кругу своих избирателей. Сила этой системы состоит в том, что даже наименьшее из меньшинств получает определенную степень представления, вместо того, чтобы быть включенным в общую массу, что может произойти в традиционной мажоритарной системе». См.: Nelson S. Is Lebanon's Confessional System Sustainable? P. 349.

риотического движения Мишель Аун¹. Так или иначе, компромиссный вариант избирательной реформы вернул страну к системе, в общем виде повторяющую избирательную систему 1960 г., и выборы 2018 г. должны были проходить, хотя и по обновленному закону, но все в том же духе политического конфессионализма.

Принцип этот, тем не менее, не стоит преувеличивать: на протяжении истории он выступал надежным прикрытием очень далеких от религии механизмов удержания у власти. В классическом труде Б.Г. Сейраняна содержится следующая острая критика этого якобы специфического феномена ливанской государственной власти: «Конфессионализм затушевывал социально-классовый характер правительств, состоящих из крайне узкого круга одних и тех же лиц. С 1926 по 1963 г. 333 министерских поста занимали лишь 134 лица. Целый ряд политических деятелей переходили из одного кабинета в другой. Рекорд принадлежит друзскому шейху Маджиду Арслану, занимавшему министерские посты в 26 правительствах. <...> Пост премьер-министра занимали немногочисленные лидеры суннитской общины. Некоторые из них не раз возглавляли кабинет: например, Рашид Караме – 10 раз, Абдаллах Яфи – 8 раз, Риад Сольх, Саиб Салам и Сами Сольх – по 7 раз»².

Под большим влиянием проблем, связанных с конфессиональной структурой общества, проходят политические процессы и в Ираке, подвергшемся многолетней силовой «демократизации». Все основные политические силы в стране, как правило, четко соотнесены с одной из конфессий или национальностей Ирака. Парламентские выборы, прошедшие 30 апреля 2014 г., показали, впрочем, довольно сложную структуру иракской политической арены, представляющую собой комбинацию из прошиитских организаций, ориентирующихся на Иран, шиитских проарабских групп, держащихся националистиче-

---

¹ См. подробнее: Сарабьев А.В. Политическое участие христиан Ливана: амбиции, возможности и реалии // *Восток (Oriens)*, № 4, 2016. С. 135.

² Сейранян Б.Г. Эволюция социальной структуры стран Арабского Востока. Земельная аристократия в XIX в. – 60-е годы XX в. Изд. 2-е, испр. М.: ИВ РАН, 2018. С. 326–327.

ской стратегии, а также курдских партий (всего в выборах участвовали представители 107 партий).

Хотя знатоки иракской политики четко подразделяют основные партии и организации на шиитские и суннитские, однозначного деления по этой линии все же нет. В пользу такого заключения говорят многие факты: например, получивший 92 места в иракском Совете депутатов из 328 блок Нури аль-Малики «Государство закона» включал в себя, помимо шиитских (и в первую очередь, возглавляемой аль-Малики «Ад-Дава»), также суннитские и курдские партии. Его оппоненты из числа садристов (их «Армия Махди» претерпела в 2008 г. сложный ребрендинг, и одной из основных сил садристов стала «Лива аль-яум аль-мав'уд», или «Бригада дня обетованного»)¹ после муниципальных выборов 2013 и накануне парламентских выборов 2014 г. активно блокировались с суннитскими группами, в частности с организацией «Муттахидун», или «Альянс объединителей за реформы» (*Иттиляф аль-муттахидин ли-ль-ислах*), члены которой в большинстве своем составляли правительство мухафазы (провинции) Диалы. Садристы даже поставили своего представителя во главе Совета мухафазы, чем вызвали сильное недовольство других шиитских группировок. По свидетельству вашингтонского аналитика Ахмеда Али, «Надконфессиональная политическая агитация дала М. Садру преимущество – выглядеть в глазах населения Диалы лучшей альтернативой перед своим конкурентом, организацией “Асаиб ахль аль-хакк”, придерживавшейся более узкоконфессиональных взглядов по отношению к иракцам-суннитам»². Так что, по всей видимости, конфессиональная аффилиация политических сил Ирака могла рассматриваться на тот момент как далеко не определяющая, а может быть даже фасадная, особенно в сравнении с такими составляющими их самоопределения, как внешнеполитическая и финансовая опора.

---

¹ Spyer, Jonathan. Tehran's Servants: Iraq's Shia Militias Emerge as the Key Armed Force Facing IS in Iraq // Policy Paper (Centre for the New Middle East, The Henry Jackson Society), Oct. 2015, No. 6. P. 8.

² Ali, Ahmed. Iraq's 2014 National Elections // *Middle East Security Report* (Institute for the Study of War, Washington) 20 April, 2014. P. 28.

Если политическое поле Ирака однажды стабилизируется, то наиболее вероятным вариантом системы политического представительства может стать некий договорной принцип – национальные и религиозные квоты или даже распределение власти по ливанскому образцу. Еще в 2006 г. знаток «традиционных обществ», неординарный мыслитель Джек Гуди размышлял: «Станет ли демократия средством решения проблем, например, современного Ирака? Возможно, народ этой страны, населенной чрезвычайно жестко разделенными по религиозным и этническим признакам общинами, предпочтет “распределение полномочий”, как недавно произошло в Северной Ирландии, в результате чего не будет отмечаться постоянного преобладания какой-то одной группы (шиитов или протестантов), то есть окажется приемлемее совершенно другой институт – “разделенная демократия”»¹.

Интересно, что «разделение общин по этническим признакам» может, по авторитетному мнению отечественной ученой М.А. Сапроновой, (в приложении к обществам Магриба) быть фактором, смягчающим дискурс исламистской оппозиции: «этническая неоднородность населения ... вынуждает оппозиционные партии, прежде всего исламские, использовать умеренную риторику»². Тем самым, в этническая неоднородность, свойственная как магрибинским религиозным общинам, так и левантийским (мусульманским – арабы, курды, туркоманы, «черкесы» и др., и христианским – арабы, армяне, ассирийцы и др.), способна быть фактором демократического развития политической системы, наиболее вероятно – по консоциональной модели. По крайней мере, в Магрибе это стало одним из факторов, «обеспечивающих внутривнутриполитическую стабильность и гарантирующих (как показал политический процесс последних десятилетий) невозможность скатывания в исламистскую угрозу»³.

---

¹ Гуди, Джек. Похищение истории / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2015. С. 342–343.

² Сапронова М.А. Протестные выступления 2011 г. в странах Магриба: причины, особенности, последствия // Социальный протест на современном Востоке. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 65.

³ Там же.

В отношении Сирии трудно прогнозировать изменения в избирательном законодательстве, можно лишь проследить его историческую эволюцию. Звучащие со всех сторон требования «инклюзивности» будущей государственной системы предполагают, впрочем, вхождение в состав всех ветвей власти представителей разных конфессиональных групп (или, скорее, этноконфессиональных, если иметь в виду армян, друзов, езидов и др.), то есть, предполагают всё ту же систему конфессионального представительства или, по крайней мере, «распределение власти» (power-sharing). Примечательно, что еще на рубеже веков, то есть в период сильных авторитарных светских режимов в Сирии и Ираке, звучало такое мнение одной из западных политологов, Бренды Сивер: «Система власти большинства не сможет заменить существующее соглашение о разделении власти, она только усугубит напряженность и вероятность общественных беспорядков»¹.

Что может быть предложено Ближнему Востоку взамен явно несовременного принципа политического конфессионализма, продолжает являться предметом обсуждения и политологов, и деятелей «реальной политики». На одной чаше весов лежит, как правило, представление об архаичности религиозного элемента гражданственности, личный характер веры, а потому нерелевантность для идеальной политической системы вероисповедания гражданина. На другой же чаше – реальная общность единоверцев в масштабах страны и даже региона, которая выступает в нашем случае в качестве одного из основных типов групповой солидарности, демонстрирующей свой трансграничный характер. Противоречивость этих противовесов, возможно, будет продолжать определять своеобразие социального баланса некоторых ближневосточных обществ (ливанского, иракского, сирийского, отчасти турецкого и египетского), сообщая ему свойства, которые едва ли могут быть когда-нибудь поняты за пределами региона.

---

¹ Seaver, Brenda. The Regional Sources of Power-Sharing Failure: The Case of Lebanon // *Political Science Quarterly*, 2000, Vol. 115, No. 2. P. 247.

К описанному парадоксу, пожалуй, можно было бы отнести предположение Юргена Хабермаса, которое он выдвигал некогда в качестве своей рабочей гипотезы: «Государство, обладающее демократической конституцией <...> зависит от автохтонных мировоззренческих или религиозных, во всяком случае, коллективно обязывающих этических традиций»¹. Если компромисс и договоренность, а не власть большинства, относить к области этики общественных отношений в компактных, но многосоставных социумах Ближнего Востока, то мы и получаем тот причудливый (а в глазах многих – уродливый) извод демократии, густо замешанный на конфессионализме.

Протесты в «религиозных» облициях

Протест в его острых проявлениях вообще редко бывает рационален – уже в той степени, в какой нерациональность прослеживается в действиях масс². Обладая как набором причин, так и определенным поводом для обострения, все же протест не осознается всеми участниками выступления одинаково. Объяснение и целеполагание протеста, как правило, накладываются уже на подготовленную почву – например, на акцентированное противостояние религиозного понимания социальной справедливости и поведения тем вызовам, которые несут с собой какие-либо чуждые веяния. В арабских странах с их обостренным вниманием к местным традициям (которые давно, но не вполне корректно, принято называть мусульманскими) особенно легко в религиозные

---

¹ Хабермас, Юрген. Между натурализмом и религией: Философские статьи / Пер. с нем. М.: Весь мир, 2011. С. 97.

² Все же не в той степени, в какой это предполагал В.В. Налимов: «Социальное поведение людей, несмотря на рационализм нашего мышления, носит скорее *иррациональный* характер: идеи, регулирующие поведение, распространяются эпидемически; представление о цели не поддается рациональному обоснованию; прогноз в большой шкале времени если и возможен, то только негативный; движение вперед – это, скорее всего, блуждание по многоэкстремальной поверхности. И именно этот иррационализм, может быть, и делает жизнь интересной и содержательной». Налимов В.В. Облик науки. СПб. М.: Центр гуманитарных инициатив, МБА, 2010. С. 307.

формы облекаются социальные протесты, вызванные глубоким расслоением общества и высоким уровнем коррупции власти.

В отношении социального недовольства выделяют по возрастающей разочарование, раздражение и фрустрацию, которые в основании своем тесно связаны с социальными опасениями и страхами. Следующие степени обострения бывают связаны с сознательным направлением народного недовольства. Тогда в качестве сил, канализующих протесты, как правило, выступают мусульманские радикальные организации. Отход на периферию национальной и светской антиколониальной аргументации, особенно популярной в 50–60-е годы XX в., дает широкий простор для активности идеологов суннитских и шиитских экстремистских движений, провозглашающих, соответственно, принципы шариата или «вилайят аль-факих» (верховная власть религиозного правоведа) самыми прочными гарантами справедливого общественного устройства.

Немусульманские общины в этих условиях неизбежно попадают под подозрение в сочувствии чуждым для мусульманского большинства веяниям, хищническим устремлениям извне и даже компрадорству. Следовательно, ближневосточные религиозные меньшинства, особенно те, которые исторически оказались не встроенными в государственные властные структуры, первыми становились под удар с разных сторон в моменты острых фаз конфликтов (будь то в Палестине, Ираке или Сирии).

Кстати, в том числе и в этом прослеживается характерное для так называемых традиционных обществ Ближнего Востока разграничение по линии «свой/чужой»: своими оказывались те, кто поддерживал или хотя бы сочувствовал ценностям, сформулированным мейнстримом направленного протеста, тогда как чужими – все остальные, в том числе (парадоксальным образом) земляки и сограждане, не разделяющие идей доминантной группы.

Примеры тому есть самые разные. Столетие назад в борьбе против османнизма и колониализма в одном стане оказывались арабы-мусульмане, православные арабы, яковиты и армяне. В начале 60-х годов в Сирии постколониаль-

ным тенденциям в регионе противостояли сунниты, алавиты и друзы с их яркими представителями в военном и гражданском властных кругах. Реализовавшийся в Иране неслыханный по меркам новейшей истории проект фактической шиитской теократии продолжал углублять свой разрыв с миром, который объявлялся миром зла, богоотступничества, социальной несправедливости и лежащим за пределами «мира ислама» (*дар аль-ислам*). В последние два десятилетия XX в. первенство в борьбе за социальную справедливость и самобытность все активнее пытались оспаривать радикальные суннитские движения, в том числе джихадистского толка, доходившие в своих методах до открытого террора. Наконец, с 2011 г. во весь рост поднялся в регионе суннитский джихадизм и такфиризм, которые ставили людей перед выбором либо согласия с предложенной, единственной верной точкой зрения и ее полной поддержки, либо печальной участи уже не только иноверцев, но даже своих единоверцев и земляков – мусульман-суннитов, не согласных с носителями этих идей.

Перечисленные примеры не позволяют соотнести разделение «свой/чужой» с определенными религиями и даже конфессиями. По крайней мере, на протяжении минувшего века религиозная проблематика сама оказывалась слишком многофакторной, чтобы религиозная принадлежность могла считаться одним из самостоятельных показателей «конфликтности» общества. Скорее она относится к проблеме выбора вообще (в экзистенциальном и этическом аспектах одновременно), которая усиливается до предела в периоды сильной поляризации даже внутри локальных сообществ, когда действительно приходится выбирать сторону конфликта и когда этот выбор становится вопросом жизни и смерти.

Безусловно, среди жителей Ближнего Востока существуют различия в цивилизационной самоидентификации, которая иногда может выступать отчетливым разделителем внутри общества. Такое (зачастую сильно преувеличенное) различие – если только не противопоставление – хорошо иллюстрировалось мнением ветерана ливанской политики, стоявшего когда-то у истоков партии

«Катаиб», депутата и бывшего министра, армяно-католика Жозефа Шадера (1907–1977). Речь шла о знаменитом Национальном пакте 1943 г. – пресловутом фундаменте ливанского политического конфессионализма – «джентльменском соглашении, которое одни намерены сохранить, другие пытаются изменить, а третьи хотят заменить исключительно светскими институтами»¹, и ливанский политик признавал, что это был не какой-то религиозный договор, а «соглашение между двумя группами людей, каждая из которых имеет свое мировоззрение и свои чаяния. В целом, – заключал Ж. Шадер, – мы являемся неотъемлемой частью христианской и западной цивилизации, в то время как наши сограждане-мусульмане обращены лицом к пустыне и арабскому миру. Для того чтобы Национальный пакт потерял свой смысл, нужно, чтобы христиане постепенно становились арабами, а мусульмане – ливанцами»². Если не принимать во внимание искусственное (где-то даже высокомерное) отождествление ливанских христиан с западной цивилизацией, в целом подход верен, поскольку в центре проблемы ставит различия в культурно-цивилизационной самоидентификации, а вовсе не в религии.

Тем самым, разделение по линии «свой/чужой», совпадает с границами конфессиональных сообществ лишь в той степени, в какой они сами совпадают с очертаниями традиционных общин – по культурно-цивилизационной соотнесенности, самоопределению. Но религиозные традиции являются наиболее выпуклыми и отчетливыми, а поэтому самыми удобными характеристиками, упрощающими схемы расположения региональных «центров сил», оказываются религиозные тона и краски.

Среди религиозно окрашенных протестов в регионе Ближнего Востока можно выделить две отчетливые разнонаправленные линии: протесты против,

---

¹ Rouleau, Eric. Réforme ou révolution? // *Le Monde*, 25.09.1975. URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/1975/09/25/v-reforme-ou-revolution_2591811_1819218.html.

² Rouleau, Eric. Crisis in Lebanon // *Journal of Palestine Studies*, Vol. 5, No. 1-2, Autumn 1975 – Winter 1976. P. 242.

условно говоря, глобализма (читай, агрессивной бездуховности) и, наоборот, против воинствующего фундаментализма (иными словами, фанатизма).

Первые можно охарактеризовать как глухое недовольство или открытые выступления консервативных кругов против попыток доминирования извне – с помощью информационных, экономико-финансовых и силовых воздействий – со стороны чуждых цивилизаций. В качестве проявлений таких протестов можно считать как обобщенный антиглобализм, так и его разновидности, например, антиамериканизм, вплоть до борьбы с новыми «крестоносцами», «христианскими сионистами» и т. п.).

Подобную мысль высказывал в одной из своих рецензий Т. Гарр, когда писал о составляющих исламистской повестки: «Иностранная оккупация с религиозной и культурной чуждостью ее власти является самым важным, но не единственным фактором. Понятно, что идеологическое содержание консервативного ислама, салафистского или иного, предполагает жесткие действия против “неверных” в защиту воображаемого глобального исламского сообщества. Эта идентичность подкладывает логическое обоснование для смертников, она гарантирует поддержку членам их семей и общин, а также прославление их мученичества»¹.

Частью стратегии вооруженных исламистов является, безусловно, сопротивление (*аль-мукавама*) сионистской и западной экспансии, которая для них окрашена в религиозно-цивилизационные тона. Тот же автор продолжал, называя атаки террористов-смертников частью «репертуара политического действия для повстанцев, сопротивляющихся угнетению со стороны “крестоносцев” и их наследников, причем, действенность такой [предполагающей жесткость] стратегии способствует ее распространению»². Столь сложное переплетение соци-

¹ Gurr, Ted Robert (Review). “Cutting the Fuse: The Explosion of Global Suicide Terrorism and How to Stop It” by Robert A. Pape, James K. Feldman; “The Routledge Handbook of Terrorism Research” by Alex P. Schmid; “Deterring Terrorism: Theory and Practice” by Andreas Wenger, Alex Wilner // *Perspectives on Politics*, Vol. 11, No. 3 (September 2013). P. 1000.

² Ibid.

альных причин и религиозной аргументации исламистской версии антиглобалистского протеста свойственно Ближнему Востоку в высокой степени.

Второй тип протестов с религиозным подтекстом – это, напротив, проявления недовольства против линии определенных сил не столько даже консервации сложившихся порядков и социальных отношений, сколько против попыток навязать «улучшенные» в религиозном плане порядки, которые соответствуют якобы исторически присущим обществу устоям и, главное, неким идеальным религиозным нормам. Отсюда в качестве реакции вытекают вполне объяснимые требования (например, со стороны молодежных кругов) гарантировать социальные свободы (нередко в гипертрофированном представлении о них) и не препятствовать доступу к мировым коммуникативно-информационным ресурсам без исключения.

Как первый, так и второй такого рода общие типы протеста, невзирая на видимую религиозную окраску, лишь косвенно связаны с религиозно-конфессиональной проблематикой, и к тому же зачастую в явно инструментальном ключе. Ведь и глобализм (с его антитрадиционизмом), и экстремизм (фундаменталистского толка), являются обычно крайними проявлениями активизма в обществах, тогда как основная масса верующих в них (например, религиозные американцы или, с другой стороны, арабы-сунниты), не допускает возможности таких крайностей, если вообще задумывается о них.

Важнейшую и внутренне разрозненную группу протестных явлений составляют социальные протесты против накапливающихся социально-экономических проблем, а также неравномерного доступа к ресурсам политического участия. Недовольство выливается в протесты против властей и приобретает конфессиональную окраску в прямой зависимости от степени конфессионализма в том или ином обществе Ближнего Востока. Нередко такого рода протестные выступления становятся политическими орудиями в руках определенных сил: в частности, их пытаются «оседлать» движения религиозного толка или партии, аффилированные с определенной конфессией (например, шиит-

ские, салафитские, маронитские, коптские и др.). Так, практически отсутствие общественной безопасности, наряду с коррупцией и кумовством в Секторе Газа являются по сути самостоятельными проблемами, требующими своего решения, однако в риторике идеологов Хамас они связаны исключительно с блокадой района израильянами, и при этом в основе жестких действий этого панисламистского движения на поверхности лежит религиозная подоплека, тогда как традиционные формы социального контроля типа клановых дружин попросту отменяются¹.

Протесты другого рода, которые напрямую относятся к проблематике межконфессиональных отношений, – против чрезмерных действий одной из религиозных общин – довольно редки. Они носят, как правило, локальный и импульсивный характер. Такого рода «конфессиональные» протесты возникают в селах или пригородах с неоднородным в религиозном плане населением, где по соседству проживают представители иной религиозной общины. Примерами подобных противоречий могут быть споры из-за джихадистской или проиранской агитации, попыток ограничить свободу вероисповедания или проповедь, а также споры по очень конкретным делам, касающимся правил общежития в городских кварталах (например, по вопросу допустимости колокольного звона или того или иного типа азана).

Обострению и разрастанию протестов способствуют деструктивные региональные процессы, особенно затяжные внутренние конфликты в разных их фазах, а также интервенция в разных ее обличиях. В этих случаях различные мнения населения по отношению к внешним воздействиям и действующим силам нередко приобретают религиозную окраску. Ее интенсивность может зависеть, в том числе, от стереотипов исторически сложившейся опоры местной общины на те или иные внешние силы. По такой схеме запускается радикализация религиозно-политических установок, а иногда и зарождается конфессио-

---

¹ Демченко А.В. Клань в политической жизни сектора Газа // *Религия и общество на Востоке*. Вып. II (2018). С. 37.

нальный «эксклюзивизм» – претензия на исключительность, особое положение общины в политическом поле.

Связанный с религией радикализм начинал проявляться в регионе в общем русле реформизма. Это явление в широком смысле протекает на Ближнем Востоке почти непрерывно, но в XX в. имело свои узловые моменты. Важной вехой в этом отношении после возникновения ваххабитского движения в арабском мире можно считать движение ихванов, которые составили основную оппозицию ваххабитской династии Аль Саудов в первые десятилетия XX в. После их разгрома в 1930 г. на переднем плане религиозно-политической оппозиции уже в масштабе всего региона постепенно оказываются «Братья-мусульмане» (БМ). Последующие движения и организации исламистов-суннитов представляют собой широкую дифференциацию салафизма – от включающих в себя националистическую компоненту до универсалистских, стремящихся к жесткому нивелированию всех религиозно-культурных различий.

Шиитский ислам демонстрировал не менее острую борьбу между различными течениями – от так называемых квиетистов до радикалов, ставивших политическое участие религиозных общин и их лидеров (*аятолл, марджаа ат-таклид*) на первый план своей программы¹. Реформизм внутри шиизма также был сопряжен с политическими амбициями духовенства. По сей день разные движения, исходящие из шиитской среды – как охранительного, так и объединительного (к примеру, движение по сближению мазхабов) направления, – так или иначе затрагивают основы мусульманской социальной доктрины.

Не следует упускать из виду и христианский активизм, наиболее известными примерами которого были ливанские и пансирийские организации и их ячейки – с собственными хорошо структурированными и вооруженными ополчениями. В центре внимания их идеологов были основы сосуществования с другими религиозными общинами – социальные отношения и политическое

---

¹ Раванди-Фадаи Л.М., Филин Н.А. Прошлое и настоящее религиозного наставничества в шиитском исламе. М., 2017. 240 с.

участие (например, принцип политического конфессионализма). Собственное видение принципов социальной структуры многосоставного общества они отстаивали, в том числе, с оружием в руках, а их «протесты» против социальной несправедливости в их понимании нередко сопровождались настоящими боевыми действиями партийных вооруженных дружин (в частности, против столь же хорошо организованных партийных формирований друзов).

Ближний Восток породил также примеры иудейского радикализма, который так горячо обсуждается сейчас в израильском обществе¹. На протяжении XX в. проявляли себя не только сионистские боевые организации, но и еврейские религиозные так называемые «харедимные» политические партии, а также неформализованные иудейские народные дружины ультраортодоксов). Недовольство второго из перечисленных выше типов (против фундаментализма) зреет внутри относительно светской части израильского общества. Это еще не протестная волна, однако внутренний раскол между радикалами и даже традиционалистами «датим», с одной стороны, и светскими «хилоним», с другой, неуклонно нарастает.

Большинство из организаций и движений, относящихся к разным религиям, представляли собой часть легального политического поля отдельных стран или даже действовали в масштабах субрегионов. Они возникали в условиях, как правило, сильной центральной власти, и в качестве оснований своей политической деятельности (или даже боевых акций) видели ряд объективных обстоятельств, требующих от них сопротивления или противопоставления существовавшим режимам собственной программы, своего видения пути для общества.

Религиозно-политический реформизм последних десятилетий был так или иначе связан с социальным протестом. Целью поиска и интеллектуалов, и обездоленных низов, является, похоже, стабильность общественного развития, надежные основания которой видятся многим в консервативных религиозных

---

¹ См.: Стюарт, Филип Д. Миротворчество в Израиле: на пути к открытому обществу в условиях устойчивой демократии // *Религия и общество на Востоке*. Вып. IV (2020). С. 162–183.

нормах. Как пишет в своей работе Д.Б. Малышева, «политизация религии <...> отнюдь не свидетельствует о том, что население становится религиознее, чем раньше. <...> В иррациональном преломлении религия нередко воспринимается как <...> фактор, с помощью которого может быть якобы обретена социальная стабильность. <...> Поэтому рост влияния религиозной идеологии наблюдается не только среди угнетенных и обездоленных, но и среди представителей средних слоев, молодежи, интеллигенции»¹.

Другая российская ученая-востоковед А.И. Ионова рассматривала в протестном ключе и активизм мусульманского духовенства: «Настроения недовольства существующим положением и стремление исправить его, активно вмешавшись в политическую борьбу, разделяла часть духовно-богословского сословия, прежде всего те лица, которые не слились ни с госаппаратом, ни с буржуазно-помещичьими верхами и подвизались в сфере традиционно-религиозного наставничества, культа и т. п.»²

Можно вполне согласиться, что всплески политического участия духовенства нередко имели под собой протестное основание – в соответствии с волнами социального недовольства. Однако наряду с этим обнаруживались и вполне земные мотивы их попыток закрепиться в политическом поле – стремление к политической власти и отчасти расширение доступа к материальным благам. И это замечание относится уже не только к мусульманскому духовенству. Впрочем, успех был разного рода: если возникшее в Ливане весной 2001 г. политическое маронитское объединение во главе с патриархом смогло надолго закрепить его влияние на ливанскую политику, то в Ираке шиитские духовные лидеры решали судьбы целых провинций и мощных ополчений. В любом случае, политические выгоды просматривались в качестве результата одобре-

¹ Малышева Д.Б. Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских стран (70–80-е годы) / Отв. ред. Г.И. Мирский. М.: Наука, 1986. С. 4–5.

² Ионова А.И. Традиционализм: значение и тенденции преломления в мусульманском реформаторстве и национализме // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока: (Сборник статей) / ИВ АН СССР. М.: Наука, 1986. С. 55.

ния духовенством социальных протестов – и даже такого пугающего масштаба, как в ливанских выступлениях с октября 2019 г., в поддержку которых почти сразу поспешила выступить маронитская иерархия.

Продолжая мысль о приобретениях для духовенства от подобных в общем-то парадоксальных шагов, А.И. Ионова пишет: «Вместе с тем “прорыв в политику” имел неоднозначные для отдельных клерикальных группировок последствия. Для одних это был акт слияния с общим потоком протеста против социального бесправия, диктата капитала (иностранного и местного), произвола бюрократии, против “вестернизации” и попрания национальной культуры, для других – участие в политической борьбе под традиционалистскими лозунгами оставались тем средством обеспечения поддержки консервативно-религиозных слоев, которые давало возможность войти в правящую элиту, преодолев такие препятствия, как недостаточность материального обеспечения, отсутствие должного образования и общественного статуса»¹. Достигнутые в результате такого активизма «политические лифты» приводили, в свою очередь, к необходимости пересмотра догматических подходов к политическому участию.

Несмотря на внешнюю парадоксальность, радикальный реформизм в протестном аспекте хорошо согласуется со своим будто бы антиподом – фундаментализмом. Автор острой и неоднозначной работы «Ислам в постсекулярном обществе» Дастин Бёрд предполагает, что фундаментализм в своем изначальном значении (возврата к религиозным основаниям бытия человека в обществе) стал концентрацией побуждающих мотивов для тех, кого собирательно называют религиозными экстремистами: «Мотивация тех, кто хочет спасти ислам как от постсекулярной модерности, так и от насильственной реакции на такую модерность – это фундаментализм. Желания восполнить ущерб от колониализма, империализма, неоконсервативной войны и экономической эксплуатации, которые велись на благо западных держав, должны быть разделяемы прогрес-

---

¹ Там же. С. 55–56.

сивными и гуманистическими мусульманами, но действия, порожденные этой мотивацией, должны оставаться верными гуманистическому ядру самой исламской традиции. Она не может вернуться вместе с *джахилией*, что пытаются проделать ИГИЛ и другие группы»¹.

Наконец, нередко бывает так, что для идеологов протестных движений религиозный пафос выполняет роль лишь удобной внешней оболочки для выхода на новые «целевые группы». Тогда некоторые религиозные представления об идеальных общественных отношениях или даже вырванные из религиозного контекста фрагменты Писаний, превратившись в «нарратив», становятся, если это нужно, лозунгами самых разных экстремистских движений – от ультраправых до леворадикальных. Со всей яркостью эта идея выражена в художественном предчувствии Луиса Бунюэля в его фильме «Этот смутный объект желания» (1977). Сквозь весь фильм как бы фоном идет линия нарастания в обществе экстремизма и терроризма. В завершающей части – перед самой кульминацией в Пассаже – за кадром фоном звучат слова диктора радио: «Многие международные левые экстремистские группировки, в большинстве своем широко известные, <...> неожиданно объединились, чтобы осуществить серию покушений под эгидой ГРАМИ – “Группы революционной армии младенца Иисуса”. Эти ничем не оправданные покушения имеют целью вызвать смятение в нашем обществе. Некоторые правые экстремистские группировки, <...> кажется, собираются принять вызов крайне левых и, в свою очередь, перейти к действиям, направленным на дестабилизацию общества»². Кстати, в фильме в качестве одной из жертв радикалов, упоминался некий католический кардинал. То есть, под знаменем «младенца Иисуса» в этой истории решили действовать

¹ Byrd, Dustin J. Post-Secularity and Its Discontents: The Barbaric Revolt against Barbarism // Islam in a Post-Secular Society. Religion, Secularity and the Antagonism of Recalcitrant Faith / Dustin J. Byrd. L.: Brill, 2017. P. 224.

² Автор предисловия к сборнику работ Жоржа Бернаноса, Пьер Жиль, писал: «Схема действия драматически перевернута, и само зло превращается в субъект желания». См.: Бернанос, Жорж. Революция и свобода (Лекция в Сорбонне, 7.02.1947) // Свобода... для чего? / под ред. и с предисл. П. Жилия; пер. с франц. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2014. С. 16.

светские экстремисты разных толков, избрав одной из первых жертв высокопоставленного клирика. (Что это, воинственный религиозный реформизм во имя политики?) При такой подаче трудно не усмотреть в описанном режиссером «гражданском противостоянии» религиозную оболочку, которую примеряли на себя и правые, и левые экстремисты. Зритель увлечен изгибами псевдорелигиозного дискурса радикальных групп далеко в сторону – туда, где при желании можно отыскать все, что относится к «религиозному конфликту», кроме, пожалуй, его реального основания.

Очень похоже, что подобное использование потенциала религиозного призыва имело и продолжает иметь место в ближневосточных коллизиях. Ирак, который пытаются представить полем битвы шиитов с суннитами, Сирия, где якобы алавитская верхушка вызывает праведный гнев суннитского большинства и где свою карту разыгрывают иностранцы-шииты, наконец, джихадисты-халифатисты, игравшие на религиозном долге как средстве рекрутирования «солдат удачи» по всему миру¹, – представляют собой примеры как управляемого, так и неосознанного переноса реальных социальных проблем в сферу религиозного, имеющую совсем другую парадигму социального действия и предоставляющую другой, несравненно более богатый инструментарий для манипулирования.

Системный и субъектный аспекты религиозного активизма

Политическое участие, черпающее вдохновение в религии, вообще представляет собой явление, по меньшей мере, неоднозначное и непредсказуемое, а чаще всего уродливое и угрожающее – как политической системе, так и самой религии. Впрочем, оттенки отношения к явлению религиозного активизма (ре-

---

¹ См.: Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Халифатизм в панисламском идейном наследии: трансрегиональное измерение // *Восток (Oriens)*, 2020, № 2. С. 85–95.

лигиозно обусловленного и нередко гипертрофированного политического участия) могут зависеть от того или иного угла зрения. Оставляя в стороне описанный выше феномен конфессионализма, следует выделить два основных аспекта политического участия на Ближнем Востоке, базирующегося сугубо на религиозной идентичности.

Первый угол зрения предполагает, что точкой отсчета при анализе ближневосточного религиозного активизма становится конкретная политическая система, в то время как отдельная действующая сила – будь то политическая партия с преобладающей конфессиональной аффилиацией, религиозная организация или отдельная персона – рассматриваются как часть этой системы. При этом политическое действие (от участия в выборах до силового отстаивания своих требований, включая вооруженную борьбу) бывает обусловлено политической ситуацией и социально-экономическим контекстом. Такой аспект правильно будет называть системным, то есть зависимым от свойств политических систем и их региональных взаимосвязей, а также состояния и заданного направления общественного развития с оказываемыми на него внутренними и внешними воздействиями.

Анализируя ситуацию под вторым углом зрения, исследователь исходит из свойств действующего лица или политической силы, опять же обусловленных религиозными побудительными мотивами. Условно этот аспект может быть обозначен как субъектный¹.

Поиск оснований религиозно-конфессионального фактора изменений на Ближнем Востоке исключительно в системных проблемах Сирии и Ливана заставляет обращаться к событиям прошедших десятилетий существования этих государств в период их независимости со второй половины XX в.

Как любая другая страна региона, Сирийская республика обладала целым набором вопросов, коренившихся в ее прошлом, которые легко могли бы стать

---

¹ Предложенные здесь термины вводились и ранее, правда, в несколько ином ключе. См., например: Фурсов А.И. Операция «Ориентализм». М.: Гуманитарий, 2004. С. 52.

дестабилизирующими общество факторами. Таков, например, вопрос государственных границ, которые и в ходе сделки Сайкса-Пико 1916 г., и по решениям Парижской мирной конференции 1919 г., и в соответствии с желаниями французской мандатной администрации, определялись без участия самих сирийцев. Таков и вопрос продолжающейся оккупации Израилем целого района – важнейшего в стратегическом, хозяйственном, экологическом и других отношениях, наконец, признанный арабским характер государства (на деле многонационального), что оспаривается в настоящее время, в частности, курдами (говоря об арабском характере Сирии, видимо, забывают также и о сирийцах-«черкесах», туркоманах, армянах, ассирийцах и др.). Сложившееся в ходе острой конкуренции доминирование алавитов в силовых структурах при фактически (но не юридически) светском характере государства, в свою очередь, неизбежно обнаруживало свои уязвимые места в социальных отношениях: на протяжении всей истории независимой Сирии представители региональных исламистских организаций, прежде всего БМ, с целью мобилизовать суннитское большинство на антиправительственные действия старались использовать оба эти довода – якобы власть принадлежит неверным и якобы власти насаждают безбожие (светскость).

Попытка администрации Башара Асада в начале 2000-х годов повысить «инклюзивность» власти, то есть скорректировать конфессиональное политическое представительство, моментально привела, с одной стороны, к ограничениям для рядовых алавитов, ориентированных на службу в армии и госучреждениях (офицеры, мелкие чиновники, учителя и т. п.), и, следовательно, недовольства этими мерами, а с другой стороны, была истолкована сирийскими исламистами в эмиграции как сигнал ослабления режима. Резкое усиление в разных ветвях власти в Турции и Египте местных ответвлений БМ стало для сирийских властей тревожным знаком нового витка противостояния с этой крупной региональной силой – моноконфессиональной по своей ориентации. Эти причины, наряду с явными коррупционными проявлениями среди властных верхов, пове-

ли режим по пути усиления аппарата подавления и введения популярных либеральных реформ, а не глубокого реформирования политической системы, экономики и социального обеспечения. Сложившаяся взрывоопасная ситуация – в контексте пронесшейся по Северной Африке и Ближнему Востоку «волны турбулентности» – вылилась в локальные столкновения, быстро переросшие в острые конфликты на всей территории страны.

Неизбежными стали и дикие проявления межконфессиональной розни, подогреваемой жестокостями со всех вовлеченных в конфликты сторон. Служащие-алавиты в удаленных частях Сирии становились беззащитными жертвами мести или страшных расправ фанатиков. Ответные жесткие действия армии и спецслужб порождали новые вспышки кровной мести. Религиозные и национальные общины-меньшинства (например, православные арабы, армяне-григориане, яковиты, униаты разных толков, протестанты) в этих условиях вынуждены были либо выбирать сторону, либо покинуть свои дома в поисках более безопасных мест. Огромные массы населения (в большинстве своем, естественно, мусульмане-сунниты) стали внутренне перемещенными или эмигрировали в лагеря беженцев в Турции, Ливане, Иордании.

В свою очередь, надолго переключившее на себя внимание ИГИЛ/ИГ стало на какое-то время самым заметным фактором религиозного террора и общей неразберихи в межконфессиональных отношениях. По ходу лавирования в этой тяжелейшей ситуации сирийское правительство пошло на поддержку эффективного военного присутствия в своей стране иранцев, которое постепенно стало сопровождаться «шиитизацией» некоторых районов вблизи сирийской столицы, гораздо более ощутимым присутствием шиитской религиозной культуры в повседневной жизни и центральных мечетях Дамаска. В свою очередь, это явление не могло не вызывать беспокойства у местных суннитов, недовольных как покровительством Ирана, так и отдаленностью шейхов и имамов большинства мечетей от реальных чаяний и опасений своих единоверцев.

Заглядывая в будущее, можно утверждать, что негативный заряд использовавшегося «религиозного довода» в сирийском гражданском противостоянии, как и властных мер, способствовавших изменению конфессионального баланса, не сможет быть нивелирован в короткое время. Тем более, что основные причины народного недовольства (коррупция, несбалансированная экономическая политика, особенно в области сельского хозяйства, невозможность трудоустройства образованной молодежи и т.п.) так и не были устранены, и на них накладывается теперь колоссальная проблема послевоенного восстановления страны, которая принесет с собой целый букет новых вопросов и может вернуть Сирию в прочную внешнюю зависимость.

Что касается Ливана, то открыто декларируемая и охраняемая система конфессионального представительства, берущая свою основу в Национальном пакте 1943 г., много раз подвергалась пересмотру в соответствии с меняющейся демографической ситуацией в стране (в частности, это касалось состава депутатского корпуса). Носящая во многом формальный, фасадный характер, такая система оказывается удобной для практически всех политических сил, представляющих разные конфессии и тесно спаянных с тем или иным крупным бизнесом и внешним капиталом. Независимо от своей религиозно-конфессиональной составляющей, система не раз обнаруживала признаки глубокого внутреннего кризиса, который выражался и в вопиющих сбоях демократической системы выборов в парламент, и президентских выборов, и правительственных кризисах. Избирательное законодательство подвергалось реформированию только в рамках все той же конфессиональной системы. В назначении ключевых силовиков нередко было очевидным проявление кумовства и политических сделок.

Признаки системного кризиса в Ливане были видны и в бездействии властей в социальной сфере, где клубок проблем усугублялся чудовищным расслоением общества по уровню достатка, усиливавшейся безработицей, чрезвычайной дороговизной жилья и ухудшавшейся экологической ситуацией. На этом

фоне новую подпитку получает конкуренция политических партий, имеющих четкую конфессиональную аффилиацию, и даже милитаризация конфессиональных боевых дружин. Численность боевого крыла Хизбаллы, самой массовой и боеспособной негосударственной военной силы в Ливане, значительно сократилась в результате потерь в сирийском конфликте, но «обстрелянность», качество этих отрядов несравнимо выросло, а успехи во взаимодействии с армией в решении критических задач безопасности страны, вероятно, обеспечили ливанской Хизбалле надежное место на легальном политическом поле. Даже несмотря на результаты выборов в Совет депутатов 6 мая 2018 г., можно констатировать, что открытой «шиитизации» ливанской политической арены не происходит, продолжается линия на ее конфессиональную плюралистичность, что может свидетельствовать о второстепенности традиционного религиозного фактора для глубинного взаимодействия ведущих кланов страны. Об этом же говорит, по-видимому, и относительно сбалансированный в последнее время внешнеполитический курс ливанского руководства. Невзирая на периодические демарши тех или иных известных проводников внешнего влияния на ливанском политическом поле, политикам даже из противоположных лагерей в основном удается договариваться о разграничении секторов интересов в хозяйственной жизни страны и политических шагах с учетом региональной ситуации. В целом ливанскому руководству удастся лавировать между основными силами ближневосточного региона, которые принято условно разделять по линии суннитско-шиитской конкуренции в масштабах Ближнего и Среднего Востока.

Приведенный здесь набросок может дать представление о неоднозначности и чрезвычайной внутренней многофакторности самих религиозно-конфессиональных проблем. Как представляется, более ясной становится тесная их взаимосвязь с текущими социально-политическими трансформациями в регионе, если рассматривать эти проблемы в системном ключе. Такой угол зрения принципиально отличается от второго, идущего как бы от субъекта политического действия.

Попытки системного взгляда на проблему далеко не всегда, конечно, приводят к плодотворным результатам. Чаще всего можно встретить смешение аргументов разных типов и объединение в один ряд явлений разнородных. Вот как, например, характеризует развитие ближневосточной ситуации американский исследователь иранского происхождения Вали Реза Наср: «Цепь событий, начавшаяся со вторжения США в Ирак в 2003 г., завершилась взрывом арабского мира: социальные волнения привели к падению правителей, разрушили государственные институты и вызвали межэтническую и межконфессиональную борьбу, которая в некоторых случаях переросла в полноценную гражданскую войну»¹. Автор, хотя и занимает явную проамериканскую позицию, в данном случае увязал вместе явления разных порядков, что привело его к выводам, с которыми он сам вряд ли бы согласился. В любом случае, следуя такой логике, социальные потрясения будто бы привели к «межконфессиональной борьбе», хотя вероятнее всего, что эти явления – в той мере, в которой они имели место, – шли параллельно или в какой-то степени были составными частями друг друга.

В некоторых случаях как раз трудности выяснения причин системных сбоев экономики, социальных институтов и, конечно, политического управления отдельных ближневосточных стран, а также межгосударственных отношений в регионе заставляют акцентировать внимание на ярких субъектах региональной политики. Тем самым, альтернативой системному аспекту (в редких случаях – дополнением) выступает анализ региональных проблем сквозь призму идеологий и акций конкретных транснациональных и страновых организаций – с их особенностями идейной трансформации на протяжении времени и характеристик их положения в системе региональных отношений. Субъектный подход предполагает также и анализ влияния на исторические события отдель-

---

¹ Nasr, Vali. Iran Among the Ruins: Tehran's Advantage in a Turbulent Middle East // *Foreign Affairs*, March-April, 2018, Vol. 97, No. 2. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2018-02-13/iran-among-ruin>.

ных лидеров – как ведущих государственных деятелей, так и вождей оппозиции, вплоть до тех, кто обладал зловещим ореолом «террориста номер такой-то». На первый план при этом выходит религиозная составляющая характеристики рассматриваемого субъекта политического действия и его взаимосвязь с другими региональными субъектами (тоже организациями или лидерами) – и вновь сквозь призму религиозной принадлежности.

Такой субъектный подход получает все большее распространение, нежели первый: в информационных сообщениях и многих политических заявлениях последних лет нередко дискурс выстраивается как раз вокруг одиозных организаций (например, Аль-Каида, ИГ, БМ, хуситская Ансар Алла) или личностей (даже глав некоторых государств Ближнего Востока – как ни странно рядом с лидерами радикальных боевых организаций: когда-то, например, Усама бен Ладен и Саддам Хусейн, а теперь – нынешние известные фигуры). Впрочем, и среди ученых все чаще можно наблюдать отход от анализа системных факторов проблемы религиозного активизма в пользу второго – субъектного. Если предположить, что это некоторый откат назад – или скорее в сторону, – то вызван он может быть единственно тем, что предложения по решению первостепенных социальных проблем несравнимо менее эффективны и более затратны (и в материальном, и в административном, и в интеллектуальном планах), нежели оперирование конфессиональной проблематикой, связанной с громкими акциями боевых организаций или просчетами авторитарных ближневосточных лидеров или правящих семей.

Ярким примером акцента (доходящим до акцентуации) на определенном действующем лице региональной политики является повышенное внимание к Башару Асаду, президенту САР, который, по мнению оппозиции, их внешних спонсоров и даже многих аналитиков, непременно должен быть низложен и судим. Чаще всего при этом в основе критики курса сирийской администрации лежит тезис об алавитском меньшинстве, которое будто бы десятки лет властвует над суннитским большинством (около 3/4 населения). Педалирование это-

го вопроса в прессе и политической аналитике не может добавлять стабильности сирийскому государству и обществу. Впрочем, при всех реальных перекосах сирийской религиозной и национальной политики (принижение положения других конфессиональных меньшинств, вопрос о личном статусе, о гражданстве некоторых групп населения и др.), при высоком уровне кумовства и семейственности в госструктурах, а также учитывая открытые двери для иранского влияния вопреки недовольству сирийцев-суннитов, обсуждение проблем Сирии не может не сваливаться периодически на уровень оценок волюнтаризма правящей семьи (а точнее семей, – условно говоря, Асадов и Махлюфов) и окружения.

Правда, далеко не всегда в западных экспертных оценках звучало осуждение политики сирийского режима. При всей своей нелюбви к нему, например, скандально известный британский политик-оппозиционер, многолетний депутат Парламента и нынешний лидер проарабской партии «Респект», Джордж Гэллоуэй, характеризовал Башара Асада в 2006 г. как «последнего остававшегося арабского лидера, не прибранного к рукам Западом», считая, что эту страну «ненавидели не за зло, сделанное ею, а за добро»¹. Любопытно, что, раскрывая такую свою оценку, автор не делал упор на банальные претензии к режиму как власти религиозного меньшинства, да и вовсе избегал в своей критике религиозного вопроса: «Темная сторона сирийского режима – прежде всего, его авторитарный характер, ментальность полицейского государства, а также глубоко укорененная коррупция – разрасталась до фантастических размеров посредством неолиберального курса режима, сопровождающегося приватизацией, когда госсобственность передавалась в частное владение, говоря в целом, компрадорами от режима. Это была другая часть правды, отчасти заслоняемая

---

¹ Galloway, George. Syria Left Vulnerable by State Violence // *Al Jazeera*, 15.08.2011. URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2011/08/20118159535828664.html>.

арабским национализмом и антиимпериализмом сирийского народа и его правительства»¹.

Даже ярые противники сирийского правительства², такие как британский политический представитель в Сирии Гарет Бэйли, признавали, что не следует переоценивать «конфессиональное» звучание трагических эпизодов сирийского конфликта (в частности так называемой резни в Хуле 25 мая 2012 г., когда погибли 109 гражданских, включая 34 женщин и 49 детей³), и что подавляющее большинство населения, несмотря ни на что, выступает за единство своего многоконфессионального общества.

Впрочем, в этом обществе уже произошел определенный структурный сдвиг, и спустя несколько лет острого конфликта в Сирии становится все труднее согласиться, что межконфессиональные отношения в Сирии смогут скоро вернуться к своему довоенному состоянию: «религиозный аргумент» фундаменталистов, получающий страшное звучание в актах устрашения мирного населения и в осквернении или разрушении религиозных объектов (как храмов, так и мечетей), нанес этим отношениям глубокую рану. Определенная ригидность сирийских властей в области социальных отношений, не желающих признавать чрезмерной свою нетерпимость к политическому инакомыслию, но в то же время допускающих иранских шиитов в самую сердцевину силового аппарата⁴, тем самым отдаляют примирение сирийских общин.

---

¹ Galloway, George. Syria left vulnerable...

² См., например, его эмоциональные выпады против сирийских властей: Bayley, Gareth. Day for The Disappeared: Tens of Thousands of Syrians Have Been Disappeared by Regime // *HuffPost*, 25.05.2015. URL: http://www.huffingtonpost.co.uk/gareth-bayley/day-for-the-disappeared_b_17865784.html.

³ Bayley, Gareth. Remembering Houla: Why Sectarianism Cannot Be Part of Syria's Future // *HuffPost*, 25.05.2015. URL: http://www.huffingtonpost.co.uk/gareth-bayley/houla-syria_b_7432592.html.

⁴ Как пишут авторы книги о сирийских событиях, «участие ливанской Хизбаллы и других ополчений, поддерживаемых иранцами, придало конфликту суннитско-шиитский оттенок и включило его в рамки региональной борьбы, вспыхнувшей после американской оккупации Ирака. Шииты отнюдь не были естественной мишенью для ненависти со стороны сирийцев-суннитов – они составляли лишь около 1% населения, и до революции не были особенно связаны с режимом». См.: Yassin-Kassab, Robin; Al-Shami, Leila. *Burning Country: Syrians in Revolution and War*. London: Pluto Press, 2016. P. 112.

Несколько отступая за рамки темы, можно привести пример другого рода субъектного подхода – нередкий анализ событий в Ираке, когда главной действующей стороной считаются иракские сунниты. Те якобы открыто прибегли к терроризму в ответ на изменение конфессионального представительства в верховной власти, и после назначения главой правительства шиита начали открыто действовать в халифатистском ключе. Значительная часть аналитиков искренне считает последовавшую волну террора в Ираке исключительно продолжением некоего суннитского сопротивления¹.

Возможно, уместно будет привести пример анализа того же вопроса с более четкой логической связью причин и следствий. Так, рассуждая об экстремистских и террористических организациях, упоминавшийся выше Дастин Бёрд опровергает идею, что притеснение суннитов, якобы имевшее место в Ираке и Сирии, дало толчок протестному движению с его крайне жесткими формами «освободительной борьбы» с суннитами в авангарде, но которое будто бы ставило целью переход этих обществ к более справедливой демократической форме правления. Он пишет: «Эта аргументация в корне ошибочна, ведь ИГИЛ и их суннитские сторонники не могут противопоставить всеобщность (*universal*) партикулярности (*particularity*) правящих элит именно потому, что сами они ясно сформулировали, что являются исключительно сектантскими по своей природе: они сунниты и за суннитов. <...> В этом смысле атаки ИГИЛ на Дамаск и Багдад не является атакой всеобщего освободительного движения: просто одна конфессиональная группа борется против другой. Оно не собирается трансформировать все общество, разрывая те социальные и политические ограничения, которые связывают свободу личности, скорее они просто хотят

---

¹ Dumont, Gérard-François. L'Irak face aux questions religieuses et ethniques // *Géostratégiques*. Avril 2015, No. 44. P. 29. (Автор статьи является профессором Сорбонны и возглавляет журнал «Population & Avenir».)

заменить правление одной партикулярности правлением другой: всеобщие интересы полностью отсутствуют»¹.

В свою очередь шииты с их многочисленными партийными вооруженными формированиями и привлечением советников из Ирана вызывают объяснимое беспокойство многих в Ираке, Ливане, Сирии и других странах региона. Особенно это касается Ирака, в отношении которого говорят как о беспрецедентном влиянии на правящие круги, так и о прямой оккупации ряда районов страны (оценки прямого иранского военного присутствия доходили еще в марте 2015 г. до 30 тыс. чел.)². Феномен Ирака в этом смысле чрезвычайно показательен: влияние из соседней страны, как и апелляция властей и большинства политических сил к военной и идеологической мощи Ирана, с лихвой перекрывают националистические и племенные мотивы, в которых идея единства страны и общества ставилась на первый план, а межконфессиональные различия отодвигались на периферию. Ярким примером такого рода движений являлась «Сахва», в рамках которой на первый план выходили племенные структуры, а в качестве объединяющей использовалась одна из форм «исконной солидарности», причем отнюдь не конфессиональная.

Проводя определенную параллель с Сирией, можно видеть, что наиболее распространенное мнение связывает «шиитизацию» иракской политики с якобы былым отстранением шиитов от управления страной при Саддаме Хусейне (подобно тому, как сейчас слышно недовольство части суннитов несправедливым конфессиональным распределением власти в Сирии), представляя нынешний феномен в качестве реванша шиитского большинства. Вот пример такого рода оценок «довесенного» еще времени в отношении Ливана и Ирака: «Неудача опыта шиитского сообщества в отношении новых идеологий, таких как комму-

¹ Byrd, Dustin J. *Post-Secularity and Its Discontents*. 2017. P. 234.

² Заявление председателя Комитета по безопасности и обороне парламента Ирака Шехвана Абдаллы. Kurdish MP: 30,000 Iranian soldiers, military experts fighting in Iraq // *Rudaw*, 22.03.2015. URL: <http://www.rudaw.net/english/middleeast/iraq/220320151>; Iran accused of sending 30,000 troops to fight in Iraq // *Al Jazeera*, 23.03.2015. <http://www.aljazeera.com/news/2015/03/iran-accused-sending-30000-troops-fight-iraq-150322212917339.html>.

низм, секуляризм и национализм, побуждала его к формированию организационно-политических механизмов, которые использовали исконную солидарность (primordial solidarities) как средство для социальных и политических изменений. <...> Хотя нельзя ставить под сомнение влияние географической близости и религиозного истеблишмента шиитов на формирование шиитской политизированной религиозности, все же такое развитие событий следует рассматривать как результат процессов и обстоятельств, в ходе которых эти две [иракская и ливанская шиитские] общины пострадали, начиная с постколониального периода»¹. Такая реваншистская трактовка относит исследователя, возможно, слишком далеко назад во времени, чтобы можно было адекватно сопоставлять указанный фактор с современными социальными, геополитическими, военными и другими реалиями. Впрочем, и не учитывать его нельзя, тем более что для ближневосточных межобщинных отношений можно обнаружить взаимные претензии, действующие по сей день еще со времен халифатов.

Подобные явления нуждаются в самом серьезном внимании, поскольку социальное отчуждение в условиях текущих конфликтных состояний с каждым днем все усиливается. При этом анализ сквозь призму проблем одной только религиозной общины или одной политической и военной силы в какой-то степени сужает угол обзора, исключает многофакторность анализа. А следовательно, число вариантов благополучного снятия дисбалансов в межконфессиональных отношениях, которые теоретически могут быть предложены, в той же степени сокращается.

Межконфессиональные отношения в свете депривационной теории

Стоявший некогда у истоков отечественной социологии русский историк Н.И. Кареев так писал о социологическом аспекте исторического исследования:

---

¹ Hazran, Yusri. The Rise of Politicized Shi'ite Religiosity and the Territorial State in Iraq and Lebanon // *Middle East Journal*, Autumn 2010, Vol. 64, No. 4. P. 540–541.

«Историка интересуют лишь факты, между которыми можно установить генетическую связь, социолога же – преимущественно факты, свидетельствующие о наличии в каждом примере одинаковой причины, приводящей к одинаковому следствию. <...> Сравнительное изучение исторических фактов представляет собою мост, перекинутый с берега истории на берег социологии»¹. А британский философ и теолог Дж. Милбанк полагал: «Социология может быть только “наукой” конкретных, относительно устойчивых формальных систем, в то время как история – это королевская дисциплина, которая рассматривает переходы систем, а также отдельные подходы (хотя и в скептическом ключе) под углом зрения вопросов человека как такового и человеческого общества как такового. Без возможности восхождения к универсальным выводам наука об обществе не может определить сущность религии или сделать какие-либо универсальные открытия о религии»².

Приведенные два высказывания вдохновляют на применение в историческом исследовании взаимоотношений религиозно-конфессиональных групп инструментария социологии и социальной психологии. В русле предпринятой автором исторической деконструкции социально-политических явлений и фактов истории Сирии и Ливана серьезным подспорьем стала оригинальная методология, предложенная в своих основных чертах еще в самом начале 60-х гг. XX в. и получившая в дальнейшем свое развитие. Она применялась тогда для оценок конфликтного потенциала социальных групп и проблем политического участия. Базируется методология на так называемой депривационной теории, которую разрабатывали и по-своему интерпретировали еще в конце 50-х гг. Сэмюэль Стауффер³, Дэвид Аберле и другие исследователи, а богатое развитие дали ей

¹ Кареев Н.И. Теория исторического знания. Изд. 2-е. М.: Красанд, 2010. С. 192–193.

² Milbank, John. *Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason*. 2nd ed. Malden – Oxford – Carlton: Blackwell, 2006. P. 259–260.

³ Stouffer, Samuel A. *Social Research to Test Ideas: Selected Writings of Samuel A. Stouffer*. New York: Free Press, 1962. Sf.: Hauser, Philip M. On Stouffer's Social Research to Test Ideas // *The Public Opinion Quarterly*, Vol. 26, No. 3 (Autumn, 1962). P. 332.

на протяжении последующих десятилетий Чарлз Тилли¹, Чарлз Глок, Уолтер Гаррисон Рансимен, Тед Гарр, Джеймс Дэйвис, Стивен Кент, Фэй Кросби и др. За последние годы эта методология применялась к проблемам ближневосточных и других обществ и использовалась, в частности, такими учеными как Иэн Уолкер, Хизер Смит, Роланд Экерт, Эдвард Сэйр. Депривационную теорию применяют и исследователи транснациональных исламистских сетей (например, запрещенной «Боко Харам»)², палестинских организаций³ и т. п.

Обозначим вкратце основные отправные точки такого подхода. Определяющим понятием всех вариантов этой теории служит *относительная депривация* (ОД, *relative deprivation*) – понятие, принятое в таком виде в русскоязычной научной литературе, где депривация может переводиться как «лишение, обделённость». В общем смысле это есть разница между тем, что индивид способен получить или достичь в реальности, и чего он мог бы ожидать в идеале. Эта разница лежит в основе внутреннего психологического или социального дискомфорта, в конечном итоге, служащего основой протестного поведения.

Блага, на которые может рассчитывать член какого-либо сообщества или которые он в действительности получает, в переводной литературе стало принято называть ценностями (*values*). Отсюда – и технические термины: *ценностные ожидания* (экспектации) и *ценностные возможности*. Наиболее известным проводником депривационной теории у нас стал американский социолог Тед Роберт Гарр, который так формулировал ее центральное понятие: «ОД определяется как воспринимаемое индивидами расхождение между ценностными экспектациями и ценностными возможностями. Ценностные экспектации – это те блага и условия жизни, на которые люди, по их убеждению, имеют полное право претендовать. Ценностные возможности – это те блага и условия

¹ Shorter, Edward; Tilly, Charles. *Strikes in France, 1830–1968*. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.

² Egiegba Agbibo, Daniel. *Why Boko Haram Exists: The Relative Deprivation Perspective // African Conflict and Peacebuilding Review*. Spring 2013. Vol. 3, No. 1. P. 144–157.

³ Sayre, Edward A. *Relative Deprivation and Palestinian Suicide Bombings, Asian Journal of Social Science*, Vol. 38, No. 3, 2010. P. 442–461.

жизни, которых, как им кажется, они в состоянии реально достичь или удержать, используя доступные им социальные средства. Социетальные условия, которые создают некий средний уровень интенсивности экспектаций без роста соответствующих возможностей, увеличивают интенсивность неудовлетворенности»¹.

Младшая единомышленница Т. Гарра, Фэй Кросби, так суммировала его подход: «Тед Гарр утверждает, что ОД – это гнев или страдание, которые возникают в результате несоответствия между “должен” и “есть”. $RD = (VE - VC) / VE$ (RD – relative deprivation; VE – value expectations; VC – value capabilities)»².

Состояния, вызываемые ОД, очень разнообразны и включают в себя, помимо собственно страдания, разочарование, фрустрацию, апатию, недовольство, ярость, и при этом вовсе не обязательно ведут к активным действиям. Одним словом, ОД порождает целую палитру ощущений и эмоций, которые и выражаются в отношениях между людскими сообществами. Выделяют, как правило, три основных типа ОД – в зависимости от положения двух определяющих ее факторов: (1) убывающая (decremental) депривация, при которой групповые ценностные ожидания остаются относительно постоянными, а ценностные возможности воспринимаются как снижающиеся; (2) устремленная (aspirational) депривация, при которой возможности относительно статичны, в то время как ожидания возрастают; (3) прогрессивная (progressive) депривация, при которой наблюдается существенное и одновременное возрастание ожиданий и снижение возможностей³.

Особым случаем ОД может считаться *конфликт как условие*: в нем Т. Гарр считает конфликт частью межгрупповых взаимодействий в их попытках облегчить ОД, ведь в нем «источником расхождения между ценностными

¹ Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. С. 51–52.

² Crosby, Faye. Relative Deprivation Revisited: A Response to Miller, Bolce, and Halligan // *The American Political Science Review*, Vol. 73, No. 1 (Mar., 1979). P. 107–108.

³ Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. С. 84.

экспектациями и возможностями выступает другая группа, конкурирующая в достижении каких-то ценностей»¹.

Важно отметить, что, казалось бы, близкое к ОД понятие *абсолютной депривации* в исследованиях практически не используется, поскольку, обозначая объективную ущемлённость или обездоленность в материальном, социальном, правовом или физическом планах (нищета, низкий общественный статус, отсутствие полноценных гражданских прав, физические изъяны), она не является динамической категорией, будучи ограниченной констатацией положения вещей². Во многих сообществах она может не становиться побудительным мотивом к действию и даже не вызывать сильного недовольства – например, при низкой диспропорции доходов в сообществе или стране, при далеко отложенном ценностном ожидании (в случае общественной сверхидеи) или при высоком уровне покорности и преданности, особенно обусловленных спецификой религиозных учений и традиций.

В большинстве случаев при попытке развития депривационной теории или ее применения речь заходит о религиозном факторе, обуславливающем социальное или индивидуально-психологическое действие в сторону уменьшения негативного эффекта ОД. Религиозный аспект эффекта ОД находят важнейшим многие современные авторы. Так, энциклопедическое издание по религии и обществу выделяет в депривационной теории именно эту сторону, указывая, что «и абсолютная, и относительная депривации являются причинами восприимчивости ущемленного [в какой-либо сфере] индивида к конкретным (религиозным) призывам <...> Депривация рассматривалась поколениями ученых – и

---

¹ Там же. С. 82.

² D'Ambrosio, Conchita; Frick, Joachim R. Income Satisfaction and Relative Deprivation: An Empirical Link // *Social Indicators Research*. 2007. No. 81. P. 497–519; Stewart, Quincy Thomas. Reinvigorating Relative Deprivation: A New Measure for a Classic Concept // *Social Science Research*. 2006. No. 35. P. 779–802.

не обязательно марксистами – в качестве причины как личной религиозной приверженности, так и генезиса сект и культов»¹.

В разное время к этой методологии обращались в своих диссертациях молодые исследователи². Периодически предпринимался и критический обзор возможностей депривационной теории, и вывод, как правило, заключался в ее плодотворности³. Все чаще к этой теории прибегают в приложении к проблемам политического участия и социальной активности. В ряде работ методология апробируется на материале ближневосточных политических течений (например, Палестины), действий террористических сетей Магриба и Ближнего Востока⁴.

Привлекательность теории для подходов к историческим явлениям заключается в динамическом характере основных ее понятий. Ценностные ожидания, как и возможности, какой-либо социальной группы или общины постоянно меняются в зависимости от хода исторических процессов и под воздействием исторических фактов. Как условия, так и тип формирования ОД не является хронологически одноплановыми. Временной аспект по-разному анализировался сторонниками этой теории, но все же центральным оставалось утверждение, что ценностные ожидания не являются просто функцией текущего положения индивида или группы: «На практике Тед Гарр проводит различие между устойчивой ОД (*persisting deprivation*) и кратковременной. Его оценка первой обычно складывается из суммы шести измерений (в порядке их важно-

---

¹ Hak, Durk H. *Deprivation Theory* // *Encyclopedia of Religion and Society* / Ed. by W.H. Swatos Jr., P. Kivisto. Walnut Creek – London – New Delhi: AltaMira Press, 1998. P. 136.

² См., например: Hennigan, Karen. *The Construct Validity of Relative Deprivation: Conceptual and Empirical Analyses* / Ph.D. dissertation, Northwestern University, 1977; Stone, Rob Nicholas. *Relative Deprivation and Religiosity: A Cross-National Study on Income Inequality, Financial Satisfaction, and Religiosity* / MA thesis, Georgetown University, 2013.

³ См., в частности, выводы о значимости ОД для членства в активных религиозных группах и сектах: Gurney, Joan Neff; Tierney, Kathleen J. *Relative Deprivation and Social Movements: A Critical Look at Twenty Years of Theory and Research* // *The Sociological Quarterly*, Vol. 23, No. 1 (Winter, 1982). P. 33–47.

⁴ Нет смысла перечислять работы по проблемам, так или иначе связанным с ОД, на материалах многих стран (например, Китая, Кореи и даже Грузии).

сти): (a) экономическая дискриминация (исключение некоторых групп из хозяйственной сферы); (b) политическая дискриминация (исключение групп); (c) потенциальный сепаратизм (размер (size) сепаратистских регионов или групп); (d) зависимость от частного иностранного капитала; (e) религиозные размежевания; (f) отсутствие образовательных возможностей»¹.

Эта схема очень хорошо применима, например, к застарелым претензиям ливанских шиитов, которые они еще десятилетия назад – с 50-х годов XX в. – открыто предъявляли властям независимого Ливана. Внутренние усилия в преодолении ОД по перечисленным пунктам наряду с опорой на зарубежные силы (шиитский Иран) во многом обусловили нынешнюю самостоятельность этой растущей общины, что вызывает беспокойство у многих даже за пределами ближневосточного региона. Шииты стали крупнейшей общиной Ливана, и этот процесс занял у них несколько десятков лет: иными словами, налицо действие стимула устойчивой, долгосрочной ОД (*persisting deprivation*), широкой временной шкалы ее действия.

Очень важной в теоретическом плане является несколько особняком стоящая депривационная концепция Чарлза Глока². Ее особенность состоит в отсутствии у автора явного акцента на относительном характере чувства депривации. Тем не менее, по своим характеристикам понятие депривации, которым он оперирует, очень близко к ОД, так что представляется вполне допустимым синонимичное их употребление. Ученый анализировал, в частности, американские религиозные группы, и его книга (в соавторстве с Родни Старком) «Аме-

---

¹ Crosby, Faye. *Relative Deprivation Revisited: A Response to Miller, Bolce, and Halligan* // *The American Political Science Review*, Vol. 73, No. 1 (Mar., 1979). P. 108.

² Профессор Чарлз Янг Глок (род. 1919) в свое время возглавлял Исследовательскую программу по религии и обществу в Калифорнийском университете, Кафедру социологии в этом университете в Беркли, Ассоциацию религиозных исследований, а также Общество научного изучения религии. См.: Mauss, Armand L. Glock, Charles Young // *Encyclopedia of Religion and Society*. P. 210.

риканская набожность»¹ до сих пор считается ценным источником документальных данных и их социологической интерпретации.

По словам Ч. Глока, к депривации «относятся различные способы, которыми индивид или группа может находиться или только ощущать себя в неблагоприятном положении по сравнению с другими людьми и группами или же по сравнению с неким усвоенным набором принятых норм <...> Независимо от того, ощущается ли она прямо или косвенно, известны ли ее причины или неизвестны, депривация, как правило, вызывает желание ее преодолеть. Однако усилия по ее снижению будут отличаться в зависимости от того, насколько хорошо осознается ее природа и насколько отдельные лица или группы способны устранить ее причину»². Ч. Глок приводил собственную оригинальную классификацию видов деприваций:

Экономическая депривация (ЭД) имеет свой источник в неравномерном распределении доходов в обществах и в ограниченном доступе некоторых людей к предметам первой необходимости и предметам роскоши. ЭД может оцениваться на основе объективных или субъективных критериев. Даже если кто-то внешне может казаться объективно привилегированным, он по-прежнему может считать себя экономически обделенным, и такую субъективную оценку автор считал наиболее важной³.

Социальная депривация (СД) основывается на склонности общества оценивать определенные качества индивида или группы по сравнению с таковыми

¹ Stark, Rodney; Glock, Charles Y. *American Piety: The Nature of Religious Commitment*. Vol. 1: *Patterns of Religious Commitment*. 3rd ed. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 1974. 230 p.

² Glock, Charles Y. *Origine et évolution des groupes religieux // Archives de sociologie des religions*, 8-e année, No. 16 (Jul. – Dec., 1963). P. 31; *Idem. On the Origin and Evolution of Religious Groups // Religion in Sociological Perspective: Essays in the Empirical Study of Religion / Ch.Y. Glock (ed.)*. Belmont, CA: Wadsworth, 1973. P. 210.

³ В отношении ЭД представляется очень перспективной идея «депривации относительного дохода» (relative-income deprivation) У.Г. Рансимена, на которой останавливаются, в частности, Дж. Диттон и Р. Браун: Ditton, Jason; Brown, Richard. *Why Don't They Revolt? 'Invisible Income' as a Neglected Dimension of Runciman's Relative Deprivation Thesis // The British Journal of Sociology*. Dec., 1981. Vol. 32, No. 4. P. 523.

у других и распределять определенные социальные блага, такие как престиж, власть, положение, а следовательно, и средства увеличения общественного участия. СД рождается из неравномерного распределения признаков общественного положения, и основания такой дифференциации практически бесконечны.

Органическая депривация (ОргД) связана с физическими, физиологическими или психическими недостатками, рассматриваемыми как маргинализирующие их признаки.

Моральная депривация (МД) относится к ценностным конфликтам между идеалами общества, с одной стороны, и людьми или группами, с другой. «Индивид чувствует, что доминирующие ценности общества больше не доставляют ему действенных средств для организации его жизни и что он должен найти альтернативное решение. МД является отчасти философской депривацией, но искомая философия такова, что она привносит моральные предписания, касающиеся организации повседневной жизни личности. Моральная депривация относительно независима от иных ее форм и появляется чаще всего, когда другие ее формы отсутствуют»¹.

Психическая депривация (ПД) подразумевает, если следовать мысли автора, поиск системы самоутверждений и оправданий, но вне этических предписаний и норм поведения. «ПД изначально является следствием жесткой и неразрешенной СД. Человек бывает вовсе не лишен материальных благ жизни, но ему отказывается в соответствующих психических вознаграждениях»².

Все эти пять типов встречаются, как правило, в относительно смешанном виде, но все в определенной степени могут предполагать религиозный путь снятия.

Для анализа истории и современного состояния межконфессиональных отношений важно, как понятие ОД продолжает применяться в социальной психологии: эти наработки могут оказаться наиболее плодотворными для изучения

---

¹ Glock Ch.Y. Origine et évolution des groupes religieux. P. 31.

² Ibid.

причин исторических фактов, связанных с противоречиями между религиозными общинами. При социально-психологическом подходе выделяют три обязательных этапа вызревания состояния ОД: (1) когнитивного сравнения, (2) формирования когнитивных оценок, что персонa или группа находятся в притесненном положении, и, наконец, (3) состояния, когда притесненное положение рассматривается как несправедливое и вызывает бурное негодование¹.

В настоящее время все эти три стадии – сравнение социального или материального статуса, его обсуждение и формирование общественного мнения, сводящегося к недовольству и возмущению, – протекают с тем большей быстротой и непосредственностью реакции, что изложение своего мнения в социальных сетях, блогах, твитах и т.п. участниками социальной коммуникации относительно защищено анонимностью «сетевой экзистенции». В области межконфессиональных отношений обострение противоречий или даже вспышки межрелигиозной розни (например, в Ираке, Египте, Сирии в последние несколько лет) не раз были обязаны мгновенному обмену информацией и экспресс-вызреванию ОД. Так что в упомянутую теоретическую схему можно было бы добавить «эмоциональный обмен» на этапе формирования когнитивных оценок.

Пресловутый эффект социальных сетей в распространении экстремистских идей, так или иначе связанных с религией, возможно, в значительной степени также обусловлен быстротой обмена эмоциями относительно тем, по которым ОД наиболее осязаема, а также чувству безнаказанности за крайние высказывания по этим темам. Религиозная аргументация в этих случаях безотказно работает на автора «поста» в качестве доказательства его якобы личной незаинтересованности, бескорыстности порыва к некоей новой социальной справедливости – порыва, который призван нивелировать фрустрирующее действие

---

¹ Smith, Heather; Pettigrew, Thomas F.; Pippin, Gina; Bialosiewicz, Silvana. Relative Deprivation: A Theoretical and Meta-Analytic Critique // *Personality and Social Psychology Review*, 2012, No. 16. P. 203–232.

ОД. В конечном счете подобные высказывания в рамках социальной коммуникации апеллируют к «истине», и чаще всего в религиозном смысле. Столкновение разных «истин» в таком случае неизбежно.

Как представляется, в приведенную трехчастную схему из области социальной психологии следовало бы добавить и элемент внешнего воздействия. В широком смысле оно может заключаться во внедряемом извне наборе идей и действий, а также поставок материальных средств (финансов, техники или даже оружия), которые стимулируют первые этапы ОД (когнитивного сравнения и оценок положения), а впоследствии и тех, которые провоцируют финальный этап (социальное негодование, протест, гнев).

Внешнее воздействие может быть *пропозициональным*, то есть ограничиваться экономико-политическим консультированием или этнорелигиозным дискурсом. В том числе оно может включать отсылку к «славному прошлому» отдельных общин, причем не связанного, как это представляют, с общей судьбой нации, а присущему лишь этой религиозной группе/общине/конфессии, претендующей на положение особой нации¹. Иногда имеет место потакание реконструкции такого мифологизированного прошлого. Весь в целом широкий спектр этого пропозиционального внешнего воздействия по своей сути может характеризоваться в какой-то степени понятием суггестия, внушение.

В некоторых случаях может осуществляться непосредственное воздействие извне, побуждающее к протестному порыву и направленное на насильственное «исправление» социальной несправедливости (или СД). В истории такие факты находились, как правило, в тесной взаимосвязи с идеологическими

---

¹ Отсюда, возможно, проистекает стремление, например, маронитов обособиться от общеарабского прошлого, провозглашая свое особое финикийское происхождение, самоопределяя себя в качестве этноконфессиональной группы со своими особыми историческими чаяниями. Ливанец Жорж Корм, экономист, историк и философ, с грустью отмечал, что даже такой выдающийся востоковед, как Максим Родинсон, ошибочно отстаивал тезис о «квази-нациях», по сути конфессиональных общинах: «Великий ориенталист упрекал меня в том, что я не понял, что Маронитская церковь, с которой я был связан с самого рождения, является “квази-нацией”, а не просто религиозным сообществом, церковью, как меня учила семейная традиция; я, разумеется, все так же решительно не согласен с этим мнением». Корм, Жорж. Религиозный вопрос в XXI веке: геополитика и кризис постмодерна. М.: ИОИ, 2012. С. 84.

революционными течениями, а в недавний период особенно зловеще проявились в исламистских движениях, доходящих в своих крайностях до такфиризма и алармистски трактуемого «джихада меча». Такого рода внешнее воздействие опирается на ОД как движущую силу потенциальных социальных взрывов и революционных изменений. Оно может характеризоваться как императивное или, скорее, *перформативное* воздействие – в том смысле, какой предлагал в свое время Джон Остин¹. (К перформативам он относил, в частности, приказания, просьбы, обещания, клятвы, угрозы, предупреждения, заклинания и т. п.) К такому перформативному воздействию, в отличие от воздействия-пропозиции, применяется уже категория не истинности/неистинности, а совсем иная – успешности/неуспешности.

Косвенно связанной, на наш взгляд, с депривационной теорией оказывается концепция «экзистенциальной безопасности», предложенная Пиппой Норрис и Рональдом Инглхардом. В частности, эта концепция предполагает обратную зависимость уровня религиозности населения от чувства экзистенциальной безопасности. Р. Инглхарт с единомышленниками вводят и другой, подобный экзистенциальной безопасности показатель – «удовлетворенность жизнью» (life satisfaction). Авторы этого понятия писали в 2013 г.: «[Индекс] удовлетворенности жизнью может способствовать выявлению, что хорошо или плохо происходит в обществе – как это испытывают сами граждане. Существуют конкретные случаи, когда показатели удовлетворенности жизнью помогают осветить текущие политические споры, при этом важно, что они связывают оценки с факторами, которые имеют отношение к политике»².

Возвращаясь к попыткам психологии религии дать ответы на вопросы из области социальных отношений, можно заметить, что социальное действие активных групп внутри отдельных религиозных общин получает свое объяснение

¹ Остин, Джон. Как совершать действия при помощи слов // Избранное / пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 20.

² Diener, Ed; Inglehart, Ronald; Tay, Louis. Theory and Validity of Life Satisfaction Scales // *Social Indicators Research*. July 2013. Vol. 112, No. 3. P. 521.

через анализ групповой солидарности и лидерства. Во многом это направление развивается в согласии с выводом Ч. Глока о необходимом условии активного действия, вызванного депривацией и фрустрацией: наличие лидера с новаторской идеей (религиозно-реформаторского или протестного характеров), могущей захватить умы и сердца единомышленников.

Роль лидера, обладающего таким средством коррекции социальных отношений, обсуждается как в теоретических работах социологической направленности, так и в работах, посвященных историческим ближневосточным сюжетам (в качестве таких «личностей в истории» выступают, в приложении к Сирии и Ливану, предводители «улицы» – *кабадаи*, представители знати кланово-конфессиональных групп – *нотабли*, вожди и старейшины – *шейхи*, *айяны*, религиозные учителя – *алимы*, *моджахеды*, *имамы* и др.). Примеры вождей, пытавшихся излечить болезни общества посредством религиозной идеи, история Ближнего Востока в новейший период дает во множестве (основатель «Движения угнетенных» и ливанской АМАЛЬ иранец Муса Садр, Рухолла Хомейни в Иране, Ахмад Ясин в Палестине, Муктада ас-Садр в Ираке, Хасан Насралла в Ливане и др.). Применение к методам их агитации и действий социально-психологических теорий могло бы, возможно, принести свои плоды.

Социологические теории могут служить удобным инструментом исторического исследования, но сами по себе не в силах вскрыть механизмы богатого спектра межконфессиональных отношений – уже в силу того, что вынужденно низводят их до разновидности общественных отношений, не учитывая ни собственно религиозной жизни этих групп населения и «сакрального аргумента» в их поведении¹, ни исторических оснований и фона их проявлений. Может быть,

---

¹ Следует учитывать также «выстраивание концепции сакральности политического порядка ... как отход от классических религиозных форм в сторону политического действия», например, в Иране, где этим создавался «более прочный идеологический каркас политической и религиозной жизни в государстве». См.: Филин Н.А. Конфликт старых и новых религиозных форм в политической жизни Ирана после исламской революции 1979 г. // *Власть*, 2017. № 11. С. 109.

приблизиться к этой научной задаче удастся где-то на стыке истории, социологии и религиозной философии. Поскольку историческая наука нуждается в выявленных общественных закономерностях в русле нынешней социологической парадигмы, постольку депривационная теория в многообразии ее вариантов может удачно объяснять многие эпизоды взаимоотношений религиозно-конфессиональных общин. Деконструкция этих исторических эпизодов и явлений, применяемая как метод в нашей работе, будет включать элементы этой теории.

ГЛАВА II. КОРЕННЫЕ СДВИГИ В СИРИЙСКОМ И ЛИВАНСКОМ ОБЩЕСТВАХ (40–60-е гг. XX в.)

Предшествовавший независимости почти четвертьвековой мандатный период стал для религиозных общин этапом перехода от существования в границах империи-халифата к полностью независимому. Это стало и временем возрастания чувства ответственности выдвинувшихся в авангард местных политиков за судьбу своего народа.

Опыты французов с административным делением подмандатных территорий стали серьезным испытанием политических представителей мусульманских и христианских конфессий¹ как в отношении ответственности на общинном и общегосударственном уровнях (то есть, перед страной в целом и перед отдельными социальными сегментами), так и для самоопределения (идентичности) самих жителей. Складывающаяся идентичность обуславливала, в том числе, политическое поведение, сопряженное с ожиданием отмены внешнего контроля. Именно в тот период была, например, легитимизирована в Ливане традиция (конфессионально)-партийных ополчений, тогда как в Сирии актуальность набирал выбор региональных партнеров (в частности, по отношению к домам хашимитской династии или по идеологической близости).

На рубеже достижения независимости основным узловым моментом истории взаимоотношений религиозных общин стала некоторая разница в видении будущего государственного устройства, и в первую очередь, меры представленности общин во властных структурах. Определяющим этот момент стал для Ливана, тогда как в Сирии он был гораздо менее ощутим ввиду безусловного мусульманского большинства. Закономерно, что последовавшая в конце 40-х годов череда госпереворотов в Сирии почти не была связана с проблематикой

---

¹ См.: Сарабьев, Алексей. Кувват аль-интидаб табки ли-нафсиха хакк аль-идара: Идарат ан-назаат ат-таифийа аллати джасадатха кувват аль-интидаб аль-фаранси: Сурия, Любнан, ашринат аль-кырн аль-мади (Конфессиональный менеджмент со стороны французских мандатных сил: Сирия и Ливан в 1920-е годы прошлого века) // *Ат-Таалим ва-ль-муджтамаа* (Дамаск). 2017, Вып. 5. С. 16–17. (На араб. яз.)

межконфессиональных отношений, а в большей степени касалась региональной политической ориентации.

Наследие французского мандата

Общепринятый угол зрения, под которым чаще всего теперь рассматривают сирийский и ливанский социумы, это их дробный, многосоставный характер, где христианские конфессиональные общины воспринимаются в целом как меньшинства в мусульманском окружении. Этот стереотип с течением времени имел все больше прав на существование. Действительно, численность христиан сирийских и ливанских территорий постепенно уменьшалась по сравнению с показателем на конец XIX в. В 1895 г. доля христиан среди населения Бейрутского вилайета составляла 31,2%, а Сирийского – 27,7%. Но в начале мандатного периода доля христиан составляла уже 23,6% от всего сирийского и ливанского населения¹.

При таком подходе основные проблемы выводят из якобы присущего этим поликонфессиональным обществам противоборства: будто бы христиане всеми средствами добивались политического признания и усиления экономического влияния, вестернизуюсь и прибегая к помощи извне – со стороны «христианских» государств Европы и Америки, – а мусульмане этому противодействовали, доходя в своем негодовании до межрелигиозного насилия.

Эта обобщенная схема, конечно, не учитывает массу факторов, которые можно рассматривать в качестве основополагающих. В их числе и фактор внешнего влияния (как выше предложено его характеризовать, фактор пропозиционального и перформативного воздействия). Он коренится в желании ряда внешних сил вывести христиан Ближнего Востока (не только арабов, но и, например, армян) из орбиты влияния исконной традиции и ослабить лояльность

---

¹ O'Zoux R. Les Etat du Levant sous mandat français. P.: Larose, 1931. С. 23–24.

местным правителям в пользу собственного влияния – культурного, гуманитарного, экономического – на основании якобы общности вероисповедания. Недаром, вместе с экономическим проникновением европейцев на Ближний Восток в XVII–XIX вв. осуществлялась и мощная гуманитарная экспансия религиозных миссий – создание школ, колледжей, приютов, домов призрения, медицинских пунктов, принадлежавших различным орденам и конгрегациям – католическим и протестантским (а позднее и очень недолгий период – православным). Их благая деятельность сопровождала закрепление европейцев в регионе – в общем русле тогдашней колониальной активности и представляла собой по сути «мягкую силу».

Показательно, что установление французского мандата на части «постосманского пространства» обосновывалось наследием такого гуманитарного проникновения, дающего основание для более вестернизованного образа мысли местных христиан. Современник так писал об этом: «В очередной раз мы наблюдаем в Сирии Францию, наследующую славу, прошлые заслуги, титулы, обязанности и древние права, которых мы никогда не отрицали и от которых никогда не отказывались, – обновленные в самое недавнее время. Франция пользуется восхитительными плодами работы ее монахов и монахинь, является госпожой над умами – через свои школы, а также над душами – скорее, через свою благотворительность, чем через веру»¹.

Вследствие этой западной линии нередко христианская миссионерская деятельность «характеризуется мусульманами точно в соответствии с определением колониализма: деспотическая, эксплуататорская, неразборчивая в средствах, безжалостная, высокомерная, аморальная и разрушительная для культур коренных народов»². Такие оценки встречаются во множестве среди противников христианского прозелитизма и западных гуманитарных миссий религиоз-

¹ Benoist, Charles. *La Question Mediterraniene*. Paris, 1928. P. 164 (Цит. по: Haas, Ernst B. *The Reconciliation of Conflicting Colonial Policy Aims: Acceptance of the League of Nations Mandate System // International Organization*, Vol. 6, No. 4, Nov. 1952. P. 529).

² Zebiri, Kate. *Muslims and Christians Face to Face*. Oxford: Oneworld Publ., 2000. P. 30.

ного характера. Конечно, в основе неприятия лежит вовсе не межрелигиозное противостояние, а подозрения в хищническом характере христианского миссионерства, тесно увязанного с политикой и борьбой за экономические преференции. Противостояние же, если и обнаруживается, то относится в наибольшей мере к линии цивилизационного разграничения «*гарб / шарк*» (Запад / Восток).

Франкофильство части ливанских и сирийских христиан (как и англофильство части христиан палестинских и иракских) не могло не зарождать подозрений у местных мусульман и, конечно, у властей в том, что набиравшая темпы вестернизация затронет не только культурную, но и политическую сферы. Особенное раздражение мусульман вызывали проведенные «сверху», а что еще хуже – «извне», (1) меры по открытой поддержке арабских христианских политических лидеров времен мандата, (2) произвольное расчленение подмандатных территорий, которые большей частью были обещаны еще в 1915 г. Хусейну бин Али аль-Хашими, признанному вскоре эмирами и шейхами «королем арабов»¹, а также (3) англо-американская поддержка иммиграции евреев в Палестину, воспринимаемая мусульманами-суннитами региона как действия, направленные на сознательное ослабление уммы.

Произвольным административным делением сирийских территорий мандатные власти – вольно или невольно – заложили, по сути, тлеющий очаг пожара, который беспокоил «опекаемые» французами социумы на протяжении нескольких десятилетий. Еще на заре мандата проект Великого Ливана со включением в него сирийских территорий, населенных преимущественно мусульманами, вызывал недоумение. Газета «Аль-Хакика» писала в 1919 г., что этот проект местные мусульмане считали «христианским», но задавались вопросом: если уж ливанцы собрались создать христианский анклав, то для чего нужно включать в него районы, где большинство жителей нехристиане, для чего им

---

¹ Wagner, Steven. Intelligence and the Origins of the British Middle East // *The Journal of Imperial and Commonwealth History* (Routledge), 2015. Vol. 43, No. 4. P. 727.

пытаться подчинить мусульман?¹ Обозреватели газеты приходили к выводу, что у ливанского вопроса есть первая и единственная подоснова, и это религия².

Тем не менее, во многих частях Ближнего Востока христиане (в особенности, православные, яковиты, армяне) действовали в интересах мусульмано-христианского единства. Тем не менее, приходится признать, что значительная часть вестернизованных христиан опасалась «засилья» мусульман, особенно в перспективе снятия режима непосредственного мандатного управления европейцев. Впрочем, уровень так называемой вестернизации, как и мера подобных опасений, были очень разными. Да и само понятие вестернизации слишком условно; оно подразумевало, в разной степени, и симпатии к европейской культуре и языкам, и восхищение лоском западных дипломатических миссий с их приемами и выездами, особенно в обстановке социальных контрастов Востока, и преувеличенные представления о финансовом и военном могуществе западных держав, и благодарность за гуманитарную деятельность их религиозных миссий, и почитание западных демократических устройств, доходившего до преклонения.

Очень нестандартную для западного исследователя оценку вестернизации давал в свое время британский исследователь Бернارد Льюис. Еще в своей работе 1956 г. он писал, что «вестернизация приносила и приносит большую выгоду Востоку; но она же нанесла и большой вред»³. Поясняя свою мысль, он выделял основные области – политическая, социальная, экономическая, – где этот вред проявился наиболее наглядно. В первой из них заключалась проблема политической дезинтеграции региона, стремительно возросшая после крушения Османской империи в результате снижения легитимации верховного управления. Прежняя власть султана, несмотря на неоднородность его восприятия в

---

¹ «Аль-Хакика», № 1189 за 6.11.1919 (Цит. по: Халифа, Исам Камаль. Абхас фи тарих Любнан аль-му'асыр (Очерки новейшей истории Ливана) / Джамил аль-хукук махфуза. Бейрут: Дар аль-хайль, 1985. С. 140).

² Там же. № 1143 за 29.07.1919.

³ Lewis, Bernard. The Middle Eastern Reaction to Soviet Pressures // *Middle East Journal*, Vol. 10, No. 2, Spring 1956. P. 134.

глазах мусульман разных областей империи, все же несла консолидирующую функцию: это был мусульманский правитель мусульманской империи, и никто из последующих королей, верховных комиссаров и президентов возникших на обломках империи «сборных наций-государств» (*pre-fabricated nation-state*)¹ не мог якобы сравниться с ним по уровню политического признания со стороны уммы.

Стоя на таких позициях, Б. Льюис все же напрямую не связывал вестернизацию с религиозной проблематикой, но находил ее корень в алчности и властных амбициях местных лидеров, как и в желании Запада, со своей стороны, насадить собственное видение справедливого общества. В год показательной для арабов «Синайской кампании» англо-франко-израильской коалиции он писал: «Проводниками западного влияния оказываются далеко не только жители Запада, но вестернизированные жители Ближнего Востока. Местные плутократы и бюрократы спешили воспользоваться новыми возможностями, “западными путями” к богатству и власти. Местные реформаторы всегда гораздо более безжалостны и разрушительны в преобразовании своей страны, чем посмела бы любая имперская власть»². Он продолжал, рассуждая о событиях на Арабском Востоке от лица западного человека: «Процесс изменения начинался под западным влиянием и по западному образцу, и недовольство, им вызываемое, направлено вовне – против Запада. Мы на Западе хотели бы обольщаться, что наше общество во всех отношениях превосходит все остальные и что любое изменение в незападных обществах в сторону большего сходства с нашими обязательно является улучшением. Это не всегда так»³.

В умах многих тогдашних арабских политиков смешивались принципиально разные понятия: модернизация воспринималась лишь в одном из своих

---

¹ Ibid.

² Ibid. P. 133.

³ Ibid.

видов – догоняющего развития¹, а потому шла рука об руку с вестернизацией. В сфере общественных отношений набирала силу секуляризация, люди все в большей степени были склонны воспринимать социально-экономический прогресс и политическое развитие только на светской основе. При этом, заимствование форм государственного управления представлялось наиболее целесообразным и соответствующим сути модернизации.

В большинстве своем традиционистски настроенные мусульмане Сирии и Ливана такой образ мысли своих соотечественников считали опасным. В то время основным их доводом был несомненный вред от подобных безрелигиозных идей развития, служивших неокOLONIALНЫМ целям все тех же врагов мусульман из западного мира плюс атеистов из социалистического блока. Сама идея догоняющего Запад развития им казалась не чем иным, как идеологическим наследием мандатного закабаления осколков халифата. Кратко и ёмко эта мысль формулировалась так, что Запад смог насадить на Ближнем Востоке свои «фабрики по производству вестернизированных идеологий и направлений мысли, имеющих целью рассеять истинный смысл мусульманской уммы», что «колониализм отступил, оставив за собой общественные институты, контролируемые вестернизированной интеллигенцией и верхушкой»². Ответственные перед уммой мусульманские политики якобы были очень нежелательны для западных патронов. Впрочем, и сама система «кристаллизации» политических лидеров, сложившаяся к концу мандата, едва ли предполагала появления таких.

Тем самым, самовосприятие мусульман обеих стран и отношение их к политическому участию сограждан-христиан к середине XX века в наибольшей степени было связано с идеологическим противостоянием вдоль линии Восток/Запад, где борьба за процветание собственной уммы нередко переклика-

---

¹ Целый спектр тем, связанных с этим модернизационным типом, освещается в книге, изданной в Институте востоковедения РАН «Что догоняет догоняющее развитие?» (М., 2011, 424 с.).

² Имара, Мухаммад. Фикр ат-танвир байна ал-'илманийин ва-л-исламийин (Светские и мусульманские идеи просвещения). Каир, 1993. С. 33 (Цит. по: Abu-Rabi', Ibrahim M. Contemporary Arab Thought: Studies in Post-1967 Arab Intellectual History. London: Pluto Press, 2003. P. 162).

лось с антизападничеством. Соответственно, в той или иной степени вестернизованная часть населения воспринималась мусульманами-традиционалистами как противоположный лагерь. Так что сами мусульмано-христианские взаимоотношения определялись тогда в соответствии с этой диспозицией.

Конечно, описанная линия противостояния (особенно популярная в оценках арабских историков) была далеко не единственной, и сами мусульмане иногда переходили на другую ее сторону. Впоследствии имели место даже апелляции мусульманских кругов к западным правительствам в надежде на помощь в решении внутренних межобщинных проблем, и такой пример будет детально рассмотрен ниже.

Антизападные настроения мусульман в первую очередь испытывали на себе, конечно, собственные сограждане, благосклонные к западному влиянию – со всеми его проявлениями, нередко деструктивными для арабов. Ясно, что окончание мандата в 40-е годы ожидалось большинством населения как сворачивание такого влияния: одними – с надеждой на реванш, другими – с тревогой.

Было бы ошибкой однозначно утверждать, что из них первые – это мусульмане, испытывавшие на себе давление государств-мандатариев, а вторые – местные христиане, извлекавшие якобы выгоды из периода мандата. Оба эти утверждения – не более чем обобщения, уводящие в сторону исторический анализ проблемы во всей ее сложности. Можно, пожалуй, говорить о широких кругах преимущественно суннитов (а также поддержавших их локальных христианских общинах), в представлении которых своевольные действия мандатных властей были в определенной степени связаны с их чуждым вероисповеданием. И можно говорить о некоторых христианских кругах (в основном, имеющих отношение к ведущим униатским кланам), действительно улучшивших свое положение при французах. Сюда, кстати, можно отнести и алавитские круги, которые получали от державы-мандатария серьезную поддержку и более полутора десятилетий не без оснований надеялись на полную автономию своих территорий.

Против приведенных обобщений свидетельствовали самим своим существованием, с одной стороны, массы христиан (как в сельских равнинных и горных районах, так и в городских кварталах), которые едва сводили концы с концами и были далеки от реального политического участия, а с другой – примеры знатных суннитских и шиитских семей, которые продолжили богатеть и при французах и чьи фамилии до сих пор на слуху.

На местной политической арене находились силы, становление большинства из которых пришлось на мандат. Вместе с тем, не ослабли и амбиции европейцев, в конце концов поставленных перед досадной необходимостью выводить войска из региона. Исторические условия изменились, но колониальная конкуренция продолжалась. Даже летом 1945 г., когда, кажется, не оставалось никаких оснований для продолжения мандатного режима, представители одной колониальной державы сетовали на представителей другой (согласно архиву Французской светской миссии): «Британцы намеревались полностью выдавить французов из Леванта, причем их методом было удалить французское культурное влияние из Сирии – тактика более успешная, нежели открытая военная конфронтация»¹.

Местные националисты, очевидно, понимали опасность продолжения колониальной политики в отношении Сирии и Ливана, но уже в измененной, «мягкой» форме, и это понимание не позволяло им отходить от сверхидеи – достижения независимости их государств во всех сферах. И это до определенного момента спланивало стоявшие на разных политических платформах местные патриотические силы, независимо от вероисповедания.

В любом случае, можно утверждать следующее: сразу после достижения независимости странами Ближнего Востока никакого реванша со стороны мусульман не последовало.

---

¹ Carton Damascus 012/0001, document 012/001/201, Damascus, March 19, 1946, MLF Archives. (Цит. по: Deguilhem, Randi. Turning Syrians into Frenchmen: The cultural politics of a French non-governmental organization in Mandate Syria (1920–1967): the French Secular Mission schools // *Islam and Christian-Muslim Relations*, Vol. 13, No. 4, 2002. P. 459).

Не в последнюю очередь тому способствовало действительное закрепление христиан во властных структурах, построенных, в общем, на светской основе, даже невзирая на пресловутый ливанский «национальный пакт» 1943 г. Это устное соглашение между тогдашним президентом-маронитом Бешарой аль-Хури и премьером-суннитом Риадом Сольхом, закрепившее в общих чертах сложившуюся на тот момент систему конфессионального представительства на высших постах государственной власти, а также соотношение мусульман и христиан в парламенте Ливана¹, получало и продолжает получать разные, подчас полярные оценки. Ясно, однако, что его невозможно рассматривать в отрыве от сложных и весьма противоречивых действий в условиях Мировой войны представителей европейских держав в Сирии, Ливане, Палестине, Трансиордании, Ираке и других странах региона. Действовавшие в Ливане в годы войны поочередно французский верховный комиссар Максимилиан Вейган, затем Анри Денц, представлявший вишистское правительство оккупированной Франции, затем проводивший несколько иную политику генерал Жорж Катру от движения Свободной Франции, а кроме того, опасавшиеся его широкого влияния в Сирии и Ливане англичане – все они продолжали свои попытки опереться (насколько это было возможно) на определенные местные общины. В то же время заветной целью местных политиков (националистов, как их принято было называть) было достижение настоящей независимости, обещанной им уже не раз: в частности, 14 июля 1941 г. и 26 ноября 1943 г.² В преддверии этой ожидаемой подлинной независимости, отложенной, правда, до окончания войны, и был заключен неписанный пакт, явно имевший целью, кроме прочих, предотвратить столкновения между мусульманскими и христианскими группами, по-разному видевшими свое место в независимом государстве.

---

¹ См.: Родионов М.А., Сарабьев А.В. Марониты: традиции, история, политика. М.: ИВ РАН, 2013. С. 294.

² Ланда Р.Г. Ливан в годы Второй мировой войны // *Восток-Oriens*, 2015, № 3. С. 64–65.

Ливанский «Национальный пакт» далекого 1943 года настолько часто вспоминают по сей день, что возникает впечатление, что до сих пор жива та диспозиция противостояний, компромиссным соглашением по которым он и явился. Исследователи приводят следующие его пункты:

«1. Ливан должен был стать полностью независимым суверенным государством. Христиане должны были отказаться от иностранной (т. е. западной и особенно французской) протекции и не пытаться поставить Ливан под иностранный контроль или влияние. Взамен мусульмане должны были не предпринимать никаких попыток привести Ливан к политическому союзу с Сирией или к арабскому союзу в любой другой форме.

2. Ливан является страной с арабским “лицом” и языком, а также частью арабского мира, но с особым “характером”. Несмотря на его арабизм, Ливан не будет порывать свои культурные и духовные связи с западной цивилизацией, что помогло ему достичь завидного уровня прогресса.

3. Ливан должен сотрудничать со всеми арабскими государствами и стать членом арабской семьи, при условии, что арабские государства признают его независимость и суверенитет в существующих границах. В своих отношениях с арабскими государствами Ливан не должен принимать сторону одной группы против другой.

4. Государственные должности будут распределяться между признанными конфессиями, но на технических должностях предпочтение будет отдаваться умениям без учета конфессиональных соображений. Три ведущих позиции в стране распределяются, в соответствии с соглашением, так: президент республики – маронит, премьер-министр – мусульманин-суннит, председатель парламента – мусульман-шиит»¹.

Христианские политики умело использовали свои связи и экономическое влияние, и порой в целях самосохранения шли на серьезные уступки и компро-

---

¹ Faruki, Kemal A. The National Covenant of Lebanon: its genesis // *Pakistan Horizon*, Vol. 27, No. 3, Third Quarter 1974. P. 28.

миссы. Так что в пользу стабилизации мусульмано-христианских отношений сработало и то, что деловые контакты в обеих странах сильно усложнились, все больше оставляя в стороне религиозную принадлежность высших кругов, в то время как социальные страты очень мало коррелировали с границами конфессиональных общин. Существенную роль продолжали играть кланово-религиозные группы (с их клиентельными сетями и лидерами «улицы», *кабада-ями*). При этом объединяющих мусульманских институтов или «проектов», наподобие Конференции Побережья или Мусульманского конгресса, было мало, и они, похоже, были внутренне разобщены: мусульманский юнионизм образца 1936 г., по сути, утратил свой смысл в силу изменившихся региональных условий. Новые же структуры, действовавшие на основе политического ислама, к тому времени еще не набрали силу и влияние в обществе.

Главное, что внутри самой уммы не оказалось критически взрывного потенциала, который бы обусловил резкую и коренную перестройку устоявшейся к началу периода независимости системы конфессионального представительства во власти. Организованные протесты со стороны ряда мусульманских организаций (например, представителей общества «Макасед»), конечно, имели место, но вызывавшее протесты недовольство было вполне объяснимым, поскольку касалось таких очевидно несправедливых решений, как, например, принятие в пользу крупных владельцев недвижимости из христиан правил ренты или воинственность создаваемых партийных ополчений (например, ливанских фалангистов).

Сплачивающее влияние Победы сквозь конфессиональные разделения

Приближение победы над европейским фашизмом весной 1945 г. вселяло все новые надежды на скорое прекращение подмандатного статуса Сирии и Ливана у населения этих стран. Полный суверенитет был поставлен в свое время в

зависимость от окончания военного положения самой французской администрацией¹, что объясняет наивысшую остроту момента именно в год окончания Второй мировой войны.

Правда, в годы войны французы старались юридически закрепить за собой максимум преференций в рамках обеих стран. В орбиту их интересов входили так называемые «общие интересы» (*les intérêts communs syro-libanais*), то есть общие для Сирии и Ливана экономические и социальные ниши (фактически подконтрольные французам). Специальный протокол от 29 мая 1942 г.² как раз и определял их: под общим управлением в течение неограниченного периода времени предполагалось оставить таможенную, почтовую службу, железные дороги, а также поставить под защиту коммерческую и промышленную собственность иностранцев, тогда как временно (без указания срока) – контроль над концессионными компаниями, табачную монополию и др.³

По сути, замысливалось «союзное государство» с набором общих органов управления. Передача национальным правительствам «Служб общих интересов» была заявлена французами на начало 1944 г. Вместе с тем предполагалось, что сектора, имеющие «двойное», то есть и военное назначение (порты, железные дороги, валютный контроль), должны были оставаться в ведении французов вплоть до конца войны⁴.

Так или иначе, французское управление подходило к неминуемому концу, и новый – независимый – этап в жизни сирийского и ливанского обществ обещал новую повестку дня, где одним из основных вопросов должен был стать способ справедливого политического участия представителей разных конфес-

---

¹ В июне 1941 г. английские войска и французские части «Свободной Франции» вступили в Сирию и Ливан, а 14 июля французский верховный комиссар Анри Денц капитулировал. На его место заступил представитель Шарля де Голля Жорж Катру (с изменением титула на генерального делегата), который тут же пообещал сирийцам и ливанцам освобождения от мандата.

² Его подписали тогда главы МИД обеих подмандатных стран – Фаиз аль-Хури и Хамид Франжье.

³ Chidiac, Edmond. *Les intérêts communs syro-libanais (1920–1950)* // *France, Syrie et Liban 1918–1946* / Ed. by Nadine Méouchy. Paris: Presses de l'Ifpo, 2002. P. 266–267

⁴ Ibid. P. 267.

сий, распределения экономических и социальных благ среди религиозных общин.

По этому пункту можно было ожидать разогрева общественной ситуации и, возможно, даже всплеска насилия. Но ситуация развернулась в другое русло, и вполне предсказуемо: иностранное присутствие в обеих странах продолжало затягиваться, причем в него теперь вовлекались регулярные подразделения англичан, а также все заметнее становились политико-дипломатические усилия американцев.

Народное недовольство фактическим продолжением мандата встретило крайне жестокую реакцию французов, силой подавлявших выступления. И это возымело свое ответное действие: насилие в отношении местного населения (своего рода колониальная агония старого образца) вызвало небывалую собранность патриотических сил и солидарность представителей разных религиозных общин. Можно сказать, что реакция населения на проблемный уход французов из Сирии и Ливана, растянувшийся вплоть до конца 1946 г., стала неким буфером, смягчившим своей патриотической волной переход на новый уровень социальных отношений.

Вторым явлением, имевшим прямую связь с религиозной ситуацией в середине 40-х годов, стала активизация групп и организаций, стоявших на исламистских позициях. Оба отмеченных явления были взаимозависимыми: превращение Леванта в очередной раз в арену борьбы за сферы влияния негативно отразилось на общественной безопасности, способствовал выходу на передний план групп, объединенных зонтичной организацией «Братьев-мусульман»¹ (БМ, *Аль-ихван аль-муслимун*).

Радикализация сирийских суннитов шла в значительной степени под знаменем борьбы с чужеземной администрацией. Причем резкая их активизация зимой 1945 г. совпадает по времени с ярким заявлением в парламенте сирий-

---

¹ Запрещена на территории РФ.

ского президента Шукри аль-Куватли в феврале 1945 г., в котором он подтвердил, что «Сирия находится в состоянии войны с державами оси»¹. Совершенно очевидно, что имея собственное представление о независимом развитии своей страны да и свои внешнеполитические ориентиры, сирийские исламисты не могли мириться с тем, что они находятся по одну сторону фронта с французами, которых считали оккупантами своей «исламской родины».

Штаб-квартира БМ (Верховный центральный комитет, араб.: *Аль-ляджна аль-марказийя аль-улья*) еще в 1944 г. была переведена из Алеппо в Дамаск, и как раз с зимних месяцев 1945 г. вплоть до лета 1946 г. шла централизация локальных исламистских групп (или обществ, *джам'ийат*), наблюдались бурные проявления их активизма, особенно в городах. Лидером, или «генеральным смотрителем» (*муракиб аль-'амм*) этой зонтичной организации был избран 30-летний выпускник Аль-Азхара родом из Хомса, Мустафа ас-Сибай² (сам Хасан аль-Банна, которому на тот момент было не больше 40 лет, носил высокий титул «генерального наставника» (*муршид аль-'амм*)).

Еще в 1941 г., вернувшись из Египта, М. ас-Сибай возглавил молодежную исламистскую группу «Молодежь Мухаммада» (*Шабаб Мухаммад*). После его освобождения из-под ареста за антифранцузскую деятельность в 1943 г. на съезде в Хомсе было объявлено о создании двух боевых дружин – «Футувва»³ и «Сарая». Все они, как и большинство других суннитских групп Сирии, вошли вскоре в местное отделение БМ под руководством М. ас-Сибай. У западных аналитиков можно встретить утверждение, что в середине 40-х годов «сирийская “Ихван” стала выступать представителем всех исламских кругов в Сирии, делая эту страну первой после Египта, где движение “Ихван” укоренилось»⁴.

¹ *Правда*, 28.02.1945, № 50 (9821). С. 4.

² Teitelbaum, Joshua. The Muslim Brotherhood in Syria, 1945–1958: Founding, Social Origins, Ideology // *Middle East Journal*, Spring 2011, Vol. 65, No. 2: Richard B. Parker Memorial Issue. P. 216–217. См.: Abd-Allah, Umar F. *The Islamic Struggle in Syria*. Berkeley: Mizan Press, 1983. P. 96–97.

³ Вероятно, филиал палестинской исламистской боевой организации, созданной еще в 30-е годы.

⁴ Porat, Liad. The Syrian Muslim Brotherhood and the Asad Regime // *Middle East Brief* (Crown Centre, Brandeis Univ.), Dec. 2010, No. 47. P. 2.

Сирийские БМ стали в авангарде борьбы с французскими жандармами и их сторонниками из числа сирийцев (известно, что более половины «специальных частей» было набрано из местных), которые проводили жесткие карательные акции в ответ на восстания и протестные выступления – как в Сирии, так и в Ливане. Если исходить из конфессионального состава сторон, можно признавать весомую религиозную составляющую конфликта. Основываясь на документах, французский исследователь Гётц Нордбрух сообщает, что Служба общей безопасности (*Sûreté Générale*) свидетельствовала тогда о различиях позиций христианских и мусульманских групп в Сирии и Ливане. По сведениям, христианские кварталы были наводнены французскими флагами и изображениями Ш. де Голля, в то время как в мусульманских кварталах подобные признаки поддержки Франции редко можно было встретить. «Впрочем, – признается автор, – поддержка Франции и ее союзников необязательно соответствовала границам между общинами, равно как и оппозиция [европейцам]»¹.

Межконфессиональной обстановке уделяли внимание также американцы и англичане². Например, военный атташе США в Бейруте, Вёрджил Джексон, писал: «Французская политика вмешательства подорвала независимую политическую жизнь Ливана и что рано или поздно французы должны будут осознать, что их политика несовместима с интересами как христиан, так и мусульман. Франция едва ли сможет оставить ливанских христиан, которые служат “настоящими защитниками французского влияния в Леванте”. Для мусульман же, что бы ни предлагала Франция, это зависело от изменения отношений с христианской общиной, что едва ли осуществимо»³. А британский дипломат в августе 1945 г. выражал озабоченность будущим отношением мусульман Сирии к хри-

¹ Nordbruch, Götz. *Nazism In Syria And Lebanon...* P. 130.

² Подробно тема конкуренции держав на Ближнем Востоке в этот период рассмотрена в нашей главе коллективной монографии: Сарабьев А.В. Хмурый рассвет независимости в отблесках славы победы: Сирия и Ливан в мае–августе 1945 года // *Вторая мировая война и Восток / Отв.ред. и сост. Н.Г. Романова, Т.А. Филиппова; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2019. С. 226-255.*

³ Gendzier, Irene. *US Perceptions from Lebanon, 1945–1947: “No Forum for the Lebanese People” // Middle East Report (MERIP), Jan. – Feb., 1990, No. 162: Lebanon’s War. P. 35.*

стианским общинам: «В удаленных сельских районах безопасность христианских деревень после вывода войск союзников будет зависеть от того, насколько полностью независимое сирийское правительство сможет удерживать порядок и вызывать уважение к своей власти»¹.

Нужно учитывать, что приведенные наблюдения и озабоченности были выражены после череды трагических столкновений ополченцев местных патриотических сил с защитниками режима мандата, где было продемонстрировано явное единство мнения большинства населения, невзирая на вероисповедание: абсолютное стремление к независимости. Так что оба приведенных рассуждения, вдохновленные острой критикой Франции как конкурента в регионе, несли в себе максимум из возможного алармизма в отношении межконфессиональной ситуации в Ливане и Сирии, и все равно содержали весьма осторожные оценки. Ввиду общего мобилизующего и объединяющего фактора – общенародного возмущения действиями французов – отношения между общинами не приближались к критической отметке, даже несмотря на радикализацию отдельных моноконфессиональных групп.

А события, которые могли раскачать ситуацию, были действительно трагичными и охватывали значительные территории. Они сводились к столкновениям сил мандатной администрации с протестующими сирийцами и ливанцами, что было вызвано абсолютной разностью взглядов обеих сторон на развитие ситуации в региональном масштабе и пути развития независимых ближневосточных государств в контексте мировой геополитической конкуренции.

Сообщение ливанских газет об окружении Берлина частями Красной Армии 24 апреля 1945 г. вызвало в Сирии и Ливане народное ликование и демонстрации поддержки. Описывая один из таких праздников, газета «Саут аш-

---

¹ Memorandum by Headquarters, British Troops, North Levant: The Christian-Moslem Problem in Syria. The Future Relations between the Two Communities when the French and British withdrew (P. 628–634). Mr. Shone to Mr. Becin. No. 152. Beirut, 9 August, 1945. E 62228/5484/89, No. 16 // Cambridge Archive Editions. Minorities in the Middle East: Christian minorities, 1838–1967. Vol. 8: Greek Orthodox communities, Roman Catholic, Jacobite, Chaldean and Syrian Catholic communities in the Levant and Iraq, 1844–1955. Doc. 54. P. 629.

шааб» свидетельствовала о воодушевлении бейрутцев: «Национальные песни, гимны и радостный восторг, лозунги, скандируемые женщинами и мужчинами во время демонстраций вчера вечером, сливались в столичном небе с колокольными звонами церквей со всех сторон города. <...> Отовсюду были слышны здравицы в честь свободного и независимого Ливана, Красной Армии и ее великого вождя Сталина, а также союзных армий»¹.

Президент Ливана Бишара аль-Хури в своей речи 9 мая 1945 г. объявил День Победы национальным праздником, подчеркивая общую для всех победу: «В этот великий день мы с удовольствием чествуем победоносные армии Организации Объединенных Наций, мы чествуем также наших солдат, которые в рядах этих армий исполняли свой долг ради победы. Мы в Ливане стояли вместе, внося свой существенный вклад в общее дело, наши сыновья храбро и самоотверженно сражались во всех союзных армиях, оградивших человечество от страха и тирании»².

К тому моменту Ливан и Сирия уже имели статус членов-учредителей созданной в марте 1945 г. Лиги арабских государств и присоединились к работе Конференции Объединенных Наций по выработке устава ООН в Сан-Франциско (с апреля по 26 июня того же года). Жители обеих стран с нетерпением ожидали теперь окончания военного положения, при котором бы оканчивалось «военное и стратегическое назначение» ряда отраслей хозяйства подмандатных стран, а соответственно, и их внешнее управление.

Тем временем, французы, опираясь на свои специальные подразделения, во многом контролировали государственные структуры, а также старались соблюсти свои интересы в пришедшей в упадок экономике подмандатных стран. Опираясь на расчеты европейских экономистов, ливанский исследователь Има-

¹ Музахарат ибтихадж ва-ль-фарах // *Саут аш-шааб*, 25.04.1945 (Цит. по: Nordbruch, Götz. *Nazism In Syria And Lebanon: The Ambivalence of the German Option, 1933–1945 / SOAS*. London – New York: Routledge, 2009. (SOAS/Routledge Studies on the Middle East, 8). P. 129).

² Раеф, Имададдин. Саб‘ун ‘амман ‘аля индихар аль-фашия (Семьдесят лет со дня разгрома фашизма) // *Ас-Сафир* (Ливан), 9.05.2015. С. 14. URL: <http://assafir.com/Article/418508>.

деддин Раеф сообщает: «Документы показывают, что в период между 1939 и 1945 гг. оптовые цены в Ливане выросли на 1019%, а розничные цены – почти до 730%, тогда как стоимость жизни достигла рекордных пределов, более чем в пять раз – на 562%»¹.

Оставаясь в Сирии и Ливане, французы могли рассчитывать на крупные кредиты в ведущих банках – под разные статьи развития этих стран. Известно, например, что 1 марта 1945 г. Франции был предоставлен займ на три года (с возможностью продления) в 300 млн швейцарских франков – «Франции, Алжиру, французским колониям, областям под протекторатом и мандатом Франции, в том числе Сирии и Ливану»².

Французская мандатная администрация всячески оттягивала свой формальный уход, и с этой целью выступления сирийцев и ливанцев против нее жестоко карались. Секретное распоряжение французов о преследованиях ливанских должностных лиц из-за «их отношения к вопросу независимости» было принято еще в августе 1944 г.³ Несмотря на это, с началом 1945 г. протесты усилились. Например, 29 января 1945 г. в Бейруте прошла демонстрация, и «требования протестующих касались армии как символа независимости и достоинства, они призывали правительство использовать все средства, чтобы принять под свой контроль армию»⁴. В Сирии выступления прошли в Дамаске, Алеппо и Дейр-эз-Зоре⁵.

Наконец, в начале мая стало известно об инструкциях от Ш. де Голля генеральному делегату Бейрута, генералу Бейнэ, по переговорам о передаче

¹ Раеф, Имададин. Саб‘ун ‘амман...

² Acceptation par le Conseil fédéral des principales dispositions de l'accord financier franco-suisse. Frankreich, Gewährung eines Kredites. Volkswirtschaftsdepartement. Antrag vom 26. Februar 1945; Finanz- und Zolldepartement. Mitbericht vom 1. März 1945. E 1004.1, 1/455. Doc. 384. 2.03.1945 // Diplomatische Dokumente der Schweiz, 1848–1945. Band 15 (1943–1945). 1992. P. 960.

³ Раеф, Имададин. Саб‘ун ‘амман...

⁴ Там же.

⁵ Evolution des relations Franco-Syriennes depuis janvier 1945. Doc. 2937 / Ministère des Affaires étrangères, Archives diplomatiques (Nantes). P. 1–5 (Цит. по: Nordbruch, Götz. Nazism In Syria And Lebanon... P. 130).

местной администрации государственного управления. В меморандуме Бейнэ они нашли свое отражение в следующей формулировке: «Французские привилегии должны быть гарантированы заключением соглашений, отражающих французские культурные, экономические и стратегические интересы»¹. В вопросе независимости это могло быть расценено уже как преступное топтание на месте в волнующий момент Великой победы в Европе. Но общественность Сирии и Ливана была очень встревожена еще и таким странным совпадением: под видом ротации французского контингента была существенно увеличена его численность в Ливане. В частности, с этой целью в Бейруте 17 мая с французского крейсера «Жанна д'Арк» высадились 1,2 тыс. сенегальцев.

Столкновения стали неизбежными: произошли нападения арабов на победные шествия французов в Бейруте (с жертвами среди солдат), а 10 мая служившие в британском корпусе под Бейрутом палестинцы прошли по улицам, демонстративно разрывая французские флаги. В Дамаске сирийское правительство даже воспрепятствовало проведению шествия с французскими флагами, дабы не провоцировать недовольных. Французские спецслужбы считали эти акции происками их конкурентов, англичан². Непосредственную же вину за прошедшую в Бейруте демонстрацию с портретами одиозного иерусалимского муфтия Амина аль-Хусейни власти попытались возложить на политика-суннита Рида ас-Сольха³.

Спустя несколько дней, 14 мая в Дамаске прошла забастовка и демонстрация учащихся медресе, в которой участвовали около 1,5 тыс. чел., причем были совершены нападения на несколько французских учреждений в столице.

---

¹ Nordbruch, Götz. Nazism In Syria And Lebanon... P. 130–131.

² По-видимому, французские власти стали всерьез опасаться своих британских партнеров, и усиление французского контингента в Ливане и Сирии было, возможно, частью этого соперничества. См. также: Пир-Будагова Э.П. История Сирии, XX век. М.: ИВ РАН, 2015. С. 71; Луконин Ю.В. Борьба народов Сирии и Ливана за вывод иностранных войск (1945–1946) // Очерки по истории арабских стран. М.: МГУ, 1959. 253 с.

³ Премьер-министр Ливана с сентября 1943 по январь 1945 г., затем – с декабря 1946 по февраль 1951 г.

Сирийский парламент, в свою очередь, принял закон «В защиту независимости», инициированный социалистом Акрамом Хаурани. Характерно, что закон, кроме прочего, предусматривал смертную казнь за нарушение общественного порядка в интересах иностранной державы – своего рода карательная мера против коллаборационистов.

Встреча генерала Бейнэ с ливанским и сирийским министрами иностранных дел, Анри Фараоном (греко-католик) и Джамилем Мардамом (суннит), завершилась провалом: бескомпромиссный по своему характеру меморандум был отклонен министрами, поскольку предусматривал, в частности, возможность почти бессрочного сохранения в Сирии и Ливане французского военного присутствия в виде «особых частей». По словам Анри Фараона, предложения Бейнэ «предоставляли бы Франции привилегированное положение в Ливане, несовместимое с его суверенитетом»¹.

Волна возмущения быстро распространялось по всей Сирии: во многих городах проходили забастовки рабочих и служащих, нередкими стали нападения на французских военных и гражданских лиц. В этих тяжелых условиях сирийское и ливанское правительства пытались как-то удержать ситуацию, обращаясь за помощью к представителям британских, американских и советских дипломатических миссий – обеспечить запланированный трансфер властных полномочий местным органам власти и устранить французское военное присутствие².

Тем временем французский контингент был усилен вновь прибывшими частями, о чем сообщало, в частности, агентство «Рейтер» 26 мая, и даже генерал Бейнэ посчитал необходимым объяснять этот факт³.

Уже с 19 мая стали отмечаться авианалеты с целью запугать население. Доходило до того, что французские самолеты пролетали на бреющей высоте

---

¹ Цит. по: *Правда*, 1.06.1945, № 130 (9901). С. 4.

² Nordbruch, Götz. *Nazism In Syria And Lebanon...* P. 131.

³ *Правда*, 1.06.1945, № 130 (9901). С. 4.

над мечетями в период намаза. Настоящие авиаудары были нанесены 26 мая по городам Хама и Дэйр-эз-Зор, и на следующий день во многих местах развернулись настоящие бои. По сообщению из Дамаска агентства «Ассошиейтед Пресс» 28 мая, «в Дамаске всю ночь происходила беспорядочная стрельба, в том числе из минометов», а накануне французские войска обстреляли население города Хама, после чего, как заявлял в печати врио премьер-министра Сирии Джамиль Мардам, «население города Хама напало на французский гарнизон; французские власти вызвали подкрепление из Хомса; борьба продолжается на улицах»¹. Французский гарнизон в Хаме был усилен танками для противодействия восставшим. В результате столкновений за несколько дней в конце мая в Хаме было убито несколько человек и несколько ранено. Острая ситуация сохранялась и в Хомсе, где на улицах города также шли многочасовые перестрелки. На следующий день был взорван железнодорожный мост между городами Алеппо и Хама, убиты 3 и ранено 14 человек, в том числе один английский солдат.

Кульминацией противостояния стал последний день мая. Сирийская «Саут аш-шааб» передавала: «Всякое сообщение с Дамаском было прекращено. В Дамаске французские войска атаковали некоторые важные стратегические пункты, поставив себе целью их занять. Они обстреляли крепость, в которой находились сирийские добровольцы. Имеются убитые и раненые. Над Дамаском непрерывно летали французские самолеты. Положение в городах Хама, Хомс и Алеппо обострилось. Происходят вооруженные столкновения. Артиллерийский снаряд попал в дом губернатора Хомса. Имеются раненые и убитые. Во всех сирийских городах запрещено движение транспорта»².

В Сирии французским подразделениям, куда входили и сирийские взводы – как считают, до 1,2 тыс. из 2 тыс. военнослужащих под французским командованием – фактически противостояли подразделения сирийского МВД (около

---

¹ Там же.

² Цит. по: *Правда*, 2.06.1945, № 131 (9902). С. 4.

1,2 тыс. чел.), а также дружины разного рода ополченцев. О религиозном составе таких взводов не сообщалось, и документального подтверждения любым предположениям пока обнаружить не удалось.

Вскоре дело дошло до прямых атак французов на Дом парламента и резиденцию правительства (Серай) в Дамаске, которые сопровождались авианалетами и бомбардировкой города. 30 мая сирийская и ливанская миссии в Лондоне опубликовали следующее заявление: «Согласно поступившим из Дамаска сведениям, вчера в 9 часов вечера французы произвели бомбардировку города. Бомбардировка прекратилась после вмешательства английского посланника, но обстрел продолжается»¹. А корреспондент «Рейтер» сообщал тогда же, что в Дамаске «всю ночь, с одним промежутком перед рассветом, был слышен свист снарядов, пролетавших над головами, и непрерывная трескотня пулеметов. <...> Сражение с различной интенсивностью длилось во все часы темноты. Были использованы все виды оружия – ружья, автоматы, пулеметы, а затем полевые орудия и мортиры. Вскоре после наступления темноты зарево охватило небо, освещая город и французские самолеты, летающие над городом. Число жертв еще не известно»². Агентство «Юнайтед Пресс» подтверждало атаки с воздуха и авиаудары французов по Дамаску, а также захват ими здания сирийского парламента.

К концу месяца результатами столкновений стали множество человеческих жертв. Сведения разных источников несколько расходятся: по данным Нордбруха (на основании документов того времени), потери среди французов составили около 30 чел., а среди сирийцев около 400 человек³, тогда как совет-

---

¹ Цит. по: *Правда*, 1.06.1945, № 130 (9901). С. 4.

² Там же.

³ Khoury, Philip Shukry. *Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1987. P. 617. Филип Хури писал о 400 убитых сирийцах и бесчисленном числе раненых; кроме того было почти полностью разрушено здание парламента, что стало «горьким напоминанием четвертьвекового вклада Франции в образование людей под ее мандатом в ценностях западной цивилизации и демократии».

ская «Правда» приводила такие цифры: всего убито от 80 до 100 человек и ранено около 300¹.

Даже при такой остроте положения Франция продолжала не отступаться от своей формулировки об «особых интересах» в Сирии и Ливане. Глава французского МИДа, выступая 29 мая перед членами своего правительства, подчеркивал, что Франция «юридически не отказалась от своего мандата над Сирией и Ливаном. Франция желает сделать обе эти страны независимыми, но в первую очередь она хочет урегулировать жизненные вопросы об охране французских экономических и культурных интересов»².

На это глава Форин Офис, Энтони Иден, 31 мая огласил перед Палатой общин решение главы премьер-министра не оставаться в стороне, и что правительство «с глубоким сожалением дало приказ главнокомандующему вооруженными силами на Ближнем Востоке вмешаться, чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие»³. Ввиду угрозы хаоса в Сирии У. Черчилль в ультимативной форме потребовал от французов прекратить боевые действия и заставить военных вернуться в казармы, «чтобы избежать столкновения между английскими и французскими войсками»⁴.

Хладнокровно действуя в качестве союзника Франции, британский премьер увязывал свое требование и решение применить военную силу со стратегическим значением Ближнего Востока в продолжавшейся войне с Японией, а окончательное урегулирование вопроса предлагал отложить до победы на дальневосточном фронте⁵.

В действиях англичан, тем самым, не должно складываться впечатление, что Британия стала на сторону протестующих арабов и защищала их интересы. Так, британский посол во Франции Дафф Купер в строго секретной шифрован-

---

¹ *Правда*, 1.06.1945, № 130 (9901). С. 4.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Луконин Ю.В. Борьба народов Сирии и Ливана... С. 195.

ной телеграмме главе британского ближневосточного бюро от 2 июня выражал недоумение по поводу возможного выхода Франции из Сирии и Ливана: «В ходе нашей беседы с министром иностранных дел он сказал, что де Голль недавно серьезно решил совсем покинуть Левант – солдаты, гражданские, миссионеры, университеты, профессора со всеми пожитками. Хотя, подумав, он отказался от этого плана, нам было бы полезно обдумать, как это отразится на нас, если он позднее вернется к нему. Это может быть, конечно, жестом в момент раздражения и “подрезанием носа назло лицу”, но и это может быть исполнено с заранее обдуманым умыслом. Я недостаточно знаком с местной ситуацией, чтобы иметь мнение, насколько это станет для нас облегчением или затруднением. Полагаю, в большой степени это будет зависеть от способности местных правительств поддерживать порядок и защищать меньшинства. Если они очевидным образом потерпят неудачу, возможно, нам придется вмешаться и постепенно занять те позиции, которые Франция оставит. Такое развитие событий, боюсь, будет расценено как классическое вероломство, присущее Альбиону, тогда как искренность всех наших предыдущих заверений, будто мы не имели таких намерений, будет поставлена под серьезное сомнение...»¹.

Кстати, и на этом этапе острой конкурентной борьбы между Британией и Францией «русская карта» Леванта активно разыгрывалась. Англичане вполне оправдывали свои действия тем, что они тем самым препятствуют укреплению в Леванте позиций Москвы. Так, во втором пункте цитированного донесения говорилось: «Если мы все же сами не захотим вмешиваться, то навряд ли сможем помешать сделать это другой державе, и русские могут не отказаться закрепиться в Восточном Средиземноморье»².

И все же в своей геополитической конкуренции Франция сильно рисковала, пойдя на острую конфронтацию в решении своих, по сути, колониальных

---

¹ Cabinet Distribution. From Paris to Foreign Office. Mr. Duff Cooper. No. 812. 2 June, 1945 // Cambridge Archive Edition, Near and Middle East Records of Syria, 1918–1973, 15 vols. / Ed. by Priestland, Jane; with a preface by Patrick Seale. Vol. 8: 1943–1945. Cambridge Archive Editions, 2005. P. 614.

² Ibid.

проблем. Уже 28 мая глава американского Госдепартамента передал через посла в Париже ноту правительству Франции, где призывалось «тщательно пересмотреть политику в отношении Сирии и Ливана с целью дать ясно понять этим странам и всему миру, что в своих отношениях со странами Леванта Франция намерена обращаться с ними как с полностью суверенными независимыми членами семьи народов»¹.

Госдепартамент в период «сирийского кризиса» мая 1945 г. вообще пытался демонстрировать свою приверженность справедливости. «Комментируя ситуацию в Сирии и Ливане, – говорилось в документе Госдепартамента, – исполняющий обязанности госсекретаря заявил, что он с большим сожалением узнал, что беспорядки, в результате которых были ранены и погибли люди, случились в Ливане и Сирии вслед за недавним прибытием в Ливан французских воинских частей. <...> Его правительство продолжает настойчиво призывать французское, ливанское и сирийское правительства воздержаться от любых действий, могущих усугубить ситуацию и сделать еще более затруднительным путь к дружелюбному и равноправному урегулированию в доверительной атмосфере»².

Вскоре стало ясно, что не только английские и французские регулярные части не будут выведены в ближайшее время из Сирии, не только особые соединения французов (*Groupes spéciales*) продолжат оставаться в Ливане и Сирии, но что свои планы в отношении этих стран имеют и Соединенные Штаты. Всерьез обсуждалась даже возможность замены военного присутствия в Леванте с европейского на американское. Так, в беседе с директором ДБВСА Госдепартамента Лойем Хендерсеном советник британского Форин Офис по ближ-

---

¹ Цит. по: там же.

² Statement by the Acting Secretary of State. May 28, 1945. 890D.01/5–3045 // Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1945. Vol. VIII: The Near East and Africa. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1969. P. 1106–1107.

невосточным делам Майкл Райт прямо рассуждал о возможности в будущем замены британских и французских частей в Леванте американскими военными¹.

Однозначно неприемлемым для союзников было появление на Ближнем Востоке Советского Союза, особенно на волне его ошеломительного успеха против гитлеровских войск в Восточной Европе². Прямые опасения упрочения позиций в арабском Мащрике со стороны «великой восточной державы» (ясно, что подразумевался СССР) выражал, в частности, в неофициальной беседе со швейцарским диппредставителем 29 июня 1945 г. тогдашний комендант Парижа, генерал Кёниг. В донесении в Берн швейцарскому федеральному советнику Максу Птипьеру сообщалось: «Затем мы перешли к вопросу Сирии. <...> По существу дела генерал Кёниг сказал следующее: “Мы склонны считать, что нацелена на дела Сирии не Франция, а скорее другая великая держава, которая начала проявлять заинтересованность в том, что происходит и будет происходить на Ближнем Востоке. Поговаривают, что возможность внутреннего уклона Франции в левую или крайне левую сторону, может являться следствием демагогической политики, уступившей такие хорошие позиции – позиции, которые будут в таком случае быстро заняты великой восточной державой”»³.

Со своей стороны, Советский Союз в 1945 г. прибег к нестандартному для своей дипломатии ходу: весной и летом делегации Русской Православной церкви посетили Лондон, Софию, Тегеран и целый ряд арабских стран Ближнего Востока. В мае-июне высокая церковная делегация во главе с патриархом Алексием I (Симанским) побывала в Дамаске, Бейруте, Аммане, а также в Па-

---

¹ Memorandum by the Director of the Office of Near Eastern and African Affairs (Henderson), 890D.01/5–345. [Washington,] May 3, 1945 // Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1945. Vol. VIII: The Near East and Africa. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1969. P. 1064.

² Дипотношения СССР с Ливаном и Сирией на уровне миссий были установлены летом 1944 г.

³ Conversation avec le Général König sur le destin des Suisses qui se sont battus pour la France, ainsi que sur l'affaire de Syrie. I.B.5/45. Paris, le 2 juillet, 1945. A. M. Max Petitpierre, Conseiller Fédéral, Chef du Département Politique Fédéral, Berne, de Carl Burckhardt, le Ministre de Suisse (9 p.) / Archives fédérales suisses, Berne. Paris, Politische Berichte und Briefe, Militärberichte, Band 98 (1944–1944). P. 2–3.

лестине и Египте¹. Эти визиты, без сомнения, не могли не настораживать традиционных «ближневосточных патронов», в частности Британию. Американский историк Стивен Майнер приводит комментарии британских дипломатов этих церковных визитов, в котором те видели явное доказательство возрождения интереса СССР к региону Средиземноморья: «Так Советские власти смогут использовать религиозную тетиву своего лука, и никто не сможет сказать, что они защищают исключительно православные интересы, как это было при царях»². А советник посольства в Москве Фрэнк Робертс заявлял британскому министру иностранных дел Идену: «Безбожное коммунистическое государство использует Православную церковь в своих политических целях тем же способом, как безбожная Французская республика конца XIX – начала XX в. использовала религию для достижения своих целей на Ближнем Востоке и по всей французской колониальной империи»³.

Наряду с этим «вторым треком дипломатии» (Track II Diplomacy, как это вошло в современную политологию), Советский Союз прибегал, конечно, и к обычным дипломатическим рычагам: так, в ноте протеста от 1 июня 1945 г. указывалось, что события в Сирии и Ливане «не соответствуют духу решений, принятых в Думбартон-Оксе, и целям проходящей в Сан-Франциско конференции Объединенных наций по созданию организации для обеспечения мира и безопасности народов»⁴.

Важно, что в условиях острой конкуренции в Леванте, с одной стороны, и противостоянием с сирийским и ливанским населением, с другой, французы пытались разыгрывать «русскую карту». В одной из секретных телеграмм британский дипломат в июне 1945 г. так описывал позицию Франции: «(В) Делегат уведомляет Париж. 7 июня французский делегат известил Париж, что британцы

---

¹ Майнер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика 1941–1945. М.: РОССПЭН, 2010. (История сталинизма). С. 406

² Waddams to Golsworthy. May 24, 1945. PRO FO 371/47930. (Цит по: Там же. С. 407).

³ Roberts to Eden. April 21, 1945. PRO FO 371/47929. (Цит по: Там же).

⁴ СССР и арабские страны, 1917–1960: документы и материалы. С. 86–87.

низвели позиции Франции с победительницы до побежденной. Разнообразные выступления сирийцев против Франции могли бы не иметь места, если бы не британская толерантность – это факт, который следует довести до сведения британцев. Делегат заключил, что если британцы смогут гарантировать status quo ante, то он смог бы совладать с элементами ситуации, но если к такому соглашению прийти не удастся, то это может серьезно угрожать интересам Франции в Сирии и Ливане. ... (D) Французы информировали СССР. Французский посол в Москве докладывал в Кё-д-Орсэ, что он держит Молотова в курсе событий в Сирии, как и его американского коллегу. Выражалась также уверенность, что Кремль следит за происходящим в Леванте, однако посол сомневается, что Россия будет делать больше того, о чем сказано в ее заявлении от 1 июня. В заключении он заявил, что и он, и Молотов подчеркивают международный по своей сути характер этого кризиса и необходимость включения его в состав обсуждения любых вопросов, касающихся Ближнего Востока»¹.

В другом документе уже со стороны швейцарцев звучала следующая парадоксальная критика в адрес французов: «Внешняя политика Франции в настоящий момент разбалансирована сепаратным союзом с Россией, что усугубляется присутствием партии коммунистов во французском правительстве»².

В политических кругах действия французов в отношении местного населения нередко оценивались лишь в геополитическом ключе. Например, швейцарский дипломат Карл Буркхардт писал в начале августа того же года: «События в Сирии вспыхнули внезапно. Чрезмерно жестоко; но ведь британское правительство допустило психологическую ошибку перед своими французскими партнерами, слишком сильно стукнув кулаком по столу, – ошибку, которой Ге-

¹ US National Archive. Intelligence Summary – RED. No. 46. 19 June, 1945. Top Secret. IV: The Levant. P. 4.

² Analyse de la politique intérieure française: partis politiques, données économiques et financières; De Gaulle et la politique extérieure. Légation Suisse en France. I.B.10/45. Paris, le 8 Août, 1945 A M. Max Petitpierre, Conseiller Fédéral, Chef du Département Politique Fédéral, Berne, de Carl Burckhardt, le Ministre de Suisse. (22 p.) // Diplomatische Dokumente der Schweiz. Band 16 (9.5.1945 bis 30.5.1947). 1997. Doc. 21. P. 13–14.

нерал, в общем, и воспользовался. <...> Только согласие с англо-саксонскими державами могло бы создать основу для конструктивной зарубежной политики; это согласие было бы жизненно необходимо малым странам, еще остающимся на континенте вне советской системы»¹.

Итак, события середины 40-х годов в Сирии и Ливане представляли собой типичный передел сфер и форм влияния, в то время как протесты населения и их вооруженное сопротивление были досадной помехой в постколониальных планах. Это было ясно большинству сирийцев и ливанцев, которые демонстрировали поразительное единство в своем порыве к независимости. Сирийский автор записки по строительным проектам правительства Сирии писал: «Возвращаясь несколько назад, бросая взгляд на наши улицы, устроенные мандатными властями, мы найдем огромное различие в целях, стоявших тогда и стоящих теперь: большинство улиц раньше выполняли лишь одну задачу, а именно углубление колонизации страны, ибо дороги прокладывали только для облегчения переброски войск, а масштабное строительство велось лишь под армейские казармы или командные центры»².

Отношения между религиозными общинами не обострились критически, даже при высоком градусе радикализации исламистов. Этому способствовала и религиозная политика ливанской и сирийской администраций, которая при французах была весьма продуманной. В Ливане почти все составы правительства (в 1941–1944 гг.) были сбалансированы по представленности в них основных конфессий. В Сирии власти также всеми силами пытались успокоить межконфессиональную ситуацию в условиях противостояния французским «специальным частям». Британский автор особого донесения на тему мусульмано-христианских отношений писал тогда: «Сирийский президент убедил христианских лидеров в намерениях своего правительства обращаться с христианами

---

¹ Analyse de la politique intérieure française... Doc. 21. P. 13–14.

² Аль-‘ахд аль-ватани фи салас санават: 1944, 1945, 1946 (Трехлетний патриотический период: 1944–1946 гг.) / Аль-Джумхурия ас-сурийя, Визарат аль-а‘маль аль-‘амма ва-ль-мувасалят. Б.м., б.г. С. 35.

и мусульманами на равноправной основе, а правительство осознало необходимость рекомендовать мусульманским алимам проповедовать в мечетях религиозную толерантность. Сирийский избирательный закон предусматривал равновесное распределение мест в парламенте между всеми общинами, соответственно их численности. Нельзя также не заметить, что нынешний премьер-министр является христианином [Фарис аль-Хури¹], и что двое из трех членов сирийской делегации в Сан-Франциско (включая премьера) были христианами. Пока, разумеется, христиане выказывают свое единство с охватившим всех духом национализма – в смысле преданности сирийскому государству – и, пока этот дух свободен от религиозного фанатизма и ксенофобии, им нечего опасаться преследований, по крайней мере в городах, за свое христианское вероисповедание»².

Окончательный вывод из Леванта французских «специальных частей» к концу 1946 г. ознаменовал переход к суверенному существованию обеих стран. Объединительный для разных общин пафос общей борьбы за полное освобождение уступил место привычному разделению в соответствии с несовпадающими конфессиональными интересами.

Ожидания и реалии мусульмано-христианских отношений

Качественно новый период в истории ливанцев (впервые в полностью суверенном Ливане, расширенном далеко за пределы собственно границ Горного Ливана) не мог не сопровождаться некоторой взаимной подозрительностью, а

¹ Выпускник Американского университета в Бейруте, Фарис аль-Хури дважды становился главой сирийского Кабинета: с 14 октября 1944 по 1 октября 1945 г. и с 3 ноября 1954 по 13 февраля 1955 г.

² Memorandum by Headquarters, British Troops, North Levant: The Christian-Moslem Problem in Syria. The Future Relations between the Two Communities when the French and British withdrew (P. 628–634). Mr. Shone to Mr. Becin. No. 152. Beirut, 9 August, 1945. E 62228/5484/89, No. 16 // Cambridge Archive Editions. Minorities in the Middle East: Christian minorities, 1838–1967. Vol. 8: Greek Orthodox communities, Roman Catholic, Jacobite, Chaldean and Syrian Catholic communities in the Levant and Iraq, 1844–1955. Doc. 54. P. 629.

где-то и напряжением мусульмано-христианских отношений. С одной стороны, имело место разочарование большинства мусульман продолжавшимся и после ухода французов доминированием в экономике и политике христиан, а с другой – опасения христиан перед определенным недовольством местных мусульман.

Сыграл роль и мощный региональный фактор мусульманского единства – палестинская проблема. Именно мусульмане стали в авангарде антиссионистского движения, сплотившего и придавшего умме дополнительную крепость. Высший арабский комитет Палестины включал, конечно, и христианских патриотов, но все же локомотивом сопротивления ставшему уже серьезной силой еврейскому ишуву стали именно мусульмане. Возникшая позднее в Ливане боевая организация Надждада стала продолжателем арабо-мусульманской идеи одноименной палестинской структуры, возникшей еще в декабре 1945 г. в Яффе. Известно, в частности, что около 2 тыс. членов мусульманской палестинской Надждады 26 июля 1946 г. прошли маршем по Яффе и принесли присягу «на верность и преданность» руководству Высшего арабского комитета, среди своих целей имевшего прекратить продажу земли еврейским переселенцам¹.

Ливанская Надждада под руководством Аднана Хакима стала фактически суннитским оппонентом Катаиб. Очень осведомленный британский автор Джордж Мюррей в своей книге 1974 г. характеризовал ее как «мусульманский эквивалент Катаиб»². Организация была основана журналистом Мухиедином Нсули как военизированная молодежная организация. Среди своих задач ее члены видели возрождение и продвижение арабо-мусульманской культуры в Ливане, однако по уровню организации и сочувствия среди суннитов партия не достигла того уровня, что имела Катаиб среди маронитов³.

---

¹ [Chronological summary of events,] July 22 – August 11, 1946 // Chronology of International Events and Documents (Supplement to The World Today) / Royal Institute of International Affairs, Chatham House. 1946, Vol. 2, No. 15. P. 455.

² Murray, George T. Lebanon: The New Future. An Economic and Social Survey. Beirut: Thomson-Rizk, 1974. P. 47.

³ Petran, Tabitha. The Struggle Over Lebanon. N.-Y.: Monthly Review Press, 1987. P. 43.

Настроения в среде мусульман Ливана после войны следует оценивать не только в контексте региональных общеарабских задач, но и с учетом их давних связей с англичанами в противовес традиционным связям сиро-ливанских христиан с французами.

Касательно важности для англичан расстановки политических сил в ключевых странах Ближнего Востока, важно отметить вообще усиление внимания британской разведки на протяжении 40–50-х гг. к вопросам арабского национализма, а также к мере лояльности местных политиков по отношению к доминированию в регионе англичан и американцев. Если в 1948 г. эти вопросы находились в 4-й группе приоритетов из 5-и¹, то уже скоро, особенно с распространением насеризма и активностью в регионе СССР, они стали в числе наивысших приоритетов.

Богатые сведения, освещающие позиции мусульман по отношению к христианам, их доводы и претензии, содержит пространный документ того времени, начало которому положило оглашение с минбара Большой мечети Омара в Бейруте в пятницу 13 марта 1953 г. кади и главой шариатского суда Ливана, шейхом Шафиком Йамутом «Манифеста» Временного комитета Постоянной конференции мусульманских организаций Ливана². Манифест можно рассматривать в качестве квинтэссенции мнения значительной доли мусульман Ливана, а отчасти и Сирии, на тот момент. Манифест и обширный комментарий к нему, составившие вместе памфлет «Мусульманский Ливан сегодня», был опубликован на арабском и английском языках (что характерно), поскольку адресован как согражданам, так и «зарубежным друзьям». Памфлет попал по назначению: осенью того же года деятели британского МИДа детально обсуждали доклад по этому документу, и эта переписка сохранилась.

---

¹ Priority List: Annex to: Sigint Intelligence Requirements-1948. Draft Report by the Joint Intelligence Committee, 11th May 1948 // Aldrich, Richard and Coleman, Michael. The Cold War, the JIC and British Signals Intelligence, 1948, Intelligence and National Security, 1989, Vol. 4, No. 3. P. 548.

² По английски эта инициативная группа называлась: Provisional Committee for the Permanent Conference of Moslem Organisations of Lebanon.

Манифест преследовал цель восстановить справедливость в отношении якобы притесненной маронитами ливанской уммы и начинался так: «После многих лет терпеливой воздержанности – в надежде на то, что прогрессивные элементы внутри правительства, в котором превалируют христиане, а также политические группы Ливана предпримут действенные шаги по направлению к отмене государственного конфессионализма (sectarianism), предоставят равные возможности и продемонстрируют равное отношение ко всем ливанцам, независимо от их религиозных предпочтений, – теперь мусульманская община считает себя обязанной активно добиваться своих собственных прав в качестве своего вклада в продвижение всей нации к этой цели»¹. Подписавшие манифест требовали, в частности, пересмотра конституции, вселиванской переписи населения, прекращения селективного конфессионального протекционизма, создания единой экономической зоны Ливана и Сирии и проч.²

Представленный манифест сопровождал «доклад по общей ситуации с точки зрения мусульман» некоего агента Вадиха Малуфа, составленный 26 ноября 1953 г. на основе информации, якобы «полученной от среднего и низшего класса населения Триполи, Бейрута и Бекаа»³. Британский агент писал об уверенности мусульман в антиисламской политике президента Ливана: «Эти недовольства уже больше не тайна, поскольку они выражаются открыто и повсюду. Они начались довольно давно, но достигли такого высокого уровня только недавно <...> Многие из тех, с кем я встречался, отмечают отсутствие среди мусульман личности, обладающей настоящим влиянием над мусульманской общиной...»⁴.

Заслуживают внимания рукописные пометки на документе – своего рода переписка ответственных сотрудников Форин Офис по содержанию доклада.

---

¹ Moslem Lebanon Today // Minorities in the Middle East. Vol. 4. P. 331.

² Ibid. P. 332.

³ Wadiah Malouf, 26 Nov. 1953. 1014/15/3/53 Confidential // Minorities in the Middle East. Vol. 4. P. 326.

⁴ Wadiah Malouf. A General Review of the Political Situation. 26 Nov. 1953. Confidential // Minorities in the Middle East. Vol. 4. P. 328.

Некий «М-р Араб» писал 9 декабря того же года: «Я не до конца понял, действительно ли мусульмане намного глубже испытывают обиду, чем обычно, или же ситуация не критичнее, чем обычно»¹. На это был дан схематичный, но емкий ответ, очевидно, резидента: «Все эти обиды существуют, “суммы” помогают им перерасти в нечто опасное для президента. У Б. аль-Хури был Риад Сольх, чтобы успокаивать мусульман, Шамун² же не имеет такой поддержки. Если прибавить к этому неуклюжесть и отсутствие метода у президента, то вполне оправдываются ожидания потрясений при первой же возможности, такой как: Яфи уходит; Сами Сольха³ игнорируют при формировании такого Кабинета; или любой <нрзб> кризис. Доклад представляет не слишком блестящую картину, но относительно верную»⁴.

Ретроспективный анализ работы прошлой ливанской администрации содержал следующие оценки: «Одной из причин, приведших к отставке экс-президента Бешары аль-Хури, была его неудача обеспечить настоящее сотрудничество со стороны мусульманских кругов и отказ ведущих мусульманских политиков формировать правительство или принять министерские посты. Большинство мусульман верили, что Бешара аль-Хури, который был облечен полной конституционной властью, всегда работал против интересов мусульманского сообщества и делал все возможное для ослабления влияния мусульманских политических лидеров»⁵.

При этом тогдашние ведущие представители мусульман во власти оценивались в основном негативно – как слабые политики, либо преследующие свои цели, либо идущие на поводу у христианских лидеров. Якобы действительно авторитетные политики-мусульмане (например, сунниты Рифаат Казун, Му-

¹ Ibid. P. 326–327.

² Камил Шамун (1900–1987) – президент Ливана с сентября 1952 по сентябрь 1958 г.

³ Сами ас-Сольх (1887–1968) – премьер-министр Ливана в 1942–1943, 1945–1946, 1952, 1954–1955 и 1956–1958 гг.

⁴ Manuntal (?), 12 Dec. 1953. 1014/15/3/53 Confidential // Minorities in the Middle East. Vol. 4. P. 327.

⁵ Wadih Malouf. A General Review of the Political Situation. 26 Nov. 1953. Confidential // Minorities in the Middle East. Vol. 4. P. 328.

хаммад аль-Аббуд и Сулейман аль-Али, шиит Ахмад аль-Асаад¹) всеми способами отстранялись от власти промаронитской кликой президента Камиля Шамуна (1952–1958), который будто бы даже попустительствовал убийству некоторых из них. «Большинство мусульман, – говорится в докладе, – не удовлетворены теперешним правительством, ведь они считают, что Абдалла Яфи – слабая личность и очень легко управляется президентом и “врагами ислама и арабов”, то есть эддистами. Многие из тех, с кем я встречался, отмечают отсутствие среди мусульман личности, обладающей настоящим влиянием над мусульманской общиной, поскольку находят, что Сами Сольх – это “бон-папа” и эксцентрик, Саиб Салам – коммерсант, а Хусейн Ауэйни – коммерсант и слабая личность. Высокого мнения они о Хусейне Джисре»².

Отстранению от власти реальных мусульманских лидеров, популярных в народе, способствовал будто бы несовершенный закон о выборах: мусульмане полагали, что «этот закон был принят специально для того, чтобы ослабить лидерство мусульман (суннитов, шиитов, друзов) <...> По мнению [мусульман], таким образом, новый избирательный закон был направлен против их лидеров и интересов мусульманской общины»³. Приводились подробные детали по конкретным кандидатам из мусульман, причем в качестве одного из нареканий выступал доступ к голосованию по кандидатурам депутатов-мусульманам «христиан и рабочего класса».

В числе перекосов, якобы сознательно допускавшихся правительством в пользу ливанских христиан и в ущерб мусульманам подробно рассматривались следующие: неравномерное развитие водоснабжения, народного образования, несправедливый закон о найме недвижимости, препятствование проведению всеобщей переписи и др.

---

¹ Спикер ливанского парламента с 5.05.1951 по 30.05.1953. См.: Shanahan, Rodger. The Shi'a of Lebanon: Clans, Parties and Clerics. London – New York: I. B. Tauris. 2005. P. 65.

² Wadhi Malouf. A General Review of the Political Situation. 26 Nov. 1953. Confidential // Minorities in the Middle East. Vol. 4. P. 328.

³ Ibid.

В отношении развития инфраструктуры мусульмане жаловались: «Тогда как щедрая правительственная помощь на строительство хороших дорог, получение воды и электричества ожидается в христианские районы сельского Ливана, <...> помощи по тем же статьям оказываются лишены мусульманские населенные пункты. Тысячи мусульман в Набатии в Южном Ливане периодически страдают от нехватки воды в засуху в результате отсутствия минимальной помощи на развитие водных ресурсов в этом пренебрегаемом районе. Одним из наиболее ярких примеров маневров такого типа была борьба правительства за проект развития водоснабжения по “четвертому пункту” [Программы Трумэна] <...> Поскольку подразумевалось, что эта монополия будет под маронитским управлением и контролем, она могла вероятнее всего стать дополнительным оружием в руках наиболее непримиримых членов этой общины, гарантирующим им продолжение возможности удерживать мертвой хваткой Ливанскую республику и ее граждан»¹.

Закон о городском найме, по мнению авторов манифеста, был призван обеспечить приток в Бейрут христиан – «до тех пор, пока крупный портовый город не будет полностью отнят у мусульман». Будто бы принятый закон о тарифах найма замораживал рост тарифов на найм недвижимости, построенной до 1944 г., которая в большом количестве принадлежала мусульманам, но отпускал цены на более новые строения. Являясь основным источником дохода бейрутских мусульман, недвижимость могла приносить им после инфляции лишь смехотворные средства, тогда как построенные после войны здания принадлежали по большей части христианам и теперь якобы сказочно тех обогащали: «Поскольку здания после 1944 г. построены и продолжают возводиться невероятными темпами христианскими нуворишами, спекулянтами на войне и репатриантами из обеих Америк и Африки или же на присланные из-за рубежа деньги, то этот класс сделался чрезвычайно богатым и процветающим за счет

---

¹ Moslem Lebanon Today // Minorities in the Middle East. Vol. 4. P. 337.

высокой ренты. Он имеет возможность продолжать покупать недвижимость, строить новые здания и расширять свои экономические сети. Это сделано за счет постепенно беднеющих мусульманских владельцев собственности, которая пришла в крайне запущенное состояние или утрачена»¹.

Неравномерное развитие школьного образования ставилось, как это ни странно, в зависимость от иностранной помощи: «Общественные школы, в основном находящиеся под патронажем мусульман, не имеющих зарубежных миссий, и мусульманские частные школы, пренебрегаемые правительством, почти никогда не дотягивают до уровня высоких стандартов христианских или миссионерских заведений, несмотря на тот факт, что мусульманское население в большей степени нуждается в такой поддержке». А касаясь американской помощи по известному «четвертому пункту», авторы и вовсе прибегали к своего рода шантажу: «Прискорбно, что стоящие мусульманские учебные заведения, нуждающиеся в помощи или поддержке по 4-му пункту, не могут ее получить, поскольку по условию нужно ожидать финансирования таких проектов через правительство. <...> И, хотя чиновники, работающие по 4-му пункту, никоим образом не ответственны за дальнейшее усиление христианских элементов в Ливане над нехристианскими, но ведь именно на 4-й пункт, на США и в целом Запад некоторые малограмотные и антизападные элементы укажут как на ответственных за эту плачевную ситуацию, которая станет результатом дальнейшего отдаления арабских и мусульманских народов от западного влияния и дружбы»².

Ливанская мусульманская община не могла принять откровенно прозападный и антимусульманский, как они считали, курс президента-маронита К. Шамуна: «Многие говорят, что президента интересуют лишь две вещи: а) найти

---

¹ Ibid. P. 338.

² Ibid. P. 338–339.

пути и средства ослабить мусульманское влияние и б) устроить своих последователей на работу в государственные ведомства»¹.

О широком недовольстве мусульман политикой президента К. Шамуна подробно писал и Майкл Сулейман, историк и политолог из Канзасского университета. Он отмечал, что, наряду с проведением прозападной политики, от которой «президент Ливана не отошел и в период Суэцкого кризиса, ливанские сторонники арабизма, в первую очередь мусульмане, ставили ему в вину даже усиление этого своего курса путем назначения на должность главы МИДа Шарля Малика. Когда же Шамун поддержал “доктрину Эйзенхауэра”, ливанские мусульмане почувствовали опасность для страны превратиться в прозападное неарабское государство, где принципы “национального пакта” будут забыты»².

Итак, приведенный пример показывает, что среди мусульман в середине XX в. не только наблюдалось недовольство их положением, но свои претензии они даже напрямую формулировали в обращениях к западным державам. Скрытый конфликтный потенциал, тем самым, имелся. В Ливане он не получил выхода фактически вплоть до событий 1958 г., которые, впрочем, разделили общество не по религиозному признаку, а по отношению к прозападному курсу президента.

В Сирии период конца 40-х – 50-х гг. ознаменовался калейдоскопической сменой правительств и рекордным количеством военных переворотов. Важно, что они также не стали показателем или результатом какой-либо межрелигиозной борьбы. Применяя методологию, связанную с депривационной теорией, можно обобщить причины этих фактов следующим образом.

При французах католическо-христианское население Ливана и Сирии, как считается, достигло определенных социальных выгод, так что вывод француз-

---

¹ Wadhi Malouf. A General Review of the Political Situation. 26 Nov. 1953. Confidential // *Minorities in the Middle East*. Vol. 4. P. 329.

² Suleiman, Michael W. Elections in a Confessional Democracy // *The Journal of Politics*, Vol. 29, No. 1 (Feb., 1967). P. 113.

ского контингента мог ожидаться как взрывоопасная ситуация в плане реванша конфессионального большинства. Ценностные ожидания мусульман были не просто высоки, они отчасти возрастали по мере оставления французами своих позиций в Шаме. Но реализация этих ожиданий, то есть ценностные возможности мусульман не имели оснований для роста, что определяло расхождение этих кривых в модели ОД – нарушение социального равновесия по типу «устремленной депривации»¹. Конфликтогенность ситуации ощущалась, тем самым, как высокая. Возникает закономерный вопрос: почему тогда не произошло социального взрыва в ответ на невозможность мусульманам резко изменить несправедливую, как считали многие, ситуацию и достичь долгожданного реванша?

В ответ можно предположить, что, во-первых, ожидание восстановления некой социальной справедливости со стороны мусульман охватывало только небольшие их круги, а большинство отдавали себе отчет, что христианские бедные кварталы (городские низы), равно как и бедные христианские хозяйства никак не выиграли от пресловутой французской протекции. Так что, вероятно, представление о том, что мусульмане только и ждали возможности, наконец, свести счеты с христианами после ухода французов, преувеличено и является недопустимым обобщением.

Во-вторых, видимо, произошла скорая коррекция социальных ожиданий мусульман (т.е. их ценностных ожиданий), надеявшихся на протекционизм независимой национальной администрации: продолжилось обогащение ведущих суннитских, шиитских, друзских и алавитских кланов, а также семей недавно взлетевших по социальной лестнице военных и администраторов из мусульман. Бедные слои населения, скорее всего, быстро утратили (если только имели) иллюзию на восстановление социальной справедливости с наступлением периода независимости.

---

¹ Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. С. 89.

Что же касается ревизионистов из активных суннитских кругов (типа участников «Конференции побережья» в марте и «Мусульманского консультативного совета» в июле 1936 г.), не желавших мириться с крутыми административными реформами времен французской администрации, то их настроения не выражали, по всей видимости, мнения всех мусульман обеих стран. Да и для них самих надежды на пересмотр административного деления в сильно изменившихся региональных условиях не могли уже звучать реалистично. Как писал М. Джонсон, «Некоторые мусульманские лидеры уже были задействованы в правительстве, и суннитская буржуазия постепенно пришла к осознанию, что политическое деление Сирии – дело уже решенное (*fait accompli*)»¹.

Так что на поверку оказывается, что ценностные ожидания (экспектации) мусульман, прежде всего, не были едиными. Они не представляли собой протяженную по шкале времени цельную восходящую линию, а в те моменты, когда сохранялись на одном уровне, вовсе не сопровождались убыванием ценностных возможностей. Тем самым, протестные настроения не получили распространения среди значительных слоев населения, а потому не могли иметь достаточной взрывной силы.

В плане опоры на внешние силы сиро-ливанские мусульмане и христиане также не представляли собой сколь-нибудь цельных противостоящих лагерей. Хотя большинство тех и других тяготело к определенным внешним полюсам, взгляды внутри этих групп не совпадали по многим пунктам. Можно выделить наиболее типичные из таких «камней преткновения» применительно не только к проблемам Сирии и Ливана, но и шире – в региональном измерении:

1. Отношение к сотрудничеству с западными державами и СССР как полюсами «холодной войны»².

---

¹ Johnson, Michael. *Class and Client in Beirut: The Sunni Muslim Community and the Lebanese State, 1840–1985*. London: Ithaca Press, 1986. (243 p.) P. 25.

² В качестве одной из сторон глобального противостояния Запад проявлял большую подозрительность к Советам, что отражалось в антисоветской и антикоммунистической пропаганде среди народов Ближнего Востока. Англичане, в частности, заявляли, что еще с 1946 г. «интерес

2. Резкие разногласия по многим вопросам внешней политики (в частности, в отношении жестких действий постколониальных держав в Северной Африке).

3. Разный градус восприятия палестинской проблемы (например, в пункте требований мусульман предоставить палестинским беженцам гражданство) и самого существования Израиля.

4. Применение административного ресурса для пресечения активизма, и в частности, оказание давления на наиболее активных мусульманских лидеров, по-настоящему конкурентноспособных по отношению к христианским политикам, а в некоторых местах – наоборот.

В большинстве стран Ближнего Востока христиане вовсе не составляли единую оппозицию мусульманам – отчасти из-за дробности в конфессиональном плане и своего явного меньшинства, а отчасти поскольку основная их масса все-таки разделяла по многим пунктам позиции сограждан-мусульман (например, в части антиимпериализма).

В Ливане ситуация была совершенно особой. Невзирая на реалистичные оценки быстро менявшегося состава населения и даже неофициальные переписи¹, власти опирались на данные переписи, проведенной еще в 1932 г. и признавали небольшой перевес численности христиан. Европейцы, как правило, поддерживали в своих оценках эту пропорцию, как это делал, например, британский офицер-ученый, глава военных администраций в нескольких странах, Стивен Лонгригг. По его оценкам, на начало 60-х годов, соотношение общин в Ливане было следующим: при общей численности около 1,5 млн человек, чуть

Сталина к нефти Ближнего Востока угрожал самым основам британской имперской власти». См.: Dylan, Huw. *Defence Intelligence and the Cold War: Britain's Joint Intelligence Bureau, 1945–1964*. Oxford University Press, 2014. P. 49.

¹ Например, об одной из таких переписей мандатных властей якобы незадолго до заключения Национального пакта 1943 г. вспоминал британский посол Фрэнк Бренчли: «Я ясно помню, что одна перепись проводилась во время моего нахождения в Бейруте» (т. е. в 1942 или 1943 г. – *А. С.*) См.: Письмо Т.Ф. Бренчли П.Г.Дж. Райту в Посольство Великобритании в Бейруте от 5 июня 1973 г. // *Minorities in the Middle East: Muslim minorities in Arab countries, 1843–1973* / Cambridge Archive Editions: Near and Middle East, 2005. Vol. 4: 1950–1973. P. 356–357.

более половины составляли христиане: марониты – 425 тыс. чел., иных униатов и католиков – 110 тыс., православных 155 тыс., армян – 70 тыс., протестантов – 14 тыс.; мусульмане-сунниты – 290 тыс., шииты – 255 тыс., друзов – 90 тыс., иудеев – 6 тыс.; палестинских беженцев насчитывалось около 100 тыс. чел.¹ Подсчет по этим данным дает 51,6% христиан, 42,3% ливанских мусульман, около 7% палестинцев и 0,4% иудеев. По данным того же автора, ранее – накануне Второй мировой войны – доля христиан в Ливане оценивалась в 53% населения².

Во властных структурах все еще большинство составляли христиане-униаты, но мусульманские политики быстро набирали очки, продвигая интересы своих общин. Так что в послевоенное время совершенно особняком стояла ливанская повестка дня (и она во многом напоминала теперешнюю – в плане политико-конфессиональной конкуренции).

В частности, помимо вышеперечисленных, одним из острейших вопросов было избирательное законодательство, которое все участники демократического процесса пытались использовать для продвижения своего понимания справедливого конфессионального представительства. Демографическая динамика, как считали мусульмане, давно была в их пользу, но власти отказывали в проведении официальной переписи ливанцев, и в этом многие видели происки политиков-маронитов. Кроме того, маронитов подозревали в сотрудничестве с сионистами, и это обвинение со стороны мусульман было наиболее успешным в пропагандистском плане.

Мусульмане, в свою очередь, использовали имевшиеся у них политические козыри, не забывая периодически указывать на продолжавшееся притеснение их со стороны властей в пользу христиан. Упомянувшийся выше информант британского внешнеполитического ведомства сообщал в начале 50-х го-

---

¹ Longrigg, Stephen H. *The Middle East: A Social Geography*. Chicago: Aldine Pub. Co., 1963. P. 128.

² Longrigg, Stephen H. *Syria and Lebanon Under French Mandate / Royal Institute of International Affairs*. London – New York – Toronto: Oxford University Press, 1958. P. 340.

дов: «Все мусульмане, которых я встречаю, убеждены, что положение не изменилось, и что президент Шамун проводит антиисламскую политику в Ливане»¹. В послании от 11 марта 1952 г. на имя президента Ливана от Союза мусульманской молодежи указывалось, что «из 101-го поста начальников, или “мудиров”, 69 занимают христиане и только 32 мусульмане. <...> В основных ведомствах – оборонном, полицейском, таможенном, судебном и др. проводится в жизнь христианское доминирование и контроль; [в частности] только незначительное количество мусульман входят в число 300 официальных управленческих должностей крупного международного аэропорта Хальде»².

В свою очередь, и христиане испытывали беспокойство нарастающей активностью мусульман. В качестве показательного примера, имеет смысл упомянуть ливанское благотворительное общество «Макасед» (*Джам‘ийат аль-Макасед аль-хайрийа аль-исламийа фи Бейрут*), которое начав с начального образования еще в 1878 г.³, впоследствии распространило свою активность и на другие области поддержки суннитов на территории Ливана: ему принадлежали крупнейшие больницы, в период мандата оно осуществляло похоронные мероприятия всех бейрутских мусульман, а бедным единоверцам предоставляло бесплатную помощь. Общество содержало приют для сирот, дом престарелых, скаутскую мусульманскую организацию, фонд экстренной помощи, а также крупную больницу-стационар на 200 койко-мест. К 1971 г. «Макасед» курировало 13 начальных школ, по три средних школы для мальчиков и девочек, один педагогический колледж и медучилище. Большинство этих учебных заведений предоставляло бесплатное обучение. В образовательных и медицинских заве-

---

¹ Confidential addition by Wadih Malouf to the pamphlet “Moslem Lebanon Today”, Nov. 26, 1953 // Ibid. P. 328.

² “Moslem Lebanon Today”, 1953 // Ibid. P. 335. (Международный аэропорт Бейрута теперь носит имя Рафика Харири. – А. С.)

³ Возможно, вовсе не случайно открытие этой мусульманской организации было близко по времени к открытию в Бейруте Американского протестантского колледжа (впоследствии – Американского университета) в 1866 г. и Семинарии отцов-иезуитов (впоследствии – Университета св. Иосифа) в 1875 г.

дениях Общества работали около 1 тыс. специалистов, включая учителей, докторов, медсестер, адвокатов, бухгалтеров, архитекторов, инженеров, и еще около двух сотен обслуживающего персонала¹.

М. Джонсон так оценивал политическую значимость Общества: «Традиционные отношения “Макасед” с местными духовными лидерами ислама, его продвижение религиозных ценностей и активность по организации обороны мусульман – все это способствовало его роли как конфессионально заинтересованной группы. Такая роль повышала важность для суннитских политиков быть связанными с Обществом. Суннитский лидер утверждал свое высокое положение, если был членом этого благотворительного общества со столь высокой религиозной значимостью. Он получал возможность продемонстрировать оба необходимые для нотабля качества – филантропию и набожность, и тем самым покрывать респектабельным лоском неприглядные аспекты своей политической практики»².

Впоследствии характер общества «Макасед» стал более светским: если до 1931 г. его главой становился верховный муфтий Ливана, то с 60-х годов ни в его совете директоров, ни среди ведущих членов уже не было шейхов, а светские дисциплины преподавались на самом высоком уровне. В то же время, как писал цитируемый автор, «религиозный аспект образования продолжал оставаться важным, и школы “Макасед” прививали своим ученикам чувство религиозной идентичности. Общество также защищало мусульман, особенно суннитскую общину, от реальных или воображаемых нападков со стороны христиан. <...> Не будет ошибкой считать это конфессиональной борьбой, ведь, к примеру, волна насилия в период выборов внутри “Макасед” в 1970 г. угрожала стабильности ливанского режима»³.

---

¹ Johnson, Michael. Factional Politics in Lebanon: The Case of the 'Islamic Society of Benevolent Intentions' (Al-Maqaṣid) in Beirut // *Middle Eastern Studies*, Vol. 14, No. 1 (Jan., 1978) (P. 56-75) P. 57.

² Ibid. P. 58.

³ Ibid.

Подобные локальные организации имелись и в Дамаске, и Алеппо, и других городах Шама, но в масштабе всего региона мусульмане объединялись и на основе идеологий, охватывавших огромные массы населения. Оставляя в стороне одиозную деятельность исламистской организации «Братья-мусульмане», целью которой была исламизация обществ и государственных структур в регионе, в 50-е годы на первый план вышли два других мощных региональных фактора объединения ближневосточных мусульман (преимущественно суннитов): (1) насеризм, быстро охвативший умы миллионов жителей Ближнего Востока, и (2) набиравшее обороты в 50-е годы (и вышедшее на первый план к концу 60-х) палестинское Сопротивление, которое втянуло в орбиту своей повестки очень широкие круги арабов. Оба этих фактора очень беспокоили некоторые круги христианских общин. Особенно явным это было в период правления упоминавшегося уже ливанского президента К. Шамуна.

Серьезным фактором внутриливанской раскладки общественно-политических сил и движений стало распространение известных идей Гамалея Абд ан-Насера, ставшего в 1956 г. президентом Египта. Его Призыв к арабскому единству был воспринят с энтузиазмом особенно суннитским населением. Жесткое противодействие этим идеям имело место со стороны старой ливанской аристократии, видевшей в них угрозу кланово-конфессиональной и клиентельной структуре, обеспечивавшей существование высшей социальной страты. Самым ярким выразителем сопротивления насеризму стал президент Шамун, выходец из знатного маронитского рода Дейр-эль-Камара (каза Шуф).

Закономерным следствием напряжения в обществе, вызванном резко прочерченной границей, разделяющей идеологические лагеря, стал т. н. ливанский кризис 1958 г., который, многие тогда склонны были считать гражданской войной. Без сомнения, конфессиональный компонент этого конфликта также имел место¹, но он не являлся самостоятельным, будучи напрямую связанным с

---

¹ В частности, вновь – век спустя – начали обостряться друско-маронитские отношения, хотя их традиционное противостояние, обусловленное ранее вынужденным соседством на ограниченных

экономической, внутри- и внешнеполитической линией тогдашней администрации, и идеологией, противостоящей популярному среди мусульман арабизму¹.

Ливанский президент и в самом деле видел своим главным врагом насе- ризм и его сторонников из Египта и Сирии. Кстати, предложением приглашения в Ливан в помощь президенту американского воинского контингента была угроза со стороны образованной в том же году Объединенной Арабской Республики². Сразу после иракской революции в июле 1958 г. в Иордании, близ границы с Ираком, высадились 6 тыс. британских десантников, а в Ливане – 20 тыс. аме- риканских морских пехотинцев³. Эта акция рассматривалась тогда исключи- тельно в военно-политическом ключе; она вызвала широкое осуждение и рас- сматривалась в качестве поддержки выгодных Западу ближневосточных режи- мов⁴ и силовой меры противодействия новым мощным идеологическим течени- ям левого толка, завоевавшим умы многих и многих в регионе Ближнего Во-

---

территориях Джебель Любнан, постепенно ушло в тень – вместе с присоединением еще в начале 20-х годов к Ливану многих сирийских районов, населенных суннитами. Но, как писала И.М. Смилянская, «в периоды обострения политических и социальных кризисов делаются попытки разжечь друзско-маронитский антагонизм. Так было и во время народного восстания 1958 г.» См.: Смилянская И.М. Крестьянское движение в Сирии и Ливане в первой половине XIX в. М.: Наука, 1965. С. 84.

¹ См. подробнее: Ланда Р.Г. История Ливана. XX век. М.: ИВ РАН, 2016. С. 97–98. Майкл Джонсон писал об этом: «Президент Насер, чьи изображения стояли на виду во всех суннитских кварталах Бейрута и чьи речи с удовольствием слушали по радио, явился фактически займом, стоящим над ли- ванской системой и объединившим людей, разделенных прежде на вертикальные клиентельные структуры». См.: Johnson M. Class and Client in Beirut... P. 131.

² Характерно, что о появлении «около 40 кораблей 6-го флота США в Восточном Средиземноморье» сообщала швейцарская газета «Нойе Цюрихер Цайтунг» (со ссылкой на «Франс-Пресс») еще 27 июня 1958 г.: «Танкер и грузовое судно, выходя из бейрутской гавани, встретились у границы побережья Ливана с американскими военными кораблями, а самолеты, садившиеся в международном аэропорту Бейрута, наблюдали крейсерские группы, патрулировавшие ливанскую акваторию в 80 км от берега». *Neue Zürcher Zeitung*, 28.06.1958. О нецелесообразности непосредственного приглашения Шамуном американо-британского контингента писали тогда, в частности, и «Таймс», и «Манчестер Гардиан».

³ Ланда Р.Г. История Ливана, XX век. М.: ИВ РАН, 2016. С. 98. Приведенные цифры, очевидно, приблизительны.

⁴ В послании Ш. де Голлю от 19 июля 1958 г. Н.С. Хрущев писал: «Ни народ, ни парламент Ливана не приглашали американских войск, больше того, председатель парламента заявил протест против их высадки. Следовательно, “приглашение”, направленное Шамуном, не имеет конституционной силы. <...> И в Ливане, и Иордании обанкротившиеся правители, лишившиеся поддержки собственных своих народов, пытаются удержаться у власти с помощью интервентов, <...> не смогут удержаться у власти правители, опирающиеся на чужеземные штывки». См.: СССР и арабские страны, 1917–1960 гг.: документы и материалы / МИД СССР. М.: Гос. изд. политической литературы, 1961. С. 538.

стока. Религиозного же аспекта в анализе этой интервенции ни у наших, ни у зарубежных ученых обнаружить не удалось. Рассматривать очевидный спор за сферы влияния, борьбу за власть, за геополитические и экономические интересы на Ближнем Востоке, наконец, за первенство на идеологическом фронте сквозь призму межрелигиозного противостояния, видимо, не казалось ни целесообразным, ни возможным.

Во многих сообщениях тогдашних СМИ действия ливанского президента характеризовались как из ряда вон выходящие. Даже католическая газета «Таблет» писала, что ему удалось «настроить против себя не только умеренных мусульман, но даже маронитского и мелькитского патриархов»¹.

Воспользовавшись провозглашенной американцами небезызвестной доктрины их внешней политики (январь 1957 г.), К. Шамун обратился за военной помощью к президенту Д. Эйзенхауэру. Интересно, что собкор в Вашингтоне швейцарской «Нойе Цюрхер Цайтунг» на второй день после высадки десанта США под Бейрутом, 16 июля 1958 г., писал об отсутствии единомыслия среди американских парламентариев. Он передавал: «Сенаторы-демократы Мэнсфилд, Фулбрайт и Морс, а также республиканец Шерман Купер открыто заявили, что интервенция в их глазах является ошибочным шагом, [который направлен] вовсе не против возможной угрозы советского противодействия, по мнению многих – ничтожной; они убеждены, что вредоносным силам на Ближнем Востоке нельзя противостоять с помощью военной силы, и опасаются, что Америка утратит из-за этого доверие в арабском мире»².

Следующий президент Ливана, Фуад Шихаб, еще в период вспыхнувшей было гражданской войны в Ливане в 1958 г. пытался действовать в объединительном ключе. Будучи тогда командующим армией, он, как писал современник, оказывал косвенную поддержку умеренным мусульманским лидерам, в частности, мятежному Саибу Саламу: «Он никогда не использовал свои войска

¹ NZZ Archive, 1907. *Neue Zürcher Zeitung*, 29. Juni 1958. "Die Frage einer Intervention in Libanon".

² NZZ Archive, 2081. *Neue Zürcher Zeitung*, 16. Juli 1958. "Die amerikanische Intervention im Libanon".

для прямого наступления на преданные лидерам повстанцев мятежные районы Бейрута»¹. Саиб Салам, опытный политик и очень влиятельный суннитский заим, оставаясь авторитетным в глазах столичных мусульманских лидеров, предводителей мелких мусульманских вооруженных группировок Бейрута, был назначен вскоре главой правительства. Это было сделано не без определенного расчета президента-маронита Шихаба: «Особое внимание к кандидатуре Салама было обусловлено необходимыми гарантиями, что суннитская улица не будет вновь приведена смутьянами в возбуждение»².

Серьезнейшим фактором, способствовавшим консолидации мусульман Ближнего Востока, был пафос борьбы с Израилем за арабскую мусульманскую Палестину. Хотя поначалу палестинское сопротивление носило декларативно светский характер, было ясно, что вооруженные группы «на земле» видят свою борьбу именно как освобождение своей мусульманской родины. Названия возникших впоследствии организаций, содержащих определение «исламский», красноречиво говорят в пользу такого довода.

Активированная этим обстоятельством религиозная сторона палестинской проблемы сразу стал проявляться в странах с заметным политическим участием христиан. Хиляль Хашан так писал об этом: «Когда в конце 60-х гг. ООП начала действовать в Ливане, пренебрегая линией ливанского правительства, поддержка [ливанскими] суннитами ООП против собственного правительства была всеобъемлющей»³.

Быстро нарастая, вопрос палестинско-мусульманской политической активности вкупе с боевыми (и даже террористическими) акциями за пределами собственно Палестины, вскоре вытеснили вопросы, связанные с распространением арабского социализма на Ближнем Востоке, поставив под сомнение саму идею единства арабов на основе общности культуры, истории и языка. Доста-

¹ Archiv für Zeitgeschichte der ETH Zürich (AZGZ). NL Guido Keel 6.2 Politische Berichte, 1961. Посольство Швейцарии в Бейруте. Донесение посла Гвидо Киля в Берн от 22.05.1961. P. 3.

² Ibid.

³ Khashan H. The Lebanese State... P. 87.

точно вспомнить события октября 1969 г. на юге Ливана, например, жестокие кровопролитные бои палестинцев с ливанской армией возле Айтаруна, чтобы оценить расхождения в повестках арабов в то время. Посредничество Г. Насера тогда было фактически навязано ливанским властям, а Каирское соглашение от 3 ноября 1969 г. было, по сути, вырвано силой и узаконило неподконтрольное вооруженное присутствие ПДС в Ливане. Даже при всей ангажированности советской аналитики того времени, автор специального материала на эту тему констатировала: «Каирское соглашение явилось результатом как внутреннего, так и внешнего давления на правящую верхушку Ливана, которая была вынуждена искать компромисс с палестинским движением»¹.

Последующие события в Иордании и исход оттуда в 1970 г. палестинцев в значительной степени как раз в Ливан, израильско-арабская война 1973 г., укрепление ячеек ПДС в Ливане, а также многие другие связанные с этим факторы, создали вскоре опасное напряжение. Отказываясь от любого арабского единства вне решения задач палестинского сопротивления, непримиримые борцы с Израилем на территориях других государств косвенно обостряли и местные межрелигиозные отношения. Это, в числе прочего, привело к кровавым столкновениям в Ливане в 1975–1976 гг., которые ознаменовали начало полуторадесятилетнего периода гражданской войны.

Отдельные факты свидетельствуют, что и местные промусульманские политические силы пытались оспорить привилегированное положение христиан в государственном аппарате. Еще в 1960 г. имела место попытка со стороны лидера суннитской организации Наджжада поставить вопрос об изменении основ ливанского конфессионального представительства. Описавший этот эпизод в своем донесении швейцарский посол Гвидо Киль отстраненно замечал: «Всякое посягательство на существующее положение может иметь далеко идущие последствия, поскольку грозит подорвать в государстве сосуществование религи-

---

¹ Алиева С. Палестинское движение сопротивления и арабские страны (1964–1976 гг.) / Науч. Ред. В.И. Носенко; ИВ АН СССР; Специальный бюллетень, 1986, № 4. М.: Вост. лит., 1986. С. 79.

озных общин, в котором и усматривается особенный “рэзон д’этр” Ливана. В последние месяцы усилились признаки того, что со стороны мусульман-суннитов идут попытки расшатать нынешний религиозно-политический баланс в Ливане, чтобы изменить его в пользу превосходства мусульман. Кровавые события летних месяцев 1958 г. пробудили в мусульманской части населения силы, которые, несмотря на последовавшую за беспорядками формулу примирения “Ни победителей, ни побежденных”, по-видимому, не собираются отказываться от своих подрывных действий и своей цели (*auf ihre subversiven Unternehmungen und Ziele*)»¹.

Уже тогда являлись попытки пересмотреть уровень политического участия христиан, и уже тогда – как и сейчас – на христианской политической и религиозной элите Ливана лежала определенного рода ответственность за сохранение оплота ближневосточного христианства в гармоничном сосуществовании с мусульманским большинством. Подчеркивая своеобразие этой страны и ее роль в регионе, Гвидо Киль писал: «Своим президентом-христианином Ливан вносит особое звучание в сообщество арабских стран, где ислам неизменно является государственной религией и где государственные власти главным образом в соответствии с конституцией должны быть мусульманскими. Особый случай Ливана до сих пор служил свидетельством того, что арабы необязательно должны принадлежать к мухаммеданству. Для христианских меньшинств близлежащих стран это было бесценной моральной и политической опорой. Теперь же дело выглядит так, что, похоже, в кругах приверженцев панисламского фанатизма интерпретация арабизма в духе религиозной толерантности больше не приемлема»².

В этих словах звучала обеспокоенность за судьбу христианства на всем Ближнем Востоке, причем Ливан, как и сейчас, воспринимался тогда ключевой страной в этом отношении: сдача позиций христиан в Ливане из-за безответ-

---

¹ AZGZ. NL Guido Keel 6.2 Politische Berichte, 7.12.1960. P. 2.

² Ibid. P. 3–4.

ственности политиков, возможно, означала бы уход христианства из региона в целом. Об этом, в частности, с тревогой высказывался тогдашний маронитский архиепископ Бейрутский, монсиньор Зияде¹: «Грядущие годы должны принести тяжелые и жестокие столкновения, в которых нужно суметь выстоять против растущего потока исламских боевиков. <...> Единственно возможная позиция может заключаться в твердости и решимости давать отпор. Стоит христианам смягчить свою позицию, и следствием будет не только крах христианского Ливана, но одновременно и поэтапное уничтожение христианских меньшинств в других арабских странах»². Понимая всю трудность ситуации, монсиньор Зияде предлагал все же конструктивное решение: «Что же можно сделать для предотвращения этого угрожающего развития событий? Нужно и дальше пытаться искать самых лучших и с широкими взглядами мусульманских интеллектуалов и политиков для воплощения идеала ливанского государства с его толерантностью и взаимным сотрудничеством. Немаловажно искренне следовать этой идее»³.

Такое мнение архиепископа в целом разделял маронитский патриарх Булос Меуши, в политическом плане являвшийся, кстати, его оппонентом (так, в событиях 1958 г. он был на стороне восставших, не разделяя политику президента Шамуна). И все же патриарх признавал, «насколько левантийские христиане составляют только небольшую группу в гуще исламской нации. В случае, если мы, – говорил патриарх Меуши, – не найдем способа своевременной интеграции, мы будем просто сметены с лица земли»⁴.

Корень проблем маронитский архиепископ Зияде приписывал вовсе не имманентной якобы обществу межрелигиозной конфронтации, а человеческим порокам, которые, с одной стороны, толкают безответственных политиков к

---

¹ Монсиньор Игнас Зияде (1906–1994), архиепископ Бейрутский в 1952–1986 гг.

² Ibid. P. 4–5.

³ Ibid. P. 5.

⁴ Ibid. P. 6–7.

разрушительным призывам, а с другой, искажают нравственный облик верующих и дают повод к осуждению их вероисповедания. «Вместе с тем, – говорил архиепископ, – существуют большие массы невежественного и охваченного примитивным фанатизмом населения, которых религиозно-националистические лозунги тщеславных вождей воодушевляют и направляют к подрывным целям»¹. Выделяя часть христиан перед мусульманами за их моральную цельность, их осознание социальной ответственности и их безукоризненные убеждения, он с горечью относил эти качества лишь «в отношении значительной части простых горцев, – как писал швейцарский посол, – но не образованных и лучше устроенных социальных слоев городского населения: здесь христиане показывали мусульманам слишком плохой пример. Они борются, как считал монсиньор Зияде, за политическое превосходство из чисто личных интересов. Они преклоняются перед раздутым материализмом и безграничной жадной наслаждения и наживы. В руках христиан находятся бесчисленные сомнительные ночные клубы столицы, крупные и поменьше подозрительные гостиницы. Под покровительством христиан – наркоторговля и даже торговля девушками. В отношении коррупции христиане несколько не отстают от мусульман»².

После встречи с патриархом Булосом Меуши, Гвидо Киль отмечал: «Патриарх – очень приятная личность, в которой, несмотря на возраст, все выдает яркий темперамент и сильную волю <...> Патриаршью резиденцию я покинул под впечатлением таким боевым, словно пообщался с духовно окормляющим князем церкви»³.

Маронитский патриарх сказал в той беседе: «Я порой спрашиваю себя, как долго смогут продержаться здесь мои маронитские братья. Сегодня снова видны серьезные признаки опасности. Если еще раз будут затеяны вероломные

---

¹ Ibid. P. 5.

² Ibid.

³ Ibid. P. 8.

действия, лицо христианского Ливана переменится. В этом направлении идет агитация из зарубежных центров. Христианам стоит осознать угрозу, и они должны объединить свои силы»¹.

В соседней Сирии социально-политическая диспозиция основных конфессий разительно отличалась от ливанской уже в силу демографических особенностей. Плотность населения в сельских районах в основном сильно уступала ливанским, христианские общины представляли собой явное меньшинство, а соотношение мусульманских конфессий было совершенно иным, нежели в Ливане. Еще в момент политического «переформатирования» сирийских территорий французами в 1922 г., по сведениям С. Лонгригга, на подмандатных сирийских территориях насчитывалось 1 млн 19 тыс. суннитов, 8,8 тыс. шиитов, 190 тыс. алавитов, 47 тыс. друзов, 14 тыс. исмаилитов, 10,6 тыс. иудеев, 167,6 тыс. христиан и 15 тыс. приезжих, в том числе из Ливана². В пересчете на процентные доли это означало следующее соотношение: 69% суннитов, 0,6% шиитов, 13% алавитов, 3,2% друзов, 1% исмаилитов, 11,4% христиан. По данным того же автора на конец 30-х годов, мусульманское большинство составляло 85% (причем – и это характерно для тогдашнего восприятия мусульманских меньшинств – предлагалась и цифра без учета друзов – 82%)³.

По данным С. Лонгригга на начало 60-х годов, суннитов в Сирии проживало 2 млн 800 тыс. чел., исмаилитов и шиитов – 54 тыс., друзов – 120 тыс., алавитов – 410 тыс., православных христиан – 175 тыс., армяно-григориан – 112 тыс., яковитов – 53 тыс., несториан – 12 тыс., протестантов – 15 тыс., униатов и католиков (включая маронитов) – 130 тыс., иудеев – около 20 тыс., езидов – 3 тыс. чел.⁴ В процентном соотношении это выглядело как 72% суннитов, 1,4%

---

¹ Ibid. P. 7–8.

² Longrigg S.H. Syria and Lebanon... P. 128.

³ Ibid. P. 340.

⁴ Longrigg S.H. The Middle East... P. 131.

исмаилитов и шиитов, 3% друзов, 10,5% алавитов, 4,5% православных, 2,9% армян-григориан, 1,4% яковитов, 0,3% несториан, 0,4% протестантов, 3,3% маронитов и иных униатов. То есть, 87% мусульман и 12,8% христиан.

На пути выстраивания отношений христиан и мусульман в обеих странах оказывалось множество препятствий, коренящихся в самых разных областях: кланово-племенных отношений, политических убеждений и идеологических предпочтений, хозяйственных связей и экономической зависимости, культурно-образовательных контактов с Западом и вообще многопланового зарубежного влияния.

Последняя группа факторов представляется наиболее существенной – превосходящей порой по своему значению внутренние. «Агитация из зарубежных центров», о которой упоминалось в цитате донесения швейцарского посла, представляла собой, по-видимому, многокомпонентное влияние из-за рубежа на политический бомонд и на прессу, на горожан и жителей села – через образовательные и благотворительные учреждения и миссии, а также через церкви и мечети. Дело доходило до того, как мы видели, что не только христианские, но и мусульманские общины апеллировали к европейским державам, призывая помочь в сдерживании сограждан, исповедовавших иную веру.

Маргинализация конфессиональной проблематики на волне идеологии

Третья четверть XX века имела в жизни ливанского и сирийского обществ одну важную особенность, которую нельзя обойти вниманием, анализируя межконфессиональные отношения в этих странах. Это был уникальный этап в их истории, когда общественная жизнь в очень высокой степени определялась приверженностью разным социально-политическим идеям, когда группы населения безотносительно их религиозной принадлежности следовали тем или иным течениям и региональным идеологическим веяниям, а партийное строительство велось на основе ярких догм и рельефных программ. Выяснения

межконфессиональных отношений при этом нередко уступали место идейным баталиям, в ядре которых оказывались то или иное понимание, например, социальной справедливости или национализма. Межобщинные противоречия продолжали оказывать лишь подспудное влияние на происходившие явления. К окончанию этого этапа стало все четче проявляться (в обеих странах совершенно по-разному) противостояние приверженцев светской линии и тех, кто шел на сознательное обострение религиозного фактора политической жизни – от охранительного его аспекта до экстремизма в региональном масштабе.

К концу 40-х годов в Сирии и Ливане были представлены разные идейные течения, формировавшиеся на местной почве, например, пансирианизм в изложении Антуна Сааде, радикал-социализм Акрама Хаурани, быстро набравший силу баасизм, сформулированный Заки Арсузи, Мишелем Афляком и Салах ад-Дином Битаром. (Нелишне будет заметить, что и Сааде, и Афляк были выходцами из православной общины, а Арсузи – алавитской, хотя из этого замечания не может следовать никакого вывода.) Наряду с этим сирийско-иракским изводом арабского социализма вскоре стало широко распространяться подобное ему движение египетского образца – насеризм, обладавший своим особым общеарабским социалистическим пафосом¹. Различные идейные течения почти никак не были связаны с конфессиональной принадлежностью их адептов, в их основе лежали идеи социальной справедливости плюс мощная инерция антиколониальной борьбы². Они действовали в контексте оформившегося в послевоенный период глобального противостояния – «холодной войны» с ее двумя главными мировыми полюсами³.

¹ См. интересный критический разбор арабского социализма: Ашраф, Мухаммад Рашид. Об арабском социализме» (Пер. с франц. А.З. Алмазовой из “*Démocratie nouvelle*”, june 1961) // Специальный бюллетень, № 22, Ин-т народов Азии АН СССР. М., 1961. С. 83–88.

² См. подробнее об этом: Сарабьев А.В. Локальное отражение глобальных течений: Сирия и Ливан на идеологическом рубеже (начало 60-х гг. XX в.) // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2017, т. 10, № 2: «Ближний Восток: на пути к новой политической реальности». С. 81–96.

³ В этом отношении заслуживает внимания идея Иммануила Валлерстайна, который отважно утверждал зарождение в 1917 г. «великой идеологической антиномии XX в. – вильсонизм против

Вторая половина XX в. открыла и около двух десятилетий сохраняла в отношении ряда ближневосточных стран новое, неповторимое состояние погруженности в самобытные идеологии марксистско-националистического толка. Они на долгое время оттеснили на второй план вопросы межобщинных отношений, во многом маргинализировали религиозную социальную проблематику. С одной стороны, был брошен вызов империалистическому утилитаризму Запада, а с другой – коммунистической советской идеологии за ее доминирующий атеизм¹.

Этот период длился недолго. После закрепления арабизма в основании ряда ближневосточных политических систем – в его буржуазно-демократической форме или же форме мелкобуржуазного социализма с общенациональным арабским пафосом – уже с середины 60-х годов разделение по идеологическим границам стало отчасти отходить на второй план. В центр политических событий в регионе в целом стала выноситься борьба арабов с сионизмом, а довольно скоро проблема методов борьбы палестинцев с израильтянами с территорий других арабских государств приобрела свою известную трагическую сложность.

Возвращение на региональную авансцену межконфессиональной повестки было связано как с этими вопросами, так и усилением политического ислама (исламизма) – во многом как составляющей антиссионистского Сопротивления (*аль-мукавама*). Тем самым, вновь приобретшая актуальность проблема христианско-мусульманских (и более частных межобщинных, например, маронитско-друзских) взаимоотношений вовсе не была самостоятельной. Вскоре этот комплекс проблем стал производным также и от нараставшего в Сирии и Ли-

---

ленинизма», якобы прекратившей свое существование лишь в 1989 г. См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М., 2001. С. 151.

¹ Современник писал: «Кремль изначально осуждал режим Насера как “реакционный, террористический и демагогический”». См.: Utley, Freda. Will the Middle East Go West? Chicago: Henry Regnery Co., 1957. P. 52.

ване мусульманского радикализма, охватившего уже далеко не только суннитские, но и шиитские круги.

Вторая половина XX в. для ближневосточного региона ознаменовалась еще и новым серьезным соперничеством, отразившимся на его политической жизни. Происходил явный передел влияния между главными участниками западного блока, и Соединенные Штаты все с большим успехом использовали для себя послевоенное истощение возможностей англичан и французов, чьи колониальные аппетиты в отношении Ближнего Востока они сами считали «традиционными». Американцы старались не допустить сближения местных националистов с «советским блоком», и, по-видимому, потворствовали распространению арабского национализма на свой лад – антикоммунистический, а заодно и одобрительно относились к радикализации местных фундаменталистов, с целью создания у арабов благоприятного образа своей политики. Так, в 1953 г. американский посол в Ираке сообщал в госдепартамент некоторые соображения относительно американской стратегической линии на Ближнем Востоке в целом: «Наша наибольшая проблема здесь коренится в необходимости представить объединенный фронт вместе с Британией и Францией и, в то же время, избежать обвинений в следовании духу колониализма. <...> Разрыв между Западом и усилившимся национализмом является той линией, вдоль которой прилагает свои усилия коммунизм и, следовательно, линией, на самом деле опаснейшей для местного населения»¹.

Подтверждением остроты нового соперничества могут служить курьезные, на первый взгляд, обстоятельства взаимоотношений США и участников «Синайской кампании» 1956 г. Американцам удалось стать вне обвинений со стороны арабов и сохранить образ справедливого арбитра, хотя их союзники (Израиль, Британия и Франция) выдвинули свои военные силы против Египта,

---

¹ The Foreign Service of the USA. American Embassy, Baghdad, Iraq. Burton Y. Berry to Henry A. Byroade, Assistant of State for Near Eastern, South Asian, African Affairs, Department of State. July 15, 1953. Secret – Security Information. P. 1–2.

когда тот в июле 1956 г. национализировал Суэцкий канал (по сути, при ведущей политико-дипломатической и даже отчасти военной поддержке Советского Союза). В отношении стран Арабского Востока, в том числе в его «французском секторе» (Сирии и Ливане), у США появился тем самым дополнительный козырь, который они использовали для активизации продвижения своих проектов – «доктрины Эйзенхауэра–Даллеса»¹ и «Багдадского пакта». Ближний Восток был, таким образом, полностью вовлечен в «холодную войну», причем борьба идей шла далеко не только в политических кругах, но в широких слоях сирийского и ливанского обществ.

Насеризм стал тогда для арабов мощной составляющей их идеологического фронта. Он захлестнул Ливан, а также Сирию, где баасизм еще только набирал обороты, и его конкуренция с египетской версией арабского социализма фактически привела к клинчу в условиях многоплановых разногласий сирийцев и египтян в период Объединенной арабской республики (1958–1961). Баасизм в Сирии окреп и набрал силу как раз в 60-е годы, а окончательно выкристаллизовался в ходе «исправительного движения»², запущенного в 1970 г.

Ведущая общеарабская национальная составляющая обозначила в 60-е годы русло этого уникального идеологического течения. «Националистические идеи, – пишет главный идеолог сирийской ветви ПАСВ последней четверти XX в. Абдалла аль-Ахмар, – подвергались критике и до коммунистов: арабский национализм сталкивался с критикой со стороны, например, сирийских националистов. <...> Именно из партии Баас вышли большинство тех, кто продвигал

---

¹ О военно-финансовой помощи и по «программе Трумэна», и по этой программе И.П. Беляев и Е.М. Примаков писали в 1974 г.: «Сама экономическая помощь капиталистических стран молодым государствам появилась лишь с началом борьбы двух систем – социалистической и капиталистической. Характерно, например, что на первом этапе предоставления своей финансовой и технической помощи развивающимся странам по государственной линии правительство США, как правило, лишало их помощи в случае нежелания принимать американские условия». См.: Беляев И.П., Примаков Е.М. Египет: время президента Насера. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1981. С. 233–234.

² В программном заявлении от 16 ноября 1970 г. говорилось, что необходимо было искоренить использование власти для унижения достоинства граждан, бюрократизм в аппарате власти и партии, игнорирование законов и роли народных организаций. См.: Пир-Будагова Э.П. История Сирии, XX век. М.: ИВ РАН, 2015. С. 201.

национальную идею, и баасисты работали над разработкой этой идеи сквозь призму жизненных вопросов развития арабского мира»¹.

Антиимпериализм сирийской партии Баас был абсолютным: воспитанный на антиколониализме и сопротивлении неоколониализму, он определял также недоверие и к социалистическому (восточному) лагерю. Интересно и поучительно высказывание прагматической необходимости контактов с этим глобальным полюсом в документах общепарабского руководства партии еще 1956 г.: «Баас считает появление “восточного лагеря” и участие его в делах арабского Востока хорошим признаком. Не потому, что Баас не считает его агрессивным и не стремящимся к эксплуатации арабов, и не потому, что Баас недооценивает коммунистическую угрозу <...> Нет. Потому что мы видим в нем сильного конкурента “западного блока”, эксплуатирующего нас и наши богатства. Мы используем лишь эту сторону и извлекаем из этой конкуренции пользу. Мы устанавливаем с “восточным блоком” политические и торговые отношения, остерегаясь в то же время распространения коммунизма»².

Ливан же становился время от времени ареной трагических столкновений сторонников в регионе обоих из доминировавших тогда глобальных лагерей. Для Ливана последующее десятилетие стало непростым временем выбора своего собственного пути между «сциллой» местных идеологий арабского социализма, насеризма, баасизма, и «харибдой», говоря упрощенно, западного пути развития.

Сирия, и Ливан, не говоря уже о Египте, пытались проявлять тогда высокий уровень самостоятельности в принимаемых ими политических решениях. Не исключая, конечно, сильного внешнего влияния, эти страны во многом руководствовались соображениями внутривосточной целесообразности, собственных интересов, и было бы ошибкой однозначно относить их к одному из

---

¹ Аль-Ахмар, Абдалла. Религиозная проблематика сквозь призму идеологии Партии арабского социалистического возрождения // *Религия и общество на Востоке*. 2017, Вып. I. С. 241–242.

² Нидааль аль-Баас. Т. 3. С. 165. (Цит. по: Судьбы социалистической ориентации в арабском мире / ИВ АН СССР. М.: Наука, 1983. С. 354–355).

глобальных лагерей в какой бы то ни было отрезок времени. Однако политическая прагматика отнюдь не исключала симпатии к тому или иному идеологическому полюсу международных отношений и особенно использования в своих интересах контактов как с СССР и его сателлитами, так и с «капиталистическим блоком» и его региональными протезе¹.

Именно на рубеж 50–60-х годов приходится постепенное оформление движения неприсоединившихся государств, главными инициаторами которого стали Иосиф Броз Тито, Джавахарлал Неру и Гамаль Абдель Насер (одна из первых их трехсторонних консультаций состоялась в 1956 г.). Уже в сентябре 1961 г. в Белграде прошла первая конференция, на которой были представлены 25 государств, а вторая конференция Движения неприсоединения, прошедшая в Каире в 1964 г., собрала уже 57 стран². Движение стало институциональным выражением попыток развивающихся государств что-либо противопоставить сложившейся Ялтинско-Потсдамской биполярной системе. На основе общности проблем государственного строительства после сравнительно недавнего достижения независимости эти страны пытались выработать международно-правовые механизмы участия в принятии решений на глобальном уровне. И в качестве первейших задач на этом пути они могли видеть серьезную корректировку биполярной мировой системы. С учетом сказанного, отнесение советской методологией в частности Сирии и Египта к «странам социалистической ориентации» отнюдь не предполагало причисления их к социалистическому лагерю, находившемуся под патронажем Советского Союза.

---

¹ О «западном геополитическом полюсе» Збигнев Бжезинский писал в 2012 г. следующее: «Во время последовавшей “холодной войны” между Востоком и Западом мир наблюдал появление нового, трансатлантического Запада, где Штаты играли роль кормильца, а значит, и главы. Америка и независимые западные остатки Европы – связанные общей задачей сдержать натиск Советского Союза, а также общностью политического и экономического строя, а значит, и идеологией – образовали геополитический костяк переброшенного заново Атлантического альянса, пытающегося устоять перед трансевразийским китайско-советским блоком». См.: Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: АСТ, 2013. С. 20.

² История международных отношений. В 3 т. / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского; МГИМО(У) МИД России. Т. III: Ялтинско-Потсдамская система. М.: Аспект-Пресс, 2012. С. 114.

Мессианизм, присущий в той или иной мере коммунистической идеологии (вначале предполагавшей даже помощь социалистическим революциям в целом ряде стран мира, но впоследствии перешедшей к гораздо более умеренной трактовке революционного процесса), в такой же мере – если только не большей – был свойственен и Соединенным Штатам, задолго до рассматриваемого периода оказавшихся готовыми возглавить «борьбу за свободу и благосостояние людей» в мировом масштабе. В своей книге о постколониальном переустройстве Бил Эшкрофт приводит слова из речи Теодора Рузвельта, готовившегося в 1901 г. стать президентом США: «Наш долг по отношению к людям, живущим в варварстве, увидеть, как они освободятся от своих цепей, <...> но мы сможем освободить их, лишь разрушив само варварство. Безусловно, долг цивилизованной державы – деликатно уважать права слабых цивилизованных держав, <...> так что ее долг – положить конец дикости и варварству»¹. Осознание ключевой миссии по отношению к остальным странам мира Эшкрофт подает как некую эстафету, которую США восприняли от Британской империи: «Существовал определенный момент, когда империализм XIX века перекочевал от одного англоговорящего имперского центра к другому – перекочевал от географически [определяемой] империи (правда, слабеющей) к глобализационному процессу без территориальных границ»².

В отношении Ближнего Востока этот переход, конечно, нельзя считать окончательно состоявшимся в первой половине XX в. Как раз к концу 50-х – началу 60-х годов – после поражения европейско-израильской коалиции в «Синайской кампании», после коренных изменениях политики Саудовской Аравии, связанных с укреплением позиций и последующим приходом к верховной власти Фейсала бин Абд аль-Азиза Аль Сауда, после процессов в военно-политической элите Сирии, претерпевшей опыт объединения с Египтом, и по-

---

¹ Beale, Howard Kennedy. Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1956. P. 32, 34 (Цит. по: Ashcroft, Bill. Post-Colonial Transformation. London – New York: Routledge, 2001. P. 212).

² Ashcroft, Bill. Ibid.

сле достижения внутриливанского консенсуса по вопросу политического баланса между прозападным и проарабским течениями в этой стране – можно, пожалуй, проследить окончательное утверждение внешнего влияния двуполусной глобальной системы, с одной стороны, и региональных (и даже межрегиональных) амбиций новых влиятельных лидеров «социалистической ориентации», с другой.

Одновременно имели место попытки, в частности Саудовской Аравии, сочетать распространение собственного видения пути развития региона с использованием религиозного фактора в региональном масштабе. Отечественный востоковед А.И. Яковлев пишет, что особенно после поражения арабов в войне 1967 г. и в противовес светским панарабским течениям, «авторитет короля Фейсала и его идеи исламской солидарности получали все большее одобрение»¹. Серьезность намерений короля получила в Ливане явное подтверждение, когда Фейсал применил меры экономического давления для распространения своей инициативы: осенью 1966 г. он отозвал свои депозиты из влиятельнейшего в Бейруте банка «Интра» (аббревиатура от *International Traders*), и сделано это было якобы для ослабления пропаганды насеризма и «наказания» ливанского правительства, «которое, казалось, гораздо ближе в арабском мире к блоку насеристов, чем к задуманному королем Фейсалом “Исламскому альянсу”»². (Наказание это было опрометчивым, поскольку сторонники насеризма в ливанском правительстве и сами пытались ограничить работу этого банка, который собирался финансировать антинасеровские СМИ.)

В свою полную силу возрождение религиозного аргумента в региональной политике (своего рода «исламский призыв», провозглашенный не только королем-реформатором, не только радикалами-суннитами из «Братьев-мусульман», но и иранскими шиитскими реформистами-оппозиционерами),

¹ Яковлев А.И. Фейсал: король-реформатор. М.: Рос. центр стратег. и междун. иссл., 1999. (224 с.) С. 169.

² Johnson M. *Class and Client in Beirut...* P. 31; Murray G.T. *Lebanon...* P. 98, 104.

произошло только к середине 70-х гг. В Сирии и Ливане подъем этих идей выразился трагическим образом, обнажив острое конфликтное состояние по разным линиям межрелигиозных отношений.

Переходя к деталям, следует иметь в виду, что арабский социализм Насера мало коррелировал с советской коммунистической линией, и идеологического сближения в тот период не отмечалось. Е.М. Примаков среди характеристик «арабского революционного национализма» выделял одновременно антизападничество и антикоммунизм, продиктованные прагматикой «мелкобуржуазно-социалистического характера» насеризма, а также «отсутствие генетических привязанностей к исламизму и терроризму», заключая, что «мировоззренческий феномен арабского революционного национализма создал целый этап арабской истории»¹.

Национализация и рост госсектора в экономике ОАР (особенно в египетской ее части) не могли не привлекать внимания советского руководства. Насер провел полную национализацию банков; к середине 60-х годов в руках государства оказалось 75% промышленных предприятий, вся энергетика, коммунальное хозяйство, весь импорт и более 3/4 экспорта, 15% оптовой и 2,5% розничной торговли². Прибывшая в августе 1960 г. в Москву делегация ОАР во главе с вице-президентом Нураддином Кахали подписала 7 сентября Протокол о техническом содействии Советского Союза Сирийскому району ОАР в строительстве железной дороги Камишли – Алеппо – Латакия, создании заводов азотных удобрений и смазочных масел, а также в геологоразведочных работах³. В ноябре-декабре в СССР приезжала еще одна делегация из ОАР – с другим вице-президентом, Абдулхакимом Амером⁴.

---

¹ Примаков Е.М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: Российская газета, 2006. С. 7.

² Судьбы социалистической ориентации в арабском мире / ИВ АН СССР. М.: Наука, 1983. С. 693.

³ СССР и арабские страны, 1917–1960: документы и материалы / МИД СССР. М.: Гос. изд. политической литературы, 1961. С. 831.

⁴ Там же. С. 773.

Взаимовыгодные отношения между СССР и ОАР нисколько не исключали, что насеризм оставался совершенно самостоятельной системой взглядов на внутреннюю и внешнюю политику, развиваясь по своим внутренним законам. На региональном уровне идеологическая составляющая политики Насера была столь существенной, что буквально разделила политический бомонд, да и само общество как Сирии, так отчасти и Ливана.

Для анализа того ключевого периода в истории Сирии и Ливана снова обратимся к донесениям швейцарского посла в Бейруте Гвидо Киля. Осенью 1960 г. он так писал о положении Сирии в составе ОАР: «Политика Насера в Северной территории (т. е. Сирии. – А. С.) до сих пор демонстрирует политический и экономический просчет. Недовольство притесняющими действиями египетян раздается по всей стране. Порядок поддерживается отчасти жестким полицейским режимом сирийского деспота Сарраджа¹, а отчасти присутствием там египетских офицеров, младших офицеров и солдат. <...> Эти и подобные им, по сути своей, колониальные методы усиливают антиегипетские настроения среди сирийского населения. Они также являются серьезным бременем для правительства ОАР»².

Безусловно, нужно учитывать, что это было мнением дипломата западного, видевшего, как и многие тогда, в лице Насера угрозу для западных экономических интересов, политического и идеологического влияний. Тем не менее, автор донесений – уже тогда опытный дипломат – был лишен, как кажется, многих распространенных в то время идеологических штампов, хорошо зная как недостатки, так и успехи социалистических стран. Так, описывая в одном из донесений встречу с маронитским патриархом, он довольно отстраненно заме-

---

¹ Абдулхамид Саррадж – бывший директор Второго бюро (военной разведки) Сирии, председатель Исполнительного совета Северной территории ОАР (то есть Сирии) с сентября 1960 по август 1961 г., вице-президент с августа по сентябрь 1961 г.

² AZGZ. NL Guido Keel 6.2 Politische Berichte, 1960. Ambassade de Suisse au Liban. Beyrouth. Herrn Bundespraesident Max Petitpierre Vorsteher des Eidgenossischen Politischen Departamentes, Bern. 16.11.1960. F. 2.

чал: «Патриарх¹ <...> расспрашивал меня вначале о впечатлениях и том опыте, что я почерпнул за время моего пребывания за “железным занавесом”. О проблеме и методах коммунизма он информирован превосходно»².

Из приводимых ниже донесений можно вывести интересное наблюдение: в глазах Запада Насер представлял несравненно большую угрозу в регионе, нежели пресловутое влияние Советского Союза. Вот в каком ключе, к примеру, описывались события в Сирии, предшествовавшие баасистскому перевороту 1963 г.: «Столкновения в Дераа и Хауране. В расположенном у иорданской границы городе Дераа группе пронасеровски настроенных лиц из преподавательского состава удалось собрать на манифестацию за дружбу с Египтом часть учащихся гимназий. Якобы посредством школьной забастовки должны были протестовать против возвращения из Праги коммунистического лидера Халеда Багдаша. Благодаря вспыльчивому характеру местного населения агитация имела успех и привела к насильственным действиям, направленным на правительственные здания и полицейские участки. Беспорядки распространились также на располагающийся в 50 км к югу от Дамаска район Хаурана. Правительство направило усиленные подразделения правопорядка, которые арестовали главарей и быстро добились установления спокойствия. После этих столкновений гимназии в Дераа были закрыты на необозримый срок»³. И далее: «К событиям в Дераа и Хауране не присоединились тогда ни Алеппо, ни Дамаск»⁴.

Активизм левого толка в Сирии вполне мог подстегивать радикализацию активизма религиозного. Последний до определенного времени практически не привлекал внимания западных наблюдателей. Заметим, что явной особенностью приводимых документов является акцент на идеологии при отсутствии замечаний по межрелигиозным и межобщинным отношениям. Именно набрав-

---

¹ Булос II Меуши, патриарх Маронитской церкви с 1955 по 1975 гг.

² AZGZ. NL Guido Keel 6.2. Politisch Bericht, 7.12.1960. F. 7.

³ AZGZ. NL Guido Keel 6.2. Politisch Bericht, 16.01.1963. F. 2–3.

⁴ Ibid. F. 4.

ший популярность насеризм вызывал тревогу как в регионе, так и за его пределами, и даже национальное строительство в Сирии на основе баасизма представлялось явлением позитивным. «Мне стало известно, – писал тогда же Г. Киль, – из бесед с большинством коллег-дипломатов, аккредитованных в Дамаске, из которых, помимо западногерманских, можно назвать британского, американского и иракского послов: повсеместно превалирует мнение, что в Сирии смогла взять верх воля к национальному строительству и демократической организации государственного устройства. Ведущие политические силы страны работают и стремятся идти в этом направлении, хотя и могут иметь различные мнения по частным вопросам. Сирия – особенная арабская страна, которой в течение нескольких месяцев удалось развернуться от преобладающей военной диктатуры к демократическому правлению»¹.

После переворота 23 февраля 1966 г. президента Амина аль-Хафеза сменил Нуреддин аль-Атаси, сменилось и правительство (из 20 министров 13 были суннитами и только трое алавитами), окончательно взявшее курс на баасизм.

Что касается Ливана, то швейцарский дипломат Г. Киль якобы располагал тогда сведениями, что «в большинстве бейрутских редакций имеются вернейшие свидетельства деятельности местных насеристов по подкупу, подстрекательству и попыткам проникновения в соседние страны»². Ему самому удалось якобы получить «достоверные сведения из доверенного ливанского источника» следующего характера: «Непосредственному пронасеровскому перевороту в Сирии должна была предшествовать тайная подготовка. Главным агентом этих тайных маневров стал, как обычно, посол ОАР в Бейруте, г-н Абдель Хамид Галеб, завзятый опаснейший насеристский подстрекатель на всем Ближнем Востоке. Стало известно, что при помощи громадных сумм на взятки – а поговаривают о многих миллионах ливанских фунтов – он вместе с доверенными лицами из числа сирийцев мобилизовал также большое число ливанских пособ-

---

¹ Ibid. F. 6.

² AZGZ. NL Guido Keel 6.2. Politisch Bericht, 24.01.1963. F. 4

ников. Ходят упорные разговоры о высадке на южноливанском побережье (у Сайды) откомандированных из Египта диверсантов для внедрения в Сирию»¹. В отношении линии ливанских властей Г. Киль уже тогда подметил знаменитый ливанский нейтрализм (видимо, как традиционная охранительная мера этого небольшого государства): «Все-таки не следует ожидать, что на правительственном уровне смогут отказаться от мягкого и приспособленческого лавирования между пронасеровской и антинасеровской тенденциями, чтобы занять решительную и однозначную национальную политическую позицию»².

Повестка межрелигиозных отношений, как видно, была на время отодвинута на задний план в пользу идеологических баталий. Однако социальные отношения в целом не могли не испытывать воздействия этих баталий. Не только внутренняя политика, но и многие моменты региональных и более широких международных отношений отражались на межконфессиональной ситуации в Сирии и Ливане. Например, волну антисионизма мусульман в обеих странах вызвали намерения Германии в начале 60-х годов установить дипотношения с Израилем³. В этой связи описан эпизод с атакой на две христианские школы в Триполи за то, что те не присоединились к антигерманским студенческим выступлениям. Инцидент характеризовался как «угрожающий признак для внутриливанской ситуации»⁴.

Изменения политических курсов в Сирии и Египте в начале следующего десятилетия, события «черного сентября» в Иордании и приток большого числа палестинцев в Ливан – все это обозначило направления отхода от прежней дис-

---

¹ Ibid. F. 1–2.

² Ibid. F. 4.

³ Замглавы МИДа ОАР Ахмад Фекки свидетельствовал в мае 1965 г., что еще осенью 1953 г. обнаружил у западногерманских властей «глубокое стремление установить дипломатические отношения с Израилем», когда он вместе с представителями Ливана, Сирии и Ирака посещал ФРГ и встречался с Аденауэром, Хальштейном и Эрхардом. См.: Запись беседы Посла СССР в ОАР В.Я. Ерофеева с Заместителем Министра иностранных дел ОАР Ахмедом Фекки. 25 мая 1965 г. Секретно. №208 // Ближневосточный конфликт: Из документов Архива внешней политики РФ. Том 2: 1957–1967 / Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: МФД, 2003. С.468.

⁴ AZGZ. NL Guido Keel 6.2. Politisch Bericht, 24.01.1963. F. 2.

позиции на ближневосточном идеологическом фронте. Но страны Леванта продолжали оставаться вписанными в глобальное противостояние, а арабо-израильская проблема придавала ему особый оттенок: сильное произраильское лобби на Западе, с одной стороны, и активные контакты арабов с Советским Союзом, с другой. Находились западные прагматики, которые искали пути ослабить советское влияние в регионе путем мягкой силы. Заслуживает внимания замечательный пример, когда в октябре 1973 г., в разгар обсуждений в Палате лордов Октябрьской арабо-израильской войны, граф Онслоу даже оправдывал сирийцев и ливанцев в их палестинской политике и призывал демонстрировать дружелюбие, чтобы оторвать их от советского влияния: «Я не говорю, что арабское поведение за последние шесть лет было идеальным. Отнюдь нет. Но никакого государственного терроризма не было. Сирия пыталась контролировать свое палестинское население, как и Ливан, в условиях существенных трудностей. <...> Нам следует убедить арабов, что у них есть друзья на Западе. <...> Необходимо предъявить арабам друзей в нашей стране, [в надежде когда-нибудь] увидеть в арабах не только выучку циничных мужиков (cynical Mujiks) – специалистов-ближневосточников из России»¹.

На фоне палестинской проблемы по-иному воспринимались и межрелигиозные отношения. В частности, христиан Ливана и Сирии не могли не беспокоить воинственная исламистская риторика палестинских националистов и обвально растущая их численность в лагерях беженцев, смещающая демографический баланс в сторону мусульман-суннитов.

В Сирии же прочно укрепился баасизм. Предусматривалось расширение сотрудничества с «прогрессивными арабскими государствами», социалистическими странами, «особенно с дружественным Советским Союзом»². Объедини-

¹ UK House of Lords Hansard, 1972–1973. Fifth Series, Vol. 345. Lords Sitting of Thursday, 18th October 1973. Col. 450.

² Калимат аль-фарик Хафез аль-Асад, раис маджлис аль-вузара ас-сури, фи-ль-ихтифаль битахридж даурат ад-дуббат. Хомс, 4.01.1971. №10 // Аль-васаик аль-арабийя (Арабские политические документы), 1971 / Лабиба Файад Абу Альван. Бейрут: Американский унив-т в Бейруте, 1972. С. 16.

тельный пафос идеологии правящей ПАСВ не мог, впрочем, воспрепятствовать столкновению интересов разных конфессиональных кругов как внутри партийных верхов, так и армейского командования и спецслужб.

Положение усугублялось некоторой идеологической дробностью в самой партии, становившейся тем трагичнее, чем явнее она коррелировала с конфессиональной принадлежностью. В качестве примера можно привести трагическую судьбу высших суннитских офицеров-баасистов, входивших в круг Ахмада Сувейдани. Этот пламенный баасист из Дераа еще во время своей работы в Пекине в качестве военпреда оказался во власти маоистских идей¹. Он и впоследствии не оставлял своих убеждений, и выступал резко против конфессионального протекционизма в ПАСВ. По подозрению в неумеренном активизме он и его сторонники-единоверцы из Хаурана были уволены из армии, а сам он, предприняв в 1968 г. попытку мятежа, следующие 25 лет провел в заключении.

Острая внутрипартийная конкуренция в тот период подпитывалась, в первую очередь, пестротой взглядов и представлений баасистов. И все же в значительной степени она носила отпечаток традиционной конкуренции между различными кругами во власти по принципу общности исповедания или землячества. Очевидно, именно в силу этого борьба внутри ПАСВ в 60-е годы нередко рассматривается – как в работах нынешних историков, так и в документах той эпохи – под углом зрения столкновения конфессиональных интересов.

Конфессиональная дифференциация некоторых социальных показателей

В конце 60-х годов и Сирия, и Ливан продолжали испытывать сильное воздействие разного рода идеологий, тогда как устойчивое напряжение арабо-израильских отношений подпитывало конфликтный потенциал и по этой линии внутриарабских противоречий. В Сирии имело место ужесточение централиза-

---

¹ Seale, Patrick. *Asad of Syria: The Struggle for the Middle East*. Berkley – Los Angeles – London: Univ. of California Press, 1988. P. 107.

ции власти «исправительного» периода, которое в определенной мере сковало запросы отдельных конфессиональных общин. Ливан же готовился пережить трагический этап в своей истории, составляющими которого, начиная с 1975 г., стали подстрекаемое извне идеологическое и военное противостояние между основными лагерями, многолетняя израильская военная интервенция, подававшаяся как война с палестинцами и их союзниками в Ливане, неизбежные столкновения между разными партийными боевыми дружинами, в том числе столкновения внутриконфессиональные, а также вмешательство сирийцев, военное присутствие которых в стране стало к концу столетия главным раздражающим фактором для доброй половины ливанцев.

Анализируя последовавшие в последней четверти XX века события, нужно иметь в виду, что за одно десятилетие, с 1961 по 1971 г., численность ливанского студенчества возросла с 4 тыс. до 17 тыс. человек, то есть почти в 4,5 раза¹. Если можно так выразиться, депривационная повестка молодежи стала существенно отличаться от прежних поколений, еще помнивших период мандата. Межконфессиональные отношения в период «новых двадцатилетних», молодых людей, уже далеких от антиколониальной борьбы, но переживших зарождение арабо-израильского конфликта, всплеск левых идей в регионе и общемировое размежевание на два полюса, приобретали свои особенности. Возможно, те новые особенности и обусловили ожесточение, с которым ливанские общины включились в гражданское противостояние, начавшееся с «палестинского этапа» и продолжившееся как столкновение между собой светских идеологий с сильной националистической окраской.

Такой аспект рассмотрения причин обострения конфликтных взаимоотношений между общинами может быть очень плодотворным. Кстати, именно социологически-ориентированный подход к назреванию гражданского противостояния в Ливане предлагал еще в статье 1976 г. крупный американский ис-

---

¹ El-Khazen F. The Breakdown... P. 76.

следователь вопросов демографии и миграции Джозеф Шами (иначе, Чейми). Он анализировал, в частности, данные исследования, проведенного в 1971 г. Ливанской ассоциацией планирования семьи и выявлял существенные демографические, социальные и экономические различия среди основных ливанских религиозных групп. Налицо была объективная неравномерность социального положения разных общин Ливана. По группе параметров, характеризовавших образованность жен и мужей лидировали православные (вкуче с иными христианами-некатоликами), следом шли друзы и католики-униаты, за ними со значительным отрывом – сунниты, а замыкали ряд ливанские шииты. Приблизительно так же располагались общины и по уровню дохода на семью, только на первом месте в этом ряду были христиане-униаты. Правда, доля работающих жен-христианок при этом почти вдвое превышала долю мусульманок¹.

Сведения по доходам на начало 70-х годов исследователь резюмировал так: «Средние семейные доходы католиков и некатоликов примерно на 16% выше, чем средний доход друзов, на 28% больше, чем средний доход суннитов, и на 58% превышает средний доход шиитов»². Оценивал Дж. Шами и различия в профессиональном распределении религиозных групп, указывая, что «христианские группы с большей вероятностью, чем другие, занимают более престижные и хорошо оплачиваемые профессии, и в меньшей степени – невысокие по статусу и низкооплачиваемые. Как пример, вот соотношение между высокопрофессиональными категориями и рабочими: шииты – 2% против 35%, сунниты – 4% против 23%, друзы – 3% процента против 20%, католики – 6% против 18%, христиане-некатолики – 6% против 16%»³.

В другой своей работе Дж. Шами сравнивал показатель рождаемости на 1971 г. по общинам: средний по Ливану показатель составлял 4 ребенка на се-

---

¹ Chamie, Joseph. *The Lebanese Civil War: An Investigation into the Causes // World Affairs*, Vol. 139, No. 3, Winter 1976/77. P. 179; Idem. *Religion and Fertility: Arab Christian-Muslim Differentials*. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 1981. P. 35.

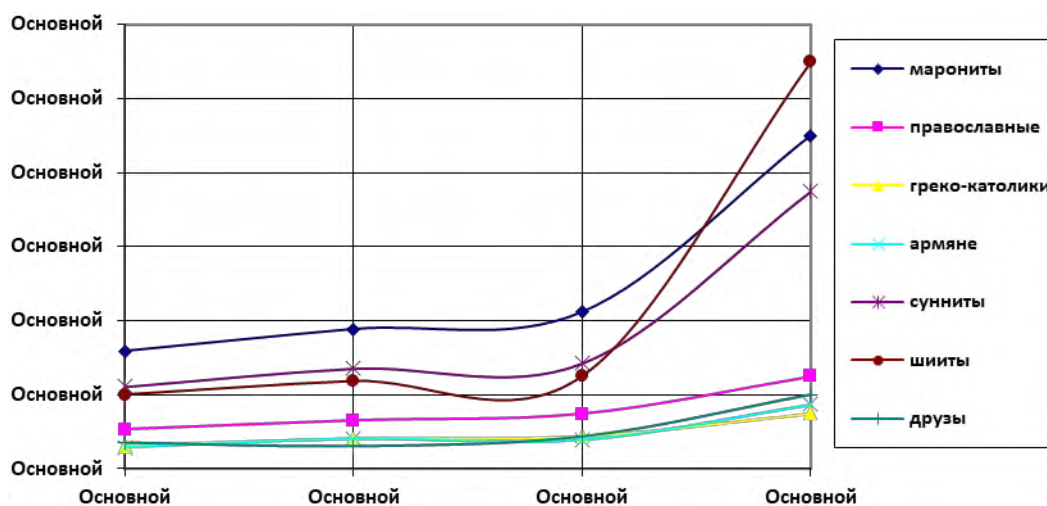
² Idem. *The Lebanese...* P. 178.

³ Ibid. P. 180.

мью, причем минимальным он был у православных (и других не католиков вместе) – 3,33, чуть выше у католиков – 3,7, приблизительно такой же у друзов, выше у суннитов – 4,4, а максимальный у шиитов – почти 5,2¹.

Вообще динамика роста численности ливанских общин, на основании оценочных данных, показывала неодинаковые темпы по конфессиям. Наглядное представление об этом можно составить по графику, выполненному по имеющимся данным².

Рост численности ливанских общин (тыс. человек)

Обращает на себя внимание отставание динамики друзов, православных и греко-католиков от суннитской и шиитской общин, а также от христиан-маронитов. Последние показывали рост численности очень сходный с согражданами-суннитами, что может свидетельствовать в пользу заключения об относительности переживаемого ими стресса (депривационных жалоб), а значит,

¹ Chamie, Joseph. Religious Differentials in Fertility: Lebanon, 1971 // *Population Studies*, Vol. 31, No. 2, Jul. 1977. P. 367.

² Данные приводились в работах: Hourani, Albert H. *Syria and Lebanon*, London: Oxford University Press, 1946. P. 121; Tabbarah, Bahige. *Les Forces Politiques A cruelles au Liban*, Ph.D. Thesis, Universite de Grenoble, 1954; *Ан-Нахар* (Бейрут), № 6249, 26 апреля 1956 г. (цит. по: Chamie J. *The Lebanese...* P. 174); *Financial Times*, 17 Feb. 1984 (Цит. по: Johnson M. *Class and Client in Beirut*. P. 226).

что наблюдавшаяся радикализация маронитов шла на основе ОД (видимо, смешанного типа).

Объективно высокая динамика роста численности наблюдалась в шиитской общине. Беспокойство христиан могла вызывать волна фундаментализма мусульман, охватившая Ближний и Средний Восток и в конце 70-х годов увенчавшаяся изменением государственного устройства в Иране. Вкупе с этим фактором, естественный прирост мусульманского населения Ливана, и особенно шиитов, предполагал в самом ближайшем будущем повышение их запроса на более широкое конфессиональное представительство во властных структурах страны.

Забегая вперед, следует сказать, что христиане хорошо понимали неизбежность такого развития ситуации, и в том числе поэтому их ополчения так ожесточенно сопротивлялись притоку палестинцев-мусульман, поэтому в постконфликтный период маронитские круги пошли на крайние меры – саботаж парламентских выборов в попытке их сорвать, и поэтому же политические программы многих политиков (особенно составивших в начале нового века объединение Корнет Шехван) включали стержневую антисирийскую составляющую – против влияния соседней страны, где мусульмане составляли около 9/10 населения.

ГЛАВА III

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПО ОСНОВНЫМ ГРАНИЦАМ (третья четверть XX века)

Для рассмотрения конкретных явлений в межконфессиональных отношениях выбран условный период, окончание которого в Ливане приходится на начало затяжного и многопланового конфликта – Гражданской войны. По Сирии верхняя временная граница условно взятого периода не маркирована каким-либо событием (за исключением принятия в 1973 г. Конституции, устанавливавшей полномочия высших органов власти президентской республики¹), но она приходится на окончательное признание шиитскими имамами-моджахедами сирийской алавитской общины в качестве подлинно мусульманской (шиитской джаафаритского мазхаба).

Конкретные исторические факты анализируются в этой главе по проблемным областям взаимоотношений религиозных общин – вдоль линий сопряжения внутри социума. Хотя в начале периода независимости наибольшая напряженность ожидалась в сфере мусульмано-христианских отношений, но по мере самостоятельного развития обоих государств наверх повестки дня все более выходили взаимоотношения между отдельными конфессиональными группами (в том числе и даже по большей части среди мусульманских и среди христианских общин), например, между алавитско-друзским альянсом и суннитским офицерством в Сирии, между друзами-прогрессистами и суннитами консервативных взглядов, а также между маронитскими партиями и христианами марксистских взглядов.

В главе подвергаются анализу менявшиеся с течением времени самостоятельные повестки ливанских и сирийских суннитов, алавитов, шиитов, друзов,

---

¹ Сапронова М.А. Электоральный процесс после «арабской весны». М.: ИБВ, 2015. С. 113.

маронитов и других общин. Их изменение напрямую влияло на взаимоотношения с согражданами иных исповеданий – на умиротворение или, напротив, на разогрев выявленных зон социального напряжения.

Важно установить также уровень влияния отдельных внутренних факторов воздействия на изменение отношений между социальными сегментами, совпадающими с конфессиональными общинами: недовольства своим положением их рядовых представителей (область социальной психологии), завышенных ожиданий участия в государственном управлении и экономическими запросами их политической верхушки (политическая конкуренция клиентельного типа), популярности и силы воздействия на умы идеологических течений.

Еще одним пунктом анализа являются сферы влияния на сегменты сирийского и ливанского обществ внешних акторов. К последним отнесены не только силы, входившие в биполярное глобальное противостояние, но и региональные силы, не менее заметные по своему воздействию на общественную ситуацию в обеих странах.

Анализ исторических событий и явлений включает в себя их разделение на составные элементы, чтобы путем такой исторической (фактологической) деконструкции лишить эти явления их обобщенных стереотипных характеристик, однозначно относящих их к фактам межконфессиональных столкновений. Одним из таких явлений были события 1958 г. в Бейруте и некоторых других районах Ливана, получившие оценку современников как гражданская война. Хотя конфессиональная соотнесенность противостоявших тогда сил прослеживалась, все же далеко не религиозный фактор служил двигателем тех событий. Подобным образом, автор попытался разобраться в причинах и мотивах противостояния сирийских властей ожесточенному мусульманскому активизму, что стало проявляться в форме вооруженных столкновений в Сирии еще с 1964 г. Неправомерность характеристики того противостояния как алавитско-суннитский конфликт получает в работе многообразное подтверждение.

Межконфессиональные зоны напряжения и внешние запускающие механизмы

Итак, в период 50–70-х годов многие региональные процессы на Ближнем Востоке были обусловлены подъемом и бурным развитием идеологий, отчасти вписанных в глобальное противостояние, но отчасти самостоятельных, выстраивающих собственные отношения с генеральными линиями тогдашней двуполусной системы. Как было показано в предыдущей главе, собственно конфессиональная повестка социальных отношений была на небольшой период отодвинута на края, уступив место идеологической.

Политические течения, партии и движения, и просто идейные веяния тех лет охватывали представителей почти всех конфессиональных общин. Насеристы, прогрессисты, марксисты, коммунисты, националисты разных толков, западники и многочисленные производные всех этих направлений включали в свои ряды и суннитов, и шиитов, и православных, и католиков-униатов, и протестантов, и членов сравнительно небольших мусульманских и христианских общин (алавитов, друзов, яковитов, несториан и др.), и, конечно, атеистов. Это было характерным для большинства стран Магрика, но не было абсолютным: при внимательном рассмотрении все же выявлялись группы внутри перечисленных движений, объединенные преимущественно по близости вероисповедания или происхождения (важнейшие слагаемые идентичности). Такие группировки выявлялись, например, в среде сирийских и иракских баасистов. Со временем внутрипартийная конкуренция таких групп становилась, как правило, все более явной, что привлекало пристальное внимание внешних сил (в частности, очень серьезно следили за этими внутренними разделениями британцы).

На время несколько ушли в тень группы, использовавшие в своей стратегии религиозный аргумент. Но уже с начала 60-х годов региональные исламистские организации, действовавшие в Сирии и Ливане, стали заявлять о себе, периодически получая опору в лице амбициозных арабских лидеров. Эти яркие

деятели пытались использовать потенциал мусульманского активизма, в том числе, в реализации собственных властных амбиций. Одним из таких «столпов» во второй половине 60-х – первой половине 70-х годов был саудовский король-реформатор Фейсал ибн Абд аль-Азиз Аль Сауд, который сосредоточил все усилия, чтобы предстать во внешней сфере лидером на двух ключевых направлениях – укреплении единства мировой уммы под эгидой Саудовской Аравии и поддержке правого дела палестинцев.

В свою очередь, вестернизированные христиане Ливана открыто опирались на поддержку Ватикана, по сути, благословляющего западную помощь боевым дружинам кланово-конфессиональных партий, в полной мере вовлеченных в острую политическую борьбу¹. Это, кроме прочего, дало основание исторически закрепиться за этими силами обобщенному и очень условному понятию – «правохристианские».

Религиозная составляющая большинства движений тесно переплеталась с национально-патриотической. В случае мусульманского активизма, наряду с трансграничным суннитским движением БМ существовали и местные националистические партии типа ливанской Надждады. Подобно этому, и в среде католиков-униатов в Сирии и Ливане большинство составляли приверженцы вовсе не вселенского транснационального христианства, в данном случае католичества, а национально окрашенных местных Церквей, пусть и в унии с Римом. Даже среди маронитов имелось много сторонников национального арабского единства (*аль-вахда аль-каумиyyа аль-арабийя*) и противников западничества, и первым примером тому мог служить маронитский патриарх Булос II Меуши². Тем самым, напрашивается вывод (и он будет обоснован ниже), что интересы

¹ В частности, Маронитская церковь приветствовала и поддержала создание в 1967 г. блока консервативных политиков правого толка – т.н. «Хильф» (*араб.* блок, пакт), который на выборах весной следующего года имел неожиданный успех.

² См. об этом подробнее: Ливанское общество глазами маронитского патриарха Булоса Меуши: два донесения швейцарских послов в Бейруте. (Подготовка к публикации, перевод с французского и немецкого, комментарии А.В. Сарабьева) // *Религия и общество на Востоке*. 2019, Вып. III. С. 328–353.

собственной конфессиональной общины или соответствующий религиозный призыв радикальных движений все-таки не были в то время определяющими в составе признаков условного субъекта политического действия.

Во многом руководством к действию выступал тогда набор идей, далеко не всегда совпадающих с доминирующими в общине, да и просто имеющих отношение к вероисповеданию – даже в случае глубоко традиционных обществ обеих стран. В этом социальном феномене следует признать определенно прогрессивный характер, показывающий довольно высокий уровень общественно-го сознания и социальной активности граждан, только еще два-три десятилетия живших в условиях полной независимости. Попутно заметим, что уже в наши дни уступка общественного развития в пользу кланово-конфессиональной обусловленности политического действия (особенно в Ливане), позволяет говорить о явном откате назад, даже «архаизации» ближневосточных социумов.

Начиная с 50-х годов и до начала Ливанской гражданской войны целесообразнее говорить не о проблемах межконфессиональных отношений, а о *межобщинных зонах напряжения*. Ведь выяснение причинно-следственных связей должно предполагать верные оценки уровня остроты проблемы. Если же признавать не первостепенный характер религиозной проблематики в структуре наиболее важных социально-политических процессов означенного периода, то и говорить можно лишь о напряжении, предконфликтных условиях, которые изредка оказывались в ряду факторов того или иного поворотного события.

Такие зоны напряжения отношений целесообразно рассматривать не между конфессиями в целом, а между локальными религиозными общинами, что не всегда совпадает. Напряжения существовали или вновь возникали, как правило, на почве подозрений в неравноправном распределении социальных благ – ущемленности относительно соседней общины. При этом в абсолютном измерении уровень жизни или доступность роста благосостояния семей могли быть гораздо выше, чем в других районах Леванта (Шама). И однако же население одной локальной общины (например, друзы Бааклина и Бейт-эд-Дина в

ливанском Шуфе) могло чувствовать себя обделенным в сравнении со своими соседями-иноверцами (например, маронитами Дейр-эль-Камара, живущими по соседству – в пределах видимости). В то же время друзья Хаурана могли ощущать ущемленность своего положения по сравнению с единоверцами из ливанского Шуфа. Состояние относительной депривации, тем самым, могло быть производным от двух переменных – гипотетического уровня воплощения представлений общины о социальной справедливости и объем благ (ценностных возможностей), достигаемых другими общинами. Негативный эффект такого состояния, в любом случае и в первую очередь испытывали на себе соседи-иноверцы.

Учитывая бурную социальную историю сиро-ливанских общин, многие зоны напряжения межконфессиональных отношений стали уже долговременными, в каком-то смысле традиционными. К тому же на протяжении многих десятилетий и даже веков сложилась привычная схема опоры иностранных держав на определенные конфессиональные общины Шама для проведения своих интересов в регионе. Поэтому внутренние причины разгармонизации общественных связей – причины социально-психологического характера – продолжали дополняться внешними: влиянием и даже прямым воздействием зарубежных покровителей на своих протеже в Сирии и Ливане.

Впрочем, во второй половине XX в. внешнее влияние такого рода стало менее явным, чем прежде. Да, различные организации и партии испытывали воздействие со стороны Египта, Саудовской Аравии, Советского Союза, стран Европы и США, других региональных и глобальных игроков, но оно не оказывало того воздействия, как раньше или впоследствии, на религиозные круги, могущие влиять на умы паствы. Сильнейшим фактором социальных отношений стала палестинская национальная повестка, и она обнаружила прямую связь с изменением межрелигиозного баланса, особенно в Ливане. В конце концов, запускающий механизм Ливанской гражданской войны с ее выраженным межобщинным аспектом был скрыт в той самой национальной повестке пале-

стинских боевых организаций, в тяжелый для них момент перекочевавших вместе со всей своей полувоенной структурой и вооружением из Иордании через Сирию в лагеря на всей территории Ливана, в том числе в самой столице. И едва ли указанный фактор, практически сразу проявившийся как дестабилизирующий, можно назвать внутренним.

На протяжении третьей четверти XX века имели место и другие – возможно, более явные – внешние факторы разогрева межконфессиональных отношений. К ним можно отнести попытки военных переворотов в Сирии и Ливане, в которых доказанное участие принимали внешние силы, вовлечение этих стран в арабо-израильские войны, прямое военное вмешательство американских, британских и французских командос в события в регионе. И, безусловно, сильным внешним фактором было влияние Египта на значительную часть сирийцев и ливанцев, включая период единого государства Египта и Сирии – ОАР. Разные религиозные общины по-разному оценивали для себя все эти события и воздействия, а соответственно, вступали в противоречия с остальными общинами, оценки которых могли отличаться диаметрально.

Конечно, далеко не по всем условным линиям соприкосновений конфессиональных общин отмечались противоречия, отзывавшиеся в масштабах страны или даже района. Наиболее существенные из них можно схематично обозначить, дав характеристику зонам напряжения в их связи с внешними воздействиями как запускающими факторами. Зоны располагались не в пространстве и не по границам внешних социальных контактов: скорее они относились к области представлений о соседних общинах и возможных исходящих от них угрозах, так что и указывать зоны напряжений целесообразно в качестве отношений, действий и ответных мер, вкуче накаляющих ситуацию и даже порождающих острые конфликты.

1) Отношение мусульман к христианам в целом в тот период нельзя назвать конфликтным. Косвенно на этих взаимоотношениях сказывалось идейное противостояние местных традиционалистов западникам, по большей части

представленным вестернизованными христианами-униатами и протестантами. Поскольку в среде сторонников опоры на арабскую традицию было большинство мусульман, то и проблематика обретала отчасти религиозное звучание – как столкновение позиций преимущественно мусульман и местных католиков-униатов. В то же время, в число сторонников арабизма традиционно входили православные Антиохийского патриархата, и они продолжали оставаться ближе к мусульманскому лагерю, нежели к христианам, тяготевшим к западной культуре (в особенности католикам).

Большинство религиозно мотивированных мусульман в политической сфере с недоверием относились к идеологии, идущей от социалистического лагеря, прежде всего от Советского Союза. Закрепившийся за советскими образ атеистов и носителей государственной атеистической идеологии не мог, конечно, способствовать успеху коммунистической пропаганды среди «соблюдающих» мусульман. Хотя и в меньшей степени, но все же эта оценка распространялась и на местных социалистов – насеристов и баасистов, и даже отчасти на арабских националистов, преимущественно левых по своим убеждениям.

Обособленность мусульман, настроенных ригористично, заставляла их объединяться вокруг исламистских организаций фундаменталистского толка, прежде всего БМ, противопоставлявших себя как западникам (памятуя о недавнем периоде французского мандата с его явными колониальными проявлениями), так и движениям социалистического толка с их пренебрежением к религиозным предписаниям.

Лишь в последующий период соединение религиозно-политической программы и националистической (антисионистской) станет повсеместным, найдя отражение уже в названиях таких организаций, как «Партия Бога» (Хизбалла; создана в 1982 г. на основе радикального крыла шиитских «Отрядов ливанского сопротивления», или Амаль), «Движение исламского джихада в Палестине» (конец 70-х годов; в 1987–1989 гг. имела штаб-квартиру в Ливане, затем – в Си-

рии), «Движения исламского сопротивления» (или ХАМАС)¹. Но до второй половины 70-х годов полного слияния исламистской и антисионистской линий пока не наблюдалось. Так, реваншистская суннитская боевая организация Надждада, далекая от фундаменталистских исламистских идей, не сумела привлечь в свои ряды крайних мусульман и со временем была вынесена на политическую периферию.

2) Католические униатские конфессиональные общины (марониты, греко-католики, небольшие униатские общины армян, ассиро-халдеев, сирокатоликов) придерживались преимущественно прозападных взглядов. К тому же в среде маронитов пестовалась идея об особом, неарабском историческом происхождении их общины, из чего делался вывод и об их пути, не связанным с арабской культурой и общеарабскими политическими чаяниями. Такой подход, безусловно, противопоставлял этих христиан остальному населению, сообщая этому противопоставлению отчетливый религиозно-культурный характер.

Впрочем, сказанное относилось не к конфессиям в целом, а к определенным общинным кругам, пусть и значительным. Многие же марониты (включая и отдельных высших церковных иерархов), а также греко-католики, противились западным инициативам в рамках, например, «Доктрины Эйзенхауэра» и на деле доказывали свою проарабскую позицию.

Во многом напряженность маронитско-мусульманских отношений была обусловлена остротой ощущения социального неравенства. Это относилось, в частности, к бейрутским суннитам: маронитские нотабли напоказ выставляли свои столичные виллы и роскошь обстановки на фешенебельной улице, соседствовавшей с бедным мусульманским кварталом, где люди жили буквально в нечеловеческих условиях. Такой социальный контраст раздражал сам по себе, и при этом в расчет не принимались факты того, что собственность ряда знатных

---

¹ Глубокий исследователь этого вопроса Г.Г. Косач приводит положение Хартии Хамас (*Мисак Харакат аль-мукавама аль-исламийя*), что на путь джихада обязан вступить «каждый мусульманин, если враги узурпируют какую-либо часть земли ислама». См.: Косач Г.Г. ХАМАС: национальное движение в религиозном обрамлении // Свободная мысль, 2020, № 1. С. 81.

суннитских и шиитских семей в Аккаре, Южном Ливане, да и в Бейруте была баснословной¹, и эти семьи делали очень мало для того, чтобы поддержать своих беднейших единоверцев-мусульман. Иными словами, налицо был сильный негативный эффект относительной депривации, выливающийся не столько в элементы классовой борьбы, но большей частью в протест ливанских мусульман против соотечественников-иноверцев (христиан-католиков), которые к тому же почитали чуждую западную культуру, пользовались еще недавно поддержкой колониальной (мандатной) администрации и охотно принимали западную военную помощь для поддержания своего политического доминирования (например, события 1958 г.).

Сильнейшей причиной раздражения по отношению к христианам-униатам в Ливане и отчасти Сирии стали действия их кланово-конфессиональных милиций (ополчений, дружин). Они не только обеспечивали безопасность в районах проживания христиан, но и защищали бизнес-интересы своей верхушки, например в портах Джунии, Бейрута и Триполи. Эти партийные дружины – в униформе, с воинскими знаками различия и нередко вооруженные, конечно, вызывали гнев соотечественников-мусульман и даже христиан (православных и других), видящих в них прямую угрозу для себя. Следом вооружались и спешно создавали свои отряды ливанские друзы и шииты.

3) На указанный период приходится время подъема политических позиций алавитской общины Сирии. Этот процесс коренился еще в политике мандатных властей Франции, осуществлявшей подспудно целенаправленную политику раздела сирийского общества по границам конфессий. В период независимости усиление алавитского влияния и установление их пресловутого политического доминирования носили характер сложной конкуренции в армейской среде за высшие посты, которые обеспечили им, в конечном итоге, доступ к высшей власти в государстве. Иными словами, лидерство сирийских алавитов

---

¹ Johnson M. Class and Client in Beirut... P. 33.

вовсе не стало результатом победы в некоей схватке конфессиональных общин или выхода всей алавитской общины в авангард сирийского и ливанского обществ. Скорее напротив – простые члены общины мало выиграли от такого положения дел, оказавшись в уязвимом положении в окружении суннитского большинства. Что же касается ливанских алавитов, то их присутствие в стране было ограничено в основном районом Триполи (Джебель Мухсин), так что эта община и вовсе не почувствовала на себе никаких выгод от политических успехов их единоверцев в соседней Сирии.

4) Чрезвычайно активными показали себя друзы, причем на этот раз не столько Хаурана, сколько Ливанских гор. Объединившая сторонников друзского клана Джумблатов Прогрессивно-социалистическая партия довольно успешно лавировала на левом фланге. Впоследствии она перешла к прямой поддержке палестинских боевиков разных толков, и очевидно, это был не только идеологический, но и тактический альянс – к обоюдной выгоде. Неизбежные при таком политическом раскладе столкновения отрядов друзских прогрессистов с промаронитскими партийными вооруженными формированиями в очередной раз оказались конфессионально маркированы, но отнюдь не были вызваны причинами, относящимися к сфере религиозных противоречий. В конечном счете, такая линия руководства этой друзской партии¹, решавшего проблемы своего влияния за счет палестинского дела, в высокой степени обеспечила на первом этапе гражданской войны острый внутригражданский характер столкновений.

Приведенное схематичное описание главных зон напряжения межконфессиональных отношений в обеих странах может дать представление о чрезвычайной сложности и многогранности этой сферы. Религиозно-конфессиональный фактор входил в число тех, что определяли многие соци-

---

¹ Глава ПСП К. Джумблат не только взял на себя роль «полномочного представителя палестинской революции в ливанском общественном мнении» (См.: Тимофеев И.В. Камаль Джумблат. М.: Прогресс, 2003. С. 319), но и возглавил Арабский фронт содействия палестинской революции. За его избрание на пост генсека проголосовали в ноябре 1972 г. представители 47 арабских партий из Алжира, Египта, Ирака, Ливана, Марокко, Сирии и др.

ально-политические явления в Сирии и Ливане третьей четверти XX в., но никогда не был единственным и самостоятельным. Облекаясь в форму протестных явлений внутри отдельных общин, чаще всего этот фактор сам был обусловлен обстоятельствами политического или социально-экономического характеров.

Например, «демографическая пирамида» в Ливане к началу 70-х годов приняла такую форму, которая заставляла социологов предсказывать в скором времени социальные потрясения, если бы не были приняты усиленные меры по созданию рабочих мест и поддержке межгрупповых связей. По данным Ливанского бюро статистики за 1970 г., «демографическая пирамида» в Ливане, а особенно в Бейруте представляла собой форму сильно вогнутого наконечника стрелы, причем сходной формы для мужского и женского населения (в Бейруте доля детей и подростков до 14 лет составляла 37,3%, молодежи 15-24 лет – 18,8%, 25-34 лет – 13,3%)¹. Это означало, что вошедшая в свою полную силу во второй половине 70-х годов ливанская молодежь представляла собой подавляющее большинство населения, и ее кипучая энергия диктовала острый запрос на возможности профессиональной и творческой реализации, предпринимательской, коммерческой активности и создания семей. Но молодежь не получила желаемых возможностей, а иными словами, ощутила крах социальных ожиданий, что привело к опасному накоплению негативного потенциала в многосоставном обществе. Начавшийся зимой 1978 г. собственно «межливанский» этап гражданской войны, несомненно, был обусловлен, в том числе, и этим важным социально-демографическим фактором.

В значительной степени обстоятельства, обострившие межконфессиональную проблематику, привносились извне и в высокой степени были следствием глобальной конкуренции на ближневосточной арене. Вот лишь один пример. После арабо-израильской войны 1973 г. и арабских ограничений на по-

---

¹ Murray G.T. Lebanon: The New Future. An Economic and Social Survey. Beirut: Thomson-Rizk, 1974. P. 38–40.

ставки нефти, в декабре того же года в Ливане состоялся обстоятельный диалог с высшими американскими дипломатами¹. Президент Сулейман Франжье в разговоре с госсекретарем Генри Киссинджером старался передать масштаб протестов в Ливане против поддержки Западом израильтян в минувшей войне и акцентировать внимание на религиозном аспекте противоречий. Сохранилась полная стенограмма той встречи (за подписью Хэролда (Хэла) Сондерса), и Франжье сказал тогда: «Я сам могу многое рассказать Вам об антизападных демонстрациях, ведь они отчасти были направлены и против меня. <...> Однажды американцы, находившиеся в Ливане, прошли пешком 40 км, выступая против США. Американские граждане, когда они сами видят и переживают следствия палестинской проблемы, не являясь при этом субъектами политического влияния сионистов, начинают чувствовать так же, как здешние арабы. <...> До 1948 г. арабы-мусульмане, арабские христиане и арабские иудеи счастливо жили в Иерусалиме вместе. Я желаю, чтобы израильские лидеры сегодня вспомнили те времена, поскольку мы верим, что история повторяется»². Президенту вторил ливанский премьер-министр, приводя в пример веротерпимость пророка Мухаммада по отношению к религиозным практикам христиан и иудеев и настаивая, что Палестина и Иерусалим должны быть местом для жизни исповедующих все три религии Писания³. Глава американской дипломатии, правда, не поддержал тогда идею, что установление межрелигиозного мира должно стать генеральной линией в восприятии арабскими странами действий США. Он свернул беседу на преимущества американского стратегического доминирования в регионе в противовес советскому: «В ходе войны мы видели

---

¹ В той встрече участвовали, в частности, президент Сулейман Франжье, премьер Такиеддин Сольх, глава МИДа Фуад Наффа, командующий ливанской армией генерал-майор Искандар Ганем, а с американской стороны глава МИДа Генри Киссинджер, его заместитель Джозеф Сиско, представитель Совета нацбезопасности Хэл Сондерс и посол в Бейруте Уильям Баффам.

² US National Security Council. Memorandum of Conversation with Lebanese President at the Officers' Club at the Rayak Air Base in Lebanon, December 16, 1973. Memorandum for George S. Springsteen, Executive Secretary of Department of State by Harold H. Saunders, February 7, 1974. (Secret, NoDis). P. 4.

³ Ibid. P. 5.

опасность в том, что вооруженные Советским Союзом страны займут главенствующие позиции. Парадокс в том, что для США было необходимо предотвратить победу советского оружия и [представить это как результат] действий американцев, чтобы и после войны мы могли бы помогать нести мир – тоже действием американцев. Парадоксально, но наша миссия состоит в помощи Израилю спасти Ливан и Саудовскую Аравию, которые должны быть озабочены позициями Советов в регионе. Если мы сумеем теперь принести мир, то люди воспримут его тоже как результат действий американцев»¹.

Приведенный эпизод был достаточно типичен в смысле увода в тень религиозной проблематики со стороны всех тех, кто поддерживал право на жизнь еврейского государства (всех, вовсе не только западных стран), но сталкивался с неудобными (откровенными библейскими) мотивациями сионистов, которые растравливали ситуацию, вызывали негодование мусульманского большинства региона и вели к периодическим обострениям.

Зато, когда дело касалось отношений между мусульманскими общинами, проблемы межрелигиозных противоречий будировались внешними игроками весьма охотно. Долговременная, но тщательно скрывавшаяся ставка британцев на радикалов из БМ (причем, не только в Сирии, но в целом ряде ближневосточных стран), с одной стороны, и тщательный мониторинг конкуренции друзских и алавитских офицеров в Сирии, приведшей к закреплению у власти относительно узкого круга кланов, с другой, служат примером такой «игры». В Ливане схема воздействия внешних сил на разные социальные группы, включая конфессиональные, была еще сложнее и включала не только мировые державы, такие как Соединенные Штаты, Советский Союз, Францию, Англию, Германию, но и региональные – Египет, Сирию, Ирак, Саудовскую Аравию и Иран.

Оставляя за рамками исследования инструментальное использование внешними силами разных кругов на местной политической арене, важно рас-

---

¹ Ibid. P. 7.

смотреть отдельные группы конфессиональных общин Сирии и Ливана: линии сопряжения их интересов и противоречий во взаимоотношениях с другими общинами. Анализируемые ниже (в соответствии с представленной в общих чертах схемой) эти интересы – то сходящиеся, то взаимоисключающие – могут дать надежное основание для научного представления о межконфессиональных отношениях в сирийском и ливанском социумах.

Ливанские мусульмане в системе гражданских взаимоотношений

Мусульмане Сирии, а особенно Ливана даже спустя годы после окончательного ухода французов из бывших подмандатных стран все еще продолжали высказывать недовольство своим положением по сравнению с положением других общин. Находясь в плену реваншистских идей, многие из них недоумевали, отчего так и не удастся установить режим благоприятствования своим единоверцам и устранить определенные привилегии христиан в Ливане. Они были явно разочарованы невозможностью укрепить свои позиции после периода французского мандата, когда наибольшими социально-политическими успехами, по их мнению, пользовались христиане-униаты.

К тому же некоторые политики могли все еще надеяться пересмотреть решения времен французской администрации, в частности касательно административно-территориального деления подмандатных территорий. Ведь с момента передачи французами Турции исконно сирийской Александреттской области (санджака) в июле 1939 г. прошло лишь около десятилетия, а со времени «Конференции Побережья», где суннитские деятели выразили единое мнение не соглашаться с решениями французов о границах подмандатных государств, – менее полутора десятка лет. Тогда, в марте 1936 г. участники конференции постановили требовать передачи Сирии незаконно присоединенных к

подмандатному Великому Ливану населенных суннитами районов Бекаа, Аккара и др.

На том знаковом мероприятии город Триполи представлял бывший муфтий города, крупный землевладелец и коммерсант Абд аль-Хамид Караме, а Южный Ливан – знатный шиитский землевладелец Адиль Осейран. Большинство именитых участников были из Бейрута: знатный владелец торгового дома Салим Али Салам, Казым Сольх (двоюродный брат Рида Сольха), Наджи Фахури, Ахмад Даук, Малих Синно и Абд аль-Кадир Таббара¹. Продолжая эту идейную линию, в июле того же года эти мусульманские деятели (а также верховный муфтий Ливана) создали Мусульманский консультативный совет, вскоре трансформированный в так называемый Исламский национальный конгресс ливанских мусульман. Эта организация претендовала уже на выражение чаяний не только суннитов, но и шиитов и друзов: в состав ее исполкома вошли тогда сунниты Риад Сольх, Омар Байхум, шиит Ариф Зейн и друз Амин Арслан. Известно, что Конгресс в конце октября 1936 г. подал верховному комиссару Дамьену де Мартелю меморандум со своими требованиями. Сразу после подписания франко-ливанского договора (13 ноября) они были приглашены для вручения ответа в том духе, что в условиях достигнутого политического соглашения это узкоконфессиональное обращение вызывает у верховного комиссара лишь сожаление². Одновременно, волнения и столкновения с жандармами (французами и сенегальцами) в Триполи продолжались – бастующие мусульмане требовали, в том числе, присоединения к Сирии. Исламский конгресс показал при этом полную неспособность как-то держать под контролем настроения суннитов Севера: только к 20 ноября было уже трое убитых, более 30 раненых и около 60 арестованных, в том числе суннитские лидеры³. В том момент Исламский конгресс не смог приблизиться к своим целям, а вскоре региональ-

---

¹ Johnson M. *Class and Client in Beirut...* P. 25.

² V.V., U.F., E.R. *Libano e Syria // Oriente Moderno*, Anno 16, Nr. 12 (Dicembre 1936). P. 674-683. P. 675.

³ *Ibid.* P. 676.

ная повестка круто изменилась, оставив унионистские чаяния мусульман в прошлом ¹.

Ориентация на Сирию ливанских мусульман была объяснима: это была страна с подавляющим большинством мусульманского населения, где сунниты составляли около трех четвертей, и к середине века росту их политических позиций, казалось, ничто не должно было препятствовать. В плане остроты межконфессиональных отношений наиболее рельефно положение сиро-ливанской уммы в означенный период предстает на примере Ливанской республики. Вопросы взаимоотношений мусульман-суннитов Сирии с другими конфессиями, целесообразно будет осветить отдельно ввиду их особой повестки. Но они также выявляются в плане политической конкуренции сирийских суннитов с друзами и алавитами, о чем пойдет речь в заключительной части главы.

На ливанском политическом поле положение суннитов определялось по большей части приверженностью идеям арабизма и единства арабской мусульманской уммы, которые не могли в достаточной мере разделять политики-христиане – даже приверженцы явной проарабской направленности. Шиитские нотабли находились на этапе становления своих политических требований, они во многом солидаризовались с суннитами и поддерживали лишь тех христианских политиков, которые в наименьшей мере, как им казалось, препятствовали политическому участию мусульман Ливана на уровне государственного управления.

За бурлящим политическим пространством Ливана, как и соседней Сирии, пристально наблюдали западные политики и дипломаты, стараясь не упустить из внимания противоречий между религиозными общинами этих стран, традиционно рассматривая их в качестве возможных объектов приложения своих усилий. Как американцы, так и европейцы прикладывали все усилия

---

¹ Проект объединения в «Великую Сирию», впрочем, еще поднимался в 1943 г. – эмиром Трансиордании Абдаллой аль-Хашими, а план «Благодатного полумесяца» предлагался иракским премьером Нури Саидом. Всем было ясно, что эти проекты были частью региональной конкуренции англичан, и они не получили развития.

(разведывательного и аналитического характеров), чтобы верно оценивать расстановку сил на внутривосточной арене Ливана, связанную с конфессиональной проблематикой. На такой вывод наводят некоторые документы 50-х – начала 70-х гг., в частности, британского МИДа¹, а также оценки других европейских дипломатов, содержащиеся в неопубликованных пока документах швейцарских архивов Цюриха и Берна.

Призыв Г. Насера в 50-е годы к арабскому единству был воспринят с энтузиазмом во многих социальных кругах, и в наибольшей степени – суннитами Ливана. Суннитские верхи по большей части шли в русле опасений «коммунистической угрозы» с ее атеизмом, и насеризм относили, конечно, к противоположному лагерю. При этом, как показывают источники, они не упускали и сугубо прагматические соображения, в частности опасались потерять возможность получения американской финансовой помощи по Программе Трумэна².

Один документ дипломатической миссии США в Бейруте свидетельствует, что тогдашний ливанский премьер-министр Сами Сольх, представлявший суннитскую общину, поддерживал инициативы, к которым имели прямое отношение американцы и которые шли на стыке религии и идеологии. Как передавал бывший иракский военный атташе в Вашингтоне, бизнесмен Шафик Хаддад, глава ливанского Кабинета 22 февраля 1952 г. обсуждал с ним совместные проекты неправительственных организаций Ирака, Ливана и Пакистана: «1) создание здорового общественного мнения в Ираке, Ливане и Пакистане в смысле интерпретации ислама как основы толерантности и жесткого неприятия терроризма и коммунизма, а иными словами, тесного сотрудничества прежде всего мусульманских религиозных общин, но также и другие общины

---

¹ Foreign Office, а после 1968 г. – Foreign and Commonwealth Office.

² Перед глазами ливанских политиков мог стоять пример Турции, которой к тому времени уже была предоставлена помощь в сотню млн долларов, обеспеченных тогда золотым эквивалентом. Еще 12 марта 1947 г. Г. Трумэн озвучил это предложение в своей речи обеим палатам Конгресса: «Президент Трумэн предложил Конгрессу предоставить помощь правительствам Греции и Турции в размере 400 млн долл. и направить в регион американских гражданских специалистов и военных, а также необходимое оборудование и снаряжение». См.: <https://history.state.gov/milestones/1945-1952/truman-doctrine>.

на этих территориях, включая христианские организации»¹; 2) совместное обсуждение возможностей по противодействию коммунизму в этих трех странах. При этом Сами Сольх очень рассчитывал на американскую помощь по «четвертому пункту» (Программы Трумэна): он считал, что «улучшение экономического положения населения – это вернейший путь противодействия коммунизму в Ливане и других странах» и предлагал экономические конкретные меры, в том числе проекты по электрификации и водоснабжению районов Ливана, а также застройку под жилье для бедных района аэропорта и других земель на американские деньги².

Приведенный пример свидетельствует, что даже внутри одной конфессиональной группы пролегли границы, разделявшие людей по отношению к арабскому социализму, советскому влиянию («коммунизму») и прозападному курсу, несмотря на то что большинство ливанских суннитов все-таки выбрали социализм насеровского типа. В других религиозных общинах дело обстояло сходным образом. В итоге, внутриобщинные идеологические разногласия усиливали определенные межобщинные претензии, что накаляло в целом общественную ситуацию.

Отражением такого явления и явился текст приводимого в предыдущей главе манифеста ливанских мусульман, где их недовольство своим положением отливалось в претензии к согражданам-маронитам и соответствующие требования к властям:

1. «Пересмотр конституции. Устаревший регламент, действующий ныне, относится ко временам французского мандата и не соответствует нынешнему развитию и духу времени.

2. Тщательная перепись жителей Ливана, как это предписано принятыми законами, а не практикой.

---

¹ The Foreign Service of the USA. American Legation in Beirut, Lebanon. Memorandum for Files by John H. Bruins, Counselor of Legation (Confidential). Feb 26, 1952. P. 1–2.

² Ibid. P. 1.

3. Прекращение официально разрешенной или финансируемой внутренней и внешней пропаганды образа Ливана как христианского государства.

4. Полное отделение государства от религии, с равным правосудием для всех граждан, невзирая на религиозно-конфессиональную принадлежность.

5. Предоставление ливанского гражданства всем и каждому палестинским беженцам, проживающим в Ливане и желающим стать его гражданами, без предпочтения к отдельным конфессиям или этническим группам.

6. Нет двойному гражданству для ливанских эмигрантов, которые стали гражданами новых стран по своему выбору – в обеих Америках или где-то еще.

7. Составление подробной статистики по процентному соотношению чиновников и служащих от каждой конфессии в правительственных учреждениях, а также относительной важности занимаемых ими должностей.

8. Пропорциональная правительственная помощь и финансирование образовательных, благотворительных и других некоммерческих организаций разных общин без протекционизма.

9. Прекращение публикаций, распространения и использования учебников для правительственных школ, в которых ливанская история и обществознание подаются исключительно с точки зрения одной из конфессий, – ради равноправного признания как арабизма, так и точек зрения остальных групп и конфессий.

10. Прекращение специальных усилий со стороны Департамента туризма по представлению в глазах туристов Ливана как христианской страны и подавлению всего, что свидетельствует о присутствии в стране ислама.

11. Расширение экспозиции Национального музея, чтобы наравне с другими представлять арабские и мусульманские древности и произведения искусства Ливана вместо того, чтобы ограничивать ее только доисламскими языческими и христианскими объектами.

12. Суровое наказание и ограничительные меры принимать в отношении абсолютно всех тайных сделок с сионистскими силами в Палестине, будь то через ливанские границы или через Кипр.

13. Полное экономическое единство между Ливаном и Сирией в соответствии с настойчивым желанием большинства народа»¹.

Важно подчеркнуть, что в списке подписавших «Манифест» значатся и сунниты, и шииты, выступавшие совместно от лица всех мусульман.

Заключался документ положениями, носящими в целом антимаронитский (как и антиизраильский) характер, например:

«1. Маронитская община Ливана и некоторые другие христианские группы в нашей стране не испытывают симпатии к арабскому национальному духу, но наоборот, готовы бороться с ним всеми возможными путями и навязывать силой свою собственную христианскую цивилизацию всему Ливану, а также насильно отделять Ливан от остального арабского мира.

2. Мусульмане Ливана должны понять, что ливанская фашистская Катаиб – это не что иное, как новая Хагана, чьей целью является подогнать весь Ливан под маронитский шаблон, а также сотрудничать с сионистами против мусульман Ливана и Сирии. Эта угроза должна побудить нас организовать для сопротивления, используя все возможные средства для избавления нас от этого, иначе нас постигнет та же участь, что и арабов Палестины.

3. Арабские народы вокруг Ливана должны осознать, что эта угроза является также серьезной угрозой и для их собственной будущей безопасности и территориального единства. <...>

4. Первая Битва за Палестину и нынешняя ситуация в Ливане должны стать тревожным сигналом мусульманам Ближнего Востока и всего мира, что им следует быть готовыми осознать свою ответственность за защиту мусульман Ливана, чтобы не потерпеть поражение и не быть съеденными по частям, как

---

¹ Moslem Lebanon Today // Minorities in the Middle East. Vol. 4. P. 332.

наши братья в Палестине. Опасность эта исходит не только от сионистов и их маронитских друзей, но от их зарубежных покровителей и других держав, стремящихся расширить свой политический, экономический и стратегический контроль над нашими землями при первом же сигнале слабости арабов и мусульман»¹.

Очень скоро антимаронитский пафос мусульман Ливана, представленный в документе в концентрированном виде, был практически вытеснен насеризмом, в котором сохранились лишь антиссионистский и антиимпериалистический послы. Как пишет Хиляль Хашан, «в действительности одной из непосредственных причин восстания 1958 г. было негодование суннитов антинасеровской политикой, проводимой президентом Камилем Шамуном»².

Долго прожившая в Ливане журналистка мексиканского происхождения, Табита Петран, свидетельствовала: «Поляризация арабской региональной политики усиливала конфессиональную чувствительность внутри Ливана. Гамаль Абдель Насер, бросая вызов Западу, подталкивал мусульман-суннитов требовать единого ливанского противостояния американскому империализму и усугублял ощущаемую ими досаду, вызванную незначительностью доставшейся им доли политической власти»³.

Британский посол в Бейруте Пол Райт также подмечал первейший политико-идеологический фактор в проблемах с кажущейся иногда первостепенной межконфессиональной составляющей. В одном из своих донесений тогдашнему главе МИДа (Foreign Secretary) Алеку Дугласу-Хоуму (от 21 марта 1973 г.) он представил аналитическую записку «Кресты и полумесяцы: конфессионализм в Ливане», где, в частности, писал: «Мусульмане вечно ворчат о лишении их гражданских прав, но чисто религиозные проблемы никогда не становились

¹ Ibid. P. 343.

² Khashan, Hilal. The Lebanese State: Lebanese Unity and the Sunni Muslim Position // *International Sociology*. March 1992. Vol. 7, issue 1. P. 87

³ Petran T. The Struggle Over Lebanon. P. 49. Автор прожила в Сирии и Ливане с 1962 по 1986 г., и по возвращении с Ближнего Востока опубликовала книгу о Ливане, содержащую интересные оценки внутренних причин переломных этапов истории страны.

определяющими в серьезных внутренних бедах, и даже гражданская война 1958 г. не противопоставила эти две веры»¹.

На это, правда, глава ДБВСА британского внешнеполитического ведомства, Джеймс Крэйг, замечал ему: «Вы говорите, что “даже гражданская война 1958 г. не противопоставила эти две веры”. Верно, но она не противопоставила – парадоксальным образом – именно потому, что противопоставление [или поляризация] уже существовало. Разумные христиане, вроде Шихаба² и Меуши³ признавали, что, если они не взломают эту поляризацию, поляризация взломает страну. Ведь, по существу, спор велся между прозападными христианами и проарабскими мусульманами, и когда главная опасность миновала, Меуши и другие вернулись на свои прежние позиции; и только Шихаб и его сторонники признавали, что опасность была хронической. Мусульманские лидеры удерживали себя при помощи сходного благоразумия (например, в вопросе о переписи населения), поскольку они распознали ту же опасность поляризации»⁴.

Отчасти в пользу этого довода, а также в подтверждение определенного конфессионального протекционизма президента К. Шамуна, свидетельствовали и воспоминания Табиты Петран: «В то время как маронитский патриарх сам оценивал мусульманское большинство в 60%, политика Шамуна усиливала чувства среди мусульман, особенно среди низших слоев городского среднего класса, что они в своей стране являются гражданами второго сорта. Растущее недовольство в равнинных сельскохозяйственных областях, запущенных по

¹ Ambassador Paul H. G. Wright to Foreign Secretary Sir Alec Douglas-Home. “Crosses and Crescents: Confessionalism in Lebanon” (Confidential). British Embassy, Beirut. 21 March 1973 // Minorities in the Middle East. Vol.4: Muslim minorities in Arab countries, 1843–1973. P. 349.

² Фуад Шихаб (1902–1973) – президент Ливана с сентября 1958 по сентябрь 1964 г.

³ Булос II Меуши, патриарх Маронитской церкви в 1955–1975 гг. Он, как пишет Р.Г. Ланда, «считал арабскую культуру базой этнокультурной самоидентификации ливанцев. ... Симпатии патриарха к панарабизму и его приветствие по случаю образования ОАР вызвали отрицательную реакцию политических лидеров маронитов, которые направили в Ватикан свой протест в связи с “проарабской” деятельностью Булоса II». См.: Ланда Р.Г. История Ливана. XX в. С. 97.

⁴ Sir A.J.M. Craig to Ambassador P.H.G. Wright, Beirut, 19 June 1973 // Minorities in the Middle East. Vol. 4. P. 359. Впоследствии, кстати, Крэйг служил послом в Сирии (1976–1979).

сравнению с Горным Ливаном и Бейрутом, было также серьезным фактором разгоравшейся революции»¹.

Упомянувшийся выше швейцарский посол в Бейруте Гвидо Киль в декабре 1960 г. сообщал: «В последние месяцы усилились признаки того, что со стороны мусульман-суннитов идут попытки расшатать нынешний религиозно-политический баланс в Ливане, чтобы изменить его в пользу превосходства мусульман. Кровавые события летних месяцев 1958 г. пробудили в мусульманской части населения силы, которые, несмотря на последовавшую за беспорядками формулу примирения “Ни победителей, ни побежденных”, по-видимому, не собираются отказываться от своих подрывных действий и своей цели». Автор донесения далее так описывает основание претензий мусульман Ливана, лежащее в демографической плоскости: «Снова и снова радикально настроенные мусульманские политики требуют проведения новой переписи населения. При этом основание подобным притязаниям лежат в такого рода аргументах: с последней переписи не только увеличилось население с 1,4 млн до приблизительно 1,6 млн чел., но и произошло смещение конфессионального баланса. Вследствие большего коэффициента рождаемости, как считают мусульмане, теперь был достигнут перевес над христианами. Кроме того, в стране проживают около 150 тыс. палестинских беженцев, в подавляющем большинстве – мусульмане. Поэтому прежний религиозный состав претерпел изменения и теперь считается недействительным»².

Следом описывался небольшой эпизод проявления недовольства части мусульман мерой представленности их в верховной власти. «Волну беспокойства в христианском лагере возбудила инициатива депутата-мусульманина Аднана Хакима. Как вождь мусульманских молодежных и боевых отрядов Надж-

¹ Petran T. The Struggle Over Lebanon. P. 50.

² Archiv für Zeitgeschichte der ETH Zürich (AZGZ). NL Guido Keel 6.2 Politische Berichte, 1960. Herrn Bundesrat Max Petitpierre Vorsteher des Eigenoessischen Politischen Departamentes, Bern. ([Посол Гвидо Киль Посольство Швейцарии. Бейрут (Ливан)] федеральному советнику, Макс Петитпьеру, главе Федерального Политического Департамента. Берн. Политическое донесение (Далее – Guido Keel). 7.12.1960. F. 2.

жады этот политик представляет крайнее крыло сторонников панарабизма насеристского типа. Хаким явился к президенту страны Шихабу и потребовал, ни много ни мало, чтобы традиционное положение, когда президент республики принадлежит к маронитской общине, было упразднено и заменено на альтернативное правление христианского и мусульманского глав государства»¹. Автор донесения описывал хладнокровную реакцию президента Ф. Шихаба на этот демарш суннитского политика в том духе, что он не собирался досрочно уходить в отставку, когда из шести лет его срока впереди были еще целых четыре. Вполне возможно, что это была лишь своего рода проверка реакции, ведь остальные политики-сунниты не поддержали своего единоверца, по крайней мере явно. «Христианские политики остро отреагировали на поступок Хакима. Создается впечатление, что вопрос этот намеренно и вероломно “выдернут из забора”², чтобы внести в политико-конфессиональную ситуацию новый элемент замутненности и нервозности. Сами предводители с мусульманской стороны, такие как глава кабинета министров Саиб Салам и его мусульманские коллеги по кабинету, поражены и смущены. Трудно оценить, насколько искренно это изумление, или же это только притворная растерянность. Во всяком случае, все эти люди в период бушевавшей гражданской войны стояли с Аднамом Хакимом на одних и тех же баррикадах»³.

Так или иначе, вопрос закрепления президентского поста за маронитами все же был поставлен некоторой частью политиков-мусульман под сомнение. Нужно учесть, что автором инициативы пересмотра стал глава промусульманской партии, имеющей в своем распоряжении вооруженные ополчения (*милишият*). Это не могло не тревожить сторонников сложившейся системы конфессионального представительства: «В христианском лагере отдают себе отчет в том, что пришла в движение легкомысленно начатая дискуссия по основам

¹ Guido Keel, 7.12.1960. F. 3.

² Вероятно, эта немецкая идиома сходна по смыслу с русской «взят с потолка». – А. С.

³ Guido Keel, 7.12.1960. F. 3.

конфессионального баланса. Дело идет о судьбе ливанского “национального пакта” 1943 г. Он представлял собой результат взаимных и добровольных уступок, и это стройное здание грозит быть разрушенным, если одна из религиозных общин захочет отказаться от существенного пункта компромисса»¹. Далее Гвидо Киль делал следующее тревожное замечание: «Теперь дело выглядит так, что, похоже, в кругах приверженцев панисламского фанатизма интерпретация арабизма в духе религиозной толерантности больше не приемлема»².

Впрочем, это был действительно лишь эпизод недовольства мусульман-панарабистов, который не получил своего дальнейшего развития. Спустя два десятилетия другой европейский дипломат признавал: «Наиболее активные мусульмане под руководством своих политических лидеров не видят преимуществ в том, чтобы отменить систему, дающую им возможность жить в большем процветании и стабильности, чем в большинстве арабских стран, и которая предоставляет им главенство как в Совете депутатов, так и в Совете министров. Подобным же образом, ведущие оппоненты нынешнего правительства не хотят в действительности разрушать структуру, которая и прежде гарантировала им выгоды от протекции, а в будущем с высокой долей вероятности приведет их снова в высшие сферы власти, даже несмотря на то, что система фактически закрывает для большинства из них президентский пост»³.

Описанный выше эпизод, по тонкому замечанию швейцарского дипломата, сам премьер-министр Саиб Салам и его сторонники-мусульмане в правительстве и парламенте могли использовать в качестве элемента давления на своих оппонентов, одновременно демонстрируя и полное одобрение распределения властных полномочий по принципу конфессионализма, которое вполне устраивало их на тот момент. Устраивало, несмотря на то что доля христиан в новом составе парламента значительно превышала долю мусульман (54 к 45, то

---

¹ Ibid.

² Ibid. F. 4.

³ Ambassador Paul H. G. Wright to Foreign Secretary Sir Alec Douglas-Home (Confidential). British Embassy, Beirut. 21 March 1973 // *Minorities in the Middle East*. Vol. 4. P. 351–352.

есть 6:5, в строгом соответствии с условиями «национального пакта»). Соотношение было сохранено при том, что численный состав парламента пересматривался, и общее число депутатов на выборах 1960 г. было увеличено с 66 до 99.

Французские и итальянские издания внимательно следили за результатом тех выборов и приводили в деталях конфессиональный состав нового ливанского Совета депутатов летом 1960 г.: «Как и ожидалось, 12, 19, 26 июня и 3 июля в разных районах Ливана последовательно были проведены выборы в новый Совет депутатов. Голосование проходило беспрецедентно спокойно. Что касается состава палаты из 99 мест, известно распределение по конфессиям: 30 маронитов, 20 суннитов, 19 шиитов, 11 православных, 6 греко-католиков, 6 друзов, 4 армян-григориан, 1 армяно-католик, 1 протестант и 1 – из «меньшинств»), а также по регионам: 16 – Бейрут, 30 – Горный Ливан, 18 – Южный Ливан, 20 – Северный Ливан и 15 – аль-Бекаа. Распределение по партиям или политическим группам следующее: Катаиб – 6 депутатов (5 маронитов и 1 армяно-католик); от Национального блока – 6 (5 маронитов и 1 шиит); от ПСП – 6 (друз, маронит, суннит, шиит, православный, католик-латинянин); от НЛП (Patriotti) – 5 депутатов (3 маронита, православный и шиит); от партии Конституционный союз – 6 депутатов (4 маронитов, 1 друз, 1 шиит); от партии Дашнакцутюн – 4 депутата (все армяне-григориане); от Национального комитета (аль-Хайа аль-ватанийя) – 1 депутат-суннит; от Надждады – 1 депутат-суннит; от группы Ахмада аль-Асаада (Южный Ливан) – 7 депутатов (6 шиитов, 1 православный); группа Рашида Караме (Триполи) – 7 депутатов (6 суннитов и 1 православный); группа от Аккара – 4 депутата (как и в предыдущем году; 2 суннита, 1 маронит, 1 греко-православный); группа Франжье – 5 депутатов (от Бшарре и Згорты; все марониты); группа Жозефа Скафа (Захле) – 5 депутатов (греко-католик, православный, маронит, суннит и шиит)»¹.

¹ P.M., A.F. Libano // *Oriente Moderno*, Anno 40, Nr. 7/8 (Luglio-Agosto 1960). P. 445 (со ссылкой на: *L'Orient*, 4.07.1960).

Тогдашнее правительство, утвержденное в начале августа 1960 г. и работавшее до 16 мая 1961 г., представляло собой результат своего рода эксперимента, попытку создать орган исполнительной, как и законодательной власти, в котором было бы обеспечено наиболее справедливое конфессиональное представительство. «Удовлетворяя всем имеющимся партикуляристским притязаниям, – писал Г. Киль, – Кабинет был сформирован из 18 членов. Для страны с населением всего 1,6 млн человек это стало настоящим правительством-гигантом, которого Ливан на протяжении 15-и лет своей независимости еще не знал»¹. Тот эксперимент с «инклюзивным правительством» не удался, кабинет министров оказался неспособен выполнить первоочередные задачи: «Возглавляемый Саибом Саламом 18-членный Кабинет уже вскоре после назначения обнаружил все признаки своей внутренней хрупкости. Вместо того, чтобы продемонстрировать дееспособность в плане исполнительной власти, правительство установило своего рода маленький парламент в рамках самого парламента, какое-то абсолютно гетерогенное создание с расходящимися векторами, которые скреплял лишь взаимно противоборствующий индивидуализм. <...> Что удивляет, так это то, что правительство не смогло реализовать ни один из строительных или социальных проектов, которые уже давно ожидают своего воплощения и в которых Ливан остро нуждается»². Почти через 9 месяцев треть министров подали в отставку, что открывало возможность для формирования нового кабинета. Г. Киль предполагал в этом шаге попытку отхода от прежней стратегии и реформирования состава правительства. «Должно быть, друзья Саиба Салама провели переговоры о возможности возвращения премьера с правительством в его уменьшенном составе»³. Действительно, следующий кабинет министров состоял только из 9 членов, из которых 7 уже бывали ранее на министерских постах. «Соответственно, второй Кабинет Саиба Салама – это

---

¹ Guido Keel, 22.05.1961. F. 1.

² Ibid. F. 2.

³ Ibid. F. 2.

скорее перестановка уменьшением, чем настоящее преобразование правительства»¹, – заключал дипломат. (Следует заметить, что впоследствии еще не раз ливанское правительство будет очень большим, в том числе состоять из 18 членов, например, под премьерством Рашида Сольха в октябре 1974 – мае 1975 г. Вероятно, это своего рода побочный эффект «консоциации», договорного принципа, предполагающего доступ к властным рычагам оговоренной пропорции представителей общин.)

Тем временем, влияние насеризма в регионе стремительно нарастало. Ливанские сторонники идей Насера, особенно среди мусульман, действовали активно и открыто. Очевидно, они чувствовали за собой поддержку этого авторитетного регионального лидера. Известно, в частности, о некой речи президента ОАР, где он в начале 1961 г. яростно критиковал ливанские партии Катаиб (Пьера Жмайеля) и ПСП (Камалю Джумבלата), так что даже премьер-министр Саиб Салам 26 февраля был вынужден выступить с призывом хранить Ливан от раскола, «чтобы существовал один Ливан, а не два»². На серьезность ситуации указывал тот факт, что уже 7 марта того же года была предпринята попытка взорвать дом С. Салама: якобы случайно заметили и погасили фитиль, ведущий к собранным вместе более сотни динамитных шашек³.

После попытки госпереворота в Сирии в марте 1962 г. и в преддверии баасистской революции, Ливан стал, как считали многие, удобным форпостом для переброски в Сирию сторонников насеризма. Об этом якобы заявляли главы МИД и МВД Сирии, обвиняя ливанские власти в бездействии в плане отпора пронасеровской пропаганде в своей стране, и даже предлагали такую радикальную меру как закрытие сирийско-ливанской границы для пресечения этой «иностранный шпионской деятельности»⁴. Действительно, граница на некото-

---

¹ Ibid. F. 4.

² Developments of the Quarter: Comment and Chronology // *Middle East Journal*, Vol. 15, No. 2 (Spring, 1961). P. 195

³ Ibid. P. 196.

⁴ Guido Keel, 16.01.1963. F. 5.

рое время была перекрыта, а кроме того, правительством рассматривались и другие меры давления на Бейрут.

Тогда ливанский президент Фуад Шихаб стал делать явный акцент на внутреннюю политику примирительного характера, пытаясь привлечь на свою сторону мусульман. Для этого он якобы даже прибег к «проведению более-менее пронасеристской политики, которая служила некоторой компенсацией традиционным мусульманским лидерам за неуспех в достижении большинства их внутривнутриполитических требований. Традиционные мусульманские лидеры не восставали против конфессиональной системы как таковой. <...> Они надеялись свести президентство до такого уровня, чтобы обеспечить баланс между исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти и добиться более справедливого участия мусульман в распределении правительственных и гражданских постов»¹. Свои социально-экономические программы Ф. Шихаб направил на развитие депрессивных, в основном мусульманских районов (в сферах хозяйственного развития, государственного образования и др.) В определенной степени он действовал даже вопреки положению «национального пакта» и не переносил на госслужбу тогдашнюю формулу парламентского конфессионального представительства 6:5. «В политической плоскости Шихаб стремился гарантировать мусульманам их представительство по формуле 50/50 – в отношении распределения государственных должностей между христианами и мусульманами (законодательный акт № 112). <...> Львиная доля этих дополнительных постов в соответствии с конфессиональным распределением досталась суннитам, а не быстро растущей шиитской общине, что, в свою очередь, породило новое недовольство»².

Это недовольство затрагивало не только «мусульманскую улицу», но и политические силы, представлявшие интересы ливанцев-мусульман. М. Сулейман так характеризовал неоднородность политических позиций ли-

---

¹ Petran T. The Struggle Over Lebanon. P. 52.

² Ibid. P. 57.

ванской уммы: «Арабо-мусульманские элементы были ввергнуты в хаос, раскалываясь на многочисленные группы, которые теперь выступают с разных позиций. Некоторые из них (“Национальный призыв”, ПСП, ДАН) приняли в целом существующий порядок вещей и считают для себя лучшим действовать в нем таким образом, чтобы соблюдать свои интересы. Другие (“Аль-Джамаа аль-исламийя”) работали над созданием единого мусульманского государства, а некоторые (Баас, “Ливанское национальное движение”) призывали ко включению Ливана в широкий арабский мир. Надждада занимала позицию где-то посередине между двух последних»¹.

Еще одной проблемой, связанной с мусульманской частью населения Ливана стал так называемый палестинский призыв, который послужил дальнейшей поляризации общества. Палестинские боевики оказались в Ливане в удобный для себя момент: летом 1970 г. проходили выборы президента, и противники расширения присутствия палестинцев в Ливане – марониты-фалангисты, выдвинувшие кандидатом своего лидера Пьера Жмайеля – существенно снизили градус своей риторики в надежде на голоса мусульман².

В сентябре, после трагических событий в Иордании, палестинцы через Сирию перешли в Ливан, где вполне вольготно чувствовали себя, несмотря на многочисленные ограничения, предусмотренные Каирским соглашением от 3 ноября 1969 г. Вскоре ограничение на ношение оружия и униформы были забыты. К 1972 г., как пишет И.В. Тимофеев, «униформа сделалась привычной частью городского пейзажа, и никто не удивлялся, если группа палестинских командос при полном вооружении вваливалась в ресторанчик или кофейню в самом центре столицы. Установление их контроля над мусульманскими кварта-

¹ Suleiman, Michael W. The Role of Political Parties in a Confessional Democracy: The Lebanese Case // *The Western Political Quarterly*, Vol. 20, No. 3 (Sep., 1967). P. 692.

² Тимофеев И.В. Камаль Джумблат. С. 308.

лами неизбежно вело к подрыву традиционной базы власти суннитских боссов»¹.

Ранее, в 60-е годы, Ф. Шихаб предпринимал серьезные меры к нормализации самих межмусульманских отношений в Ливане. В частности, он стал повышать роль государственных силовых структур для решения местных проблем, для чего дал широкие полномочия службе безопасности – «Второму бюро», включив в него и «офицеров из мусульман, улаживать племенные и клановые конфликты в районах Бекаа и Аккара, а также окорачивать вооруженные бригады политических заимов и их частные милиции, разросшиеся в период столкновений 1958 г.»²

Другим способом президента ослабить протестные настроения в среде ливанских мусульман был по-настоящему конструктивный: разработали и стали проводить в жизнь научно обоснованный план развития депрессивных районов Ливана, в особенности населенных мусульманами. Это продемонстрировало беднейшим слоям мусульманских общин страны готовность властей действовать ради их блага, пусть и с расчетом на определенный внешний эффект. В результате комплекса этих и других мер (такие реформы, как электоральная, парламентская, образовательная и др.) сама фигура президента стала более нейтральной, свободной от упреков в покровительстве какой-либо одной из конфессиональных общин. Фуад Шихаб, тем самым, вошел в историю лидером, стоявшим как бы над традиционными для Ливана конфессиональными, клановыми или классовыми противоречиями³.

Тем не менее, проблемы сохранялись, и в ряду важнейших из них была клиентельная структура ливанской уммы. Это относилось как к суннитам, так и шиитам, более всего населявшим долину Бекаа и ливанский юг. Современник тех событий писал: «Очень сомнительно, чтобы – в случае, если у политиче-

¹ Там же. С. 319.

² Petran T. The Struggle Over Lebanon. P. 58.

³ Suleiman M.W. Elections in a Confessional Democracy. P. 114.

ской власти поднимется рука отменить Национальный пакт, – мусульмане вышли бы на первое место, или что сунниты, шииты и друзы смогут объединиться»¹.

Что касается южных районов страны, то местные мусульманские нотабли и выходцы из связанных с ними семей были включены в систему государственной власти на всех уровнях. И.В. Тимофеев считал, что коренные интересы традиционных суннитских лидеров Ливана диктовали необходимость сохранения сложившейся политической системы, закреплявшей за ними постоянное и крайне влиятельно место на верху государственной машины (еще и при возможности дальнейшего расширения премьерских прерогатив). В момент, когда их власти стал угрожать массовый переход мусульманской улицы в левый политический спектр, они вышли с инициативой создания т.н. «суннитского фронта»: «В 1974 г. ведущие суннитские политики, поддерживаемые [верховным] муфтием Хасаном Халедом, реанимировали свой старый лозунг “аль-мушарака”, предусматривавший расширение полномочий премьер-министра и увеличение представительства мусульман в органах государственной власти и управления»².

Ситуация в умме в целом осложнялась обострявшейся проблематикой усиления шиитской общины. К тому времени ливанский Юг уже был преимущественно шиитским, за исключением по большей части суннитского Сидона, маронитского Джебзина и части Шуфа, нескольких маронитских и православных сел вблизи границы с Израилем и «друзского» городка Хасбайя. «Четыре могущественные шиитские семьи, – писала Т. Петран, – аль-Асаад, аль-Халиль, Осейран и аз-Зейн – владели примерно по 1,5 тыс. га земли»³. Автор приводит ряд ярких примеров: «Камиль аль-Асаад, как его дядя и его отец, много раз избирался депутатом, а в 1972 г. был назначен спикером парламента, удостоен

¹ Ambassador Paul H. G. Wright to Foreign Secretary Sir Alec Douglas-Home. British Embassy, Beirut. 21 March 1973 (Confidential) // Minorities in the Middle East. Vol. 4. P. 352.

² Тимофеев И.В. Камаль Джумблат. С. 333.

³ Petran T. The Struggle Over Lebanon. P. 71.

высшего государственного поста, предусмотренного для шиита. <...> Политическим лидером Баальбека-Хермея в Бекаа был до своей кончины в 1976 г. богатый землевладелец, шурина аль-Асаада, Сабри Хамаде. Эти две семьи обладали огромной властью не только в масштабе тех районов, но и в масштабе страны»¹. Известно, в частности, что на выборах 1964 г. кандидатами в депутаты были все те же Рашид и Сабри Хамаде, Ахмад аль-Асаад (наряду с занимающими суннитами А. Яфи, С. Саламом и др.)².

В упомянутом выше письме Джеймса Крэйга британскому послу в Бейруте Полу Райту содержалось очень интересное замечание относительно ливанских шиитов. «Полагаю, вы подмечали, – писал он летом 1973 г., – интереснейшую тенденцию дрейфа шиитов в сторону от суннитов. Это, я считаю, происходит отчасти благодаря тому, что шииты становятся все больше и больше “бедными белыми” Ливана, тогда как сунниты начинают догонять христиан в плане достатка, а также оттого, что шииты не имеют таких прочных связей с арабскими соседями, как сунниты, а следовательно не так поддаются влиянию призыва к арабскому национализму, и оттого, наконец, что подозревают возможность того, что окажутся в более затруднительном положении под господством суннитов, нежели христиан»³.

Эти тенденции расхождения ливанских шиитов и суннитов по разным лагерям, проницательно подмеченные еще в начале 70-х, получили свое развитие и наиболее рельефно проявились на протяжении первого десятилетия нынешнего века. Разные модели социально-экономического развития шиитской и суннитской общин Ливана, разные предпочтения региональной интеграции, во многом различающиеся идеологические установки и, так сказать, властные парадигмы, в конце концов действительно развели большинство шиитов и суннитов по разным, противостоявшим друг другу альянсам. Очевидно, что начало

¹ Ibid. P. 391–392, footnote 15.

² Suleiman M.W. Elections in a Confessional Democracy. P. 114.

³ Sir A.J.M. Craig to Ambassador P.H.G. Wrihgt, Beirut, 19 June 1973 // Minorities in the Middle East. Vol. 4. P. 359–360.

этим направлениям было положено еще задолго до Ливанской гражданской войны.

Подводя итог, можно повторить, что 50–60-е годы XX века для Ливана и Сирии явились периодом острых идеологических столкновений в широком региональном и даже международном контексте. В Ливане солидаризация левых сил с палестинской повесткой была, по логике, ожидаемой, а после сосредоточения в стране всех палестинских групп после «черного сентября» в 1970 г. стала неизбежной. «Палестинское вооруженное присутствие в Ливане, – писал И.В. Тимофеев, – резко увеличило удельный вес левых партий и организаций и дало импульс процессу радикализации мусульман»¹.

Выходу на первый план ливанских шиитов было заложено основание в тот же период, причем их последующая радикализация была вызвана далеко не только внутренними причинами. «50-е и 60-е годы, – писал в 2010 г. молодой ученый из Гарварда Макс Вайс, – стали свидетелями первых признаков того, что сейчас называется мобилизацией ливанских шиитов – явления, которое способствовало последующей радикализации общины во время гражданских войн в Ливане. Безусловно, ливанские гражданские войны (1958 и 1975–1990 гг. – *А. С.*) и вопиющие факты израильской агрессии и оккупации – не говоря уже о других формах внешнего вмешательства – также повлияли на процесс радикализации шиитов в Ливане»².

Можно утверждать, что собственно политические претензии суннитской и шиитской конфессиональных общин и их противоречия с христианами не являлись в то время весомым фактором ливанской внутривнутриполитической ситуации, будучи отодвинутыми противоречиями идеологическими, хозяйственными, клановыми, а также проблемой внешних угроз общественной безопасности. Можно также констатировать, что вплоть до гражданской войны, начавшейся с

¹ Тимофеев И.В. Камаль Джумблат. С. 332.

² Weiss, Max. In the Shadow of Sectarianism: Law, Shiism, and the Making of Modern Lebanon. Cambridge – London: Harvard Univ. Press 2010. P. 228–229.

ее «палестинской» фазы в 1975 г., ливанские мусульмане не только не составили монолитной силы, в задачи которой входили бы общие интересы уммы, но даже утратили ту более или менее единую повестку, которую породил тяжелый для них мандатный период.

Мусульмане стояли на разных, подчас полярных позициях – исламизма, антиссионистского сопротивления, арабского национализма, социализма, даже сирианизма, и различие задач этих многообразных мусульманских движений, конечно, открывало возможности как для закономерных воздействий внешних факторов, так и для прямых манипуляций извне. Первый этап гражданской войны с его первоочередным палестинским вопросом и стал началом в высшей степени болезненной для страны череды боевых действий, военных рейдов, прямых оккупаций и войн, обусловленных региональным арабо-израильским конфликтом в широком смысле – конфликтом, породившем острое гражданское размежевание, к которому собственно внутриванская межконфессиональная повестка имела очень отдаленное отношение.

Сунниты Сирии: парадоксы социального большинства

Сходную характеристику можно дать и мусульманской суннитской общине Сирии: она вовсе не была едина, все идеологические веяния и политические течения так или иначе захватывали ее членов. Сунниты были и у истоков баасизма, и среди сторонников пансирианизма, и в авангарде арабского социализма. А многие представители общины оставались настроенными очень критически к подобным светским программам развития страны, отстаивая свое право как большинства жить в мусульманской стране под мусульманским правлением и по законам шариата. Динамика радикализации этой части суннитов была неравномерной, находясь в зависимости от целого ряда обстоятельств, но в целом усиливалась на протяжении второй половины 60-х и в 70-е годы.

Анализ фактов сугубо политической истории Сирии того периода в работах большинства ученых заслонил собой вопрос положения и чаяний сирийской суннитской уммы. Как сочеталось в них осознание своего подавляющего численного и экономического превосходства со сравнительно невысоким политическим статусом суннитских алимов и норм шариата на практике? До какой степени и насколько широко они испытывали недовольство своим ущемленным в некоторых аспектах положением? Какие общественно-психологические закономерности и социальные механизмы привели к вытеснению их из высшего военно-политического властного слоя? Ответы на эти вопросы могли бы вскрыть «сирийский парадокс» – сохраняющаяся по сей день второстепенность голоса суннитского большинства в решении ключевых вопросов управления, безопасности и военно-стратегического планирования.

Конечно, о состоянии «депривации», ущемленности сирийских суннитов можно говорить только в относительном ключе (то есть, ОД). Причем сектор недовольства никогда не захватывал мусульмано-христианских отношений, даже не приближаясь, в частности, к ливанскому уровню.

Оставим такой острейший для Сирии вопрос, как радикальный суннитский исламизм, для отдельного рассмотрения, и сосредоточимся на первостепенном аспекте политической жизни сирийских мусульман – соревновательном характере взаимоотношений суннитов с алавитами и друзами, который можно выявить в сирийском обществе того времени.

В своей диссертации 1977 г. Николаос ван Дам писал, что в период с 1942 по 1963 г. количество суннитов в составах сирийских правительств, действительно, уменьшалось – с 83,2% до 77,1%. Однако сунниты составляли тогда 68,7% от всего населения Сирии¹, так что налицо было лишь относительное снижение ценностных возможностей при стабильно высоких ожиданиях (убывающий тип ОД), но далеко не действительная обделенность властным пред-

---

¹ Van Dam, Nikolaos. De Rol van Sektarisme, Regionalisme en Tribalisme bij de Strijd om de Politieke Macht in Syrie (1961-1976) / PhD thesis, Oosters Instituut, Nederlands, 1977. P. 32.

ставительством суннитов (абсолютная депривация). Заметим, что этот тип ОД в наибольшей степени относят к «традиционным сегментам переходных обществ»¹, каковым сегментом и являлось суннитское большинство сирийцев в те ключевые для истории страны годы.

Даже после окончания проекта объединения Сирии с Египтом и вплоть до 1963 г. власти проводили в отношении суннитской общины, говоря обобщенно, религиозно-политический курс на институциональное строительство от имени государства, светского по своему характеру. Чтобы нейтрализовать разрушительный протестный потенциал исламских радикалов, государство активно вмешивалось в религиозные дела, финансируя, созидавая, но одновременно и настойчиво контролируя жизнь уммы.

При всех отрицательных проявлениях такого вмешательства система суннитских образовательных, благотворительных и административных учреждений и, конечно, мечетей, получала значительные выгоды. Даже яростный критик религиозной политики сирийских властей, Томас Пьеррэ, признает: «Между началом независимости в 1946 г. и 1963 годом сирийские власти приняли подход, подобный кемалистской Турции и насеристского Египта – “национализировали” религиозные институты. Государственные власти создали правовые и административные структуры (пост Великого муфтия, Министерства вакфов, отвечающие за религиозные дела); принимали активное участие в модернизации высшего религиозного образования (открытие Шариатского факультета в Дамасском университете)...»². Такой подход вписывался, впрочем, в общий курс значительной части военно-политического руководства на национализацию. На тот момент едва ли в этом можно было усматривать черты какого-либо особого противостояния властей интересам суннитских кругов.

¹ Гапп Т.Р. Почему люди бунтуют. С. 86.

² Pierret, Thomas. The Syrian Baath Party and Sunni Islam: Conflicts and Connivance // Middle East Brief / Crown Centre for Middle East Studies. Feb 2014, No. 77. P. 3.

Однако, по-видимому, были задеты коммерческие интересы суннитов и допущены несправедливости при национализации производственных объектов. Недовольные группировались вокруг суннитского оплота в Хаме и постарались заручиться благословением местных шейхов. Известно, например, что брожения в среде мелких лавочников и торговцев, переросшие в апреле 1964 г. в фактически восстание с эпицентром в Хаме¹, инспирировались суннитским духовенством. Историк Патрик Сил писал о тех событиях: «Бунты переросли в нечто вроде религиозной войны с применением впервые огнестрельного оружия. Базой ее были старые роды и торговцы, а подстрекал ее с кафедры мечети Султана шейх Махмуд аль-Хамид. Мусульманские повстанцы возводили баррикады, запасали провизию и оружие, разоряли винные магазины, выливая в канавы запрещенные напитки, а также избивали любого, принадлежавшего к партии»². Конфликт начался 15 апреля с безобидной ссоры школьников из семей с разными взглядами – сторонников БМ и Баас, соответственно, а уже 19-го число жертв оценивали до двух сотен убитыми³.

У этих бунтов была причина и общего характера: в первую очередь, они стали реакцией на национализацию многих предприятий со введением на них рабочего самоуправления, выдачу крестьянам сельскохозяйственных кредитов на обработку земель, арендуемых у государства или полученных по аграрной реформе⁴. Эти и другие шаги в народном хозяйстве были закреплены в принятой как раз в апреле 1964 г. временной Конституции Сирии.

¹ Ханна, Абдалла. Сафахат мин тарих аль-ахзаб ас-сиясийя фи Сурия аль-карн аль-‘ашрин ва-ль-адждауха аль-иджтима‘ийя (Страницы истории политических партий Сирии в XX в. и социальной обстановки страны). Бейрут: Аль-марказ аль-‘араби ли-ль-абхас ва-дирасат ас-сиясат, 2018. С. 366.

² Seale, Patrick. *Asad of Syria: The Struggle for the Middle East*. Berkley – Los Angeles – London: Univ. of California Press, 1988. P. 93.

³ *Neue Zürcher Zeitung*, 20.04.1964.

⁴ Сходная оценка тех событий звучала и в британском документе тех лет: «Признаки непопулярности Баас были явными, в частности в городах, где наиболее успешные граждане не доверяли задуманной программе национализации. <...> В апреле 1964 г. серьезные беспорядки имели место в Хаме; члены Национальной гвардии, преимущественно алавиты, которые вышли на демонстрацию за партию Баас, были обстреляны». См.: UK Foreign Office, Commonwealth Office, SW1. LR 6/32, 7 September 1966. “The political activity of the Alawites and Druzes in Syria (in context of Ba’ath)” (Secret. Draft) // *Minorities in the Middle East. Muslim minorities in Arab countries, 1843–1973*. Vol. 4. P. 561.

Все эти меры проводило (правда, под давлением радикальных баасистов) правительство суннита Амина аль-Хафеза, президента Сирии в 1963–1966 гг., возглавлявшего также и правительство, но с перерывом на премьерство другого суннита, Салах ад-Дина Битара, с мая по октябрь 1964 г. Власти приняли самые жесткие меры против участников тех беспорядков. В некрологе А. аль-Хафезу английская «Гардиан» писала впоследствии, что тот «безжалостно подавил суннитское восстание в 1964 г., используя для этого бомбардировку с самолетов, в частности, мечети Султана в Хаме»¹.

Сам глава республики на пресс-конференции 25 апреля заявил, что «вооруженный мятеж в Хаме был организован, с одной стороны, иностранными агентами, оплаченными египетским посольством в Бейруте и иракским президентом Арефом, с другой – местной реакцией, и в частности религиозной организацией “Мусульманское братство”»². Кстати, А. аль-Хафез называл и примерное количество убитых во время тех событий: около 20 солдат правительственных войск и около 50 гражданских.

Салах ад-Дин Битар, сооснователь Баас, возглавлявший правительство неоднократно – и после переворота 8 марта 1963 г. (по ноябрь того же года), и в 1964 г., и с начала 1966 г. вплоть до переворота 23 февраля того же года, – тоже представлял суннитскую общину Сирии. Кстати, основываясь на интервью с С. Битаром (от 23 сентября 1973 г.), Н. Ван Дам приводил сведения, что в возглавляемых тем правительствах были самые высокие доли суннитов и горожан, что преследовало цель восстановить доверие городской суннитской буржуазии после серьезных внутренних трудностей³. Он и стал во главе правительства как раз после упомянутых беспорядков в Хаме, проходивших отчасти под лозунгами защиты традиционного уклада и мусульманских (суннитских) религиозных норм.

¹ Joffe, Lawrence. Amin al-Hafez obituary: Leader of Syria's first Ba'athist regime (1921-2009) // *The Guardian*, 16 February 2010. URL: <https://www.theguardian.com/theguardian/2010/feb/16/syria>.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 258. Д. 29. ТАСС, 26 апреля 1964 г. Л. 24.

³ Van Dam N. De Rol van Sektarisme... P. 40.

Спустя некоторое время после тех событий, 28 января 1965 г. Президентскому совету были переданы права назначать и смещать членов религиозной иерархии – как христианской, так и мусульманской – «в целях усиления контроля над обществом»¹. Тем самым, внешне выглядело так, что власти с их большим суннитским представительством, да и возглавляемые суннитом, фактически жестко действовали против своих единоверцев, сопротивлявшихся светскому характеру государства и проводимому им слову традиционных (или, как их характеризовали раньше, полуфеодальных и полубуржуазных) хозяйственных отношений.

Следующий президент, Нур ад-Дин аль-Атаси, тоже был суннитом, правда, на протяжении всей каденции (1966–1970) фактически находился под влиянием высокопоставленных военных-алавитов Салаха Джадида и Хафеза Асада. Впрочем, гражданская и партийная власть, в отличие от спецслужб и армии, были более свободны от алавитского доминирования. Факты таковы, что с октября 1966 г. президент-суннит являлся также генсеком ПАСВ, а с 29 октября 1968 г. совмещал президентские полномочия с постом главы правительства Сирии.

В составе сирийского Народного совета (парламента) доля суннитов была традиционно высока – как правило, превышала их долю в составе населения. В период с 1942 по 1958 г. сунниты составляли 82,1% от общего числа депутатов, с 1958 по 1961 г. – 94,7%, с 1961 по 1963 г. – 79,8%, с 1963 по 1966 г. – 75,6%, с 1966 по 1970 г. – 71,7%, с 1970 по 1976 г. – 82,2%².

Но что касается силовых структур, то сдвиг конфессионального баланса отмечался еще с периода военных переворотов – с конца 40-х годов. Их участниками были преимущественно суннитские офицеры, а поэтому вынужденные отставки и демобилизации после очередной смены власти «выбивали» из их рядов наиболее активных и заметных из них. Такие внутренние «чистки рядов»

¹ Пир-Будагова Э.П. История Сирии... С. 160.

² Van Dam N. The Struggle for Power in Syria... P. 85.

офицеров-суннитов имели место, в частности, после переворотов 1949, 1950, 1954 гг. и критически снизили долю суннитов в высшем и среднем командном составе. Так, по сведениям иракско-американского историка Матти Мусы, в 1955 г. около 65% офицеров среднего звена в сирийских ВС были из алавитов¹.

По-настоящему выход на первый план офицеров-алавитов пришелся на финал нахождения Сирии в составе ОАР, когда они фактически подготовили и провели переворот во власти «Северной территории», а баасисты-сунниты, по сути, осуществили выход Сирии из союза. В начале 1962 г. был избран президент самостоятельной Сирии – Назим аль-Кудси². Правительство возглавил другой член Народной партии, Мааруф ад-Давалиби, который, как считают, был близок к исламистским кругам в Сирии. Руководство наметило ряд реформ, расширявших возможности для частного предпринимательства, а также мер по денационализации компаний, фондов и банков, что было расценено многими как откат назад от социалистических и демократических преобразований. Военный переворот 28 марта 1962 г. положил конец этим инициативам, причем были арестованы президент, глава правительства и члены Учредительного собрания.

Вскоре после этого последовали несколько попыток новых военных переворотов, в которых активно участвовали, в том числе, офицеры-сунниты. Но по-настоящему переломным моментом, закрепившим курс на вытеснение из армейского руководства офицеров-суннитов считают неудавшийся путч сирий-

---

¹ Moosa, Matti. *Extremist Shiites: The Ghulat Sects*. Syracuse, New York: Syracuse University Press, 1988. P. 294.

² Досье на этого политика от сентября 1949 и марта 1950 г. в архиве РГАСПИ в Москве содержит, в частности, следующую информацию: «В начале своей политической карьеры Кудси входил в партию Национальный блок, но поссорившись с одним из руководителей НБ в Алеппо – Саадаллахом Джабри, – вышел из рядов этой партии, образовав единый фронт с Рушди Кехья. Впоследствии Кудси и Кехья образовали Народную партию и сейчас возглавляют ее. До войны и во время войны Назим Кудси был сторонником Муссолини и разделял фашистские взгляды. В настоящее время Кудси настроен проанглийски». РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 258. Д. 28. Л. 60.

ских насеристов под руководством Джасема Альвана 18 июля 1963 г. Большинство военных, принимавших участие в его подавлении, составляли алавиты¹.

Впрочем, военные-сунниты находились в то время в самых разных идеологических станах. Многие из них продолжали состоять в военно-политической элите. Исследователь арабской истории с точки зрения политической социологии, историк палестинского происхождения, Ханна Батату, приводил такие данные: «С 1963 года режим Баас так или иначе получал поддержку не только от алавитского военного элемента сельского происхождения, но и трех других основных групп в армии также из сельских районов: друзов Джебель аль-Араб, суннитов Хаурана и суннитов из Дейр эз-Зора. Фактически, почти все офицеры-сунниты, которые поднялись на заметные военные позиции во время периода Баас, были родом из провинциальных городов или сельских районов или из городских районов, населенных бывшими крестьянами. Таковы были начальник ракетного корпуса в 1965–1966 гг. Муса аз-Зоаби, начальник штаба в 1966–1967 гг. Ахмад Сувейдани из Хаурана, командующий военно-воздушными силами в 1971–1978 гг. Наджи Джамиль из Дэйр-эз-Зора, нынешний [на 1981 г.] начальник штаба Хикмет Шихаби из аль-Баба, а также министр обороны Мустафа Тлас из Растана. Амин аль-Хафез, который играл ведущую роль в режиме Баас с 1963 по 1966 г., представлял Баб-ан-Найраб, отдаленный квартал Алеппо, населенный людьми сельского происхождения»².

Другой знаток Сирии и специалист в области политической географии, Алэсдэр Драйсдэйл, тоже находил в «Баасистской революции» явные конфессиональные оттенки, разрушавшие почти полную монополию суннитов в сирийской политике. Однако и он считал, что «сунниты из окраинных провинций,

---

¹ Пир-Будагова Э.П. История Сирии... С. 163.

² Batatu, Hanna. Some Observations on the Social Roots of Syria's Ruling, Military Group and the Causes for Its Dominance // *Middle East Journal*, Vol. 35, No. 3, Summer 1981. P. 339.

в частности Дераа и Дейр эз-Зора, действительно сыграли значительную роль в режиме»¹.

Выделяя специально конфессиональный аспект, есть опасность принять за показатель межобщинной конкуренции моменты совсем иного характера. Например, – свойственное всем политическим движениям соперничество «новых» и «старых» элит, что было в высшей степени свойственно ПАСВ. Так, указывая конфессиональный состав, Н. ван Дам справедливо обращал внимание на этот момент: «В сирийском Региональном руководстве в период 1963–1966 гг. состояли только шесть человек, которые явно принадлежали к “старой гвардии” Баас под руководством Афляка. Среди них были три суннита, алавит, друз и исмаилит. Пятеро из них были из сельской местности. В Президентских советах за тот же период состояли тоже старые баасисты, из которых было четыре суннита и двое друзов»².

Другой момент, который может исказить представление о межконфессиональных отношениях во властных структурах – недостаточное внимание к соотношению представителей разных областей, а также городских и сельских районов вообще. В своей диссертации тот же автор подмечал, что в Сирийском региональном руководстве ПАСВ в период 1966–1970 гг. ни дамаскинцы, ни алеппинцы вообще не были представлены, а основное представительство в аппарате партии имел округ Латакии (29,7%), за которым шли Хауран (20,3%) и Дейр эз-Зор (15,6%)³. «Это не было совпадением, – пишет Н. ван Дам, – так как Салах Джадид имел свою власть в аппарате партии Баас главным образом благодаря партийным фракциям из соответствующих округов. <...> С ноября 1970 г. число суннитов и горожан снова увеличилось как в сирийском правительстве, так и в Региональном руководстве, а представительство крестьян и религиозных меньшинств снизилось. В Региональном руководстве количество дамас-

¹ Drysdale, Alasdair. The Syrian Political Elite, 1966-1976: A Spatial and Social Analysis // *Middle Eastern Studies*, Vol. 17, No. 1, Jan. 1981. P. 13.

² Van Dam N. De Rol van Sektarisme... P. 40.

³ Ibid. P. 38.

кинцев из суннитов увеличилось в среднем до 25%, несмотря на то что у Баас всегда было относительно немного сторонников среди коренных жителей сирийской столицы»¹.

Так или иначе, с 1963 г. роль офицеров-суннитов в высших силовых структурах, стала существенно снижаться. Даже воинские части, состоявшие преимущественно из суннитов, рассматривались как наименее лояльные и расквартировывались в отдаленных от столицы районах или даже на границе с Израилем. Наблюдалась некоторая дискриминация в отношении суннитов при поступлении в Военную академию, при наборе в Национальную гвардию, спецслужбы².

Вместе с тем, уместно отметить и серьезную проблему, коренящуюся в восприятии военной карьеры самими суннитами. Именно в это время складывается система уклонения от службы в сирийской армии посредством внесения за потенциального призывника установленной суммы – «денежного армейского эквивалента» (*бадаль аскари*). К 1964 г. эта сумма «откупного» от службы составляла 500 сир. лир, а вскоре поднялась до 1 тыс. сир. лир для выпускников средней школы, до 2 тыс. – для выпускников колледжей и 600 лир – для остальных сирийцев. В 1968 г. максимальный уровень был повышен до 3 тыс. ам. долл., а к концу 70-х годов – до 5 тыс. долл. Уровень жизни сирийских суннитов (особенно городских) был в среднем гораздо выше, чем алавитских крестьян, которые и составили большинство призывников и курсантов военных училищ в 50–60-е годы. За отпрысков суннитских городских семей, даже в случае относительно скромных достатков, как правило вносили требуемые 500–600 сир. лир за срочную службу. Для алавитов же такая сумма равнялась не-

---

¹ Ibid. P. 39. Заметим попутно, что серьезные современные исследователи советской истории уделяют большое внимание происхождению наших партийных и министерских «элит» по географическому, стратовому и подобным критериям, считая это важным фактором властных группировок и альянсов.

² Пир-Будагова Э.П. История Сирии... С. 163.

скольким сезонам напряженного сельского труда, к тому же собрать ее мешали нередко крупные долги, в том числе по кредитам¹.

Суннитские семьи не находили престижной для своих сыновей военную карьеру. Вместо этого они предпочитали дать им университетское образование или приобщить к семейному бизнесу, тогда как Военную академию в Хомсе считали «местом для ленивых, мятежных, неспособных к образованию и социально неуспешных»². И возможность уплаты «бадаль аскари», и определенная профессионально-социальная ориентация суннитов, почти исключавшие военную службу, как пишет А.И. Нотин, «почти автоматически обеспечивали приток алавитской молодежи в ряды армии»³.

Сплоченности алавитских офицеров (как поначалу и друзских) способствовало относительное единство происхождения – как правило, крестьянское из районов близ Латакии и Алавитских гор, а также единство идеологии – в основном, баасизма. Суннитский офицерский состав был, напротив, очень неоднороден – по районам происхождения, социальной принадлежности и в идеологическом отношении. Отчетливым было разделение суннитских офицеров также на городских и сельских. По мнению Х. Батату, среди городских наиболее активными и политически нацеленными были выходцы из Дамаска и Хамы, а из провинций – из Дэйр-эз-Зора и Хаурана. Часть суннитских офицеров из этих областей были насеристами-юнионистами, но большинство следовало баасизму. Офицеры-сунниты из Дамаска, если и были насеристами, то не относились к сторонникам союза с Египтом. Городские представляли собой пеструю массу военных совершенно разного происхождения – от выходцев из богатых семей землевладельцев, коммерсантов и промышленников до сторонников политиче-

¹ Batatu H. Some Observations... P. 342.

² Be'eri, Eliezer. Army Officers in Arab Politics and Society. New York, 1970. P. 137 (Цит. по: Faksh, Mahmud A. The Alawi Community... P. 143).

³ Нотин А.И. Борьба коммунистических партий Сирии и Ирака за Национально-прогрессивный фронт (70–80-е годы) / Специальный бюллетень, № 5 (249); ИВ АН СССР. М.: Вост. лит., 1987. С.161, сн. 11.

ского ислама типа БМ, социалистов – последователей Акрама Хаурани¹, и марксистов – из среднего и менее обеспеченного классов².

Возможно, на офицеров-суннитов рассчитывали в конечном итоге организаторы беспорядков в 1967 г. из числа суннитского духовенства. Роберт Олсон, ссылаясь на работу Табиты Петран, пишет, что в апреле суннитское духовенство обвинило руководство Сирии в отступлении от ислама и организовало протестные выступления из числа торговцев и ремесленников³. Едва ли такой социальный состав и локальный характер бунтов 1967 г. мог поставить власти в затруднительное положение. Но перспектива участия в них армейский подразделений, суннитских по составу, не могла не беспокоить. Тем более, что поводом для выступлений стала скандальная статья в армейском издании, где один слишком ретивый автор призвал отказаться от всех «ценностей старого общества», включая религию, феодализм и пр.⁴

Окончательно основной суннитский состав высшего офицерского звена был выбит в ходе чистки рядов после провала переворота летом 1968 г., которым руководил Ахмад Сувейдани⁵ и его земляки-сунниты из Хаурана. Дело в том, что еще осенью 1967 г. прошла волна отставок суннитов родом из Хаурана, которые работали в структурах ПАСВ и правительства. Она затронула и высокопоставленных военных из хауранской суннитской группы, – в частности, были уволены Муса аз-Зоаби и Мустафа аль-Хаджж Али. В продолжение этих мер в феврале 1968 г. в отставку был отправлен и бывший начальник штаба, ге-

¹ В материалах от 1949 г. ТАСС характеризует этого политика из г. Хама в крайне негативных тонах – очевидно, за выпады против Компартии Сирии – («авантюрист», «английский агент»), вспоминая ему профашистские симпатии 1936 г. и приписывая ему создание в Хаме в 1947 г. молодежной организации «Шабаб» или «Шабига» (возможно, совпадение с названием исламистской группы из Хамы «Шабаб Мухаммад»). См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 258. Д. 29: Акрам Хаурани. Л. 132, 134.

² Batatu, Hanna. Some Observations on the Social Roots of Syria's Ruling, Military Group and the Causes for Its Dominance // *Middle East Journal*, Vol. 35, No. 3 (Summer, 1981). P. 342.

³ Olson, Robert W. *Ba'th and Syria, 1947-1982: The Evolution of Ideology, Party and State from the French Mandate to the Era of Hafiz Al Asad*. Princeton: The Kingston Press, 1982. P. 113; Petran, Tabitha. *Syria*. NY: Praeger, 1972. P. 197–198.

⁴ Ibid.

⁵ Нотин А.И. Борьба... С. 79.

нерал-майор Ахмад Сувейдани, который поддерживал одну из алавитских фракций – генерала Салаха Джадида, но который еще в 1966 г. вместе со своими земляками и единоверцами поднимал вопрос о недопустимости каких-либо конфессиональных предпочтений в руководстве армии и госаппарате¹. Н. ван Дам сообщает, что в августе 1968 г. А. Сувейдани был одним из организаторов неудавшегося переворота, но сумел скрыться и попросил политического убежища в Египте. По пути туда в июле следующего года он был задержан и следующие четверть века просидел в сирийской тюрьме. Вместе с ним тогда были арестованы многие военные из Хаурана. Следующая волна арестов среди военных прошла в мае 1970 г. – по обвинению в попытке переворота в пользу баасистов Ирака. Н. ван Дам пишет: «Среди арестованных офицеров многие были из областей Хаурана, Алеппо и Идлиба, почти все – сунниты»².

Чистки в армии объяснялись еще одним простым фактом: власти готовились противопоставить возможной исламистской «контрреволюции» БМ собственную силу, и это стало причиной спешного укрепления сирийской армии³. По некоторым данным, «численность личного состава армии Сирии возросла с 1971 по 1980 г. со 110 тыс. до 250 тыс. чел., а расходы на оборону увеличились с 402 млн до почти 2 млрд долл., составив в 1980 г. 18,1% ВВП»⁴.

Гражданский аппарат управления и партийные структуры сохраняли значительную долю суннитов в своем составе, близкую к их процентному показателю в составе населения соответствующих провинций. Со временем внешний (фасадный) демократизм государственной власти возрастал, но в реальности наблюдалось увеличивающееся несоответствие между фактическими властными кругами («силовиками») и формальными (министерские чиновники и партийные работники). Десятилетие спустя А.И. Нотин констатировал: «Главной

---

¹ Van Dam, Nikolaos. *The Struggle for Power in Syria. Politics and Society under Asad and the Ba'th Party*. 3rd ed. London – New York: Tauris, 1996. P. 181–182.

² Van Dam N. *The Struggle for Power in Syria...* P. 61.

³ Нотин А.И. *Борьба...* С. 80.

⁴ Там же.

опорой режима служит все-таки армия, находящаяся вне сферы влияния политических партий, в том числе в известном смысле и самой ПАСВ»¹. Следовательно, гражданские власти не имели основания опасаться привлечь к управлению другие конфессиональные группы и другие партии, с целью способствовать укреплению, как считал тот же автор, «своей недостаточно широкой социальной базы»².

Сирийские сунниты были, в общем, хорошо представлены в партийных структурах, особенно на среднем и низовом уровнях. Вообще, конфессиональный состав партийных функционеров этих звеньев был сбалансирован, включал представителей всех общин. Только в высшем руководстве ПАСВ наблюдался сдвиг в составе в пользу алавитов. Так в составе сирийского Регионального руководства ПАСВ доля суннитов составляла в 1963–1966 гг. 54%, в 1966–1970 – 51,6%, в 1970–1995 – 68,4% (правда, доля военных среди них была гораздо ниже и составляла, соответственно, 35%, 42,1% и 56,5%³. Баасизация всех ветвей власти в Сирии в 60–70-е годы не принимала, в общем, острых социально-конфликтных форм (особенно в сравнении с соседним Ираком).

Резкие увеличения представительства суннитов в руководстве Регионального руководства с 1970 г. объясняются осознанным движением властей в этом направлении⁴. Эта уступка суннитам была проведена в тех сферах, где она не могла поколебать установившегося конфессионально-кланового политического доминирования. Причем, такое перераспределение конфессионального представительства в партийном руководстве и отчасти в исполнительной власти происходило не за счет алавитов, а за счет представителей других общин.

Как было сказано, сунниты могли ощущать проигрыш в сфере межобщинной конкуренции только в силовых структурах. Именно она стала ареной

---

¹ Нотин А.И. Борьба... С. 81.

² Там же.

³ Van Dam N. The Struggle for Power in Syria... P. 86.

⁴ Drysdale A. The Syrian Political Elite... P. 12.

борьбы за групповое влияние, названной с легкой руки журналистов «алавитизацией». Сунниты в разной степени осознавали, что их социально-политические позиции как большинства в стране оказались слабее, чем могли бы быть при других обстоятельствах¹ (дробная ОД – или убывающего, или прогрессивного типа). Учитывая их широкую хозяйственную и торговую вовлеченность в масштабах региона и нередко столь же обширные родственные связи, нетрудно предположить, что в тех условиях они могли делать для себя выбор в пользу традиционных сетей взаимной внутриобщинной поддержки – сетей, которые умело использовались исламистскими организациями, в первую очередь БМ.

Два основных фактора сказывались, таким образом, на активизации сирийских исламистских ячеек: протестный потенциал суннитов, вызванный высоким уровнем ОД, и внешнее влияние – ставка одной из сторон в «холодной войне» на исламистов. (Острая реакция сирийских властей на мусульманский терроризм в своей стране поразительным образом совпала по времени с событиями в Иране, закончившимися в 1979 г. победой фундаменталистов, и победным шествием исламистов в Афганистане, где противостоять им направили советских «шурави»².)

Конечно, весомую роль сыграли и «перегибы» государства в проведении жесткой политики в соответствии с выбранной идеологией. В материале, специально написанном для издания «Религия и общество на Востоке» (ИВ РАН), главный идеолог ПАСВ с начала 70-х годов и соратник Хафеза Асада, Абдалла аль-Ахмар (суннит по происхождению) пишет: «Экстремизм порождается пере-

¹ Faksh, Mahmud A. The Alawi Community of Syria: A New Dominant Political Force // *Middle Eastern Studies*, Vol. 20, No. 2, Apr., 1984. P. 141.

² Участник тех событий пишет в своей книге: «Поскольку ислам – политизированная религия, то мусульманские авторитеты с лёгкостью облачают политические решения в религиозные одежды. В Афганистане советских военнослужащих убивали как кафиrow и оккупантов. После вывода советских войск пришла очередь мусульман, воевавших в рядах афганской армии против исламистов. Своих соотечественников-афганцев объявили коммунистами-кафирами и пособниками оккупантов, подлежащими уничтожению». См.: Пластун В.Н. Изнанка Афганской войны 1979–1989 гг.: Дневниковые записи и комментарии участника. М.: ИВ РАН, 2016. С. 63–64.

гибами – политическим, религиозным, поведенческим или идейным, и отсюда – проявления в некоторых сообществах нетерпимости и крайности в отстаивании какой-то одной из позиций: идеологическая ангажированность, с одной стороны, и религиозная или этническая, с другой, создают угрозу общественной стабильности и порождают состояние конфликта между частями общества. Экстремистские религиозные движения используют чистую набожность, эксплуатируя ее для достижения своих политических целей»¹.

Власти Сирии, преследуя свои цели, оказались в сложном положении, когда прежний курс на «национализацию» религиозных институтов больше не был в достаточной мере эффективен. После прихода к власти баасистов противостояние суннитов-традиционалистов и социалистов усилилось, хотя и не носило до поры характера открытого столкновения. Интересный анализ нарастающего противостояния баасизма и суннитского фундаментализма содержится в специальной работе эту на тему: «Начиная с 1963 г., – пишет Тома Пьеррэ, – баасисты быстро порвали с прежним методом, отойдя от институционального строительства и сосредоточившись на политической нейтрализации суннитской религиозной элиты. Вместо того, чтобы включить ее в структуру государственной бюрократии, как это сделал Насер в Египте, новый сирийский режим выбрал политику исключения, лишив подавляющее большинство известных алимов возможности участия в религиозном управлении. <...> Частные исламские семинарии оставались немногими исключениями в общей национализации школ, которую режим осуществил в конце 60-х годов»². Характеризуя ограничительные меры доминировавшей в Сирии партии, автор продолжает: «Религиозная политика режима Баас исходила из двух основных соображений. На уровне идеологии светские революционеры во власти не желали использовать государственные ресурсы в пользу реакционных религиозных учреждений, ко-

¹ Аль-Ахмар, Абдалла. Религиозная проблематика сквозь призму идеологии Партии арабского социалистического возрождения // *Религия и общество на Востоке*, Вып. 1. М.: ИВ РАН, 2017. С. 229–230.

² Pierret Th. *The Syrian Baath Party and Sunni Islam...* P. 3.

торые, как полагали многие партийцы, были обречены в любом случае исчезнуть. В плане политической стратегии правящая команда не хотела открывать двери государственного аппарата враждебной, по своей сути, консервативной религиозной элите»¹.

Это не значило, конечно, какой-либо изоляции суннитских духовных авторитетов со стороны властей. Просто вмешательство государства в вопросы организации жизни уммы Сирии стали более явными. Так, в 1965 г. под давлением властей на пост верховного муфтия республики был назначен шейх Ахмад Кефтаро, известный своей идеей гражданской гармонии мусульманских и христианских общин, вместо шейха Хасана Хабанаке².

Вскоре, однако, тактика властей вновь поменялась. С начала 70-х годов перед президентом Хафезом Асадом встала задача религиозной легитимации его правления, которую он попытался решить сразу двумя мерами. Во-первых, нужно было показать суннитским духовным лидерам внутри страны полную благожелательность светской власти – даже при мощном контроле религиозных учреждений. Лично президентом было сделано немало, чтобы продемонстрировать поддержку суннитских религиозных наставников. Так, в 1973 г. он внес большую сумму в качестве пожертвования на религиозные учебные заведения в провинции Хама, а также на поддержку исламских благотворительных обществ в Хомсе. В следующем году он поднял зарплаты религиозным деятелям, а на том момент по всей стране их было: 1138 имамов, 610 хатыбов, 252 преподавателей религиозных дисциплин, 280 чтецов Корана. Еще раз зарплаты им были подняты также в 1976 и 1980 годы. К тому же в 1976 г. якобы из личных средств президента 5,4 млн сир. лир были направлены на строительство новых мечетей³. Забегая вперед, можно привести данные английского историка и религиоведа Эдварда Мортимера о заинтересованности сирийского государства

---

¹ Ibid.

² Ziadeh, Radwan. *Power and Policy in Syria: The Intelligence Services, Foreign Relations and Democracy in the Modern Middle East*. London – New York: Tauris, 2011. P. 141.

³ Ziadeh R. *Power and Policy in Syria...* P. 139–140.

предстать в образе покровителя мусульман: за период с 1976 по 1979 гг. в Сирии было построено больше мечетей, чем за предыдущие 30 лет¹. Советский ученый-арабист и дипломат С.А. Иванов пишет: «Государство оказывало покровительство исламским институтам; Х. Асад считал своим долгом регулярно принимать депутации муфтиев, кадиев, улемов из различных районов страны, и эти встречи неизменно освещались местными органами информации»².

В результате, в июне 1980 г. тогдашний генсек Организации Исламская конференция и генсек Лиги исламского мира подчеркивали, что Сирия остается «надеждой арабизма и ислама» и что лично президент страны уделяет внимание религии и религиозному воспитанию³.

Во-вторых, необходимо было заручиться, наконец, фетвами о безусловной принадлежности алавитов к мусульманской умме, ведь по Конституции глава Сирийского государства должен был являться мусульманином. Суннитские богословы Сирии едва ли решились бы единодушно выразиться в этом ключе: многие даже только внешние религиозные традиции алавитов могли вызывать недоумение у сирийских суннитов (вместо привычных мечетей – особые молельные дома, нечеткость в соблюдении мусульманского поста, нередкое пренебрежение пищевыми ограничениями для мусульман, в том числе ритуальное употребление вина). Так что решено было обратиться, прежде всего, к алимам (моджтахедам) из шиитского Ирана – чтобы эти авторитеты от иснашаритского толка ислама признали алавитов как приверженцев джаафаритского толка. Такие фетвы были без труда получены от аятолл, имамов и шиитских

---

¹ Mortimer, Edward J. Faith and Power: The Politics and Islam. N.-Y.: Random House, 1982. P. 264. Противостоянию светского национализма баасистов и исламистского халифатизма посвящена целая глава этой книги – «Арабский национализм и “Братья-мусульмане”», с. 230–295.

² Иванов С.А. Межарабская политика Сирии в свете проблем Ближневосточного конфликта (1963–1984). М., 1986. С. 282.

³ Пир-Будагова Э.П., Гасанов Т.Б. Ислам в идеологии Партии арабского социалистического возрождения // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Вост. лит., 1986. С. 87.

духовных авторитетов (*марджаа ат-таклид*)¹. В числе таковых тогда стали имам Муса Садр (1928–1978; создатель ливанского движения Амаль, пропал без вести в Ливии), сеййид Хасан Ширази (1937–1980; иракский оппозиционер, был убит в Бейруте), а затем и многие другие моджтахеды.

Взаимовыгодное сотрудничество сирийских и иранских властей значительно усилилось после 1979 г., когда страна победившей шиитской теократии стала охотно предоставлять Сирии разнообразную помощь. Сирийцы столкнулись с настоящим террором внутри страны, развязанным в тот же год радикальной суннитской БМ, и для противодействия этой сети нуждались в поддержке иранцев. Кроме того, они опирались на иранцев как своих союзников и в региональной политике – на ливанском направлении и в противодействии Израилю. До сих пор принятый тогда Х. Асадом выбор – опереться на шиитских религиозных авторитетов и военно-политическую поддержку иранцев – отдается эхом в суннито-шиитских отношениях: сирийцы давно и открыто заявляют об опасности для их общины «шиитизации» Сирии через иранцев².

Уже тогда было дано разрешение на открытие нескольких духовных училищ (*хаузат*) в столичном пригороде Сеййидат Зейнаб³. Были также перестроены в соответствии с канонами персидской архитектуры места погребения (*ма-ракид*) особо почитаемых у шиитов сеййиды Зейнаб и сеййиды Рукайи в Дамаске, а также асхабов Аммара бин Ясира и Увайса аль-Карани в Ракке⁴.

¹ Бадияни ан-Нисабури, Мухамма Хасан. Аль-алавийюн: хум атбаа Ахль аль-Бейт. Фатава мараджихим ва шарх насс байанихим (Алавиты принадлежат к Ахль аль-Бейт. Фетвы их духовных лидеров и толкование текста их постановления). Ч. 1. С. 65–95.

² См., например, волну возмущения суннитами Дамаска проведения в 2018 г. обряда самобичевания (*ал-латм*) прямо на территории Омейядской мечети и на центральном рынке. О шиитизации Сирии особенно заговорили после начала «арабской весны». См.: Pierret, Thomas. Karbala in the Umayyad Mosque: Sunnite Panic at the 'Shiitization' of Syria in the 2000s // The Dynamics of Sunni-Shia Relationships: Doctrine, Transnationalism, Intellectuals and the Media / ed. by Brigitte Maréchal and Sami Zemni. London: Hurst, 2013. P. 99–116.

³ Следует принять во внимание очень малую долю коренных шиитов-двунадесятников среди сирийцев – не более полпроцента.

⁴ Pierret Th. The Syrian Baath Party and Sunni Islam... P. 4.

Явный разворот властей в 70-е годы в сторону шиитов был в некотором роде производной того лидирующего положения, которого добились алавитские офицеры высшего звена. Но он же послужил и усугублению межмусульманских отношений в стране. Никогда не уходивший на второй план вопрос недовольства сирийских суннитов получил новый импульс. Активизировались радикальные просуннитские группы, но до некоторых пор их действия не выходили за рамки закона. Только в конце десятилетия некоторые из них перешли к прямому террору, и есть основания полагать, что запускающим механизмом стали отнюдь не внутрисирийские дела.

Еще в самом начале 50-х гг. лидер сирийских исламских активистов Мустафа ас-Сибай, будучи депутатом высшего законодательного органа – Представительного совета (*Аль-маджлис ан-нияби*), как он назывался в то время, представлял там свою исламистскую партию «Мусульманский социалистический фронт». В обширном аналитическом материале ТАСС от 1 июля 1950 г. расклад на политическом поле Сирии излагался сквозь призму конкурентной борьбы за влияние в стране англичан и американцев. Социалист Акрам Хаурани представлял собой якобы фигуру, на которую делали ставку США, тогда как англичане пытались действовать через расположенные к ним круги в правительстве суннита Халеда аль-Азме и в Представительном совете. В подготовленном правительственной комиссией тогда же проекте конституции, в качестве государственной религии устанавливался ислам. К этому пункту редакторы материала добавили следующий комментарий: «Это было сделано, как полагают, по требованию английской агентуры в Сирии и религиозной политической партии “Мусульманский социалистический фронт”, в которую входит также организация “Мусульманское братство”»¹. Упомянутая партия Мустафы

---

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 258. Д. 29. ТАСС № 182 1 июля 1950 г. Л. 127.

ас-Сибай¹, действительно, была тесно связана с БМ, но сама входила в структуру региональной сети «братьев», выступая в качестве легального политического представительства исламистов-суннитов Сирии. Сам лидер партии оставался «генеральным смотрителем» (*муракиб аль-‘амм*) БМ с 1946 по 1961 г.

Активизация деятельности БМ на территории Сирии была связана с репрессиями против исламистов в Египте после их выступлений в январе 1954 г. В конце того же месяца египетская организация была запрещена, шестерых ее активистов арестовали. Но противостояние только накалилось: БМ пытались не упустить шанс побороться за власть после свержения короля Фарука, видимо, ощущая широкую поддержку консервативных слоев населения². (Кстати, и первого президента республиканского Египта, М. Нагиба (июнь 1953 – ноябрь 1954 г.), подозревали в связях с БМ). 26 октября 1954 г. БМ совершили покушение на Г. Насера.

После волны преследований членов уже запрещенной в Египте БМ, которая увенчалась смертными приговорами некоторым из них, штаб-квартира главного печатного органа БМ, журнала «Аль-муслимун», была перенесена в Дамаск, и главным редактором его стал М. ас-Сибай³.

Радикализация просуннитских организаций исламистского толка в Сирии продолжилась, и они постепенно стали переходить к устрашающим или карательным акциям. Впрочем, халебское «Движение за исламское освобождение» (*Харакат ат-тахрир аль-ислами*)⁴ под руководством Абд аль-Фаттаха Абу

¹ В этом документе даются следующие негативные характеристики: «Партия, возглавляемая реакционером, мракобесом и английским агентом Мустафой Сбаи (так в документе. – А. С.), именуется “Мусульманский социалистический фронт”». См.: Там же. Л. 130.

² Бакланов А.Г. Пирамида Насера. Президент и его время. М.: МБА, 2017. С. 48.

³ Camera d'Afflitto, Isabella. Note sulla rivista *al-Muslimūn*: Analisi di alcuni temi della pubblicistica dei Fratelli Musulmani // *Oriente Moderno*, Anno 57, Nr. 5-6, Maggio-Giugno 1977. P. 260–261.

⁴ Об иракском варианте этого движения, «Тахрир», как и об «Иракской мусульманской партии», современники писали, что они близки по своей платформе к БМ. Движение «Тахрир» существовало и в Иордании – под руководством Такиеддина Набахани, который после разгрома организации в конце 50-х гг. бежал в Ливан, где он был арестован в августе 1960 г., тогда как другому лидеру, шейху Дауду, пришлось отсидеть три года в иорданской тюрьме. См.: Ирак под властью генерала Касема (*Нойе цюрхер цайтунг*, 25.12.1960, пер. с нем. К. Тархова) // Специальный бюллетень, № 22, 1961 / ИНА АН СССР. С. 92.

Гудды¹ (другие лидеры – Абдалла Тантауи, Фарук аль-Батль и Рияд Маамур) придерживалось более выжидательной тактики, полагая, что уже скоро режим погрязнет в неразрешимых проблемах и настолько ослабнет, что установить исламское правление безо всякого насилия не составит труда. До той поры исламисты Халеба предпочитали агитацию и популяризацию идей политического ислама среди верующих суннитов. «Такой подход, – считали авторы коллективной монографии, изданной в ИВ АН СССР в 1983 г., – отражал нерешительность халебской буржуазии, еще не утратившей надежд получить определенные привилегии от баасистов и опасавшейся преждевременным выступлением обострить отношения с ними»². К движению БМ группа Тахрир примкнула только в 1972 г.

А вот в Хаме созданная еще в 1965 г. Марваном Хадидом группировка «Фаланги Мухаммада» (*Катаиб Мухаммад*) придерживалась более жестких взглядов и была настроена воинственно. Радван Зияде называет группу М. Хадиды «Воюющий авангард» (*Combatant Vanguard*), то есть *Ам-Тали'а аль-мукаатилья*³. Но организация с таким названием (дочерняя от БМ) получила печальную известность позднее, когда взяла на себя ответственность за атаку на кадетов артиллерийского училища в Алеппо в 1979 г. (к тому времени ее возглавлял уже Аднан Укле, а Марван Хадид был арестован в 1975 г. и на следующий год умер в тюрьме). Другой арабский автор (очень критично настроенный к власти Асадов) упоминает Марвана Хадиды еще в связи с оплотом исламистов в Хаме вокруг мечети ас-Султан в период мятежа апреля 1964 г., причем сообщает, что не все его сторонники-исламисты принадлежали к БМ: те,

¹ Абдалла Ханна пишет о нем, что, будучи избранным в парламент от округа Халеба, он представлял в нем БМ. См.: Ханна А. Сафахат мин тарих... С. 370.

² Судьбы социалистической ориентации в арабском мире / ИВ АН СССР. М.: Вост. лит., 1983. С. 381.

³ Ziadeh R. Power and Policy in Syria... P. 142. Возможно, группа первоначально имела название «Фаланги Мухаммада», а затем была переименована, а возможно, разница объясняется расколом в организации.

кто потом составили костяк Авангарда, сплотились вокруг этой фигуры, придя из небольших и разрозненных исламистских групп, не всегда связанных с БМ¹.

Так или иначе, мусульманские фундаменталисты, как и недовольные политикой властей, сунниты Хамы предпочитали активизироваться ради выполнения своей задачи исламизации государственных институтов. Вскоре серьезным поводом их интеграции стал ввод сирийских воинских подразделений в Ливан (впоследствии «Арабских сил сдерживания») в 1976 г. – для борьбы, как они полагали, с мусульманским сопротивлением и помощи ливанским маронитам («Марунистану», как мусульмане называли территории, занятые «Ливанским фронтом»). Возможность открытого противостояния подстегивала силы «исламского движения» к институциональному оформлению, но на ливанской почве их сдерживала сильная национальная составляющая местных мусульманских боевых формирований.

Кстати, забегая вперед, такое мнение сирийских мусульман могло иметь под собой следующее основание: сирийские военные выполняли задачу умиротворения ситуации в Ливане, что заставляло их сдерживать воинственный настрой в том числе и местных мусульман, в частности отколовшиеся от ливанских ВС батальоны «Арабской армии Ливана» (*Джейш Любнан аль-араби*) – уже в 1976 г. В одном рассекреченном американском документе замглавы Госдепа в марте 1976 г. подчеркивал, что, вероятнее всего, именно с подачи сирийцев палестинцы в Ливане блокировали дворец президента С. Франжье в Баабде, защищая его от захвата просуннитскими подразделениями лейтенанта Ахмада аль-Хатыба из «Арабской армии Ливана», и что «сирийцы хотели мирного разрешения президентского вопроса»².

¹ Ад-Дахамиша, Абдалла. Сурия мазра'ат аль-Асад (Сирия – ферма Асадов). Бейрут: Дар ан-нава'ир, 2012. С. 139.

² US Department of State. DNSA. The Kissinger Transcripts: A Verbatim Record of U.S. Diplomacy, 1969–1977. [Transcript]: Lebanese Developments: Message to President Asad. (Secret, NoDis). March 15, 1976. P. 2.

В ходе той же беседы госсекретарь Генри А. Киссинджер предположил, что «ввод сирийских войск может и дальше сместить баланс в ущерб христианам», а его помощник по Ближнему Востоку, Альфред Л. Этертон, отвечал на это: «Это верно. Но христиане утратили кое-что из того, что у них оставалось благодаря сирийскому посредничеству»¹. Заслуживает внимания также реплика Хэла Сондерса². Соглашаясь с госсекретарем, он высказал мнение, что нельзя гарантировать, что Израиль не ответит, если сирийцы примут решение войти в Ливан³.

Иными словами, у радикально настроенных сирийских суннитов могли быть основания возражать против силового вмешательства сирийских ВС в ливанский конфликт и даже подозревать, что правительство Х. Асада не желает победы мусульманам в Ливане.

Организация «Фаланги Мухаммада», а затем и «Воюющий авангард» включала разные слои суннитского населения и хорошо финансировалась местными землевладельцами. Этот класс (*absentee landowners*) в Хаме сумел избежать, по мнению А.О. Филоника, национализации своих земель, приносивших им баснословные прибыли в виде ренты, и не утратил высокого положения среди населения, сохранявшего тесную связь с деревней⁴. Город и окрестности Хамы, таким образом, оставалась неким анклавом традиционных полуфеодальных отношений с очень сильными клановыми и родовыми связями, где глубоко укоренившиеся религиозные порядки не позволяли проникать популярным тогда идеям социализма и баасизма⁵.

---

¹ Ibid. P. 3.

² На тот момент он был директором Бюро разведки и исследований (INR) и помощником госсекретаря по разведке (декабрь 1975 – апрель 1978 гг.), а в 1978 г. он стал помощником госсекретаря по делам Ближнего Востока.

³ Ibid.

⁴ Филоник А.О., Тегин Ю.Л. Религиозно-политический экстремизм в Сирии: предпосылки и развитие // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. Вып. 2. М., 1984. С. 25.

⁵ Ханна А. Сафахат мин тарих... С. 367.

К тому же местные алимы наглядно показывали и, по сути, проводили в народ идею о себе как «истинных алимах» в противовес официозным, «государственным» алимам и муфтиям. Об этом так пишет Ханна Батату: «С точки зрения БМ, “настоящими алимами” были те алимы, которые разделяли убеждения организации или, по крайней мере, сочувствовали ее делу. Это были, по большей части, городские алимы среднего или ниже среднего уровня, так же как мелкие торговцы или ремесленники, не имевшие возможности жить на свой скудный доход, получаемый от религиозного служения»¹.

Насаждавшиеся в народе настроения и, главное, местные источники финансирования экстремистских суннитских группировок, закономерно превратили город фактически в «очаг контрреволюции». За большинством группировок стояла разветвленная региональная структура БМ, уже тогда имевшая «зонтичный» характер.

В авангарде террористической активности в Сирии с середины 70-х годов стали именно группировки из Хамы. Э.П. Пир-Будагова так обобщала экстремизм БМ в тот период: «Начиная с 1976 г., в Сирии прошла серия террористических актов. <...> От политических убийств, жертвами которых были представители интеллигенции – ученые, врачи, преподаватели университетов, в большинстве своем алавиты, – они перешли вскоре к более широкой подрывной деятельности: поджигали государственные учреждения, запугивали владельцев частных магазинов и лавок, требовали изменения законов о национализации, отмены Закона об аграрной реформе, изменения порядка внешнеторговых операций и контроля над ценами»².

Одно из свидетельств тому содержится в конфиденциальной телеграмме в американский Госдепартамент, где сообщалось, что за убийством начальника безопасности в Хаме, Мухаммада Гурры, стояло молодежное военное крыло

¹ Batatu, Hanna. Syria's Peasantry, the Descendants of Its Lesser Rural Notables, and Their Politics. Princeton University Press, 1999. P. 261–262.

² Пир-Будагова Э.П. История Сирии... С. 242. См. также: Ханна А. Сафахат мин тарих... С. 366.

БМ «Молодежь Мухаммада» (видимо, *Шабаб Мухаммад* – боевая группа, известная с 1941 г. См. главу 2). Причем вскоре будто бы можно было ожидать от БМ «новых инцидентов» в том же городе. Характерно, что, по мнению источника информации, «сирийские власти были уверены в своей способности сдерживать “Братство” во всех городах, кроме Хамы»¹, хотя сторонники БМ были во многих городах Сирии, в том числе в столице.

В том же документе описывался эпизод, показывавший и конструктивную заинтересованность центральной власти в том, чтобы пригасить протестные настроения суннитов в Хаме: «Губернатор пожаловался, что Хама получила небольшое финансирование на развитие провинции по сравнению с многочисленными проектами, запланированными почти для всех других областей. Источник утверждал, что Асад немедленно выделил 50 млн сирийских лир на проекты по развитию Хамы», где, в частности, спешно приступили к постройке большого числа новых школ².

Проблема радикализации части сирийских суннитов продолжала нарастать до конца 70-х годов, когда власти осознали прямую угрозу для себя со стороны БМ, превратившихся в мощную региональную сеть, и начали жестко реагировать на теракты.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что в военно-политическом руководстве страны уже на момент провозглашения «исправительного движения» в 1970 г. завершилось вытеснение суннитов на вторые роли, и только в высших партийных структурах их доля оставалась значительной. Формально можно соглашаться с понятием «алавитизации» силовых структур Сирии и реальной политической власти, однако с той оговоркой, что сплачивание этого руководящего слоя шло не по религиозному принципу, а по конфес-

¹ Indications of More Incidents Planned by Muslim Brotherhood Against Authorities. Telegram (cable) from Damascus to Department of State etc. Confidential. By Murphy, 4 march 1976 // Wikileaks, 1976DAMASC01244_b. Created 1976-03-04, released 2013-04-07. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1976DAMASC01244_b.html. P. 2.

² Ibid. P. 1–2.

сионально-племенному¹, в то время как алавито-суннитская властная верхушка формировалась по принципу лояльности и верности принятому курсу.

Суннитское большинство населения в свое время, по сути, упустило момент, когда противодействие проявлениям конфессионализма в армии было возможно. В ключевые для страны 50-е годы положению сирийских суннитов сильно навредил их «абсентеизм», выбор в пользу торговли и крупного предпринимательства и в ущерб борьбе за позиции в верхнем эшелоне «силовиков». Запрос суннитской улицы на доминирование суннитов в государственном управлении и сфере безопасности, если не иссяк, то не был поддержан влиятельными единоверными семьями и кланами. В результате, определенная часть наиболее принципиально настроенных суннитов выбрала путь протеста – вместе с организациями «религиозного призыва». Со второй половины 70-х годов деятельность самых крайних из них приняла угрожающие формы, перейдя к прямому террору. Инерция поддержки религиозно окрашенных организаций привела многие суннитские семьи от оппозиционных настроений к трагическому размежеванию с властями. Общий подъем волны исламского фундаментализма в регионе вовлек многих из них в водоворот жестокого противостояния.

Более светски настроенная часть суннитского большинства оставалась достаточно лояльной властям, тем более что те пытались проводить (несмотря на потрясения и ущербы для многих семей, связанные с национализацией) сбалансированную внутреннюю социальную политику, успешно нивелируя возможные межконфессиональные разногласия.

На региональном уровне власти предпринимали серьезные усилия по религиозной легитимизации своей власти (представляя алавитов как джаафаритов), заручаясь подтверждениями (фетвами) авторитетных моджахедов, активно поддерживали сирийские суннитские религиозные институты, а также испо-

---

¹ Заметим, что даже алавитский «внутренний круг» Х. Асада включал лиц, в наибольшей степени связанных с одним из алавитских племен (матауира), тогда как представителей других племен (например, хаддадин) было значительно меньше.

ведовали принципы арабизма и борьбы с врагами арабов, что должно было придавать их образу в глазах суннитов региона положительные черты.

Вопрос алавитского лидерства

Многие факты, касающиеся истории «алавитского лидерства» в Сирии были затронуты выше. Чтобы приблизиться к раскрытию самого этого феномена, который уже успел обрасти прочными стереотипами, придется ненадолго обратиться к истории предыдущего периода – мандатного.

Положение алавитов/нусайритов особо выделялось еще при французах, и на подмандатных сирийских территориях оно имело свои особенности. Эта община вызывала серьезный политический интерес у мандатной администрации: данные, касавшиеся окутанной тайной их религии, их демографической динамики, миграций, а также мест их компактного проживания, тщательно собирались¹. Важно, что при провозглашении с 1 января 1925 г. отдельного подмандатного «Государства алавитов» (*État des Alaouites*), которое включало в себя санджаки Латакия и Тартус (казы Латакия, Хаффе, Джебла, Банияс, Масьяф, Тартус, Сафита и Тель-Калах), французы мотивировали это якобы извечном подавлении алавитов суннитским большинством.

Высокопоставленный военный, занимавшийся сбором информации об алавитах в 1930 г., делал следующий вывод: «Итак, алавиты предстают древним народом, начало религии которых заложили финикийцы, а христианство и ислам ее лишь слегка затронули. На протяжении веков они защищают свой этнос, свои места проживания, следы своих древних культов и свою любовь к незави-

---

¹ См., например, статью ученого-иезуита: Шейхо, Луис (аль-аб аль-иесуи). Джауля фи ад-дауля аль-алавийя (Поездка в страну алавитов) // *Аль-Маширик*, таммуз (июль) 1924, № 7. С. 481-495. Серьезная статистика об алавитах содержится в отчетах в Лигу наций: *République Française, Ministère des affaires étrangères. Rapport à la Société des Nations sur la situation de la Syrie et du Liban*. Paris: Imprimerie nationale, 1926-1938.

симости»¹. Он писал, что опирается на сведения, почерпнутые, в частности, из подробных исследований французских ученых Рене Дюссо («История и религия нусайритов», Париж, 1900) и Анри Ламменса («Земли нусайритов», Париж, 1900), хотя на основании упомянутых работ к такому выводу прийти трудно².

По всей видимости, в то время не стояла задача сглаживать противоречия между сирийскими алавитами и другими мусульманами, ведь дробность подмандатных территорий могла облегчить управление ими. Французам далеко не сразу удалось добиться расположения алавитов обещаниями полного суверенитета: антифранцузское восстание 1925 г., возглавляемое преимущественно друзами, распространилось поначалу и на алавитские районы³. В дальнейшем французская администрация, как пишет историк Матти Муса, пыталась укрепить свои взаимоотношения с алавитами, которых Франция периодически подозревала в планировании вооруженного восстания, и это было отражено в меморандуме министра иностранных дел Франции от 5 июня 1936 г., адресованном верховному комиссару в Сирии, генералу Вейгану, где было сказано, что «желательно укрепить доверие к Франции со стороны немусульманских (то есть, несуннитских. – А. С.) элементов»⁴.

Эти двусторонние отношения, действительно, укрепились, но зависели от верности данному французами слову о полном самоуправлении алавитов. Те направили французам летом 1936 г. несколько меморандумов, в которых выражали им лояльность, но одновременно угрожали «кровавой баней» в случае присоединения их к Сирии под началом Дамаска. Матти Муса приводит пункты меморандума от 15 июня (подписанного, в том числе, Сулейманом Асадом, отцом будущего президента Хафеза Асада), и во многих из них особо подчер-

¹ Jacquot, Paul, lieutenant-colonel. L'état des Alaouites: guide (Gouvernement de Lattaqué, 14 mai 1939). 2e Edition. Beyrouth: Imprimerie Catholique, 1931. P. 29.

² Перевод на русский язык книги Рене Дюссо выполнен коллективом российских ученых и готовится к изданию в ИВ РАН.

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 84. Д. 10. Рукописные записки в блокноте от августа 1925 г. Л. 1.

⁴ Moosa M. Extremist Shiites... P. 289.

квиваются конфессиональные отличия алавитов от сирийских суннитов. В частности, говорится, что те будто бы отличаются от мусульман-суннитов, что продолжают ревностно отстаивать свою независимость и никогда не подчинялись авторитетам городов внутренних областей; что алавиты отказываются присоединиться к мусульманской Сирии, потому что в Сирии официальной религией является ислам, где алавитов считают неверными; что абсолютная независимость целиком всей Сирии будет означать контроль со стороны некоторых мусульманских (суннитских) семей над алавитским населением Киликии, Александретты и Алавитских гор¹.

Интересно, что в августе того же года ими было направлено обращение с просьбой присоединить алавитские земли к Ливану, на что ни французские власти, ни президент Ливана, ни маронитский патриарх никак не отреагировали². Ясно, что такое предложение было неприемлемо ни для кого, ведь речь шла об обращении от имени очень большой конфессиональной общины сирийцев, и присоединение ее к Ливану могло бы полностью изменить конфессиональную карту региона, что, в свою очередь, немедленно отразилось бы на политике.

Представление о количестве алавитов на тот момент можно составить уже по составу и численности области Латакия. Такие данные приводит ливанский историк Мухаммад Хавваш, опираясь на данные Мунира аш-Шарифа, ставшего губернатором Латакии в 1936 г. Из 505,1 тыс. жителей алавиты насчитывали 326 830 чел. (64,7%), сунниты – 88 937 чел. (17,6%), и еще одной крупной конфессиональной группой были православные – 59 823 (11,8%) чел. Автор напоминает, что в остальных районах Сирии проживали еще 45 188 алавитов³. Так что общая численность всей общины, по этим данным, могла составлять 372 тыс. из 2 млн 180 тыс. всех жителей, то есть 17%. Предположительно, что эти сведения могли включать и алавитов ливанского Триполи (рай-

¹ Ibid. P. 286.

² Ibid. P. 290.

³ Хавваш, Мухаммад. Такаввун джумхурия: Сурия ва аль-интидаб (Становление республики: Сирия и мандат). [Триполи]: Мактабат Ас-Саих, 2005. С. 228–229.

он Джебель Мухсин), поскольку речь шла все еще о подмандатных, несамостоятельных странах, а в предыдущий исторический период Триполи считался сирийским городом (не входил в историческую область Джебель Лубнан, которая в территориальном отношении составила ядро современного Ливана).

К 60-м годам население Сирии существенно возросло, изменилась и доля алавитов. Сведения по конфессиональному составу сирийцев приводил упоминавшийся ранее британский дипломат Айвор Лукас¹, и по его данным, к 1963 г. оно составляло около 12 млн чел., из которых алавитов было якобы около 11% , 70% – суннитов, 3% друзов, 1,5% исмаилитов, тогда как христиане разных конфессий все вместе составляли около 12% населения (арифметически, правда, остаются еще 2,5%, часть которых можно было бы отнести на счет явно заниженной доли алавитов). По национальным меньшинствам число курдов оценивалось в 8,5%, армян – 4%, туркоманов – 3%, палестинцев – около 2%, и в столице оставалась небольшая еврейская община². Так что доля алавитов среди сирийцев, по разным оценкам, была небольшой в абсолютном измерении, но все же была сравнима или даже превышала долю христиан и была в 4 раза выше доли друзов.

Некоторые точные сведения о количестве алавитов на начало 1959 г. приводит в своей книге уже упомянутый Мунир аш-Шариф: казу Масьяф, присоединенную впоследствии к области Хама, населяли 52 656 алавитов, представлявших разные племена, а казу Тель-Калах, присоединенную к области Хомс – 36 074 алавитов³.

¹ Ivor Lucas (1927–2018), возглавлял ДБВСА британского МИДа в 1975-1979, посол в Омане в 1979–1981 и в Сирии в 1982–1984 гг.

² Lucas, Ivor. *The Paradox of Syria // Asian Affairs*, Vol. 25, Issue 1 (February, 1994). P. 3. Автор сообщал в своей лекции (июль 1993 г.), что приводимые статистические данные почерпнул от некой сотрудницы английской Экономической разведки (Economist Intelligence Unit), д-ра Сильвии Пёллинг.

³ Аш-Шариф, Мунир. Аль-муслимун аль-алавийюн: ман хува ва айна хува (Мусульмане-алавиты: кто они и откуда. Изд. 2-е). Бейрут: Муассасат аль-балаг, 2002. С. 124.

По другим данным, доля алавитов составляла 12,5% населения Сирии: 495 тыс. чел. в 1960 г. и 680 тыс. – в 1970 г. В Ливане же проживали 6 тыс. алавитов в 1956 г. и 9 тыс. – в 1970 г.¹

Упорство алавитов в отстаивании собственной государственности, выделенного французами их подмандатного карликового государства было велико². Но в условиях внешнего управления сирийскими территориями это не имело решающего значения. Когда французам потребовалась консолидированная сторона для заключения кабального франко-сирийского соглашения в 1936 г., они без колебаний объединили «Государство алавитов» с остальной Сирией³. Через полтора года, правда, они снова вернулись к поддержке алавитского «сецессионизма» – как средства давления на Дамаск в ходе кризиса франко-сирийских отношений с конца 1938 г. Но после занятия Сирии британцами и французами генерал Ж. Катру, назначенный французским генеральным делегатом Сирии, в согласии с позицией Ш. де Голля, действовал, исходя из соглашения 1936 г., то есть закрепил единство всех сирийских областей. Осенью 1941 г. назначенный президент Таджутдин аль-Хасани объявил о формировании единого сирийского правительства под началом Хасана аль-Хакима, куда вошли уже, кроме прочих, и алавит, и друз.

Очевидное вероломство французов в отношении алавитов не привело, однако, к каким-либо серьезным эксцессам и не стало причиной возникновения сколь-нибудь долговременного и непримиримого сепаратистского движения. Вообще, едва ли можно было ожидать от опытных алавитских шейхов и нотаблей упорства «до последней черты» в столь непрагматичных планах: они попытались получить максимум возможного от французов, но по достижении Сирией независимости их повестка стала иной. Со всей деловитостью и проворством

¹ Gubser, Peter. *Minorities in Power: The Alawites of Syria* // *The Political Role of Minority Groups in the Middle East* / ed. by R.D. McLaurin. New York, 1979. P. 18 (Цит. по: Faksh, Mahmud A. *The Alawi Community of Syria* // *Middle Eastern Studies*, Vol. 20, No. 2, April, 1984. P. 134).

² Они были настолько обнадужены, что даже уже были разработаны государственные символы «независимого» Алавитского государства.

³ Azzi, Joseph. *Les nousairites-alaouites (histoire, doctrine et coutumes)*. Paris: Publisud, 2002. P. 30.

представители этой весьма небогатой, локализованной в сельских горных районах общины стали пытаться найти свою нишу в новом социально-политическом укладе.

К слову, былую французскую протекцию они, в отличие от некоторых прочих общин, не вспоминали с теплотой. Зато они использовали этот исторический факт для обоснования идеи своего якобы выделения в общественно-политический авангард на фоне остальных мусульман – в ходе освободительной борьбы. Вот, например, какие высокопарные слова приводит алавитский автор книги 1980 г. из другой работы (некоего шейха Махмуда Салиха «Достоверные сведения об алавитах», *Ан-наба аль-якын 'ан аль-'алавиин*, 1961): «...Шла Первая мировая война, и солнце свободы стало распространять проблиски своих лучей на весь мир, возвещая устранение мрака колониализма и его уничтожение до последнего колониалиста. Тогда подняли алавиты сопротивление против Франции – краеугольного камня мрачного колониализма – и признали необходимым выступить под своим истинным именем – алавиты. И к этому заявлению о себе их вынудили французы»¹.

Единству алавитов как цельной общины могла препятствовать определенная межплеменная конкуренция, которая продолжала существовать между *хаддадин*, *хайатиин*, *кальбия* и *матауира* – племенами, которые делились, в свою очередь на ветви. Как считают, например, племя-ашира (а точнее племенной союз) *кальбия* делилось на ветви: *кальбия*, *рашауина*, *карахия*, *расалина*, *шалф*, *джуруд*, *джалкия* и *навасыра*².

В религиозном смысле подразделение на общины совсем иное: выделяют четыре основные общины: *хайдариты*, *шималиты* (или *шамситы*), *калазиты*

¹ Усман, Хашим. Аль-'алавийюн байна-ль-устура ва-ль-хахика (Алавиты между легендой и действительностью). Бейрут: Аль-Муассаса аль-а'ля ли-ль-матбу'ат, 1980. С. 152.

² Аш-Шариф М. Аль-муслимун аль-алавийюн... С. 121.

(или *камариты*) и *гайбиты*¹. Как утверждает автор большого труда о мусульманских сектах, Абдуррахман аль-Бадауи, «их иногда сокращают до двух: а) *шималиты*, которыми называют *шамситов* (или *мимитов*), *хайдаригов* и *гайбитов*, и б) *кыблиты* (или *айниты*, *фахриты*), под которыми понимают *калазитов*»². Возможно, религиозное деление в социальной практике уступило место религиозно-племенному. Как бы то ни было, еще в 60-е годы сирийцы хорошо представляли к какому «роду-племени» принадлежали наиболее высокопоставленные алавитские офицеры-баасисты. Не исключено, что это положение не изменилось и по сей день.

Правда, в случае равнинных или прибрежных алавитов племенная солидарность, как пишет арабо-американский политолог Махмуд Факш, была очень слаба или вовсе отсутствовала, зато до сих пор сохраняется деление общины на религиозные толки, незначительно отличающиеся обрядами – шамситы, камариты, муршидиты, что, по мнению этого автора, нарушает единство алавитской общины, ее внутреннего «чувства целостности»³.

При всей закрытости их религии, алавиты никогда не были абсолютно замкнуты в собственных религиозно-культурных границах. Во всяком случае, браки между алавитами и суннитами имели место. На память приходит богатая ортодоксальная семья суннитов-ханафитов из Хамы, одна из ветвей которой была алавитской, причем отношения между этими родственниками были в описываемый период достаточно близкими. Существуют и всем известные примеры: семья суннитского адвоката Абд аль-Халима Хаддама, ставшего в 1970 г. заместителем премьер-министра и министром иностранных дел (а с марта 1984 г. – один из трех вице-президентов), происходила из прибрежного Банияса, и

¹ Дюссо, Рене. История и религия нусайритов / Отв. ред. и предисл. В.Н. Саутов и В.В. Наумкин; пер. с фр. яз. В.Я. Порхомовский, при участии О.Н. Арсеньева; пер. с араб. яз. Д.В. Макаров; науч. ред. А.В. Сарабьев. М.: ИВ РАН. (в печати). С. 96.

² Аль-Бадауи, Абдуррахман. Мазахиб аль-ислабийин. Аль-джуз ас-сани: Аль-исма'илийя, аль-карамита, ан-нусайрийя, ад-дуруз (Исламские мазхабы. Ч.2: Исмаилиты, карматы, нусайриты, друзы). Бейрут: Дар аль-'ильм ли-ль-малайин, 1973. С. 495–496.

³ Faksh M.A. The Alawi Community of Syria. P. 137–138.

известно, что его первая жена происходила из алавитской семьи (племени ма-тауира)¹. В семье Асадов также имеется традиция брать в жены сунниток: одна из жен брата Хафеза Асада, Рифаата, была сунниткой, супруга нынешнего президента-алавита Башара Асада является представительницей суннитского рода – богатой семьи аль-Ахрас из Хомса, на суннитке из Дейр-эз-Зора женат младший брат президента, Махер Асад.

Об отношении богатых сирийских суннитов к военной карьере говорилось выше. Определенное сибаритство и выбор в пользу предпринимательской деятельности повели их в свое время по пути откупа от воинской службы. Алавиты же воспользовались таким положением дел и с течением времени установили свое доминирование в высших армейских структурах и ключевых воинских частях, со временем фактически выдавив и суннитских, и друзских офицеров. Впрочем, традиция служить у алавитов шла из прошлого: существуя относительно изолированно в своих Алавитских горах (Джебель Ансарийе), они были вынуждены поддерживать воинственный дух своей общины в целях самообороны. В 30-е годы французская администрация, сделав определенную ставку на эту общину в Сирии, предпочитала набирать в местные подразделения больше алавитов (тогда как друзы, например, были известны своими проанглийскими симпатиями); христиане-католики, в свою очередь, стали опорой французов в Ливане.

В первые два десятилетия независимости Сирии алавиты оказались наиболее заинтересованными в военной карьере, а родственные связи в офицерской среде и кумовство помогли им закрепиться в этой набиравшей престиж профессиональной нише. Современник писал, что к середине 60-х годов «рекрутские команды регулярно направлялись в алавитские деревни для того, что-

---

¹ Нотин А.И. Борьба... С. 78–79.

бы уговаривать выпускников со средним образованием держать экзамен в Военную академию, обещая при этом места для каждого, кто согласится»¹.

Армейская карьера и работа в государственных учреждениях еще в те времена стали ведущими сферами профессиональной самореализации многих сирийских алавитов. Как замечал автор записки в «Четэм Хаус» в разгар нынешнего сирийского кризиса, продвижение по службе в армии и вовлечение в арабскую националистическую политическую деятельность в свое время создали платформу для амбициозных алавитов, чтобы сделать серьезную заявку на власть в середине 60-х годов².

При этом большинство членов этой общины продолжали оставаться в числе беднейших слоев общества. Ведь как раз невозможность для подавляющего числа алавитских семей собрать средства на «бадаль» (уплату компенсации за срочную службу) вкупе с желанием попытаться счастья на поприще военной службы подвигали алавитов к этой стезе³. Впрочем, карьера военного (или госслужащего) являлись выбором скорее в пользу стабильного, чем сколь-нибудь высокого заработка, и выбор этот обуславливали, кроме прочего, очень скромные (по сравнению, например, с суннитами) деловые связи и предпринимательские традиции общины.

Подобным же естественным образом объясняются и политические пристрастия большинства алавитов – по крайней мере, та поддержка, которую ока-

¹ UK Foreign Office, Commonwealth Office, SW1. LR 6/32, 7 September 1966. “The political activity of the Alawites and Druzes in Syria (in context of Ba'ath)” (Secret. Draft) // *Minorities in the Middle East. Muslim minorities in Arab countries, 1843–1973*. Vol. 4. P. 559–560. Предварительный вариант этого секретного меморандума был составлен, очевидно, еще в марте 1966 г. Этот интереснейший документ был принят, видимо, только к концу 1966 г. – со всеми правками, которые делал, в частности, Хэролд («Хуки») Уокер, будущий британский посол в Бахрейне, Эмиратах, Эфиопии и Ираке. Ко времени согласования документа положение дел в армейском и партийном руководстве в Сирии кардинально поменялось, и документ, что совершенно очевидно, утратил свою актуальность. Тем не менее, характеристики ключевых фигур того времени, мотивы их действий, связанные с конфессиональной аффилиацией, выписаны детально и довольно точно, что делает документ важным историческим источником.

² Butter, David. A sect with its back to the wall // *The World Today* (Chatham House), Vol. 68, No. 5, August-September 2012. P. 29.

³ Moosa M. Extremist Shiites... P. 293.

зывало алавитское население Сирийской национал-социальной партии (СНСП) и, конечно, партии Баас (ПАСВ). Политическое участие предполагало акцент на определенных составляющих гражданской идентичности, и алавитами в этом отношении были выбраны характеристики наиболее общие, в наименьшей степени затрагивавшие их особенности – религиозного исповедания и локального проживания – в сложносоставном обществе с подавляющим доминированием суннитского населения. «Муслим араби сури» (т.е., сирийский араб-мусульманин) стало уже тогда типичным самоименованием алавита, прибегающего к практикуемой в ряде мусульманских конфессий «такыйе» – методу иносказания или уподобления при публичном исповедании своей религии.

Самоидентификация такого рода вполне органично сочеталась с партийно-политическими предпочтениями. Так называемый сирианизм, легший в основу СНСП, и своеобразные идеи создателя этой партии, Антуна Сааде (1904–1949), особенно касаясь трактовки межрелигиозных отношений¹, закономерно могли вызывать симпатии политически активных алавитов. Ведь они были направлены на выявление общих моментов в конфессиях и даже авраамических религиях, как бы сливая их к единому общему знаменателю. Алавиты, занимая очень невысокую социальную страту в середине XX в. не могли и думать о признании их религии земляками-мусульманами как ветви суннитского ислама, а потому старались оставить в тени религиозную проблематику.

Принципы СНСП вполне этому способствовали: они подразделялись на две группы – основные и исправительные, и первые три из исправительных принципов были направлены как раз на это. «Отделение религии от государ-

---

¹ Мягко говоря, далекий от религиозного ригоризма Антун Сааде (выходец из православной общины) писал в 1941 г.: «Нет сомнений, что, так или иначе, ислам поддерживает христианское послание совершенно, без каких-либо ограничений или условий, и что он дополняет его среди тех, к кому никогда не заходил проповедник, то есть среди тех, кто не был охвачен христианским посланием. Что касается верных христианскому посланию, то от них не требуется принимать ислам, кроме как только признать, что это религия истинная и дружественная их собственной». См.: Сааде, Антун. Мадар аль-хияф байна аль-ислам ва-ль-масихия (опубл. в: «Аз-Зуб'а» (Буэнос-Айрес), №30, 15.10.1941) // Аль-ислам фи рисалятайхи аль-масихийя ва-ль-мухаммадийя (Конфликт между исламом и христианством // Ислам в двух своих посланиях – христианском и мусульманском). Дамаск, 1954. URL: <http://antoun-saadeh.com/works/books/content/book6-2>.

ства», «запрет клирикам участвовать в политических делах и судить соотечественников» и «устранение преград между разными конфессиями и мазхабами»¹ – такие три принципа партия видела в качестве первых в социальном реформировании.

Арабизм сирийской ПАСВ, противопоставленный другому социалистическому региональному движению – насеризму, также привлекал алавитов, поскольку сближал их с умеренным мусульманским большинством страны, ставил их по одну сторону баррикад – в противовес, например, финикизму «правохристианских» организаций соседнего Ливана, атеизму местных коммунистов и, конечно, религиозному доктринёрству исламистских групп.

Считают даже, что именно противостояние с коммунистами и острое нежелание видеть их у власти побудили офицеров-алавитов высшего звена сделать нелегкий выбор в пользу сближения с Египтом в 1958 г. Запрос на социальную справедливость в обществе стал настолько высок, а политические преимущества Сирийской компартии (СКП) были настолько явными, что якобы заставили баасистов опасаться, что те смогут одержать решающую победу на муниципальных выборах в ноябре 1957 и парламентских выборах летом 1958 г., что дало бы им контроль над правительством. Союз с Египтом в начале 1958 г., тем самым, стал действенной мерой в соперничестве с СКП², правда, мерой своеобразной: Баас, по условию, объявила о самороспуске, тогда как СКП предпочла уйти в подполье³.

Очень скоро, уже в составе ОАР, уязвленная самостоятельность алавитских офицеров и нежелание «растворяться» в среде египетско-сирийского суннитского офицерского состава – в большинстве своем юнионистски настроенного – подтолкнули их к активным действиям. Алавиты вошли в состав костяк

¹ Сааде, Антун. Мабади аль-Хизб ас-сури аль-кауми аль-иджтима'и ва гайатух (машруха би-калям аз-за'им. Бейрут, 1981. С. 63–76.

² Moosa M. Extremist Shiites... P. 295.

³ Devlin, John F. The Ba'ath Party: Rise and Metamorphosis // *The American Historical Review*, Vol. 96, No. 5, Dec., 1991. P. 1400.

сирийского подпольного баасистского Военного комитета в Египте, который вынашивал планы отделения Сирийского района, а иными словами – выхода Сирии из ОАР. В 1959 г. Военный комитет состоял из трех алавитов (Мухаммад Умран, Салах Джадид и Хафез Асад) и двух исмаилитов (Абдулкарим Джунди и Ахмад Мирра). Матти Муса даже пишет, что этот Комитет якобы утвердил тогда доминирование алавитов в офицерском корпусе¹. Н. ван Дам же сообщает, что связь, по крайней мере, алавитов и исмаилитов (особенно из окрестностей Латакии) с баасистами из Военного комитета была прочной². Позднее, когда его состав увеличился до 15 человек, в нем также преобладали представители конфессиональных меньшинств: пятеро алавитов, два исмаилита, два друза и только шесть суннитов³. Следует признать, при этом, что не алавитские, а суннитские высшие офицеры стали во главе военного переворота в Сирийском районе 28 сентября 1961 г., за которым последовало отделение Сирии от ОАР.

Вполне можно поддержать мнение М. Мусы (и других исследователей, с которыми он соглашается), «что на протяжении 50-х годов общинное сознание нусайритов не было определяющим в борьбе за власть, что офицеры-нусайриты не всегда действовали сознательно именно как нусайриты, и что только после баасистского переворота 1963 г. в борьбе за власть среди баасистов, включая нусайритов, стал проявляться конфессионализм»⁴.

В частности, это коснулось отношений между офицерами алавитского и друзского происхождения. В упоминавшемся меморандуме от 1966 г. Объединенного исследовательского департамента британского внешнеполитического

¹ Ibid. P. 296–297. М. Муса упоминает в числе членов Военного комитета друга Хамада Обейда и умалчивает об исмаилитах. Вероятно, речь может идти о разных этапах существования Комитета, когда и состав был разным.

² Van Dam, Nikolaos. The Struggle for Power in Syria and the Ba'th Party (1958–1966) // *Orient* (Deutsches Orient-Institut, Opladen). Maerz 1973, Nr. 1. S. 11.

³ Пир-Будагова Э.П. История Сирии... С. 130.

⁴ Moosa M. Extremist Shiites... P. 297.

ведомства, его автор, английский дипломат П. Фэлла¹, поясняет: «[Президент Амин] Хафез в сентябре [1965 г.] сформировал новое правительство во главе с молодым гражданским, суннитом Юсефом Зуэйном, куда включил среди своих сторонников и Хатума, Тауиля, генералов Обейда, Сехнауи и Шаира². Это вылилось в алавитские протесты против назначения ряда друзов на высокие посты (например, Обейда – на пост министра обороны), [воспринятое] как оскорбление религиозной общины, члены которой составляли наибольшую часть армии. Краткосрочный бунт алавитских офицеров 5-й бригады в Хомсе в том же месяце выявил широкое недовольство»³.

Вскоре, впрочем, друзы и алавиты составили альянс, приведший потом к перевороту 1966 г. «Пронасеровская политика президента Хафеза и нового генерального секретаря партии Баас из гражданских, д-ра Мунифа Раззаза, – продолжал П. Фэлла, – тем не менее, привела к возникновению друзско-алавитского альянса осенью 1965 г., и к концу года баланс сил драматическим образом изменился. Друзско-алавитская оппозиция состояла из молодых, радикально настроенных офицеров, не согласных с союзом с Насером, а также недовольных контролем администрации со стороны Хафеза и Раззаза, заявляющих, что долгосрочные социалистические идеалы партии Баас были упущены из виду в этой [политике] компромисса. Премьер-министр Юсеф Зуэйн теперь открыто поддержал Джадида, который к октябрю 1965 г. мог рассчитывать также на поддержку Обейда и недавних сторонников Умрана. Эта группа стала

¹ Пол С. Фэлла (1913–2003) возглавлял в 1953 г. Восточный отдел британского МИДа (Foreign Office), в 1953–1955 Отдел Леванта, в 1955–1958 – Общий отдел, а в 1966–1967 гг. исполнял обязанности Директора по исследованиям. См.: *A Directory of British Diplomats / by Colin A. Mackie. Updated 1 August 2018. P. 169.* Возможно, он владел русским и немецким, и после дипломатической карьеры работал над Оксфордским словарем русского языка (со редактор) и переводил документы в сборник: *Documents on the history of European integration. Vol. 1: Continental plans for European Union 1939–1945 / ed. by Walter Lipgens. Berlin – New York: W. De Gruyter, 1985 (European University Institute, Series B – History, 1).*

² Из них друзы – генерал-майоры Хамад Обейд и Фахд аш-Шаир, майор Салим Хатум; суннит – генерал Мухаммад Сехнауи. Рабах Тауиль был ошибочно назван автором Меморандума алавитом, но был суннитом, на что автору указал тогда же в ответном письме будущий посол Хэролд Б. Уокер.

³ UK FO, 7 September 1966. *The political activity of the Alawites and Druzes in Syria. P. 565.*

систематически подрывать авторитет президента. <...> Кризис декабря 1965 г. стал кульминацией непрерывных нападок на правительство со стороны друзско-алавитской партии»¹.

Участие алавитов в баасистских переворотах 1963 и 1966 гг. было не раз описано в исторических работах. В нашем случае интерес представляет не сама принадлежность высших офицеров к той или иной конфессиональной общине (которая в ряде случаев была относительно номинальной и вовсе не предполагала глубокой религиозности). Но в отношении некоторых крупных фигур алавитской военной верхушки представляются важными факты их продвижения по религиозной алавитской иерархии, о которых сообщает одиозный ливанский автор, во множестве своих публикаций проливший свет на важнейшие аспекты жизни этой общины. В своей известной книге «Алавиты-нусайриты» (первое издание – 1980 г.) некий Абу Муса аль-Харири (вероятно, псевдоним; еще один псевдоним – Анвар Ясин) пишет, что в 1960 г. в родовом селении Асадов, аль-Кардахе, алавитские шейхи собрали совет, куда были приглашены высшие офицеры-алавиты во главе с Мухаммадом Умраном, Мухаммадом Набханом, Салахом Джадидом и Хафезом Асадом. Главной целью совета якобы было согласование способов вступления офицеров-алавитов в ряды партии Баас для ее использования и превращения в карьерную лестницу². Постановили также следующее:

- возвести Мухаммада Умрана в ранг, относящийся к высшей религиозной степени «врат» (*рутбат «бабийе»*) с возложением обязанности планирования армейской организации и способов внедрения ее членов в национальные

¹ Ibid. P. 565–566.

² Аль-Харири, Абу Муса. Аль-‘алавийюн ан-нусайрийюн. Бахс фи-ль-‘ақыда ва-т-тарих (Алавиты-нусайриты. Исследование исповедания и истории). Дияр-Акль, 2002 (Силсилаят Аль-хакика ас-са‘ба (серия: Трудная истина), 5). С. 236. Автор (а некоторые сведения о нем сообщает ученый из Хайфы Каис Фирро в ст.: The Druze Faith Origin, Development and Interpretation // *Arabica* (Brill). 2011, T. 58, Fasc. 1-2. P. 77, fn. 2) неопределенно упоминает, что сведения о решениях тех советов встретились ему в публикациях некоторых газет и журналов, а также в опубликованной в 1975 г. будто бы некоей «Тайной книге» (*Китаб сиррий*).

структуры для их использования и скрытного в них нахождения; сохранить видимость пребывания М. Умрана в рядах юнионистов;

- возвести Иззата Джадида в высокую алавитскую степень «накиба»;
- возвести Ибрагима Махуса на место его отца в алавитской иерархии.

Автор также сообщает, что решено было обязать алавитских шейхов всячески призывать и ободрять молодых членов этой общины вступать в армию, а в отношении друзских и исмаилитских офицеров – внешне демонстрировать полное единодушие и сотрудничество с ними¹.

Следующий очень представительный совет алавитских шейхов с участием некоторых высокопоставленных военных, как пишет аль-Харири, имел место летом 1963 г. в Хомсе – для обсуждения результатов участия Мухаммада Набхана в событиях 18 июля того же года в Сирии, когда были демобилизованы из армии большинство из 400 офицеров-насеристов. По части религиозной иерархии было тогда решено:

- возвести М. Набхана в высокую степень «наджиба»;
- наградить М. Умрана «священным поясом Врат» и возложить обязанность продолжать трудиться на «нусайритской ниве»;
- возложить на Салаха Джадида обязанность руководства и направления сторонников алавитов в армии, а также повысить его воинское звание до подполковника;
- удостоить Хафеза Асада высокой степени «наджиба»;
- удостоить Иззата Джадида и Али Хаммада степени «мухтасс».²

Образованным членам общины шейхи будто бы предписывали вступать в партию Баас и по этой линии внедряться в армейские организации и кружки конфессиональных меньшинств в армии.

В ряду этих решений, правда, довольно неправдоподобным звучит пункт якобы о долгосрочном планировании создания алавитского государства со сто-

¹ Аль-Харири А. Аль-‘алавийюн... С. 236–237.

² Там же. С. 237–238.

лицей в Хомсе. Более того, Ибрагиму Махусу предписывалось будто бы готовиться к роли главы правительства в предполагаемом алавитском государстве (*и 'адатуху лийакун раисан ливузара ад-дауля ан-нусайрийя аль-маншуда*)¹.

Были ли такого рода планы в армейских кругах верующих алавитов? Или же это фантазии шейхов, а то и вовсе вымысел недоброжелателя, придававшего огласке содержание тайных встреч? Ответить на эти вопросы пока невозможно ввиду предписанной алавитской доктриной тайны. Во всяком случае, других источников сведений о столь невероятных сепаратистских проектах того времени в научной литературе обнаружить не удалось.

Вполне можно допустить, что даже светски настроенные члены алавитской общины все же со вниманием относились к наставлениям своих шейхов. Возможно также, что и те, со своей стороны, поощряли высокими религиозными степенями своих единоверцев, обладающих реальной властью в стране. Ведь относительно бедная и малочисленная община могла выйти вперед только при условии приверженности к своим корням добившихся настоящей власти алавитов – по крайней мере, на начальном витке усиления их общины.

Однако уже через несколько лет конфессиональная солидарность явно перестала быть приоритетом пришедших к власти баасистов-алавитов. Им уже требовалась безусловная и полноправная интеграция в конфессионально окрашенную систему властных прерогатив. С 1970 г. прямо встал вопрос легитимации президентской власти как власти мусульманской.

Об обращении сирийского алавитского руководства к шиитским моджтахедам за подтверждением, что алавитская ветвь ислама является частью шиитской-иснаашаритской джаафаритской, упоминалось выше – в русле обсуждения положения суннитского большинства в стране. В числе первых – уже в декабре 1972 г. – было получено авторитетное мнение от Хасана Ширази². Всего по-

---

¹ Там же.

² Talhamy, Yvette. The Syrian Muslim Brothers and the Syrian-Iranian Relationship // *Middle East Journal*, Vol. 63, No. 4, Autumn, 2009. P. 566.

добные развернутые подтверждения дали около восьми десятков шиитских авторитетов¹. В книге Мухаммада Хасана Бадияни приведены даже копии писем аятолл Абдулкарима Мусави Ардебили (1926–2016), Насера Макарема аш-Ширази (род. 1927), Мухаммада Хусейна Фадлаллы (1935–2010), Лутфаллы Сафи Гольпаегани (род. 1919), Хусейна Нури аль-Хамдани (род. 1925), имама Али Хаменеи (род. 1939)².

Остается добавить, что одна из важных фетв (от июля 1973 г.) принадлежит иранцу Мусе Садру, который к тому времени уже давно работал в Ливане, возглавляя с 1969 г. Верховный исламский шиитский совет. Известный как создатель «Движения обездоленных» (*Харакат аль-махрумун*), он ставил перед властями страны вопрос о создании специальной организации для ливанских шиитов еще в 1965 г. Так что фетва была дана в период, когда институциональные структуры шиитов стали крепнуть уже далеко не только в Иране, но и в Ливане и Ираке (где Рухолла Хомейни создавал оппозиционные ячейки против династии Пехлеви). Взаимная заинтересованность или даже временный тактический союз усилившихся шиитов Шама и Ирака, с одной стороны, и входящих в свою полную силу алавитов Сирии, с другой, был налицо³. Впрочем, стратегического взаимного сближения отнюдь не произошло, подтверждением чему служит самостоятельность сирийских властей, например, в подавлении сопротивления местного радикального суннитского подполья к концу 70-х годов – без какого-либо привлечения помощи со стороны арабов-шиитов.

¹ Ziadeh, Radwan. Power and Policy in Syria: Intelligence Services, Foreign Relations and Democracy in ME P. 140.

² Бадияни ан-Нисабури, Мухаммад Хасан. Аль-алавийюн: хум атбаа Ахль аль-Бейт. Фатава мараджихахим ва шарх насс байанихим (Алавиты принадлежат к Ахль аль-Бейт. Фетвы их духовных лидеров и толкование текста их постановлений). Ч. 1. С. 67, 72, 77, 81, 85, 90.

³ Заметим, что в соседнем Ираке, где в руководстве страны было местное отделение той же ПАСВ, аятолла из Наджафа Мухаммад Бакир Садр (двоюродный брат Мусы Садра) издал фетву, наоборот, изобличающую безбожный, немусульманский характер власти. Это противостояние имело весьма трагические последствия как для иракских шиитов, так и суннитов. См.: Люсин С.Г. Роль шиитского движения в общественно-политической жизни современного Ирака // Арабский мир в конце XX века. М.: ИВ РАН, 1996. С. 41.

Впоследствии подтверждение принадлежности алавитов к джаафаритской шиитской ветви ислама было получено и от рахбара ИРИ Рухоллы Хомейни¹.

Весьма показательны книги, которые периодически издают сами алавиты, где свою религию они подают исключительно как одну из ветвей шиитского ислама, причем приводят общую для всех мусульман шахаду из двух ее частей: «Исповедание этой веры заключается в правильном убеждении в бытии Всевышнего Бога и ангелов его, вере в его книги и в его пророков с произнесением двух частей шахады»². Все острые углы своей теологии они или обходят, или мастерски толкуют с привязкой к священным текстам. Опираясь на мнения авторитетных моджахедов, некоторые авторы объясняют особенности алавитского исповедания, например, особой приверженностью к средневековым учителям Абу Мухаммаду Абдалле Джанбулани и Хусейну бин Хамдану аль-Хасиби, но в рамках якобы все того же шиитского джаафаритского ислама³.

Что касается возможности официального религиозного признания алавитов со стороны суннитских богословов, то от попыток обращения за подобными фетвами отказались сразу. На то было историческое основание: однажды такая фетва была получена, но не встретила поддержки со стороны других ведущих шейхов и муфтиев Шама. Еще в 1936 г. верховный муфтий Палестины Амин аль-Хусейни, будучи не только долгое время президентом Высшего исламского совета (*Аль-Маджлис аль-ислами аль-а'ля*), но и ставший в апреле того же года во главе антибританского Верховного арабского комитета (*Аль-*

¹ Мамедова Н.М. Межконфессиональные отношения в Иране и их влияние на ситуацию в регионе // *Ученые записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 159, кн. 6. С. 1513.

² Мухаммад, Юсуф Халиль. *Аль-анба аль-хафийя 'ан аш-ши'а аль-'алавийя* (Тайные сведения об алавитском шиизме). Бейрут: Ад-дар аль-исламия, 1996. с. 172. В книге об авторе сообщается только, что он явился создателем Исламского джаафаритского благотворительного общества в Сафите.

³ Аль-Ибрахим, Али Азиз. *Аль-алавийюн ва-т-ташайю'* (Алавиты и шиитизация). Бейрут: Ад-дар аль-исламия, 1992. С. 58–59. Издана целая серия апологетической алавитской литературы, напр.: Ахмад, Таммам. *Аухам аль-муаллифин фи ахуаль аль-алавиин* (Заблуждения авторов о положениях алавитов). Бейрут: Дар аль-махаджа аль-байда, 2010. 358 с.; Аль-Мазлум, Хусейн Мухаммад. *Аль-алавийя: тарихан ва акыдатан ва сулюкан* (Алавизм с точки зрения истории, теологии и этики). Бейрут: Дар аль-махаджа аль-байда, 2009. 107 с.; Его же. *Аль-алавийя ва-ль-манахидж аль-ухра* (Алавизм и другие пути). Бейрут: Дар аль-махаджа аль-байда, 2009. 156 с.

Ляджна аль-‘арабийя аль-‘уляя) в Палестине, издал фетву об алавитях, в которой заявил, что алавиты являются мусульманами, а также призвал своих единоверцев-суннитов «сотрудничать с ними в духе добрососедства и исламского братства»¹. Российский историк В.Н. Саутов так характеризует документ: «Эта фетва, хотя и имела определенное значение, главным образом из-за позиции влиятельных суннитских деятелей, выступавших за объединение Сирии, но автоматически не повлекла за собой аналогичной реакции со стороны большинства других суннитских религиозных авторитетов, фактически не признавших фетву муфтия Палестины»².

Суннитские богословы Дамаска и в дальнейшем не обнаруживали желания отзываться об алавитях на уровне официальных деклараций или фетв как об истинных мусульманах. Непримируемость ригористов-суннитов, например из Хамы, даже подстрекавших горожан к бунтам против власти, фактически не оставила выбора собственным согражданам-алавитам, кроме как опираться на религиозную поддержку шиитов – арабов и персов, соответственно Ирака, Ливана и Ирана.

В ответ на жесткую линию президента-алавита в начале 70-х гг., преобладание алавитов в силовом аппарате государства и ввиду широкой легитимации новых властей, радикальные суннитские круги ясно осознали утрату своих позиций. В очередной раз они попытались сокрушить установившееся, как они считали, «засилье меньшинства». Летом 1973 г. стало известно о заговоре среди офицеров-суннитов. Современник тех событий писал: «Заговорщики – в основном молодые офицеры в звании не выше майора – предприняли неудачную попытку на жизнь президента. Арестованные заговорщики мотивировали свои действия недовольством проводимой последним политикой преимущественно-

¹ Kramer, Martin. *Syria's Alawis and Shi'ism // Shi'ism, Resistance, and Revolution / ed. by M. Kramer. Boulder: Westview Press, 1987. P. 243. См. текст фетвы: Boneschi, Paulo. Une fatwa du Grande Mufti de Jerusalem Muhammad Amin al-Husayni sur les Alawites // *Revue de l'histoire des religions*, Vol. 122, No. 1 (July–August 1940). P. 42–54; No. 2–3 (September–December 1940). P. 134–152.*

² Саутов В.Н. Сирийские алавиты в новейшее время // *Арабский мир в конце XX века: Материалы I конференции арабистов Института востоковедения РАН. М.: ИИИБВ, 1996. С. 74.*

го продвижения по службе офицеров-алавитов»¹. Последовали новые увольнения из армии суннитов и ответные протесты суннитов Хамы и Хомса. Одним из требований было конституционное признание Сирии мусульманской страной.

Таким образом, в первой половине 70-х годов политическая сила, которая выкристаллизовалась в прошедшее десятилетие, сделала все, чтобы закрепиться у власти. Описанная религиозная политика шла рука об руку с успешной политической борьбой: привычные конкуренты слева (коммунисты, насеристы и прочие социалисты с националистическими оттенками) и справа (от сторонников сирианизма до исламистов разных толков) вкупе с бывшими единомышленниками в Ираке, ставшими идеологическими противниками, наблюдали неуклонное укрепление позиций сирийских баасистов во власти. Это нашло отражение и в конституции. Если в версии 1964 г. провозглашалось построение экономики на социалистической основе², то в тексте 1969 г. ведущая роль в стране закрепляется за Баас: «Правящая партия в обществе и государстве – Партия арабского социалистического возрождения»³. Конституция же, принятая в 1973 г., говорит об этом гораздо более развернуто: «ПАСВ – это правящая партия в обществе и государстве, она возглавляет Национальный прогрессивный фронт, работающий над объединением сил народных масс и обращением их на службу целей арабской нации»⁴.

Успех полновластного круга политиков от правящей партии, мощь которых продолжила базироваться на доминировании в армии и спецслужбах, стал, в общем, ожидаемым. Офицеры-алавиты остались верны тем акцентам на некоторых сторонах собственной гражданской идентичности, которые выбрали в качестве опоры еще в 50-е годы: провозглашая общеарабское единство (ара-

¹ Иваненко В. Влияние религии на боеспособность армий АРЕ и Сирии // Политическая роль армий в «третьем мире». Специальный бюллетень, № 12 (151), 1973 / науч. ред. Б.Г. Сапожников; ИВ АН СССР. М.: Вост. лит., 1973. С. 62–63.

² Джаббур, Жорж. Аль-хайя аль-хизбийя фи Сурия ва мустакбалуха (Партийная жизнь в Сирии и ее будущее). Дамаск, 2004. С. 30.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 32.

бизм), они все же отстаивали интересы сирийцев (жестко сталкиваясь при этом, например, с иракскими баасистами), а в религиозной политике проводили объединительную линию, стараясь уводить на задний план конфессиональные различия. Оба эти направления были беспроигрышными в плане повышения доверия к власти среди подавляющего числа сирийцев, которые поддерживали светский социалистический путь развития страны.

Возможные упреки к властям за их алавитский характер или социальном лидерство этой общины в то время останавливаются перед фактами как нелицеприятия в их политической борьбе (жесткость в отношении противников, в том числе из алавитов)¹, так и отсутствия очевидных преимуществ для рядовых членов алавитской общины. Так что вопрос о лидерстве алавитов как таковых (а не кланово-племенных кругов самовоспроизводящихся элит с односторонним конфессиональным доминированием) так и не получает однозначного ответа.

Социально-ориентированное государство 70-х годов вызывало у западных критиков представление о «сирийском парадоксе». Так, бывший английский посол в Сирии Айвор Лукас, уже будучи экспертом Кэмбриджа, характеризовал его следующим образом: «непривлекательный режим, который тем не менее обеспечил относительную стабильность и процветание для его граждан»².

Неоднозначные пути консолидации друзов

¹ Самым ярким примером может служить судьба бывшего соратника президента, алавита, генерала-майора Салаха Джадида, который был арестован в 1970 г. и оставался в заключении до самой смерти в 1993 г. Существуют и более ранние примеры. В приводимом выше документе британского МИДа говорилось: «Были случаи, когда внутриплеменная вражда нарушала эти [внутриконфессиональные] связи, а именно борьба между Джадидом и Умраном, а также разочарование Абдель Хани Ибрахима, сопровождавшееся перестрелкой между алавитами после февральского переворота [1966], закончившееся его требованием назначения военным атташе в Москву». См.: UK FO, 7 September 1966. The political activity of the Alawites and Druzes in Syria (in context of Ba'ath), 1966. P. 570–571.

² Lucas I. The Paradox of Syria. P. 12.

Во второй половине XX в. друзы были очень заметны в общественной жизни и политике как Сирии, так и Ливана. И это несмотря на то, что эта социальная группа с особой религией и традициями, как и алавиты, составляет сравнительно небольшую долю от всего населения обеих стран. Их численность современники оценивали следующим образом: в Сирии проживали около 140 тыс. друзов, большинство – в южном районе Джебель Друз (в 1936 г., по сведениям «Саут Аль-Ахрар» от 26 сентября, их численность там оценивалась в 65 тыс. чел.¹) с его центром в Сувейде, а также в пригородах Дамаска, особенно в районе Джермана. В Ливане проживали более 200 тыс. друзов – в основном в районе ливанской горной цепи южнее Бейрута, в районе Шуфа и Алея, а также в Южной части Бекаа (Вади ат-Тейм и др.)². В процентном отношении друзы составляют в Сирии 2–3%³, а в Ливане – около 6–7% населения⁴.

Подобно тому, как все алавиты в религиозном отношении делятся на «особенных» и «простых» (*хасса* и *амма*), друзы также имеют своих «посвященных» и «неведающих» (*уккаль* и *джуххаль*)⁵, из которых первых насчитывалось, по тем же оценкам, до 15%⁶. Тайны религии охраняются друзами настолько ревностно, что даже это религиозное деление уводится в тень: один из авторов пишет, в частности, лишь об элите и простых друзах, обобщенно (и ошибочно) называя их *хасса* и *амма*⁷. Самоназванием друзов было и остается *муваххидун*, то есть «единобожники».

¹ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 10. Л. 37.

² UK FO, 7 September 1966. The political activity of the Alawites and Druzes in Syria. P. 569.

³ Bennett, Anne. Reincarnation, Sect Unity, and Identity among the Druze // *Ethnology*. Spring 2006, Vol. 45, No. 2. P. 95.

⁴ Ibid.; AbuKhalil, As'ad. Druze, Sunni and Shiite Political Leadership in Present-Day Lebanon // *Arab Studies Quarterly*. Fall 1985, Vol. 7, No. 4: The Realignment of Power in Lebanon: Internal and External Dimensions. P. 31.

⁵ Abu Izzeddin, Nejla M. The Druzes: A New Study of their History, Faith and Society. Leiden: Brill, 1984. P. 223.

⁶ Ibid. P. 570.

⁷ Khuri, Fuad I. Being a Druze. London: The Druze Heritage Foundation, 2004. P. 198.

Община в целом декларируется как обособленное братство. Все его члены, как сказано в трактате «Китаб ан-нукат ва-д-даваир», являются истинными братьями. «Отец их – свет, который есть ‘Акль (своего рода Логос. – А. С.), а мать их – милосердие, то есть Всеобщая Душа»¹, – такую фразу из друзской рукописи Хамзы бин Али приводит автор упомянутого трактата. Соблюдение братства (*хифз аль-ихван*)² является одной из трех основ религиозного служения друзов и одновременно императивом их внутриобщинной взаимной поддержки и защиты.

Своего рода социальная ответственность друзских шейхов была со всей наглядностью продемонстрирована, в частности, в ходе заселения членами общины ряда пригородов Дамаска. В 50-х годах влиятельный друзский шейх Джераманы принял меры для облегчения переезда своих единоверцев в этот и другие столичные районы. Джерамана быстро разрасталась, в том числе благодаря помощи друзьям, приезжавшим из сельских районов, в приобретении жилья (доля представителей этой общины в районе к концу века достигала 60%)³. В 1960 г. их численность в столице составляла 6 480 чел. и увеличилась к 1994 г. более чем на порядок⁴. Дамасская община росла также за счет притока друзов в районы Сахная и Ашрафия.

Роль друзов в сирийских событиях продолжала оставаться важной, как бы продолжая традицию их военно-политической активности со времен антиколониального «Великого восстания» 1925–1927 г.⁵ В дальнейшем друзы в боль-

¹ Taqiuddin, ash-Shaykh Zaynuddin ‘Abdulghaffar. Die Druzenschrift: Kitab Alnoqat Waldawair, “Das Buch der Punkte und Kreise”. Rio de Janeiro: Mounir Lababidy Press, 1920 (Цит. по: Makarem, Sami Nasib. The Druze Faith. Delmar, NY: Caravan Books, 1974. P. 133, Appendix F).

² Swayd, Samy S. Historical Dictionary of the Druzes. Lanham – Toronto – Oxford: The Scarecrow Press, 2006 (Historical Dictionaries of Peoples and Cultures, No. 3). P. 174–175. См. также: Firro, Kais M. The Druze Faith Origin, Development and Interpretation // *Arabica* (Brill). 2011, Т. 58, Fasc. 1/2: Les Nusayris et les Druzes: deux communautés ésotériques à la périphérie doctrinale de l’Islam. P. 95.

³ Roussel, Cyril. Les Druzes de Syrie. P.: Presses de l’Ifpo, 2011. P. 64.

⁴ Ibid. P. 69–70.

⁵ О маргинальности конфессионального фактора в том восстании свидетельствуют, в частности, рукописные донесения и записки из арихва Коминтерна: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 84. Д. 10. Л. 1–5, 21–22, 32–40 и др.

шинстве своем не лелеяли надежд на независимое существование анклава Джебель Друз, выделенного французами в «самостоятельное» карликовое государство. Они вполне удовлетворялись гарантированной им автономией местного самоуправления, о чем свидетельствуют, в частности, высказывания их лидеров Султана-паши аль-Атраша и Шекиба Арслана, приведенные в авторитетном итальянском издании от декабря 1936 г. Первый выражал полное удовлетворение подписанным франко-сирийским договором, предполагавшим, в частности, территориальное единство всех сирийских территорий (за исключением Великого Ливана). Он писал: «Я молю Бога, чтобы шаг, предпринятый Сирией, стал шагом на пути к полному арабскому единству, которое является идеалом для всех нас, и мы уповаем на Бога»¹. А представитель другого влиятельнейшего друзского рода – Арсланов – прямо упоминал о сопротивлении части друзов интеграции всех сирийцев под эгидой Дамаска, намекая на их ожидание помощи от неких европейцев (читай, англичан). «Противодействие объединению с Сирией некоторых политических и религиозных лидеров Джебель Друза, – писал он, – незначительно и не будет длиться долго; Джебель Друз не может жить отдельно от Сирии, кроме как под иностранным протекторатом, и его население чисто арабской нации не должно предпочитать европейцев людям своей собственной крови; а союз с Сирией не означает подчинение, поскольку Джебель Друз сохраняет определенное самоуправление, и Сирия им дорожит»².

С конца 40-х гг. чаяния друзов были во многом связаны с расширением власти в регионе династии Аль Хашим на остальных землях освобожденного от колониальной зависимости «Благодатного полумесяца» (в Ираке и Трансиордании – зоне «особых интересов» Британии – уже правили монархи-хашимиты).

¹ Libano e Siria // *Oriente Moderno*, Anno 16, Nr. 12, Dicembre 1936. P. 680.

² Ibid. Конечно, настроения друзов в период мандата – от автономизма до сепаратизма – были очень многогранными и отразились на целом ряде региональных процессов. См. об этом, например: Firro, Kais. *A History of the Druzes*. Leiden – New York – Koeln: Brill, 1992. P. 305–349.

Видимо, это обстоятельство заставило действовать президента объединенной Сирии Шукри аль-Куатли в направлении ослабления авторитета среди сирийских друзов их прославленного нотабля Султана аль-Атраша. Агитация среди друзов имела успех, и в результате, 23 июня 1947 г. против С. аль-Атраша было поднято крестьянское восстание, которое ему удалось усмирить только через четыре месяца¹.

Известно, что последний предоставлял помощь боевой силой своих сторонников мятежному начальнику генштаба армии Хусни аз-Заиму, который в Сирии 31 марта 1949 г. совершил военный переворот, завершившийся отставкой президента Куатли. Начавшаяся череда переворотов и смены правительств содержала в себе в качестве одного из коренных элементов выбор между региональным влиянием Хашимитов (на практике – курс на объединение с Ираком и Трансиорданией) и Египта (и отчасти Саудовской Аравии).

В основе этой дилеммы лежали, как всегда, вопросы экономических интересов местных кругов: на кону стояли, в частности, концессии на прокладку транзитных нефтепроводов по территории Сирии, которые сулили соглашения с компаниями «Таплайн» и «Ирак петролеум», а также иракский и иорданский масштабные рынки сбыта сирийской продукции. В итоге, за годы с 1949 по 1953 произошло четыре военных переворота (относительно мягких) и сменился 21 состав правительства². В ходе этих перемен сирийские друзы придерживались своей прежней линии, и с этим фактом, в первую очередь, и было связано изменение положения общины.

Узурпировавший власть полковник Х. аз-Заим обещал широкие демократические реформы, но был настроен, видимо, резко против британского влия-

---

¹ Fiches du monde arabe. Sujets generaux – Politique/Religion. Druzes. 20 sept. 1983, No. 2298. Gen-1202/9. F. 1. Автор идеи этой «Картотеки по арабскому миру» (FMA), журналист и издатель Жозеф Шами (Joseph G. Chami) был в свое время заведующим редакцией издания «Л'Ориен – ле Жур» («L'Orient-Le Jour», первоначально «Jour»), затем главным редактором журнала «Magazine». Позднее, при ливанском президенте Амине Жмайеле служил в его резиденции в Баабде советником по работе со СМИ, впоследствии вплоть до 1999 г. был шефом арабской редакции агентства «Франс-Пресс» (AFP). Автор историко-публицистического проекта «Mémorial du Liban».

² Пир-Будагова Э.П. История Сирии. С. 90.

ния в регионе, откуда проистекала и подозрительность к их протеже, к которым он относил и друзов Сирии. Последовательно сворачивая проекты, связанные с Ираком и Трансиорданией, он попытался нейтрализовать возможные действия со стороны друзских ополчений, направив в Хауран усиленный военный гарнизон во главе с авторитетным командующим-друзом Мухаммадом Мааруфом. Но тот сам стал участником следующего военного переворота, который возглавил полковник Сами Хинауи 14 августа 1949 г.

Новый лидер стоял как раз за объединение Сирии и Ирака под эгидой хашимитской династии (и, конечно, британцев). После его смещения, в свою очередь, Адибом Шишекли 19 декабря того же года, последний, не желая выглядеть узурпатором, передал большинство властных полномочий гражданским, а сам занял пост главнокомандующего. Офицеры-друзы поначалу поддерживали нового лидера, но быстро убедились в его антихашимитских настроениях. Несколько месяцев спустя последовали чистки в армии, и друзы стали выражать свое несогласие, поддерживая в качестве кандидатуры на пост главнокомандующего своего единове́рца родом из Ливана – Шауката Шукейра.

По мере усугубления политической нестабильности, А. Шишекли устроил еще один военный переворот 28–29 ноября 1951 г., захватил всю власть в стране и установил, по сути, военную диктатуру. Наиболее сильное недовольство это вызвало среди друзов Хаурана, где все большую популярность набирал Ш. Шукейр. Видимо, под его началом действительно усиленно готовилось в 1953 г. настоящее восстание в Джебель Друз против центральной власти. По приказу президента Шишекли были проведены превентивные меры: арестованы 12 членов сопротивления, в том числе 27 января 1954 г. друзский нотабль Хасан аль-Атраш¹. Были посланы карательные отряды в Джебель Друз, а Сул-

¹ Еще в 1937 г. депутация от Джебель Друз настаивала, как писала «Саут аль Ахрар» (26.04.1937), чтобы полномочия губернатора этого района, год назад включенного в состав Сирии, были остановлены, а на его место был бы назначен тот самый эмир Хасан аль-Атраш (а также чтобы выборы были перенесены, а полномочия французских чиновников ограничены). Друзы предупреждали власти, что «ответственность за то, что произойдет в Джебель Друзе, если их желание не будет выполнено, они

тан аль-Атраш был заключен в своем имении под домашний арест. Постепенно в Хауране все же разгорелось народное восстание: местные ополченцы сопротивлялись армейским соединениям вплоть до 5 февраля 1954 г. Султан аль-Атраш бежал в Иорданию, где нашел поддержку короля Хусейна.

Грубые шаги А. Шишекли по установлению чисто фасадной демократии (выборы в парламент, состав которого состоял теперь в основном из его сторонников, а также безальтернативные президентские выборы летом 1954 г.) привели в итоге к недовольству большинства политических сил в Сирии и открытым народным выступлениям, в числе которых друзское было одним из самых непримиримых. Кстати, уже незадолго до падения режима 25 февраля 1954 г., в очередной раз прозвучало мнение израильских друзов: депутат Кнессета Джабер аль-Муади 15 февраля призвал власти своей страны к давлению на международные инстанции, чтобы остановить «варварский обстрел районов Джебель Друз»¹. Забегая вперед, следует упомянуть также, что диктатор А. Шишекли, эмигрировавший в Бразилию, был убит 27 сентября 1964 г. друзом Навафом Юсефом Шазали, движимым жаждой мести.

Возможно, стоит отметить, что и полковник Хусни аз-Заим, и генерал Адиб Шишекли, пытавшиеся окоротить британскую экономическую экспансию в Сирии, были курдами, и должно быть, выражали мнение курдских кругов высшего офицерского состава своей страны. Однако, едва ли это обстоятельство было отражением взаимоотношений собственно курдской и друзской общин.

Что касается прохашимитских настроений друзов, то как раз к моменту обострений ситуации в Сирии к концу диктатуры А. Шишекли, они фактически ушли в историю, попросту утратив свою актуальность: 1953 – начало 1954 г. стало временем наиболее активной реализации Соединенными Штатами своих

возлагают на правительство». См.: РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 26. Л. 80. Сводка по Сирии 6465/5/МГ, 22.05.37.

¹ Fiches du monde arabe. Sujets generaux – Politique/Religion. Druzes. 20 sept. 1983, No. 2298. Gen-1202/9. F. 2.

военно-стратегических программ с участием стран Ближнего и Среднего Востока¹. Региональная повестка коренным образом изменилась².

Дальнейшее развитие событий в Сирии показывало выход на первый план офицеров- друзов, наравне с суннитами и алавитами, и их весомое положение в армейском командовании. Об этом свидетельствует, в частности, приводимый выше британский аналитический материал, подготовленный резидентами Форин Оффис в Сирии («Политическая активность алавитов и друзов в Сирии (в контексте Баас)»). Его автор признавал, что не располагал точными данными, но утверждал: «Известно, что друзы находятся на привилегированных позициях в офицерском корпусе», то есть, как и алавиты, что явствовало из контекста³.

Сообщалось также, что с сентября 1963 г. по 1966 г. в силовых структурах «антагонизм конфессиональных групп стал более явным»⁴. Вначале якобы «майор Салим Хатум – друз, поддерживавший [президента] Хафеза, привлек с собой другого друга, генерала Фахада аш-Шаира, замначальника штаба, и постепенно возник суннитско- друзский альянс в противовес алавитской группе в армии»⁵. Вскоре, к июню 1964 г. «суннитско- друзский альянс усилился, когда

¹ В протестной ноте СССР от 21 ноября 1951 г. говорилось: «14 октября с.г. в печати были опубликованы предложения США, Англии, Франции и Турции, с которыми они официально обратились к правительству Египта по вопросу о создании т.н. союзного средневосточного командования для совместной “обороны” Ближнего и Среднего Востока». См.: Ноты Советского правительства правительствам Египта, Сирии, Ливана, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и Израиля, 21 ноября 1951 г. // СССР и арабские страны, 1917–1960 гг. Документы и материалы / МИД СССР. М.: Гос. изд. политической литературы, 1961. С. 103–104. Американский госсекретарь Джон Даллес лично приезжал на Ближний Восток для уточнения реализации «Средневосточного командования» в мае 1953 г., а уже через год и на дипломатическом, и на военном уровнях активно обсуждались детали структуры нового блока с участием Турции, Пакистана, Ирака и др. Вскоре, на каирском совещании в июне 1954 г., созванном представителем президента США на Ближнем Востоке Э. Джонсоном, вовлечение Сирии в этот альянс стало одним из центральных пунктов повестки.

² Один из важнейших эпизодов нового витка противостояния мировых держав на ближневосточной арене детально описан в кн.: Фурсенко А.А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущева. Тайная история противника Америки / Пер. с англ. О. Щелоковой и Т. Веденеевой. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 176–206.

³ UK FO, 7 September 1966. The political activity of the Alawites and Druzes in Syria. P. 560.

⁴ Ibid. P. 560.

⁵ Ibid. P. 561.

Хафез пришел к соглашению с могущественной друзской семьей Атраша, который вернулся недавно из изгнания в Иордании»¹.

Далее союз друзов с суннитами на непродолжительное время укрепился. В документе говорится: «В первую половину 1965 г. алавитам противостоял беспокойный альянс суннитских и друзских офицеров; ... друзы и сунниты продолжали противостоять в армии [Салаху] Джадиду и алавитам, и борьба приняла теперь личный характер – между Джадидом и Салимом Хатумом, друзским командующим Десантно-диверсионных войск, которого поддерживал другой друг, полковник Обейд, теперь командующий Национальной гвардией»².

Очередной виток межгрупповой борьбы среди сирийского офицерства имел место после формирования в сентябре 1965 г. нового правительства, куда вошли высшие офицеры из суннитов и друзов. Министром обороны, в частности, стал друг, генерал-майор Хамад Обейд. Алавитские офицеры даже использовали для выражения своего недовольства 5-ю бригаду, которая дислоцировалась в Хомсе; вскоре волнения распространились на другие районы³.

Той же осенью, как уже говорилось, произошла перегруппировка основных сил, еще сильнее противопоставившая три амбициозных властных начала – гражданскую администрацию во главе с президентом, партийное руководство и военных. До конца года сформировался новый альянс – друзских и алавитских высших офицеров, которые решились оспаривать реальные полномочия президента Амина Хафеза и нового генсека ПАСВ Мунифа Раззаза (оба – гражданские).

После переворота 23 февраля 1966 г. офицеры-друзы стали ясно осознавать, что алавитские круги неотвратимо вытесняют их единоверцев из высшего комсостава и даже партийного руководства, хотя и Х. Обейд, и С. Хатум снача-

---

¹ Ibid. P. 561–562.

² Ibid. P. 563.

³ См.: Ibid. P. 565.

ла входили в Национальный совет Регионального руководства ПАСВ. П. Фэлла подчеркивал в начале марта того же года: «Новый орган из 16 членов, известный как Региональное руководство, собирающееся стать высшей политической властью в стране, содержит 7 представителей меньшинств, но примечательно, что ни один друз в него не вошел»¹. Уже через полгода (после попытки мятежа в Сувейде) была фактически ликвидирована и партийная ячейка в Джебель-Друзе.

Хамад Обейд, рассчитывавший на возобновление своего служения на посту министра обороны в новом составе правительства Ю. Зуэйна после переворота, просчитался (был назначен Хафиз Асад). Более того, он был уволен из армии и фактически сослан в Болгарию.

Салим Хатум во время переворота сделал ставку на поддержку альянса с алавитом Салахом Джадидом. Его десантно-диверсионная дивизия в Харасте стала ударной силой Джадида, но после достижения своей цели тот решил избавиться от неудобного и явно склонного к насилию партнера. Как говорится в цитируемом «Меморандуме», «Гарнизон С. Хатума с характерной эмблемой белого черепа и скрещенных костей, остро критиковали за кровопролитие во время боев за Дамаск и за неуместный обстрел президентского дворца. Такого масштаба насилие нетипично для сирийских переворотов, и когда оно проявляется, то вызывает гнев в народе»².

Понимая явную утрату позиций друзов во власти, С. Хатум попытался консолидировать силы своих единомышленников: военную группу возглавил генерал-майор Ф. аш-Шаир, а партийную – отставленный генсек Общеарабского руководства ПАСВ М. Раззаз, причем в последней ядром выступила марксистская группа друза Ахмада Абу Салиха аш-Шуфи. Но о планах друзов стало известно; 10 августа 1966 г. многие участники предполагаемого заговора были арестованы.

---

¹ Ibid. P. 569.

² Ibid. P. 568–569.

Тем не менее для друзов это время стало последней возможностью «игры ва-банк», маховик их праведного возмущения (а по сути, антиалавитского реваншизма) был запущен, и, как писал Патрик Сил, «неуемный Хатум стал средоточием диссидентства»¹. Вторая попытка мятежа была предпринята уже в начале сентября, когда С. Джадиду было направлено требование однопартийцев Джебель Друза, в частности, восстановить в званиях уволенных друзских офицеров. После захвата С. Хатумом воинской части в Сувейде и обострения противостояния (на Джебель Друз выдвинулись войска), 8 сентября мятежники не решились на прямое столкновение и бежали в Иорданию.

После провала обеих предпринятых попыток восстановить опору друзской общины в силовых и партийных структурах, прошла целая волна увольнений из армии или понижений в должности: были уволены почти все офицеры высшего звена из числа друзов. Как пишет Э.П. Пир-Будагова, в ходе расследования в марте 1967 г., участникам заговора инкриминировали в том числе разжигание межконфессиональной розни и подстрекательство к развязыванию гражданской войны². Сам С. Хатум вернулся в Сирию после начала войны с Израилем, был арестован и 26 июня 1967 г. казнен.

Говоря о сирийских друзах, необходимо подчеркнуть некоторые их особенности. Например, что при всей таинственности их учения и абсолютной религиозной исключительности, смешанные браки в редких случаях допускаются. Например, сын знаменитого друзского лидера Султана-паши бин Хамуда аль-Атраша, Мансур, был женат на христианке, сестре главного редактора печатного органа ПАСВ, журнала «Аль-Баас». Кстати, он учился вначале в иезуитском колледже в Бейруте, затем в Американском университете, а степень доктора права получил в Сорбонне³. Но таких исключений очень немного, и в простом народе смешанные браки весьма редки. Антрополог ливанского про-

¹ Seale, Patrick. *Asad of Syria: The Struggle for the Middle East*. P. 110.

² Пир-Будагова Э.П. *История Сирии*. С.176.

³ UK FO, 7 September 1966. *The political activity of the Alawites and Druzes in Syria*. (Annex, p. 9).P. 577

исхождения Фуад Хури в своей книге о друзах даже пишет: «У друзов запрещены браки и мужчин, и женщин с представителями других религиозных общин. Однако на Американском континенте, в Ливане, Иордании, Палестине и Израиле такие браки случаются, особенно, когда женится мужчина-друз»¹ (дети от таких браков «наследуют» религиозно-общинную принадлежность по отцу). Фактическая невозможность ассимиляции друзских общин, вследствие такой строгости в Сирии и Ливане, почти гарантирована.

Ливанские же друзы территориально удалены от сирийских: ливанский Шуф, где концентрация друзских сел наиболее высока, отделен от сирийских окрестностей Сувейды и некоторых районов Хаурана естественными горными преградами и местами локального проживания других общин. Конфессиональное соседство тоже сильно различается, а поэтому сложилось так, что и связанные с ними исторические события, и выпавшие на их долю испытания, и внешние ориентиры сирийской и ливанской друзских общин были разными.

Переходя к вопросу восприятия со стороны других конфессий действий друзов Ливана в 50–60-е годы, имеет смысл привести емкое замечание стороннего наблюдателя (британского дипломата) тех лет – острое и нелюбезное: «Друзы всегда неординарны, и следуют за своим лидером почти во всем. Сейчас Джумблат² близок к определенным направлениям суннитов. Но если он изменится или умрет, разве позиция друзов не изменится в одночасье? Определенно, ни одна из других конфессий не любит друзов и не доверяет им»³. В приведенной оценке хорошо видна, между прочим, характеристика друзов как общины, не связанной с другими ливанскими мусульманами узлами единства – политического, социального, независимо от того, касается это или нет непосредственно религии.

¹ Khuri, Fuad I. *Being a Druze*. London: The Druze Heritage Foundation, 2004. P. 209.

² Имелся в виду Камаль Джумблат (1917–1977), видный ливанский политик, основатель ПСП. Был убит в период гражданской войны. Продолжателем его дела стал сын, Валид Джумблат (род. 1947) – один из наиболее влиятельных ныне друзских лидеров.

³ Sir A.J.M. Craig to Ambassador P.H.G. Wrihgt, Beirut, 19 June 1973 // *Minorities in the Middle East*. Vol. 4. P. 359.

Лидеры общины имели собственное представление о развитии страны и своем месте в ней, а поэтому только изредка и с осторожностью солидаризировались с суннитами или шиитами. Как правило, такое сотрудничество было на чисто светской, идеологической основе, тогда как близость с другими общинами по мусульманской вере – как сейчас, так и в те годы, – не играла существенной роли в выборе друзьями их политической линии. Общая исламская основа нередко подавалась как краеугольный камень их сотрудничества, но стремления к полной солидарности ни с той, ни с другой стороны не было никогда.

Зловещие пророческие слова, прозвучавшие в цитированном выше отрывке, о близком конце Камала Джумבלата (он, как известно, был убит в 1977 г.) вполне могли иметь перекличку с тем разочарованием в былой лояльности друзей к англичанам, которую последние хотели бы считать незыблемой еще с 30-х годов XIX в. Идеи и действия друзских последователей Джумבלата в преддверии гражданской войны в стране, а также на фоне закрепившихся во власти в соседней Сирии алавитов, могли вызывать беспокойство у региональных и глобальных держав. Непредсказуемость признанного друзского лидера, как могло казаться, вполне соответствовала зыбкости позиций самой общины. Эта же непредсказуемость наделяла ее тревожными признаками неуправляемости.

Своеобразные представления К. Джумבלата о социальной справедливости, которые были густо замешаны на пестром восточном мистицизме, не всегда связанном с исламом, переплетались с неумолимой повесткой безопасности и политическими интересами скромной друзской общины Ливана. В итоге они привели к наиболее причудливому из возможных альянсов – друзско-палестинскому, и он во многом послужил тому, что возмущение ливанцев вооруженным палестинским присутствием в стране переносилось и на их союзников, а поэтому переросло во внутрививанские столкновения с участием друзов – настоящую гражданскую войну.

Еще с 50-х годов перед ливанскими друзами стояла проблема консолидации единоверцев. В рамках системы конфессионализма она была просто необходима для укрепления их политического представительства во власти, но подогревалась, конечно, и собственными интересами друзских нотаблей. Пронизанная клановыми связями и коррумпированная государственная система Ливана вызывала острую критику идеологов созданной 1 мая 1949 г. Прогрессивно-социалистической партии (ПСП).

Конечно, партия не задумывалась как конфессиональная, тем более что среди ее лидеров и членов было много представителей других общин. Правда, в 1956 г. из партии вышли пятеро видных прогрессистов-христиан, во главе с Джубраном Мадждалани, а в ходе столкновений 1958 г. партию покинули еще многие члены, принадлежавшие к разным христианским конфессиям. Постепенно ПСП стала в значительной степени моноконфессиональной¹ (одновременно, социалистической – на принципах светского характера власти и социального равенства), и тогда с задачей консолидации друзов она стала справляться намного лучше, чем это удалось бы иным, менее радикальным политикам, представителям друзской земельной аристократии.

Правда, конкуренты друзов во власти предпринимали некоторые шаги, чтобы воспрепятствовать консолидации общины, особенно на основе левых идей (прогрессистских и социалистических). Например, когда летом 1954 г. стало ясно, что правительство Абдаллы Яфи уйдет в отставку, и будет формироваться новый ливанский кабинет министров во главе с Сами Сольхом, К. Джумблат получил (правда, опосредованно) долгожданный сигнал от президента К. Шамуна, что оппозиция (в первую очередь, ПСП) может рассчитывать на два министерских портфеля. Этого, однако, не произошло – оппозицию не пригласили в правительство. Зато в его состав вошел министр-друг из конкури-

---

¹ Некоторое число христиан и мусульман все же сохранялось среди членов ПСП, но такого рода конфессиональные «вкрапления» были войственны всем без исключения ливанским партиям и блокам. Так что конфессиональными их можно считать с высокой долей условности.

рующего клана, и это был неслыхано для тогдашнего положения дел. Предложение со стороны президента Маджиду Арслану поста министра обороны, фактически явилось средством раскалывания друзской общины и давления на окружение Джумבלата, не желавшего идти на компромиссы. Эффект был усилен, когда президент Шамун, как писал Игорь Тимофеев, демонстративно передал через Арслана поздравления вновь избранному вторым *шейхом аль-акль* (духовным главой)¹ Рашиду Хамаде. Дело в том, что Джумблат вообще возражал против существования у друзов двух религиозных вождей: после кончины в 1954 г. *шейха аль-акль* Мухаммада б. Касима Абд ас-Самада он призвал отменить прежнюю традицию и объединиться вокруг одного *шейха аль-акль*². В этом его поддерживал Мухаммад Дауд Абу Шакра, бывший *шейхом аль-акль* с 1949 г. до своей кончины в 1991 г.³ Камиль Шамун тем своим провокативным шагом выставлял лидера Мухтары, соперника сговорчивых Арсланов в качестве маргинала в глазах его сторонников-прогрессистов, используя для этого сильнейший в глазах друзов религиозный аргумент.

На посту министра обороны Маджид Арслан оставался и в следующих составах кабинета министров – в частности, в сформированном 19 марта 1956 г.⁴, а также после ухода в отставку 16 августа 1957 г. правительства Сами Соль-

¹ Маронитский автор из Ливана Жозеф Абу Джауде так характеризует этот сан у друзов: «Первоначально это была религиозная степень, включающая обязанности развивать и проводить политику общины *муваххидин*, которая со временем претерпела изменения и стала объединять в себе религиозную и политическую составляющие. При этом политический авторитет этого сана не допускает конкурентной борьбы за собственно политическое главенство, поскольку на него назначают». См.: Абу Джауде, Жозеф Дауд. Афак аль-фикр ас-сийяси фи Любнан (Перспективы политической мысли в Ливане). Бейрут: Джами' аль-хукук аль-махфуза ли-ль-муаллиф, 2009. С. 243.

² Тимофеев И.В. Камаль Джумблат. С. 207.

³ Swayd, Samy S. Historical Dictionary of the Druzes. Lanham – Toronto – Oxford: The Scarecrow Press, 2006. P. 9–10.

⁴ Согласно официальному оповещению с ливанской стороны, состав Кабинета был таким: д-р Абдалла Яфи – председатель Совета министров и министр внутренних дел, Саиб Салам – госминистр, эмир Маджид Арслан – министр национальной обороны, Жорж Карам – министр финансов, Жорж Хаким – министр национальной экономики и министр национальной образования, Селим Лахуд – министр иностранных дел, министр юстиции, Жозеф Скафф – министр сельского хозяйства, д-р Назих аль-Бизри – министр здравоохранения и министр по социальным делам, Эмиль Бустани – министр общественных работ, министр планирования, Мухаммад Сабра – министр информации, министр почт, телеграфа и телефона. См.: МИД ЛР, Дипломатическая нота №

ха – в новом составе, сформированном им же 18 августа¹. В перерыве (с ноября 1956 по август 1957 г.) он занимал пост министра сельского хозяйства и здравоохранения².

Раскол в рядах ливанских друзов усиливался по мере разворачивания этапных для страны и региона событий: усилий Запада по сколачиванию «Багдадского пакта», острой реакции населения Ливана и местных политиков на «Синайскую кампанию» (1956), на революцию в Ираке и военные десанты американцев и британцев, соответственно, в Ливане и Иордании, на объединение Сирии и Египта (1958).

Вместе с тем давление на друзов-прогрессистов со стороны властей сохранялось, и Джумблат усматривал в нем использование запрещенного приема – разогрева религиозной розни. Он писал: «Случалось, он (президент Камиль Шамун. – А. С.) использовал против нас некоторых влиятельных суннитских и шиитских лидеров <...> Он будоражил и отравлял сознание сепаратистски настроенной части христиан, и в особенности маронитов, пропагандой межобщинной розни <...> Он объявил против нас самый настоящий крестовый поход, который, как ни трудно было в это поверить, проходил под лозунгом избавле-

---

5878/2/100/19, 20 марта 1956 г. // АВПРФ. Ф. 2 «Посольство СССР в Ливане». Оп. 10. П. 7. Д. 14 «Ноты МИД Ливана в Посольство СССР в Ливане», 1956 г. Л. 11.

¹ Другой подобный документ содержал информацию о министрах, назначенных 18 марта 1957 г.: Сами Сольх – председатель Совета министров, министр юстиции и внутренних дел, эмир Маджид Арслан – министр национальной обороны и министр почт, телефона и телеграфа, Казем аль-Халиль – министр сельского хозяйства, министр национальной экономики и планирования, Селим Лахуд – министр общественных работ, Жозеф Скаф – министр здравоохранения и министр социальных дел, Джамиль Мекауи – министр финансов, Шарль Малик – министр иностранных дел и по делам эмигрантов, Фарид Козма – министр просвещения и министр информации. См.: МИД ЛР, Дипломатическая нота № 14187/2, 19 августа 1957 г. // АВПРФ. Ф. 2 «Посольство СССР в Ливане». Оп. 11. П. 8. Д. 14 «Ноты МИД Ливана в Посольство СССР в Ливане», 1957 г. Л. 86.

² Состав правительства: Сами Сольх – премьер-министров и министр юстиции, внутренних дел и информации, генерал Фуад Шихаб – министр национальной обороны, с сохранением поста главнокомандующего армией, Маджид Арслан – министр сельского хозяйства и здравоохранения, Мухаммад Сабра – министр общественных работ, почты, телефона, телеграфа и плана, д-р Шарль Малик – глава МИД и министр национального образования, Насри Маалюф – министр финансов, национальной экономики и социальных дел. См.: МИД ЛР, Дипломатическая нота № 25444/2/100/19, 19 ноября 1956 г. // Там же. Л. 55. См. об этом же: АВПРФ. Ф. 2 «Референтура по Ливану». Оп. 14/А. П.16. Д. 720/5.

ния страны от мусульманских лидеров и мести друзьям спустя целый век после известных печальных событий...»¹.

Прогрессисты выступали за крутые социальные реформы в стране, в том числе устранение политического конфессионализма, проведение преобразований в сферах организации вооруженных сил, трудового законодательства, закона о выборах на основе пропорциональной системы, а понятие арабизма предлагали трактовать как «эвфемизм, подразумевающий обязательство поддерживать борьбу с Израилем и империализмом»², но главное – они отстаивали право палестинцев на вооруженное присутствие в Ливане, в чем совершенно расходился во мнении с правым крылом ливанской политики.

Естественно, далеко не все друзья Шуфа, Бейрута и Бекаа разделяли идеологию ПСП, не все находили возможным союз с насеристами и коммунистами, а многие, видимо, продолжали по инерции ориентироваться на клановый и религиозный авторитет своих лидеров в неизмеримо большей степени, нежели на их политические убеждения. В этом отношении создатель ПСП представал как идеалист из знатнейшего рода, тогда как в политику все активнее стали входить не только отпрыски и высшие круги клиентельной сети нотаблей и заимов, но и крупные бизнесмены. Вот лишь несколько примеров друзских политиков тех лет.

В год окончания каденции генерала Фуада Шихаба, в преддверии запланированных на 1964 г. президентских выборов, 19 февраля был объявлен новый состав правительства из 10 членов (премьер, а также глава МВД и Министерства национальной обороны – Хусейн Уэйни), в котором пост министра сельского хозяйства занял друг Фуад Наджжар³. Но 19 ноября был сформирован новый Кабинет под председательством того же Х. Уэйни. В этом составе из 14 членов нового правительства были представлены двое друзов. Адвокат Бахидж

¹ Джумблат, Камаль. Хакикат ас-саура аль-любнанийя (Сущность ливанской революции). Бейрут: Ад-Дар ат-такаддумийя, 1987. С. 70 (Цит. по: Там же. С. 208).

² Farsoun, Samih. Lebanon Explodes: Toward a Maronite Zion // *MERIP Reports*, No. 44, Feb., 1976. P. 16.

³ NL Guido Keel 6.2 Politische Berichte, 21.02.1964. P. 3.

Такиеддин, депутат и бывший министр по социальным вопросам, был поставлен министром национальной экономики, а министром планирования стал депутат Наджиб Салха, характеризуемый в одном из донесений швейцарского посла как деловой человек, хотя и новичок в госслужбе¹.

Действительно, Н. Сахла был сооснователем, например, “Société des Grands Hotels du Levant” (1953), в рамках работы которого в 1961 г. он построил отель «Финикия» (печально известный по участию в будущей «Битве отелей» (*ma'arakat аль-фанадик*) 1975–1976 гг.), а в 1963 г. выкупил близлежащие объекты в этом престижнейшем районе Минат аль-Хосн, примыкающем к началу бейрутского «корниша» (прогулочной зоны набережной). Он являлся также совладельцем таких крупных предприятий, как как “Société du Port du Beyrouth”, “Société des Navigation Maritime”, “Banque pour les Emigrés”, “Société des Ciments Libanais”, а на закате существования крупного регионального банка “Intra” (незадолго до краха банка в октябре 1966 г., в чем, кстати, Джумблат обвинил западные финансовые круги) стал его вице-президентом².

Примечательна также фигура министра Фуада Наджжара, который получил хорошее французское образование инженера-агронома и затем стал создателем первого ливанского Сельскохозяйственного кооперативного общества и сооснователя профильного кредитного банка “Banque du Credit Agricole, Industriel et Foncier”³ (в котором в начале 70-х гг. большинством активов владело государство)⁴.

Были также другие примеры крупных друзских бизнесменов-политиков, особенно из числа горожан. При этом вовсе необязательно, что они действовали сообща – от лица всей друзской общины или наиболее известной друзской

¹ NL Guido Keel 6.2 Politische Berichte, 27.11.1964. P. 2–3; *Neue Zürcher Zeitung*, 20.11.1964.

² De Bar, Luc-Henri. *Les Communautés confessionnelles du Liban*. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1983. P. 133.

³ Ibid.

⁴ Murray G.T. *Lebanon: The New Future. An Economic and Social Survey*. Beirut: Thomson-Rizk, 1974. P. 54.

партии, то есть, ПСП. Так, в 1972 г. состоялись выборы в ливанский Совет депутатов (99 мест, 6 к 5-и христиан и мусульман), и этот состав парламента продержался из-за начавшейся войны вплоть до 1983 г. Из числа друзов в него вошли Башир аль-Авар (от округа Баабда), Маджид Арслан, Тауфик Ассаф (от Алея), Салим Дауд (от Западного Бекаа, Рашая), Камаль Джумблат и Бахидж Такиеддин (от Шуфа) – всего 6 представителей этой конфессиональной общины (то есть, около 6% мест). Впоследствии, после убийства К. Джумבלата и кончины Б. Такиеддина (первый становился 5 раз министром, второй – 3 раза депутатом), их места от Шуфа заняли члены ПСП маронит Фуад Тахини и греко-католик Салем Абденнур¹.

Последнее обстоятельство не должно удивлять: в Шуфе соседствуют важнейшие друзский и христианский центры, и в ПСП могли считать важным иметь своих активистов из христианско-униатского Дейр-эль-Камара, оплота промаронитской Национал-либеральной партии Камиля Шамуна. Гораздо более поразительно, что членом этой партии был друг Б. аль-Авар, который четырежды становился депутатом по округу Баабда как раз от НЛП.

Особняком держались и не поддерживали ПСП Джумבלата сторонники конкурирующего клана Арсланов – эмир Маджид (как сообщает Л.-А. де Бар, – «почти неграмотный, но лидер рода Язбек»)², становившийся министром 8 раз, а также Т. Ассаф – основатель и гендиректор ливанских предприятий “Pepsi-Cola”, “Banque de Beyrouth et des Pays Arabes”, “Plastic Products Corp.” и еще нескольких страховых и промышленных компаний.

Тем временем, борьба палестинцев за свои законные права все сильнее втягивала Ливан в противостояние с израильским государством. К концу 60-х израильтяне решили подать ливанцам жестокий сигнал – ясно обозначить угрозу гражданского противостояния в Ливане по отношению к палестинскому вооруженному присутствию. В частности, в ответ на захват палестинцами изра-

---

¹ Ibid. P. 211–213.

² Ibid. P. 134.

ильского самолета в Афинах они предприняли дерзкий теракт в аэропорту Бейрута: 28 декабря 1968 г. ими были сожжены лайнеры ливанской “Middle East Airlines” и другие самолеты¹.

Выступавший в поддержку палестинцев К. Джумблат ясно понимал, что выбор перед его страной стоит роковой: либо прекратить эту поддержку ливанским государством, либо «ему не останется рассчитывать ни на что, кроме волны насилия, которая неизбежно захлестнет Ливан и достигнет своего апогея в ближайшие годы»². Как писал И.В. Тимофеев, «весной 1969 года выяснилось, что пущенная Израилем стрела попала точно в цель»³, усилилась конфессиональная поляризация общества. На съезде в марте 1969 г. в Бруммане⁴ консервативного блока «Хильф» (иначе, Тройственный альянс, объединивший Катаиб, НЛП и Национальный блок) «внутриливанские коллизии открыто трактовались как конфронтация между христианами и мусульманами»⁵.

Если отвлечься от политической подоплеки межобщинной конкуренции, в том числе в региональном масштабе, следует все же признать, что друзья всегда остро ощущали свою отчужденность как от шиитской, так и от суннитской

¹ *Neue Zürcher Zeitung*, 30.12.1968 (со ссылкой на *Reuter* от 29.12.1968): «Серьезно пострадали или полностью уничтожены огнем были восемь самолетов компании MEA: Boeing, VC-100, Comet, Caravelle и Viscount, также пострадали еще четыре самолета других авиакомпаний. По свидетельствам очевидцев, в субботу два израильских вертолета приблизились с выключенными огнями к аэропорту Бейрута и приземлились. Власти аэропорта решили, что это действовали ливанские ВВС. Из вертолетов высадились три группы по десять человек, которые сразу произвели предупредительный огонь. Завязалась перестрелка между нападавшими и работниками аэропорта. Израильтяне вынудили 82-х пассажиров «Боинга» компании MEA, который собирался вылететь в Дждду, покинуть самолет. Вскоре он загорелся от взрывов трех полных топливозаправочных цистерн. Зажигательными зарядами были подожжены также VC-100 и Caravelle, стоявшие вместе. После этого израильские солдаты вернулись в вертолеты и, поднимаясь, еще выпустили бомбы по ангарам и заправочным цистернам аэропорта, а также по подъездным путям и взлетным полосам». См. также: Там же, со ссылкой на *AFP* от 28.12.1968).

² *Аль-Анба*, 11.01.1969 (Цит. по: Тимофеев И.В. Камаль Джумблат. С. 294).

³ Тимофеев И.В. Камаль Джумблат. С. 294.

⁴ В этой «долго готовившейся дискуссии», как писала газета «Нойе Цюрхер Цайтунг», участвовали 30 из 99 депутатов ливанского парламента. Принятая по итогам работы съезда программа носила вполне умеренные формулировки, лишь косвенно осуждающие действия палестинцев с территории Ливана. Например, предполагалась «помощь палестинцам через ООП всеми доступными средствами, которые не должны подвергать угрозе территории Ливана». См.: Ein Aktionsprogramm der libanesischen Opposition: Konferenz des maronitischen “Dreibundes” in Brummana // *Neue Zürcher Zeitung*, 21.03.1969.

⁵ Там же.

ветвей ислама. Впрочем, они ясно осознавали и свои религиозно-культурные особенности, служащие опорой их идентичности. Считают даже, что упор друзов на арабскую солидарность и общность исламского вероисповедания является не чем иным, как проявлением *такыйи*, словесного конформизма, свойственного некоторым малым конфессиональным общинам¹.

В книге «Друзы и их единобожная вера», носящей явный апологетический характер и подчеркивавшей особый характер этой ветви «истинного ислама», вместе с тем, признается чисто религиозный аспект вынужденной обособленности конфессии. «Большинство мусульман, [коим остается] суннитская часть уммы, может сталкиваться с затруднениями в признании законности революционного мышления – друзской концепции единобожия, в то время как меньшинство, в том числе *муваххидун* (т.е. друзы. – А. С.), не всегда чувствовали себя желанными в большой семье ислама. К сожалению, *муваххидун* не имели возможности формулировать и развивать свою собственную систему догматов и практик посредством собственных институтов в атмосфере терпимости и безопасности»².

Эта обособленность друзов ярко проявлялась и в особых политических взглядах и даже силовых действиях, шедших вразрез далеко не только с интересами их давних конкурентов в Горном Ливане – христиан-маронитов, но и остальных ливанских мусульман. Период Ливанской гражданской войны дал наиболее трагические примеры такой самостоятельности друзов, коренившейся уже, в том числе, в настоящей религиозно-конфессиональной обусловленности их политического действия.

Друзы выбрали в качестве партнеров по тактическому альянсу палестинцев, большинство из которых были суннитами и были марксистами. С точки зрения религиозно-политической легитимации такой альянс, как могло казаться-

¹ Hazran, Yusri. Between Authenticity and Alienation: The Druzes and Lebanon's History // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* (Univ. of London). 2009, Vol. 72, No. 3. P. 481.

² Obeid, Anis I. *The Druze and their Faith in Tawhid*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 2006. P. 224.

ся, сулил большие дивиденды: едва ли друзья (хотя и *муваххидун*, «исповедники единобожия») могли рассчитывать на полное признание со стороны сограждан-мусульман, тогда как пафос антиссионистского сопротивления давал им в этом важные козыри, сближая, в частности, с ливанскими суннитами-насеристами (с 1975 г. – «Мурабитун») и шиитами-коммунистами. К тому же этот пафос лишней раз отграничивал их от маронитов как традиционных оппонентов, а также отводил подозрения в возможном коллаборационизме, учитывая наличие в Израиле процветавшей друзской общины. Одним словом, Джумблат выбрал партнерство на идеологической основе, в котором, «по счастью», были представлены как раз те общины, в религиозно-политическом признании которых друзья были в тот момент кровно заинтересованы.

Именно то, что основной ударной силой альянса стали палестинцы, вероятно, и стало причиной яростного сопротивления противоположного идеологического лагеря. Палестинцы воспринимались как чужаки в сложнейшей ливанской социальной структуре, едва только нащупавшей момент равновесия. Мрачный пример иорданской ситуации к концу 60-х годов и мощный выплеск недовольства в событиях «черного сентября» 1970 г. могли добавить серьезности опасений у ливанских христиан и побудить их к жесткому отпору. Тем самым, внутрививанские столкновения первого этапа войны, которые в целом принято считать межконфессиональными по своему характеру, содержали в себе весомую долю сопротивления местных консервативно-нейтралистских сил внешней угрозе, под которой вполне могла рассматриваться (особенно в глазах т.н. право-христианских структур) угроза обвально нараставшего присутствия палестинских полуавтономных анклавов, а по сути – их военных поселений в Ливане.

Впрочем, та часть высшего руководства страны, которая, казалось бы, по определению должна была поддерживать своих палестинских единоверцев на территории Ливана, не спешила с конкретными действиями. В качестве примера свидетельств тому можно привести слова американского разведчика в Бей-

руте из его секретной телеграммы в Госдеп США от 22 сентября 1972 г. Он писал об этом в следующих резких выражениях: «Хотя и верно, что премьер Саиб Салам продолжает произносить цветистые речи в пользу дружбы с фedaинами (здесь: палестинскими радикалами. – *A. C.*) и поддержки их дела, однако нигде, подчеркиваю, нигде это словоблудие не отразилось на политике его правительства или действий ливанской армии. Теперь, как и прежде, речи премьера предназначены, в первую очередь, для мусульманской аудитории – внутри и за пределами Ливана»¹.

Видимо, причинами тому были два опасения, которые явно перевесили конфессиональную солидарность суннитов Ливана и Палестины. Главное заключалась в нежелании, возглавляемого премьером-суннитом, содействовать марксистским группам, которые идеологически противостояли ливанской правящей верхушке.

Другой немаловажной причиной было осознание следующих реальных угроз, причем для внешней безопасности страны – нахождения на ее территории сил, притягивавших военную реакцию израильтян, а для внутренней общественной безопасности – свободы действий слабо централизованных вооруженных групп (со своей собственной повесткой), которые хозяйничали в ряде районов многоконфессионального Ливана.

Главная дружеская партия – с присущим ее лидеру темпераментом – сделала в начале 70-х годов выбор в пользу идеологической солидарности (не упуская, конечно, возможности выставить на первый план и мусульманскую солидарность). Ярким свидетельством тому стало единогласное избрание К. Джумבלата генсеком нового Арабского фронта содействия палестинской революции, которое состоялось еще в конце ноября 1972 г. в Бейруте на съезде Арабского народного конгресса (голосовали представители 47 арабских партий

---

¹ US Digital National Security Archive. Telegram 10162 from Beirut. “Lebanese-Fedayeen Relations”. (Immediate. Secret. LimDis) September 22, 1972. P. 2. Копии телеграммы были направлены в американские посольства в Тель-Авиве и Аммане и консульство в Иерусалиме.

и объединений социалистической и национально-демократической ориентации)¹.

Но время расцвета арабских идеологий к тому времени уже во многом уступило место периоду националистическому. Ливан же к началу гражданской войны стал ареной столкновения сил, отчетливо конфессионально маркированных. Образно говоря, Джумблат опоздал: логика идеологических баталий в оценках тех событий уступила место логике столкновения интересов религиозных общин. Друзы стали заложниками такого подхода, превратившись в одну из сторон ливанской межобщинной борьбы.

Марониты на пике идеологического противостояния

Описанное стремление друзов к определяющей роли на политической арене как Сирии, так и Ливана в определенные периоды было проявлением их своеобразного понимания патриотизма. Не менее рельефно на ливанском политическом поле предстает другой феномен патриотической «этноконфессиональной» идеологии – разделявшийся значительной частью общины маронитов и служивший ей обоснованием уникальности во всем регионе, а следовательно, и особого статуса в политике.

Община маронитов² Ливана и Сирии дает пример использования в политических целях своеобразной реконструкции своего прошлого и своей роли в истории Горного Ливана. Третья четверть XX в. с – ее акцентом на глобальном противопоставлении в духе марксизма разных идеологий – сохранила множество фактов успешного привлечения сторонников идеи узкой этноконфессио-

¹ Тимофеев И.В. Камаль Джумблат. С. 320; Ланда Р.Г. История Ливана. С. 133.

² К середине XX в. паства Маронитской церкви в Ливане составляла более 29% населения (данные на 1945 г.; высчитано по: Hourani A.H. Minorities in the Arab World. L.: Oxford Univ. Press, 1947. P. 63), причем христиан насчитывалось 595,43 тыс. чел., или 52,85% населения. В Сирии доля маронитов от всех христиан (которых к 1950 г. было 452 тыс. чел., или 13,9% населения) составляла всего 3,4% (высчитано по: Republic of Syria, Ministry of National Economy, Department of Statistics. Statistical Abstract of Syria, 1951. Damascus, 1952. P. 20).

нальной обособленности маронитов, которую условно можно обозначить как маронитизм.

Носители этой идеи, очевидно, связывали социально-экономические проблемы не с недостатками общественного устройства, сохранившего многие пережитки еще феодально-клиентельной зависимости, и не с социальным расслоением, в том числе и в собственной общине, а с относительной слабостью своей общины в целом как социального и политического сегмента. Они черпали вдохновение в уникальности своего (реконструируемого ими же) исторического происхождения, которое якобы легитимизирует интеграцию их общины и создание внутренних боевых структур оборонительного характера – перед лицом соотечественников, относящих себя к арабам. Сохранение элементов традиционной восточной религиозной культуры и особенно сохранявшееся отчасти использование древнего богослужебного языка (западно-сирийского *сурьянийя*, а не арабского, которым молятся, например, православные арабы) еще более отдаляло от арабов-мусульман, тогда как принадлежность маронитов к католической ойкумене резко отделяло их от самой многочисленной в Леванте христианской общины – православной.

Идеологию маронитизма связывают обычно с ливанской организацией Катаиб, один из основателей которой и многолетний лидер (шейх) Пьер Жмайель писал, что она была создана «как национальная патриотическая организация, целью которой было установление в Ливане светского государства на принципе свободы»¹, тогда как сам Ливан был для националистов источником вдохновения – «душой, духовным источником»². Такой патриотический порыв³

---

¹ Gemayel, Pierre. *Lebanese Nationalism and its Foundations: The Phalangist Viewpoint // Political and Social Thought in the Contemporary Middle East / ed. by Kemal H. Karpat. New York: Praeger, 1968. P. 111.*

² Ibid. P. 108.

³ Исследователь из ливанского Университета Нотр-Дам Симон Хаддад считает, что для Пьера Жмайеля понятия маронитизма и патриотизма совпадали. См.: Haddad, Simon. *The political transformation of the Maronites of Lebanon: From dominance to accommodation // Nationalism and Ethnic Politics, 2002. Vol. 8, No. 2. P. 32.*

служил для фалангистов своего рода гарантией независимости Ливана перед лицом панарабского национализма.

К концу 60-х годов протест против палестинского военного присутствия в Ливане и связанных с ним внешних угроз окончательно обособил маронитские так называемые правохристианские силы. В ответ на это, как пишет Симон Хаддад, «мусульмане придумали (coined) термин “изоляционисты”, чтобы описать стремление маронитов отрезать Ливан от арабского окружения»¹. В свое время лидер партии Катаиб сам признавал: «Они обвиняют нас в изоляционизме, сосредоточенности на самих себе и конфессионализме»².

Внешние угрозы, тем самым, становились в глазах этой группы многоплановыми и включали, помимо «традиционных» врагов арабского мира, сионистов, теперь еще и сторонников панарабизма под прикрытием палестинского дела. А противостояние солидарным с ними ливанским прогрессистам, коммунистам и социалистам разных толков делало угрозы внутренними, перенося борьбу с региональной на ливанскую политическую арену.

Обострение межконфессиональной повестки было обусловлено, тем самым, консолидацией влиятельной маронитской общины Ливана на основе, по сути своей, идеи националистической – в ближневосточном понимании этого термина. Маронитизм стал одновременно идеологией политического обособления властных элит, пафосом патриотического подъема, привносимым партийными идеологами³ и, наконец, стратегией выживания этой уникальной общины.

Раздражение беднейших слоев маронитской общины было при помощи такой идеологии и стратегии канализировано. Наиболее воинственно настроенные члены пополнили боевые ряды партийных ополчений. Выражаясь, в терминах депривационной теории, фрустрации, связанные с недоступностью соци-

¹ Haddad S. The political transformation of the Maronites... P. 32.

² Байян аш-шейх Пьер Жмайель (Заявление шейха Пьера Жмайеля) / Мат-лы X Конгресса партии (Штора, 29 сентября 1967). С. 12 (Цит. по: Entelis, John P. Belief-System and Ideology Formation in the Lebanese Kata'ib Party // *International Journal of Middle East Studies*, Vol. 4, No. 2, Apr, 1973. P. 160).

³ Di Peri, Rosita. Stretching the Margins: Identity, power and new “frontiers” in Lebanon’s Maronite community // *Mediterranean Politics*, 2019. P. 3.

альных благ, были для многих из них преодолены новыми горизонтами ожиданий (экспектай), а препятствие на пути к этим горизонтам получало вполне конкретные очертания – в виде идеологических врагов.

Следует признать, что в работах самих маронитских идеологов провозглашается неприятие конфессионализма и даже звучит упрек в этом явлении в адрес противоположного лагеря. Лидер фалангистов Пьер Жмайель писал, в частности, что выступает полностью за равноправие при распределении государственных постов, правда «на том условии, чтобы [такое распределение] основывалось на справедливости и правде, то есть, чтобы посты занимались, исходя из личных качеств, образованности и продуктивности, невзирая на конфессиональное происхождение; и это означает, что равенство, помимо прав, накладывает и обязанности»¹. В этих словах скрыто обвинение мусульман и левых сил в общинном протекционизме, что поясняется ниже по тексту. «Мы приходим к выводу, – продолжал П. Жмайель, – что межконфессиональная борьба, знамя которой поднимают некоторые эгоисты, увенчалась победой мусульман над христианами. Мы полагаем, что был проложен легкий путь для безумного конфессионализма (*demented sectarianism*)»².

Понятие маронитизма нечасто встречается в литературе и документах. Фактической заменой ему выступает более общее обозначение этой идеологии – финикиизм. Он относил историческое прошлое маронитов к финикийцам (*аль-финикийюн*), а иногда и к арамеям (*аль-арамийюн*)³ и мардаитам (*аль-марада*) и зачастую выступал смягченным вариантом маронитизма, выполняя ту же задачу – подчеркнуть особое положение на ливанских территориях маронитов как прямых потомков древнего автохтонного населения, основу ливанского этноса (в противовес завоевателям-арабам). Это понятие разрабатывалось

¹ Gemayel P. *Lebanese Nationalism...* P. 112.

² *Ibid.* P. 114.

³ Interview with Eli Khoury, president of the Lebanon Renaissance Foundation and publisher of NOW Lebanon, conducted by Michael J. Totten. Oct. 15, 2009. URL: <http://www.michaeltotten.com/archives/2009/10/in-the-crosshai.php>.

и ранее – еще в период легитимации молодого подмандатного государства Великий Ливан.

Идейную основу под своеобразие происхождения ливанцев подводил тогда Мишель Шиа (1891–1954), который обосновывал этим как справедливость выделения самостоятельного государства из территорий «исторической Сирии», так и особую модель разделения политической власти¹. Другим идеологом финикиизма был Шарль Корм (1894–1963), который жил и работал в США, но еще в 1919 г. запустил в Бейруте издание “*La Revue Phénicienne*”². Это была надконфессиональная патриотическая идеология (*ватанийя*), густо замешанная на национализме. По этой причине иногда говорят о «ливанизме», который вообрал в себя разные черты ливанского национализма, в том числе финикиизм, но к началу мандатного периода захватывал умы лишь небольшого круга интеллектуалов и привилегированного класса³. Эта идеология исходила, в том числе, из обособленности страны от арабского мира, а потому не могла не стать оружием в руках одной из сторон противостояния уже в эпоху расцвета арабизма (общеарабского национализма, *каумийя*) и арабского социализма – во второй половине 50-х – начале 70-х годов.

К слову, такая культурная обособленность обусловила и политическое размежевание по глобальному фронту «холодной войны» (отчасти совпадавшей с линией Восток/Запад). Поддержка маронитов со стороны западных держав вызывала нападки на них как на предателей арабского дела в угоду западным покровителям⁴.

---

¹ Firro, Kais M. Lebanese Nationalism versus Arabism: From Bulus Nujaym to Michel Chiha // *Middle Eastern Studies*, Sep. 2004, Vol. 40, No. 5. P. 23.

² См.: Kaufman, Asher. Phoenicianism: The Formation of an Identity in Lebanon in 1920 // *Middle Eastern Studies*, Vol. 37, No. 1, Jan. 2001. P. 173–194; Salameh, Franck. Language, Memory and Identity in the Middle East: the case for Lebanon. Lanham: Lexington Books, 2010. P. 193–195.

³ Hakim, Carol. The Origins of the Lebanese National Idea, 1840–1920. Berkeley: Univ. of California Press, 2013. P. 263.

⁴ Aulas, Marie-Christine. The Socio-Ideological Development of the Maronite Community. The Emergence of the Phalanges and the Lebanese Forces // *Arab Studies Quarterly*, Vol. 7, No. 4: The Realignment of Power in Lebanon: Internal and External Dimensions. Fall 1985. P. 17.

Финикиизм в определенной степени противопоставлял одних ливанцев другим. Он косвенно затрагивал также религиозную принадлежность, а потому в итоге стал раздражающим фактором для большинства арабов-мусульман и в масштабе региона. Ливанский историк Камаль Салиби в 1970 г. писал: «Большинство ливанцев-христиан, стремясь отмежеваться от арабизма, связанного с исламом, были рады узнать, что их страна является законным наследником финикийской традиции. <...> В то время как христиане в массе своей с энтузиазмом поддерживали финикиизм, большинство мусульман отвергали его как бессмыслицу <...>. Сунниты особенно яростно отрицали финикийскую теорию, которую они открыто осудили как часть французского империалистического заговора против арабского национализма»¹.

Итак, финикиизм был частью своеобразной патриотической концепции, которая наиболее отчетливо формулировалась в среде фалангистов. Это была особая националистическая идея, называемая то ливанизмом (*любнанийя*), то маронитизмом (*марунийя*), но всегда носившая в себе противопоставление арабизму (*арабийя*)². Финикиизм, тем самым, был существенной частью ее культурно-исторической аргументации. В этой связи весомо звучат слова одного из фалангистских идеологов Антуана Наджма³, сказанные им в интервью исследователю Джону Энтелису в феврале 1969 г.: «Ливанский национализм не есть финикийский, но он является плодом финикийского наследия; его собственное лицо сформировалось на протяжении всей его истории»⁴.

Некоторые исследователи используют даже причудливое определение «финикийско-христианский» применительно к идеологии фалангистов. Так,

¹ Salibi, Kamal S. The Lebanese Identity // *Journal of Contemporary History*, 1971, Vol. 6, No. 1: Nationalism and Separatism. P. 83–84.

² Reyhanian, Asal. Phoenicianism: a Parable of Lebanese Nationalism // *Aleph – Analisi Strategiche*. April 6, 2018. URL: <https://www.alephas.org/2018/04/06/phoenicianism>.

³ Автор таких программных документов фалангистов, как «Минхадж» (1963) и «Фальсафат аль-акыда аль-катаибийя» (1965; под именем Амина Наджи).

⁴ Интервью Джона Энтелиса с Антуаном Наджмом, Бейрут, Ливан, 18 февраля 1969 г. (Цит. по: Entelis, John P. Belief-System and Ideology Formation in the Lebanese Kata'ib Party // *International Journal of Middle East Studies*, Vol. 4, No. 2, Apr, 1973. P. 157).

Чарлз Уинслоу пишет: «"Ливанисты" Жмайеля должны были сражаться, оставив свою самость; они должны были быть организованы, дисциплинированы и сильны. Партия готовилась защищать этот финикийско-христианский островок на Ближнем Востоке, заявляя при этом, что фалангисты не враги большинству, арабо-мусульманскому по своей культуре, но не хотят быть им поглощенными»¹.

Остается вопросом, насколько глубоко укоренен маронитизм в сознании части ливанцев или же он сохраняется лишь как дискурсивное средство в политическом соперничестве с мусульманскими общинами, служил и служит профессиональным интересам униатов, работает на поддержание их высоких позиций в ливанском обществе. Но это уже вопрос идентичности, который многогранен и сложен. Тем более, что вопрос национального самосознания для ливанских общин был в высшей степени актуален в период становления ливанского «национального государства», период вызревания идеологии ливанизма². Рассуждая об этом, Джон Энтелис высказывал мнение, что «первоначальная формулировка этого [социально-]этического мировоззрения представляла собой примитивную попытку синтезировать раннехристианский фундаментализм этого движения с насущными требованиями формировавшегося национального государства»³.

В силу мощной кланово-конфессиональной инерции, как Катаиб, так и другие маронитские партии опирались преимущественно на собственные клиентельные круги, и уже в силу этого обязаны были ориентироваться на продвижение собственных представителей во властных структурах. В другом и приводимых интервью А. Наджма (от марта 1969 г.) он признавал, что «в прошлом многие убеждения партии были враждебны по отношению к немарони-

¹ Winslow, Charles. Lebanon: War and Politics in a Fragmented Society. London – New York: Routledge, 1996. P. 106.

² Как видно, историки обречены вновь и вновь возвращаться к самому понятию нации, нациестроительства.

³ Entelis J. Belief-System... P. 151.

там...»¹. По его словам, после событий 1958 г. (были урегулированы по знаменитой ливанской формуле «ни победителей, ни побежденных») успехи маронитов на ливанской внутривнутриполитической арене позволили отойти партии Катаиб от прежнего охранительного догматизма. Исходя из изменений региональной ситуации, вполне можно допустить и другое объяснение, а именно, что к концу 60-х годов первейший пункт повестки дня для маронитов был связан уже не с конкуренцией с согражданами-мусульманами, а с противостоянием палестинскому вооруженному присутствию на ливанской земле. Следовательно, собственно религиозная составляющая идеологии маронитских партий была отодвинута еще дальше в сторону, уступив место выхолощенному ливанизму (*любнанийя*) и патриотизму (*ватанийя*), который основывался на знаменитой фалангистской триаде «Бог – отечество – семья».

На внутривнутриполитической арене, по крайней мере, по своему представительству в законодательном органе страны марониты оставались в достаточно привилегированном положении: в составах 1943–1947 и 1947–1951 гг. (парламент из 55 членов) за ними было 18 депутатских мест (то есть 33%, выше их доли населения по стране), в 1951 г. (77 членов) они получили 23 места (30%, как и в следующих составах – в том числе от 1972 г., который оставался и в период гражданской войны, вплоть до 1983 г.), в 1953 г. (44 члена) – 13 мест, в 1957 г. (66 членов) – 20 мест, а в 1960 и 1964, вплоть до 1968 г. (99 членов) – 30 мест². Правда, по сравнению с составом 1957 г. марониты увеличили свою квоту в соответствии с увеличением общего количества депутатов – ровно на треть, тогда как сунниты – на 43%, шииты – на 37%³.

Так что вспыхивавшее периодически недовольство адептов ливанских промаронитских организаций и партий едва ли можно связывать с понижением их политического представительства или социального статуса внутри страны.

¹ Интервью Джона Энтелеса с Антуаном Наджмом, Бейрут, Ливан, 11 марта 1969 г. (Цит. по: Ibid.)

² Sleiman, Selim. Le parlement libanais. Zalka (Metn, Liban): Le livre préféré, 1979. P. 81–82.

³ Вычислено по: Там же.

Иное дело, что они могли испытывать тревожные ожидания такого понижения (прогрессивная депривация), особенно в связи с распространением на Ближнем Востоке и в некоторых странах Серевной Африки левых идеологий и объединительных «панарабских» тенденций, противоположных духу ливанских националистов. Это и могло породить периодически наблюдавшуюся радикализацию в их среде, усиление партийных ополчений.

С первых лет ливанской независимости стремление защититься от возможного реваншизма со стороны мусульман Ливана (суннитов, шиитов, друзов и др.), а также Сирии (включая поборников «сирианизма», продолжавших рассматривать отделение Ливана от сирийского отечества как историческое недоразумение) вызывало необходимость усиления маронитских кланово-партийных «милиций» (*милишийят*), политического давления на оппонентов и даже создания новых промаронитских организаций. Первые боевые дружины маронитов возникли еще во второй половине 30-х годов, когда возникла потребность в условиях мандата продвигать свое видение свободного Ливана, сопротивляться возможным притязаниям со стороны мусульман-юнионистов на их территории и политические позиции. Но главной целью была защита от боевых отрядов радикальных просуннитских организаций, имевших тогда транснациональный характер, например Надждада (территории Палестины, Трансиордании, Ливана), мелкие исламистские ополчения, собранные впоследствии под эгидой БМ. Так что охранительный радикализм маронитов имеет давнюю историю, и его волны связаны были, как правило, с региональными потрясениями или опасным усилением их идеологических противников (в том числе милитаризацией разного рода левых движений). Поскольку последние позиционировали себя в качестве авангарда национально-освободительной борьбы арабов и сторонников социального равенства (несмотря на их жестокие методы и даже террор), то противостоявшие им право-христианские силы во главе с маронитскими партиями характеризовались нередко – в силу дискурсивного контраста – как реакционные.

К концу третьей четверти XX в., то есть к началу гражданской войны в Ливане, маронитские «милиции» были уже хорошо организованы и вооружены. Они включились в борьбу, осознавая свою силу и чувствуя свою правоту. Большинство из них были преданными сторонниками ведущих кланов (например, старинных родов из Бикфайи, Згорты, Дейр-эль-Камара, Бшарре) и стояли на страже сложившейся системы, выгодно для них утвердившей конфессиональное распределение государственных полномочий. К тому же Ливан по своей доле христианского населения являлся уникальной страной в регионе, что придавало этим бойцам патетический образ защитников «последнего оплота» ближневосточного христианства.

Образ поборников ливанского традиционализма и особого пути своей страны (на основе экономического либерализма по принципу *laissez faire*¹ и политического нейтрализма) им удалось закрепить за собой, несмотря на значительную долю среди населения христиан не католических конфессий (православных, армян-григориан, протестантов, сиро-яковитов, ассирийцев), не всегда разделявших эти взгляды. Ярким примером своего рода узурпации маронитами христианского лидерства могут служить слова, которыми швейцарский дипломат характеризовал главу Маронитской церкви в 1964 г.²: «Во главе [консервативной] оппозиции возвышается маронитский патриарх, который занимает наиболее уважаемый после президента пост в стране. Как духовный глава почти 900-тысячной паствы католиков-маронитов, живущих в большинстве своем в Ливане и представляющих собой здесь христианский костяк, монсиньор [Бу-

¹ См. об этом, например: Azhari, Naaman. L'Evolution du système économique libanais (ou la fin du *laissez faire*). Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1970. P. 42.

² Приводимая характеристика была дана в условиях по-прежнему нарастающей идеологической поляризации в регионе: как раз в мае состоялся визит в Египет Н.С. Хрущева, поддержавший многоплановое сотрудничество с СССР, а из-за событий в Йемене переживали острый кризис египетско-саудовские отношения. Ливанская политика, как известно, испытывала существенное влияние как насеризма, так и исламской солидарности, во главе которой в те годы стала Саудовская Аравия.

лос] Меуши – это патриарх собственно всего Ближнего Востока, объединивший своим духовным саном, в том числе, традиционные политические силы»¹.

Впрочем, этот патриарх маронитов стал политической фигурой до такой степени самостоятельной, что в ходе кризиса 1958 г. находился в стане противников президента-маронита Камиля Шамуна (как считается, прозападного), продолжив проарабскую линию своего не менее весомого предшественника, патриарха Антуна Ариды (1932–1955). Этот факт еще раз доказывает, кроме всего прочего, что среди маронитов не было полного единства социально-политических взглядов, как не было его и среди других конфессиональных сообществ. Доказывает, что, строго говоря, невозможно говорить о единой идеологической позиции всех маронитов Ливана (а тем более маронитов Сирии) и что объединять их в «право-христианский лагерь» (как это было принято в историографии) можно лишь с очень высокой долей условности.

Ветеранами среди организаций, в которых марониты играли ключевую роль², являлись созданные еще в годы мандатного периода влиятельный Национальный блок (*Аль-Кутля аль-ватанийя*), партия Конституции (*Хизб Ад-Дустур*; бывший Конституционный блок) и Ливанские фаланги (*Аль-Катаиб аль-любнанийя*). Еще одна партия, Национально-либеральная (*Хизб аль-ватаниин аль-ахрар*; дословно: Партия патриотов-либералов), была создана много позже, но стала важным политическим центром притяжения маронитов. Еще позже были сформированы отряды Марада (1967), которая вскоре стала движением, а впоследствии и партией.

Примечательно, что основатели всех пяти партий были в свое время президентами страны, а также что во всех пяти эстафету партийного лидерству принимали их сыновья: соответственно, сын Эмиля Эдде (1883–1949) – Раймон (1913–2000), сын шейха Бишары аль-Хури (1890–1964) – Мишель (род. 1926),

¹ NL Guido Keel 6.2 Politische Berichte. 15.05.1964. P. 4.

² См. подробнее: Родионов М.А., Сарабьев А.В. Марониты: традиции, история, политика / Рук. проектом В.В. Наумкин; отв. ред. В.Н. Саутов и А. Абу Зейд; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2013. 500 с.

сын шейха Пьера Жмайеля (1905–1984) – Амин (род. 1942), а затем и внук – Сами (род. 1980), сыновья Камиля Шамуна (1900–1987) – Дани (1934–1990) и Дори (род. 1931), сыновья Сулеймана Франжье (1910–1992) – Тони (1939–1978), Робер (1949–2018) и внук Сулейман (род. 1965).

Разница во взглядах ливанских националистов, и в частности, ведущих маронитских организаций и партий, была ощутимой. Конечно, важны были и личные амбиции маронитских лидеров, для которых знатность рода продолжала оставаться весомым аргументом в политической борьбе¹. Можно предположить, к примеру, что не только идеологические разногласия со сторонниками линии президента Ф. Шихаба стали основанием для формирования оппозиционного блока «Хильф» (*Аль-хильф ас-суласи*, «Тройственный союз»), который в 1967 г. составили партии лидеров-маронитов К. Шамуна и Р. Эдде. Оба они по своему влиянию сильно уступили «административному ресурсу» Ф. Шихаба на выборах 1964 г. и подозревая в этом происки спецслужб (т. н. «Второго бюро»)². Этот проигрыш, вкупе с отстаиванием пути экономической либерализации *laissez-faire*, а также острое неприятие левых идей заставили их сплотиться в оппозиционный блок, куда вскоре вошла и партия П. Жмайеля.

Катаиб еще в период альянса с шихабистами, включая и первые годы президентства Шарля Хелу (1964–1970), – в тесном союзе с армянской Дашнакцутюн – добились небывалой поддержки в столице. Этот союз лидировал на парламентских выборах 1964 г. даже по округу Бейрут-1 (где с 1960 г. были закреплены депутатские мандаты для трех армян-григориан, одного маронита, армяно-католика, греко-католика, православного и протестанта)³. Политики-фалангисты, в частности, отстаивали законодательные инициативы по бесплатному начальному и среднему образованию, всеобщему медицинскому страхо-

¹ Вспомним, что Пьер Жмайель продолжал носить титул шейха (будучи лидером христианского рода), а Камиля Шамуна его сторонники именовали и вовсе «фахамат аль-малик» («государь»).

² Rabil, Robert G. Religion, national identity, and confessional politics in Lebanon: The Challenge of Islamism. New York: Palgrave Macmillan, 2011. P. 21.

³ Johnson M. Class and Client in Beirut... P. 153.

ванию, либеральному закону о труде и занятости, госконтролю за банковской сферой, участвовали в выработке проекта закона об общественной безопасности от 1963 г.¹ Однако во второй половине 60-х гг., во многом под влиянием растущей идеологической поляризации в регионе, фалангисты пошли на разрыв с шихабизмом. Одним из решающих факторов стало то, что оставаться по одну сторону баррикад с шиитом Камилем аль-Асаадом, кандидатом на пост главы парламента², который горячо защищал действия палестинцев в Ливане, они не могли³. Поэтому они вернулись к своей стержневой программе, которая базировалась в наибольшей степени на интересах маронитской общины Ливана (подход, иногда именуемый коммунализмом).

В рамках блока «Хильф», который в отечественной историографии неизменно считался реакционным, фалангисты, действительно, ожесточенно боролись с местными марксистами, насеристами, коммунистами и прочими силами левого толка. Объяснение этому, например, историк Майкл Джонсон находил в том, что конфликтующие стороны «имели очень разные взгляды на палестинских коммандос»⁴. Да и сама общинная солидарность у маронитов базировалась на идеях весьма далеких от «светского национализма, либерализма и социальной демократии», а следовательно партия Катаиб была вынуждена вернуться к опоре на свои доказавшие эффективность базовые элементы – боевую мощь и развитую клиентельную структуру. «Марониты видели в Катаиб с ее партийными ополчениями, – писал М. Джонсон, – защитников “своего” государства, проводников “своей” общинной системы покровительства, выросшей на благах от “своей” экономики. Когда все это было поставлено под угрозу союзом мусульман со вне-ливанскими [вооруженными] силами, включая палестинцев, си-

¹ Entelis, John Pierre. *Pluralism and Party Transformation in Lebanon: Al-Kata'ib, 1936–1970*. Leiden: Brill, 1974. P. 187–189.

² Этот представитель одного из знатнейших родов Южного Ливана возглавлял Совет депутатов в периоды с мая по октябрь в 1964 г., с апреля по декабрь 1966 г., а затем с 1970 по 1984 г.

³ Sleiman S. *Le parlement libanais*. P. 145.

⁴ Johnson M. *Class and Client in Beirut...* P. 219.

рийцев и ливийцев, то Катаиб была вынуждена снова принять на себя роль проводника, защитника и лидера своей общины»¹.

Встречались, правда, и еще более резкие оценки мотивов политического поведения и религиозно-охранительного пафоса ливанских и сирийских политиков в целом. Уместно привести слова очевидца, которые сегодня могут звучать весьма неожиданно для Ближнего Востока. «Наверное, бесполезно искать определенные конфессиональные или религиозные интересы в поведении тех, кто наиболее активен в настоящий момент в сирийской политике»², – писал в 1966 г. многократно цитируемый выше британский дипломат Пол Фэлла. Теми, о ком пишут сейчас историки в связи с межконфессиональной конкуренцией на сирийской и ливанской политической аренах, видимо, действительно двигали «по большей части их жажда власти»³, то есть вовсе не религиозные мотивы или желание улучшить положение своих единоверцев. К такому выводу могла наталкивать поражавшая наблюдателей дробность, многообразие оттенков социально-политических убеждений внутри одной и той же общины.

А политическая неоднородность маронитов Ливана была очевидной. Со всей наглядностью это подтверждала пестрая партийная принадлежность депутатов-маронитов, например созыва 1968–1972 гг.: 22 из 30-и выдвигались от одной из описанных выше основных маронитских партий, пятеро (Рене Муавад, Кабалан аль-Хури, Фахр Фахр, Антуан Храуи и Жан Азиз) входили в североливанский блок суннита Рашида Караме «Демократический парламентский фронт», еще двое (Азиз Аун и Фуад Тахини) были членами ПСП друга Камаля Джумבלата⁴, а один (Тони Франжье) именовал себя центристом⁵.

Однако в первой половине 70-х годов постепенно сложился прочный альянс боевых формирований маронитов (по преимуществу), которые и составили

---

¹ Ibid. P. 220.

² UK FO, 7 September 1966. The political activity of the Alawites and Druzes in Syria. P. 569.

³ Ibid.

⁴ Сохранял неформальный титул бека (сторонники именовали его Камаль-бек).

⁵ De Bar L-H. Les Communautés confessionnelles du Liban. P. 117.

костяк «правохристианских сил», ставших стороной разгоревшегося гражданского конфликта. В альянс вошли хорошо организованные ополчения Катаиб (фалангисты), НЛП («ахрар»), члены т. н. Армии освобождения Згорты (Сулеймана Франжье) и ряд мелких боевых групп, объединенных в дружину Танзим (около 200 стволов), которой покровительствовал (и даже, по непроверенным данным, вооружал) влиятельный Ливанский маронитский орден (ЛМО) во главе с его главой, аббатом Шарбелем Кассисом¹.

Большое число христиан не входили в этот боевой альянс, и прежде всего это были православные, которые сторонились пронизанного духом маронитизма объединения. Некоторая часть христиан (православные, протестанты и др.) входили в СНСП², которая руководствовалась принципами «сирианизма» и тоже не была близка маронитам с их идеями об этноконфессиональной исключительности и финикийском происхождении.

Характеризуя роль маронитской иерархии в политических баталиях той поры можно говорить скорее не о собственно духовенстве (политически очень неоднородном), сколько об организациях, и в первую очередь, о созданной в 1952 г. Маронитской лиге (*Ар-рабита аль-марунийя*) – довольно закрытой структуре, игравшей, тем не менее, весьма важную роль. Это не была политическая партия, и у нее не было собственных вооруженных отрядов, как у других организаций, где марониты составляли большинство членов. Лига включала в себя влиятельных маронитских деятелей из разных сфер (бизнесменов, банкиров, политиков), но достаточно влиятельных, чтобы выполнять задачи, поставленные перед организацией: усиливать идеологию финикизма и исключительности ливанской идентичности в противовес арабизму, левым течениям и мусульманской экспансии, в том числе палестинской.

¹ См.: Henley A. *Politics of a Church at War...* P. 356.

² Farsoun S. *Lebanon Explodes: Toward a Maronite Zion*. P. 16. См. также: Gubser, Peter. The 'Zu'amā' of Zahlah: The Current Situation in a Lebanese Town // *Middle East Journal*, Vol. 27, No. 2, Spring, 1973. P. 173–189.

Из своего рода делового и политического клуба к 1960-м годам Лига превратилась во влиятельную лоббистскую структуру, все больше включавшую в орбиту своей деятельности маронитскую иерархию и высокопоставленных представителей паствы. Первым ее председателем стал министр и депутат Жорж Табет, а Учредительный комитет составили будущий президент страны Шарль Хелу, министр и депутат Раиф Аби-ль-Лама (эмир), министр Эдвард Нун, депутат Фарид Козма, капитан Жан Тайян, профессора Шарль Тайян и Альбер Каспар. Вплоть до 1966 г. в Исполнительный совет Лиги входили, кроме председателя Ж. Табета, его заместитель, депутат Ильяс аль-Хури, секретарь Р. Аби-ль-Лама, казначей Лиги Жан Абу Джауде и представитель при правительстве профессор Юсеф Камиль Шамун (сын экс-президента). После краткого председательства И. аль-Хури почти три года Лигу возглавлял Ж. Абу Джауде, а в сложные для Ливана годы – с 1969 по 1990 – ее председателем являлся депутат Шакер Абу Слейман. Среди членов Лиги и ее Исполнительного совета были представители таких влиятельных маронитских фамилий (как старинных знатных родов, так и вошедших в большую политику лишь в XX в.), как Хазин, Табет, Карам, Хури Харб, Зуэйн, Джааджа, Лахуд, Наджм, Адван и др.¹

О прямой финансовой помощи со стороны Лиги известно только в отношении боевой группы Танзим («Система») в 1972 г. Считается, что помощь в организации «правохристианских» боевых формирований предоставлялась тогдашним генералом ЛМО Шарбелем Кассисом, но документального подтверждения этому обнаружить не удалось. Тем не менее, по-видимому, влияние Маронитской лиги на ливанскую политическую историю до сих пор остается недооцененным. Об это можно судить, в частности, исходя из косвенных данных середины 70-х годов. Например, в американском списке «Ключевые ливан-

---

¹ Ар-Раби́та аль-маруни́йя. Аль-Маджли́с ат-танфи́зи (Составы Исполнительного совета Маронитской лиги). URL: <http://maronite-league.org/executive-board>.

ские персоналии» от 12 августа 1976 г.¹ тот же Шарбель Кассис шел в «первом эшелоне» – сразу после двух президентов И. Саркиса и С. Франжье, экс-президента (на тот момент министра внутренних дел и природных ресурсов) К. Шамуна и главы фалангистов Пьера Жмайеля, а уже за Кассисом в списке следовали спикер ливанского парламента Камаль аль-Асаад, маронитский патриарх Антониос III Хорейш, папский нунций Альфредо Бруньера и другие.

В тревожное для ливанцев время начала 70-х годов маронитские боевые подразделения открыто готовились сами давать отпор палестинским боевикам в Ливане. Одновременно, лидеры партий пытались оказывать давление на президента и премьера, которые не спешили направлять армию для изоляции боевиков-палестинцев. В фалангистском «Меморандуме Президенту Республики» от февраля 1973 г. содержалось предупреждение в отношении находившихся в Ливане палестинцев: «Мы благодарим Бога за то, что государство решило принять решительные меры для решения этой проблемы, и мы поддерживаем вас и вашу позицию. Но если государство не справится с этими своими обязанностями или окажется слабым, или заколеблется, тогда, господин Президент, мы сами приступим к действию: мы встретим демонстрации еще большими демонстрациями, забастовки – более массовыми забастовками, жесткость – жесткостью, а силу – силой»².

Подобный пример риторики маронитских вождей, объединившихся на этой почве, ярко выражен в другом меморандуме, поданном еще через два года: «Религиозный фанатизм и конфессиональная борьба, убийства невинных людей, начавшиеся с трех монахов, варварские нападения на людей в христианских деревнях, убийства и изгнание их сыновей, разрушение их домов, осквернение их церквей – все это указывает на наличие ужасного плана, который вы-

¹ US Department of State. Key lebanese personalities. Telegram (cable) of Margaret P. Grafeld to the Bureau of Near Eastern and South Asian Affairs, 1976 August 12 (Confidential). URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1976BEIRUT06901_b.html.

² Цит по: Stoakes, Frank. The Supervigilantes: the Lebanese Ketaeb Party as a Builder, Surrogate and Defender of the State // *Middle Eastern Studies*, Vol. 11, No. 3. Oct. 1975. P. 222

полняется с большой точностью с целью исказить образ Ливана и стереть его призвание, выхолостить характерные черты его цивилизации и положить конец его образу жизни. Образно говоря, человек умер в Ливане, а дикий зверь проснулся»¹. Авторы этого документа использовали консервативный аргумент: страна и общество, по их мнению, столкнулись с угрозой резкого и насильственного изменения конфессионального баланса в плане социального участия, идентичности населения и особого характера (даже «призвания») государства.

Все более ярко проявлявшиеся конфессиональные линии противостояния сторонников «ливанизма» и «арабизма» сближали отстаивание особого мировоззрения и религиозных ценностей маронитов с их политической борьбой. Для христиан это был мощнейший мотивирующий фактор, имевший определенный мессианский оттенок: в колыбели христианства, на Ближнем Востоке, они в собственных глазах представляли собой последний форпост христианской культуры и должного положения христиан в обществе. Как верно отмечал Александр Хенли (Ун-т Манчестера), альтернатива положения христиан на правах «подопечных» (*зимми*) в социуме, организованном по мусульманским законам была для них абсолютно неприемлемой, и они активно готовились отстаивать с оружием в руках уже не столько особое положение в обществе маронитской общины, сколько выполнять «священную миссию» сохранения уникального для региона общественно-политического устройства Ливана, которое они видели в справедливом (т. е. пропорциональном) доступе к власти носителей разных религиозных убеждений².

Стратегия политической обособленности, проводимая носителями идей «маронитизма», а точнее борьба за особый социально-политический статус христиан имела своим логичным продолжением объединение разных боевых

¹ Religion, State and Ideology // CEMAM Reports 1975, Vol. 3 / Centre d'études pour le monde arabe moderne. Beirut: Dar El-Mashreq, 1976. P. 76 (Цит. по: Henley, Alexander D.M. Politics of a Church at War: Maronite Catholicism in the Lebanese Civil War // *Mediterranean Politics*, Nov. 2008, Vol. 13, No. 3. P. 354).

² Henley A. Politics of a Church at War... P. 354–355.

дружин под единым командованием, что и произошло уже во второй половине 70-х годов в рамках Ливанских сил.

В масштабе региона нарастали идеологические противоречия – между сторонниками разных версий арабского социализма на основе арабизма и силами «реакции», к которым относили узконационалистически настроенные круги (в том числе сторонников ливанизма). Палестинский национализм при этом стоял особняком, причудливым образом вливаясь в общеарабское дело, хотя и вызывал острое недовольство то в Иордании (сентябрь 1970 г.), то в Ливане. По мере углубления идеологического разрыва в среде ливанских религиозных и политических лидеров все с большим напряжением стала использоваться своего рода мессианская конфессиональная риторика. Ярким примером тому может служить фрагмент речи высокого представителя Маронитского ордена, аббата Булоса Наамана, произнесенной им 19 мая 1974 г. «Твердо знайте, – говорил он, – что в истории настал день, в который призыв маронитов к самобытности и свободе приравнялся призыву всех Ливанских гор к твердости и независимости. Ливанская республика, этот очаг, стал цитаделью, гарантирующей и вам, и другим свободу, самобытность и независимость. Но если настанет день, когда – не дай Бог! – марониты воспротивятся этому призыву, а Ливанские горы не воспротивятся этому своему вековому призванию, но еще сохранится цитадель свободы и демократии в этой части Востока, то тогда, в тот день не будет ни вас, ни нас, но маронитизм продолжит оставаться путем для Ливана»¹.

Патриотизм и консерватизм, ливанизм и маронитизм слились воедино в приведенном эмоциональном призыве. Такое смешение в риторике вполне отражает, как представляется, настрой маронитских идеологов и простых членов боевых дружин маронитских кланово-партийных ополчений к середине десятилетия.

---

¹ Нааман, Булос, аббат. Махаттат марунийя мин тарих Любнан. Нисбайх – Госта: Дейр Сеййидат ан-Наср, 1998. С. 227.

Впрочем, среди маронитов находилось немало тех, кто придерживался левых взглядов, набравших особую популярность среди студентов в 60-е – начале 70-х годов. Тут необходимо брать в расчет факт «обвального» роста числа студентов ливанских университетов, в среде которых и вошли в моду марксистские и социалистические идеи. Может показаться странным, но как раз самый консервативный из ливанских университетов, иезуитский Университет св. Иосифа (с большой долей студентов-маронитов), как передает профессор Американского университета в Бейруте Фарид аль-Хазин, испытал настоящий бум увлечений студенчества левыми идеями и симпатиями к соответствующим партиям¹.

С таким пестрым набором позиций марониты подошли к 1975 г., началу многослойного конфликта, включавшего как внутригражданское противостояние, так и открытую внешнюю агрессию. Кстати, некоторые авторы пишут о внешнем факторе в самом неожиданном ключе, а именно – в приложении к идее (в очередной раз приобретшей популярность в период после «арабской весны») дробления и переформатирования ближневосточных государств по конфессиональному признаку. В частности, Израиль, по мнению историка ливанского происхождения Элен Агопян, был заинтересован в успехе маронитизма и даже создания отдельного маронитского государства, якобы в продолжение идеи, что только моноконфессиональное государство может быть жизнеспособной формой на Ближнем Востоке².

В любом случае, давление израильтян на ливанское правительство, которое они оказывали с целью побудить его к изгнанию палестинских боевиков с территории Ливана, было очевидным задолго до гражданской войны. Оно не отрицается даже теми учеными, которые признавали именно за маронитами главную вину в тяжелой общественной ситуации военных лет, и в качестве

¹ El-Khazen, Farid. *The Breakdown of the State in Lebanon, 1967–1976*. London, New York: I.B. Tauris, 2000. P. 76.

² Hagopian, Elaine C. *Maronite Hegemony to Maronite Militancy: The Creation and Disintegration of Lebanon // Third World Quarterly*, Vol. 11, No. 4: *Ethnicity in World Politics*. Oct. 1989. P. 106.

примера можно привести мнение об этом британского историка Дэвида Гилмора: «Было легко проследить логику действий израильтян. Они “подталкивали” ливанцев предпринять те же действия, что и король Хуссейн в 1970 г., когда он приказал своей армии в лагерь беженцев в Иордании уничтожить силы палестинских партизан. <...> Израиль на деле диктовал ливанцам необходимость не только положить конец палестинским операциям, но и полностью избавиться от этих партизан. Даже если тогда это не было очевидно, то теперь стало ясно, что израильтяне хотели устроить беспорядки в Ливане, и они знали, что лучший способ сделать это – вызвать антагонизм между маронитами и арабскими националистами»¹.

---

¹ Gilmour, David. Lebanon: The Fractured Country. Oxford: Martin Robertson, 1983. P. 99.

ГЛАВА IV. РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИЗМЕНИВШИХСЯ УСЛОВИЯХ ЛЕВАНТИЙСКОГО СУБРЕГИОНА (последняя четверть XX века)

Межконфессиональные отношения в Сирии и Ливане в последней четверти XX в. сохраняли много общего, хотя основные этапы периода и определяющие их исторические события в обеих странах уже не совпадали ни по хронологии, ни по общей повестке. Общими для них оставались модели общественного взаимодействия, межобщинные связи и неизбежные противоречия между конфессиональными группами, а также уровни самоопределения (идентичности) с разной степенью социальной солидарности. Научный анализ выявляет общность многих закономерностей межконфессиональных отношений в этих двух соседних странах, но событийный ряд и исторические процессы в них разошлись к этому периоду довольно далеко друг от друга. Можно говорить даже о размежевании на национальном уровне (сирийская и ливанская гражданская и национальная идентичности), причем в разных религиозных общинах уже прошло вызревание собственного мифотворчества (этноконфессионального), зачастую напрямую связанного с политическим самоопределением.

Если рассуждать в контексте политической истории, то на углубление национального размежевания независимых Ливана и Сирии сильно повлияло продолжавшееся с 1976 г. сирийское военное присутствие на ливанской земле, которое на уровне улицы противопоставляло сирийских военных целым группам местного населения. Неоднозначность этой проблемы в историографии доходит до диаметрально противоположных оценок, тогда как среди ливанских лидеров все еще продолжает отзываться эхом на внутривнутриполитической арене.

При всей его сложности этого исторического периода, даже учитывая негативно-эмоциональные оценки «сирийского присутствия» в Ливане, этот этап нет оснований рассматривать как однозначно «разъединяющий» оба соци-

ума, поскольку продолжали сохраняться мощные сближающих их факторы. Общими для ливанцев и сирийцев оставались исторические истоки их путей общественного развития, социальные и родственные связи, близость культур и мировосприятия. А в некоторые моменты существенным сближающим фактором оказывалась борьба с общим врагом: израильские войска демонстрировали боевую готовность близ границ обеих стран, совершали провокации в сирийском и ливанском воздушном пространстве, вторгались на территорию Ливана (в 1979, 1982 гг.), на многие годы оставляя за собой южноливанские форпосты, сохраняли оккупированными стратегические территории сирийских Голанских высот. Тем самым, противодействие Израилю становилось уже не связанным с палестинским вопросом, но было делом государственной безопасности обеих стран.

В Ливане этот четвертьвековой период характеризуется в целом усилением спайки оформившихся политических лагерей с конфессионально-клановыми кругами. Цепь военно-политических событий, называемых в историографии вместе гражданской войной 1975–1990 годов, включала в себя как внутренние столкновения (в том числе внутриконфессиональные), так и неоднократную израильскую интервенцию.

В сложных внутривполитических условиях проходили несколько президентских и парламентских выборов, остро обсуждались решения региональных проблем. На авансцену (после победы исламской революции в Иране) вышли боевые организации шиитской общины, и характерной чертой их начальной активности была жесткая внутренняя конкуренция.

Жизнь Ливана в последнее десятилетие XX в. сопровождалась острой межпартийной политической борьбой на фоне сирийского вооруженного присутствия. В законодательном собрании произошло уравнивание квот для христианских и мусульманских политиков, что повлекло за собой даже попытки саботировать выборы со стороны ряда недовольных партий.

В Сирии же продолжало усиливаться противостояние баасистского курса угрозе исламистского радикализма. Политические притязания исламских радикалов перешли черту терпимости властей и навлекли на себя удар, который более, чем на два десятилетия вывел их за пределы легального поля.

Присутствие сирийского контингента в Ливане, которым ознаменовался рассматриваемый период, не было бесследным и для самого сирийского общества, отзываясь нарастанием взаимного напряжения в глубоких социальных слоях обеих стран и которое найдет свой выход уже в середине первого десятилетия нового века. Внутриполитическая жизнь Сирии испытывала воздействие широкой региональной проблематики, и, в частности, сложной межпалестинской повестки, увязанной на позицию Дамаска, усиления роли Ирана, использовавшего в том числе в своих интересах идею Соппротивления, а также событий в Ираке. Хотя во все эти процессы был туго вплетен элемент конфессиональной конкуренции, все же не он, а сугубо политико-экономические основания были определяющими для Сирии в последнюю четверть XX века.

Конфессиональный аспект Ливанской гражданской войны

Период гражданской войны в Ливане, на первый взгляд, легко описывается под углом зрения межконфессиональных отношений. Подоплека межобщинного соперничества выглядит настолько явной, что для историков нередко заслоняет собой политико-экономические причины тех или иных явлений, а тем более клановые (вовсе не конфессиональные) побудительные мотивы.

Политико-экономический аспект тесно соотносится с государственной и социальной структурой Ливана; к последней принадлежит и его клановая система. Поэтому в приложении к ливанской гражданской войне вполне можно говорить о межобщинных распрях сквозь призму недовольства (протеста) против реального или потенциального насилия структурного типа (взаимного или

антисистемного – при условии, что система зиждется на общинном представительстве). Согласно идее Теда Гарра и Вона Бишопа (1976), структурный тип насилия (помимо индивидуального) вызывает сопротивление населения по следующим признакам: отсутствие минимального обеспечения продовольствием, защитой, возможностей здравоохранения, образования (личный уровень); отрицание самоуправления разных культурных сообществ и систематические притеснения подчиненных групп (коллективный уровень); экономическая эксплуатация из-за рубежа, внешняя зависимость (транснациональный уровень)¹. В той или иной степени все эти признаки имели место в глазах ливанцев из разных социальных групп и общин – как реальные или воспринимаемые в качестве таковых (ОД). Иными словами, был запущен депривационный механизм конфликта, еще и подогревавшийся разнообразными внешними воздействиями.

В том же ключе рассуждал в начале ливанского конфликта профессор из Мэрилэндского университета Энвер Кури. В своей оценке динамики уровня социальной стабильности он прямо устанавливал «революционный» потенциал в зависимости от соотношения подъема ожиданий от уровня их воплощения (т.е., ценностных возможностей) – по сути, по модели устремленной ОД. Он писал: «Кризис 1975 – 1976 гг. отражает разрыв между ожиданиями народа и достижениями. В соответствии с тем, как представители сегментов общества осознавали несоответствие между ожидавшимся уровнем достижений и наличным положением дел в начале 70-х годов, конфессиональный Ливан все больше начинал характеризоваться фрустрацией, агрессией и социальной нестабильностью. Эта разница, “революционный разрыв” могли породить высокий уровень фрустрации и общественного беспокойства, наблюдавшиеся в момент разразившейся в 1975 г. социальной распри»².

¹ Gurr, Ted R.; Bishop, Vaughn F. Violent Nations, and Others // *The Journal of Conflict Resolution*, Vol. 20, No. 1, Mar., 1976. P. 84.

² Koury E.M. The Crisis... P. 32.

Личная конкуренция региональных лидеров, как и ливанских заимов, в свою очередь, продолжала играть существенную роль в ливанском конфликте – в его масштабном, ближневосточном измерении. Идеологическая составляющая также все еще оставалась весомой (хотя гораздо менее, чем в предыдущее десятилетие) в раскладе сил в регионе, отразившемся со всей глубиной на ливанской арене столкновений. Наконец, долговременное пестование как внутренними заинтересованными кругами, так и внешними силами мифотворчество об особом происхождении отдельных общин, привело еще к одному разделяющему фактору – «этноконфессиональному». Возникали фантомы, сообщающие уже даже производным от названия религиозной общины роковой перформативный эффект. Примордиалистская методология внесла свою лепту, и наряду с употребимым понятием «маронитизм» некоторыми исследователями применялись и иные подобные понятия – по названию других ближневосточных конфессий. К примеру, историк Наваф Салам употреблял термин «друзизм»¹, впрочем, без глубокой экспликации, а словно бы интуитивно понятное явление.

Сохранявшийся в самоопределении ливанцев общинный уровень (наряду с другими) получал подпитку неравномерным развитием разных конфессиональных групп, на которое указывал Жозеф Шамие. Используя в своей статье конца 1976 г. социологически-ориентированный подход к причинам вспыхнувшего гражданского конфликта², он подчеркивал высокие амбиции сохранявших первенство в материальном уровне и образовании христианских групп. Их завышенные ожидания (экспектации) наталкивались на вызывающее поведение в Ливане палестинских боевиков, привлекательных своими возможностями вооруженного насилия для местных менее успешных ливанских общин (мусульманских). Так что депривационный механизм, но разных типов, работал

¹ Salam, Nawaf. La guerre civile au Liban (1975–1976) lectures dans le miroir des mémoires // *Revue française de science politique*, Vol. 31, No. 4 (Août 1981). P. 776.

² Chamie, Joseph. The Lebanese Civil War // *World Affairs*, Vol. 139, No. 3, Winter 1976/77. P. 171–188.

в отношении многих социальных групп в Ливане в первой половине 70-х годов, накануне войны.

Предпосылки, периодизация, ход и значение трагического многолетнего ливанского противостояния хорошо описаны в научной литературе, но при этом сильно разнятся. Упрощенная характеристика конфликта как межконфессионального неизбежно наталкивается на две группы контраргументов: во-первых, внутриконфессиональная вооруженная борьба часто существенно превосходила по своей интенсивности межобщинные столкновения, а во-вторых, причины и действующие силы составляющих этот конфликтный период этапов, как правило, не имели прямого отношения к внутриванским или ливано-сирийским межконфессиональным противоречиям. Так что привычные обобщения относительно конфессиональной природы этого конфликта и его движущих сил на разных этапах необходимо уточнять¹. С этой целью, прежде всего, следует вспомнить основные этапы сложного многослойного конфликта в Ливане, названного в целом гражданской войной.

Первым этапом стал так называемый палестинский (апрель 1975 – август 1976 г.). Характерно, что этот этап в историографии до 1990-х г. чаще всего выделяли в отдельную войну в Ливане 1975–1976 гг., а сегодняшние историки справедливо используют название «чужой войны»², отмечая в качестве перво-степенного ее внешний фактор. Профессор социологии Ливанского университета Ахмад Бейдун, который оставался в Ливане на протяжении всего неспо-

---

¹ Полны подобных неправомерных обобщений и классификационных таблиц статьи некоторых авторов – формализованные по структуре и однозначные в части выводов, например: Sozer, Brendan. Development of Proxy Relationships: a case study of the Lebanese Civil War // *Small Wars & Insurgencies*, Vol. 27, No. 4. P. 636–658.

² Хлебникова Л.Р. Роль США и Израиля на начальном этапе «чужой войны» в Ливане (1975–1978) // Вестник Московского ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. № 4. С. 172.

койного периода, настаивал на определении «“двухлетней войны” 1975–1976 гг. как первой фазе долгой ливанской трагедии»¹.

По сути, это было кровавое противостояние ливанских христианских партийных ополчений и палестинских вооруженных формирований на территории Ливана – на идеологической основе, прежде всего. Помимо левых идей, ее составлял и пафос борьбы всех арабов за права палестинцев, а поэтому важным поводом к обострению ситуации в Ливане стала вялая реакция на израильские налеты на большой палестинский лагерь в Набатии и приграничную деревню Кфар-Шуба в начале 1975 г. и последовавший гнев палестинцев².

Но в историографии прочно закрепился несколько более поздний эпизод, ставший поводом к волне насилия: стычка палестинских боевиков с маронитами 13 апреля 1975 г. у церкви, где проходил обряд крещения сына высокопоставленного члена Катаиб в присутствии лидера партии, шейха-маронита Пьера Жмайеля. Описание событий имеет множество вариантов, которые едины в одном: в ходе провокации и в результате атаки подоспевших на подмогу палестинцев погибли четверо маронитов, в том числе отец ребенка, Жозеф Абу Асси. Со стороны маронитских боевиков последовал чрезвычайно жесткий ответ – расстрел автобуса с палестинскими участниками митинга (28 погибших). Дальше насилие с обеих сторон нарастало, как снежный ком, причем вынужденность для себя кровавых «рейдов возмездия» каждая из сторон объясняла по-своему.

Трагические события первого этапа гражданского противостояния свидетельствовали о накопившемся в значительной части ливанского общества раз-

¹ Beydoun, Ahmad. *Le Liban: itinéraires dans une guerre incivile*. Paris: Karthala, 1993. P. 82. См. также: Тимофеев И.В. «Среди серых стен и горячей пыли...» Хроника ливанской трагедии. М.: Молодая гвардия, 1984.

² Chamie J. *The Lebanese Civil War*. P. 175–176. Впрочем, Жозеф Шамие упоминает также экономико-политическую причину – раздор внутри ливанских элит, а именно организованную тогда же политиком из Сайды Мауфом Саадом демонстрацию протеста рыбаков против захвата монополии рыбного промысла в этой акватории крупной компанией, принадлежащей высокопоставленному ливанскому бизнесмену (не исключено, что это была претензия политика-суннита к власти придерживающим бизнесменам-маронитам). В результате акции погибли сам политик, 11 демонстрантов и 5 военных.

дражении вооруженным присутствием палестинцев, активность и численность которых в Ливане значительно возросли после изгнания боевиков из Иордании в 1970 г. («черный сентябрь»). Законодательно укрепление позиций палестинцев в Ливане оформлялось дважды: Каирское соглашение от 2 ноября 1969 г. предусматривало автономизацию палестинских лагерей (их вывода из-под надзора военной разведки, т. н. «Второго бюро») и право жителей лагерей пополнять ряды вооруженных борцов с сионизмом; Мелькартское соглашение от 17 мая 1973 г. подтверждало Каирское и детально прописывало права палестинцев в Ливане. Очевидно, что урегулированию ливано-палестинских отношений оба документа не способствовали, поскольку фактически закрепляли очень существенный фактор социальной дестабилизации в стране.

Ливанцы возмущались провокативным поведением палестинских боевиков в Ливане, и недовольство в значительной части ливанского общества нарастало. Как пишет Ф. аль-Хазин, «в течение трех месяцев после подписания Мелькартского соглашения, было зафиксировано 418 случаев его нарушения палестинцами, включая похищение военных и гражданских лиц, удары по военным объектам, транспортировку вооружения и боеприпасов, самовольное установление блокпостов и другие формы открытого неповиновения ливанским властям»¹.

Помимо объяснимого негодования ливанцев, к конфликту взаимоотношений примешивался и фактор религиозного соперничества, а точнее – опасения христиан, что те политические круги в Ливане, которые стимулировали палестинскую иммиграцию и обеспечивали им почти автономное вооруженное присутствие в стране², были заинтересованы в сдвиге демографического балан-

¹ El-Khazen, Farid. *The Breakdown...* P. 211.

² Еще в 1974 г., по данным того же автора со ссылкой на доклад ливанской военной разведки, численность палестинских боевиков в Ливане составляла почти 11,7 тыс. человек и распределялась по лагерям следующим образом: Айн аль-Хильве – 2,3 тыс. чел., Сабра-Шатила – 1350, Тель-Заатар – 1100, Бурдж аш-Шимали – 900, Нахр аль-Барид – 850, Бурдж аль-Баражне – 800, Набатийе и Вейфиль – по 500, Бадауи и Даббайе – по 400, Мар-Ильяс – 398, аль-Бус – 250, Мийе-Мийе – 200, аль-Касмийе

са в сторону суннитского населения с соответствующими политическими последствиями¹.

В авангарде недовольства вооруженным палестинским присутствием в Ливане были марониты, представленные своими политическими партиями и партийными ополчениями. Их позиция была охранительной по отношению к высокому положению христиан-католиков в стране, а также в регионе в целом. Готовность отстаивать свою позицию силой к середине 70-х годов уже переводила негодование маронитов растущим палестинским влиянием в плоскость межрелигиозного соперничества.

Если учитывать все инциденты и даже боестолкновения палестинских боевиков с ливанской армией и партийными ополчениями, начиная с 1973 г., то нижнюю границу хронологической рамки «палестинского» этапа гражданской войны в Ливане следовало бы обозначить гораздо раньше по времени. Ведь еще с мая 1973 г. происходили вооруженные стычки фалангистов и палестинских боевиков в пригородах Бейрута Декване и Даббайе (на полпути к Джуни) и в районах северной казы Аккар. Снова в Декване серьезный инцидент подобного рода имел место 24 июля 1974 г. В январе 1975 г. палестинцами из НФОП была атакована армейская казарма в Суре, а затем произошел вооруженный инцидент близ палестинского лагеря Сабра в Бейруте. Наконец, множество уличных столкновений с палестинцами было зафиксировано в феврале того же года в бейрутских районах Фурн аш-Шеббак и Шиях (южные мусульманские кварталы близ будущей «зеленой линии») и пригороде Айн ар-Руммане (на юго-восток от Бейрута, близ президентского дворца в Баабде).

и аль-Бургалийе – 150, Шабриха и аль-Маашнук – 150, Бурдж аль-Баша – 100, Тирбет ад-Даук – 50. См.: Ibid. P. 230.

¹ Маронитский патриарх Булос Меуши ранее с тревогой говорил о требованиях «радикально настроенных мусульманских политиков» и о том, что христиане «все больше и больше понимают, что требования, выставляемые им, угрожают поколебать их положение и их завоевания» (См.: Ливанское общество глазами маронитского патриарха Булоса Меуши: два донесения швейцарских послов в Бейруте / Подготовка к публ., перевод с франц. и нем., коммент. А.В. Сарабьева) // *Религия и общество на Востоке*. 2019, Вып. III. С. 344–345). В середине 70-х годов настроения, высказанные патриархом за полтора десятилетия до того, только усилились.

Наиболее разветвленной структурой и политическим влиянием среди христианских партий обладала в то время Катаиб. Именно ее лидер, шейх Пьер Жмайель (вместе с маронитским патриархом, кардиналом Булосом II Меуши) еще 30 сентября 1972 г. выдвигали требование отменить Каирские соглашения. Именно Катаиб была инициатором постоянной совместной с ООП комиссии, собравшейся впервые для урегулирования ситуации в конце мая 1973 г. в доме замредактора Катаиб Жозефа Шадера. В эту комиссию, кроме него, вошли фалангисты Амин Жмайель, Жозеф Сааде и Керим Пакрадуни¹. В имени Жмайелей в Бикфайе 27 августа 1974 г. проходила новая встреча с палестинцами по урегулированию ситуации, причем уже с участием представителей ливанских ВС. В начале 1975 г. Пьер Жмайель представил президенту Ливана Сулейману Франжье меморандум, в котором указывал, что «Ливан стоит на пороге анархии, которая уже царит в рядах Сопротивления», и оно представлено в стране как «государство в государстве». Вскоре он призвал власти принять меры к выводу палестинских боевиков с юга Ливана, что было болезненно воспринято руководством НФОП – как «настоящий призыв к палестинским погромам»². Наконец, 20 февраля того же года П. Жмайель выступил с новым меморандумом. Он констатировал, что, по его оценкам, не менее 60% ливанцев раздражены действиями палестинцев в Ливане, и настаивал на проведении общеливанского референдума по вопросу военной активности палестинских боевиков в районах Юга.

Тем самым, напряжение достигло апогея. Можно заключить, что провокации 13 апреля 1975 г. («инцидент у церкви» и «автобусная бойня»), как и дальнейший обмен страшными «актами возмездия», были подготовлены длительным противостоянием ливанцев с палестинскими боевиками, став к тому моменту, увы, закономерно неизбежными. Однако в этом противостоянии ре-

---

¹ Fiches du monde arabe. Liban – Politique. Kataeb (Phalanges) (3). 20 novembre 1979, No. 1432. I-L-105. F. 1.

² Ibid. F. 2.

лигиозная составляющая была косвенной – лишь поскольку проводниками «палестинского дела» на территории Ливана были преимущественно сунниты (конечно, не только). Имело место роковое сочетание в глазах ливанских христиан двух моментов угрозы со стороны палестинцев: во-первых, угрозы как иностранных боевиков со своими представлениями об общеарабской линии фронта, проходившей теперь по Ливану, беспокойных чужаков с оружием в руках; во-вторых, как силы, обеспечивающей закрепление в Ливане растущей массы палестинских переселенцев-суннитов, которые принесли с собой чуждое большинству ливанцев-христиан видение региональной ситуации.

Жители палестинских лагерей, действительно, являлись преимущественно мусульманами-суннитами, и были защищены боевиками разных партийных группировок Палестины, которые стремительно вооружались: Фатх¹, НФОП, ДФОП, НФОП-ГК, а также просирийская баасистская группа палестинцев Саика и проиракский тоже баасистский Арабский освободительный фронт. К июню 1975 г. общее количество таких боевиков на территориях Ливана, как передает Фарид аль-Хазин, составляло уже 19,2 тыс.², увеличившись почти за год на 40 %.

Другие данные о количестве вооруженных палестинцев в Ливане содержатся в секретной телеграмме из Тегерана в американский госдепартамент от 9 июня 1975 г.: 40 320 человек, при том, что численность ливанской армии не превышала 15 тыс.³ В том же документе американскому послу в Тегеране информатор давал «очень мрачный прогноз в отношении будущего Ливана... Ливанцы разделены на многие группы, где шииты бьются с суннитами, палестинцы – с ливанцами, а мусульмане – с христианами. Выявленные разнообразные влияния – российское, ливийское и китайское – только углубляют различия; ...

¹ Нелишне напомнить, что первостепенная национальная составляющая идеологии заключена в самом названии, переводимом как «Завоевание» и представлявшем собой обратную аббревиатуру «Харакат аль-тахрир (аль-ватани) аль-фаластыни» («Движение палестинского (патриотического) освобождения»).

² El-Khazen F. The Breakdown... P. 300.

³ US Dept. of State. Telegram from AmEmbassy in Tehran, June 9, 1975. (Secret – Uncliffified) P. 1.

ситуация в Ливане почти безнадежная»¹. Такая оценка, близкая к панической, может быть объяснима высокой многофакторностью вспыхнувшего конфликта в Ливане. Следует обратить внимание на меткое свидетельство очевидца косвенной вовлеченности в события крупных мировых и региональных держав, находящихся далеко за пределами Ближнего Востока.

После начала прямых боестолкновений, в октябре 1975 г. к силам палестинцев присоединились партийные ополчения левых партий Ливана, представлявших преимущественно мусульманские общины (ПСП, Мурабитун, Ливанская коммунистическая партия (ЛКП) и др.), а также Сирийской национальной партии (СНСП), стоявшей на позициях сирианизма. Этот военно-политический альянс получил название Национально-патриотические силы (НПС), и его возглавил глава ПСП Камаль Джумблат. Видимо, с этого момента и можно говорить о собственно гражданской войне, в которой столкнулись разные группы ливанцев.

Несколько иного подхода придерживался автор интересной статьи конца 1976 г. Жозеф Шамие, разделяя две основные стороны конфликта по отношению к охранительному, консервативному крылу. Так, к противоположной «традиционалистам» стороне он относил «ливанских прогрессистов (как христиан, так и мусульман), традиционно мыслящих ливанцев-мусульман, а также палестинцев, ... причем, в отличие от позиции традиционалистов, взгляды ливанских прогрессистов и традиционно мыслящих мусульман менее единообразны и включали широкий спектр политических убеждений». В их состав («Фронта национальных и левых сил») он относил ПСП, сирийских и иракских баасистов в Ливане, ЛКП, Организацию коммунистического действия, Движение 24 октября, СНСП, Движение обездоленных, Независимое насеристское движение, Народную насеристскую организацию, Союз народных трудовых сил, Насе-

---

¹ Ibid.

ристскую организацию исправительного движения и Арабский социалистический союз¹.

Важно, что Джумблат к тому времени смог консолидировать большинство членов друзской общины, в том числе из конкурирующих кланов, предложив 18 августа 1975 г. четкую программу реформы политической системы Ливана на основе отмены политического конфессионализма. Правда, уже через полгода друзы согласились, хотя неохотно и с оговорками, принять предложенную президентом Франжье «Программу национального действия», признававшую конфессионализм². Видимо, стремясь компенсировать этот политический проигрыш, а главное, в преддверии президентских выборов, назначенных на май 1976 г., в марте того же года К. Джумблат объявил о создании нового друзского ополчения – «Армии Фахреддина», которая впоследствии эффективно действовала в друзско-христианском районе Шуфа и в самом Бейруте.

Большинство боевых формирований ливанских левых сил были смешанными по своему составу: хотя и значительно преобладали мусульмане, но в них входили также многие христиане³. Всех их объединяли разные изводы идеологии арабского социализма, прогрессистские идеи и только небольшую часть из них – коммунистические идеи. Показательно, что в течение 1975 г. была реформирована и в январе 1976 г. вышла на арену борьбы созданная еще во времена ливанского кризиса 1958 г. организация социалистической ориентации Мурабитун. Она имела штаб-квартиру в Бейруте и возглавлялась одиозным суннитским лидером (*кабадаем*) и насеристом, ливанцем Ибрахимом Кулейлатом⁴. Ее бойцы были подготовлены инструкторами Фатха, что обеспечивало палестинцам контроль над этой влиятельной в ливанских мусульманских кру-

¹ Chamie J. The Lebanese Civil War. P. 177.

² Fiches du monde arabe. Sujets generaux – Politique/Religion. Druzes. 21 décembre 1982, No. 2275. Gen-1202/6. F. 2.

³ Randal, Jonathan C. Going all the way: Christian warlords, Israeli adventurers, and the war in Lebanon. New York: Viking Press, 1984. P. 47.

⁴ Поговаривали о ливийском финансировании этой вооруженной группы.

гах структурой. В составе ее боевых дружин были преимущественно ливанцы, но также палестинцы и другие, а по религиозной принадлежности Мурабитун включала в себя в основном мусульман (суннитов, шиитов, друзов)¹, хотя христиане (как палестинские, так и ливанские) тоже входили в нее.

Важно, что в наметившемся остром гражданском размежевании в Ливане те оттенки и полутона, что были явными в политических позициях разных сил, составлявших оба противостоявших друг другу пестрых альянса – пестрых и даже противоречивых, – практически не принимались во внимание обеими сторонами. Эта схема противостояния, сильно обобщенная для простоты восприятия в условиях войны, перекочевала, увы, и в исторические работы: «правохристианские» силы против мусульманских (по-преимуществу) формирований левой ориентации. Между тем, на деле, ливанские мусульмане, тяготевшие к левым идеям, вовсе не были интернационалистами: в основе арабского социализма (если оставить в стороне марксистско-ленинские течения) лежал причудливый уравнительный супер-национализм (арабизм), посыл к которому они видели и в священных мусульманских текстах. Попутно заметим, что социально-уравнительному императиву раннего ислама посвящены многие работы², но в приложении к социально-политическим движениям новейшего времени этот вопрос еще нуждается в разработке.

В свою очередь, христиане-католики, хотя и считались наиболее вестернизированной частью ливанского общества, также выступали как националисты, но не общеарабского типа, как многие мусульмане, а защищая своеобразие своего молодого национального государства во всем регионе: политический вес христиан в нем был чрезвычайно высок, и они готовы были защищать эту осо-

¹ Исследователь из Джорджтаунского университета Асад Абу Халиль настаивал, что, вопреки мнению о суннитском составе этой организации, большинство ее бойцов были шиитами, хотя в руководстве был лишь один шиит – Ф. Хамаде. См.: AbuKhalil, As'ad. Druze, Sunni and Shiite Political Leadership in Present-Day Lebanon // *Arab Studies Quarterly*. Fall 1985, Vol. 7, No. 4: The Realignment of Power in Lebanon: Internal and External Dimensions. P. 40.

² Shariati, Ali. *On the Sociology of Islam* / transl. by Hamid Algar. Berkeley: Mizan Press, 1979; Rahman, M. Taufiq. *Social Justice in Western and Islamic Thought*. 2010. P. 67.

бенность своей страны с оружием в руках. Так что определение для христиан «правые», а для мусульман «левые» не может быть признано точным, является, по сути, ненаучным обобщением.

Важно также, что кризис середины 70-х годов был не только обусловлен чрезвычайной популярностью социалистических идей на арабском Востоке в 50–60-е годы, но и имел исторический прецедент – события 1958 г. Они тоже получили тогда громкое конфессиональное звучание, которое тоже было вторичным по отношению к идеологическому противостоянию, а оно, в свою очередь, было крепко вплетено не только в региональный, но и глобальный контекст «холодной войны».

Конечно, события первого этапа гражданской войны имели свои определяющие особенности. Как было сказано, ведущей дестабилизирующей силой в 70-е годы стали палестинские боевики, и их действия по отношению к ливанцам вполне можно было характеризовать как внешний фактор. Более того, руководство ООП было заинтересовано в использовании в своих интересах религиозного аргумента: можно предположить, что оно осознанно сделало ставку на ливанских мусульман (как, например, в случае с Мурабитун), чтобы, во-первых, навязать им свою повестку, в которой прогрессистские идеи были густо замешаны на национальном вопросе – «палестинском деле», а во-вторых, навязать и свое лидерство в борьбе за права «обездоленной» ливанской уммы (путем объединения разрозненных уличных дружин мусульманских кварталов в подконтрольные военизированные организации)¹. Они рассчитывали, видимо, что накопившееся недовольство ливанской мусульманской бедноты поможет им сполна добиться своих задач в результате «переформатирования» ливанского политического поля в ходе внутригражданского конфликта в этой стране.

Отчасти такой расчет оправдался в ходе первой фазы так называемой «битвы отелей» (*ма'ракат аль-фанадик*) – противостояния в центральных и

---

¹ El-Khazen, Farid. The Breakdown... P. 332.

прибрежных районах Бейрута с 24 октября 1975 по конец марта 1976 г. В борьбу втягивались всё новые группы местного населения, причем конфликт быстро принимал очертания столкновения маронитов и местных мусульман, разделяя город на соответствующие «оплоты» и порождая вереницу актов беспощадной мести за убитых соратников.

Следующей трагической вехой втягивания ливанского общества в гражданскую войну стал мятеж в ливанской армии, который привел к ее расколу¹. Правда, события, связанные с началом фатального раскола ВС Ливана, вызывают вопросы. Так, начало расколу армии было положено мятежом в начале 1976 г. в Хасбайе – в юго-восточном районе страны (Южный Бекаа), в котором было сильно влияние ПДС; при этом возглавил его младший офицерский чин – старший лейтенант, суннит Ахмад Хатыб. Возможно ли такое в условиях армейской дисциплины без определенной внешней опоры?

Уже 21 января было объявлено о создании т. н. «Движения Ахмада Хатыба», которое охватило ряд гарнизонов в нескольких районах Бекаа, а затем перекинулось и на другие районы Ливана. Показательно, что вскоре эти не подчинявшиеся властям армейские соединения были переименованы в «Армию Арабского Ливана»² и вошли в состав НПС³. Уже само название указывало на противостояние тех в Ливане, кто исходил из общеарабской солидарности (по сути, мусульманской), тем, кто настаивал на особой природе Ливана, например, его финикийской идентичности, – в первую очередь, маронитам. Тем самым, «левые» в Ливане усилились в военном отношении, но своих союзников они

¹ Даже критически настроенные исследователи отмечают традиционное доверие к армии, которую «любили и уважали рядовые ливанцы именно из-за ее политического нейтралитета того статуса окончательного и единственного “строителя нации” в очень высокосегментированной стране», и именно поэтому особую тревогу у них вызывали возможные размежевания в армейской среде – подобно произошедшему в 1976 г. См.: Bahout, Joseph. Lebanon at the Brink: The Impact of the Syrian Civil War // Middle East Brief (Brandeis Univ.), No. 76, Jan. 2014. P. 5.

² Ср. с официальным именованием Сирии или Египта Арабскими республиками.

³ Историк Ахмад Бейдун характеризовал ААЛ как «пропалестинскую армейскую фракцию». См.: Beydoun A. Identité confessionnelle et temps social chez les historiens libanais contemporains, Publications de l'université libanaise, Beyrouth, 1984. P. 141.

заполучили из стана, который лежал вдоль линии разделения иной, нежели «правые/левые».

Уже финальная фаза «битвы отелей» шла с участием мятежных ливанских армейских формирований («Армии Арабского Ливана») и шиитов из недавно созданных ополчений организации Амаль¹. Она окончилась очередным принуждением к прекращению огня под гарантии сирийцев.

Уместно вспомнить, что к началу 70-х годов в Сирии были устранены все возможные очаги недовольства суннитских офицеров, а некоторые высшие чины были уволены или даже подвергнуты аресту за попытки бунтов в армии. Нельзя исключать, что центр приложения сил сторонников суннитского доминирования в Леванте (через силовые и армейские структуры) попросту переместился в Ливан, когда в условиях палестинского вооруженного присутствия сложилась благоприятная к тому ситуация. Это пока лишь предположение, и проработка этого важного вопроса – дело будущего.

Ливанский альянс НПС был сложным по составу, а взаимоотношения между составлявшими его группами были не лишены недоверия. Например, друзское ополчение ПСП «Армия Фахреддина» не допускало своих палестинских соратников к операциям в деревнях, где проживали друзы. Друзские святыни, тем самым, тщательно охранялись от суннитов-палестинцев².

С именем еще одного офицера-суннита, поддержанного палестинцами, была связана попытка военного переворота, вошедшего в историю как «телевизионный». Суннит из Триполи, бригадный генерал столичного гарнизона Азиз аль-Ахдаб в сопровождении картежа из вооруженных палестинцев-фатховцев 11 марта 1976 г. вторгся в работу телевизионного вещания, провозгласил переворот и призвал президента Сулеймана Франжье покинуть свой пост³. Эта

¹ Аббревиатура, переводимая как «Надежда», раскрывается как «Бригады ливанского Сопротивления», *Афвадж аль-мукавама аль-любнанийя*. Тот союз суннитской ААЛ и шиитской Амаль носил явно тактический характер и был обречен на кратковременность.

² Fiches du monde arabe. Druzes. 21 décembre 1982, No. 2275. Gen-1202/6. F. 2.

³ Chamussy R. Chronique... P. 142.

громкая акция показывала, по мнению наблюдателей, непримиримость и воинственность «левых» в Ливане¹.

Следующая атака на позиции президента была предпринята вскоре: 25 марта бригады ААЛ под командованием майора Хусейна Аввада обстреляли район президентского дворца в Баабде, вынудив президента Франжье покинуть его и до самых перевыборов в мае находиться в Джуние и других местах, под защитой верных ему частей в ливанской казе (области) Кесруан².

С точки зрения сирийцев, действия суннитских офицеров ливанской армии не оставляли сомнений в их зависимости от опытных высокопоставленных палестинских боевиков: Абу Ийада (Салаха Мисбаха Халафа), Абу Хасана (Али Хасана Саламе) и Абу Джихада (Халиля Ибрахима аль-Вазира). В этом проявилось, по сути, столкновение двух идеологических лагерей – весьма близких, а потому непримиримых: сирийских социалистов-баасистов (*каумийин*) и действующих в Ливане палестинских левых с их яркой национальной (но не общеарабской) составляющей в их идеологии (*ватанийин*). Ливанские сунниты из «Армии Арабского Ливана» поддержали последних именно из идеологических соображений, которые были переплетены, однако, с конфессиональными чаяниями суннитских общин палестинцев и ливанцев, соответственно. В Ливане беспокойство суннитов своим недостаточно, на их взгляд, высоким положением (иными словами, относительная депривация) приводило их к противопоставлению согражданам-христианам и солидаризации с палестинцами, противостоящими сионистскому врагу, а главное – единоверцами³.

С началом раскола в армии, внутриванское обособление суннитов-военных вызвало трагическую ответную реакцию, а именно переход целых

¹ Koury, Enver M. The Crisis in the Lebanese System: Confessionalism and Chaos. Washington, 1976. P. 48.

² O'Ballance, Edgar. Civil War in Lebanon, 1975–92. New York: Palgrave Macmillan, 1998. P. 46; El-Khazen F. The Breakdown... P. 333.

³ Впрочем, среди лидеров организаций внутри ПДС были и христиане: Жорж Хабаш и Вади Хаддад (НФОП) палестинцы-христиане, Наеф Хаватме – христианин из Трансиордании, а Сами Дахи (НДФОП) – христианин из Сирии. См.: Беляков В.В. Проблема единства Палестинского движения сопротивления // Специальный бюллетень (ИБ АН СССР), № 9 (172). М.: Наука, 1975. С. 130–138.

подразделений уже под начало офицеров-христиан для защиты христианских сел, районов, и, конечно, символичной для них фигуры президента-маронита. Так, полковник Антуан Баракат, земляк президента – родом из Згорты, вотчины клана Франжье, – собирал под свое командование армейские подразделения, сопротивлявшиеся силам НПС и ААЛ. Действия Бараката поддержали другие армейские офицеры-марониты, например, майоры Фуад Малик и печально известный впоследствии Саад Хаддад (округ Марджайюна). В противовес ААЛ они образовали так называемую «Армию Свободного Ливана»¹. Исходя из идеологической близости и быстро сдвигаясь к кланово-клиентельной и конфессиональной солидарности, маховик размежевания ливанского общества разбалансировал критически важную часть государственной машины – силовые структуры. Это сделало неизбежной эскалацию насильственных действий всех сторон противостояния, становившегося все более внутригражданским.

Сирия, выступала как сила, могущая влиять на обе враждующие стороны в Ливане, но также и преследовала свои цели сдерживания на ливанской земле палестинцев и их соратников-ливанцев (ААЛ, боевых дружин друзов-прогрессистов и др.). Пытаясь не способствовать успеху какой-либо из сторон, сирийцы выступали в глазах ливанцев как последняя возможность в самых крайних ситуациях. Например, с просьбой к Х. Асаду выступить в качестве третейского судьи обратились стороны зашедшего в тупик разногласия между президентом С. Франжье и премьером Р. Караме.

В середине ноября 1975 г. при посредничестве сирийцев был найден компромисс и уже 29 ноября ливанский президент и премьер выступили с совместным заявлением о намерении ввести в состав правительства наиболее влиятельных политиков с обеих сторон (по сути, лидеров общин).

---

¹ См. подробнее работу израильской журналистки, работавшей с 1975 по 1982 гг. в Южном Ливане и непосредственно с командующим АЮЛ С. Хаддадом: Hamizrachi, Beate. *The Emergence of the South Lebanon Security Belt: Major Saad Haddad and the Ties with Israel*. New York: Praeger, 1988.

Попутно отметим параллельные попытки воздействия на ход урегулирования специально посланного в первой декаде ноября кардинала из Ватикана, а 19 ноября – спешно прибывшего в Бейрут спецпосланника из Франции Мориса Кув-де-Мюрвиля¹, который пытался «составить противовес» инициативам сирийцев². Оба посланника отбыли почти сразу после заявления примирившихся сторон.

3 декабря приглашение Х. Асада посетить Дамаск получил Пьер Жмайель, и уже 6 декабря они обсуждали сирийскую инициативу по примирению.

Как раз в эти дни в Ливане произошло несколько инцидентов, направленных, по мнению И. Тимофеева, на срыв переговоров П. Жмайеля с Х. Асадом³. Они носили ярко выраженный характер религиозной провокации (например, поджег возле маронитской деревни грузовика, перевозившего Кораны), повлекли за собой акты необузданной мести с обеих сторон, а вскоре и случаи в Бейруте расправ «по удостоверению личности», то есть слепая месть по признаку вероисповедания.

Последовали и серьезные боестолкновения: в центральном районе НПС серьезно потеснили фалангистов, бойцы Мурабитун выбили их их отелей «Финикия» и «Сен-Жорж», а командный пункт в «Холидей Инн» был взят в осаду. В ответ фалангисты окружили шиитские кварталы Карантина и Маслах в бейрутском районе Набаа, а шиитов из квартала Харит аль-Гаварна в бейрутском Антельясе принудили перебраться в Западный Бейрут. Параллельно стала готовиться осада палестинских лагерей Телль-Заатар и Джиср аль-Баша (имевших стратегически важное расположение в Бейруте). Именно в разгар этих событий руководитель НПС и друзский лидер Камаль Джумблат отправился с визитом к

¹ M. Couve de Murville ira au Liban en mission d'information et d'amitié // *Le Monde*, Nov. 14, 1975. URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/1975/11/14/m-couve-de-murville-ira-au-liban-en-mission-d-information-et-d-amitie_2583397_1819218.html.

² Stoakes, Frank. The Civil War in Lebanon // *The World Today*, Vol. 32, No. 1, Jan., 1976. P. 15.

³ Тимофеев И.В. Камаль Джумблат. С. 361.

Х. Асаду в Дамаск, откуда вернулся с намерением восстановить режим прекращения огня, причем уже 19 декабря бойцы Мурабитун и ПСП стали снимать осаду с позиций фалангистов в центральных бейрутских отелях¹.

Очевидно, сговорчивость Джумבלата была одобрена далеко не всеми ливанскими левыми. В начале 1976 г. наблюдатель отмечал: «Самым очевидным результатом в свете ливанского прецедента по-прежнему остается соглашение, достигнутое при внешней поддержке, включающее христианские уступки, национальное развитие и реформы, одобренное властями, официальной ООП и сирийским правительством, но не левыми»².

Следующая миротворческая инициатива сирийцев последовала после официального приглашения Х. Асаду помочь предотвратить наступление «правохристианских» формирований на Западный Бейрут. Просьба была направлена 19 января по решению «мусульманского саммита», организованного премьером Р. Караме и муфтием Ливана Халедом Хасаном в присутствии министров-мусульман и К. Джумבלата. Поводом стали жесткие действия боевиков Катаиб и Нумур в отношении палестинских лагерей Телль-Заатар, Джисраль-Баша (продовольственная блокада) и Даббайе (изгнание жителей; лагерь пал 14 января)³, а также последовавшая контратака НПС-ПДС на защитников маронитского городка Дамура.

Резня в Дамуре 20–21 января 1976 г. отличалась особой жестокостью, но в целом вписывалась в страшную серию взаимной мести. Защитниками этого населенного маронитами городка на дороге в Южный Ливан были в основном бойцы Нумур, ополчения партии К. Шамуна (НЛП). Пропагандистским ходом в пользу необходимости взятия этого пункта отрядами Саики и АОП была месть за атаку отрядов ЛФ на Карантину и Маслах 18–19 января, хотя весьма вероятно, что реальной подоплекой была прагматика военного времени: лагерь Ка-

¹ Там же. С. 362.

² Stoakes F. The Civil War... P. 15.

³ Алиева С. Палестинское движение сопротивления и арабские страны (1964–1976 гг.) / Специальный бюллетень, 1986, № 4; ИВ АН СССР; науч. ред. В.И. Носенко. М.: Наука, 1986. С. 139.

рантина перекрывал связь христианских кварталов столицы с бейрутским портом, а Дамур мешал коммуникации отрядов ПДС, связи с южно-ливанскими палестинскими лагерями, а также перекрывал дорогу в друзские районы Шуфа, в том числе Мухтару. Забегая вперед, можно упомянуть особую, сформировавшуюся из мстителей за Дамур бригаду, вошедшую затем в Ливанские силы. Впоследствии марониты упоминали трагедию в Дамуре (наряду с атакой на Шекку 7 июля)¹ как поводы к разрушению палестинского лагеря Тель-Заатар в Восточном Бейруте в августе того же года. Палестинцы, со своей стороны, объясняли свою атаку на Шекку в сердце «христианской зоны» (по прибрежной магистрали от столицы на север, между христианским Батруном и центром православия Амьюном) мстостью за разрушение 29 июня лагеря Джиср-аль-Баша. (Это наступление НПС на территории ливанских каз Батрун и Кура подорвало посреднические усилия ЛАГ в первой половине июля 1976 г.)

Если вернуться к событиям и миротворческим инициативам январь-месяца, то с целью восстановить баланс сил сирийцы быстро вмешались – на этот раз на стороне ПДС: баасисты из Саики и АОП со стороны Ливана и подразделения палестинских бригад «Ярмук», «Кадисия» и «Хиттин» со стороны Сирии оттеснили боевиков Нумур и фалангистов от дороги Бейрут – Дамаск и в долине Бекаа. Одновременно, 19–20 января переговоры в Дамаске проводила ливанская делегация НПС во главе с К. Джумблатом, а уже на следующий день в Бейруте для продолжения переговоров находился глава МИД Сирии, Абдулхалим Хаддам (суннит)².

Таким образом, косвенная военная помощь и прямые инициативы по урегулированию сирийцы проводили еще зимой 1976 г. Проект сирийцев по ливанской конституционной реформе, который они продвигали в январе, был рас-

---

¹ Christians in Northern Lebanon Report Repulse of Leftist Attack // *New York Times*, July 7, 1976. P. 3. <https://www.nytimes.com/1976/07/07/archives/christians-in-northern-lebanon-report-repulse-of-leftist-attack.html>.

² Тимофеев И.В. Камаль Джумблат. С. 365.

считан именно на урегулирование конфликта, но на условии, по сути, знакомой ливанцам формулы времен событий 1958 г. «ни победителей, ни проигравших».

Важно подчеркнуть позицию сирийцев, высказанную тогда Х. Асадом, по воспоминаниям Мохсена Даллюля, что Сирия ни при каких обстоятельствах не допустит победы одной из противоборствующих сторон: «Прекращение войны подразумевает урегулирование отношений между сторонами конфликта. Если вы принимаете принцип урегулирования, мы готовы вмешаться»¹.

Тем не менее, предложенные пункты затрагивали напрямую интересы религиозных общин Ливана. Первый из них документально закреплял неписанные положения Национального пакта 1943 г., что очень не нравилось мусульманам, надеявшимся, быть может, на изменение положения о закреплении за маронитами верховной позиции в государстве. Но некоторые пункты были явно в пользу мусульман: например, выборность главы правительства парламентом, вместо назначения его президентом-маронитом, равное представительство христиан и мусульман в парламенте. Особенно приветствовали проект ливанские шииты, политическое участие которых, тем самым, усиливалось.

Ливанские НПС все же шли на большой риск для себя, приглашая сирийских военных и преданных им сил, учитывая выдвинутое условие равноудаленности Сирии от обеих сторон конфликта. Возможно, они надеялись, что начатая помощь им со стороны сирийцев будет продолжена, и что впоследствии сирийские миротворческие усилия можно будет развернуть в свою сторону.

В середине марта, сирийские военные совместно с палестинцами и отрядами ливанской Саики предотвратили захват подразделениями ААЛ президентского дворца в Баабде. Но бескомпромиссность К. Джумבלата, настаивавшего на устранении сирийского фактора, привела к широкой контратаке НПС–ПДС, причем как в Бейруте (центральный район отелей), так и в Ливанских горах. Встреча Джумבלата с сирийским президентом Асадом в конце марта не только

---

¹ Интервью с Мохсеном Даллюлем газете «Аль-Васат» (Бахрейн), № 267, 10–16.03.1997 (Цит. по: Там же. С. 365).

не принесла результата, но и окончательно разорвали отношения между ними. При этом Х. Асад выдвигал аргумент, что не может позволить христианам почувствовать, что сирийцы занимают чью-либо сторону.

Так что попытка ливанских левых заручиться поддержкой сирийцев не удалась: напротив, в ответ на развязанную ливанским НПС «горную войну» (сознательный перенос боевых действий из городов в сельские районы с конфессионально сгруппированным населением)¹ сирийцы разместили 9–11 апреля 1976 г., по некоторым оценкам, более 3,5 тыс. своих военных в приграничных с Ливаном районах в качестве предупредительной меры, а в мае усилили эффект, усилив свою группировку почти вдвое².

В итоге, именно сирийское вооруженное вмешательство предотвратило обвальную эскалацию насилия³ («горную войну» первого этапа), развязанную по инициативе Джумבלата. Кстати, разделявший его идеи Мохсен Даллюль характеризовал его как полюс непримиримой борьбы, которому «приходилось иметь дело с теми из палестинских групп, что с 1976 г. и особенно с подписания Конституционного документа пытались балансировать между ним и сирийцами»⁴.

Первостепенным в этой эскалации остается вопрос мотивов лидера друзов: как мог патриот и мыслитель, каким являлся К. Джумблат, пойти на перенос войны в районы, где общинное сознание населения фактически гарантировало затяжной характер братоубийственной взаимной мести?

Возможно, ответ можно получить из высказываний самого друзского вождя, собранных в период с сентября 1976 по март 1977 г., отредактированных

¹ В своих воспоминаниях о Джумблате, правда, один из авторов доходит до отрицания «втягивания ливанских патриотических сил и особенно Камала Джумבלата в горную войну». См.: Даллюль, Мохсен. Ат-тарик иля-ль-ватан: руб' карн би-рифкат Камаль Джумблат (Дорога домой: четверть века с Камалем Джумблатом). 2010. С. 381.

² Rasler, Karen. Internationalized Civil War: A Dynamic Analysis of the Syrian Intervention in Lebanon // *The Journal of Conflict Resolution*, Vol. 27, No. 3, Sep., 1983. P. 431.

³ Ambassade de Suisse au Liban. Rapport politique no. 6. Le gouffre libanas. Par Albert Natural. 20 Avril 1976. (Confidentiel). (10 p.) URL: <https://dodis.ch/50899>.

⁴ Даллюль М. Ат-тарик иля-ль-ватан... С. 351.

лично им, а изданных уже посмертно в 1978 г. в Париже под названием «Pour le Liban». В них сквозит вполне архаичное кланово-общинное обоснование претензий его конфессиональной группы, локализованной в горах ливанского Шуфа (при этом вовсе не упоминаются друзья иных областей, например, Хаурана). Джумблат говорил: «Только друзья знали, как вести себя с глухими, лицемерными и мятежными изоляционистами: сильный шаг, когда он должен быть действенным, и доброта, когда она разумна»¹. Приводивший эту цитату Наваф Салам пояснял, что это означало буквально следующее (словами самого Джумבלата): «Расистский и религиозный фашизм необходимо сначала сокрушить военным путем, а уже потом лечить психологически... Мы были уверены, что только наша военная победа может положить конец войне изоляционистов... Если бы городок Рейфун (в самом сердце христианских горных районов) сдался, мы бы приняли капитуляцию и подписали перемирие. Только после этого можно и нужно было быть щедрым и великодушным»².

Главе крупного и разномастного альянса, Джумблату приходилось действовать в парадигме традиционных сирийских эмиров, обосновывавших свою власть древностью и доказывавших ее решительными и жестокими шагами, насилием. Он рассказывал о своих предках: «Эмир Джанбулад нарезал себе небольшое королевство на севере Сирии, ... заключив договоры с Ватиканом, герцогством Тоскана, Испанией и небольшими христианскими государствами того времени... Другой из наших предков, шейх Али Джунбулад, позже приобрел большое влияние. Он был мудрым человеком и был... ведущим религиозным деятелем друзей, ... был своего рода арбитром между эмирами в то время»³. Изучавший этот вопрос в парижской Высшей школе общественных наук

¹ Joubblatt, Kamal. Pour le Liban. Paris: Stock, 1978. P. 183 (Цит. по: Salam, Nawaf. La guerre civile au Liban (1975–1976): lectures dans le miroir des mémoires // *Revue française de science politique*, Vol. 31, No. 4 (Août 1981). P. 783).

² Ibid. P. 184–185 (Цит. по: Salam N. La guerre civile... P. 783).

³ Ibid. P. 64–65 (Цит. по: Nahas, Charbel. Le confessionnalisme au Liban. Du fonctionnement discursif et idéologique vers la position objective du problème / Ecole des hautes études en sciences sociales. Paris, 1980. P. 32).

Шарбель Наххас считал, что опора друзского лидера на историю его предков не была случайной. Она была призвана раскрыть своего рода обратную индукцию, «”перформативную” функцию с точки зрения легитимности и аутентичности; ведь утверждение “они подобны ему” позволяет сделать вывод “он подобен им”»¹.

Кстати, в приводимом французском издании почти синонимом к эмиру идет слово «сеньор»: «Здесь меня называют владыкой Мухтары, – говорил Джумблат. – Некоторые вкладывают в это нотку иронии, как будто это противоречит тому, чтобы быть лидером прогрессистов. Я принимаю сам эпитет, не интенцию: нужно быть владыкой (сеньором) в истинном смысле этого слова; смысл всей жизни, прежде всего, – быть настоящим властителем (сувереном)»². Такое словоупотребление отсылает не только к крупному землевладению, по сути, феодальному (*заим*), но и сеньориально-вассальным отношениям в соответствующей кланово-конфессиональной общине³. И подобные социальные феномены были характерны и для других конфессионально-клановых групп (и мусульманских, и христианских).

Обстановка гражданского конфликта определяла и хозяйственные сдвиги в друзской общине, укрепляя вертикальные иерархические связи. Вашингтонский исследователь Назих Ришани писал о зависимости доходов рядовых друзов от усиления милитаризма общины: «С 1975 г. их средства к существованию все больше зависят от военной экономики, продиктованной [обслуживанием] ополчений. Лишь очень тонкому слою удалось воспользоваться вертикальной классовой мобильности, взимая налоги с местных предпринимателей и другими способами, пополнив ряды ливанского верхнего класса. И этот классовый сегмент пересекает конфессиональные границы – в своих операциях с недвижимо-

¹ Nahas Ch. Le confessionnalisme... P. 33.

² Joubblatt K. Pour le Liban. P. 184–185 (Цит. по: Ibid. P. 30; Salam N. La guerre civile... P. 773–774).

³ Кстати, такая исследовательница друзской общины, как Джудит Харик, прямо пишет о феодальном и племенном характере социальных отношений среди друзов. См.: Harik, Judith. “Shaykh al-'Aql” and the Druze of Mount Lebanon: Conflict and Accommodation // *Middle Eastern Studies*, Vol. 30, No. 3, July 1994. P. 463.

стью, вложением средств в импортно-экспортные операции и предприятия в сфере услуг»¹.

Воздействуя на основную массу единоверцев, клановые лидеры использовали и этноконфессиональный аспект. В частности, Джумблат делал упор на неприятии чрезмерных, с его точки зрения, политико-территориальных претензий других групп, отличавшихся от друзов по религии и национальному происхождению (нередко мифологизированному). В отношении своих соперников маронитов, к примеру, он сообщал: «Приспособление к социальным условиям с особой силой раскрывает скрытый темперамент людей, а также скрытое устройство конфессий, идеологий, религий, партий или обществ. Человек, в конечном счете, очень мало свободен... Что касается маронитов, многие из них, кажется, полностью утратили на протяжении всей истории истинный смысл космического христианства»². Это лишь пример критики его политических оппонентов, где причудливо сплелись неприятие маронитских социальных институтов и парадоксальное недовольство их недостаточной открытостью (на самом деле – упрек в сопротивлении левым идеям?). Похоже, что за этим стояли опасения сильного соседа-конкурента, который воспринимался как серьезный вызов могуществу друзов в Ливанских горах.

Представитель противоположного лагеря, маронитский лидер Камиль Шамун (которого в период его президентства некоторые величали «его императорское величество», *фахамат аль-малик*), со своей стороны, всячески отрицал конфессиональный аспект конфликта в Ливане. Его причиной и основой он видел конфликт ливано-палестинский. Именно это столкновение и позволило, по его мнению, интегрироваться ливанским мусульманам – «лишь в их союзе-подчинении палестинцам»³. Особенное ожесточение противостоянию ополче-

¹ Richani, Nazi. The Druze of Mount Lebanon: Class Formation in a Civil War // *Middle East Report* (MERIP), No. 162: Lebanon's War. Jan. – Feb. 1990. P. 28.

² Joubblatt K. Pour le Liban. P. 130–131 (Цит. по: Nahas Ch. Le confessionnalisme... P. 41).

³ Chamoun, Camille. Mémoires et souvenirs du 16 juillet 1977 au 24 décembre 1978. Beyrouth: Imprimerie Catholique, 1979. P. 5, 19–20; Salam N. La guerre civile au Liban... P. 787.

ниям НЛП Шамуна и ПСП Джумблата сообщала близость их родовых имений в горах Шуфа (в Дэйр-эль-Камаре и Мухтаре, соответственно).

Жестокость боестолкновений в апреле-мае 1976 г. доказывала, что под руководством К. Джумблата НПС решили использовать выпавшую им возможность окончательно взять верх¹. При этом каждая из групп «левого» альянса по-своему обосновывала участие в боевых действиях и преследовала собственные интересы – палестинцы, ливанские сунниты из ААЛ, друзы-прогрессисты и др.

В конце концов, сирийский президент Хафез Асад, идя на определенный политический и военный риск, принял решение в начале июня 1976 г. ввести в Ливан уже не отдельные подразделения, а ограниченный контингент сирийских ВС.

Руководство Сирии пошло на этот шаг без согласования с Москвой, которая едва ли могла одобрить такой шаг, со всей очевидностью направленный на обуздание в Ливане сил ПДС. В советском официальном издании того времени содержалась довольно резкая характеристика: «Эта акция сирийского правительства привела к значительному обострению обстановки в Ливане, к усилению военных действий между борющимися сторонами»².

С мнением опытного британского дипломата Айвора Лукаса, служившего в том числе послом в Дамаске³, можно согласиться лишь в первой части его высказывания: «Вашингтон и Москва видели Ближний Восток через искажающую призму своей глобальной конфронтации. Это вело к серьезным политическим ошибкам с обеих сторон, а также позволило их клиентам – Израилю и Сирии, соответственно, – использовать соперничество сверхдержав в своих собствен-

¹ Они активно развивали успех и вполне могли добиться полной победы. С этим выводом согласен, например, ученый и дипломат, Чрезвычайный и полномочный посол А.В. Вдовин, который высказывал свое мнение в частной беседе с автором в июле 2020 г.

² Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1976 год / Сост. Кирилин И.А., Калякина В.А., Потапова Н.Ф. М.: Международные отношения, 1977. С. 63, сн. 27.

³ Айвор Томас Марк Лукас (1927–2018) занимал пост главы Ближневосточного департамента Форин-оффис (1975–1979), затем служил британским послом в Омане (1979–1981) и Сирии (1982–1984).

ных целях»¹. Остается вопросом, какая из сторон была успешнее в использовании ситуации в своих идеологических интересах. Судя по тому, что именно Вашингтон подталкивал Дамаск к активным действиям, Москва выбрала непокорных Дамаску палестинцев проводниками близким к собственным идеологическим воззрениям. Поэтому мнение о Сирии того времени как «клиенте» Москвы должно быть признано ошибочным².

Исследователь из Аризоны Карен Раслер писал в 1983 г., что сирийское военное вмешательство было обусловлено такими факторами, как «(1) важные военно-политические сдвиги в Ливане (в частности, реорганизация палестинской/левой коалиции; (2) региональные соображения (в частности, потенциальная снижение сирийского влияния в Ливане, угроза смены консервативного ливанского режима радикальным и оккупации Южного Ливана израильтянами); (3) международная поддержка (в частности, одобрение США военных действий)»³. Этот автор справедливо полагал, что сирийцы получили для себя «важные сигналы к переходу от дипломатического к более явному внешнему вмешательству; интенсивный конфликт и социальная поляризация еще в конце марта 1976 г. стали поворотным пунктом в разрыве отношений между левыми и Асадом»⁴.

К поддержке Дамаска в его стремлении и дальше добиваться баланса сил в Ливане склонялись дипломаты ряда западных стран. Еще в апреле 1976 г. в докладе посольства Швейцарии в Ливане о желательности ввода сирийских войск говорилось следующее: «Для Дамаска сейчас весьма угрожающе звучат слова государственный переворот, гражданская война или просто война. Си-

¹ Lucas, Ivor. *The Paradox of Syria* // *Asian Affairs*, Vol. 25, Issue 1 (February, 1994). P. 9.

² Лишь спустя несколько лет советской официальной позицией стала неизменная поддержка действий Сирии, в том числе в ретроспекции. Об этом в беседе с автором вспоминал российский востоковед К.М. Труевцев, участвовавший во встрече в феврале 1984 г. главы МО ЦК Б.Н. Пономарёва с делегацией ДФОП: палестинцы, по его словам, были просто ошеломлены безусловным одобрением со стороны Б.Н. Пономарева абсолютно всего, что делал Х. Асад в Ливане.

³ Rasler K. *Internationalized...* P. 453–454.

⁴ *Ibid.* P. 454.

рийцы очень далеки от тех блестящих перспектив, которые открывались им еще в начале января! Посредничество сирийцев оказалось действенным, поскольку им удалось привести к равновесию стороны, равные по своим силам. Но в настоящее время христиане терпят поражение, боевые дружины левых доминируют, и посредник не может больше оставаться тем, кто просто восстанавливает порядок. Ему необходимо вмешаться. Он должен уберечь побежденных от разгрома, предотвратить установление победителем такого режима в Бейруте, который будет неприемлем для Дамаска. И особенно необходимо пресечь бандитизм, который царит в стране в настоящее время. Эта двойная задача требует наличия существенного контингента, который я оцениваю минимум в 40 тыс. военных. Известно, однако, что Израиль не желает, чтобы Сирия применяла военную силу для оккупации Ливана, а также известно, что ливанские левые абсолютно против сирийского военного вмешательства...»¹.

Косвенную поддержку варианта прямого военного сирийского вмешательства поддерживали и американцы. Основываясь на надежных источниках, И.В. Тимофеев так заключал об этом: «США не только не возражали против такого развития событий, но делали все, что в их силах, чтобы подтолкнуть Х. Асада к такому решению»². А задачу американского спецпосланника в Бейруте Д. Брауна Тимофеев характеризовал как «дипломатическое обеспечение разработанной Г. Киссинджером операции по втягиванию Сирии в ливанский конфликт»³.

Обстоятельства ввода сирийского контингента в Ливан чрезвычайно важны, они не только были связаны с предшествовавшими событиями, но и отзывались потом еще несколько десятилетий на ситуации в ливанском обществе, а

---

¹ Ambassade de Suisse au Liban. Rapport politique no. 6. Le gouffre libanas. Par Albert Natural. 20 Avril 1976. (Confidentiel). URL: <https://dodis.ch/50899>. P. 4–5.

² Тимофеев И.В. Камаль Джумблат. С. 402.

³ Там же.

потому подробно проанализированы нами в отдельной работе¹. Если рассматривать те обстоятельства в ракурсе только межконфессиональных отношений, то начальный этап сирийского присутствия в Ливане следовало бы оценивать по следующим пунктам:

1) Отражение на межобщинной повестке в Ливане сирийских инициатив мирного урегулирования конфликта (осень 1975 – апрель 1976 гг.). Ни одна из сторон не расценивала сирийцев ни как солидарных с их позициями, ни в качестве защитников определенных религиозных общин. Прагматика ЛФ и НПС заключалась в попытках тех и других использовать сирийский фактор для выполнения своих тактических задач. Сирийские миротворческие политические и военные шаги нередко подавались пропагандой как сделанные в пользу одних в ущерб другим, но, по всей видимости, на уровне рядовых членов конфессиональных общин сирийские военные воспринимались как третья сила – со своей собственной повесткой регионального масштаба. Препятствие сирийских военных эскалации столкновений в Ливанских горах весной 1976 г. влияло в основном только на боевую диспозицию и не породило масштабного противодействия со стороны гражданских представителей тех или иных общин. Тем более оно не воспринималось как действие, обусловленное конфессиональной солидарностью (алавитской или суннитской). Так что существенного сдвига в межобщинных отношениях в Ливане сирийское участие на этом этапе не вызвало.

2) Косвенное влияние мнений зарубежных игроков на диспозицию конфессионально-ориентированных боевых организаций в Ливане. Обеими сторонами ливанского конфликта учитывались мнения как мировых держав, так и стран Ближнего Востока. Кроме того, свою позицию высказывал через своих делегатов и Ватикан, пытаясь корректировать ситуацию с учетом своей внешнеполитической линии. Ни поддержка «христианских сил» западными держа-

---

¹ См.: Сарабьев А.В. Сирийский контингент в Ливане: документальная интерпретация начала // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*, 2021. (В печати).

вами, ни осуждение действий этих сил со стороны ряда мусульманских государств региона, ни даже объяснимая прохристианская позиция Ватикана в этом конфликте не были продиктованы сочувствием собственно боевым ополчениям ливанских христианских партий. Они были вызваны иными причинами: желанием противодействовать левым радикальным организациям, особенно палестинским и особенно объединенным во Фронт отказа (*ар-рафиджин*), а также обязательствами перед израильской стороной в арабо-израильском конфликте. Упоминаний о таком мотиве внешней поддержки, как притеснение христиан на Ближнем Востоке или давление мусульман региона на ливанских христиан на основе религиозной неприязни, обнаружить не удалось.

3) Прямой эффект от ввода сирийских войск, перелом в вооруженном противостоянии в пользу «правохристианских» сил в июне 1976 г. После обвальной эскалации ливанского конфликта в апреле-мае и очевидного перевеса в боевой диспозиции в Ливане НПС-ПДС целью внешних сил (США, Франции, Израиля и ряда арабских стран, в первую очередь – Сирии) стало, как минимум, выравнивание баланса, для чего требовался мощный начальный импульс. Им и стало увеличение почти на порядок сирийского воинского контингента в Ливане, которое обеспечило в целом перелом в пользу ЛФ. Широкое использование в летние месяцы 1976 г. гражданского населения – и в качестве «живого щита» (например, в палестинских лагерях) и в качестве «болевых точек» (жесточкого воздействия с целью оттянуть силы противника от цели, вынудить его к переброске для защиты своих единоверцев) – поставило сирийцев в чрезвычайно затруднительную ситуацию. Была опасность разделить ответственность с местными боевиками за масштабные жертвы среди мирных граждан, что могло противопоставить сирийские ВС целым конфессиональным общинам в Ливане и обесценить долговременные миротворческие усилия. Вполне объяснимо, поэтому, что укрепления сирийско-«правохристианского» альянса не наблюдалось: напротив, последовали контакты с умеренной частью ООП с целью поиска компромиссных решений.

В пользу мнения, что сирийские военные операции в Ливане не рассматривались большинством ливанцев в пользу той или другой стороны конфликта или конфессиональной общины, говорит свидетельство современника. Упомянувшийся выше А. Лукас писал: «Нет никаких сомнений, что вмешательство Асада в гражданскую войну в Ливане в 1976 г. вызвало возмущение многих, и не в последнюю очередь в самом Ливане, где Асад вначале поддержал палестинско-левацкую коалицию, но затем поменял позицию и поддержал сложившуюся комбинацию президента-маронита и премьер-министра суннита. Естественно, это привело к обвинениям его, по крайней мере, в неприкрытом оппортунизме в пользу баланса сил и, в лучшем случае, проведении политики "Великой Сирии"»¹. Далее британский дипломат замечал, что Дамаск преследовал в Ливане и собственные интересы, исходя из двух моментов: «во-первых, сирийцы рассматривают Сирию и Ливан (далеко не без обоснования – исторического и географического) как «две страны и один народ»; во-вторых, стратегическим императивом Асада было не допустить, чтобы Ливан стал каналом для израильской агрессии против Сирии и средством политического влияния Израиля; в-третьих, единственное мирное время для Ливана после конституционного урегулирования между христианами и мусульманами в 1943 г. – это когда Сирия была доминирующей державой. Мой собственный вывод состоит в том, что “Великая Сирия” – это скорее несбыточная мечта, чем политический вариант: со всеми неудобоваримыми предметами на своей тарелке Асад вовсе не желает проглотить Ливан целиком, но хочет сохранить единый и номинально независимый Ливан под опекой Сирии»². Никакого элемента религиозной политики такой подход, по-видимому, не предполагал. Единственным верным инструментом в отношении ливанских общин было поддержание динамического равновесия между разными конфессиями.

---

¹ Lucas I. The Paradox of Syria. P. 3.

² Ibid.

Сделанные выводы можно проиллюстрировать и документальными данными (в основном, из американского Архива национальной безопасности)¹.

Накануне ввода сирийского контингента в Ливан в апреле 1976 г. сложилась ситуация, когда «левые» силы в ливанском противостоянии стали всерьез угрожать взять верх. Помощник госсекретаря США по делам Ближнего Востока Алфред Атертон докладывал главе внешнеполитического ведомства Генри Киссинджеру еще в середине марта 1976 г.: «Ситуация в Ливане с периода прекращения огня в январе вышла из-под контроля. Причин тому было несколько. Джумблат воспротивился посредническим усилиям сирийцев и мобилизовал среди своих сторонников из левых сильную партию противников политического решения. Жестко настроенные христиане создавали на пути к этому свои преграды, но все же условия для политического решения были в целом в пользу этих христиан. Тем временем, отколовшиеся армейские части лейтенанта Хатыба набрали очки и способствовали распаду армии. Результатом стало смещение баланса сил в сторону левых, “мусульманизация” и военное вмешательство в рамках “исправительного движения”»².

Интересно, что на вопрос госсекретаря о возможностях контактов с ливанскими партиями и использовании влияния на них, был ответ, что единственным действенным каналом влияния на ливанцев остается «Сирия или через Сирию»³. Якобы сирийцы могли бы воспрепятствовать продвижению отрядов Хатыба с юга по направлению к президентскому дворцу в Баабде.

Заместитель помощника американского госсекретаря Артур Р. Дэй в беседе с участием высшего руководства Госдепартамента так обосновывал свою убежденность в будущем вводе сирийского контингента в Ливан: "Престиж Асада, как и его позиции в арабском мире, усилились благодаря его первоначаль-

¹ Богатые сведения о «внешнем» измерении этого конфликта дают рассекреченные американские документы из фонда Генри Киссинджера из Цифрового архива национальной безопасности США (Digital National Security Archive, DNSA).

² US DNSA. Kissinger Transcripts, 1968–1977. US Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 15, 1976. (Secret, NoDis – Declassified). P. 1.

³ Ibid. P. 2.

чальному успеху в решении ливанского вопроса. Он определенно не может позволить себе пустить ситуацию на самотек. Ему есть что терять»¹.

Как известно, сирийцы ввели в Ливан некоторые подразделения еще в марте 1976 г., и у американцев вызывал беспокойство, как докладывал госсекретарю Генри Киссинджеру директор Службы по разведке и аналитике (Intelligence and Research, INR) Хэролд Сондерс, тот факт, что израильтяне перейдут к военным действиям, если сирийские ВС войдут в Ливан². Очевидно, не только ненужное израильско-арабское обострение вызывало обеспокоенность американцев, но и неготовность пока к тактическому союзу с сирийцами «правохристианских» сил. Лаконично эта мысль была выражена Киссинджером: «Ввод сирийский войск может сдвинуть баланс в ущерб христианам», и подтверждена его помощником Атертоном: «Верно. И христиане [в этом случае] теряют что-то из того, что им удалось при сирийском посредничестве»³.

Логично, что следующие два с половиной месяца американцы посвятили выстраиванию мостов между «правохристианскими» силами и сирийцами. В тот же период (8 мая 1976 г.) на президентских выборах в ливанском парламенте победу одержал просирийски настроенный Ильяс Саркис (правда, он не смог приступить к своим обязанностям еще долго – вплоть до 22 сентября). Одним из итогов внешних усилий по сближению сторон столь противоречивого альянса стало закрепившееся в истории мнение, что сирийцы вошли в Ливан 1 июня, чтобы поддержать христиан в их борьбе против палестинцев-суннитов.

Кстати, о сирийском треке американской политики еще накануне гражданской войны в Ливане в неожиданном ключе рассуждал заслуженный ливанский и международный деятель Шарль Малик. Он со знанием дела описывал направленность американской политики на потепление отношений с Сирией с целью сирийско-израильского урегулирования, и Ливан стал, возможно, пло-

---

¹ Ibid. P. 3.

² Ibid. P. 3.

³ Ibid. P. 2–3.

щадкой для опосредованной сирийско-израильской координации в масштабе региона. «Сирия, – писал Ш. Малик осенью 1974 г., – это ключ, и американцы начали понимать, что она вполне может оказаться самым важным ключом. И здесь Америка хочет развивать свои отношения с Сирией в тех рамках, которые последняя устанавливает для себя в отношении Израиля. Эти отношения в последнее время заметно улучшились»¹.

Что касается советской дипломатии, то глава британского Форин оффис Джим Кэллэган² сообщал, что его коллега А.А. Громыко³ заявил ему, что ничего не знал о планах сирийцев, но обещал войти с ними в контакт по этому вопросу, попросив британцев войти, в свою очередь, в контакт с израильянами. Представляет интерес замечание Киссинджера, что «если советские вступили в сговор с сирийцами, то это (вероятно, ввод сирийского контингента в Ливан. – А. С.) не причинит никакого ущерба»⁴.

Из стран Машрика американскую позицию в целом поддерживала Иордания. Сирийцы, по мнению иорданцев, боролись с ООП, а также «несогласными» в Ливане и коммунистами, а также защищали христиан. Саудиты также, по словам Киссинджера, полагали, что сирийцы вели себя слишком сдержанно и что они обладают «исключительными позициями» в ливанских делах, которыми следует воспользоваться⁵. Египтяне же, напротив, возражали против вво-

¹ Malik, Charles. Continuity of US Policy // *Journal of Palestine Studies*, Autumn, 1974, Vol. 4, No. 1. (P. 159-162) P. 161.

² Леонард Джеймс Кэллэган (1912–2005), барон Кардиффа, – британский министр внутренних дел (1967–1970), госсекретарь (1974–1976) и премьер-министр (до 1979), член Палаты общин, деятель Лейбористской партии.

³ Громыко Андрей Андреевич (1909–1989), д. э. н., министр иностранных дел СССР в 1957–1985 гг., председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1985–1988 гг.

⁴ US DNSA. Kissinger Transcripts, 1968–1977. Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 24, 1976. (Secret, NoDis, XGDS – Declassified). P. 4.

⁵ Заслуживает упоминания, что за полгода до того очевидцы полагали, что «Саудовская Аравия и Кувейт, хотя и благожелательны по отношению к Ливану и враждебны левым, но финансируют палестинцев». См.: Stoakes F. *The Civil War...* Jan., 1976. P. 15. В условиях остроты идеологического противостояния подобная тактика могла быть продиктована лишь общностью вероисповедания с палестинцами и нежеланием перевеса в пользу ливанских христиан – пусть и в ущерб идеологии.

да в Ливан войск Сирии или каких-либо еще стран, обвиняя сирийцев в сговоре с США¹.

Можно видеть, что на первом плане стояла политическая конкуренция в региональном масштабе, а вовсе не вопрос симпатий к тем или иным ближневосточным конфессиям. Это не был вопрос столкновения маронитов и суннитов. Не было это отнюдь и вопросом солидарности алавитского меньшинства с ливанскими христианами перед лицом «суннитской угрозы». Религиозно-конфессиональный момент был сопутствующим, но далеко не определяющим ни действия сирийцев, ни и их поддержку извне.

Сочувствовавшая палестинцам часть ливанской армии (где большинство составляли сунниты социалистической ориентации) вызывала опасение и у противников левых идей в глобальном масштабе. Американцы были обеспокоены явным усилением разного толка левых идей на территории Ливана (среди палестинцев и собственно ливанцев), а израильтяне – сил, стоявших на позициях антиссионистского сопротивления. В Вашингтоне, очевидно, решили поддержать консервативно настроенные христианские круги в Ливане, но опосредованно. В одном из телефонных разговоров госсекретаря Киссинджера с израильским послом даже звучал намек, что ввод сирийских войск в Ливан может стать вынужденным, но желанным для американской стратегии и для израильтян обстоятельством².

Тем самым, возникло неожиданное тактическое совпадение интересов: в поражении НПС оказались заинтересованы – совершенно по разным причинам – (а) ливанские консерваторы-христиане, (б) сирийцы, оспаривавшие сложившуюся тогда палестинскую повестку, (в) американцы, которые видели в насестах, коммунистах и прогрессистах НПС, а также палестинцах, своего рода

¹ Интересно попутное замечание Киссинджера, отражавшее острую региональную скорее идеологическую, нежели военно-политическую конкуренцию Египта и Сирии: «Единственной целью египтян [в этом эпизоде] является полное унижение Асада».

² US DNSA. Kissinger Telephone Conversations, 1969–1977. Tele[phone] Con[versation Transcript], The Secretary [Kissinger] – Ambassador Dinitz, April 3, 1976, 3:10 p.m. (Unclassified) P. 1.

ближневосточное крыло противостоящего им идеологического блока в «холодной войне», и (г) израильтяне, естественным образом заинтересованные в ослаблении палестинских сил в Ливане.

Альянс оказался хрупким, к тому же очень вредил репутации сирийцев в глазах палестинцев, которые не просто несли потери, но и подставили в июне-июле 1976 г. под страшный удар несколько своих лагерей в Бейруте. И тем не менее, по крайней мере в начале июля еще продолжались активные контакты «христиан» с сирийцами, а американцев – с теми и другими¹. Но уже в конце июля израильтяне выражали беспокойство по поводу просочившейся якобы информации о выстраивании координации между сирийцами в Ливане и ООП.

Оставляя за скобками изменения региональной диспозиции и интересы внешних игроков, остается важным вопрос: удалось ли сирийцам погасить внутриливанский конфликт военной силой? Упомянувшийся выше К. Раслер писал: «Сирийцы смогли уменьшить внутренний конфликт на севере Ливана с ноября 1976 г. по декабрь 1977 г. На юге Ливана они были менее эффективны, но они и не могли направить войска в этот район. Следовательно, в итоге конфликт между палестинцами, [ливанскими] левыми и правыми в конечном итоге после сирийского вмешательства не разрешился»².

Действительно, в определенной степени был купирован внешний для ливанцев – палестинский – фактор в ряде районов, что несколько ослабило напряжение конфликта. Однако в ответ радикализировались уже ливанские левые, раздраженные действиями сирийцев не в свою пользу. «Вмешивающийся, – замечал К. Раслер, – с большой вероятностью инициирует новый раунд взаимных испытаний и создание коалиции между внутренними и внешними группами, чьи политические и военные позиции стали более сомнительными. Вмешива-

¹ Об этом свидетельствует, в частности, запись разговора Г. Киссинджера с заместителем его помощника по Ближнему Востоку Артуром Дэйем 1 июля. См.: US DNSA. Kissinger Telephone Conversations, 1969–1977. Tele[phone] Con[versation Transcript], Mr. Day – Secretary Kissinger, July 1, 1976, 10:43. (Uncliffified) P. 1.

² Rasler K. Internationalized Civil War... P. 453.

вающаяся сторона становится фактически еще одним из многих претендентов на окончательный политический контроль, и, тем самым, скорейшее разрешение конфликта откладывается»¹.

Между тем, внутреннее разделение в Ливане углублялось, причем разделение внутриконфессиональное. Один из ярких примеров тому представляла друзская община: в октябре 1976 г. Фаридом Хамаде из друзской фракции противников К. Джумבלата был образован «Авангард армии Маани». Как сообщает Рене Шамюсси, курировали ее офицеры ливанской армии Рауф и Вахиб Абд-ас-Салам. Сражаясь бок о бок с ЛФ, эта группа заявляла о своей готовности освободить Ливан от палестинцев и коммунистов².

Новый виток насилия был связан уже с очередной радикализацией НПС в начале 1978 г. и жестким ответом на него со стороны ЛФ. Сирийцы к этому времени действовали в Ливане уже в составе Межарабских сил сдерживания (МСС)³, и их повестка усложнилась еще и конкуренцией внутри этих региональных арабских сил.

Судя по последовавшим событиям, заинтересованные внешние акторы признали стратегически важной «конфессиональную карту». В частности, задачей израильтян теперь стало усиление религиозного фактора ливанского противостояния, который должен была окончательно расколоть тактический альянс христиан и сирийцев. Было желательно, чтобы обе стороны понесли имиджевые потери для перекрытия каналов внешней подпитки.

---

¹ Ibid.

² Chamussy, René. *Chronique d'une guerre: Liban 1975–1977*. Paris: Desclée. 1978. P. 231.

³ Созданы в октябре 1976 г. Решением встречи на высшем уровне (главы Ливана, Сирии, Саудовской Аравии, Египта, Кувейта и Я. Арафат) в Эр-Рияде 17 октября Межарабские силы безопасности получили новое название, МСС, их руководителем определялся ливанский президент. На Каирском чрезвычайном совещании глав государств 25–26 октября был установлен бюджет МСС, основными донорами которых стали КСА и Кувейт. См.: Алиева С. Палестинское движение сопротивления и арабские страны... С. 153. МСС были расквартированы преимущественно в долине Бекаа (штаб-квартира в Шторе, базы в районе Райяка близ Захла, в Хермеле и Баалльбеке. Сирийцы составляли костяк МСС – около 25 тыс. из 30 тыс. личного состава. Мандат военной группировки продлен в 1979 г., но из нее вывели свои контингенты КСА, ОАЭ, Судан и Ливия.

Поскольку задача США ослабить левые силы в Ливане все еще не была решена, естественным образом, и позиция американцев развернулась по отношению к сторонам ливанского конфликта: от былой косвенной поддержки христианских сил в Ливане они перешли к тактике разогревания межрелигиозной розни путем усиления исламского радикализма – в том числе при посредничестве иранских исламистов. В этом плане важны сведения, полученные американцами в Тегеране в октябре 1979 г. от своего осведомителя, что в Северном Ливане серьезно ухудшилось отношение к шиитам, которых местное суннитское население подозревает в союзе с палестинцами. Американцы, в свою очередь, вполне согласуясь с позицией иранских исламистов, рекомендовали палестинцам «мирную» иранскую модель мобилизации населения – религиозную: «Иранцы хотели бы усиления в призыве ООП составляющей религиозной исламской солидарности, – писали из американского посольства в Тегеране в октябре 1979 г. – Если же ООП продолжит свой светский подход, то победу гарантировать невозможно. И даже если ООП сумеет сделать великим Палестинское государство на светской основе, то могут быстро подняться марксисты и радикалы и взять верх»¹. То есть, использование религиозного фактора все равно сводилось к главной цели – глобальному противостоянию марксистским идеям. Атеистическая генеральная линия марксистских групп сама подсказывала эффективное оружие против них на местах – исламский радикализм разных толков.

В продолжение этой логики возникает и следующий важный для ливанских событий вопрос: мог ли давать преимущества разным сторонам перевод сложного конфликта в Ливане в чисто внутрививанский? Положительный ответ на него заставляет отмечать, в таком случае, неизбежность перехода внутрививанского «идейного» конфликта в межконфессиональный – в силу самой спе-

---

¹ US DNSA. Telegram to US Secretary of State, Washington DC from American Embassy, Tehran, 23 Oct 1979, No. 111217 (Confidential – Declassified).

цифики общественно-политической структуры этой страны. В этом заключалась и взаимосвязь нового расклада сил с интересами внешних акторов.

Возникшим в тот период одним из крайним подходом к ближневосточным делам стало территориальное переформатирование (показательны более поздние неологизмы *reshaping* или даже *right-shaping, right-peopling*)¹ по конфессиональному признаку. В ходе событий гражданской войны в Ливане – видимо, в русле крайних идей, вызывавших острое неприятие еще в конце 70-х годов – вскоре у ряда наблюдателей создалось впечатление желательности размежевания основных религиозных общин новыми государственными границами.

Как пишет в своей книге 1985 г. служивший тогда в военной разведке журналист-международник Л.И. Медведко, еще на исходе первого этапа гражданской войны в Ливане высказывались идеи превращения Ливана в конфессиональную федерацию, в которой наиболее крупные общины могут пользоваться полной автономией², а рассуждения о целесообразности создания «автономных мини-государств», довели до таких выводов: «...Положение на Ближнем Востоке коренным образом изменится. Религиозные меньшинства – христиане, друзы, алавиты – могут оказаться под протекцией Израиля. Сирия в таком случае перестанет существовать как ближневосточная держава»³. Такая перспектива звучали тревожно для региона, поскольку на фоне нового витка эскалации в Ливане, действительно, открывалась возможность изменения ближневосточно-

---

¹ O’Leary, Brendan. The Elements of Right-Sizing and Right-Peopling the State // *Right-Sizing the State: The Politics of Moving Borders*. Ed. by O’Leary B., Lustick I., Callaghy Th. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 15–73; Yiftachel O. 2001. ‘Right-Sizing’ or ‘Right-Shaping’? Politics, Ethnicity, and Territory in Plural States // *Right-Sizing the State...* P. 358–387; Наумкин В.В. Территориальное и демографическое «упорядочивание»: ближневосточные вызовы // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 6. С. 67–80.

² Медведко Л.И. ...Этот Ближний бурлящий Восток: Документальное повествование. М.: Политиздат, 1985 (335 с.). С. 236.

³ Там же. Об «экстраполяции» процесса децентрализации и на сирийскую почву см.: Иванов С.А. Межарабская политика Сирии в свете проблем Ближневосточного конфликта (1963–1984). М., 1986. С. 247.

го *modus vivendi* – сосуществования разных конфессиональных общин в рамках национальных государств.

Подтверждением указанных идей, захвативших в то время умы некоторых стратегов, могут служить слова британского парламентария, политолога Дениса Хили¹, выступавшего на заседании Палаты общин 22 июня 1982 г. «Некоторые американцы и израильтяне явно мечтают о создании христианского маронитского Ливана в качестве стабильного и постоянного фактора на Ближнем Востоке. Однако я считаю, что история учит нас, что это пустая тростинка, на которой можно основывать политику... В нынешней ситуации легко забыть, что, когда сирийские войска впервые вошли в Ливан, они должны были защитить христиан, а не мусульман. Нет абсолютно никаких оснований полагать, что в отсутствие внешних сил любая политика, основанная на маронитских христианских общинах в Ливане, будет иметь большие шансы на выживание... Попытка создать христианскую банановую республику, поддерживаемую богатыми европейскими туристами в качестве израильского спутника, обречена на провал. По сути, это как раз то, о чем доктор Киссинджер просил в качестве своей первой цели»².

На фоне актуализации религиозного активизма в регионе, идея реформирования национальных государств извне уже рассматривалась как реалистичная. «Если сирийское правительство будет вынуждено вывести свои войска из Ливана... – писали Пол Джурейдини и Роналд де Маклорин в 1984 г., – силы ливанских христиан продвинуется к полному осуществлению своего контроля над Ливаном. При таких условиях Ливан может пойти тремя путями: (1) христианское государство от нынешней границы с Сирией на севере до нынешней

¹ Барон Денис Уинстон Хили (1917–2015) был одним из соучредителей Бильдербергского клуба (1954), советником Чэтем-хаус и Международного института стратегических исследований; в 1964–1970 г. занимал пост министра обороны Соединенного Королевства, а в 1974–1979 – канцлера казначейства, ведущий политик Лейбористской партии, член Тайного совета Ее Величества, автор нескольких книг на историко-политические темы.

² UK House of Commons Hansard. Commons Sitting, 22 June 1982, 6th Series, Vol. 26. P. 261. URL: <https://parlipapers-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/parlipapers/docview/t71.d76.cds6cv0026p0-0002?accountid=108701>. P. 220.

границы с Израилем на юге; (2) христианское государство от пункта где-то между Бейрутом и Триполи до Сайды; (3) христианское государство от пункта где-то между Бейрутом и Триполи до нынешней границы с Израилем»¹.

Арабские страны региона в основном заняли однозначную позицию единства Ливана, ведь допустить раскол страны по религиозному признаку означало запустить волну социальной нестабильности и у себя. Хотя было очевидным и их нежелание видеть на Ближнем Востоке христианский анклав, оформленный в отдельное государство среди мусульманских по преимуществу стран. За территориальное единство Ливана выступали и мировые державы, и духовный центр ливанских униатов – Ватикан.

И тем не менее, в задачи некоторых стран входило продолжение и углубление диссоциации ливанского общества, наряду с маргинализацией палестинцев в Ливане. Эта страна оставалась относительно безопасным соседом, пока социальное разделение проходило не по границам классов (горизонтальные слои), а по границам конфессиональных общин (вертикальные социальные группы). Только в этом случае нестабильность в стране сохранялась изолированной и почти не имела деструктивного заряда «перехлестывать» через государственные границы. Ведь ливанские конфессиональные общины в немалой степени были завязаны на местные кланы, а следовательно их проблемы не вызвали особого сочувствия даже среди единоверных общин соседних стран.

В качестве яркого примера усилий по разогреву межконфессионального конфликта в Ливане (кроме прочих целей) отдельного упоминания заслуживает громкое политическое убийство начального этапа гражданской войны – убийство Камала Джумבלата 16 марта 1977 г. Важно, что первое покушение на него было совершено еще 6 декабря 1976 г., когда было убито 4 человека и ранено около двух десятков, но тогда лидер «Национального движения» уцелел. Как

---

¹ Jureidini, Paul A.; McLaurin, R. D. Political disintegration in contemporary politics // *International Interactions: Empirical and Theoretical Research in International Relations*, Vol. 11, No. 2, 1984. P. 178.

эта попытка, так и последовавшее через 4,5 месяца убийство, унесшее жизнь Камаля-бека, были акциями хорошо подготовленными.

Подозрение падало на его противников из ЛФ и особенно сирийцев, которых могла раздражать бескомпромиссность Джумבלата. Однако логическое рассуждение о «бенефициарах» этих терактов приводит к заключению, что это могли быть силы, заинтересованные, во-первых, в углублении внутриливанского характера конфликта, а во-вторых, в нагнетании недовольства сирийским присутствием в Ливане как палестинских, так и местных боевых групп. Стороной, к которой подходят обе эти заинтересованности, были израильские стратеги. Ведь первое вполне укладывалось во взятый Израилем курс на усиление межконфессиональной розни среди ливанцев, что могло принести непосредственное сближение с «врагом врага» – правохристианским лагерем, сдерживавшим нарастающую волну ливанского антиссионистского сопротивления. Второе же могло быть связано с подготовкой сепаратного израильско-египетского договора, который обещал вызвать острую реакцию сирийцев.

Кроме того, жизненная заинтересованность израильтян в питающих страну водных источниках Южного Ливана (Джануб) и оккупированных сирийских Голанских высот (Джулан) диктовала им необходимость южноливанского «буфера», коим и стали части марионеточной АЮЛ, демонстрировавшие открытый разрыв с арабской антиссионистской идеей. Особенную тревогу израильтян проблема водных источников Юга Ливана вызывала в свете усиления шиитского «Движения обездоленных» и возможной ставки сирийцев в Ливане на шиитов, наряду с палестинцами.

Объяснимо поэтому, что обвиненными в убийстве, по плану заговорщиков, должны были стать сирийцы. А раздражение сирийцев сепаратным миром с Израилем Египта действительно было велико. К. Пакрадуни в своих воспоминаниях даже упоминает якобы мечтательную мысль А. Хаддама в разговоре с Х. Асадом о желательности убийства египетского президента или его заключе-

нии под стражу¹. Судя по общему тону мемуаров К. Пакрадуни, этот эпизод мог и не иметь места в действительности, и тем не менее, брошенное в сердце-вину арабского мира «яблоко раздора», коим стало Кэмп-Дэвидское соглашение, начало работать на управляемость конфликта в Ливане еще до своего подписания.

Тем самым, убийство К. Джумבלата послужило задаче шельмования сирийцев в Ливане, закреплению внутриливанского характера конфликта и, главное, преподнесению его как конфликта межконфессионального.

Анализ взаимоотношений между разными общинами затрудняется ожесточенной внутриобщинной борьбой. Она носила чаще всего межклановый характер, а иногда сводилась к оспариванию властных прерогатив полевыми командирами. Ярким примером выступают столкновения между разными маронитскими силами. Ожесточенность этой борьбы (формально – внутриконфессиональной) была столь велика, что нередко даже заслоняла собой боевые действия между разными конфессиональными ополчениями. Шиитская повестка в Ливане во второй половине 80-х годов сохранялась в виде программы антисионистского Сопротивления, и она заслуживает отдельного рассмотрения. Но и между шиитскими ополчениями имели место кровопролитные бои. Суннитские лидеры предпочитали акцентировать свое внимание на использовании рычагов влияния через своих представителей в правительстве, возглавляемом спикером-суннитом и парламенте. Но суннитские формирования входили в разные боевые объединения (например, ААЛ, Мурабитун) и нередко вступали в боестолкновения с единоверцами (например, сирийцами). Ливанские друзья сохраняли собственные ополчения и особенно активно защищали свой традиционный анклав в горах Шуфа. Именно друзья выступали в качестве противников маронитских отрядов в местах близкого расселения общин. Но и среди друзей слу-

---

¹ Pakradouni, Karim. La paix manquée: le mandat d'Elias Sarkis (1976-1982). Beyrouth: Éditions FMA, 1984. P. 172.

чались нередкие расхождения политических позиций – по границам кланово-клиентельных групп.

В клане Джумблата место убитого отца занял более умеренный, как считали, политик, его сын Валид. 30 апреля 1977 г. на совете в имении Маджида Арслана (предводителя клана Язбеков, депутата от округа Алей) был поддержан примирительный курс президента Ильяса Саркиса и подтверждена приверженность суверенитету и единству Ливана. После назначения Валида 1 мая генсеком ПСП (фактически, по наследству), уже 19 мая состоялось первое зарубежное турне, и первой страной посещения стала Сирия, где он был принят президентом Х. Асадом¹.

Общинно-ориентированный стиль нового лидера друзов проявился в том, что он, несмотря на продолжение альянса с ПДС и поддержку активности палестинских боевиков в разных районах собственной страны, препятствовал какой-либо их активности или размещению в казе Шуф, где располагаются друзские городки и деревни, а также само родовое гнездо Джумблатов Мухтара.

Зато в казах Шуф и Алей, населенных друзами и христианами, начали происходить столкновения друзских отрядов ПСП и маронитских объединенных Ливанских сил, возглавляемых Баширом Жмайелем. На это наложились оккупация Шуфа уже на третий день после израильского вторжения в Ливан (6 июня 1982 г.). Нужно отметить, что ополчения друзских кланов Джумблатов и Арсланов демонстрировали единство в понимании ситуации и в самих боевых действиях, тогда как отряды, выставленные кланом Язбеков, демонстрировали тактическую автономность, выражая несогласие с политической линией В. Джумблата².

Это был острейший момент внутренних и межобщинных разделений в условиях мощного вторжения израильской армии и глубокого проникновения

---

¹ Fiches du monde arabe. Sujets generaux – Politique/Religion. Druzes. 13 sept. 1983, No. 2294. Gen-1202/7. F. 1.

² Ibid. F. 2.

на ливанские территории, вплоть до столицы. Израильская оккупация ожидаемо стала серьезным разделяющим фактором, обстоятельством, обострившим взаимные обвинения. На этот раз интервенция оказалась особенно жестокой и неразборчивой по отношению к жертвам среди мирных жителей. В качестве примера международной реакции можно привести мнение об израильском вторжении в Ливан, как его характеризовали некоторые британские парламентарии: «...пересечение израильскими войсками территориальной границы и вторжение в Ливан с такой жестокостью и с таким развертыванием военной мощи, которое нанесли абсолютно неприемлемый ущерб гражданскому населению этой страны»¹. В красках описывал штурм ливанской столицы на девятый день вторжения Е.М. Примаков: «Началось беспрецедентное по своему цинизму разрушение ливанской столицы с воздуха, моря и суши. Бомбами, ракетами и артиллерийскими снарядами – в том числе шариковыми, фосфорными и вакуумными бомбами американского производства – были уничтожены сотни домов, погибли многие тысячи мирных жителей»².

Обвинения в сговоре с израильскими оккупантами, которые нередко раздаются в адрес маронитов, выдвигались в тот период и в адрес друзов. Об этом свидетельствует и тот факт, что 25 июня Валид покинул многодневные заседания Комитета национального спасения при президенте Ливана в знак протеста против обвинений в адрес друзов в пассивности и якобы сговоре с израильтянами.

Настоящая «горная война» между ливанскими друзами и маронитами разразилась в условиях масштабной израильской оккупации друзско-христианских районов, включая окрестности Бхамдуна и Алея (26 июня). Ожесточенные друзско-маронитские столкновения имели место в населенных пунктах и окрестностях со смешанным населением: Карья, Шбанийе, Хобайх и Рас-

¹ UK House of Commons Hansard. Commons Sitting, 22 June 1982, 6th Series, Vol. 26. P. 261. URL: <https://parlipapers-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/parlipapers/docview/t71.d76.cds6cv0026p0-0002?accountid=108701>.

² Примаков Е.М. История одного сговора. М.: Политиздат, 1985. С. 236.

эль-Харф в районах Южного Метна, граничивших с казой Алей. Эти события считают и положили начало острой фазы межобщинных столкновений, вошедших в историю как Горная война.

Израильтянам удалось столкнуть друг с другом соперничающие силы разных конфессиональных общин Ливана: друзы считали, что боевики-марониты из ЛС пользуются моментом, действуя в узких кланово-конфессиональных интересах – установить в итоге политическое и силовое доминирование своей общины. Друзы, поэтому, отстаивали право собственными силами защищать свои дома, опасаясь военного присутствия маронитских отрядов (даже в составе армейских бригад).

В свою очередь, марониты задавались вопросом, отчего ополчения друзов не были разоружены израильтянами даже на оккупированных территориях, и это давало основание подозревать израильтян в содействии ливанским друзам в попытке окончательно разбалансировать социальные отношения в Ливане. Марониты объясняли свое вооруженное присутствие необходимостью защитить христианское население этих сел и городков в окрестностях Алея и Бхамдуна, а также гарантировать беженцам-маронитам вернуться в свои дома после оккупации. У каждой из сторон, тем самым, была своя «правда», а недоверие к противоположной стороне только росло. В условиях иностранной военной оккупации страны такое размежевание было катастрофичным.

Не утихали и внутриобщинные противоречия – как среди маронитов, так и среди друзов. В частности, в августе 1982 г. полномочия Башира Жмайеля как военного лидера ЛС в сопротивлении израильским оккупантам полностью признал глава рода Арсланов Маджид, в то время как другие кланы и друзские шейхи-уккаль требовали присутствия в своих землях только официальных ливанских армейских соединений, исключая ЛС. Кстати, именно мягкостью в от-

ношении фалангистов объясняли падение авторитета Арсланов, главенствующего рода старинного друзского клана Язбек¹.

Не избежал внутренних разделений и суннитский политический бомонд. Умеренные политики, искавшие путей к компромиссам в гражданской войне, в значительной степени утратили доверие со стороны тех, кто на волне своего радикализма пытался набрать политические очки и пройти в верховную власть. Плотные ряды «старого истеблишмента» не допускали в свою среду родовой ливанской знати новых людей, не готовых, по их мнению, к «консоциации», не понимающих основы ливанской совещательности. Это старинное сословие не могло принять ни полевых командиров, ни недостаточно знатных лидеров. Иными словами, ни классовая, ни конфессиональная близость далеко не были минимальными условиями прохождения во власть. В основе лежала преданность самому принципу ливанской политической сцены, сложному и коренящемуся глубоко в истории, и бескомпромиссность точно не входила в число ее характеристик.

Вполне ожидаем был и встречный ход радикально настроенных суннитов из НПС: лишенными доверия оказались такие суннитские политические тяжеловесы, как, например, Шафик аль-Ваззан, глава правительства при Ильясе Саркисе и Амине Жмайеле, Саиб Салам, экс-премьер и влиятельный посредник в переговорах с палестинцами. Радикально настроенные единоверцы обвиняли их в сотрудничестве с «промаронитским руководством страны», а также в недопустимой мягкости политических позиций. Впрочем, как писал Асаад Абухалил, «некоторые традиционные лидеры суннитов, такие как Усман аль-Дана из Бейрута и Сулейман аль-Али из Аккара, открыто присоединились к ЛС и лично Баширу Жмайелю»².

¹ AbuKhalil, As'ad. Druze, Sunni and Shiite Political Leadership in Present-Day Lebanon // *Arab Studies Quarterly*, Fall 1985, Vol. 7, No. 4: The Realignment of Power in Lebanon: Internal and External Dimensions. P. 33; Harik, Judith P. Change and Continuity among the Lebanese Druze Community // *Middle Eastern Studies*, Vol. 29, No. 3, Jul., 1993. P. 381.

² AbuKhalil A. Druze, Sunni and Shiite... P. 38.

Б. Жмайель был избран на пост президента 23 августа 1982 г., но 16 сентября, за неделю до инаугурации был убит в результате взрыва в штаб-квартире Катаиб¹, и пост президента занял его брат Амин. Конфликт между промаронитскими ЛС и Катаиб и друзской партией Джумблатов углубился, и был осложнен тем, что маронитские политики пытались усилить позиции Арсланов среди друзов и дискредитировать Джумблатов². Это еще больше противопоставило друзские партии между собой и усилило столкновения с маронитскими партийными ополчениями.

С отходом израильтян со своих позиций в Южном Метне, Шуфе и Алее (4 сентября 1982 г.) ситуация не улучшилась – наоборот, конфликт стал острее. Его подогревали продолжавшиеся акты взаимной мести, наиболее известным из которых стала атака на палестинские лагеря в Бейруте Сабру и Шатилу. Она стала одним из самых трагических эпизодов ливанской истории, даже своего рода «исторической травмой» палестинцев в Ливане. Вероятно, обращение к этому событию гарантировано в будущем в качестве не столько даже иллюстрации жестокости, находящей себе «национально-религиозные» обоснования. В первую очередь, это пример фатально разрушительного для общества воздействия внешней силы (тем более, оккупационной), тактически заинтересованной в раздроблении соседнего социума по наиболее чувствительным линиям, иными словами – в религиозной розни. Документальное и очень подробное описание взаимосвязанных событий периода восхождения к президентской власти Башира Жмайеля, включая резню в Сабре и Шатиле, предоставил опытный

¹ С.А. Иванов считает, что убийство было делом рук «произраильской фракции фалангистов – тех же лиц, что уже методически готовили резню в двух палестинских лагерях совместно с израильской разведкой». См.: Иванов С.А. Межарабская... Т. 2. Прим. 26. С. 432. (Дипломат приводил в подтверждение две ссылки: Примаков Е.М. История одного сговора: (Ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х годов). М.: Политиздат, 1985. С. 279–281; Saint-Prot, Charles. Les mystères syriens: la politique au Proche-Orient de 1970 à 1984. Paris: Albin Michel, 1984. P. 178–179.

² В этом проявлялось скорее соперничество между клиентельными сетями, а не собственно межклановая конкуренция. Ведь между самими кланами установилась родственная связь: мать Валида Джумблата – Мэй, урожденная Арслан, была дочерью знаменитого друзского деятеля, шейха Шекиба Арслана (1869–1946), а эмир Маджид Арслан (1908–1983), в свою очередь, был женат на Хауле Джумблат (вторая жена), матери одного из нынешних друзских лидеров, Талыла Арслана.

французский военный корреспондент, работавший долгое время в Ливане, Ален Менарг. Он убедительно доказывает определяющую роль израильских спецслужбы Мосад и армии Цахал в проведении расправы – руками ливанцев – над обитателями этих палестинских лагерей¹.

Впосле объяснимым образом получили новый импульс акции взаимной мести, включая убийство Б. Жмайеля и кровавые эпизоды Горной войны. Серьезные боестолкновения происходили в период до февраля 1983 г., и после недолгого перемирия опять последовали с возраставшей силой взаимной враждебности. В отношении конкретных фактов стоит упомянуть диссертацию, подготовленную в Джорджтаунском университете, в которой были тщательно собраны факты не просто мести, но мести религиозной, включая осквернения священных объектов, соответственно, друзов и маронитов. Автор опирался, в том числе, на документальные данные, и в качестве иллюстрации можно привести процитированные в работе слова Валида Джумבלата, полные горечи и, образно говоря, «обреченности на насилие»: «Мы собираем как можно больше подкреплений для отправки на линию фронта Кабр-Шам‘ун. Вчера ливанская армия вошла в Сайид-Абдалла, святыню друзов. Они полностью разрушили и сожгли ее. Это безжалостная и беспощадная борьба. Христиане хотят полного разрушения того, что осталось от Ливанских гор. Но они должны помнить, что десятки и десятки тысяч людей (христиане из Шуфа. – *Прим. ред. Liberation*) укрылись в Дэйр-эль-Камаре, который становится ставкой в этой политике. Если они намереваются разрушить деревни друзов, Дэйр-эль-Камар будет уничтожен»².

В этих условиях израильские власти, очевидно, пытались использовать солидарность израильских друзов, ливанских и проживающих на оккупирован-

¹ Ménargues, Alain. Les secrets de la guerre du Liban: Du coup d'Etat de Bachir Gémayel aux massacres des camps palestiniens. Paris, 2004. P. 265–293.

² Paris Liberation, Druze Goals Outlined: Interview with Druze leader Walid Jumblatt by Selim Nassib during tour of Ash-Shuf, 1983 (Цит. по: Hinson, Matthew. Crimes on Sacred Ground: Massacres, Desecration, and Iconoclasm in Lebanon's Mountain War 1983-1984 / Honors Thesis, Georgetown University, 8 May 2017. P. 53).

ных Голанских высотах. Те провели 10 октября манифестации с требованием к ЛС остановить бои в друзских районах Ливана. Как передают, они якобы даже подстрекали израильских военных к активным действиям против ЛС, в своем послании от 18 октября предлагая выбрать, на чьей, собственно, стороне те находятся – друзов или фалангистов¹. В том же источнике сообщалось и о визитах в Ливан влиятельных духовных лидеров друзов из Израиля. Так, после поездки шейха Амина Тарифа в Хасбайю 15 октября там уже через несколько дней была создана – якобы на средства и при поддержке Израиля – некая Друзская национальная гвардия. А 29 января 1983 г. имело место посещение друзских населенных пунктов в Алее депутатом Кнессета Амалем Насреддином².

С начала ноября почти все населенные друзами районы Шуфа, Алея и окрестности Хасбайи были охвачены боевыми действиями между друзами из ПСП и маронитами из ЛС. И все эти районы продолжали оставаться под израильской оккупацией (только очень небольшие территории Верхнего Метна были под контролем сирийцев).

Победа сил друзских прогрессистов над ЛС в Алее 3 февраля 1983 г. ознаменовала окончание первого этапа Горной войны. Второй этап тех трагических событий завершился летом 1983 г., причем в ходе его сирийцы все больше выступали в качестве союзников друзов. Считают, что за период друзско-маронитских столкновений 1983–1985 гг. в казах Шуф, Алей, районах Южного Метна, а также прилегающих районах, внутренне перемещенными лицами стали как друзы, так и христиане. Но если число вынужденных покинуть свои дома друзов называют более 50 тыс., то число перемещенных христиан оценивают втрое больше³.

Маховик межобщинного насилия обладал определенной инерцией, но периодически получал и внешние импульсы. Продолжали функционировать ма-

¹ Fiches du monde arabe. Sujets generaux – Politique/Religion. Druzes. 13 sept. 1983, No. 2294. Gen-1202/7. F. 2.

² Ibid.

³ Harik J. Change and Continuity... P. 380.

рионеточные формирования АЮЛ. В связи с религиозной политикой израильтян на оккупированных ливанских территориях и особенно в связи с этой зависимой коллаборационистской боевой структурой уместно привести факт, на который в свое время обратил внимание академик Примаков. В книге, посвященной событиям второй половины 70-х годов, он приводил такие сведения: «В 1978 г. был опубликован “интригующий отчет” бывшего израильского премьер-министра Моше Шарета о совещании израильских сотрудников, ведавших оборонной и внешней политикой, которое состоялось в 1951 г. Покойный Моше Даян, который в то время был начальником штаба армии, заявил на совещании, что Ливан “можно брать”. Единственное, что необходимо, – продолжал Даян, – это найти офицера, пусть даже в чине майора. Мы либо привлечем его на свою сторону, либо подкупим его так, чтобы он согласился провозгласить себя спасителем маронитского (христанского) населения. Тогда в Ливан войдет израильская армия, которая оккупирует необходимые территории и создаст христианский режим, а тот вступит в союз с Израилем, – заявил далее Даян. – Территорию от реки Литани к югу Израиль полностью аннексирует, и все будет в порядке»¹.

В 1984 г. на смену майору Сааду Хаддаду пришел генерал Антуан Лахад, который реорганизовал структуру АЮЛ, по сути, по конфессиональному признаку: отдельные маронитский, друзский и шиитский полки были призваны выдавливать с территории страны палестинские боевые группы. Солдаты АЮЛ не могли не вызывать гнев своих сограждан-единоверцев, боровшихся с израильской оккупацией Ливана. Тем самым, тактический ход патронировавших АЮЛ израильтян включал в себя не просто углубление межобщинных противоречий (схематически – «правые» марониты против шиитов и суннитов Сопротивления, как принято считать, левого по своему характеру). Пытаясь оста-

---

¹ Примаков Е.М. История одного сговора. С. 262–263.

ваться «над схваткой», израильтяне стремились расколоть изнутри и сами ливанские общины.

В качестве примера можно привести трагический эпизод «сохморской бойни» 20 сентября 1984 г. О тех, кого обвиняли в ней, пресса сообщала: «15 боевиков АЮЛ, созданной и финансируемой Израилем, подозреваются в причастности к бойне в селении Сохмор¹ в четверг и взяты под арест их командованием, как сообщило в пятницу израильское радио. Часть ливанской прессы обвиняет израильскую армию в том, что та “наблюдала за бойней”. Как пишет газета “Ас-Сафир”, “израильскую армию желает оправдаться за то, как она действовала в ходе резни в Сабре и Шатиле, представляя саму резню как межливанскую месть”, хотя “боевики АЮЛ не могли бы действовать без одобрения израильской армии, оцепившей район за несколько часов до того»². То есть, по мнению французского издания и бейрутской газеты, оккупационные власти подталкивали одних ливанцев к насилию против других, подогревая тем самым очаг взаимной мести.

В своей первооснове, распри между разными кланами и нараставшее взаимное недоверие конфессиональных общин Ливана обнаруживали многообразный депривационный механизм, вызывавший последовательно возмущение, гнев, ярость и прямое насилие. Однако мощным источником подогревавшей его энергии находился, в том числе, за пределами страны. Внешний фактор затяжного ливанского конфликта продолжал свое действие: израильская оккупация, сирийский контингент и военное присутствие западных стран по-своему отзывались на позициях разных сил в Ливане, провоцировали ответные действия.

Одним из громких событий, которое можно считать поворотной вехой в действии внешнего фактора, был взрыв 23 октября 1983 г. казарм, приведший к гибели сотен американских и французских морпехов, дислоцированных в районе бейрутского аэропорта. В качестве одной из причин террористической ата-

¹ Расположено на реке Литани в юго-западной части Бекаа.

² *Le Monde*, 23–24 sept. 1984. P. 3.

ки называлось американское посредничество в подготовке израильско-ливанского соглашения от 17 мая 1983 г., возмущившее многих в Ливане. В частности, Валид Джумблат на вопрос, не считает ли он это событие терактом, ответил: «Вовсе нет, это была законная оборона»¹. Он пояснял: «Американцы выступили против наших национальных чаяний, так почему бы им не быть наказанными?»²

Теракт поставил под вопрос непосредственное западное военное присутствие в Ливане. Но возможно также, что он облегчил смену американской политики управления ливанским конфликтом в рамках смены парадигмы стратегического действия на Ближнем Востоке в целом.

Официальная переписка экспертов по безопасности, предшествовавшая выводу американского контингента, интересна в плане однозначности доктрины США в двух ее аспектах – для «внутреннего потребления» и для представления во внешней публичной сфере. Толчком к этому стало возмущение бессмысленной гибелью американских военных в публичной сфере. «Нам нужна действенная краткосрочная стратегия, – писал в октябре 1983 г. высокопоставленный офицер Совета по национальной безопасности США, – которая бы последовательно излагала, почему Ливан обладает для Соединенных Штатов стратегической важностью, и не только ввиду его взаимосвязи с советской и сирийской угрозой в Восточном Средиземноморье, но и ввиду связи происхо-

---

¹ Willi, Victor. Beirut – October 23, 1983: The Marine Barracks Bombing. The Conflict between the United States and the Arab World: A Perceptual Approach / Master's Thesis, University of Zurich, 2005. Annex: Interview with Walid Jumblatt, March 23, 2004. P. 140.

² Ibid. P. 139. В определении виновных за теракт звучали разные версии. Но недавняя политическая конъюнктура продиктовала необходимость наказать за событие почти 33-летней давности Иран. В 2016 г. был неожиданно начат, а в 2019 г. завершился положительным решением Международного суда ООН процесс по делу взрывов в Бейруте 23 октября 1983 г. «20 апреля 2016 г. Верховный суд США, отвергнув апелляцию Ирана, подтвердил решение американского суда низшей инстанции по выплатам компенсаций на сумму 2 млрд долларов родственникам американских морских пехотинцев, погибших в 1983 году при взрыве казарм США в Бейруте... Выплату компенсаций предполагается производить за счет активов иранского ЦБ, которые хранятся в Citibank» (ТАСС, 14.02.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6112853>).

дящего в Сирии и Ливане с будущей стабильностью в Персидском Заливе»¹. Автор предлагал разработать целую программу мероприятий в медиа-среде, чтобы популяризовать цели американской политики в Ливане. Он пишет в том же документе: «Мой собственный недавний опыт подсказывает мне: проблема отчасти заключается в том, что многие американцы затрудняются увязать сложные политические перипетии в Ливане с жизненными интересами США. Отсылка к нашим региональным интересам, то есть к безопасности Израиля или нашей надежде на демократию в Ливане, едва ли сами по себе способны убедить американский народ, что эти цели стоят свою цену»².

Ответный меморандум содержал пространную (36 страниц) программу, где излагались меры «публичной дипломатии» по поддержке в американском обществе внешней политики на Ближнем Востоке и особенно в Ливане. В преамбуле, в частности, говорилось: «Бейрутская резня [23 октября] трагическим образом привлекла общественное мнение к наиболее противоречивой стороне американской ближневосточной политики... Новая озабоченность и пристальное внимание общественности к нашей роли в Ливане может привести или к растущей поддержке, или к отторжению нашей политики на Ближнем Востоке в целом – в зависимости от последствий событий в Ливане»³.

Кстати, в отношении политики нашей страны авторы цитируемого документа давали категоричную и безусловную оценку: «Советский Союз представляет серьезную угрозу интересам государств региона, равно как и Запада»⁴. А среди «главных долгосрочных целей стратегии публичной дипломатии» значи-

---

¹ National Security Council, Washington D.C. Public Affairs and Public Diplomacy Strategies for Lebanon and the Middle East. Memorandum for the Lawrence S. Eagleburger, Chairman of International Political Committee, by R.C. McFarlane, Chairman of Special Planning Group. Oct 26, 1983.

² Ibid.

³ Public diplomacy strategy for the Middle East and Lebanon. Memorandum for R.C. McFarlane, Chairman of Special Planning Group, by L.S. Eagleburger, (Under Secretary), Chairman of International Political Committee. Secret. Nov 19, 1983. (36 p.) P. 1.

⁴ Ibid. P. 17.

лось следующие: «Побуждать к продолжению поддержки ведущей роли США в регионе»¹.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в упомянутой переписке религиозной тематики: нет ни слова ни о сложной конфессиональной подоплеке ливанского политического поля, ни о важности привлечения внимания общественности к проблемам религиозных меньшинств в регионе, ни об угрозах сдвига конфессионального баланса в Ливане под действием палестинцев или сирийцев. Весь дискурс строится только в рамках идеологического противостояния «холодной войны» и с упоминанием важных для американцев внутривнутриполитических процессов, особенно выборов.

Последовавшая эвакуация из Ливана американского, французского и британского контингентов в начале 1984 г. подтверждает гипотезу об отмене стратегической линии на использование конфессионального фактора в регионе в своих интересах – фактора слишком тонкого и непредсказуемого. После иранской Исламской революции гораздо более действенным стало использование потенциала воинствующего исламизма, который охватывал как шиитские организации, так и суннитские группы во всем регионе. В свою очередь, Советский Союз продолжал поддержку сил «социалистической ориентации» и в этом, как видно, двигался по инерции в рамках уже отжившей парадигмы, навлекая на себя недовольство все более широких кругов мусульманского населения.

Действия советского контингента в Афганистане в 80-е годы демонстрировали ближневосточным странам приверженность СССР их чисто светскому пути. Тем не менее, идеологической близости все же не наблюдалось. Советский извод светского пути не подходил обществам с яркой религиозной идентичностью разных групп населения. Излишний акцент на светскости, а тем более атеизм, могли противопоставить властные верхи религиозному населению, даже умеренному.

---

¹ Ibid. P. 5.

Для Сирии в региональной политике к этому времени стало приоритетным укрепление своей роли как арбитра (особенно в изменившейся региональной раскладке после Кэмп-Дэвида), идейное и организационное противостояние иракским баасистам, а главное, острые внутренние противоречия сирийского режима с исламистской оппозицией во главе с «Братьями-мусульманами». Опора на СССР в свете этих задач должна была быть осторожной, даже при всей экономической привлекательности. Дипломат А. Лукас замечал, что советско-сирийский «Договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный в октябре 1980 г. обеспечил Асаду экономическую помощь (особенно, масштабный гидроэлектрический проект на Евфрате), дипломатическую поддержку и, главное, оружие. Но это ни в коем случае не сделало его марионеткой Кремля»¹.

Советское руководство, со своей стороны, поддерживало сирийскую региональную политику, деликатно не замечая ни внутреннего напряжения в сирийском обществе, ни той неоднозначной роли, которую сирийцы стали играть в Ливане. Они рассматривали ливанские территории (например, долину Бекаа) в качестве плацдарма первостепенного для себя фронта – сдерживания радикального исламизма. Плохой полицейский контроль в Ливане и прозрачность границ они восполняли своим вооруженным присутствием, блокируя деятельность не только разного рода боевых групп, но и диверсантов-исламистов.

Этот угол зрения на гражданскую войну в Ливане указывает на очередной ее внешний фактор – транснационального радикального исламизма. Хотя террор и диверсии не относятся непосредственно к теме межобщинных отношений, тем не менее, такой аспект крайне важен для понимания зависимости религиозной повестки от политики, а потому ниже будет затронут отдельно – в плане его деструктивного влияния на межрелигиозные отношения.

В изменившихся условиях шли попытки внутривосточного урегулирования. Главным посредником выступала Сирия. К середине 80-х годов попытка-

---

¹ Lucas I. The Paradox of Syria. P. 9.

лись представить в качестве основных представителей конфликтующих сторон в Ливане ПСП, Амаль и ЛС, собрав под своей эгидой их просирийски настроенных лидеров. В октябре 1985 г. они начали переговоры по выработке нового соглашения по урегулированию и в итоге, после долгих споров, 28 декабря в Дамаске такое соглашение подписали, соответственно, В. Джумблат, Н. Берри и Э. Хобейка. Правда, соглашение оказалось неработающим, поскольку многие политические силы посчитали себя обойденными. Таковыми были, в частности, ливанские сунниты, а также шииты Хизбаллы. Друзская община, хотя и была представлена на переговорах, осталась недовольна условием, фактически лишившим друзов многих автономных полномочий в казе Шуф. Наконец, мог чувствовать себя уязвленным президент страны, ведь он не участвовал в разработке условий соглашения. В итоге соглашение не было утверждено, и вооруженные столкновения продолжились (например, в восточном Бейруте).

Обращает на себя внимание, что, хотя переговоры шли между силами, вполне отчетливо конфессионально маркированными (друзами, шиитами и маронитами), налицо были серьезные разногласия внутри этих общин, что и обрекло на неуспех подготовленный документ. С позицией В. Джумבלата на переговорах были несогласны друзы из других кланов, Н. Берри не выражал мнения шиитов-сторонников Хизбаллы, а Э. Хобейка, несмотря на свое влияние в ЛС, имел множество недругов в «правохристианском» лагере (Самир Джааджа, Фуад Абу Надер, представители НЛП, Марады).

Кроме того, в качестве разделяющего фактора весомым оставалось внешнее влияние – Сирии, Ирана, Саудовской Аравии. И линии раздела, порожденные этим фактором, совсем не обязательно совпадали с границами конфессиональных общин или даже идеологически мотивированных боевых групп. Так, немецкий ученый Теодор Ханф, автор ряда работ по истории вооруженных конфликтов на Востоке и в Африке, писал в 1982 г.: «На баррикадах Бейрута подлинно светские палестинцы и левые ливанцы стоят плечом к плечу с исламистскими ополченцами, в то время как подлинно светские ливанские нацио-

налисты сражаются на другой стороне, но консервативная исламская Саудовская Аравия поддерживает деньгами обе стороны»¹.

Иными словами, в Ливане сложилась ситуация, ломавшая стереотипные схемы опор общин на определенные внешние силы. Ливанские общины были сильно разобщены по политическим и идеологическим воззрениям. Поэтому вместо межконфессионального диалога для урегулирования требовалась либо консолидация каждой из общин на какой-либо общей платформе, либо вообще отход от конфессионализма и переход к гражданскому обществу с секулярной демократией. Сирийцы действовали по привычным схемам, как бы не замечая сложной дробности картины, и, возможно, с этим и был связан провал их миротворчества в тот момент.

Наконец, серьезным (уже упоминавшимся) внешним фактором радикализации основных сторон ливанского конфликта стала политика Ватикана. Важно отметить, что в отношении ливанских дел Ватикан придерживался первостепенности палестино-израильских отношений, и уже исходя из этой повестки, он вел свою политику в Ливане, опираясь на многочисленную местную паству, униатов. Анджей Крэйц подчеркивал, что «после II Ватиканского собора произошли серьезные изменения в значении социальных и политических связей Ватикана с Израилем и Палестиной, и это изменение можно понять как функцию трех основных факторов:

- усиления социального аспекта в церковном учении;
- новой католической трактовки отношения к другим монотеистическим религиям;
- изменения баланса сил в регионе»².

¹ Hanf, Theodor. Arabismus und Islamismus. Der säkularistische arabische Nationalismus im Vorderen Orient vor der Herausforderung des islamischen politischen Revivalismus // *Geschichte und Gesellschaft*. Sonderheft, Vol. 8, Nationalismus in der Welt von heute, 1982. P. 176.

² Kreutz, Andrej. Vatican Policy on the Palestinian–Israeli Conflict: The Struggle for the Holy Land. London: Greenwood Press, 1990. P. 168.

Отсюда и папская политика в отношении ливанского противостояния, так удивлявшая, в частности, маронитов. Вместо безусловной поддержки их линии, папские представители транслировали предложения Ватикана, с которыми марониты далеко не всегда были согласны.

Ватикан занял своеобразную миротворческую позицию: один из пунктов, озвученных еще в начале октября 1975 г., например, предусматривал, что «палестинцы не должны страдать от новой несправедливости в Ливане»¹. Вообще, в течение гражданской войны папские нунции несколько раз направлялись в Бейрут специально для обсуждения с ливанскими властями текущей политической диспозиции. Это были миссии кардинала Паоло Бертоли (1975 и 1978), архиепископа Марио Брини (1976 и 1984), кардинала, госсекретаря Ватикана Агостино Казароли (1980), президента Папского совета по делам государств справедливости и мира, кардинала Роджера Эчегарая (1985) и секретаря Ватикана по отношениям с государствами, архиепископа Ахилла Сильвестрини (1986)². Исследовавший этот вопрос Александр Хенли из Университета Манчестера, приводя высказывание кардинала Роджера Эчегарая, что Ватикан должен стоять «над политикой, а не вне ее», дипломатично уточнял, что папская политика в Ливане «выходила за рамки фракционных интересов воюющих сторон»³. На деле, она подчинялась широким стратегическим целям, как бы оставляя за скобками своих протеже – маронитов.

Это, с одной стороны, вынуждало ливанских христиан-униатов действовать без оглядки на ватиканскую политику: глава Маронитского ордена, аббат Шарбель Кассис даже называл формулу Национального пакта «прерванным сосуществованием», отстаивая политическое главенство маронитов в Ливане и даже обсуждавшийся в некоторых кругах проект кантонизации страны по рели-

---

¹ Henley, Alexander D.M. *Politics of a Church at War: Maronite Catholicism in the Lebanese Civil War // Mediterranean Politics*, Vo. 13, No. 3. P. 359.

² Ibid. P. 360.

³ Ibid. P. 361.

гиозному признаку¹. И эта линия на кантонизацию или федерализацию ливанских территорий была неприемлема для Ватикана.

С другой стороны, разочарование ЛФ в папской политике запуская радикализацию униатских кругов, опять же по депривационному механизму. Именно это и наблюдалось в период 1978–1982 гг., в ходе жесткой консолидации Ливанских сил под началом Башира Жмайеля. Историк из Индианы Жорж Ирани приводил его слова перед своим избранием на пост президента Ливана летом 1982 г.: «Ватикан должен понять, что христиане в Ливане не являются подопытными кроликами для христианско-исламского диалога в мире»².

Но ливанские христиане имели случай испытать на себе критический настрой Ватикана и раньше, еще на первом этапе ливанского конфликта, «палестинском». Во время осады лагеря беженцев произнес речь, завершившуюся призывом в пользу палестинцев, находящихся внутри. В ответ на речь папы Павла VI в августе 1976 г., в которой прозвучало сочувствие осажденным палестинцам Телль-Заатара, Камиль Шамун критиковал папу Римского за то, что у него «сердце кровью обливается за палестинцев из Телль-Заатара, но никогда не сочувствовало тем ливанцам, которые гибнут каждый день»³ (очевидно, имелись в виду марониты).

Недовольство маронитов распространялось и на французов, действовавших в целом в согласии с Ватиканом и далеко не выказывавших безусловной поддержки ливанским католикам в гражданском конфликте. Как сетовал Камиль Шамун, французский министр иностранных дел Луи де Гиринго «делал акцент на том, что восстановление мира в Ливане зависит от ближневосточного конфликта в целом и что поиск основы для нового социального баланса – дело

---

¹ Irani G. *The Papacy and the Middle East: The Role of the Holy See in the Arab-Israeli Conflict, 1962–1984*. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1986. (Цит. по: Ibid.).

² Irani G. *Diplomats in a quandary: the Vatican and the Lebanon war // American–Arab Affairs*, 1988, issue 24. P. 38 (Цит. по: Ibid. P. 360).

³ Цит. по: Ibid. P. 360.

самых ливанцев»¹. В тот момент Шамун оспаривал лидерство внутри ЛФ и должен был демонстрировать радикальные позиции в конфликте – в частности, неприятие компромиссных предложений французской стороны. Так, де Гиринго публично – во время конференции стран-участниц МСС в ливанском Бейт-эт-Дине 16 октября 1978 г. – «поставил под сомнение осознание христианами ополченцами, и в особенности отрядов г-на Камиля Шамуна, ответственности за столкновения в Бейруте, призвав христиан отказаться от “несбыточной и самоубийственной мечты”»².

Важно упомянуть на тот момент совпадение позиций Франции и США как по внешнему воздействию на ливанский конфликт, так и по сепаратистским заходам ряда лидеров ЛФ. В частности, обе державы «считали Дамаск единственным возможным охранителем Бейрута, а также осудили влиятельных лидеров христианских правых, таких как г-н Шамун, давая маронитам понять, что у них нет пути ни в направлении разделе страны, ни в союзе с Израилем. Они заняли позицию в пользу центральной власти Ливана и указали осторожному президенту Саркису, что они готовы поддержать восстановление унитарного государства, построенного в пределах его признанных международных границ на новом консенсусе среди ливанцев»³

Французская политика демонстрировала в Ливане вполне объяснимый прагматизм, но в ватикано-ливанских отношениях он приобретал еще и дополнительный, «дисциплинарный» оттенок. Как это часто бывает в иерархических отношениях, а тем более – в условиях строгой церковной дисциплины, недовольство маронитской паствы было воспринято в Ватикане как вызывающая нелояльность, что и выразалось, судя по всему, в тоне общения папской нунциатуры в Хариссе с маронитской иерархией (резиденция патриарха располо-

¹ Chamoun, Camille. Mémoires... P. 128.

² M. de Guiringaud : ce sont les milices chrétiennes de M. Chamoun qui ont déclenché la bataille de Beyrouth // *Le Monde*, 18 octobre 1978. URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/1978/10/18/m-de-guiringaud-ce-sont-les-milices-chretiennes-de-m-chamoun-qui-ont-declenche-la-bataille-de-beyrouth_2977092_1819218.html.

³ Turquié, Sélim. Restaurer un état unitaire // *Le Monde diplomatique*, Janvier 1979. P. 9.

жена совсем рядом, в Бкерке). Это подхлестывало «своевольство» маронитских дружин, обманутых в своих ожиданиях (в парадигме депривационной теории это может описываться как ОД восходящего типа). Судя по всему, их «лива-низм» и «маронитизм» (или примордиализм?) перевешивали необходимость следовать в русле ватиканских инициатив урегулирования. Не чувствуя явной политической поддержки со стороны могущественного главы Католической церкви, марониты и другие ливанцы-католики оставались один на один перед своими внутренними политическими оппонентами и внешними противниками.

Представители Римского престола несколько раз прямо поднимали тему субординации, а в апреле 1984 г. Иоанн Павел II провел в Ватикане встречу с униатскими патриархами и высокими иерархами Ливана. Одной из основных проблем, поднятых папой и его госсекретарем кардиналом Казароли, было «христианское неповиновение религиозному авторитету»¹. С отчетливым императивом Ватикана связывают и запрет на политическую деятельность Ливанского маронитского ордена, и даже переизбрание Маронитского патриарха в 1986 г. В первом случае на смену радикально настроенному аббату Шарбелю Кассису был подобран кандидат, на которого в течение нескольких лет (с 1983 г.) оказывалось влияние с целью добиться полного повиновения Римскому престолу. Уже на этом высоком посту аббат Булос Нааман несколько раз игнорировал призывы воздерживаться от участия в заседаниях руководства ЛФ, в частности, переданное ему 25 мая 1984 г. из Ватикана «каноническое благословение воздерживаться от любой деятельности, не соответствующей ни его миссии как духовного лица, ни, тем более, как верховного генерала Ордена»². В итоге в 1986 г. указом из Ватикана на пост главы ЛМО был поставлен Басиль аль-Хашим, гораздо менее сочувствующий делу Ливанских сил и более приверженный жесткой церковной иерархии в структуре Ордена.

¹ Irani G. The Papacy and the Middle East... P. 147. (Цит. по: Henley A. Politics of a Church at War... P. 361).

² Valognes J.-P. Vie et mort des chrétiens d'Orient: Des origines à nos jours. Paris: Fayard, 1994. P. 390; Henley A. Politics of a Church at War... P. 362.

Обстоятельства низложения Маронитского патриарха, кардинала Антониуса II Хорейша в 1986 г. (патриарх с февраля 1975 по апрель 1986 г.; ум. 1994) и избрания его преемника Насраллы Сфейра (патриарх с мая 1986 по 2011 г., кардинал; ум. 2019) также заставляют видеть утверждение безусловной власти Римского престола над его непокорной ближневосточной паствой. Как выразился историк Александр Хенли, «Ватикан попросил патриарха [Хорейша] уйти в отставку в надежде заменить его более динамичным персонажем с надежной ультрамонтанистской¹ верностью»². Причем отставка была запущена еще в ноябре 1985 г., когда управление Маронитской церковью было фактически передано апостольскому прелату (представителю Римского папы) Абрахаму Хелу. Только сильное сопротивление Маронитского синода позволило выбрать в апреле 1986 г. компромиссную кандидатуру, и на патриарший престол папа утвердил Насраллу Сфейра.

Оба этих эпизода свидетельствуют об одном: уже ко второй половине 80-х годов линии на политический компромисс на ливанской арене придерживались не только европейские державы (например, Франция) и региональные лидеры (например, Сирия, Саудовская Аравия), но и глобальные «духовные полюса» (например, Ватикан), что и позволило к концу десятилетия пригасить радикальные настроения как среди альянса левых в Ливане, так и в стане Ливанских сил, и вплотную подойти к формуле Таифских договоренностей.

Вполне очевидно, такая «консоциация» не могла обойтись без тайных усилий «дипломатии второго уровня» и переговоров, где напрямую обсуждались вопросы конфессионального политического участия. Опытнейший ватиканский дипломат и знаток Востока, архиепископ Ренато Раффаэле Мартино писал в заключении своей статьи 1989 г.: «То, о чем я говорил здесь – это публичные действия и заявления Святого престола по Ближнему Востоку. Остают-

¹ То есть, сторонником крайнего ригоризма в вопросе церковной субординации. В своей сноске А. Хенли неверно трактует это понятие, не упоминая о ереси монтанизма, осужденной еще на I Вселенском соборе 325 г.

² Henley A. Politics of a Church at War... P. 362.

ся еще и частные инициативы, действенность которых зависит от того, насколько они остаются частными и конфиденциальными»¹.

Но в середине десятилетия значительная часть «правохристианской» коалиции еще была далека от примиренческих настроений: радикальная часть маронитов не подчинялась требованиям церковных властей пойти на политические компромиссы. В последние годы десятилетия их отношения с папской нунциатурой еще более осложнились: сообщали даже о неоднократных нападениях на нее именно маронитских ополченцев². Причем, одной из причин стало недовольство распределением денежной помощи Ватикана. Так, бейрутский офис папской миссии в Палестине был одним из трех (еще два – в Аммане и Иерусалиме), через которые только в 1987 г. была распределена помощь (и в основном среди групп нехристианского населения) в размере 6,7 млн долл.³

Ко всему прочему маронитский лагерь охватила жестокая междоусобная борьба полевых командиров, из которых наиболее одиозными считались Эли Хобейка и Самир Джааджа. Как и многие прочие эпизоды войны, эта борьба не могла рассматриваться в русле межконфессиональных отношений, но коренилась в личных амбициях и борьбе за власть разных политических и военных кругов.

Подобные внутренние противоречия можно предполагать и в стане палестинцев. Что касается ливанских «левых», то группы, участвовавшие в НПС, далеко разошлись в своих задачах, многие перешли на умеренные позиции, а всеобщее внимание, тем временем, было перенесено на военную активность и политическое участие шиитских организаций.

Следующий этап межконфессиональных отношений – с его маргинализацией силовой составляющей и доминирующей политической – наступил еще в ходе гражданской войны. В этом кривая обострений межобщинных противоре-

¹ Martino, Renato R. The Holy See and the Middle East // *American-Arab Affairs*, 1989, No. 29. P. 84.

² Kreutz, Andrej. Vatican Policy on the Palestinian–Israeli Conflict: The Struggle for the Holy Land. London: Greenwood Press, 1990. P. 140–141.

³ Ibid. P. 360.

чий не совпадает с кривой политического насилия. События, связанные с формированием (под сирийским контролем) правительства в 1988 г., характеризовались вспышками жестоких политических батальей, громких терактов (например, убийства премьера Рашида Караме 1 июня 1987 г., президента Рене Муаввада и с ним 23 человек 22 ноября 1989 г.) и даже внутреннего военного противостояния (подразделений, верных генералу Мишелю Ауну, и проправительственных войск).

Эта тема подробно освещена в научной литературе. Несмотря на громадную фактологию, в отрыве от темы социальных взаимоотношений в Ливане и Сирии она мало что может добавить к нашей теме. Конфессиональный аспект политического участия в обеих странах будет выделен специально – уже применительно к последнему десятилетию XX в. и изменившейся региональной обстановке в плане новой конфессиональной «диспозиции» и нового витка угрозы терроризма с религиозной подоплекой.

Окончание войны далеко не означало снятия всех противоречий военного периода. Трагическим итогом пятнадцатилетней войны (точнее, всех войн и столкновений этого периода) в Ливане стали более 144 тыс. человеческих жизней, 184 тыс. были ранены, 13 тыс. похищены, по крайней мере 17 тыс. пропали без вести; около 175 городов были частично или полностью разрушены, 2 и более 750 тыс. ливанцев были перемещены внутри страны; ущерб страны оценивается в 25 млрд долл.¹

Фактически завершившие войну Таифские соглашения представляли собой явление политического плана, отражавшие в основном взаимоотношения разных властных кругов, лидеров общин и аристократов-заимов. Но даже в этом политическом плане не наблюдалось единодушия в подходах основных ливанских конфессиональных общин. Проведенные в январе-мае 2009 г. опросы дают некоторое представление о недовольстве результатами договоренно-

---

¹ Ghosn, Faten; Khoury, Amal. Lebanon after the Civil War: Peace or the Illusion of Peace? // *Middle East Journal*, Vol. 65, No. 3, Summer 2011. P. 382.

стей. Так, при объективных преимуществах для суннитской общины, отраженных в Соглашениях, все же 19% опрошенных суннитов считали, что наиболее выиграли марониты, а 30% – шииты, тогда как 29% суннитов назвали свою общину наиболее ущемленной в правах по тексту Соглашений. 23% шиитов считали обойденной свою конфессию, а 18% победившими называли маронитов. В свою очередь, 41% опрошенных друзов проигравшей стороной назвали себя, а выигравшими – суннитов (43%), шиитов (29%) и маронитов (21%)¹.

Очевидно, что все респонденты имели в виду совершенно разные ожидания политических очков от Таифских соглашений для разных общин. Недостижение тех воображаемых потенциальных успехов (по сути, ОД) и отразилось в недовольстве респондентов. Даже более всего выигравшие от соглашений общины все равно оставались недовольными полученными, по их мнению, преимуществами других общин. Реальные результаты казались почти для всех ниже ожидавшихся, правда, в разной степени.

Последнее десятилетие XX в. для ливанцев, поэтому, принесло продолжение болезненных для страны моментов обострения движения к «консоциации». Причиной тому были неисчерпанные Таифскими соглашениями депривационные факторы и, конечно, реальный ущерб (в политико-экономическом и социальном ракурсах), понесенный конфессиональными общинами за время войны.

Нельзя отрицать, что наполненный внутренними и внешними конфликтами период в полтора десятилетия привнес серьезные изменения в межконфессиональные отношения на уровне страны и общества в целом. Однако на локальном уровне изменения далеко не везде были очевидны. Точнее, в тех районах, где их можно было бы ожидать ввиду тесного соседства общин, а также ввиду имевших место вооруженных столкновений, в том числе с участием сирийцев, изменения вполне вписывались в общерегиональный тренд. В числе

---

¹ Ibid. P. 389.

сравнительно новых веяний были, например, попытки женщин преодолеть сравнительно узкие социальные рамки, продиктованные общинными традициями и религией, и некоторое сокращение рождаемости ввиду тяжелого материального положения на постконфликтных территориях, и повышение интенсивности работы зарубежных миссий, религиозных благотворительных организаций и «конфессиональных» партий.

В качестве примера можно привести небольшой ливанский городок Айналь-Кассис близ Захле в долине Бекаа, где после гражданской войны активизировались религиозные и благотворительные организации со своими представителями из местных жителей. Это действующие в международном масштабе «Auxilia», местные члены которой активно занимались сбором средств для христианских детей, «Апостольское движение», содержавшее местный детский сад, католическое сестричества Святой Риты и Богородицы Неустанной Помощи. Существует система «семей» или молитвенных групп, например, «Семья Святого Сердца Иисуса» с центром в Бейруте, благотворительная религиозная Ассоциация святого Мансура и молитвенная группа «Обновление в Святом Духе» (очевидно, все – «харизматического» толка); имеются также отделения партий Катаиб и СНСП¹.

Приводившая эти сведения исследовательница, Нэнси Джаббра, замечала, что определенные спланированные и благотворительные функции традиционных родственных сетей брали на себя подобные благотворительные, религиозные, социальные и политические организации². Впрочем, это едва ли можно назвать уникальным для Ливана явлением, характеризующем постконфликтный период: тенденция была заложена еще до 70-х годов и охватывала почти весь регион.

---

¹ Jabbra, Nancy W. Family Change in Lebanon's Biqa Valley: What were the Results of the Civil War? // *Journal of Comparative Family Studies*, Spring 2004, Vol. 35, No. 2: Turbulent times and Family Life in the Contemporary Middle East. P. 267.

² Ibid. P. 268.

Социальные отношения в Сирии и Ливане в повестке исламистов-радикалов

Акцент на проблемах межконфессиональных отношений в Сирии и Ливане со второй половины 70-х годов и до конца XX в. в большинстве востоковедных исторических работ связан во многом и с громкими выступлениями радикально настроенных исламистов, включая их террористические атаки. Эта трагическая канва событий является продолжением явления, хорошо известного еще в мандатный период. Оно набирало обороты по мере кристаллизации идей арабского социализма, предполагавшего сугубо светскую организацию государственного правления, пусть и с признанием исламского характера самого общества.

Схематически это явление предстает как протест исламистов против немусульманского правления (либо светского, либо со значительным влиянием иных религиозных общин – немусульманских или якобы недостаточно мусульманских). В реальности же в нем наличествовали и такие внешние по своему характеру факторы, как соперничество региональных держав, претендовавших на лидерство (например, Саудовская Аравия, Египет), или же острая борьба между разными организациями, партиями или даже между отделениями одной партии в разных странах (яркий пример – сирийские и иракские баасисты). Апелляция к религии в этих случаях нередко подогревала активизм местных исламистов, которые оказывались для каждой из сторон удобным инструментом сведения счетов.

Собственно религиозная составляющая идеологии ультраправых клерикальных кругов, стоявших в авангарде радикально настроенных борцов за шариатское правление, была, безусловно, весомой. Но она выступала в связке с политической составляющей – уже в силу прагматизма мусульманской религии с ее ориентацией на юридическое регулирование социальных отношений. Ведь

идея праведной верховной власти над уммой – и сама борьба за правление строго по мусульманским правовым установкам – органически входит в религиозное сознание мусульман и освящена Писанием. Так что идеология умеренных исламистов, с точки зрения их религии, в целом оказывалась непротиворечивой. Это привлекало в их строй все новых сторонников даже в период расцвета социалистических идей в арабском мире, в годы явных успехов в их практическом воплощении.

Однако и те, кто выбирал светский путь жизни общества, находили свои аргументы в букве и духе ислама. Они по-своему обосновывали не только эффективность, но и религиозную допустимость современных демократических институтов и процедур – в целях достижения опять же заложенной в исламе идеи социальной справедливости. В том числе и по этой причине исламисты не стали выразителями настроений всей уммы, а напротив, сталкивались с носителями иных взглядов – своими же единоверцами. Тем самым, рассматриваемый конфликт может характеризоваться преимущественно как внутриконфессиональный (в частности, межсуннитский – в Сирии¹). Его проявления в форме протестов суннитских радикалов против «алавитского» правления в Сирии (при том, что доля алавитов среди населения составляла 11,7%)² или «маронитского» в Ливане были наиболее заметны, но не составляли, в силу сказанного, самой сути конфликта. Анализ исторических событий, связанных с радикальным исламизмом, в свою очередь, также подводит к этому выводу.

Едва ли пресловутые конфессиональные «границы» в сирийском обществе могли в 70-е годы восприниматься как потенциальные линии, угрожавшие его разделить: на повестке дня еще долгое время первостепенными оставались идеологические догмы, берущие начало в 50-х годах, и гораздо более «говоря-

¹ Сохранялись, конечно, и другие внутриконфессиональные противостояния, например, межалавитское – острая борьба за власть алавитских офицерских кругов. См.: Olson, Robert W. *Ba'ath and Syria, 1947–1982: The Evolution of Ideology, Party and State from the French Mandate to the Era of Hafiz Al Asad*. Princeton: The Kingdon Press, 1982. P. 121, 127.

² Mortimer, Edward. *Faith and Power: The Politics of Islam*. New York: Random House, 1982. P. 265.

щими» маркерами, нежели конфессиональные, были партийные, например «насеристы», «баасисты», «коммунисты», «братья» и т.п.

Непременным и весомым обстоятельством на протяжении многих лет оставалось противодействие сирийских властей – с их яркой общеарабской линией почеркнуто светского характера – внутреннему воинствующему исламизму в лице движения БМ и его мелких сателлитов. То есть, имело место столкновение сторонников светского пути государства с приверженцами крайних представлений о теократическом исламском государстве, причем в числе первых оказывались как представители религиозных меньшинств Сирии, так и суннитского большинства.

Исламисты старались использовать в своих интересах и политическую конкуренцию, подавая ее под «конфессиональным» углом зрения. Ведь закрепление за алавитами постов глав определяющих силовых ведомств и президентства не могло не вызывать раздражения в суннитских (даже неисламистских) оппозиционных кругах. Недовольные авторитаризмом Х. Асада не упускали возможности использовать этот аргумент. При его рассмотрении, однако, стоит обратить внимание на тот факт, что значительную часть оппозиции составляли офицеры-алавиты. Американский историк Роберт Олсон так писал об этом: «Некоторые исследования показывают, что оппозиция режиму аль-Асада, начиная с 1975 г., исходила от самих алавитов, и особенно от раздраженной проджадидовской партии. В самом деле, если критика изнутри исходила от алавитов-джадидистов, то они вряд ли преуспели бы, делая упор на якобы конфессионализме режима Асада»¹. Зато этот упор делали исламисты, пытаясь набрать очки в среде социальной базы оппозиционных кругов.

Оппозицией высокопоставленных офицеров, с одной стороны, и сирийских исламистов, с другой, не ограничивался круг недовольных: имели место и мощные попытки извне привлечь внимание к конфессиональной уязвимости

---

¹ Olson R. Ba'ath and Syria... P. 121–122.

сирийского правления. Многие историки, в том числе цитируемый Р. Олсон, признают ведущую роль именно за внешними факторами регионального масштаба: (1) досадой, которую испытывали израильтяне продолжавшимся сирийским военным присутствием в Ливане, (2) недовольством Египта лидерскими амбициями сирийского президента, шедшими вразрез с наметившейся линией на примирение с Израилем. К мнению египетского руководства примыкала (3) позиция короля Саудовской Аравии. Важным региональным фактором обращения к конфессиональному аргументу в критике сирийского государства было (4) острое соперничество Дамаска и Багдада.

Перечисленные факторы являлись элементами региональной конкурентной борьбы, и в ней в полную силу использовалось уязвимое место Дамаска – «алавитский» характер верховной власти, что в глазах суннитского большинства региона не могло не оказаться выигрышным пропагандистским ходом. Он сужал политическую опору и народной поддержку сирийского руководства внутри страны, а также мобилизовал сторонников транснациональных исламистских структур, и прежде всего, движение БМ.

Свидетельства воздействия на сирийскую власть посредством указанного аргумента со стороны масс-медиа Иордании, Египта и Эр-Рияда приводили многие исследователи. Например, иорданские газеты «Ар-раи» и *Jordanian Times*, как передает Н. Ван Дам, писали в феврале 1981 г., что «арабский народ Сирии открыл для себя реальность управляющего им конфессионального режима», «сирийский режим зиждется на доминировании группы из алавитской общины» и «перешел к репрессиям и терроризму внутри и за пределами Сирии», причем «даже и алавитская община не избежала его черной злобы»¹. Подобные примеры приводил Р. Олсон. «“Алавитскую” природу сирийского режима, – писал он в 1982 г., – стали наиболее активно подчеркивать после сирийского вторжения в Ливан в 1975 г. (так у Р. Олсона. – А. С.) И это обстоя-

¹ Van Dam, Nikolaos. *The Struggle for Power in Syria: Politics and Society under Asad and the Ba‘th Party*. London – New York: Tauris, 1996. P. 106.

тельство активно использовалось Израилем как аргумент в переговорах по отводу войск из зоны конфликта. ... “Радио Каира” начало свою критику режима аль-Асада – в значительной степени по причине разногласий между аль-Асадом и Садатом по дипломатии отвода войск. 26 апреля 1976 г. “Радио Каира” охарактеризовало попытку свержения аль-Асада, которая была предпринята за несколько месяцев до того, как “бунт рядовых и младших офицеров армии против руководства партии из-за установления власти алавитской религиозной общины в стране”. То же радио 5 июня 1976 г. называло режима Хафеза аль-Асада “сирийским баасистским алавитским режимом”, а 25 марта 1978 г. Садат в ответ на критику Асадом его визита в Израиль назвал сирийский режим “во-первых, алавитским, во-вторых, баасистским, а в-третьих, сирийским”, а также обвинил президента Хафеза аль-Асада в “намерении создать алавитское государство”. Садат продолжал свои уничижительные высказывания. Так, 1 мая 1979 г. он заявил: “Я был готов вести переговоры от имени Голан. Но нет. Пусть эти грязные алавиты говорят за них, эти люди, потерявшие смысл жизни. Пусть Бог поставит их лицом к лицу с народом Сирии, и пусть они объясняются. ... Мы все знаем, кто такие алавиты в глазах сирийского народа”. Король Саудовской Аравии Фейсал незадолго до своего убийства в 1975 г. говорил Садату, что “Хафез аль-Асад алавит и баасист, и первое есть наибольшее зло, чем второе”»¹.

Существуют и документальные подтверждения тому, что региональные конкуренты Дамаска пытались ослабить позиции Х. Асада, акцентируя внимание на конфессиональном аргументе. В секретной сводке по безопасности американского Госдепартамента от 11 октября 1979 г. сообщалось: «В октябре в прессе Каира делался упор на беспорядках в Сирии, причем предсказывалась неизбежность гражданской войны из-за неспособности Асада купировать насилие и беспокойство религиозных общин»².

¹ Olson R. Ba‘th and Syria... P. 121–122.

² US Department of State. IntSum [Intelligence Summary] 914 – October 11, 1979. (Secret, Cable). Point 12.

Приход фундаменталистов к власти в Иране ставил сирийское руководство в сложное положение в области религиозной политики. Оно было заинтересовано в благожелательном отношении к себе аятолл и ходжатольэсламов в целях углубления признания алавитской общины. В то же время необходимо было противостоять «экспорту» теократического императива новой иранской власти. Особенно тревожно звучали тезисы Рухоллы Хомейни об объединении мусульман независимо от наций и культур и что «между суннитами и шиитами нет глубоких и серьезных противоречий, поскольку противоречия эти, по мнению Хомейни, выдуманы колонизаторами, чтобы расколоть мусульман»¹. Это звучало как явная установка на интеграцию крайних фундаменталистов – как шиитских (ливанских, иракских, иранских – в частности, ветвей Хизбаллы), так и суннитских (палестинских, ливанских, сирийских и др.).

Известная исследовательница политической роли духовенства в Иране, Е.А. Дорошенко, приходила к выводу, что Р. Хомейни опирался на халифатистские (панисламистские) почти вековой давности идеи Дж. аль-Афгани². «Другим положительным опытом в этом роде, – продолжала Е.А. Дорошенко, – имаму Хомейни представляется деятельность международной организации “Братья-мусульмане”, с которой, особенно ее шиитской ветвью, имам поддерживал тесные контакты во время своего пребывания в эмиграции. Как и Хомейни, “Братья-мусульмане” считают, что они выполняют “особую миссию”, называя себя миссионерами ислама во всех странах мусульманского региона, как и в мире в целом. Как и Хомейни, “Братья” представляют мусульман единой нацией, считая, что мусульмане должны быть членами одной мусульманской общины. Особенно ценно для имама в позиции “Братьев” то, что они в своей деятельности не ставят арабский национализм на первое место, используя

¹ *Эттелаат*, 28.12.1982 (Цит. по: Дорошенко Е. К вопросу об экспорте «исламской революции» (теория и практика) // Специальный бюллетень, 1984, № 1 (229); ИВ АН СССР; науч. ред. А.З. Арабаджян, Л.Е. Складов. М.: Наука, 1984. С. 138).

² Ровно за столетие до Исламской революции за свои идеи он был арестован и выслан из Египта.

его только в целях “исламского единства”»¹. Иными словами, реформаторский пыл власть имущих иранских фундаменталистов охватывал как шиитов, что вызывало особенную тревогу в Ливане и Ираке, так и суннитов, что имело критически важное значение для Сирии. Этот внешний вектор социальных отношений был направлен, тем самым, на объединение конфессий в рассматриваемых социумах, на сглаживание межконфессиональных различий (по крайней мере, между суннитами и шиитами) и углубление противоречий по иным социальным границам.

Подстегивание извне радикализации и распространения исламистских настроений было существенным, но нуждалось в благодатной почве внутри самих сирийского и ливанского обществ. Такой почвой стали преимущественно беднейшие слои мусульманского населения². Рекрутирование членов исламистских групп проходило в отдаленных, в основном депрессивных районах (шиитских в Ливане, суннитских в Сирии) или в бедных кварталах крупных городов, куда стекались за лучшей долей жители провинций. Наиболее показательными стали пригороды Бейрута и Дамаска (в том числе, выросшие в огромные по числу населения города-спутники).

Как и прежде, используемый исламистами протестный потенциал населения нарастал по депривационной модели – как реакция на несбывающиеся ожидания. Со стороны малоимущих слоев выход из запутанных силлогизмов был найден в строгости предписаний ислама. Многими в качестве способа действия был выбран путь «праведной» религиозной борьбы (джихад), в том числе борьбы с властью и за власть³.

---

¹ Дорошенко Е. К вопросу об экспорте... С. 138–139.

² В отличие от сравнительно недавних явлений радикализации в Сирии или на российском Северном Кавказе, где исследователи отмечают большой удельный вес образованной и относительно устроенной молодежи.

³ Е.А. Дорошенко писала в свое время, что Р. Хомейни в смысле джихада в начале 1980 г. называл иранцев «людьми войны», а сам джихад – «самой совершенной из форм войны, позволяющей человечеству выполнить свой долг против деспотизма, и самой идеальной формой совершенствования человечества в области веры», а в конце 1982 г. утверждал: «Пока во всем мире

«Религия, – пишут авторы книги о сирийцах и сирийском кризисе, – стала ответом на недовольство населения экономической, культурной и социальной реальностью, воспринимаемой (ошибочно) как “светская”. Религия заполнила собою материальный недостаток бедных, забытых правящими кругами на полях их неолиберальных игр. Религиозный пыл оплакивал якобы более подлинное и морально высокое прошлое, подпитываясь ностальгией и беспокойством»¹. С 70-х годов этот выбор малоимущих слоев («обездоленных», *аль-махрумун*) подогревался шиитскими фундаменталистами – как арабами, так и персами. С победой исламистов в Иране этот призыв не иссяк, но был обращен уже к мусульманам других стран, в первую очередь, Арабского Востока. «О обездоленные народы мира! – восклицал Р. Хомейни в феврале 1980 г. по случаю объявления в Иране недели национального ополчения. – Восстаньте и освободите себя от своих угнетателей, продолжайте ваше исламское движение до полной победы!»²

Недоверие религиозным авторитетам, признанным светскими властями Сирии и отчасти Ливана, и отход в сторону фундаментализма усиливались на протяжении 70-х годов, чему способствовала активность реформаторов-фундаменталистов не только арабских, но особенно из стран Среднего Востока (Ирана, Пакистана, Афганистана). Провозглашаемая теми реформация в исламском мире несла пафос якобы простоты первоначального ислама, отказа от греховных наслоений-новшеств в религиозной культуре, от сложных для восприятия традиций, в том числе, конечно, политических. Например, в отношении иранских реформаторов-фундаменталистов было высказано следующее обос-

---

не победит ислам, борьба будет продолжаться. Сегодня – время крови и гибели за святое дело». См.: Дорошенко Е. К вопросу об экспорте... С. 138.

¹ Yassin-Kassab, Robin; Al-Shami, Leila. *Burning Country: Syrians in Revolution and War*. London: Pluto Press, 2016. P. 116.

² Шестаков А. Экспорт Ираном идей «исламской революции» в страны Арабского Востока (внешнеполитическая функция КСИР // Специальный бюллетень, 1984, № 1 (229); ИВ АН СССР; науч. ред. А.З. Арабаджян, Л.Е. Складов. М.: Наука, 1984. С. С. 152.

нованное мнение: «Официальные идеологи неошиизма считают, что иранская революция более других мусульманских стран приблизила новый режим Ирана к идеальной форме мусульманского правления раннего ислама, когда религия и политика были неразделимы»¹.

Учитывая весомую роль внешнего фактора, это обращение части населения в Ливане и Сирии «к истокам» не было стихийным и автономным. Но всплеск религиозности, а на деле фундаментализма, находил подпитку и внутри сирийского общества, причем, парадоксальным образом, с обеих сторон – как оппозиционеров-исламистов, так и власти. Исламистская оппозиция объяснимым образом делала ставку на религиозный призыв, обращенный преимущественно к суннитскому большинству Сирии. Но и власти делали многое, чтобы освободить свой образ в глазах населения от характеристик типа «бездуховная» или «немусульманская»: развернулось масштабное строительство религиозных объектов, поддерживалось религиозное образование, в том числе зарубежное. Эти факты позволили авторам объемного сборника (для служебного пользования), подготовленного в стенах ИВ АН СССР в 1983 г. сделать вывод: «Усилению религиозных настроений, ставших благоприятной почвой для роста влияния реакционных сил, невольно способствовал и сам режим, который рассчитывал путем поддержки клерикальных кругов противодействовать активизации левых сил в стране и объединить верующих под своей эгидой. Как известно, в Сирии за 70-е годы было построено больше мечетей, чем за сотни предшествующих лет»². Только в 1976–1979 гг. число новых мечетей превышало число возведенных за предыдущие три десятилетия³.

Попутным результатом такой деятельности было усиление религиозности суннитского населения (алавиты почти не используют мечети для молитвы), а

¹ Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М.: ИВ РАН, 1998. С. 201.

² Судьбы социалистической ориентации в арабском мире / ИВ АН СССР. М.: Вост. лит., 1983. С. 379.

³ Пир-Будагова Э.П. Некоторые особенности религиозной оппозиции в Сирии в 70–80-е годы // Специальный бюллетень, 1989, № 4 (261); ИВ АН СССР; отв. ред. В.В. Наумкин, С.Х. Кямилев. М.: Наука, 1989. С. 58.

также рост численности духовенства, проповедь которых не всегда эффективно контролировалась властями. Тем самым, власти способствовали нарастанию религиозного бума, который гораздо успешнее использовали в своих интересах исламисты. Несмотря на это, попытки властей склонить «чашу весов» настроений уммы на свою сторону не прекращались, став, по сути, одним из направлений «исправительного движения». Автор еще одной работы с грифом ДСП, посвященной Сирии, С.А. Иванов писал: «Взвешивая различные pro и contra момента, переживаемого тогда Сирией разумно было бы воздержаться от рассуждений о “религиозном ханжестве”: предпринятая сирийским руководством “кампания в защиту ислама” была пусть тактической, но от этого ничуть не менее вынужденной мерой, особенно во внутривнутриполитическом плане»¹. Иллюстрируя усилия властей в области религиозной политики, цитируемый ученый приводил фрагменты из выступлений президента Х. Асада, например: «Ислам – религия трудящихся, борющихся за свободу, справедливость и хлеб насущный, он не может быть религией реакционеров» (декабрь 1979 г.), «“Братья-мусульмане” оскверняют ислам. Мы понимаем религию и веру как патриотизм, прогресс и социализм, они – как эксплуатацию, отсталость и пораженчество. В этом наше различие с ними» (апрель 1981 г.)². А на праздновании годовщины мартовской революции Х. Асад говорил: «Никто в нашей партии и в нашей стране не может действовать ни вне рамок интересов арабской нации, ни вне рамок ислама. Ислам – это послание Аллаха. И если мы, арабы, считаем ислам посланием Аллаха, то как же мы можем обходиться без него? Я верю в Аллаха и ислам... Принципы религии будут оставаться для нас святынями нашей жизни»³.

В этом же духе пишет о религиозной составляющей идеологии ПАСВ и один из самых ярких ее деятелей, Абдалла аль-Ахмар: «Баас отвергает в прин-

¹ Иванов С.А. Межарабская политика Сирии в свете проблем Ближневосточного конфликта (1963–1984). Кн. 2 / Отв. ред. Г.И. Мирский; ИМЭМО АН СССР. М., 1986. С. 284.

² Там же.

³ Тишин, 9.03.1980 (Цит. по: Пир-Будагова Э.П. Некоторые особенности... С. 57).

ципе политизацию ислама, поскольку различие заложено и в самой этой религии – в форме многочисленных течений среди мусульман... Баас рассматривала возможность контактов с исламистскими группировками в форме диалоге, и не выступала против них, но после того, как они для выполнения своих задач прибегли к вооруженным действиям, а также попытались прийти к власти силой, партия, чтобы предотвратить разрушение общества и его институтов, вступила в борьбу с ними (как это случилось в восьмидесятых годах прошлого века и происходит сейчас)»¹.

В Сирии, начиная с 1972 г., шло целенаправленное закрепление легитимации алавитского учения как мусульманского – ислама джафаритского толка. Подтверждающие это фетвы давали ведущие шиитские моджахеды и имамы.

Вскоре был предпринят масштабный пересмотр «социальной доктрины» алавитов, который некоторые исследователи характеризуют даже как реформу – столь глубокой и столь важной по своим историческим последствиям она стала. В ходе нее была осуществлена институционализация алавитской общины, что выразилось в создании Высшего Джаафаритского духовного совета, «закреплявшего положение сирийских алавитов как части шиитского сообщества имамитов-иснашаритов»².

Это были серьезные, хотя и трудные шаги властных кругов в области религиозной политики. А глубокий исследователь этого вопроса, отечественный востоковед В.Н. Саутов пишет, что «речь шла не столько о религиозном контроле, сколько о контроле со стороны властей», поскольку Высший Джаафаритский духовный совет «вводился в систему государственного управления»³.

¹ Аль-Ахмар, Абдалла. Аль-кадайя ад-динийя мин манзар фикр хизб аль-Баас аль-араби аль-иштираки (Религиозная проблематика сквозь призму идеологии Партии арабского социалистического возрождения) (пер. с араб. А.В. Сарабьев) // *Религия и общество на Востоке*. Вып. I, 2017. С. 242–243.

² Саутов В.Н. Исторические вехи алавитской общины независимой Сирии. Институционализация и реформа // *Ориенталистика*, 2021. (В печати)

³ Саутов В.Н. Алавиты в общественно-политической жизни Сирии (40-е – 90-е годы XX в.) / Диссертация ... к.и.н.; Ин-т востоковедения РАН. М., 2001. С. 119.

Трудности заключались в том, что на напряжения взаимоотношений конфессиональных общин накладывались вопросы отношений между отдаленными друг от друга районами, разделенными пустынными территориями (например, Джазира, приевфратские районы), а главное – племенной фактор. Он черпал свою силу в непеременимой для арабов *'асабийи* – групповой солидарности и гордости за свое происхождение, – неразрывно связанной и с историей рода, и с традициями, и с территорией, и, конечно, с религией¹. Все эти сложности относились не только к отношениям с суннитами, но и межалавитским отношениям: сложная иерархия алавитских племен и родов предполагала трудное обсуждение горными шейхами каждого из подобных шагов.

Тем не менее, исламистская оппозиция предпринимала собственные шаги, направленные на подрыв доверия к религиозной политике властей. Умеренной версии «государственного» ислама (шафиитского мазхаба) противопоставлялось революционное видение момента, подходящего для перехода к мусульманскому правлению по законам шариата – с непеременимым пересмотром отношений между конфессиями. Вдохновленные радикальными идеями иранских и иракских имамов, отвергавших квиетизм, многие сирийские сунниты с новой силой пошли за призывом «возврата к истокам».

Так или иначе, к концу 70-х годов фундаментализм в Сирии значительно окреп, в его авангарде стали радикалы, готовые на вооруженную борьбу и теракты, и к тому же он получил победоносный пример в лице Исламской революции в Иране. Было устроено несколько громких терактов, среди которых выделяется атака группы БМ «Воюющий авангард» (*Ат-Тали'а аль-мукатия*) на курсантов артиллерийского училища в Алеппо 16 июня 1979 г., когда были убиты 32 и ранены 54 курсанта. Это были в основном алавиты, но среди пострадавших оказались также сунниты и христиане. Как пишет Н. Ван Дам, для

---

¹ См. подробнее о племенах Сирии и их отношениях с властями: Dukhan, Haian. *State and Tribes in Syria Informal Alliances and Conflict Patterns* / Ed. by R. Hinnebusch; Centre for Syrian Studies, Univ. of St. Andrews. London – New York: Routledge, 2019. 173 p.

властей тревожным звонком стало то, что организовавший резню курсантов был не только кадровым офицером, но и членом ПАСВ¹. Через неделю в официальном заявлении главы МВД Сирии сообщалось, что он помог членам БМ пробраться в училище и расстрелять и забросать гранатами безоружных курсантов. Там же говорилось и о предыдущих терактах БМ: «...Они предприняли ряд убийств в сирийских городах Алеппо, Хаме и Дамаске. Среди жертв были ни в чем не повинные граждане – разных профессий и ведущие самый разный образ жизни»².

Нельзя исключать и внешнего фактора или даже причин этих трагических фактов. В том числе, нельзя исключать в качестве фактора подпитки БМ острой конкуренции между сирийской и иракской ПАСВ. На определенные размышления наталкивает свидетельство, которое приводит в своей новой книге британский исследователь Хайан Духан: для эффективного противостояния БМ в стратегически ключевом для этого районе между Хамой и Халебом в 1981 г. Джамиль Аль-Асад, брат президента, посетил Буайдар, оплот алавитского племени хаддадин и призывал тех, в частности, следить за приезжими из Ирака. «Джамиль попросил членов хаддадин быть ушами и глазами правительства в сельской местности Хамы и Алеппо и следить за перемещениями между двумя провинциями, наблюдать за потоком оружия от иракцев к движению БМ и не допускать, чтобы малообитаемые места не стали убежищем для их членов»³.

Едва ли случайно всплеск террористической активности в Сирии пришелся на год окончательного закрепления у власти в Иране исламистов. В тесном контакте с иранцами действовали не только шиитские арабские организации – Амаль в Ливане и Даава в Ираке; эксперты сообщали, что БМ также работала «под контролем крупных шиитских центров стран Арабского Востока. Среди самых активных и опытных иранских партизан-боевиков, поддерживав-

¹ Van Dam N. The Struggle... P. 91.

² *Аль-Баас (Дамаск)*, 24.06.1979 (Цит. по: Ibid.). См. также: Mortimer E. Faith and Power... P. 263; Batatu H. Syria's Peasantry... P. 267.

³ Dukhan H. State and Tribes... P. 81–82.

ших тесные контакты с шиитскими кругами ближневосточных стран, так и с руководством шиитских политических группировок были, например, Абу-Шариф, Мустафа Чамран, Форутан и др., ставшие впоследствии во главе КСИР»¹.

По другим данным, основным источником помощи сирийским БМ можно было считать Саудовскую Аравию², но сирийская пресса не упоминала эту страну, а сообщала, что средства БМ поступают непосредственно из Ирака и Иордании³. Кажущееся противоречие в данных об источниках поддержки сирийской исламистской оппозиции легко снимается очень вероятным допущением, что БМ выступали в качестве удобного инструмента давления на сирийское руководство в перипетиях региональной политики⁴. Опасное заигрывание с арабскими радикалами-фундаменталистами периодически приносило выгоду то той, то другой региональной державе, даже независимо от того, шиитская или суннитская ветвь ислама доминировала в ней.

Исламская теократия как принцип рассматривалась в качестве идеальной формы правления – и в своем изводе с главой-рахбаром, и с приближающейся к ней монархией во главе с королем, хранителем Двух благородных святынь (хотя по форме это и не теократия). Следует заметить, что оба государства, хотя и в разное время, претерпели глубокую религиозную реформу, которая нивелировала многие элементы религиозной культуры в традиционных обществах, соответственно, Ирана и Саудовской Аравии. Например, автор книги о деятельности Мухаммада ибн Абд-аль-Ваххаба, заложившего саудовского ваххабизма,

¹ Шестаков А. Экспорт... С. 148. См. также: Там же. С. 155.

² В ходе сирийского конфликта второго десятилетия XXI в. о негласной помощи исламистам в Сирии со стороны КСА снова говорили, причем – в том числе саудовские аналитики. См.: Наумкин В.В. Кризис на Ближнем Востоке: внешнее вмешательство и разгул экстремизма // *Валдайские записки*, № 3, ноябрь 2014. С. 4.

³ Иванов С.А. Межарабская... С. 280.

⁴ Относительно подобной тактики в соседних странах уместно будет привести мнение французского ученого Жюль Кепеля, который отмечал: «Некоторые руководители ООП подозревали Израиль в поощрении Братьев с целью ослабления националистического движения». См.: Кепель, Жиль. *Джихад: Экспансия и закат исламизма* / Пер. с фр. В.Ф. Денисова, науч. ред. А.В. Кудрявцев. М.: Ладомир, 2004. Прим. на с. 370.

Натана Делонг-Ба «приходит к выводу, что взгляды этого проповедника-реформатора на некоторые ключевые вопросы вероучения (к примеру, на понимание джихада) даже не были лишены элементов модернизма»¹. И даже этому течению в исламе уже противостоят с 70-х годов в самом королевстве как «сахвизм» (от араб. *ас-сахва аль-исламийя*, «исламское пробуждение»), так и «неосалафизм», джихадистский толк салафизма (от араб. *ас-салаф ас-салих*, «праведные предки»)².

Так что реформаторский порыв БМ (при всех имеющихся противоречиях) был для них, очевидно, более понятным и приемлемым, нежели светское республиканское правление левого (в Сирии) или правого (в Ливане) толка.

Иным был европейский взгляд на резко набиравший силу исламский фундаментализм, воспринимаемый как широкое революционное реформаторское движение, представлявшее серьезную угрозу. Можно привести мнение упоминавшегося Дениса Хили, который на заседании британской Палаты общин в июне 1982 г. заявил: «[Мусульманская теократия], этот новый тип мусульманского фундаментализма сейчас так же силен на Индийском субконтиненте, как и на самом Ближнем Востоке. Это фундаментализм, из-за которого люди, едущие на велосипедах в минные поля, кричат: “Бог велик”. Никто из нас не может вспомнить, кроме как из учебников истории, мощь этого типа мусульманского фундаментализма, когда он в последний раз покорил Ближний Восток, большую часть Индии и половину Европы. Но сегодня эта сила стала реальностью. Это одна из самых сложных проблем, с которой столкнутся все другие правительства мира, западные или коммунистические»³. Этому весьма

¹ Наумкин В.В. Предисловие // Делонг-Ба, Натана. Реформы Мухаммада Ибн Абд аль-Ваххаба и всемирный джихад / Пер. с англ. А.А. Филиппова, отв. ред. В.В. Наумкин. М.: Ладомир, 2010. С. 5.

² Там же. С. 6.

³ UK House of Commons Hansard. Commons Sitting, 22 June 1982, 6th Series, Vol. 26. P. 221. URL: <https://parlipapers-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/parlipapers/docview/t71.d76.cds6cv0026p0-0002?accountid=108701>.

осведомленному парламентарии вторил Джонатан Эйткен¹, депутат от тори: «Все расчеты относительно отсрочек или возрождения палестинского феникса из пепла в Западном Бейруте сегодня могут быть ускорены действиями революционных исламских фундаменталистов в Иране и других местах. Я согласен с достопочтенным² депутатом от Восточного Лидса [Д. Хилли], что мы все серьезно недооценили силу этого движения. Безусловно, это самая большая угроза стабильности на Ближнем Востоке. Западным интересам в этом районе угрожают сторонники аятоллы Хомейни. Эта революционная сила перемен посвящена свержению более консервативных правительств и режимов, которые не являются ни революционными, ни фундаменталистскими... Иранские шииты и их последователи полны решимости посеять хаос в этой области. Они уже выиграли войну против Ирака, заключили драматические союзы с Ливией и Сирией, едва не совершили крупный переворот в Бахрейне и оказали огромную поддержку ООП. Они вызовут огромные проблемы в арабском мире в ближайшие годы...»³.

Главный партнер Соединенного Королевства, Соединенные Штаты стали одной из главных мишеней радикальных исламистов, и тем не менее использовали связанные с ними аргументы в риторике «холодной войны». В известной книге об обстоятельствах и следствиях Кэмп-Дэвидских соглашений Е.М. Примаков сообщал: «Американцы говорили направо и налево о том, что Советский Союз якобы использует в своих интересах так называемый “мусульманский фундаментализм”. По их словам, это порождает необходимость “баланса”, а именно американской поддержки арабских государств, расположенных по берегам Залива»⁴. Академик Примаков приводил, среди прочих, мнение профес-

¹ Джонатан Уильям Патрик Эйткен (род. 1947), член Ее Величества Тайного совета и депутат Палаты общин от тори, впоследствии занимал посты Министра оборонных закупок и Главного секретаря казначейства.

² *Right honourable* – обращение к члену британского Тайного совета.

³ UK House of Commons Hansard. Ibid. P. 259.

⁴ Примаков Е.М. История одного сговора... С. 247.

сора Мичиганского университета Байндера, который писал, что исламский фундаментализм «становится уязвимым для советского влияния»¹. Очевидно, подобная риторика была призвана подстегнуть работу американских политиков и спецслужб с иранскими и арабскими религиозными фундаменталистами, чтобы, в свою очередь, использовать их потенциал в собственных интересах.

Тем временем, Сирия оставалась в тисках необходимости сохранять хорошие отношения с Саудовской Аравией и Ираном, с одной стороны, и жестко противостоять исламистской оппозиции (что стало критически важным для сохранения базы социальной поддержки властей), с другой. Официальный Дамаск вынужден был и наблюдать подъем шиитских боевых дружин в Ливане под действием эмиссаров иранского КСИР, и даже принимать таковых у себя. «Насколько я понимаю, – с беспокойством сообщал Д. Хили на упомянутом заседании Палаты общин, – в настоящий момент от одной до двух тысяч иранских военнослужащих находится в Сирии – стране, которая не желает идти по шиитскому пути или по пути мусульманских фундаменталистов»².

Итак, весомую роль в раскачивании ситуации в сирийском социуме, как и в ливанском, сыграл внешний фактор. Отсылка к сложным отношениям между конфессиональными общинами звучала из уст критиков сирийских властей постоянно. Но при этом среди религиозных меньшинств крайне редко упоминались христианские общины, друзская, исмаилитская и другие мусульманские, даже езидская. И только находившиеся у власти алавиты вызывали раздражение местной исламистской оппозиции и критиков из-за рубежа. Такое положение вещей свидетельствовало о мощной политической доминанте в борьбе, которая велась под религиозными лозунгами, борьбе, которая не охватывала в целом взаимоотношения сирийских религиозных общин и не была обусловлена объективным напряжением межконфессиональных отношений. Это было не что иное, как оспаривание властных прерогатив групп, которые некогда встали

---

¹ Там же.

² UK House of Commons Hansard. Ibid. P. 221.

у высших государственных постов в результате острой политической борьбы и даже переворотов. Исламистская оппозиция пыталась действовать подобным же образом, но, опираясь на зарубежную поддержку с разных сторон, не упускала возможности указать на несправедливость «засилья» представителей алавитского меньшинства во властных структурах.

Впрочем, совершенные исламистами покушения и теракты не вписывались в рамки представлений о сопротивлении «алавитскому режиму» уже потому, что, хотя среди высших чинов армейского командования и состава спецслужб было до половины алавитов, но в сирийском региональном руководстве ПАСВ (по сути, определяющем политическом органе) алавиты составляли лишь пятую часть¹. Не были алавитами и многие наиболее известные сирийские деятели, такие как, например, Абдулхалим Хаддам, Мустафа Тлас, Хикмет Шихаби, Абдалла аль-Ахмар. Так что имело место скорее противостояние исламистов, а вовсе не борьба суннитов с режимом конфессионального меньшинства.

Оппозиция исламистов-фундаменталистов далеко не была единой, а со временем дробилась еще больше. Их представления о стратегии противостояния светскому баасистскому режиму у власти были разными и включали в себя широкий спектр – от политических методов до террористических. Сторонники крайних мер среди них – уже после ряда совершенных терактов – предприняли 26 июня 1980 г. попытку убийства президента Х. Асада. Последовал скорый и яростный ответ его брата Рифаата, командующего элитными Ротами обороны (*Сарая ад-дифа*'), который отдал приказ своему заместителю (и зятю), майору Муину Насыфу привести в исполнение экстренный смертный приговор военно-полевого суда с особыми полномочиями² узникам-исламистам тюрьмы в Паль-

¹ Sadowski, Yahya M. Patronage and the Ba'ath: Corruption and Control in Contemporary Syria // *Arab Studies Quarterly*, Fall 1987, Vol. 9, No. 4. P. 445.

² Seale, Patrick. *Asad of Syria: The Struggle for the Middle East*. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 1989. P. 329.

мире. Уже на следующий день были расстреляны около 550 членов БМ¹, а по другим данным, 1181 человека². Сирийский парламент 7 июля одобрил законопроект о введении смертной казни за принадлежность к БМ³, причем недавно вступившим давался месяц на то, чтобы порвать с этой организацией.

Периодически наблюдалась и перегруппировка сил исламистской оппозиции, в том числе включение в нее светских зарубежных организаций. Мощный проект исламистов по широкому объединению оппозиции был осуществлен в октябре 1980 г., когда сирийские БМ объявили о создании организации «Исламский фронт в Сирии» (ИФ)⁴. Главой этого объединения был избран шейх Али аль-Байануни, хотя его основу составило «умеренное» крыло БМ под руководством Аднана Саададдина, стоявшего на позициях тактики сближения с другими оппозиционными силами, в том числе неисламистскими. Целью Исламского фронта была исламская революция⁵ в Сирии, что и было отражено в установочном документе, опубликованном в ноябре 1980 г.: «Манифест исламской революции в Сирии и ее программе» (*Байян ас-саура аль-исламийя фи Сурия ва минхаджуха*). Уже вскоре, однако, разногласия внутри БМ привели к выходу и обособлению групп крайнего крыла, которые возглавлялись такими лидерами БМ, как бывший «верховный наблюдатель» Иссам аль-Аттар и глава «Боевого авангарда» Аднан Укле.

Очень показателен упомянутый документ, приведенный в книге Умара Фарука Абдаллы, изданной на английском языке в Беркли в 1983 г. Его перевод занимает в книге 62 страницы и затрагивает все вопросы внутренней и внешней

¹ Van Dam N. The Struggle... P. 106.

² Ханна А. Сафахат мин тарих... 2018. С. 368.

³ Ibid. P. 190; Carré, Olivier; Michaud, Gérard. Les Frères musulmans: Egypte et Syrie (1928–1982). Paris: Gallimard – Julliard, 1983. P. 135.

⁴ Этот исламистский проект оппозиции был возрожден уже в период сирийского кризиса, 22 ноября 2013 г.

⁵ О своей непримиримой позиции в отношении этой цели прямо заявлял Аднан Укле. См.: Kutschera, Chris. Syria: Muslim Brothers, the Question of Alliances // *The Middle East Magazine*, May 1983. URL: http://www.chris-kutschera.com/A/syrian_muslims.htm.

политики¹. Манифест подписали в Дамаске 9 ноября 1980 г. Саид Хавва, Али аль-Байянуни и Аднан Саад-ад-Дин, следовательно от имени ИФ открыто выступили сирийские БМ. О межконфессиональных противоречиях в документе сказано довольно скупо и исключительно в плане критики властей: «Хуже всего, что сирийский режим влез в болото конфессионализма... Более того, нельзя позволить 9-10% населения доминировать над большинством, поскольку это идет против логики вещей. Мы уверены, что разумные люди из алавитской общины согласятся с нами, что ни мы, ни они не обязаны поддерживать империю Хафеза и Рифаата Асадов... Провокативные и агрессивные действия деспотического режима - достаточные обстоятельства, чтобы даже сдержанные люди потеряли терпение, чтобы разгорелась тяжелая гражданская война. ...Мы заявляем, что не пойдем на перемирие, не сложим оружие, не будем вести переговоры с теми, кто известен своим коварством и нарушением обещаний. Мы продолжим наше дело, несмотря на опасности и препятствия, вплоть до падения деспотического режима и его удаления навсегда»².

Обращает на себя внимание особый настрой сторонников «исламской революции» не собственно против алавитов, а против «деспотического режима» (впрочем, тут просматривается тактический ход в сторону раскалывания алавитской общины и вовлечения в свой оппозиционный лагерь недовольных алавитов). Еще одной характерной чертой документа является яростная критика коммунизма и особенно политики Советского Союза, которому посвящены многие пассажи, в том числе целая страница разбора запрета на частное сельскохозяйственное землевладение³.

Тем временем, спровоцированные исламистами беспорядки и теракты продолжались. В августе 1980 г. было совершено нападение на расквартированных в Халебе военных, в апреле следующего года – на алавитскую деревню

¹ Abd-Allah, Umar F. The Islamic Struggle in Syria. Berkeley, 1983. P. 201–267.

² Ibid. P. 209–211.

³ Ibid. P. 225–226.

близ Хамы, на что правительственные силы ответили арестами и смертными приговорами. В декабре того же года на своем рабочем месте членами БМ был убит доктор Юсеф Саиг – за то, что был лечащим врачом президента¹. Вскоре, как пишет Патрик Сил, ИФ удалось перенести террористическую активность в саму сирийскую столицу: в августе 1981 г. прогремел взрыв возле приемной премьер-министра, в сентябре – у штаба ВВС, в октябре – возле дома специалистов из СССР, а 29 ноября мощный взрыв в квартале, где находились здания разведуправлений в районе Азбакия, унес жизни сотен дамаскинцев². В Египте 6 октября 1981 г. был убит президент Анвар Садат, и БМ грозили расправой сирийскому президенту.

К началу 1982 г. оплотом недовольства властями стал город Хама, где крупные землевладельцы (сунниты) этой мухафазы и сама городская знать особенно остро чувствовали ущемление своих исконных прав и властных амбиций. Особенно болезненно для этого сословия было наступление на их прерогативы со стороны пришедших к власти «худородных» военных, как они считали, парвеню, а тем более – алавитов.

Вся провинция Хама включала в себя множество алавитских сел, и к тому же имела выход на прибрежную Латакийскую мухафазу, где находились основные районы компактного проживания алавитов. Хама имела, поэтому, стратегическое значение как для властей, так и для исламистской оппозиции. В начале февраля 1982 г. БМ попытались превратить город Хама в бастион, подняв там восстание, которое продлилось почти до конца месяца. Действия восставших, как и жестокое их подавление, стали одной из трагических страниц в истории независимой Сирии, притом получившей яркую конфессиональную окраску в восприятии массового сознания – как подавление «алавитским режимом» сопротивления «суннитских фундаменталистов». Число жертв событий в

---

¹ Van Dam N. The Struggle... P. 191.

² Seale P. Asad of Syria... P. 331.

Хаме власти оценивали в 3 тыс. человек, их противники – в 20 тыс., тогда как историки склонны к средним оценкам в 5–10 тыс. жертв с обеих сторон¹.

После этих кровавых событий члены сирийских БМ решили сменить тактику и продолжить попытки расширить свою базу поддержки: они пригласили в коалицию «Национальный союз освобождения Сирии», созданную уже 11 марта того же года, левых националистов – иракских баасистов, группу Акрама Хаурани (Арабское социалистическое движение, или Движение арабов-социалистов, *Харакат аль-иштиракиин аль-араб*) и сирийских насеристов во главе с Джамалем Атаси². Известный израильско-американский историк Итамар Рабинович признавал, что этот альянс в последующие несколько лет руководствовался тактикой «нанесения ущерба имиджу режима»³ – как деспотического и «сектантского». Правда, после кульминационного столкновения в 1982 г. в Хаме это было возможно лишь из-за рубежа.

В период внешнего затишья активизма БМ в Сирии и накануне новой волны терактов, совершенных исламистами, один известный французский журналист писал: «Внутри Сирии остается сильное подводное течение религиозного фундаментализма, [активистов,] ожидающих быть призванными снова к действию, и еще остаются, как полагают, некоторые тайные ячейки Братства»⁴.

Новый виток терроризма исламистов пришелся на 1986 г., сообщалось о новом витке «бескомпромиссной борьбы против режима со стороны БМ»: в конце января прогремел мощный взрыв в Дераа, 13 марта – взрыв большой мощности на площади Аббасидов в Дамаске, причем число погибших и раненых достигло 200 человек, и вскоре после этого в Дамаске же заминированный автомобиль намеренно столкнулся с полным пассажиров трамвайным вагоном.

¹ Ibid. P. 334.

² Пир-Будагова Э.П. История Сирии, XX век. С. 247.

³ Rabinovich, Itamar. SAR: Regime and Opposition // Middle East Contemporary Survey, 1984–1985, Vol. IX / ed. by I. Rabinovich, H. Shaked; The Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies. Boulder: Westveiw Press, 1987. P. 648.

⁴ Kutschera Ch. Syria... May 1983.

Теракт вблизи студии сирийского радио и телевидения был предотвращен, но 27 апреля волна взрывов накрыла Хомс, Тартус и Латакию, в том числе был взорван полный сирийских курсантов автобус, результатом чего стали 150 жертв. Страшный теракт был совершен на железной дороге, соединявшей Алеппо и Латакию – убиты 140 и ранены 155 человек. Вскоре теракты продолжились в Дамаске, причем ответственность за них брали неизвестные ранее исламистские группы «Армия за освобождение Сирии» и «Организация исламского освобождения – верные», хотя известно о прямой причастности членов БМ, и эти группы, вероятнее всего, были частями сирийской БМ.

Новый верховный наблюдатель БМ, Аднан Сакад-ад-Дин, выступил с серией нападок на сирийский режим и лично президента, характеризуя «алавитский союз с шиитским Ираном, как форму сектарианизма, вытекающего из ненависти к арабской и исламской вере»¹. Возможно, что такой всплеск террора в 1986 г. мог быть и мстью за принятые меры против БМ в соседней Иордании: после сирийско-иорданской сближения в 1985 г. Иордания официально признала, что ранее оказывала поддержку БМ, и король Хуссейн обещал отказаться от этого².

В 1987 г. на ливано-сирийской границе отделом политической безопасности МВД Сирии были задержаны контрабандисты, связанные с БМ и якобы имевшие контакты с сирийскими чиновниками высокого уровня. 24 августа того же года в Дамаске были повешены пять членов БМ по обвинению в организации взрывов в апреле 1986 г.³

В мае и декабре 1996 г. прошла серия взрывов в сирийских городах, в том числе крупный теракт на столичной автобусной станции 31 декабря. Регулярно обнаруживали свидетельства существования мощной подпольной группировки

---

¹ Olmert, Yosef. SAR: Violent Opposition Activities // Middle East Contemporary Survey, 1986, Vol. X / ed. by I. Rabinovich, H. Shaked; The Moshe Dayan Center. Boulder – London: Westview Press, 1988. P. 608–609.

² Ibid. P. 609.

³ Ibid. P. 637.

БМ (например, большой схрон оружия и боеприпасов БМ в дамасском районе Мухаджирин в 1989 г.)¹.

Имел место и теракт в Ливане – подрыв зарегистрированного в Сирии микроавтобуса в местечке Табарджа недалеко от Бейрута 18 декабря 1996 г. (погиб водитель, ранен пассажир), и, хотя ливанские власти задержали по подозрению в причастности к нему 76 человек, такая организация, как *Amnesty International* в своем докладе называла это политической расправой ливанских властей с оппозиционными политиками, поскольку якобы среди задержанных были члены Ливанского национального конгресса (сторонники М. Ауна), запрещенной ЛФ и НЛП (уже к концу месяца все задержанные, кроме двух, Пьера Атааллы и Хасана Бардавиля, были освобождены без предъявления обвинений)².

Итак, террористическая активность исламистской оппозиции в Сирии оставалась высокой и, естественно, вызывала жесткую реакцию властей. Важно отметить, что это крыло оппозиции составляли не суннитские традиционалисты, не консерваторы, недовольные непропорциональным представительством суннитов во властных структурах, а революционеры-фундаменталисты³, следовавшие по пути «исламской революции», оказавшейся успешной в Иране. Их попытки разогрева межконфессиональных отношений в стране имели свой эффект: порой бунты были масштабными, а случаи дезертирства в армии принимали далеко не единичный характер. Но этому способствовали стечения многих обстоятельств: недовольство местной знати, антиправительственная пропаганда

¹ Пир-Будагова Э.П. История Сирии, XX век. С. 306.

² См.: Lebanon: Human Rights Developments and Violations / Amnesty International, 8 October 1997. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/mde18/019/1997/en>. P. 17.

³ Заслуживает внимания подразделение исламистского действия на «реформистски-революционные» и «воинственно-революционные» движения. Первые «используют правовые и демократические процессы в надежде добиться перемен сверху, стремятся убедить людей в активной поддержке через свои образовательные, политические и социальные сети», а вторые «отвергают существующую систему и используют насилие, конфронтацию и воинственность, а на более позднем этапе используют агитацию, блокировку и протест». См.: Husnul, Amin. Neoliberal Globalisation and Islamic Social Movements: Critical Reflections on Approaches and Models // *Islamic Studies*, Vol. 51, No. 4, Winter 2012. P. 420.

среди бедных слоев населения, внешнее влияние и, наконец, исламистская пропаганда с использованием конфессионального аргумента.

Последняя была наиболее громкой и заметной как внутри, так и за пределами страны. Схема, представляемая как узурпация власти религиозным меньшинством, легко объясняла социальные проблемы сирийцев, особенно в глазах тех, кто был мало знаком с сирийским обществом в те годы. Но и внутри Сирии и даже в Ливане эта схема привлекала малоимущие круги, связанные с суннитской знатью, крупными землевладельцами (аянами, нотаблями), своей подкупающей простотой, и они попадали в число сочувствующих идеям исламской революции, сторонников БМ.

В то же время, продолжали оставаться активными и иные региональные и национальные организации исламистов-революционеров¹. Явная исламистская повестка звучала в призыве действовавших в том числе в Сирии и Ливане палестинских организаций, генезис которых возводят, как правило, к БМ. Ярким примером служит Хамас (Движение исламского сопротивления). Исследователь исламизма Мэтью Левитт в своей книге выделяет этапы «вызревания» этого движения с 60-х годов, причем «на период 1976–1981 гг. приходится расширение географии за счет участия в профессиональных ассоциациях в секторе Газа и на Западном берегу, а также институциональное строительство, в частности, «Аль-Муджама аль-исламия», «Аль-Джамиа аль-исламия» (так в книге. – А. С.) и Исламский университет в Газе; 1981–1987: политическое влияние через создание механизмов действия и подготовку к вооруженной борьбе; 1987: Основание Хамас как боевого подразделения Братьев-мусульман в Палестине и продолжение эстафеты джихада»². Со своей стороны, Г.Г. Косач в связи с зарождением Хамас упоминает о создании еще в 1977 г. Мусульманской ассоци-

¹ Список ближневосточных «исламских неправительственных религиозно-политических организаций» на начало 1988 г. дается в приложении к книге: Игнатенко А.А. Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М.: Наука, 1988. 207 с.

² Levitt, Matthew. Hamas: Politics, Charity, and Terrorism in the Service of Jihad. New Haven – London: Yale University Press, 2006. P. 22.

ации как преемника действовавшего ранее в Газе отделения БМ, которая в качестве своей основы провозглашала не палестинскую идентичность, а «абстрактную “мусульманскую нацию”»¹.

При этом с самого начала ставка делалась на создание благоприятного образа среди беднейших слоев мусульманского населения. Автор цитируемой книги приводит мнение палестинского ученого Зиада Абу-Амра, что исламисты быстро набирали популярность, действуя через «исламские благотворительные общества, которые курировали местные школы, ясли и детские сады при мечетях и охватывали многие тысячи учащихся и детей из мусульманских семей, создавали библиотеки и спортивные клубы; в последующие годы БМ и иные исламистские группы сформировали несколько исламских обществ и организаций в Хевроне, Наблусе, Дженине, Иерусалиме, секторе Газа и других палестинских районах»².

Еще одно свидетельство о раннем этапе работы палестинских исламистов относится к Халеду Машаалу, основателю и лидеру Хамас: «В 1970-х годах организационная структура БМ была перестроена, и движение распространилось среди студентов и студенток, в мечетях, которые являются основными столпами просвещения общества и излечения травм, вызванных оккупацией. Люди тянулись в мечети, где они мобилизовали свое религиозное и национальное единство. Создавались социальные учреждения с целью спортивного и культурного развития молодежи и улучшения соцобеспечения бедных и детей-сирот. Одним из важнейших институтов был Исламский центр, основанный шейхом Ахмедом Ясином»³. Важно, что Хамас, где шейх был безусловным духовным лидером, не ограничивалась лишь национальными требованиями и только суннитским активизмом. Вслед за идеями иранских религиозных реформаторов Хамас не подчеркивает различия толков и мазхабов внутри уммы.

¹ Косач Г.Г. ХАМАС... С. 80.

² Abu-Amr, Ziyad. Islamic Fundamentalism in the West Bank and Gaza. Indiana University Press, 1994. P. 14–15 (Цит. по: Ibid.).

³ Charbel, Ghassan. The Khaled Mishaal Interview (2 of 7) / Dar al Hayat, Dec. 15, 2003 (Цит. по: Ibid.).

В плане внешнего фактора влияния на политику Хамас интересно отметить мнение очень сведущего американского дипломата Денниса Росса, написавшего предисловие к книге М. Левитта. Посол Д. Росс известен своей произраильской ориентацией, но заявляет о поддержке Хамас со стороны – как ни парадоксально это может прозвучать – «США, Европы, Саудовской Аравии и стран Персидского залива»¹. Такое негодование высокопоставленного эксперта-ближневосточника объясняется тем, что средства из-за рубежа, которые хамасовцы тратят на подготовку террористов, предназначались изначально на *да'ва* – «структуры социальной поддержки и социальных служб этой организации»², неразрывно связанные с мусульманским призывом.

Другая структура, также признанная многими странами террористической, Аль-джихад аль-ислами («Исламский джихад») напротив, не ставила целью вовлечение широких масс в свою подрывную деятельность, но ее основатель, Фатхи Шикаки, был, как и лидеры Хамас, вдохновлен идеями «исламской революции». Показательно его авторство таких трудов, как «Хомейни – исламское решение и альтернатива»³ (под псевдонимом Абд-аль-Азиз, 1979) и «"Вехи на пути": основы и мнение»⁴ (1992) – об основной работе Саида Кутба. Обе личности, интересовавшие Шикаки, этого убежденного крайнего исламиста (кстати, хорошо образованного), организовавшего несколько крупных терактов, были реформаторами ислама, которые напрямую связывали будущее уммы с радикализацией ее политической повестки.

Стратегии, подобной палестинской Хамас, придерживалась и ливанская Хизбалла, ориентируясь в своей деятельности на покровительство бедных единоверцев и создание таким путем широкой и глубоко укорененной сети соци-

¹ Ross, Dennis. Foreword // Levitt M. Hamas... P. X.

² Ibid.

³ Абд-аль-Азиз [Аш-Шикаки], Фатхи. Аль-Хомейни: аль-халь аль-ислами ва-ль-бадиль (Хомейни: исламское решение и альтернатива. Б.м.: 2001 (1979). 122 с.

⁴ Аш-Шикаки, Фатхи Ибрахим. Аль-ма'алим фи-т-тарик: 'ард ва ру'йя ("Вехи на пути": основы и мнение). Б.м.: Хукук ат-таб'а махфуза, 1992. 36 с.

альной поддержки. Как и обе упомянутые исламистские организации, она руководствовалась примером иранской Исламской революции. Подробно о шиитском активизме в Ливане и Сирии пойдет речь ниже, здесь же следует акцентировать внимание на универсальность фундаменталистского движения – поверх (или даже вне) глубоких различий религиозных культур суннитского и шиитского направлений в исламе. Религиозный реформизм через поиск «первоначальных смыслов» священных текстов, через преодоление напластования разных традиций поклонения (включая национальные), обрел транснациональный характер. И главным объектом приложения фундаменталистского активизма становились социальные отношения: пересмотр взаимодействия как внутри уммы, так и между конфессиональными общинами. Политическая трансформация (разного рода, в том числе, революция) выступает для этой стратегии, по сути, методом.

Так случилось, что основными проводниками фундаментализма в Ливане выступили шииты, тогда как в ряде других стран региона первенство в этом отношении было за суннитами. Причиной слабости суннитского фундаментализма в Ливане исследовательница из Ливанского университета, Даляль Мухи-ад-Дин аль-Бизри видит, во-первых, в том, что ливанские сунниты в большинстве своем не привязаны к определенной местности, это жители городов, в том числе бейрутинцы, они связаны с торговлей и расселены дисперсно. Во-вторых, они разочарованы методами «сирийских и иракских фундаменталистских групп, которые пока только и могли, что бороться с другими исламистскими группами, менее радикальными, чем они сами, ... не собираясь вместе, а скорее рассредотачиваясь, ... тогда как сунниты в Ливане знают из своего исторического опыта, что независимо от того, насколько сильна партия, в конечном итоге, она должна вести переговоры со своими соратниками о возможности сосу-

ществования с ними на основе компромиссов»¹. В то же время, как считает Д. аль-Бизри, очевидно, что сунниты Ливана подражают Хизбалле и полны собственного религиозного рвения, что угрожает Ливану «религиозным фундаментализмом – высшей формой конфессионализма, исключительностью, вне зависимости от древности истории того государства, в котором уже на его развалинах будет применяться фундаменталистское возмездие»². Мнение этой ученой интересно тем, что еще в тот период ее живо интересовал вопрос исламизма и фундаментализма (причем, как представляется, изнутри)³, а в период гражданской войны в Ливане она воочию наблюдала борьбу разного рода суннитских группировок по обе стороны баррикад, что и отразила в своей книге воспоминаний о тех годах⁴.

Впрочем, ученая явно приуменьшает значение суннитского активизма фундаменталистского толка. По крайней мере, хорошо известно о триполийском ядре, оформившемся в 1982 г. в Харакат ат-таухид аль-ислами (ХТИ, «Движение исламского единения/единобожия»⁵), а затем претерпевшего многочисленные переформатирования. Это была группа, которая выделилась из Джамаа исламия, ливанской ветви БМ⁶ (под руководством шейха Фатхи Йаакана), и возглавил которую шейх Саид Шаабан, известный своими реформистскими взглядами. Он полагал, например, что ради успеха мусульман в Ливане следует оставить межконфессиональные разногласия внутри уммы, действовать

¹ Аль-Бизри, Даляль. Суннат Любнан ва-ль-игра аль-усули (Сунниты Ливана и фундаменталистский соблазн) // *Аль-мудун*, 20.07.2014. URL: <https://www.almodon.com/opinion/2014/7/20/-سنة-لبنان-والإغراء-الأصولي>.

² Ibid.

³ Аль-Бизри, Даляль. Исламийю Любнан ва Фаластын: аль-инкита‘ дымн аль-мутаба‘а (Исламисты Ливана и Палестины: разрыв в преемственности) // *Аль-Хайят*, № 10949, 2.02.1993. С. 18.

⁴ Аль-Бизри, Даляль. Дафатир аль-харб аль-ахлийя аль-любнанийя / Аль-марказ аль-араби ли-ль-абхас ва дираса ас-сийясат. 2017. 179 с.

⁵ Вероятно, в названии заложены оба смысла арабского слова *таухид* – единения, унификация, консолидация, но и единобожие как первейший признак истинной веры. Многие исследователи употребляют название «Движение единения» в качестве синонима ХТИ. См., например: Игнатенко А.А. Халифы без халифата... С. 202.

⁶ Там же. С. 47.

заодно с Хизбаллой и противостоять врагам мусульманского правления, в том числе сирийскому контингенту, так или иначе пытавшемуся сохранять конфессиональный баланс в ливанском обществе. Ради этой своей цели лидер ХТИ поддерживал тесные контакты не только с вооруженными группами сограждан-шиитов, но и с Ираном¹.

ХТИ включило в себя базирующиеся в Триполи исламские фундаменталистские группы, но к лету 1984 г. организации Джундалла («Солдат Аллаха») и Аль-мукавама аш-шаабия («Народное сопротивление») вышли из него, проводя самостоятельную политику, сотрудничая лишь в рамках широкого фундаменталистского альянса². Разные группы (суннитские), связанные с ХТИ, объединились в 1985 г. под эгидой «зонтичной» структуры Аль-лика аль-ислами («Исламское собрание»), которое продолжило проводит объединительную линию поверх границ мусульманских конфессиональных общин³.

Эта реформистская линия в транснациональном исламизме сталкивалась в Ливане с привычной межобщинной конкуренцией. Имеет смысл говорить об особой политике ливанских суннитских организаций, которые пытались сохранить свое влияние в районах традиционного расселения суннитов. В городах это были кварталы, давно известные как оплоты суннитского активизма: в Бейруте – Бурдж Аби Хайдар, Тарик аль-Дждиде и Рас Бейрут, а в Триполи – Баб-Таббане и Динние. Примерами руководителей суннитских боевых групп были Абд-аль-Хафиз Касем и шейх аль-Хабаша – в Западном Бейруте. Их отличал пафос активного противостояния не только ливанским маронитам, но и шиитам и друзам. А будучи фундаменталистами, они противостояли социалистам и

¹ Deeb, Marius. *Militant Islamic Movements in Lebanon: Origins, Social Basis, and Ideology* / Center for Contemporary Arab Studies, Georgetown University, 1986. P. 7.

² AbuKhalil A. *Druze, Sunni and Shiite...* P. 42.

³ В настоящее время она известна как Аль-лика аль-ислами аль-вахдауи («Исламское объединительное собрание») и в своих посланиях периодически апеллирует к иранскому опыту и идеям Хомейни. См., например: Вафд мин аль-лика аль-ислами аль-вахдауи йазур ат-таджамму' (Делегация Исламского объединительного собрания посетила съезд) // *Аль-билад*, 22.01.2021. URL: <http://albylad.com/article.php?id=423240>.

прогрессистам. То есть повестка религиозно-политическая сопровождалась и даже тесно переплеталась у них с идеологической повесткой.

Упомянувшийся выше ученый Асад Абу Халиль приводил примеры суннитских организаций, пытавшихся мобилизовать единоверцев посредством страха перед засильем других конфессиональных общин, в том числе мусульманских: ливанские «Ассоциация мусульманских улемов» и «Исламский военный совет». Он писал, что «подобные организации нового типа представляли новое суннитское фундаменталистское движение, которое резко отличалось от традиционных, поддерживаемых Саудовской Аравией¹ обществ БМ в Ливане»². К последним он причислял такие группы, как Хизб ат-тахрир аль-ислами («Партия исламского освобождения»), ‘Уббад ар-Рахман («Поклонники Милостивого») и Аль-джамаа аль-исламия, подытоживая: «Новое суннитское фундаменталистское движение не носит централизованный или согласованный характер, не ограничено или монополизировано одной организацией... Небольшая группа суннитских фундаменталистов, возглавляемая харизматичным шейхом – вот характерная черта суннитских городов на сегодня (к осени 1985 г. – А. С.) в Ливане»³.

Впрочем, о ливанской организации Хизб ат-тахрир аль-ислами есть и другое мнение – выпускающего редактора ливанского журнала «Аш-Шира‘», Хасана Сабры. Он пишет: «Наряду с Аль-джамаа аль-исламия существует и Хизб ат-тахрир аль-ислами, которое вышло за пределы суннитской среды, чтобы объединить в себе суннитов и шиитов Ливана и поставить мусульманскую общину в положение ярых противников движений патриотических, национальных и прогрессивных в арабском отечестве. Тем самым образовалась закрытая партия, ... долго сохраняющаяся в определенных районах Ливана»⁴.

¹ Вероятно, такая поддержка имела место в тот период.

² AbuKhalil A. Druze, Sunni and Shiite... P. 40.

³ Ibid. P. 40–41.

⁴ Сабра, Хасан. ‘Ан ас-сахва аль-исламия фи Любнан (Исламистское пробуждение в Ливане) // Аль-харакат аль-исламия аль-му‘асыра фи-ль-ватан аль-‘араби (Современные исламистские движения в

С течением времени – по ходу усиления в Ливане Хизбаллы – исламистский революционный универсализм акцентировался все меньше. Можно полагать, что углублялось расхождение во взглядах исламистского интернационала БМ и шиитского извода идеи исламской революции. Это находило свое отражение в набиравшей силу суннито-шиитской региональной конкуренции (если не противостоянии), которая внесла серьезные коррективы в объединительный пафос прежнего исламского фундаментализма.

Важным аспектом социальных отношений, который затрагивал и межконфессиональные отношения в Сирии и Ливане, оставался идеологический. Точнее, это был вопрос меры принятия идеологии в традиционном обществе, каковыми оставались, по своей сути, оба – и сирийское, и ливанское. Пропитанная религиозно-культурными наслоениями арабская традиция не везде одинаково допускала проникновение идеологических концептов и актуальных политических убеждений. Такие различия наблюдались и между общинами, но особенно ярко выражены были в зависимости от изолированности сообществ, удаленности от городов как политических центров, укорененности в традиционном хозяйственном укладе. Тем не менее, даже удаленные области, несмотря на глубину религиозности их населения, не оставались незатронутыми политикой.

Вопреки распространенным представлениям о рафинированном традиционном укладе сирийских суннитских провинций и неприятию в них светской уравнивающей идеологии, историки тех лет соглашались с популярностью идей баасизма даже в удаленных районах страны. Например, Роберт Олсон писал: «Не посредством конфессионализма алавиты добились и удержали власть. Скорее уж социалистические, секуляристские и пансирийские лозунги партии привлекли к Баас сельских жителей. Их поддержка, в свою очередь, привела к росту представленности негородских классов в партийной структуре Баас. На де-

---

арабском отечестве). Бейрут: Марказ дирасат аль-вахда аль-‘арабийя, 2001. С. 171. В этом же ключе автор пишет и в другом месте: «...Хизб ат-тахрир, с шиитами в ее рядах». См.: Там же. С. 179.

ле именно преобладание сельских членов в различных партийных структурах подтолкнули аль-Асада к принятию мер для расширения поддержки власти среди неалавитов – если не в по-настоящему важных процессах принятия решений, то по крайней мере численно»¹.

В свою очередь, пресловутая светскость сирийского государства во многом преувеличивалась. Исследователи Робин Ясин-Кассаб и Лейла аш-Шаами констатируют в этом отношении следующее: «В “светском” государстве Асада атеизм был запрещен. Согласно конституции, президент должен быть мусульманином. Правда, одна конфессия была чрезмерно представлена в связке государство-безопасность. Гражданского кодекса личного права не существовало – брак, развод и наследование регулировались шариатом для мусульман и церковным правом для христиан. ... В социальных вопросах режим часто уступал консервативным социальным требованиям суннитского духовенства, алимов, до тех пор, пока они не призывали к демократическим реформам или открыто не выступали против них»².

Непосредственная вовлеченность Сирии в события гражданской войны в Ливане многому научила руководство, которое постоянно лавировало между поддержкой популярности властной коалиции – Национального прогрессивного фронта (НПФ) во главе с ПАСВ – и жестким подавлением исламизма, угрожающего конфессиональному миру в Сирии.

В противовес исламизму власти противопоставляли свою центральную идею арабизма – региональной общности на основе арабской идентичности, независимо от территорий и вероисповеданий³. Она имела свои слабые стороны – особенно, жесткую конкуренцию между сирийскими и иракскими баасистами, а также омрачалась коррупцией и кумовством, что вызывало недоверие в

¹ Olson R. Ba‘th and Syria... P. 122.

² Yassin-Kassab R., Al-Shami L. Burning Country... P. 116–117.

³ Сирия: патриотическая идентичность как лекарство от конфессионализма // Ближний Восток: политика и идентичность / под ред. И.Д. Звягельской; ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. М.: Аспект-Пресс, 2020. С. 171–172.

массах к самой идее. Об этом писал еще в 1982 г. Теодор Ханф: «Границы между арабским национализмом и исламизмом неясны, потому что и национализм, и исламизм стали неоднозначными, и оба течения служат идеологическими проводниками для различных частных интересов. Ни то, ни другое не кажется особенно вероятным в ближайшем будущем. С другой стороны, существует более вероятная опасность того, что нечеткие линии фронтов в региональном вакууме власти приведут к усилению неуправляемости арабского Востока»¹.

Спустя десятилетие эта проблема в сирийском обществе сохранилась: в 90-е годы социум пересекали многообразные линии напряжения, причем не только между разными социальными слоями и религиозными группами, но и внутри них. Писавший в 1991 г. об этих тревожных явлениях знаток Сирии, востоковед-арабист А.О. Филоник предупреждал, что разные сдерживающие факторы, включая усилия властей, «лишь отодвигают момент, когда накопившиеся противоречия могут излиться вовне под влиянием даже случайных факторов экономического или неэкономического порядка, могущих дать повод для спонтанной концентрации недовольства и взрывного его проявления, чреватого чувствительными последствиями для системы власти, управления и всей практики режима»². Это напряжение, как и неусыпный контроль властей (иногда чрезмерно жесткий) за социальной ситуацией в стране, сохранилось вплоть до масштабного внутреннего конфликта, начавшегося в 2011 г. с народных волнений, открытого наступления оппозиции, а затем повлекшего за собой широкое военное участие внешних сил.

В Ливане политическая (идеологическая) составляющая идентичности разных социальных групп стала гораздо более рельефной с течением гражданской войны. Трагические события этого периода еще больше, чем в предыдущий период расцвета в регионе социалистических идей, обнажили политиче-

¹ Hanf Th. Arabismus und Islamismus... P. 176.

² Филоник А.О. Некоторые итоги эволюции социальной структуры Сирии // Специальный бюллетень, № 2 (273), 1991; ИВ АН СССР; науч. ред. Б.Г. Сейранян. М.: Наука, 1991. С. 25.

ские расхождения разных групп населения, в том числе внутри конфессиональных общин. Политизированность социальных групп (как локальных, так и дисперсных) возросла, и после достижения Таифских соглашений вопрос политического участия в мирное время встал в Ливане со всей актуальностью.

Яркость конфессиональной маркированности крупных социальных групп позволяет именно в этом аспекте рассматривать социально-политические процессы в обеих странах в последнее десятилетие XX в.¹ Подводя итог сказанному в отношении влияния на социальные отношения воинствующего исламизма можно заключить следующее.

Во-первых, основная линия противостояния в этой плоскости не совпадала с границами конфессиональных общин. Она разделяла действия реформаторов или революционеров-фундаменталистов за исламское правление в новом, пост-традиционном прочтении, где основным врагом считались сторонники социализма, коммунизма, вообще светская (бездуховная или антиисламская) власть, с одной стороны, и противодействие им властей, с другой. Жесткое противодействие диктовалось еще и ясно различимым внешним фактором (как со стороны некоторых стран ближневосточного региона и мусульманского Востока, так и с Запада) успеха исламистской агитации, в том числе демонстрационным эффектом Исламской революции в Иране.

Во-вторых, имевшие место проявления межконфессиональной вражды были напрямую связаны с политическими амбициями – но не определенной общины как таковой, а некоторой политической силы, где эта община доминировала. Наиболее жестокие боестолкновения отмечались как раз между единоверцами – дружинами разных лагерей или партий одной общины (по преимуществу). Воинственный исламизм фундаменталистского толка в этом плане выступал в роли экстремистской силы, оспаривавшей политическую власть, в том числе своих единоверцев-традиционалистов.

---

¹ Ливан: надломленный конфессионализм // Ближний Восток: политика и идентичность / под ред. И.Д. Звягельской. М.: Аспект-Пресс, 2020. С. 193.

В-третьих, политическая повестка государственной власти – соответственно, Дамаска и Бейрута – отличалась стремлением сохранить прежний порядок, достигнутый политический статус-кво, который, пусть и не отражал демографический баланс, все же устраивал основные силы, представлявшие крупнейшие социальные группы. Этим же мотивом руководствовалась и сирийская власть в своих действиях в Ливане: поддерживала то одну, то другую силу, не допуская критического перевеса ни одной из них. Первейшей задачей в этом было не допустить повышения политического веса на ливанской арене запрященного в Сирии антисистемного исламского фундаментализма. Он набирал обороты во многих странах региона и мог всерьез угрожать не только революционными изменениями в политических системах обеих стран, но и коренными сдвигами и сирийского, и ливанского социумов.

Соппротивление в шиитском исполнении: влияние на межобщинные отношения

Подъем активности мусульманских фундаменталистов со второй половины 70-х годов охватил и шиитское население Ливана и Сирии. Он дал толчок к вовлечению широких масс в общественно-политические движения, переключив интерес с чисто экономических требований на участие в политике. Слабо развитые в хозяйственном отношении и удаленные от центра шиитские районы Ливана и в еще большей степени Сирии по-прежнему не получали должного внимания со стороны исполнительной власти, и их население все еще оставалось на краях общественных процессов¹. Эти районы и были охвачены агитацией (в том числе эмиссаров из Ирака и Ирана) – требовать свои законные права как полноценной социальной группы.

---

¹ Беренкова Н.А. Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока // *Религия и общество на Востоке*. 2018, Вып. II. С. 115.

Фундаментализм явился мощным глубинным течением, обладавшим большим потенциалом и служившим причиной настоящих социальных «водо-воротов», однако условия в обоих государствах не позволяли ему проявиться в полной мере как таковому. Гораздо более социально приемлемым, конвенциональным для Ливана и Сирии как непосредственных соседей Израиля стало проявление шиитского активизма в форме авангарда движения антиссионистского Сопротивления (*аль-мукавама дьидд ас-сахйюнийя*). Географическое расположение шиитских районов само по себе предполагало, что они становились форпостами арабо-израильского военного противостояния. Приграничные районы юга Ливана, Джебель Амиль, долина Бекаа (в Сирии это были мелкие анклавные территории на юге и севере страны, в том числе несколько деревень в провинции Идлиб) являлись территориями, стратегически важными для подъема волны пропаганды антиссионизма, антиимпериализма, а вместе с ней и шиитского революционного активизма объединительного толка, которые шли из изменившегося в одночасье Ирана.

К концу 70-х годов в Ливане доля шиитов в среднем оценивалась более 30% населения, а в Сирии шииты-иснаашариты (иначе, двенадцатники) составляли не более 0,7%. По оценкам британских специалистов, к 1984 г. шииты были крупнейшей конфессиональной общиной Ливана – от 1 до 1,1 млн человек, тогда как маронитов было около 900 тыс., а суннитов – около 600 тыс. человек¹. Именно шииты, а не причисляемые к ним алавиты, друзы и исмаилиты, становились первыми объектами для экспорта в Левант исламской революции, а вместе и противодействия западному и коммунистическому влиянию. Суннитские векторы распространения все того же нового (панисламистского) фундаментализма, как мы видели, были иными, однако суммирующие их, безусловно, совпадали с шиитским.

---

¹ Такие цифры звучали, например в докладе одного из выступавших в Палате лордов в июне 1984 г. См.: UK House of Lords Hansard. 1983-1984, Fifth Series, Vol. 453. Lords Sitting, 22 June 1984, P. 602. URL: <https://parlipapers-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/parlipapers/docview/t71.d76.lds5lv0453p0-0005?accountid=108701>.

Заметное особенно в 50-е годы причудливое соединение обостренного чувства исламской справедливости, преданной религиозной вере и светских теорий марксистского толка еще сохранялись среди персов и арабов, но все больше разделялись по разные стороны баррикад – фундаменталисты и социалистов. Во многом «точкой невозврата» стала иранская Исламская революция. Швейцарский дипломат в то время, выступая на международном дипломатическом совещании по проблеме исламизма, констатировал: «В самом деле, Иран среди прочих – и особенно я имею в виду Ливан – показывает нам, что он теперь таков, каким никогда не был, что достигнутые при шахе безусловные успехи обострили фрустрации...»¹ Он подмечал и новую, по его мнению, тенденцию в развитии политического ислама: «На наших глазах социалистические и коммунистические идеи сталкиваются с жесткой враждебностью со стороны религиозных движений. Это не ново. По-настоящему новым является то, что идея сочетания социализма и ислама, идея весьма распространенная – конечно, не среди религиозных радикалов, а среди интеллектуалов из мусульманских стран на протяжении последней четверти века, – по-видимому, в Иране не имеет успеха»². То же замечание можно в целом отнести и к Ливану начала 80-х годов.

Поднявшийся и победивший в Иране мусульманский фундаментализм непременно сопровождала новая волна антиимпериализма и антисиионизма, слившиеся в единый образ. В Ливане иранские события вызвали активное выдвижение ливанских шиитов в авангард антисиионистского Сопротивления, что стало неотъемлемой частью череды событий гражданской войны. Изменившаяся региональная политическая и локальная боевая обстановка все больше отодвигала в сторону палестинские боевые организации, в которых большинство

---

¹ Schweizerisches Bundesarchiv, Bern. La montée de l'Islam, Introduction de M. l'Ambassadeur Jean Cuendet au séminaire de la Conférence des ambassadeurs, 30.8.1979. P. 2. URL: <https://dodis.ch/54326>. (Annexe 4 de: Protokoll der Botschafterkonferenz, 29.8.1979-31.8.1979. 157 p. (Confidentiel) URL: <https://dodis.ch/54320>.)

² Ibid. P. 3.

составляли мусульмане-сунниты. Одновременно зеркальную риторику – вокруг идеи «сопротивления», но в своем собственном понимании – использовали маронитские лидеры ЛС¹.

Эта идея выступала в качестве мобилизующего момента – со стороны каждой из использующих ее сил. Как своего рода сверх-идея она отлично работала на организационное оформление милитаризации общин. И наиболее успешными в ее использовании стали шииты, перехватившие эстафету у палестинских организаций. Исламская революция 1979 г. в Иране имела решающее значение в этом деле, однако активизация ливанских шиитов ощущалась еще за несколько лет до того.

Движение иранца Мусы Садра в Ливане выбрало в качестве социальной базы беднейшие слои шиитов-арабов, недовольных своим маргинальным положением (был задействован протестный потенциал ОД). Еще в 1967 г. в Ливане парламентом было одобрено создание Высшего исламского совета шиитов – с подачи М. Садра, который он сам и возглавил, а после него – Мухаммад Махди Шамс-ад-Дин. В 1974 г. движение приняло уже соответствующее название – «Движение обездоленных» (*Харакат аль-махрумун*)², в чем отразилась его социальная база – бедные слои шиитского населения. Уже с началом ливанских событий в 1975 г. оформилось боевое крыло движения – «Батальоны ливанского сопротивления (*Аль-афвадж аль-мукавама аль-любнанийя*, АМАЛ), или Амаль.

Достоинно внимания замечание упоминавшегося Хасана Сабры о том, что доктор Мустафа Чамран³ – яркая личность и убежденный революционер-

¹ Chamoun C. Mémoires et souvenirs... P. 421.

² Характерно, что по-английски это название звучит как “Movement of the Deprived”: это отсылает к депривационным механизмам протестного потенциала и указывает на широкую социальную базу движения – всех «обделенных», недовольных (по каким-либо причинам) своим положением.

³ Развивал идеи политического ислама еще со студенческих времен; окончил Тегеранский университет, продолжил обучение в США, где жил с перерывами в 60-е годы, затем переехал в Ливан, а после Исламской революции вернулся в Иран, где занял очень высокие правительственные и военные посты (не имея воинского звания).

исламист – оказывал помощь Мусе Садру в Ливане не только в становлении его боевых бригад Амаль, но и в развитии сети социальной поддержки и религиозного образования – для достойной конкуренции светским «идеологическим» партиям в среде единоверцев-шиитов¹.

И религиозная, и классовая солидарность были с успехом использованы Соппротивлением. Исламистская составляющая была отчетливой и охватывала как шиитские слои, так и суннитские. Столь же существенной была опора на классовое недовольство, вовсе не уникальное только для исламистских течений, хотя и с большим успехом используемое ими. Можно согласиться с мнением Квинтэна Викторовича, что в тактике движений, использующих социальный протест, вообще наблюдается «согласованность [протестных групп] поверх временных и пространственных границ»². Далеко не только «религиозно окрашенные» движения используют этот энергетический потенциал: «иные коллективные субъекты также стремятся отвечать на жалобы, используют институциональные и организационные ресурсы для поддержки и создают рамки мобилизации, основанные на символах, дискурсах и практике, которые часто призваны вызывать чувство несправедливости для поощрения активизма»³.

В случае с «Движением обездоленных» налицо было успешное соединение универсалистского (суннито-шиитского) мусульманского призыва с задействованием протестного потенциала депривационных схем. При внимательном рассмотрении можно увидеть, что стратегами Соппротивления пестовались в целевых группах арабов Ливана, Сирии и Палестины разные типы ОД, а общая антисионистская линия включала в себя промежуточные объекты особого давления. В этом качестве выступали, например, власти Ливана, сделавшие попытку сделки с Израилем в мае 1983 г.

¹ Сабра, Хасан. ‘Ан ас-сахва... С. 171.

² Wiktorowicz, Quintan. Introduction: Islamic Activism and Social Movement Theory // Islamic Activism: A Social Movement Theory Approach / ed. by Quintan Wiktorowicz. Bloomington – Indianapolis: Indiana University Press, 2004. 316 p. P. 2.

³ Ibid. P. 3.

Для постреволюционного Ирана ливанская шиитская община была удобным субъектом антисионистского действия: не только в силу стратегической расположенности шиитских районов (Джануб, Бекаа), но и в силу социальной маргинализации шиитов на протяжении десятилетий. Большинство шиитских населенных пунктов входили в депрессивные зоны, которых редко достигали проекты и дотации центрального правительства. Как правило, в этом обвиняли маронитских политиков, хотя настоящей причиной являлась коррупция как общенациональное явление, безотносительно конфессиональной принадлежности. В одном из своих ранних материалов знаток Ливана Майкл Янг писал: «Относить бедность шиитов на счет эгоизма христиан было бы слишком просто. Угнетенное состояние шиитов в недавней истории Ливана хорошо документировано. И тем не менее, рассматривать причины подъема шиитов лишь в конфессиональном ключе недостаточно»¹.

Действенным оказался внешний импульс. Институциональное оформление Сопrotивления в шиитском изводе шло по двум направлениям – военному и политическому. В обоих сыграло роль новое руководство теократического Ирана, причем, с одобрения сирийских властей.

Хомейнистской пропагандой шииты Ливана были подготовлены к представлению плацдарма для регионального очага борьбы с израильским государством. После запрета на перемещение в Ливан иранских инструкторов и добровольцев-исламистов (КСИР, иранская Хезболла, Батальон освобождения Иерусалима), с начала 80-х годов они стали приезжать нелегально – через территорию Сирии в Бекаа, Бейрут и Южный Ливан. Считают, что сирийцы были заинтересованы в создании на ливанских территориях иранских тренировочных лагерей: авангардом антиизраильской борьбы должны были стать в Ливане не палестинцы, а коренные жители, и особенно приграничных районов; они же мог-

---

¹ Young, Michael. Review to: "Beirut Outtakes: A TV Correspondent's Portrait of America's Encounter with Terror, by Larry Pintak. Lexington, MA: Lexington Books, 1988. 347 p." // *American-Arab Affairs*, 1989, No. 29. P. 102.

ли служить теперь надежной опорой сирийского военного присутствия в стране.

Важно, что религиозная подоплека была использована в основе социально-политического явления Соппротивления в среде шиитов Ливана и поддерживающих его сил в Сирии. Контакты с палестинцами-суннитами при этом сохранялись, но, судя по всему, не носили определяющего стратегического характера: не возникло ни единого фронта, ни по-настоящему объединяющих обе силы политических структур.

То, что в авангарде выступили шиитские боевые формирования, определило не только изменение проблематики межмусульманских отношений в Ливане и отчасти в Сирии (укрепление позиций алавитов), но и сделало южноливанские территории, а также сирийскую и ливанскую политические арены важнейшими объектами иранской региональной активности.

После исчезновения лидера Амаль Мусы Садра в 1978 г. из США вернулся шиитский общественный деятель Набих Берри¹, тесно работавший с Садром в качестве адвоката. После недолгого лидерства Хусейна аль-Хусейни, уже в апреле 1980 г. Берри был поставлен во главе этой военизированной шиитской организации. Он продолжил начатую линию, как сражаясь в Ливане с марксистскими группами (в первую очередь, палестинцами), так и развивая широкую сеть социальной поддержки единоверцев.

Налицо была двойственность сущности Амаль: ее шиитская сторона, общая с иранскими исламистами, и ее чисто ливанский – не региональный, как того хотели иранские спонсоры, а национальный характер. Последнее обусло-

---

¹ Родился в ливанской диаспоре Сьерра-Леоне и после реэмиграции родителей на историческую родину получил хорошее образование – вначале в Бейт аль-хикма, а затем на юридическом факультете Ливанского университета. Со степенью магистра Сорбонны он работал в крупных компаниях, а в 1976–1978 гг. жил в Детройте и Дирборне. Важно отметить его членство в марксистском Движении арабских националистов, которое не привело, однако, союзу с шиитским лидером левых взглядов и тогдашним спикером ливанского парламента (шиитом) Камелем аль-Асаадом, воспрепятствовавшим ему баллотироваться на выборах 1968 и 1972 гг. См.: Nassif, Daniel. Nabih Berri: Lebanese Parliament Speaker // *Middle East Intelligence Bulletin*, Vol. 2, No. 11, 2000. https://www.meforum.org/meib/articles/0012_ld1.htm.

вило тактику организации – лавирование на ливанском политическом поле и постоянный уход из-под давления региональной повестки шиитского Ирана. Мэтью Престон давал партии такую характеристику: «Идеологические разработки при Берри во многом основывались на убеждениях самого Сафра. Несмотря на весь свой радикализм, Садр оставался приверженцем ливанского государства и сектантского договора между основными конфессиями страны. В уставе Амаль четко подтверждена его приверженность Ливану, и его шаги в период войны подтвердили это, когда Амаль одобрил Конституционный документ в 1976 г. или дал согласие на участие в Комитете общественного спасения вместе с Баширом Жмайелем в 1982 г.»¹

Это решение было продиктовано желанием не упускать возможности действовать по обычаю ливанской политики – добиваться своих целей путем постоянных перегруппировок и блокирования с другими силами (конфессиональными партиями). Ярким примером такой тактики стала поддержка формированиями Амаль друзских отрядов ПСП в районах Шуфа после отвода оттуда израильских войск к реке Авали в начале сентября 1983 г. Объединенные шиитско-друзские силы тогда противодействовали попыткам президента-маронита А. Жмайеля при помощи армии восстановить там маронитское вооруженное присутствие. Возможно, это и не было желанием «заполнить вакуум, образовавшийся с отходом израильтян»², как пишет С.А. Иванов: ведь в Шуфе находится множество маронитских сел и такой оплот христианства, как Дэйр-эль-Камар, и марониты жестоко страдали в свое время от друзов – в период взаимных актов возмездия. Скорее, это было продиктовано желанием приблизиться к выполнению естественных гарантий государства – недопущению межобщинных конфликтов. На тот момент альянс ПСП–Амаль оказался сильнее, несмотря на их идеологическую (прогрессисты и исламисты) несовместимость и конфессиональные различия (друзы и шииты-двунадесятники).

---

¹ Preston M. Ending Civil War... P. 140.

² Иванов С.А. Межарабская... Т. 2. С. 387–388.

Попутно важно отметить, что значительная доля ливанских шиитов относилась к левому флангу: часть из них входила в состав Компартии, часть – в Социал-демократическую партию (СДП) Камеля аль-Асаада, шиита, занимавшего пост председателя парламента в 1964, 1968, а затем с 1970 по 1984 г. Это влиятельное южноливанское семейство успешно играло свою политическую роль в период подъема левых настроений, но в обстановке захлестнувшей шиитов фундаменталистской волны утратило опору и не выдержало конкуренции со стороны Амаля и Хизбаллы с их мощными сетями социальной поддержки населения. Немаловажным фактором была и внешняя помощь последним со стороны, соответственно, Сирии и Ирана, чего СДП была лишена.

К концу 1984 г. Амаль, по оценкам американцев, насчитывала около 3 тыс. членов, которые в Бейруте концентрировались в южных кварталах Аль-Губейра, Харет-Хрейк и Бир-эль-Абд¹. Авторитет лидера движения, Набиха Берри, все возрастал на внутривосточной арене. Англичане в тот период характеризовали его следующим образом: «У него сильные связи с друзьями; и он приобрел известность не так давно – фактически, это было в феврале этого года – во время захвата шиитами и друзьями Западного Бейрута. В то время ему удалось обуздать бесчинства некоторых своих последователей. Я бы, пожалуй, отметил, что среди шиитов есть экстремисты, которые следуют за Хомейни, но они в меньшинстве. Набих Берри в новом правительстве национального единства имеет весьма примечательный титул госминистра по делам Южного Ливана и реконструкции Бейрута и южных пригородов»².

Неподконтрольность Ирану вела, конечно, к ограничению внешней поддержки Амаль (в то время как Хизбалла с середины 80-х годов стала получать

¹ DNSA. US Ministry of Defence. Intelligence Information Report. The “Amal” Movement Led by Nabih Berri (Confidential). Report date 1985-06-11, date of info 1984-12-14. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679122797/55B6EF466598486EPQ/1?accountid=108701>.

² UK House of Lords Hansard. 1983-1984, Fifth Series, Vol. 453. Lords Sitting, 22 June 1984, P. 602. URL: <https://parlipapers-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/parlipapers/docview/t71.d76.lds5lv0453p0-0005?accountid=108701>. Автор высказывания – пэр Мартин Стэнли Бакмастер, член Палаты лордов с 1974 г., военный и дипломат, служивший в Абу-Даби, Ливии, Бахрейне, Уганде, Ливане и Йемене.

от иранцев около 100 млн долл. ежегодно)¹ и потере мощных союзников в Ливане – местных исламистов, включая Хизбаллу. Но и расчет на умиротворение ситуации путем договоренностей с другими ливанскими конфессиональными партиями не оправдывался.

После краха переговоров по выработке соглашения между Амаль, ПСП и ЛС в конце 1985 г. отряды Амаль оказались в очень сложном положении. На юге страны им противостоял небольшой, но блокировавший стратегические пункты израильский контингент вместе с коллаборационистской АЮЛ. Одновременно важной своей задачей шииты из Амаль видели предотвращение провокаций с ливанских территорий палестинцев против израильтян, что по-прежнему грозило ответными карательными мерами в населенных шиитами южноливанских районах. Третьей трудностью для них были отряды Хизбаллы, которые не только пытались перехватить у своих единоверцев инициативу в Соппротивлении, действуя жестко и порой недальновидно, но и вступали с ними в прямые боестолкновения.

Хизбалла того времени все еще представляла собой организацию с крайними убеждениями, несомненной верой в возможность для земель Ливана стать стержнем будущего левантийского исламского государства по примеру ИРИ. Об этом прямо заявлялось в программном документе, «Открытом обращении», подготовленном 16 февраля 1985 г. и обнародованном через новый еженедельник «Аль-Ахд» молодым пресс-секретарем Хизбаллы Ибрагимом Амином². Датой была выбрана годовщина убийства почитаемого шиитами борца с израильтянами, ливанца Рагиба Харба. Соппротивление трактовалось как исключительно исламское, а точнее – панисламистское, поскольку охватывало все толки этой религии и разные нации, ставя задачу политического переустройства жиз-

---

¹ Wiegand, Krista E. Reformation of a Terrorist Group: Hezbollah as a Lebanese Political Party // *Studies in Conflict and Terrorism*, Vol. 32, No. 8, 2009. P. 671.

² Сообщается, что настоящее имя – Ибрагим Амин ас-Сайед. Родился в 1960 г. в районе Баальбека. Сейчас занимает пост председателя Политического совета Хизбаллы. URL: <https://hezbollah.org/people/ibrahim-amine-al-sayyed>.

ни уммы. «Мы подчиняемся, – говорилось в обращении, – приказу единого руководства, мудрого и справедливого, представленного властью (*вали*) юриста-богослова, отвечающего всем условиям. Это руководство в настоящее время воплощено в имаме, верховном аятолле Рухолле Мусави Хомейни – да сохраняется его сень, – который начал революцию мусульман и побудил их к славному возрождению. Исходя из этого, мы в Ливане не являемся организованной партией, замкнутой на себя, и мы не ограничиваем себя узкими политическими рамками... Поэтому нападающий на мусульман в Афганистане, Ираке, на Филиппинах или где-либо еще, нападает на тело мусульманской нации, неотъемлемой частью которой мы являемся... Фундаментальные источники нашей культуры – это священный Коран, благородная сунна, а также законы и фетвы, провозглашаемые юристом-теологом, нашим источником подражания. Они абсолютно понятны и доступны всем без исключения: нет необходимости теоретизировать или философствовать, нужно только верить и исполнять»¹.

Спустя три месяца в интервью тому же изданию Ибрагим Амин заявил, что «состояние враждебности к Израилю и то, что партия описывает его как абсолютное зло (*аш-шарр аль-мутлак*), связано не с “обстоятельствами оккупации”, а с самим существованием израильского государства»².

Негативным следствием таких убеждений были провокации, которые раскачивали и без того обостренные социальные отношения в стране, двигали общество к «революционной ситуации». Помимо отказа от любых договоренностей с сионистским врагом, что обуславливало постоянную остроту обстановки на приграничных ливанских территориях, боевики Хизбаллы шли на теракты и захват заложников. На счету организации в те годы – десятки похищенных граждан западных стран, некоторых из которых удалось освободить только

¹ Avon, Dominique; Khatchadourian, Anaïs-Trissa. *Hezbollah: A History of the “Party of God”* / Transl. by J.M. Todd. Cambridge – London: Harvard University Press, 2012. P. 106.

² Saad-Ghorayeb, Amal. *Hizbu'llah: Politics and Religion*. London – Sterling: Pluto Press, 2002. P. 134.

в 90-е годы¹. Да и наши соотечественники, граждане Советского Союза тоже становились их жертвами. Посол Василий Иванович Колотуша в своих воспоминаниях описывал страшный эпизод похищения советских специалистов, которых лишь с помощью невероятных усилий и широких неформальных связей в регионе удалось освободить лишь через месяц, в начале октября 1985 г. (кроме одного, трагически погибшего). Наш посол убежден, что в похищении следует винить членов Хизбаллы – он прямо называет Имада Мугнийю и Мустафу Дирани, – тогда как реальную помощь в освобождении заложников оказал якобы лично В. Джумблат² (показательно, что не Я. Арафат и не Н. Берри).

Раскоординированность мусульманских вооруженных групп в Ливане была налицо. Это касалось отношений не только между двумя основными шиитскими партиями, но и между конфессиональными группами мусульман. Весьма показательно, как эксперт в 1985 г. передавал свое ощущение момента в отношении межконфессиональных противоречий: «Вполне вероятно, что политическое будущее суннитской общины в Ливане будет больше определяться конфликтом с шиитами, чем враждой с фалангистами»³. Вопреки прогнозу, углублялся не столько конфликт, сколько затенение суннитских фундаменталистов в Ливане яркими шиитскими партиями. Некоторые из радикальных суннитских групп были вынуждены согласовывать свои действия и планы с руководством Хизбаллы. Другие, связывавшие свой путь с корневой структурой БМ, сохранялись в виде спящих ячеек, опосредованно контактируя с европейскими центрами БМ, например, в ФРГ⁴.

¹ Например, американец Фрэнк Рид, директор частной школы в Бейруте, был захвачен 9 сентября 1986 г., а освобожден только 1 мая 1990 г. Его соотечественник Роберт Пол Хилл был освобожден 22 апреля 1990 г., проведя в плену с начала 1987 г. 3 года и 3 месяца. См.: ТАСС, 01.05.1990. СА:ПО2. Серия СВ, лист 7.

² Колотуша В.И. Сколько стоит жизнь посла... С. 16. В своих беседах с автором этих строк В.И. Колотуша не раз упоминал о сложности и неоднозначности этой личности, но при этом о его весомом влиянии в ливанской военно-политической диспозиции того времени.

³ AbuKhalil A. Druze, Sunni and Shiite... P. 43.

⁴ Из 19-и мусульманских организаций Германии, вошедших в начале 90-х годов в т.н. Центральный совет мусульман Германии, 9 представляли БМ, в том числе Исламский центр в Аахене – структура сирийских БМ. См.: Нечитайло Д.А. Деятельность «Братьев-мусульман» в Европе // ИБВ, 20.03.2007.

Видимо, для крайних фундаменталистов главным объединяющим фактором была программа исламской революции, исключая национальную и даже исламскую конфессиональную подоплеку. Тем временем, Н. Берри, со своей стороны, продолжал линию, больше вписывавшуюся в концепцию «арабского сопротивления», нежели универсалистского фундаментализма в плане «исламской революции». Очевидно, что его ближайшей задачей был политический и военный подъем локальной шиитской общины, и он не допускал форсирования этого этапа ценой революционного преодоления Национального пакта, что гарантировало бы водворение социального хаоса. «Идеологические разработки при Берри, – пишет М. Престон, – во многом основывались на убеждениях самого Садр. Несмотря на весь свой радикализм, Садр оставался верным ливанскому государству и конфессиональному соглашению между основными общинами страны»¹.

В своих попытках контролировать палестинские лагеря Амаль все больше терпела неудачи, численность бойцов ООП росла, они пользовались поддержкой и части ливанских суннитов, и прогрессистов-друзов. Главное, что палестинцы получали помощь от Советского Союза, и только сотрудничество Амаль с сирийским контингентом несколько уравнивало возможности на местах. К маю 1986 г. положение Амаль стало очень сложным, несмотря даже на поддержку сирийцев. В июне произошли серьезные боестолкновения между отрядами Амаль и бригадами суннитских боевых дружин. Высокие представители мусульманских общин Ливана были вынуждены собраться в Дамаске 14 июня, чтобы согласовать условия прекращения огня хотя бы в районах палестинских лагерей Бейрута.

URL: <http://www.iimes.ru/?p=5572>. В настоящее время, несмотря на выход в авангард турецких исламистских организаций Германии (например, фундаменталистская «Милли Гёрюз»), положение сохраняется, и в Центральный совет входит группа структур, представляющая арабских БМ. См.: Шуман Е. Мусульманские организации в Германии // DW, 5.10.2008. URL: <https://goo.su/40Wb>.

¹ Preston M. Ending Civil War... P. 140.

Следующей попыткой добиться примирения при посредстве Сирии было решение ливанского премьера Р. Караме, лидера Амаль Н. Берри и друзского лидера В. Джумבלата позволить сирийским подразделениям войти в Западный Бейрут. 22 февраля в этот район были передислоцированы около 4 тыс. сирийских военных, которые гарантировали примирение всех сторон. Бойцы Амаль были перемещены в южноливанские районы, а бойцы Хизбаллы заняли укрепленные позиции в южных кварталах столицы.

Несмотря на проходившие переговоры по прекращению огня, в апреле возобновились бои между шиитами из Амаль и палестинцами из ООП в районе Сайды. Вскоре сирийские военные взяли ситуацию под контроль, а после отмены 21 мая 1987 г. ливанским парламентом Каирского соглашения 1969 г. по легализации присутствия ООП в Ливане, сирийцы стали проводить меры по установлению порядка совместно с Амаль.

С этого времени отмечались все более ожесточенные действия шиитов Амаль против шиитов Хизбаллы. С начала 1988 г. бои между двумя организациями шли в Южном Ливане, а 5 мая они достигли и южных пригородов Бейрута.

В тех трагических событиях едва ли в действительности играло роль то, что Хизбалла позиционировала себя бескомпромиссной частью антисионистского Сопротивления, в то время как Амаль более неоднозначно выстраивала собственную стратегию – с явной национальной ориентацией, и действовала против палестинских отрядов в своей стране. Немаловажным оставался и внешний фактор: идеологи Хизбаллы по-прежнему вдохновлялись иранским опытом построения исламской демократии, черпая в Иране, материальную помощь и оружие. Последователи организации Н. Берри, в свою очередь, пользовались поддержкой сирийцев, которые имели перед глазами пример долгой войны иранцев с иракским баасистским государством.

Кроме того, важной причиной межшиитских столкновений было и обычное соперничество двух движений за влияние в южных районах Ливана,

долины Бекаа и кварталах столицы, населенных шиитами. Однако и тут не обошлось без внешнего влияния. Так, именно сирийские подразделения остановили межшиитские бои в южных кварталах Бейрута после того, как 13 мая 1988 г. 9/10 территории были отвоеваны у Амаль бойцами Хизбаллы. Вмешавшись уже через день и окружив южные районы Бейрута, сирийцы, тем самым, фактически свели на нет достигнутый Хизбаллой тактический успех.

Показательно, что переговоры о прекращении огня между Амаль и Хизбаллой велись, по сути, между Сирией и Ираном. В итоге уже 27 мая в Дамаске соглашение было подписано, сирийские подразделения вошли в южные районы в качестве гарантов прекращения огня, и лидер Амаль Н. Берри объявил о демобилизации своих отрядов в столице и районах Бекаа. Между двумя шиитскими организациями была достигнута договоренность о прекращении огня, и посредниками в деле примирения выступали Сирия и Иран.

В качестве иллюстрации надежд на внутриобщинное умиротворение можно упомянуть статьи, написанные Хани Фахсом, одним из уважаемых шиитских деятелей, близким к Амаль и входившим в Высший исламский совет шиитов Ливана, статьи в объединительном общемусульманском ключе, как бы от имени всех ливанских шиитов, например: «Исламское единство и исламские медиа в Ливане», «Равновесие меньшинства и большинства»¹.

Однако, жестокие боестолкновения возобновились: в последние дни 1988 года стычки между Хизбаллой и Амаль наблюдались в бейрутском районе Дахия, а в начале января следующего года бои разгорелись в южноливанских районах Иклим ат-туффах и Иклим аль-харуб. Интересна реакция боевых ополчений левых партий: на стороне Амаль выступили палестинские дружины НФОП-ГК, тогда как Коммунистическая партия Ливана (включавшая в свой со-

---

¹ Обе статьи в газете *Ас-Сафир*, 16.12.1988: Му'адьяля аль-акаллийя ва-ль-аксарийя (С. 2); Аль-вахда аль-исламийя ва-ль-и'лям аль-ислами фи Любнан (С. 9).

став много шиитов), напротив, отказалась присоединиться к боям против Хизбаллы, считая ее «партией сопротивления»¹.

Вскоре шиитская межпартийная вражда была оттеснена еще дальше на периферию общественного сознания ливанцев. Историки также уделяют мало внимания продолжению межшиитских распрей в конце 80-х годов, накануне Таифа, ведь с марта 1989 г. ливанскую политику сотрясали громкие события, связанные с мятежом командующего армией, генерала М. Ауна, который отстаивал свое назначение в последний момент уходящим президентом П. Жмайелем на пост премьер-министра². Сформированный им микро-кабинет не был признан главной третьей силой в Ливане – сирийцами, которые поддерживали прежний состав правительства (во главе с Селимом Хоссом). Ситуация вокруг верховной власти накалилась после убийства 22 ноября того же года избранного 5 ноября президентом Рене Муаввада.

Тем временем, межмусульманские отношения следовали своей логике. Суннитские боевые группы заняли выжидательную позицию, очевидно, собирая ресурсы в условиях резкого подъема шиитского активизма. Что касается Хизбаллы и Амаль, то в декабре 1989 г. их столкновения возобновились с новой силой. Сирийский контингент в Ливане в очередной раз предотвратил тогда разрастание конфликта в южных шиитских пригородах Бейрута. Эта тема стала центральной на переговорах в Дамаске 25 декабря 1989 г., где иранская делегация встречалась с президентом Сирии Х. Асадом и главой МИД Ф. Шараа. Сообщалось, что во встречах принимали участие и представители сторон конфликта: лидер Амаль Н. Берри и член руководства Хизбаллы (бывший глава отколовшейся когда-то группы Аль-Амаль аль-ислами) Х. Мусави. В роли тре-

---

¹ Siklawi, Rami. The Dynamics of the Amal Movement in Lebanon 1975-90 // *Arab Studies Quarterly*, Vol. 34, No. 1, Winter 2012. P. 21.

² Нарушение Национального пакта – маронит на премьерском посту – он объяснял прецедентом премьерства (несколько дней) маронита Фуада Шихаба в 1952 г. в критический для страны момент.

тейского судьи выступил зампредседатель Высшего исламского совета шиитов Ливана Мухаммад Махди Шамс ад-Дин¹.

Но и в дальнейшем в прессе продолжали появляться сообщения о межшиитских столкновениях, например, о резком «обострении положения на юге Ливана в результате продолжающихся ... боев в районе Иклим ат-туффах между ополченцами шиитского движения Амаль, которое поддерживает Сирия, и проиранской организации Хезболлах»².

На тот момент зашедший уже далеко мятеж генерала М. Ауна привлек поддержку со стороны официального Багдада. Как раз действия верных М. Ауна частей и поддержку мятежа Ираком имел в виду Х. Асад, когда перечислял тех, кто противодействует, по его мнению, установлению мира в Ливане: «Сирия, как и все арабские страны, за исключением Ирака, приветствует решения, принятые на основе Хартии национального согласия, поддерживает шаги законных властей Ливана и будет действовать в соответствии с их потребностями. На стороне законности – все ливанцы, исключая противодействующие ей части армии и формирования Ливанских сил в восточной зоне»³.

Сирийцы принимали непосредственное участие в купировании действий сторонников М. Ауна и устранении последних очагов их сопротивления 13 октября 1990 г. Российский корреспондент в Дамаске писал в конце того же года: «Багдад, как известно, был главным союзником М. Ауна в регионе, а сейчас кровно заинтересован в том, чтобы отвлечь внимание мировой общественности от ситуации в Персидском заливе и направить его на Ливан»⁴.

Как и при рассмотрении влияния на социальные отношения фундаментализма, исследователь, обращаясь к теме шиитского активизма в связи с межобщинными конфликтами, неизбежно выходит на тему внешнего фактора. Во

---

¹ ТАСС, 26.12.1989. БД387, ЕД450. Серия СВ, лист 9.

² ТАСС, 20.07.1990. АФ467. Серия СВ, лист 11.

³ ТАСС, 08.05.1990. ЕБ010. Серия СВ, лист 10.

⁴ ТАСС, 27.12.1990. Щенников С. О сирийско-западноевропейских отношениях. СА:ПО2. БПИ №252, с. 30.

многих случаях он выступает определяющим. Так и обе основные шиитские организации, составляющие в Ливане авангард борьбы с «сионистской агрессией» (внешнеполитическая повестка), были созданы под воздействием зарубежных идеологов исламистского фундаментализма и Соппротивления (иракского и иранского, соответственно), а впоследствии вступили друг с другом в долгую и ожесточенную борьбу на основе несовпадения взглядов о мере внешнего влияния (сирийского и иранского, соответственно).

Идейная составляющая разделения враждующих шиитских организаций включала в себя и такой принципиальный момент. Если Хизбалла была выстроена по иранскому образцу – уравнительный реформизм с жесткими контролирующими структурами на основе пересмотра политического участия в сторону его активизации, – то Амаль следовала образцу ливанских партий с их типичной клиентельной структурой и основной покровительственно-распределительной функцией для своих сторонников-единоверцев (социальной базы партии). Эти модели плохо соотносились друг с другом и заставляли их последователей апеллировать к принципиально разным силам: одних – к суверену и связанным с ним военно-политическим кругам, а других – к полуавтономным силовым структурам и курирующим зарубежным патронам. Критически настроенный по отношению к Амаль автор заключал: «Победа Берри в борьбе за лидерство также означала победу для буржуа над крестьянином, светского над религиозным, политбюро над исполнительным комитетом [Амаль]. Члены кабинета министров после 1984 г., через которых шли расходуемые Высшим советом Юга миллионы долларов, сам Берри, глава этого Совета Мухаммад Байдун, а также их последователи фактически превратили Амаль из революционной организации в систему патронажа, в которой распределение ресурсов имело гораздо больше значения, чем влияние на формирование политики»¹.

---

¹ Preston M. Ending Civil War... P. 140.

Лидерство в Хизбалле не было столь однозначным. Иранцы явно не делали ставку на одну центральную фигуру, но использовали в своих целях «плюрализм» мнений в руководстве, где весомыми фигурами оставались ветераны и идеологи, во многом критически настроенные по отношению к иранскому доминированию (Хусейн и Аббас аль-Мусави, Субхи ат-Туфейли и сам имам Мухаммад Хусейн Фадлалла, лидер, а потом духовный наставник – *марджаса ат-таклид* Хизбаллы¹), наряду с открыто проиранскими деятелями (Ибрагим Амин и Хасан Насралла).

Исход внутрипартийной борьбы был объяснимым: в 1992 г. генсеком Хизбаллы был назначен Х. Насралла, находившийся к тому времени более двух лет в Иране и, по-видимому, обещавший вести менее национально ориентированную политику в Ливане, чем его предшественники.

Агитация Хизбаллы строилась на основе призыва к общеарабской борьбе с внешним врагом. Перечислялись главные враги движения (сходные с врагами теократического Ирана): «Израиль, Америка, Франция и фалангисты», причем последние упоминались в качестве пособников внешних агрессоров, в связи с чем предполагалось «передать фалангистов законным властям и предать их суду за преступления, которые они совершили против мусульман и христиан при поддержке Америки и Израиля»².

Пропагандистский ход, в котором удачно использовался и коллаборационизм «маронитской» АЮЛ, скрывал исламистские цели в Ливане – упразднение Национального пакта с его маронитским президентством, изменение политической системы по иранскому теократическому образцу и исламизацию Ливана. Несколько завуалировано это содержалось в цитируемом воззвании Хизбаллы от февраля 1985 г.: «Мы не хотим, чтобы ислам правил в Ливане силой, как в настоящее время политический маронитизм в Ливане. Тем не менее, ...

¹ Willi, Victor. Beirut – October 23, 1983: The Marine Barracks Bombing. The Conflict between the United States and the Arab World: A Perceptual Approach / Master's Thesis, University of Zurich, 2005. Annex: Interview with Sheikh Sayyed Muhammad Hussein Fadlallah, March 24, 2004. P. 134.

² Avon D., Khatchadourian A.T. Hezbollah... P. 111.

мы приглашаем всех принять его и соблюдать его предписания на социальном, политическом и индивидуальном уровнях. Если нашему народу будет позволено свободно выбирать форму своей политической системы в Ливане, он не сможет не сделать ставку на ислам»¹.

Для популяризации своих идей и расширения народной поддержки Хизбалла усиливала благотворительную часть своей работы с населением (*да'ва*), смягчила фундаменталистский призыв, стремясь к более адекватному удовлетворению социальных ожиданий в подконтрольных районах. Относительно своей цели – исламской революции в Ливане – идеологи партии заявляли уклончиво, что для этого еще не сложились обстоятельства. Заслуживает внимания мнение М. Престона о трансформации ее общей стратегии: «К началу 1990-х годов Хезболла претерпела значительные идеологические преобразования, подчеркивая свою роль как ливанской организации, а не просто как иранского придатка, сдерживая свои призывы к созданию исламского государства в Ливане, а к 1992 г. даже участвуя в парламентских выборах – в рамках якобы презируемой конфессиональной системы. ... Тем самым, к концу гражданской войны Хезболла все еще стояла за радикальные цели, но нормализовала свою практику, публично отвергая создание исламского государства без предварительного референдума, отказываясь от своей политики похищения людей и захвата заложников и открыто призывая очерняемое ею же государство выполнять свои социальные обязательства перед гражданами в Южном Бейруте»².

По мнению исследовательницы из Ливана Амаль Абдо Саад-Гурайиб, в начале 90-х годов «Хизбалла превратилась из революционной антисистемной партии “полного отказа” в антисистемную партию “протеста”»³. И этот протест не мог означать пренебрежения правилами игры политического поля, поскольку партия продолжала отвергать конфессиональное устройство, но не институ-

¹ Ibid. P. 114.

² Preston M. Ending Civil War... P. 141.

³ Saad-Ghorayeb, Amal. Hizbu'llah: Politics and Religion. London – Sterling: Pluto Press, 2002. P. 26–27.

циональную структуру ливанской политической системы, внутри которой действовало все более активно.

В отношении Сирии региональный шиитский активизм сводился к интенсификации контактов иранцев с сирийской администрацией (особенно на фоне игры на противоречиях сирийских и иракских баасистов в период Ирано-иракской войны, а затем и Войны в Заливе). Такого рода деятельность с 1984 г. осуществлялась созданным в Тегеране специальным органом, о котором А.В. Коровиков писал: «Высший совет по координации иранской исламской революции и исламских революционных организаций во всем мире возглавляли тогда аятоллы Хусейн Али Монтазери и Мусави Хоени. Среди членов Совета были глава «стражей революции» Мохсен Рафиг-Дост, советник аятоллы Хомейни по вопросам обороны Мухаммед Мир-Салим, отвечающий за связи с движением Амаль Муртада Шамран (возможно, Чамран. – А. С.), Хусейн аль-Мусави из Баальбека, глава иранского подполья в Саудовской Аравии Ахмед Нахаулла и др. Совету подчиняются четыре региональных управления – ближневосточное, иракское, американское и западноевропейское. Ближневосточное управление базируется в Дамаске и возглавляет его ливанец шейх Мехди Джафари»¹. Тот же автор сообщал и о более широкой и официальной организации поддержки проиранских шиитских групп – Всемирном институте исламских освободительных движений (возглавлял Мехди Хашеми, а с января 1987 г. – сейид Хади Хосров-шахи, бывший посол Ирана в Ватикане)².

В отношении проиранской линии в Сирии справедливым было бы указать на один эпизод, который не имел, впрочем, серьезных последствий и не был показательным, хотя и затронул властные верхи. Речь идет о попытках Джамиля Асада, брата сирийского президента, установить более тесные отношения алавитов с иранскими шиитами, приблизить алавитскую иерархию к мощной

---

¹ Коровиков А. Исламский терроризм в Ливане и внешней фактор // Специальный бюллетень, 1989, № 4 (261); ИВ АН СССР; отв. ред. В.В. Наумкин, С.Х. Кямилев. М.: Наука, 1989. С. 41.

² Там же. С. 41–42.

клерикальной структуре шиитов-иснаашаритов. Для этой цели в 1980 г. было создано общество «Аль-Муртада» со штаб-квартирой в Латакии. О его деятельности имеется мало достоверной информации. Сообщают, в частности, о попытках алавитского прозелитизма среди сирийских бедуинов, но, в то же время – о целой кампании по шиитизации алавитов, созданию сети шиитских *хусейний* (помещений для траурного поминовения имама Хусейна)¹. Наблюдалась и активная деятельность отдельных шиитских миссионеров в разных городах Сирии – в Хасеке, Камышли, Дейр-эз-Зоре, в Хомсе, в Халебе и его окрестностях, в районе Латакии и др.² В 1983 г. по решению президента Асада общество «Аль-Муртада» было закрыто, но неясно, явилась ли причиной тому проиранская деятельность Джамиля или же его властные притязания с опорой на собственную «гвардию» в районе Латакии.

Так или иначе, алавиты оставались алавитами. И ввиду незначительности шиитской общины Сирии, лучшей помощью, которую ожидал от этой страны Иран, был транзит оружия ливанским фундаменталистам-шиитам. Этим занималась в основном сирийская военная разведка во главе с полковником Гази Канааном, а решения принимались на высшем уровне. Известно, например, что подобные вопросы обсуждались в ноябре 1984 г. на встрече с президентом Х. Асадом шейха М. Фадлаллы, а затем – на расширенном трехстороннем совещании с участием сирийских вице-президента А. Хаддама и министра обороны М. Тласа, иранского аятоллы Ардебели и ливанского представителя Махди Шамс-ад-Дина³. Продолжались непосредственные контакты сирийского президента с руководством Хизбаллы и в «посттаифский» период. Так, ведающий ливански-

¹ Sindawi, Khalid. The Shiite Turn in Syria // Current Trends in Islamist Ideology (Hudson Institute), 23 June 2009. URL: <https://www.hudson.org/research/9894-the-shiite-turn-in-syria->

² Аль Хусейн, Абд ас-Ситтир. Тахзир аль-барийя мин нашат аш-шиа фи Сурия (Предостережение о расширении шиитской активности в Сирии). [Дамаск]: Хукук ат-таба махфуза ли кулли муслим, 2007. С. 23.

³ Коровиков А. Исламский... С. 42. Шейх Мухаммад Махди Шамс-ад-Дин придерживался взглядов, близких к взглядам М. Садра и Н. Берри – более «проливанских», нежели универсалистски-фундаменталистских. См.: Сабра, Хасан. 'Ан ас-сахва... С. 172.

ми делами вице-президент Абд-аль-Халим Хаддам принимал у себя генсека Хизбаллы Субхи ат-Туфейли 9 февраля 1991 г.¹

Совершенно очевидно, что не конфессиональная солидарность сирийского руководства, которой не могло быть между алавитами и шиитами-двунадесятниками, а стратегический расчет служил основанием помощи сирийцев ливанским шиитским боевикам: (1) ставка на них, вместо непредсказуемых палестинцев, в создании воинственной приграничной зоны (своего рода «засечной полосы»), принимающей на себя агрессивные действия Израиля; (2) высоко оцененный Ираном вклад в двустороннее сотрудничество, предполагающий ответные, выгодные сирийцам шаги; (3) подтверждение приверженности «исламской солидарности» сирийского алавитского руководства, которое всего за десятилетие до того добивалось от иранских моджахедов фетв об исламском характере алавитской веры. Станный и противоречивый альянс между арабской республикой со светской формой правления и теократией фундаменталистского толка (а еще и персидской) объяснялся глубокими разногласиями между арабскими республиками региона БВСА, неудачами разных федеративных проектов, еще больше обнаживших эти разногласия и углубивших конкуренцию.

Исходя из сказанного о стремительном выходе ливанских шиитов в первые ряды регионального фундаментализма и одновременно в авангард антисионистского Сопrotивления, в плане межконфессиональных отношений можно сделать следующие выводы. Шиитскими исламистами ревизия отношений между общинами рассматривалась не в качестве самостоятельного объекта приложения политических или военных усилий. Эта задача входила в программу воздействия на нуждающиеся якобы в общей корректировке социальные отношения – в соответствии с планом переустройства ливанского (пока только) государства и общества. Фундаменталистский пафос борьбы с отжившим поли-

---

¹ ТАСС. СА:ПО2. Серия СВ, лист 6–7.

тическим конфессионализмом отражал стремление к демонтажу системы распределения власти по Национальному пакту, и вместо договоренности между конфессиональными общинами о высшем политическом представительстве предполагалась «справедливая» исламская теократия.

При этом Амаль выступала в роли, более привычной и привлекательной для ливанцев и приемлемой для сирийцев, которые стали открыто и действительно поддерживать эту силу в Ливане. Хизбалла более прямолинейно выступала за иранскую модель, но и она вскоре сосредоточилась на тех же промежуточных задачах: создание благоприятного образа среди всего населения, включая христиан, – благодаря «справедливости», социальной ориентированности и благотворительности. К тому же организации удалось сформировать представление о себе как защитнице страны от внешних угроз в условиях слабости государственной военной машины и относительно дезинтегрированной армии. Оба эти обстоятельства лежат в основе безуспешности императива СБ ООН о «распространение контроля правительства Ливана на всю ливанскую территорию» и «разоружении всех нерегулярных формирований», отраженного в резолюции 1559 от 2 сентября 2004 г.¹ К тому моменту многолетнее укрепление позиций Хизбаллы на Юге Ливана уже принесло свои плоды и выразилось не только в военно-политическом контроле ряда территорий, но и в социально-экономической сфере.

Общественные отношения в целом были, тем самым, одним из направлений в программе исламистской (и суннитской, и шиитской, близких по своим целям) трансформации региона. Вовсе не углубление вражды между конфессиональными общинами и не победа над отдельными партийными ополчениями были окончательными задачами фундаменталистов, но низведение религиозных меньшинств (немусульманских) до предписанного шариатом положения покровительствуемых, подзащитных, ограниченных в политических правах в

---

¹ См. текст на сайте ООН. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1559\(2004\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1559(2004)) (дата обращения: 02.02.2021).

рамках исламского государства. Политическое оформление сдвига демографического баланса в Ливане в пользу мусульман, отражение этого сдвига в законе о выборах и конфессиональных квотах в органах законодательной и исполнительной власти рассматривался ими как удовлетворительный шаг вперед. Явный переход в начале 90-х годов от силовых методов к полноценному участию в качестве одного из ведущих субъектов политического поля мог означать только тактический отход к осуществимому на тот момент пункту их поэтапной программы.

Конфессионализм в социальном и политическом аспектах

Следующим проблемным блоком межобщинных отношений в Сирии и Ливане оставался конфессионализм. Политический конфессионализм является характерной чертой политического устройства Ливана, тогда как в Сирии многообразное по конфессиональному составу общество представлено на политической арене и в государственных структурах по иному принципу.

Внутренние, глубинные механизмы принятия государственных решений в обеих странах, действительно, сильно различаются. Это своеобразие отражается как на избирательном процессе, так и на составе структур государственного управления. Если учитывать не только политический, но и социальный аспект понятия конфессионализма, то его элементы могут быть обнаружены и в жизни сирийского общества, и в политическом участии сирийских граждан в последние два десятилетия XX в., хотя эта тема в Сирии до сих пор воспринимается властями болезненно и не является открытой для публичной дискуссии.

В 90-е годы в Ливане «конфессиональный вопрос» активно обсуждался в публичном пространстве, в отличие от Сирии, где он был фактически табуирован. И в ливанском обществе, и особенно в политическом поле периодически

раздавались голоса, протестующие против архаичной системы политического конфессионализма, а некоторые партии, хотя и составляли плоть от плоти конфессиональной системы, объявляли целую кампанию за искоренение этого явления. Отчасти это было возможно, благодаря вообще присущей Ливану свободе изъявления гражданских позиций, а также известному плюрализму ливанских медиа. Но причиной такой тактики политиков, вероятнее всего, было не столько стремление к демократизации, сколько политический расчет: действуя в системе конфессионального административного квотирования и такого же политического участия населения, некоторые политические силы находили удобным для себя уменьшение давления конфессионального принципа – с целью расширения собственной электоральной базы¹ в постконфликтный период.

В течение полутора десятилетий ливанского кризиса постоянно шли изменения во внутренней и региональной социально-политической повестке, изменялся внутренний потенциал общин. Оставляя в стороне вопрос, целесообразности для исторической науки обобщений периода «гражданской войны» как цельного явления, важно учитывать произошедшие за весь тот период социальные сдвиги, которые повлияли на межконфессиональные отношения. Одним из них стало дальнейшее изменение количественного соотношения общин. Будучи наглядными для самих ливанцев, эти демографические сдвиги использовались в качестве аргументов в ряде политических программ, и особенно тех сил, которые представляли наиболее быстро растущие общины.

Официальной статистики религиозного состава населения, по понятным причинам, не публиковалось, и можно опираться лишь на оценочные данные. Одна из оценок численности конфессиональных общин, сделанная некой Minority Rights Group, была представлена на страницах *Financial Times* в феврале 1984 г. Трудно проверить достоверность тех оценок; даже можно предположить преувеличение доли мусульман в этом американском издании. Тем не менее,

---

¹ Weiss, Max. In the Shadow of Sectarianism: Law, Shi'ism, and the Making of Modern Lebanon. Cambridge – London: Harvard Univ. Press 2010. P. 227–228.

данные могут быть воспроизведены в качестве одного из мнений об изменившемся с середины XX в. составе населения.

Оценка конфессионального состава населения Ливана на 1984 г.

	Численность, тыс. человек	%
Шииты	1 100	30,8
сунниты	750	21
друзы	200	5,6
<i>Всего мусульман</i>	<i>2 050</i>	<i>57,3</i>
марониты	900	25,2
греко-католики	150	4,2
православные	250	7
армяне		
григориане и католики	175	4,9
другие христиане	50	1,4
<i>Всего христиан</i>	<i>1 525</i>	<i>42,7</i>
Всего	3 575	100

Источник: The Crisis of Lebanon // *Financial Times*, 17 Feb. 1984. P. 16
(Цит. по: Johnson M. Class and Client in Beirut. 1986. P. 226)

Как видим, мусульмане уже существенно превосходили по численности христианское население Ливана (57,3/42,7%). Доля шиитского населения приближалась к трети, в то время как сунниты – чуть более пятой части, а марониты – четверти. Некатолическое христианское население едва превосходило десятую часть всех ливанцев.

К демографическим показателям следует добавить и оценку неравномерности распределения социальных благ (доступа или стремления к ним), например образования, о чем уже говорилось выше (в гл. 2). Разные показатели по общинам, безусловно, свидетельствовали и о разнице в подходах к семейному воспитанию, местным культурным традициям, роли религии в частной жизни и религиозных институтов в жизни общины в целом. Однако протестный потенциал членов общины или склонность к радикализации определялись иными,

более прогнозируемыми закономерностями – соотношением стремления к повышению материального уровня и представительства в системе администрирования, с одной стороны, и препятствиями на пути к ним, с другой, а иными словами – соотношением ожиданий и действительности.

В этом плане любые факторы, определяемые недовольными социальными сегментами как внешние становились наиболее удобными объектами нападков. Отсюда, хотя обстоятельства завершения к концу 80-х годов конфликтов в Ливане и оцениваются историками по-разному, но большинство исходит при этом из отношения к сирийскому военному присутствию (миротворчество *versus* оккупация; сохранение силового баланса общин *versus* помеха политическому доминированию христиан). В любом случае, сирийский фактор признавался существенным в урегулировании отношений между конфессиональными партиями.

Важно отметить устойчивое мнение многих историков, что сирийский императив баланса конфессиональных ополчений в Ливане вызывал недовольство многих из них, но что именно христианские партии (для поддержки которых сирийцы когда-то и вошли в Ливан) испытывали особую досаду сирийским присутствием¹. В этом духе пишет и М. Престон, даже о единстве «христианского» лагеря рассуждая в смысле сопротивления сирийцам: «Крах христианского сопротивления сирийским объятиям (столь важным для успеха Таифа) – будь то сопротивление военное или политическое – был в значительной степени следствием постепенного распада их фронта, относительно единого в течение первой половины войны. Это единство, воплощенное в Башире Жмайеле, никогда не было простым и дружелюбным: объединенное управление Ливанским фронтом (в состав которого входили христианские политические партии, возглавляемые Пьером Жмайелем, Камилем Шамуном, Сулейманом Франжье, аббатом Шарбелем Кассисом из Маронитского ордена) и Ливанскими силами

---

¹ Спустя полтора десятилетия большинство из них составило «антисирийский» авангард, и ливанская политическая арена была расколота на две части именно по этому признаку.

(состоящими из лидеров христианских ополчений), быстро уступило место новой динамике: переходу предпочтения от старых политических в пользу более молодых боевых лидеров»¹.

Сирийцы рассматривались при этом в качестве препятствия достижения «христианским» лагерем его целей – удержания превосходства на политическом поле. В определенной мере сирийский контингент выступил специфическим актором ливанской гражданской войны, который принял на себя недовольство многих сторон – именно как внешняя сила. Должно быть, достижению мира способствовала и эта функция своего рода внешнего демпфера, в котором частично гасился, будучи направленным вовне, негативный потенциал внутренней межобщинной вражды ливанцев. Возможно, замечание это относится скорее к сфере социальной психологии, но, тем не менее, такая функция явно обнаруживала свою действенность – вкупе с военными усилиями (нейтрализацией непримиримых боевых групп) и регионально-политическими шагами (в частности, согласованием сирийских инициатив с Эр-Риядом).

Договоренности, завершившие период ливанской гражданской войны, имели не только политические, но и социальные следствия. Сам документ о национальном примирении был подписан 22 октября 1989 г. в Таифе, (Саудовская Аравия) и ратифицирован парламентом Ливана 5 ноября 1989 г.² (правда, был отвергнут оспаривавшим премьерство генералом Мишелем Ауном). Таифские соглашения окончательно закрепили равное представительство мусульман и христиан в ливанском парламенте (64/64 места), что было к тому времени уже не новым и в целом приемлемым, но, будучи закрепленным договором, оставили недовольных с той и другой стороны. Христиане восприняли это как своего рода капитуляцию или, по крайней мере, сдачу позиций, а мусульмане – как явно недостаточный политический успех.

¹ Preston, Matthew. Ending Civil War: Rhodesia and Lebanon in Perspective. London, New York: Tauris, 2004. P. 134.

² Уже 17 дней спустя был убит новый президент страны Рене Муаввад.

Постановление правительства от марта 1991 г. предусматривало роспуск всех партийных ополчений, за исключением участвующих в противостоянии Израилю и его марионеточной АЮЛ, то есть Хизбаллы¹. Внешняя угроза, тем самым, как бы узаконивала несоразмерность возможностей ливанских общин, ставя эту шиитскую организацию в привилегированное положение.

Насколько масштабным был начавшийся в апреле того же года процесс разоружения ополчений под контролем ливанских ВС, насчитывавших около 40 тыс. чел., и сирийцев, можно судить по оценкам на начало мая 1991 г. Современник писал: «Амаль, глубоко укоренившаяся в Южном Ливане, насчитывает около 6,5 тыс. бойцов; Хизбалла, особенно сильная в пригородах Бейрута, может похвалиться примерно 3,5 тыс. мотивированными ополченцами; ополчение преимущественно друзской ПСП Валида Джумבלата сосредоточено в Шуфе и в настоящее время насчитывает около 3 тыс. чел.; ЛС насчитывают менее 6 тыс. членов ополчения, большинство из которых являются маронитами или греко-католиками. В целом, общая численность ополченцев никогда не превышала 30 тыс. вооруженных людей, и нынешние цифры намного ниже этого числа. Помимо сирийских и израильских сил в Ливане, основными неливанскими силами являются [иранские] Стражи исламской революции со штаб-квартирой в Баальбеке, на которых приходится еще 2 тыс. чел., и ООП с крупными опорными пунктами в лагерях беженцев к югу от Бейрута – еще около 10 тыс. бойцов»².

В том, что Хизбалла представляла исключение в деле разоружения ливанских ополчений, далеко не последнюю роль (хотя и не афишируемую) сыграл расчет на сдерживание палестинских отрядов, силами ливанцев-шиитов. Хотя Каирское соглашение и было аннулировано еще в 1987 г., а Совет безопасности ООН предписывал разоружения всех ополчений (резолюция 425), реальных

---

¹ Lebanon: Human Rights Developments and Violations / Amnesty International, 8 October 1997. P. 4. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/mde18/019/1997/en>.

² Norton, Augustus R. Lebanon after Ta'if: Is the Civil War over? // *Middle East Journal*, Vol. 45, No. 3, Summer 1991. P. 468.

возможностей для разоружения палестинских вооруженных групп у ливанского государства не было¹. Оно прибегло, поэтому, к контролю палестинских исламистов-националистов силами своих, ливанских шиитов-фундаменталистов. Это явило собой один из примеров причудливой ливанской «консоциации» – по сути, сделки, закрепившей исключительность ливанской Хизбаллы на десятилетия вперед.

Чтобы предотвратить череду взаимной мести через судебное преследование по обвинению в преступлениях военного времени, ливанский парламент 16 августа 1991 г. принял Закон о всеобщей амнистии, прощавший преступления минувшего периода. Судя по всему, одним из основных для законотворцев было стремление, чтобы эти обвинения не поднялись до уровня лидеров группировок и партий. Во многом это была мера самосохранения ливанского политического бомонда, а заодно и его имущества, доказательством чему служит тот факт, что, наряду с помилованием за преступления любой жестокости против гражданских лиц, закон не прощал преступлений, совершенных против политических и религиозных лидеров, а также имущественных и финансовых преступлений (мошенничества, банкротства, подделки и сбыта валют и официальных документов, кражи предметов старины)².

После многолетней череды силового отстаивания разными сторонами своих интересов Таифские соглашения вернули ливанскую государственность на рельсы консенсуализма³ – договорного, «консенсусного» принципа демократии. С учетом особенностей многосоставного ливанского общества и амбиций представляющих его политических сил, это означало закрепление системы конфессионализма. Новым был только изменившийся расклад этих сил и их опоры на внешнюю поддержку. Исследовательница из Университета Лозанна пишет: «Таиф следовал упомянутой логике “консенсуса”, подразумевая, что

---

¹ Ibid. P. 472.

² Ghosn F., Khoury A. Lebanon after the Civil War... P. 390.

³ См. подробнее: Сарабьев А.В. Ливан: обыкновенная «консоциальная демократия» в региональном контексте // *Вестник МГИМО-Университета*. 2019, № 12(4). С. 89–112.

главные лидеры основных общин (большинство из них одновременно являлись и лидерами ополчений) получают основные полномочия в послевоенной политической системе. Даже если это прямо не указывалось в тексте соглашения, именно так сделка была воспринята политиками»¹.

Дело было, без сомнения, не в формулировках, а в самих политиках: еще за три года до подписания документа независимые исследователи, проводившие опросы в Ливане, отмечали усиливавшуюся фрагментацию ливанской «бюрократии» (в смысле теории бюрократии Макса Вебера), которая «делала упор на конфессионально-общинные и другие идеологические ценности, утратив в основном свою способность функционировать на общенациональной основе»².

Другой особенностью пост-таифского распределения властных полномочий, своеобразной интерпретацией национального примирения стало непосредственное участие бывших полевых командиров. Они не только были освобождены от ответственности за действия во время гражданского конфликта, но, как писал ливанский борец с коррупцией Чарльз Адван, «их амбиции простирались от существовавших институтов до тех, которые предполагались в ходе восстановления и примирения: Центральный фонд для перемещенных лиц, Совет Юга и Совет по развитию и реконструкции были созданы как инструменты кумовства и получения ренты (или же превратились в таковые). Реконструкция стала выглядеть как привлекательное предприятие или инвестиция, где можно было инвестировать в учреждение, фонд или министерство и получать прибыль как в политической, так и в финансовой валюте. Хотя лидеры ополченцев не имели очень сильного формального пропорционального представительства в прави-

---

¹ Schmid, Evelyne. Rearranging Deckchairs on the Titanic? Consensus, Corruption and Crisis: Lebanon After the Ta'if Agreement // *Internationale Beziehungen*, No. 2, 2007. P. 4.

² Parle, William M.; Kisirwani, Maroun. Assessing the Impact of the Post Civil War Period on the Lebanese Bureaucracy: A View from Inside // *Journal of Asian and African Studies*, 1987. Vol. 22, Issue 1–2. P. 28.

тельстве, тем не менее, они контролировали “кур, несущих золотые финансовые и политические яйца” в государстве»¹.

Таким образом, и политики, и полевые командиры, выступавшие от лица разных конфессиональных общин, не просто способствовали закреплению конфессионализма в стране, но сами являлись его элементами. Свои притязания на власть они обосновывали, далеко не в последнюю очередь, интересами соответствующих ливанских общин.

Имело место окончательное оформление действующей и по сей день системы, когда авторитет и статус в религиозной общине давал доступ к власти, а он, в свою очередь, означал доступ к ресурсам, которые по мере вливания в высший «политический клуб» мог гарантировать долговременное удержание высокого поста или неоднократный возврат во власть. Успешный старт могли обеспечивать принадлежность к аристократии (родовитые нотабли, заимы, шейхи), знатность происхождения вкупе с успешным крупным бизнесом, особенно с заграничными филиалами, но также и «боевое братство» – высокий авторитет среди членов конфессиональных ополчений.

Начавшийся после Таифа мирный период обязан, тем самым, вовсе не «прививке против насилия», полученной ливанцами в ходе войны (о чем любители повторять масс-медиа периода уже «арабской весны»), но кристаллизацией консенсусной (консоциальной) системы Ливана с новым набором участников политического поля. Конфессиональный аспект их политического представительства был, хотя и фасадным, но вполне отчетливым, что позволило ливанскому конфессионализму настолько укрепиться на протяжении последних трех десятилетий, что он успешно преодолел даже череду волн массовых протестов 2019–2020 гг. против этого явления.

Действительно яркой характерной чертой политической жизни Ливана в последнее десятилетие XX в. в отношении конфессионализма было сильное по-

---

¹ Adwan, Charles. Corruption in Reconstruction: The Cost of National Consensus in Post-War Lebanon // Corruption in Post-War Reconstruction: Confronting the Vicious Cycle. Ed. by D. Large. Beirut, 2005. P. 64.

литическое влияние Дамаска на фоне присутствия в стране сирийского контингента¹. Это вносило свои коррективы, причем далеко не всегда с отрицательным знаком. Например, исполнительная власть в Ливане испытывала со стороны сирийцев отчетливое стабилизирующее воздействие в период премьерства Рафика Харири, несмотря на очень высокий градус противоречий среди министров его кабинетов разных составов. Исследователь из лондонского Королевского колледжа Рейно Леендерс пишет об этом так: «Степень, в которой конфликты и разногласия проникли в послевоенные правящие элиты Ливана, можно определить, если внимательно взглянуть на девять составов правительств после Таифского соглашения. Все эти правительства были поражены крайней нестабильностью. Правительство во главе с Омаром Караме (декабрь 1990 г. – май 1992 г.) пало из-за падения ливанской валюты и связанных с этим беспорядков и протестов рабочих. Затем с приходом Харири, с ноября 1992 г., казалось, установилась некоторая стабильность. Однако премьер угрожал уйти в отставку или действительно уходил, но затем возвращался – под давлением Сирии – по крайней мере четыре раза (в августе 1993, мае и декабре 1994, апреле 2003 г.). Во многих других случаях Харири выказывал раздражение из-за непрерывных споров со своими министрами и между ними»². Впрочем, и многие внутриправительственные разногласия порождались сирийским присутствием, которое многие силы рассматривали в качестве проблемы Ливана.

Объективной проблемой оставалась и фактическая несменяемость ливанского политико-административного «бомонда». Тот же автор свидетельствовал: «Из 243 должностей (посты министров, премьера, замминистров и госминистров), назначенных в период 1989–2003 гг., 177 постов были распределены между 49 лицами, которые получали эти посты как минимум дважды (а в некоторых случаях – до семи раз, особенно в кабинетах Р. Харири) или которые за-

¹ См.: Абу Зейд, Хикмет Амаль. Ас-саура аль-муассасатийя фи Лубнан (Институциональная революция в Ливане). Бейрут: Антуан, 2021. С. 94–107.

² Leenders, Reinoud. In Search of the State: The Politics of Corruption in Post-War Lebanon. (Unpublished essay, May 2004). URL: <https://goo.su/4dnK>.

нимали две или более должностей одновременно¹. То есть, задействование этих “ключевых” фигур, или “констант” (*ас-савабит*) рассматривалось, неким образом, как желательное, необходимое или неизбежное»².

К этому остается добавить малоизученные экономические меры послевоенного восстановления ливанского хозяйства, а параллельно – строительный бум в престижных районах, волну приватизации объектов столичной инфраструктуры, массовую скупку определенными кругами земель в Западном Бейруте и строительство коммерческих объектов, что сопровождалось небывалым обогащением некоторых, тесно сопряженных с государственной властью компаний.

Ливано-американский политолог так характеризовал центры сил в политике страны: «Ливанское государство в посттаифскую эпоху произвольно контролировалось противоречивыми и конфликтующими социально-политическими силами. С одной стороны, лидеры ополченцев, доминировавшие в годы войны, были приглашены и поощрены к участию в политическом реформировании... С другой стороны, к власти пришли новые социально-политические силы, чуждые военным силам; они представляют собой экономическую мощь местного капитала в союзе с региональным капиталом при важной поддержке богатых и консервативных государств Персидского залива, а также государств Европы и Америки. В то же время влияние традиционных конфессиональных лидеров в годы войны сильно ослабло, и этот процесс продолжился в “Таифском” государстве»³. То есть, речь уже не шла об инструментализации религии: налицо было вытеснение конфессионально-общинной повестки политическими амбициями, где религиозная принадлежность была лишь

---

¹ Для Ливана это давняя практика: еще эмир Маджид Арслан с 40-х годов не менее девяти раз совмещал пост министра обороны с другими министерскими постами, в том числе здравоохранения, сельского хозяйства и телекоммуникации. – А. С.

² Ibid.

³ Krayem, Hassan. The Lebanese Civil War and the Taif Agreement. American University of Beirut. [1995] <http://ddc.aub.edu.lb/projects/pspa/conflict-resolution.html>.

одной из характеристик соперничавших сил, причем характеристикой уже далеко не главной.

Острая конкуренция на внутривнутриполитической арене и даже отношение к сирийскому присутствию (способствовавшему всем названным явлениям и оказывавшему покровительство некоторым кругам в исполнительной власти), почти никак не соотносились с собственно социальными отношениями между разными конфессиональными общинами в тот период. Только лишь политический конфессионализм как свод правил игры, как своего рода протокол отношений внутри весьма узкого круга политиков разных вероисповеданий, да опора этих облеченных государственной властью конфессиональных представителей на разные внешние силы (региональные и мировые) напрямую коррелировали с феноменом поликонфессиональности ливанского социума.

Такое же отсутствие укорененности в недрах ливанского общества было характерно и для партийного участия ливанцев: конфессиональные партии продолжали оставаться в большей степени клановыми и не охватывали всей общины. Это относилось и к маронитским партиям и движениям, где клановые лидеры стояли во главе, например, Катаиб, НЛП, Марада (тогда как полевые командиры, главы будущих влиятельных партий Мишель Аун и Самир Джааджа долго находились за пределами ливанского политического поля).

Не были едины в политическом отношении сунниты: фундаменталистские круги не находились в одном лагере с богатейшими кругами ливанских родовитых политических династий (например, Караме¹) или бизнесменов (например, Харири²).

Пристрастия друзской общины также продолжали колебаться между двумя ведущими кланами Джумблатов и Арсланов (Язбеков). При этом ПСП под

¹ Убитый в возрасте 65 лет Рашид Караме занимал пост главы правительства 8 раз, его брат Омар – дважды.

² По сведениям журналистки Кароль Дагер, еще в начале 1993 г. состояние Рафика Харири – главы правительства и одновременно инициатора крупнейших проектов реконструкции Ливана – оценивалось почти в 9 млрд долл. См.: Dagher, Carole. *Le Liban à la croisée du repli et de l'ouverture inter-communautaire // Confluences Méditerranée*, Printemps 1993, No. 6. P. 92.

председательством Валида Джумבלата продолжала кооптировать членов конкурирующего клана, и даже, по мнению Джудит Харик, намечалась тенденция уменьшения клановой принадлежности друзов ввиду якобы очевидных преимуществ единоначалия в общине, наличия явного «лидера, могущего выполнять свои обещания максимально эффективно»¹. Однако споры по выборам духовного вождя друзов, коим является *шейх аль-акль*, а также замысел создания Талялем Арсланом Демократической партии в противовес партии прогрессистов Джумבלата, в конце концов свели на нет эту тенденцию.

Шиитская община также оставалась далеко не монолитной. Как писал историк из Принстона Макс Вайс, «ливанская шиитская политическая культура исторически характеризовалась разнообразием и динамизмом, и нет оснований сомневаться, что так будет и дальше. Шиизм в Ливане не может быть сведен к единым определениям – исламистскому, революционному, бунтарскому, квиетистскому или к Сопrotивлению – особенно в свете того, в какой степени идентичность, политика и культура ливанских шиитов трансформировались и развивались на протяжении XX столетия»². 90-е годы стали временем дальнейшего усиления базы социальной поддержки Хизбаллы, однако многие члены шиитской общины все еще сохраняли совершенно иные свои политические пристрастия, вплоть до верности Компартии.

Таким образом, представление о ливанском политическом пространстве как о системе политической регуляции межобщинных отношений, как арене столкновений интересов разных конфессиональных сегментов социума не может быть правомерным. Ливанский расклад политических сил никак не отражал и продолжает не отражать взаимоотношений между религиозными общинами, поскольку конфессиональная аффилиация остается лишь одной из характери-

¹ Автор писала также, что на 1994 г. «все, кроме одного из нынешних парламентариев-друзов, связанных с Джумблатом, являются представителями клана Язбеков, как и Марван Хамаде, и высшие лидеры ПСП, такие как Хишам Наср-ад-Дин..., Шариф Файяд, глава политбюро партии и многие другие». См.: Harik J. "Shaykh al-'Aql"... P. 477–488.

² Weiss M. In the Shadow of Sectarianism... P. 227.

стик ливанских партий – наряду с клановой соотнесенностью, идеологической ориентацией, внешнеполитическими пристрастиями и антипатиями¹.

Для анализа феномена конфессионализма достойны рассмотрения и свидетельства внешнего влияния на общины – со стороны соответствующих мировых религиозных центров. Авторитет иранского духовенства среди ливанской шиитской общины и значительные политические следствия его влияния уже были рассмотрены. После заключения Таифских соглашений влияние теократического Ирана не ослабло.

Постепенно стало повышаться и влияние на ливанцев со стороны Ватикана. Но главное, что сами ливанские католики-униаты не желали мириться с падением роли Церкви в политике, искали возможности укрепить свои позиции в исполнительной и законодательной ветвях государственной власти и даже подталкивали клерикальные круги к непосредственному и полновесному участию в происходившем на политической арене. Многие тогда открыто выступали как раз за законодательное оформление системы конфессионального распределения властных прерогатив. Например, Кароль Дагер писала в 1993 г.: «В то время, когда на практике развивается возмутительная конфессионализация, политические дебаты в Ливане вдохновляются взрывоопасным лейтмотивом отмены политического конфессионализма, отмены, предписанной Таифским соглашением и Конституцией, что приведет к нарушению всей социально-политической конфигурации страны»². Особенно настороженно эта ливанская публицистка относилась к предложению шиитов, представлявших основную часть мусульманского большинства, ввести в послевоенном Ливане «демократию большинства». По ее мнению, это было равносильно подрыву «консоциативной (или, иначе, консоциональной. – А. С.) демократии» Ливана, самой его политической

¹ Это верно для многих стран арабского Востока. См., например, об Ираке: Рыжов И.В., Бородина М.Ю., Савичева Е.М. Основные проблемы региональной безопасности на Ближнем Востоке // *Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки*. 2021. № 1. С. 50.

² Dagher, Carole. Le Liban à la croisée du repli et de l'ouverture inter-communautaire // *Confluences Méditerranée*, Printemps 1993, No. 6. P. 91.

системы¹. Такого же мнения придерживалась и Элизабет Пикар, когда писала: «Лидеры шиитов наиболее охотно манипулируют требованиями отмены конфессионализма, потому что это поможет им, в конце концов, установить исламистский политический режим... По количественной логике «секуляризованный» Ливан рискует превратиться в исламскую республику»².

Открыто отстаивая интересы маронитов и их особое положение в стране, К. Дагер сетовала: «Христиане-марониты видят, как их количество, экономическое и финансовое влияние и политическое значение снижаются с тревожной быстротой, в то время как их великая историческая партия Катаиб рападается под напором внутренних конфликтов. Уходу христиан с политического поля также соответствует отказ от культурной и специфической “идентичности”, особенно среди молодежи»³.

Жесткая позиция ведущих политических партий маронитов нашла свое отражение в избирательном процессе. Парламентские выборы в Ливане не проводились с 1972 г., поскольку выборы 1976 г. были вначале отложены ввиду войны, а затем для проведения выборов не было никаких условий. Намеченные на август 1992 г. выборы должны были закрепить успех постконфликтного урегулирования. Однако накануне парламентских выборов ливанские партии начали выстраивать свою тактику, исходя из максимально возможных для себя политических очков, причем многие из них видели в выборах препятствие к тому. Маронитские партии, стараясь не упустить свой шанс на фоне усиления конкурентов, решили пойти на обострение и объявить, что они не готовы признать условия выборов и не будут участвовать в них.

Важно отметить, что марониты получали по принятому избирательному закону о выборах 1992 г. наибольшую конфессиональную квоту – 34 депутатских места из 128, и особенно внушительно она выглядела по сравнению с кво-

---

¹ Ibid. P. 92.

² Picard, Elizabeth. *Lebanon: A Shattered Country: Myths and Realities of the Wars in Lebanon* / Revised Ed. New York: Holmes & Meier, 2002. P. 170.

³ Dagher, Carole. *Le Liban à la Croisée...* P. 86–95.

той для шиитов и суннитов – по 27 мест. Католическая паства получала, кроме того, 8 мест для греко-католиков и одно для армяно-католиков (православные могли рассчитывать на 14 депутатских кресел, армяне-григориане – на 5)¹. Иными словами, если христиане и могли ощущать как оставление позиций зафиксированное после гражданской войны соотношение 1:1 к депутатским мандатам мусульман (по сравнению с прежним 6:5), то марониты, во всяком случае, находились в наиболее благоприятном положении, продолжая сохранять свое «легислативное» лидерство среди всех ливанских общин. Ведь, судя по приведенным выше оценкам еще на 1984 г., численность маронитской общины значительно уступала шиитской (25,2/30,8%).

И тем не менее, маронитские партии бойкотировали выборы – они ссылались на поспешность и недостаточную их подготовку. Однако анализировавший результаты выборов Фарид аль-Хазин писал о целом «наборе политических расчетов» маронитских политиков, заставивших их пойти на бойкот выборов в Совет депутатов. При этом, по словам аналитика, «у бойкотирующих групп не было возможности сплотить свои ряды и согласовать единую стратегию участия в предвыборной борьбе, и эта неспособность была обусловлена разногласиями между некоторыми из главных зачинщиков бойкота, их противоположными взглядами на Таифские соглашения и установившийся режим»².

Так или иначе, эти политики не учли твердое желание большинства ливанских партий больше не возвращаться к силовым методам решения политических проблем, а перенести ожесточенную конкуренцию за демократический

---

¹ Table 11: Ratio of Candidates to Seats by Sect, 1992 // El Khazen, Farid. Lebanon's First Postwar Parliamentary Election, 1992: An Imposed Choice. URL: <https://libwebarchive.aub.edu.lb/BorreLudvigsen/https://almashriq.hiof.no/ddc/projects/pspa/elections92-part2.html#table-11>.

² El Khazen F. Lebanon's First Postwar Parliamentary Election... URL: https://libwebarchive.aub.edu.lb/BorreLudvigsen/mp_/https://almashriq.hiof.no/ddc/projects/pspa/elections92-part1.html.

фасад. Гарантом в этом деле большинство сторон признало сирийцев¹, а также – и это особенно немаловажно – саудовцев и иранцев. Настаивал на проведении выборов и президент Ильяс Храуи, заявляя, что «если выборы не состоятся, то возникнет угроза национальному единству и национальному примирению»².

Расчет тех, кто собирался оттянуть имплементацию новой формулы политического участия, не оправдался: выборы были признаны состоявшимися³, и маронитские партии сильно проиграли в результате своего хода «ва-банк». Цитируемый Ф. аль-Хазин сообщал, что в столице христианские избиратели превосходили по численности мусульманских (176 тыс. против 162 тыс.), но в результате бойкота политиков-маронитов решающими стали голоса избирателей-мусульман. Во многих других округах кандидаты-марониты также оказались в зависимости от голосов сограждан иных исповеданий, и, в конечном итоге, 23 депутата-христианина были избраны в парламент 1992 г. избирателями из других конфессий (а это более трети всех депутатских кресел, зарезервированных для христиан)⁴.

В ходе политического противостояния, не снижавшего своего накала, проявились в очередной раз внешние усилия – тех заинтересованных стран, которые декларировали необходимость ограничения реваншистских настроений в ливанском обществе и переходу к исключительно политическим методам борьбы за интересы своих общин. Одной из таких сторон был Ватикан, целью которого оставалась, хотя и настойчивое и последовательное, но как можно более сдержанное и бесконфликтное продвижение собственных интересов в ливанском обществе.

---

¹ Как передает тот же автор со ссылкой на ливанскую Ан-Нахар от 29 августа 1992 г., целая депутация из маронитских политиков вела трехнедельные переговоры с сирийским вице-президентом А. Хаддамом и начальником штаба Х. аш-Шихаби. См.: Там же.

² Цит. по: Агавельян Ю.А. Государственность и парламентаризм в Ливане // Востоковедный сборник. Вып. II. М., 2001. С. 9.

³ По сути, бойкот затронул лишь округа с христианским большинством: Жбейль, Кесруан, Северный Метн и Баабда, а остальных округах снизил явку избирателей, но существенно не повлиял на результаты выборов.

⁴ Ibid.

Еще в июне 1992 г. в своем послании ливанским архиепископам и епископам папа Римский давал общую примирительную установку. Он «ниспосылал» своей ливанской пастве молитву, содержащую такие слова: «При таком разнообразии наших вероисповеданий и после столь долгих страданий мы будем полностью осознавать, что все мы по-братски солидарны, что наш Ливан – это больше, чем страна, но в полном соответствии со своим призванием Ливан является посланием братства, свободы и диалога. И Тебе хвала во веки»¹. А обращаясь к ливанцам, исповедующим ислам, папа Римский призвал их «оценить искренние усилия их собратьев-католиков, их вклад в сотрудничество в восстановлении Ливана – страны свободы и братского единения»².

На фоне резких политических шагов маронитских партий в первой половине 90-х годов позиция Ватикана состояла в необходимости изменения настроения ливанских католиков-униатов: вместо политической конфронтации и глубокого беспокойства по поводу демографического и политического проигрыша им рекомендовалось, как это выразил папа Римский во время визита в Ливан в 1996 г., «перейти к миссионерской открытости – необходимой и спасительной, поскольку каждая отдельная Церковь, которая замыкается в себе самой, не может выполнять свою миссию»³. Идею понтифика о целесообразности и действенности политической борьбы, прививаемую униатской пастве Ливана, транслировал и назначенный в октябре 1997 г. нунций в Ливане и Кувейте Антонио-Мария Вельо. По сути, это было продолжение прежнего курса Ватикана на балансировку интересов разных конфессий на Ближнем Востоке под эгидой «вселенской», то есть Католической церкви. И этот курс на ливанской почве можно было ощутить в образовательной практике, например, такого престиж-

---

¹ Message du saint-père Jean-Paul II aux Patriarches, Archevêques et Évêques catholiques du Liban. 1992. URL: http://www.vatican.va/content/john-paul-ii/fr/messages/pont_messages/1992/documents/hf_jp-ii_mes_19920620_clero-libanese.html.

² Ibid.

³ Dagher, Carole H. *Bring Down the Walls: Lebanon's Post-War Challenge*. Basingstoke: Palgrave, 2000. P. 196.

ного католического вуза, как иезуитский Университет св. Иосифа в Бейруте, где политизированность учащихся, по опросам, была очень низкой.

Однако маронитские круги (партийные, церковные, а также культурно-образовательные и благотворительные) продолжали вести собственную – охранительную – линию. В послании Совета восточно-католических патриархов (*Маджлис аль-батарики аш-шарк аль-католик*), принятом к Рождеству 1996 г., под названием «Тайна Церкви» (*Сирр аль-каниса*) говорилось: «Когда мы говорим о значении Церкви, мы также должны говорить о значении конфессиональной общины (*таифа*). По сути, это исторические, политические и человеческие рамки нашей церковной жизни, в которых развивались наши особенные церковные традиции. ... Наша церковная жизнь, поддерживаемая нашими особыми традициями, должна питать повседневную жизнь во всех сферах»¹. Документ по своим формулировкам не противоречил папским посланиям, однако по своему духу он ориентировал верующих держаться особых восточно-христианских традиций, веками выделявших ближневосточных христиан из иноверного окружения, и, по-видимому, не слишком рассчитывать на помощь центра мирового католицизма. Упоминание политических традиций их *таифы* тоже, конечно, не было случайным, учитывая самовосприятие ливанских униатов по типу «осажденной крепости».

Можно отметить характер папского увещевания в ответ на упомянутый документ конца 1996 г., более ранние ежегодные документы Ассамблеи католических патриархов и епископов в Ливане (*Джам'ийят аль-батарики ва-ль-асакифа аль-католик фи Любнан*) и постановление Синода епископов (*Синодос аль-асакифа*) по Ливану² – характер, как бы смиряющий пыл ливанской паствы

¹ Mystère de l'Eglise. Quatrième Lettre apostoliques des Patriarches Catholiques d'Orient adressée à leurs fidèles, en Orient et dans la diaspora. Noël 1996. URL: <https://www.lpj.org/fr/4eme-lettre-pastorale-patriarches-catholiques-dorient-je-suis-vigne-vous-sarments>.

² Синодос аль-асакифа. Аль-джамайя аль-хасса мин аджли Любнан, 26 тишрин ас-сани – 14 канун аль-авваль 1995: «Аль-Масих раджауна: би-рухихи натадждад, ва-маан ли-ль-махабба нашхуд» (Специальная ассамблея по Ливану, 26 ноября – 14 декабря 1995 г.: «Христос – наша надежда: Его Духом мы обновляемся и любовью свидетельствуем»).

маронитов и других униатов¹. В том постсинодальном «апостольском» послании от 10 мая 1997 г. «Новая надежда для Ливана» говорилось, в частности: «Братская и сплоченная жизнь в национальном сообществе предполагает игнорирование как своего исключительного положения, так и поиска таких привилегий для себя и своей общины, которые могут исключать других людей»².

При всей напряженности давления ватиканской дипломатии, все же не столько она повлияла на смещение эпицентра политической борьбы между ливанскими кланово-конфессиональными партиями. Сдвиг региональной повестки (в том числе, в результате Войны в Заливе), военное и демографическое усиление шиитской общины, обогащение и политические очки суннитских политиков переместили эпицентр в мусульманский сектор. В 1997 г. современник констатировал: «Тревога христиан послевоенного Ливана вызвана тем фактом (и никакой миф не может это оспорить), что независимо от их формального представительства, руководство страной сегодня находится в руках мусульманских политиков. С точки зрения логики конфессиональных групп, нет никаких сомнений в том, кто победители и проигравшие»³.

Следующие выборы в Ливане проходили в изменившейся внутривнутриполитической обстановке, все большую роль стали играть «новые» политики – бизнесмены и авторитеты локальных групп партийных ополчений. Высший политический клуб вынужденно раздувался, новые группы требовали для себя пред-

---

¹ О зависимом от Ватикана характере синода говорит уже его состав: председателями на нем были кардинал Насралла Бутрос Сфейр, Маронитский патриарх Антиохийский, и кардинал Акилле Сильвестрини, президент Конгрегации восточных церквей (Ватикан), генеральным секретарем – кардинал Ян Питер Схотте (Конгрегация Непорочного Сердца Марии, Ватикан), основным докладчиком – епископ Кириллос Салим Бустрос, мелькитский архиепископ Баальбекский, специальным секретарем – епископ Гай Булос Нуджаим, епископ Кесарии Филипповой, маронитский патриарший викарий в Сарбе (Ливан). URL: http://www.vatican.va/news_services/press/documentazione/documents/sinodo_indice_ar.html#15.%20Special%20Assembly%20for%20Lebanon%20-%201995.

² Exhortation apostolique post-synodale “Une espérance nouvelle pour le Liban” de sa sainteté Jean-Paul II aux patriarches, aux évêques, au clergé, aux religieux, aux religieuses et à tous les fidèles du Liban. Beyrouth, le 10 mai 1997. Point 95. URL: http://www.vatican.va/content/john-paul-ii/fr/apost_exhortations/documents/hf_jp-ii_exh_19970510_lebanon.html.

³ Perthes, Volker. Myths and Money: Four Years of Hariri and Lebanon's Preparation for a New Middle East // *Middle East Report*, No. 203, Spring, 1997. P. 19.

ставительства. Логичным стало дальнейшее увеличение в депутатском корпусе выдвинувшихся в прежние годы успешных предпринимателей и авторитетных боевых командиров. К выборам 1996 г. количество депутатских мандатов было увеличено со 108 (54/54 – мусульман и христиан) до 128 (64/64). При этом все больше политическую реальность определяла борьба за голоса кандидатов от шиитов и суннитов.

Этому способствовал дальнейший демографический сдвиг в сторону мусульман. В его пользу сыграла (помимо продолжающейся эмиграции христиан и высокого естественного прироста мусульманского населения) и проведенная 27 августа 1994 г. массовая натурализация не имевших прежде гражданства лиц, в том числе родом с территорий, которые Ливан оспаривал у Израиля (например, из т.н. «семи сел»: шести шиитских – Наби Йушаа, Тербиха, Малкийя, Салиха, Кадис, Хунин, и одного со смешанным шиитско-грекокатолическим населением – Ибль Камх¹), жителей приграничного с Сирией североливанского района Вади Халед, а также курдов в Ливане. Число натурализованных оценивалось в 100–200 тыс. человек, причем преимущественно мусульман, что дало повод даже к судебному иску со стороны Маронитской лиги².

Тем временем, во главе исполнительной власти в стране продолжал находиться поддерживаемый Сирией Р. Харири, а полномочия президента И. Храуи, истекавшие в 1995 г., были продлены на три года – в значительной степени по той же причине: сирийцев вполне устраивал этот президент, который не препятствовал их внешнеполитическим шагам, видению методов сохранения хруп-

¹ Blanford, Nicholas. The Seven Villages, another Lebanese-Israeli complication // *Daily Star*, Aug. 25, 2009. URL: <https://www.dailystar.com.lb/Opinion/Commentary/2009/Aug-25/117967-the-seven-villages-another-lebanese-israeli-complication.ashx>.

² В статье, посвященной ошибкам в исследованиях демографических вопросов Ливана упоминается доклад об этом, сделанный в Ливано-Американском университете (LAU) на конференции по гражданству в Ливане: Атаалла, Тони. Аль-муджаннасун фи Любнан: хакаик ва аркам би-расм аль-мустафидин (Натурализованные в Ливане: правда и цифры, представленные выигравшими). Жбейль, 11-12 июля 1997 г. См.: Maktabi, Rania. *The Lebanese Census of 1932 Revisited. Who Are the Lebanese?* // *British Journal of Middle Eastern Studies*, Vol. 26, No. 2, Nov., 1999. P. 240.

кого межконфессионального мира в этой соседней стране и, что немаловажно, предпочтениям сирийцам в сирийско-ливанском экономическом сотрудничестве. И сирийцы, и сами ливанские власти рассматривали боевой настрой маронитских полевых лидеров как чреватый новыми обострениями, а поэтому показательным можно считать судебный процесс, завершившийся жестоким приговором, вынесенным в 1995 г. командиру ЛС (имевшему свой оплот в Бшарре) Самире Джаадже: он был осужден на пожизненное тюремное заключение. При этом его партия была запрещена еще в марте 1994 г., а он сам был взят под арест через месяц после того. Он отсидел 11 лет в тяжелейших условиях вплоть до своей амнистии в 2005 г., и тот процесс в Ливане считают единственным в своем роде за преступления времен гражданской войны¹.

Постепенно христианские политики, недовольные стремительным падением позиций их общин в государстве, стали концентрироваться не столько вокруг партий, сколько вокруг фигуры маронитского патриарха-кардинала Насраллы Бутроса Сфейра. Его генеральная позиция заключалась в том, что Таифское соглашение передало слишком многих полномочий президента-маронита в пользу премьера-суннита. С надеждами на некоторую корректировку ситуации была связана поддержка патриархом Сфейром кандидата на пост президента в 1998 г. командующего армией Эмиля Лахуда. Политики вокруг патриарха надеялись, что Э. Лахуд сможет вернуть себе часть упущенных президентских прерогатив де-факто, если не де-юре². И действительно, вскоре последовали отставки многих министров, сотрудников министерских аппаратов.

¹ Интересно, что, по данным агентства *Amnesty International*, аресты «сотен членов ЛФ» и самого С. Джааджи были связаны с громкими инцидентами, начало которым якобы положил взрыв в церкви Сейидат ан-Наджат (Богоматери Избавления) в Зук Микаэль недалеко от Бейрута 27 февраля 1994 г. (10 погибших и 10 раненых). Почти все задержания были без ордеров и предъявления обвинения, большинство было вскоре отпущено. Дела лишь 22-х задержанных рассматривались 22 июня того же года, но были переданы в суд дела только восьмерых, в том числе Самира Джааджи и Фуада Малика (причем, пятерым – заочно). Они обвинялись, по этим данным, во врыве в церкви. См.: *Lebanon: Human Rights Developments and Violations / Amnesty International*, 8 October 1997. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/mde18/019/1997/en>. P. 16.

² Tabar, Paul; Baroudi, Sami. *Spiritual Authority versus Secular Authority: Relations between the Maronite Church and the State in Postwar Lebanon: 1990–2005 // Middle East Critique*, Vol. 18, No. 3, Autumn 2009. P. 211.

Ушел со своего поста и премьер Р. Харири, в то время как президент отстаивал свое право предлагать на утверждение депутатов кандидатуру нового главы правительства. Однако вскоре стало ясно, что новый президент-маронит проводил собственную политику и не сходилась во мнении с патриархом Сфейром по таким, например, ключевым вопросам, как сирийское присутствие в Ливане, судьба боевиков АЮЛ в буферной зоне оккупации и влияние Хизбаллы на Юге.

В итоге, накануне парламентских выборов, в 1999 г. стал формироваться блок политиков, выражающих мнение круга маронитского патриарха. Официальный Бкерке (а также и Маронитская лига) занял на этот раз активную политическую позицию, призвав свою паству проголосовать на выборах 2000 г. за своих кандидатов. После победы многих из них, а также после специального обращения Совета маронитских епископов с призывом к христианам активизироваться в борьбе за свои права в законодательной сфере, оппозиционный блок «Корнет Шехван» окончательно оформился¹. Центральными вопросами его повестки стали реформа избирательного закона (проект введения множества небольших, предпочтительно одномандатных округов, где у христианских кандидатов было бы больше шансов победить) и вывод из Ливана сирийского контингента.

Постепенное складывание на протяжении 90-х годов этого оппозиционного блока под началом влиятельнейшей в Ливане фигуры маронитского патриарха не могло не настораживать как власти, так и сирийских «кураторов». Тем более, что в стране не прекращались теракты с явно политической подоплекой. Еще в конце 1993 г. прогремел взрыв в бейрутском офисе Катаиб, в ян-

---

¹ Корнет Шехван – место летней маронитской епископской резиденции в Антельясе, северном пригороде Бейрута. Встречи политиков проходили там с 1999 г. под патронажем епископа Юсефа Бишары, будущего архиепископа Метна и духовного главы объединения «Корнет Шехван». В него вошли в 2000 г., в частности, депутаты-марониты: Мансур аль-Бун, Бутрос Харб, Насиб Лахуд, Наиля Муаввад, Ниматулла Аби Наср, Пьер Жмайель, Антуан Ганем, Салах Хонейн, Фарид аль-Хазен и Фарис Саид, а также представители Маронитской лиги и несколько политиков их других христианских общин. См.: Ibid. P. 214.

варе 1994 г. в Бейруте был убит высокопоставленный иорданский политик Наиб Маайта, в конце февраля произошел теракт в маронитской церкви в Зук Микаэль (близ Каслика), 21 декабря 1994 г. в результате подрыва автомобиля в пригороде Бейрута погиб брат начальника службы безопасности Хизбаллы Фуад Мугние¹. Все эти, как и последующие инциденты показывали градус остроты политического противостояния в «послевоенном» Ливане.

Не менее острой была конкуренция в сфере бизнеса. Эта сфера настолько же была пронизана духом конфессионализма, вплоть до квотирования мест в разного рода деловых ассоциациях. Исследователи отмечали определенное соответствие конфессионального представительства ливанских бизнесменов в этих органах таковому в парламенте. Так, проведший детальный анализ этого вопроса политолог из Ливано-американского университета Сами Баруди, приводил соотношения в управляющих органах важнейших ливанских бизнес-ассоциаций. Это, прежде всего, Ассоциация ливанских промышленников и Ассоциация ливанских банков, а также Федерация торговых палат, промышленности и сельского хозяйства Ливана, Ассамблея ливанских бизнесменов, Ассоциация страховых компаний, Синдикат владельцев отелей и Синдикат владельцев пекарен; из региональных наиболее важными ассоциациями являются Торгово-промышленная и сельскохозяйственная палата Бейрута и Горного Ливана и Бейрутская торговая ассоциация. Важно, что почти во всех перечисленных ассоциациях еще с начала 70-х годов соотношение христиан и мусульман в руководстве предусматривалось равное, и менялся только процент по отдельным конфессиям. Исключение составляла лишь Ассоциация ливанских банков (*Джамийят масариф Любнан*), где представительство христиан и мусульман в совете директоров постепенно выравнивалось с конца 70-х (11/1) до начала 90-х

---

¹ Winslow, Charles. *Lebanon: War and Politics in a Fragmented Society*. London and New York: Routledge, 1996. P. 279.

годов (7/5) и достигало равенства лишь в 1992-1993 и 1998-1999 гг. (по 6 чел.)¹. Но во всех этих организациях неуклонно повышалась доля шиитов в руководстве, о чем С. Баруди делал следующий вывод: «В большинстве случаев успехи шиитов в их представительстве, достигались за счет мест суннитов, а не христиан. Уже один этот факт указывает на напряженность в отношениях между суннитскими и шиитскими бизнесменами в послевоенный период. Конкуренция между христианами и шиитами не имеет столь же [напряженного] конфессионального измерения, как между суннитами и шиитами»².

Смена в конце осени 1998 г. главы правительства (им стал суннит Селим Хосс) не стала, по всей видимости, результатом конкуренции с «конфессиональным измерением», но была лишь попыткой нового президента изменить сложившиеся отношения в исполнительной власти в соответствии с собственными планами. Этот период стал временем консолидации усилий накануне ставших триумфальными для Р. Харири парламентских выборов 2000 г. Критики находили немало серьезных фактов его тесного и взаимовыгодного сотрудничества с сирийцами – вплоть до сделок в пользу высокопоставленных кругов сирийского руководства³. Так или иначе, но представляется, что экономические интересы сирийцев в Ливане и проводимая в связи с этим внешняя политика были связаны с изменением курса сирийского руководства на внутривнутриполитической арене. Ведь еще при жизни Хафеза Асада, в начале 2000 г. уже был провозглашен курс на либерализацию экономики, в связи с чем сменился кабинет министров. Поэтому вполне вероятно, что победа сторонников Р. Харири, как минимум, не противоречила выбранному курсу сирийцев. После двухлетнего перерыва, осенью 2000 г. он вернулся в кресло главы правительства.

---

¹ Baroudi, Sami E. Sectarianism and Business Associations in Postwar Lebanon // *Arab Studies Quarterly*, Vol. 22, No. 4, Fall 2000. P. 98.

² Ibid. P. 100.

³ Neal, Mark; Tansey, Richard. The Dynamics of Effective Corrupt Leadership: Lessons from Rafik Hariri's political career in Lebanon // *The Leadership Quarterly*, No. 21, 2010. P. 39.

Еще одним свидетельством либерализации сирийской политики стали сокращение (с 35 тыс. до 20 тыс.) и передислокация контингента в Ливане: сирийские военные окончательно покинули Западный Бейрут и базы вблизи двух христианских сел в Верхнем Метне, оставшись только на нескольких базах в долине Бекаа. Этот процесс начался еще при Хафезе Асаде, но его продолжение было остановлено необходимостью контроля ситуации после начала палестинской «интифады». Первостепенными в этом были вопросы безопасности границ, недопущения провокаций и угроза со стороны палестинских боевых групп, а вовсе не какое-либо конфессиональное соперничество или контроль «христианского Ливана».

Впрочем, в сложно устроенном, многообщинном Ливане обращение к подобным аргументам нередко: оно дает быстрый эффект деструктивного импульса, благодаря историческим обидам и травмам, полученным во время конфликтов всеми, без исключения религиозными общинами. Противники конфессионализма справедливо отмечают в качестве одного из его подпитывающих элементов травмирующую историческую память, закрепленную в разных общинах под разными углами зрения. С течением времени память о гражданских конфликтах – эта важнейшая составляющая идентичности¹ – неизбежно схематизируется и упрощается, все больше обнажая межконфессиональный аспект противостояния и конфликтов как наиболее простой для восприятия массовым сознанием. Так, ученый из Ливано-американского университета Басиль Саллух считает, что «память о войне оставалась благодатной почвой для политической борьбы в послевоенном Ливане, формируя подпитку слагаемых христианского гибридного представления после войны... Безусловно, и у других конфессиональных сообществ были свои гибридные послевоенные представления, в кото-

---

¹ Об «исторической памяти» и «исторических обидах» на североафриканском материале см. интереснейшую статью: Сапронова М.А., Орлов В.В. «Колониальное наследие» в алжиро-французских отношениях: проклятие прошлого или надежда на будущее? // *История*, 2020, Т. 11, № 12 (98). С. 12–34.

рые встроены их собственные воспоминания, своя правда и история войны»¹. В этом плане, естественным образом, постепенное преодоление исторических травм эпохи Ливанской гражданской войны призвано было способствовать движению политического сознания за рамки доминирующих в Ливане узких конфессиональных представлений в сторону широкой общенациональной идентичности.

Конечно, это преодоление травм межобщинной розни и движение по направлению к национально-государственному общественному сознанию затруднялось в той мере, в какой конфессионализм сопутствовал и даже способствовал набору политических очков представителям общин (по соответствующим квотам) во властных структурах. Профессор германского Университета Гумбольдта, а впоследствии советник спецпосланника ООН по Сирии и спецпредставитель по Судану, Фолькер Пертес, писал еще в 1994 г.: «Конфессиональные идентичности, то есть идентичности отдельных общин, остаются значимыми (по крайней мере, легко мобилизуемыми), когда деноминация является важным критерием для доступа к должностям и ресурсам – даже если социально-экономическая основа традиционных вероисповеданий давно перестала существовать в ходе урбанизации и распространении современных условий труда»². Возможно, ученый слишком опережает события и не учитывает колоссальную инерцию традиции, но вполне верно подмечает консервирующий эффект конфессионализма, и особенно, когда он закреплён институционально (конфессиональные квоты в органах управления) или законодательно (законы о выборах, о личном статусе).

Оценивая негативные стороны ливанской политической системы ливано-американский исследователь Жозеф Бахут давал ей горькую характеристику, говоря о вероятности гражданской войны как следствии такой ситуации:

---

¹ Salloukh, Bassel F. War Memory, Confessional Imaginaries, and Political Contestation in Postwar Lebanon // *Middle East Critique*, 2019, Vol. 28, No. 3. P. 356.

² Perthes, Volker. Der Libanon nach dem Bürgerkrieg: Vom Ta'if zum gesellschaftlichen Konsens? Baden-Baden: Nomos, 1994. P. 133.

«...Политическая среда, в которой ни одна партия не несет ответственность, четкий локус принятия решений не может быть определен, нет арбитра, к которому можно было бы обратиться, и открытые споры в которой являются обычной практикой в условиях гонки за власть: каждый “глава институции” все больше и больше “завышает цену” от имени своего “сообщества”, которое выступает его защитником в последней инстанции»¹.

Предписанные Таифскими соглашениями меры по искоренению конфессионализма постепенно проводились, однако и тут ливанское своеобразие этих инициатив доходило до парадокса: эти меры становились частью стратегии конфессиональных партий в борьбе за повышение их влияния на общенациональном уровне. В качестве наиболее показательного можно привести, забегаая несколько вперед, яркий эпизод, когда такой подход нашел отражение в очередной законодательной инициативе. Бывший сподвижник Мусы ас-Садра, а впоследствии и председатель ливанского Совета депутатов (с 1984 по 1991 г.), один из лидеров Высшего исламского совета шиитов, Хусейн аль-Хусейни, стал инициатором принятой в феврале 2009 г. поправки к закону о личном статусе, разрешающей ливанским гражданам исключать их конфессиональную принадлежность из записей актов гражданского состояния (вслед за подобными мерами, принятыми в отношении паспортов и национальных удостоверений личности)². Стремительно растущая шиитская община, усилившаяся после отражения израильской агрессии 2006 г., демонстрировала этим, что накануне парламентских выборов нуждалась уже не в консолидации шиитов, а напротив, могла позволить себе уверенный курс на включение в политическое движение Сопrotивления других общин (в том числе, христианских) под своей эгидой. Восхождение к этой политической мощи шло на протяжении всего последнего десятилетия XX в. – даже несмотря на сдерживающий фактор сирийского присутствия в Ливане.

---

¹ Bahout J. Lebanon at the Brink... P. 5.

² Weiss M. In the Shadow of Sectarianism... P. 227–228.

Сирийское общество в 90-е годы демонстрировало совершенно отличную от ливанцев модель политического поведения, и в Сирии политические процессы были совсем иначе связаны с конфессиональной повесткой. На первом плане стоял вопрос выхода из череды экономических проблем, проявлением которых стало, в частности, существенное снижение роста ВВП во второй половине 80-х годов. Перед государством стояла задача вовлечения слоя крупных предпринимателей, подавляющее большинство из которых представляли суннитскую общину, во властные структуры – не столько либерализация условий бизнеса, сколько сращивание власти и капитала в интересах стабильности доминирующих политических кругов.

Выборы в сирийский Народный совет в мае 1990 г. проходили под лозунгом расширения политического представительства сирийского народа, и якобы с этой целью количество депутатов увеличивалось со 195 до 250. В пользу демократизации должно было говорить намерение предоставить добавочные мандаты только независимым кандидатам. Правящая коалиция НПФ (состоящий из 6-и партий Национально-прогрессивный фронт) во главе с ПАСВ оставлял за собой по-прежнему около 160 мест в парламенте, тогда как независимым (исключительно беспартийным) депутатам отводилась оставшаяся треть. В результате выборов в состав парламента вошли и курдский землевладелец из Дамаска, и христианский ученый, известный как сторонник СНСП, и племенные шейхи (например, 3 из 4 мандатов для независимых кандидатов по округу Дэйр-эз-Зор получили шейхи крупного местного племени аль-бакара; по округу Халеба был избран шейх Дияб аль-Маши, бывший депутатом еще в начале 60-х; по округу Хомса – два ярких племенных лидера, Мухаммад Рамадан и Абдулазиз аль-Мельхем), и лидеры локальных конфессиональных общин¹ (например, по округу Сувейда был избран член могущественного местного друзского клана Аб-

---

¹ Мокуран, Джером; Каши, Акрам. Мухаваля ли-кираат аль-муджтама' ас-сури саласун сана ба'д Мишель Сёра. Накд ва-тахлиль аль-хитаб ат-таифи (Попытка прочтения сирийского общества спустя 30 лет после Мишеля Сёра: Критика и анализ конфессионального дискурса) // *Омран*, адад 4/10, хариф 2014. С. 58.

далла-паша аль-Атраш), и религиозные деятели (например, от Халеба и Идлиба были избраны дополнительно к одному депутату-муфтию еще четверо)¹, и даже депутат, о связи которого с БМ было известно многим².

Но главное, к властным и лоббистским рычагам приблизились представители крупного торгового и промышленного капитала: депутатами стали с десятков сирийских миллионеров, сложился даже особый блок из независимых депутатов-бизнесменов, выражающий интересы этих кругов³. Такая спайка принесла свои, пусть и временные, плоды – конечно, вкупе с иными мерами, собственно экономического характера (особенно по привлечению внутренних и иностранных инвестиций и приватизации). Показатели роста реального ВВП выросли, по сравнению с –9% в 1989 г. до 7,3% в 1990, 11,6% в 1991, 7% в 1992 и 7,5% в 1993 г.⁴ Приводивший эти данные Раймонд Хиннебуш полагал, что трудности слияния государственной и частной буржуазии в Сирии были обусловлены разными интересами общин, соответственно, алавитов и суннитов, причем описанный ход сознательного включения крупных предпринимателей суннитов в высший политический клуб страны «не означал захвата государства классом капиталистов: скорее, политики, уравновешивавшие социальные силы, использовали относительную автономию для проведения выборочной либерализации, способствующей стабильности режима»⁵.

Конечно, парламент в таких условиях жесткой идеологической вертикали обладал типично восточными чертами скорее консультативного совета при верховной власти (*маджлис ас-шура* в мусульманской традиции), нежели чем площадкой для законотворчества, где сталкиваются мнения разных сегментов

¹ Perthes, Volker. Syria's Parliamentary Elections: Remodeling Asad's Political Base // *Middle East Report*, No. 174: Democracy in the Arab World. Jan.- Feb. 1992). P. 17.

² Hinnebusch, Raymond A. State and Civil Society in Syria // *Middle East Journal*, Vol. 47, No. 2, Spring, 1993. P. 255.

³ Ibid.

⁴ Hinnebusch, Raymond A. The Political Economy of Economic Liberalization in Syria // *International Journal of Middle East Studies*, Vol. 27, No. 3, Aug. 1995. P. 317.

⁵ Ibid. P. 319.

общества, имеющих собственные видения. Тем более, в сирийском государстве – многоконфессиональном, но организованном в структуру на светском, идейном основании – парламент не становился ареной столкновений таких социальных сегментов, как конфессиональные общины. Высшая президентская власть при могущественных партийных (страновых) структурах и широких прерогативах силового аппарата собирала воедино пестрые в хозяйственно-культурном отношении районы (от засушливых и отделенных пустыней до приморских горных и лесистых). При всех перекосах, связанных с такого рода силовой интеграцией, и претензиях к властям, допускавшим явное для всех непропорциональное участие в разделе привилегий госслужбы разных уровней, установившийся порядок устраивал, в целом, все группы населения. Если угодно, «общественный договор», или «социальный контракт» (употребляя по аналогии название феномена из американской истории) не держался на репрессивном аппарате государства¹, а был конвенциональным. Упомянувшийся выше Фолькер Пертес так писал об интегративном действии сирийской центральной власти: «По всей видимости, Дамаск остается “киблой” (направлением) политической жизни и для диссидентов баасистов-националистов из старой гвардии с востока страны, и для друзских нотаблей из Джебель аль-Араб, приверженных традициям, и для молодых алавитов из провинции Латакия»².

Иными словами, вовсе не конфессиональная повестка определяла внутривнутриполитические решения сирийских властей, если только не считать таковой давнее противостояние региональному фундаменталистскому проекту передела всего региона по реформаторским исламистским лекалам, где Сирия была лишь одним из театров действий. Что касается пресловутой сирийской «алавитской

---

¹ А об этом нередко заговаривают обозреватели, характеризующие власть Хафеза Асада как жестокий «диктаторский режим». В этом отношении показательны, например, работы известного американского аналитика из Центра новой американской безопасности и «Стрэтфор», Роберта Каплана.

² Perthes V. La sécurité nationale et le développement de l'identité nationale en Syrie // Nationalismes en mutation en Méditerranée orientale / ed. by Alain Dieckhoff, Riva Kastoryano. CNRS Editions, 2002. P. 202.

верхушки», которая не перестает вызывать в некоторых кругах сирийцев неприятие ввиду принадлежности к явному меньшинству, можно еще раз вспомнить серьезные работы на тему алавитского фактора. Еще в 80-е годы очень осведомленный и критически настроенный исследователь Ханна Батату, в деталях изложивший векторы воздействия на президента алавитских кругов, писал: «Следует специально оговориться. Утверждать, что власть Асада зависит от своего племени или его единоверцев, это не то же самое, что утверждать, будто Асад обязательно принадлежит к племени или конфессионально мотивирован в своих взглядах или в своей экономической или же политической линии поведения»¹.

В 90-е годы эта мотивация, а тем более зависимость от единоверцев-алавитов, стали еще ниже. Сирийско-американский журналист одного ливанского издания, Хишам Мельхем, писал в 1997 г.: «Конфессионализм, как и патронаж, васта (посредничество в контактах с властями. – А. С.) и коррупция, по-прежнему используются [сирийским] государством. Однако было бы крайне ошибочным отсюда выводить, что сам режим – алавитский. Во всяком случае, режим показал, что придерживается сирийско-арабских, а не конфессиональных взглядов. Более того, алавиты не являются политически монолитными и, вопреки широко распространенным утверждениям, не рассматриваются государством как привилегированное сообщество»².

На региональном уровне внешней политики Сирии конфессиональная проблематика также никак не влияла на обсуждение серьезных инициатив, примером чему служит запущенный в марте 1991 г. процесс создания на встрече министров иностранных дел в Дамаске государствами ССАГПЗ, Египтом и Сирией системы коллективной региональной безопасности. Военные Египта и

---

¹ Batatu, Hanna. Some Observations on the Social Roots of Syria's Ruling, Military Group and the Causes for Its Dominance // *Middle East Journal*, Vol. 35, No. 3, Summer 1981. P. 332.

² Melhem, Hisham. Syria between Two Transitions // *Middle East Report*, No. 203: Lebanon and Syria: The Geopolitics of Change. Spring 1997. P. 6; Perthes, Volker. *The Political Economy of Syria under Asad*. London – New York: Tauris, 1995. P. 207.

Сирии должны были составить костяк этих сил безопасности, и только противоречия по «неарабским» участникам сорвали эту инициативу¹.

Кабинет министров Сирии с 1987 г. возглавлял суннит Махмуд Зоаби, а 14 марта 2000 г., в русле проводимой борьбой с коррупцией и сменой курса на масштабную либерализацию, на этот пост был назначен уважаемый сирийцами политик, мэр Алеппо Мустафа Миро² – тоже суннит (из Телля, пригорода Дамаска). В тот период проблематика была сосредоточена вокруг серьезных проблем сирийской экономики и наметившихся было сдвигов в переговорах с израильтянами по Голанам. Конфессиональный вопрос в Сирии на повестку дня не ставили даже американцы: например, в объемной статье о сирийских делах, опубликованной в апреле 2000 г., не было привычных упоминаний ни о «сектарианстве», ни о тирании «узурпировавшего» власть алавитского меньшинства в Сирии. Зато одобрительно утверждалось, что «Сирия наращивает свои усилия с целью выработать соглашение об ассоциированном членстве в Европейском союзе»³, что с позиций сегодняшнего дня не может не удивлять.

---

¹ Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке- взаимодействие региональных и глобальных тенденций // *Вестник РУДН, серия Международные отношения*, 2014, № 3. С. 18.

² Миро, Мухаммад Мустафа (1941–2020), выпускник Университета Дамаска, защитил кандидатскую степень по филологии в МГУ им. М.В. Ломоносова; возглавлял администрации Хасаке (1976–1993), Дераа (1980–1986), Алеппо (1993–2000). Назначен премьером Хафезом Асадом в 2000 г., подал в отставку в 2003 г. в знак несогласия с излишней либерализацией сирийской экономики которую «продал» глава Госкомиссии по планированию, а вскоре и зампремьер по экономическим вопросам, Абдалла ад-Дардари.

³ Ветры перемен в Сирии (опубл. в: «Лос-Анджелес таймз») // *Компас: Вестник международной аналитической информации*, № 17, 2000. С. 75.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный исторический анализ межконфессиональных отношений в Сирии и Ливане позволил установить основные причины их периодических обострений, достигающих до конфликтов и даже прямых столкновений.

Многовариантность конфликтных ситуаций между общинами, связанных с разностью вероисповедания, не позволяет, конечно, вывести универсальную формулу снятия противоречий и избегания конфликтов. Проведенное исследование дало возможность проследить генетическую связь внутренних общественных и внешнеполитических условий в разные исторические периоды с обострением межконфессиональных отношений в Сирии и Ливане. И эта взаимосвязь позволила установить причины (или порождающие факторы) проблем в этой области.

Непосредственному обострению взаимоотношений предшествуют какие-либо действия представителей соседних общин (их ведущих кланов или конфессиональных партий), которые подталкивают к желанию «восстановить справедливость», перераспределить некие блага так, чтобы ценностные ожидания социального субъекта (в данном случае, общины) пришли в соответствие с его ценностными возможностями, выражаясь терминами депривационной теории. То есть, складываются условия, способствующие впечатлению, что источник неурядиц определенной конфессиональной общины (например, низкого материального достатка ее членов, несправедливого распределения властных полномочий, доступа к ресурсам и др.) лежит за ее собственными пределами – в более якобы привилегированном положении и неких действиях в свою пользу сограждан-иноверцев, составляющих другую религиозную общину.

В работе показано, что такие условия может создавать как вмешательство извне (со стороны соседних стран или же мировых держав), так и применение приемов конкуренции внутри политического поля страны или в ее экономиче-

ской сфере. Поскольку большинство политических сил почти на всех этапах независимого существования Сирии и Ливана имели определенную конфессиональную окраску (в разной степени выраженную), то проявления недовольства носили, как правило, также признаки межконфессиональных напряжений.

К этому общему выводу подвели результаты решения промежуточных задач, поставленных в начале исследования. В частности, были определены основные этапы истории Сирии и Ливана и поворотные моменты, повлиявшие на обострение взаимоотношений между религиозными общинами или даже приведшие к конфликтам (столкновениям конфессионально-партийных ополчений или к «чисткам» во властных структурах определенных конфессиональных кругов). Удалось установить основные зоны напряжения взаимоотношений общин, рассмотрев их по-отдельности. Причем проблемы взаимоотношений были проанализированы по внутренним границам социумов – как между самими общинами, так и отчасти между группами, образованными поверх границ общин (например, политических объединений на основе светских идеологий). По отношению к разным этапам установлена степень влияния внутренних (экономических и политических, а также культурных и социально-психологических) и внешних факторов (конкуренции региональных держав, арабо-израильского вопроса, доминировавших тогда идеологических течений, интересов внешних сил).

Автор воспользовался приемом разделения на составляющие исторических фактов и сложных явлений в жизни независимых Ливана и Сирии в XX в. В общественном мнении уже устоялись характеристики некоторых из таких явлений как порожденных острой конкуренцией между конфессиями (например, Гражданская война в Ливане или многолетнее лидерство алавитов во властных структурах в Сирии), и автор, раскладывая на составные элементы представления об этих фактах и явлениях (то есть, подвергая деконструкции эти «концепты»), сверяя их с документальными свидетельствами, приходит к заключениям, которые уточняют или, во всяком случае, расширяют эти представления. В ряде

случаев дается собственная интерпретация известных исторических событий, связанных со многогранными взаимоотношениями конфессионально-маркированных групп в Ливане и Сирии. Она находит свое обоснование в документах той эпохи, а также – и это немаловажно – в забытых ныне оценках авторитетных современников (политических и религиозных деятелей, ученых), в то время как верификация интерпретации осуществлена с привлечением элементов депривационной теории.

В работе выявлена мера воздействия религиозного фактора в социальных отношениях в Сирии и Ливане на разных исторических этапах. Среди других внутренних и внешних факторов он оказывается в основном не самостоятельным, а тесно связанным с разными политико-экономическими обстоятельствами и действиями. Эта связь прослеживается на уровне рефлексии членов общин – установления ими соответствия между конфессионально-общинным уровнем идентичности и изменяющимися условиями. Если изменения условий не соответствуют представлениям о благе общины, то на этом уровне возникающий психологический конфликт может порождать фрустрации (разочарования, ощущения обделенности, социальной несправедливости), ведущие или к апатии, или, напротив, к протесту и обострению отношений с согражданами-иноверцами.

Большинство из сделанных на материале истории Ливана и Сирии заключений вполне применимы в своем общем виде к соседним ближневосточным государствам. Возможно, что некоторые наработки автора окажутся полезными и для анализа истории российского общества – многоконфессионального и многонационального, как и общества ближневосточные.

Автор надеется на продолжение исследований положения религиозных общин Сирии и Ливана уже в XXI веке, взаимоотношений общин и активизма конфессионально окрашенных кругов в современный период, тем более что метод деконструкции социально-политических явлений вкупе с депривационным анализом социального поведения на уровне сегментов (конфессиональных об-

щин) дали хороший результат. Их вплетение в исторический анализ позволило лишить силы стереотипные обобщения, сводившие проблемы сирийского и ливанского обществ к якобы имманентному социальному напряжению поликонфессиональных обществ вообще.

Учитывая возникающие в среде политологов опасные идеи новой перекройки (reshaping) границ стран региона – по сути, ревизии колониального раздела территорий более века назад, – разоблачение подобных стереотипов может служить вполне практической цели – утверждению целостности ближневосточных государств в нынешних границах и обращению внимания на реальные социально-экономические проблемы населения, независимо от религиозной принадлежности.

В нынешнем веке активизм разных конфессионально-маркированных групп в Ливане и Сирии проявлялся по-разному. Чаще всего он связан со стремительно меняющейся общерегиональной повесткой и соперничеством держав на Ближнем Востоке, в том числе экономическом. Проигрывающей стороной неизменно остаются простые люди с невысоким достатком, недовольство которых восходит на очередной виток – как в силу действующих социально-психологических (депривационных) схем, так и в силу совершенно объективного упадка уровня жизни, вплоть до крайнего обнищания. Ливанские протесты последних двух лет показали способность населения разных вероисповеданий выходить за рамки узких интересов их общин и объединяться на общенациональном уровне перед лицом угрозы разрушения экономики. Однако эта способность еще не закалена, и опасность разобщения, в том числе по границам общин, и взаимного ожесточения сохраняется.

Изучение межконфессиональных отношений на Ближнем Востоке, ввиду их многогранности и увязанности на большинство социально-политических проблем, судя по всему, будет продолжать набирать обороты. Сама многогранность отношений между общинами позволит ученым применять разные подходы, которые смогут высвечивать и разные аспекты проблематики. Можно уже

сейчас предположить некоторые намечающиеся направления в исследованиях взаимоотношений религиозных общин Машрика или же отдельные теоретические элементы, вполне применимые в этой области.

Важное значение имеют попытки прояснения особенностей ближневосточных общин как социальных сегментов. Например, упоминавшийся выше ливанский социолог А. Бейдун применял изобретенное им понятие «общины-района» (*communauté-région*)¹, в котором акцентировался локус определенной конфессиональной общины как определяющая черта образа жизни в определенном социальном (конфессиональном) окружении. Это понятие может оказаться плодотворным, поскольку, во-первых, отсылает к территориально-клановому характеру локальных общин (иногда даже в большей степени, нежели конфессиональному), а во-вторых, отражает мозаичную природу ближневосточного социума – цельную в своей исторической сложности и взаимосвязанности, природу, лишенную той имманентной «глубокой разделенности», которую некоторые политологи приписывают ему в перспективе якобы политической обреченности национального государства.

Весьма продуктивным оказывается привлечение инструментария социальной психологии, включающей проблематику трансляции религиозного опыта укорененного в авраамической традиции населения на социальные отношения. Разработка важных для нашей темы философских понятий – традиции, социальной инерции, религиозной культуры, а также психологического аспекта связи религиозной жизни с деловой активностью, политикой (в том числе формами политической борьбы и протеста) и идеологией – могут существенно расширить возможности для исследования религиозного фактора в ходе нынешних трансформаций обществ Ближнего Востока. Такой междисциплинарный подход², выводит анализ актуальных динамичных процессов в регионе на новый уровень, оставив в прошлом однобокие логические ходы политологов,

¹ Beydoun A. *Le Liban: itinéraires dans une guerre incivile*. Paris: Karthala, 1993. P. 86.

² Он поддержан, например, в новейших исследованиях профессора А.И. Яковлева.

обнаруживающие в основе недостаточный набор факторов и приводящие, следовательно, к плоским, не имеющим конструктивного применения выводам.

Продолжается разработка такого явления, свойственного в разной степени странам Ближнего Востока, как консоционализм¹. Один из эквивалентов этого понятия, «конкордизм», в свое время не прижился в истории и политологии. Он был введен еще в 1972 г. востоковедом Максимом Родинсоном в его работе «Марксизм и мусульманский мир» и использовался в том же значении – принятии решения (соглашения) разными сторонами на основе компромисса.

В продолжение этой линии заметим, что если акцентировать внимание на вертикальных социальных отношениях, образующих кросс-классовые структуры конфессиональных общин, то с успехом может быть использован инструментарий неомарксизма. Во всяком случае, сиро-ливанские клиентельные сети в этом своем аспекте вполне описываются в рамках классового подхода, и тогда межконфессиональные отношения приобретают совершенно иное звучание – как изолированных по социальным уровням взаимоотношений сограждан. Такой подход был с успехом применен, в частности, вышеупомянутым М. Джонсоном, который отмечал устойчивость отношений «патрон-клиент» в ливанских социальных группах от президента к землевладельцам и далее – к авторитетам городских кварталов и потенциальным ополченцам из низов² (*зу‘ама, кабадаи, шабаб*) – устойчивости, создающей чувство общности (или даже общины) в классово разобращенном социуме. Общее вероисповедание становилось в этом отношении важнейшим, но не единственным фактором консолидации вертикальных групп. Консоционализм (или конкордизм?) в таком случае выступает производной от воли к компромиссу высших слоев общества, его клиентельных ядер. Так что межконфессиональные отношения вполне обоснованно низводят-

¹ Этот вопрос признает важным и затрагивает в своих работах академик В.В. Наумкин.

² «Пока вожди-заимы, – писал М. Джонсон, – находились в согласии по фундаментальным “правилам игры”, буржуазный строй в целом поддерживался. На кратких исторических промежутках эта система была весьма эффективной, сочетая в себе квази-бюрократическую организацию политических механизмов с манипуляцией лояльности таких статусных групп, как семей, нотаблей, кабадаев, кварталов и конфессий». См.: Johnson M. *Class and Client*... P. 220.

ся при таком подходе до одного из аспектов социальных связей, безотносительно вопроса вероисповедания.

Незаслуженно обойденным вниманием является огромный пласт разработок в области теории социальных движений. Эта методологическая парадигма с успехом применялась к разным сообществам арабского мира, например, магрибинским и египетским исламистам¹. С учетом транснациональной боевой активности многих ближневосточных исламистских групп, видимо, назрела потребность применения этих теорий к странам Машрика.

В качестве весьма перспективного подхода к описанию межконфессиональной конкуренции и даже конфликтности может быть предложен миметический метод. Глубокий антрополог и религиовед Рене Жирар выносил конкуренцию социальных групп в область символического². Эта теоретическая посылка оказывается особенно работающей в применении к сегментам, действия которых обусловлены религиозным сознанием. Миметический метод может, под своим особым углом зрения, описывать конкуренцию (в том числе политическую) конфессиональных общин. Казалось бы, далекий от практики подход способен, тем не менее, служить поиску гармонизирующих решений. В частности, миметическая деконструкция логически приводит к целесообразности выявления общего объекта сопротивления, снимающего на время внутреннее социальное напряжение (миметическое соперничество). А это значит перенесение акцентов анализа с внутренних и особенно внешних конфликтогенных факторов на внешние объекты коллективного действия социальных сегментов, дока-

---

¹ Kurzman, Charles. *Social Movement Theory and Islamic Studies // Islamic Activism: A Social Movement Theory Approach* / ed. by Quintan Wiktorowicz. Bloomington – Indianapolis: Indiana University Press, 2004. P. 294–295.

² Он писал, что в определенный момент «люди оказываются настолько одержимы своими соперниками, что теряют из виду предмет борьбы и концентрируют все свое внимание и весь свой гнев друг на друге. И поскольку заимствование объекта чужого желания уступает место заимствованию ненависти конкурента в борьбе за этот объект, мимесис обладания уступает место мимесису антагонизма». См.: Жирар, Рене. *Миф ли Евангелие?* / Пер. с англ. А. Фоменко. URL: <http://art1.ru/shkola/mif-li-evangelie-1>.

завшее в истории свое консолидирующее влияние на общегосударственном уровне¹.

Очень существенным следует признать социокультурное направление исследований межконфессиональных отношений. Речь идет не столько о сравнительном анализе общинных культур и возможности сближения их политических аспектов, сколько об общенациональных трендах развития политической культуры, форматах их демократической регуляции. Интересные идеи в этом направлении продвигал отечественный философ и культуролог В.А. Подорога, определяя политическое как относящееся более всего к «стратегии знания»². Особенно актуально такое направление получает в связи с небывало широкой протестной волной в Ливане 2019–2020 гг., фактически захлебнувшейся под разобщающими действиями «традиционных» (конфессиональных) ливанских партий. Основное требование протестующих – деконфессионализации ливанской политики – было не в последнюю очередь нивелировано стратегией «нового знания» (форматирования информационно-коммуникативного пространства), позволившей политической культуре остаться на прежних «консоциальных» позициях³, а старому политическому клубу сохранить свои активы.

¹ См., например, выше подраздел о влиянии на сирийское и ливанское общества известий о Победе 1945 г.

² Например, рассуждая о Франции после событий 1968 г. он писал: «...размежевание культурного пространства нарастает, начинает влиять на систему высшей школы, массовые коммуникации и стратегии образования... Теперь не традиционное университетское образование открывает доступ в высшие эшелоны власти, а то, что получено в “больших школах” (Высшая административная школа (ЭНА) и Высшая политехническая школа). Эти школы дают не столько знания, сколько умение властвовать; они готовят чистых функционеров политической и промышленной бюрократии. Правящая власть не только быстро восстановила утраченные позиции, но и намного улучшила их». (Подорога В.А. Апология политического. М.: ГУ ВШЭ, 2010. С. 272–273).

³ Да и само протестное движение так и не предложило новой модели взаимодействия между общинами на поле политического участия. Оно не выдвинуло ни нового исторического субъекта, ни новой концепции соучастия в рамках государства столь разных общинных культур. Другой русский философ, В.В. Бибихин, говорил еще в 1989 г.: «Называя общину, общество миром, наш язык ставит опыт мира в связь с нашим отношением к другим людям... Почему присутствие другого, с которым я не обязательно согласен, только и делает возможным опыт согласия? Язык, называющий общину и общество миром, заставляет думать о том, что крики улицы и рынка не только не мешают согласию, но наоборот, оказываются условием для него, – если его искать там, где оно по-настоящему только и может быть, в событии мира». (Бибихин В.В. Мир. Томск: Водолей, 1995. С. 125–126). Не подходит ли эта мысль под философское обоснование «консоциации»? В любом случае, ощущается недостаток

Развивающиеся в XXI в. явления в сирийском и ливанском социумах продолжают нуждаться в пристальном внимании к межконфессиональным отношениям. Их анализ может осуществляться в подмеченных или каких-то иных направлениях, но должен вестись вкупе с процессами в смежных областях общественной жизни – политической, культурной, идейной, экономической и, конечно, религиозной, что особенно востребовано в связи с усилившейся интернационализацией и экуменизацией ближневосточных конфессий. Продолжение же исследований нашей темы в историческом ключе насущно и, по всей вероятности, будет оставаться высоко актуальным в ближайшей перспективе.

спокойной и вдумчивой рефлексии концепций этого ряда со стороны самих ливанских мыслителей – пусть и в условиях современного тяжелого кризиса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ:

Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 2 «Посольство СССР в Ливане». Оп. 11. П. 8. Д. 14 «Ноты МИД Ливана в Посольство СССР в Ливане», 1957 г. 125 л.

АВПРФ. Ф. 2 «Посольство СССР в Ливане». Оп. 10. П. 7. Д. 14 «Ноты МИД Ливана в Посольство СССР в Ливане», 1956 г. 68 л.

АВПРФ. Ф. 2 «Референтура по Ливану». Оп. 14/А. П.16.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 4, 84, 258.

Архив ТАСС, ИВ РАН.

Archiv für Zeitgeschichte der ETH Zürich (AZGZ). NL Guido Keel 6.2 Politische Berichte.

AZGZ. Neue Zürcher Zeitung (NZZ) Archive, Zürich.

ИНТЕРНЕТ-АРХИВЫ ПО ПОДПИСКЕ

UK Foreign Office, Commonwealth Office.

UK House of Lords Hansard.

UK House of Commons Hansard.

Archives fédérales suisses, Berne. Diplomatiscbe Dokumente der Schweiz, 1848–1945. Band 15 (1943–1945), 1992; Band 16 (9.5.1945 bis 30.5.1947), 1997.

Digital National Security Archive (DNSA). The Kissinger Transcripts: A Verbatim Record of U.S. Diplomacy, 1969-1977.

DNSA. US Ministry of Defence.

DNSA. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1945. Vol. VIII: The Near East and Africa. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1969.

Schweizerisches Bundesarchiv, Bern. Politische Berichte und Briefe, Militärberichte.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1976 год / Сост. И.А. Кирилин, В.А. Калякина, Н.Ф. Потапова. М.: Международные отношения, 1977. 224 с.

СССР и арабские страны, 1917–1960: документы и материалы / МИД СССР. М.: Гос. изд. политической литературы, 1961.

Аль-‘ахд аль-ватани фи салас санават: 1944, 1945, 1946 (Трехлетний патриотический период: 1944–1946 гг.) / Аль-Джумхурия ас-сурийя, Визарат аль-а‘маль аль-‘амма ва-ль-мувасалят. Б.м., б.г.

Аль-васаик аль-арабийя (Арабские политические документы), 1971 / Лабиба Файад Абу Альван. Бейрут: Американский унив-т в Бейруте, 1972.

Cambridge Archive Edition (CAE). Near and Middle East Records of Syria, 1918–1973, 15 vols. / Ed. by Priestland, Jane; with a preface by Patrick Seale. Vol. 8: 1943–1945. Cambridge Archive Editions, 2005.

CAE. Minorities in the Middle East: Christian minorities, 1838–1967. Vol. 8: Greek Orthodox communities, Roman Catholic, Jacobite, Chaldean and Syrian Catholic communities in the Levant and Iraq, 1844–1955.

CAE. Minorities in the Middle East Christian minorities, 1838–1967. Vol. 9. Maronite communities in the Levant, 1841–1958.

CAE. Minorities in the Middle East: Muslim minorities in Arab countries, 1843–1973. Vol. 4: 1950–1973. Cambridge Archive Editions, 2005.

Chronology of International Events and Documents (Supplement to The World Today) / Royal Institute of International Affairs, Chatham House.

A Directory of British Diplomats / by Colin A. Mackie. Updated 1 August 2018. 1295 p.

Fiches du monde arabe (FMA). Sujets généraux – Politique/Religion. Тусаддир ‘ан викалят анба Аль-Машрик (издано информгентством Аль-Машрик). Beyrouth – Nicosie, 1979–1986.

République Française, Ministère des affaires étrangères. Rapport à la Société des Nations sur la situation de la Syrie et du Liban. Paris: Imprimerie nationale, 1926–1938.

Republic of Syria, Ministry of National Economy, Department of Statistics. Statistical Abstract of Syria, 1951. Damascus, 1952.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Синодос аль-асакифа. Аль-джамайя аль-хасса мин аджли Любнан, 26 тишрин ас-сани – 14 канун аль-авваль 1995: «Аль-Масих раджауна: би-рухихи натадждад, ва-маан ли-ль-махабба нашхуд» (Специальная ассамблея по Ли-

вану, 26 ноября – 14 декабря 1995 г.: «Христос – наша надежда: Его Духом мы обновляемся и любовью свидетельствуем»).

http://www.vatican.va/news_services/press/documentazione/documents/sinodo_indice_ar.html#15.%20Special%20Assembly%20for%20Lebanon%20-%201995.

Amnesty International. Lebanon: Human Rights Developments and Violations. 8 October 1997. P. 4. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/mde18/019/1997/en>.

Exhortation apostolique post-synodale “Une espérance nouvelle pour le Liban” de sa sainteté Jean-Paul II aux patriarches, aux évêques, au clergé, aux religieux, aux religieuses et à tous les fidèles du Liban. Beyrouth, le 10 mai 1997. URL: http://www.vatican.va/content/john-paul-ii/fr/apost_exhortations/documents/hf_jp-ii_exh_19970510_lebanon.html.

Message du saint-père Jean-Paul II aux Patriarches, Archevêques et Évêques catholiques du Liban. 1992. URL: http://www.vatican.va/content/john-paul-ii/fr/messages/pont_messages/1992/documents/hf_jp-ii_mes_19920620_clero-libanese.html.

Mystère de l’Eglise. Quatrième Lettre Apostoliques des Patriarches Catholiques d’Orient adressée à leurs fidèles, en Orient et dans la diaspora. Noël 1996. = Сирп аль-каниса. Ар-рисаля ар-ра‘уйя ли-батарика аш-шарк аль-католик. Маджлис аль-батарика аш-шарк аль-католик. Милад, 1996. URL: <https://www.lpj.org/fr/4eme-lettre-pastorale-patriarches-catholiques-dorient-je-suis-vigne-vous-sarments>.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке:

Абу Зейд, Амаль. Что будет с Сирией, если ее поделят на зоны реконструкции? // *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*, 19.02.2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriya-rekonstruktsiya> (дата обращения: 28.02.2019).

Агамбен, Джорджо. Что такое повелевать? / Пер. с итал. Б. Скуратова. М.: Грюндриссе, 2013. 72 с.

Алиева С. Палестинское движение сопротивления и арабские страны (1964–1976 гг.) / *Специальный бюллетень*, 1986, № 4; ИВ АН СССР; науч. ред. В.И. Носенко. М.: Наука, 1986. 180 с.

Аль-Ахмар, Абдалла. Религиозная проблематика сквозь призму идеологии Партии арабского социалистического возрождения. (Пер. с араб. А.В. Сарабьев) // *Религия и общество на Востоке*. Вып. I, 2017. С. 221–256.

Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (История, экономика и политика). Вып. 4 / Отв. ред. Б.Г. Сейранян, И.М. Смилянская, А.О. Филоник. М.: ИВ РАН, 2000. 360 с.

Арабский мир в конце XX века (Мат-лы I конференции арабистов Института востоковедения РАН) / отв. ред. Б.Г. Сейранян, А.О. Филоник. М.: ИВ РАН, 1996. 212 с.

Бакланов А.Г. Пирамида Насера. Президент и его время. М.: МБА, 2017. 196 с.

Беляев И.П., Примаков Е.М. Египет: время президента Насера. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1981.

Беляков В.В. Проблема единства Палестинского движения сопротивления // Специальный бюллетень (ИВ АН СССР), № 9 (172). М.: Наука, 1975. С. 130–138.

Беренкова Н.А. Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока // *Религия и общество на Востоке*. 2018, Вып. II. С. 113–135.

Бернанос, Жорж. Свобода... для чего? / под ред. и с предисл. П. Жилия; пер. с франц. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2014. 285 с.

Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: АСТ, 2013. 285 с.

Бибихин В.В. Мир. Томск: Водолей, 1995. 144 с.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П. М. Кудюкина; под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.

Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют / Пер. с англ. В. Анурина. СПб.: Питер, 2005. 461 с.

Гринин Л.Е., Крадин Н.Н., Коротаев А.В. О методах исторического исследования // Теория и методология истории / Отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С. 386–408.

Гуди, Джек. Похищение истории / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2015. 430 с.

Демченко А.В. Клань в политической жизни сектора Газа // *Религия и общество на Востоке*. Вып. II (2018). С. 14–46.

Дорошенко Е. К вопросу об экспорте «исламской революции» (теория и практика) // Специальный бюллетень, 1984, № 1 (229); ИВ АН СССР; науч. ред. А.З. Арабаджян, Л.Е. Склярлов. М.: Наука, 1984. С. 136–145.

Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М.: ИВ РАН, 1998. 240 с.

Дюссо, Рене. История и религия нусайритов / Отв. ред. и предисл. В.Н. Саутов и В.В. Наумкин; пер. с фр. яз. В.Я. Порхомовский, при участии О.Н. Арсеньева; пер. с араб. яз. Д.В. Макаров; науч. ред. А.В. Сарабьев. М.: ИВ РАН. (в печати). С. 96.

Жиран, Рене. Миф ли Евангелие? / Пер. с англ. А. Фоменко. URL: <http://art1.ru/shkola/mif-li-evangelie-1>.

Звягельская И.Д. Ближневосточный клинч: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс, 2014. 204 с.

Звягельская И.Д. Конфликты на Ближнем Востоке: тенденции и игроки // *Восток (Oriens)*, 2017, № 3. С. 16–24.

Иваненко В. Влияние религии на боеспособность армий АРЕ и Сирии // Политическая роль армий в «третьем мире». Специальный бюллетень, № 12 (151), 1973 / науч. ред. Б.Г. Сапожников; ИВ АН СССР. М.: Вост. лит., 1973. С. 47–72.

Иванов С.А. Межарабская политика Сирии в свете проблем Ближневосточного конфликта (1963–1984) (в 2-х кн.) / Отв. ред. Г.И. Мирский; ИМЭМО АН СССР. М., 1986. 458 с.

Игнатенко А. Исламский фундаментализм в арабских странах (к выработке типологии) // Специальный бюллетень, 1989, № 4 (261); ИВ АН СССР; отв. ред. В.В. Наумкин, С.Х. Кямилев. М.: Наука, 1989. С. 3–10.

Игнатенко А.А. Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М.: Наука, 1988. 207 с.

Ионов И.Н. Формы исторической памяти и проблемы идентификации // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с.

Ионова А.И. Традиционализм: значение и тенденции преломления в мусульманском реформаторстве и национализме // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока: (Сборник статей) / ИВ АН СССР. М.: Наука, 1986. С. 41–58.

Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока / ИВ АН СССР. М.: Вост. лит., 1986. 238 с.

История международных отношений. В 3 т. / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского; МГИМО(У) МИД России. Т. III: Ялтинско-Потсдамская система. М.: Аспект-Пресс, 2012.

Кареев Н.И. Теория исторического знания. Изд. 2-е. М.: Красанд, 2010. 328 с.

Кепель, Жиль. Джихад: Экспансия и закат исламизма / Пер. с фр. В.Ф. Денисова, науч. ред. А.В. Кудрявцев. М.: Ладомир, 2004. 468 с.

Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Халифатизм в панисламском идейном наследии: трансрегиональное измерение // *Восток (Oriens)*, 2020, № 2. С. 85–95.

Корм, Жорж. Религиозный вопрос в XXI веке: геополитика и кризис постмодерна. М.: ИОИ, 2012. 288 с.

Коровиков А. Исламский терроризм в Ливане и внешней фактор // Специальный бюллетень, 1989, № 4 (261); ИВ АН СССР; отв. ред. В.В. Наумкин, С.Х. Кямилев. М.: Наука, 1989. С. 37–44.

Косач Г.Г. Саудовская Аравия: «религиозное государство» или «государственная религия» // *Религия и общество на Востоке*. Вып. I (2017). С. 7–50.

Косач Г.Г. ХАМАС: национальное движение в религиозном обрамлении // *Свободная мысль*, 2020, № 1. С. 79–92.

Кузнецов В.А. После постмодерна: ближневосточное измерение одного тренда // *Восток (Oriens)*, 2017, № 3. С. 25–37.

Кузнецов В.А. Постсекулярный век неомодерна. Ближневосточный извод // *Государство, Религия, Церковь*. № 3 (35), 2017. С. 85–111.

Ланда Р.Г. История Ливана. XX век. М.: ИВ РАН, 2016. 276 с.

Ланда Р.Г. Ливан в годы Второй мировой войны // *Восток-Oriens*, 2015, № 3. С. 64–65.

Ле Гофф Ж. Стоит ли резать историю на куски? / Пер. с франц. М.Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2018. 188 с.

Ливан: надломленный конфессионализм // *Ближний Восток: политика и идентичность* / под ред. И.Д. Звягельской; ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. М.: Аспект-Пресс, 2020. С. 188–196.

Ливанское общество глазами маронитского патриарха Булоса Меуши: два донесения швейцарских послов в Бейруте. (Подготовка к публикации, перевод с французского и немецкого, комментарии А.В. Сарабьева) // *Религия и общество на Востоке*. 2019, Вып. III. С. 328–353.

Луконин Ю.В. Борьба народов Сирии и Ливана за вывод иностранных войск (1945–1946) // *Очерки по истории арабских стран*. М.: МГУ, 1959. 253 с.

Люсин С.Г. Роль шиитского движения в общественно-политической жизни современного Ирака // *Арабский мир в конце XX века*. М.: ИВ РАН, 1996. С. 41.

Майнер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика 1941–1945. М.: РОССПЭН, 2010. (История сталинизма). С. 406

Малышева Д.Б. Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских стран (70–80-е годы) / Отв. ред. Г.И. Мирский. М.: Наука, 1986. 229 с.

Мамедова Н.М. Межконфессиональные отношения в Иране и их влияние на ситуацию в регионе // *Ученые записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки*, 2017. Т. 159, кн. 6. С. 1509–1517.

Мегилл, Аллан. Послесловие к русскому изданию // Доманска, Эва. Философия истории после постмодерна: [Интервью с Х.Уайтом, Ф. Анкерсмитом, Е. Топольски, Й. Рюзенном и др.] / Пер. с англ.; ИФ РАН. М.: Канон+, 2010. 400 с.

Налимов В.В. Облик науки. СПб. М.: Центр гуманитарных инициатив, МБА, 2010. 368 с.

Наумкин В.В. Египетские исламисты в конце 80-х годов // *Специальный бюллетень*, 1989, № 4 (261); ИВ АН СССР; отв. ред. В.В. Наумкин, С.Х. Кямилев. М.: Наука, 1989. С. 103–114.

Наумкин В.В. Кризис на Ближнем Востоке: внешнее вмешательство и разгул экстремизма // *Валдайские записки*, № 3, ноябрь 2014.

Наумкин В.В. Предисловие // Делонг-Ба, Натана. Реформы Мухаммада Ибн Абд аль-Ваххаба и всемирный джихад / Пер. с англ. А.А. Филиппова, отв. ред. В.В. Наумкин. М.: Ладомир, 2010. С. 5–11.

Наумкин В.В. Территориальное и демографическое «упорядочивание»: ближневосточные вызовы // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 6. С. 67–80.

Нотин А.И. Борьба коммунистических партий Сирии и Ирака за Национально-прогрессивный фронт (70–80-е годы) / *Специальный бюллетень*, № 5 (249); ИВ АН СССР. М.: Вост. лит., 1987. С.161, сн. 11.

Нотин А.И. О некоторых аспектах религиозно-конфессиональной ситуации в Сирии и деятельности исламской оппозиции // *Специальный бюллетень*, 1989, № 4 (261); ИВ АН СССР; отв. ред. В.В. Наумкин, С.Х. Кямилев. М.: Наука, 1989. С. 45–54.

Остин, Джон. Как совершать действия при помощи слов // *Избранное* / пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 15–137.

Пакрадуни, Карим. Неудавшийся мир: мандат Ильяса Саркиса (1876–1982) / пер. с фр. М.: Прогресс, 1987.

Пир-Будагова Э.П. История Сирии, XX век / Отв. ред. А.О. Филоник. М.: ИВ РАН, 2015. 392 с.

Пир-Будагова Э.П. Некоторые особенности религиозной оппозиции в Сирии в 70–80-е годы // *Специальный бюллетень*, 1989, № 4 (261); ИВ АН СССР; отв. ред. В.В. Наумкин, С.Х. Кямилев. М.: Наука, 1989. С. 55–72.

Пир-Будагова Э.П., Гасанов Т.Б. Ислам в идеологии Партии арабского социалистического возрождения // *Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока*. М.: Вост. лит., 1986.

Пластун В.Н. Изнанка Афганской войны 1979–1989 гг.: Дневниковые записи и комментарии участника / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2016. 756 с.

Подорога В.А. Апология политического. М.: ГУ ВШЭ, 2010. – (Политическая теория). 288 с.

Примаков Е.М. История одного сговора: (Ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х годов). М.: Политиздат, 1985. 319 с.

Примаков Е.М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: Российская газета, 2006.

Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М.: Восточная литература, 2004.

Раванди-Фадаи Л.М., Филин Н.А. Прошлое и настоящее религиозного наставничества в шиитском исламе / РГГУ, ИВ РАН; отв. ред. А.В. Сарабьев. М., 2017. 240 с.

Родионов М.А., Сарабьев А.В. Марониты: традиции, история, политика / Рук. проекта В.В. Наумкин; отв. ред. В.Н. Саутов, А. Абу Зейд. М.: ИВ РАН, 2013. 500 с.

Рыжов И.В., Бородина М.Ю., Савичева Е.М. Основные проблемы региональной безопасности на Ближнем Востоке // *Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки*. № 1. 2021. С. 48–55.

Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке- взаимодействие региональных и глобальных тенденций // *Вестник РУДН, серия Международные отношения*, 2014, № 3. С. 14–21.

Сапронова М.А., Орлов В.В. «Колониальное наследие» в алжиро-французских отношениях: проклятие прошлого или надежда на будущее? // *История*, 2020, Т. 11, № 12 (98). С. 12–34.

Сапронова М.А. Протестные выступления 2011 г. в странах Магриба: причины, особенности, последствия // *Социальный протест на современном*

Востоке (Коллективная монография) / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 43–65.

Сапронова М.А. Электоральный процесс после «арабской весны» (модификация государственных институтов в арабских странах на примере Алжира, Египта, Ливии, Марокко, Сирии, Туниса). М.: ИБВ, 2015. 196 с.

Саутов В.Н. Алавиты в общественно-политической жизни Сирии (40-е – 90-е годы XX в.) / Диссертация ... к.и.н.; Ин-т востоковедения РАН. М., 2001. 212 с.

Саутов В.Н. Исторические вехи алавитской общины независимой Сирии. Институционализация и реформа // *Ориенталистика*, 2021. (В печати)

Саутов В.Н. Сирийские алавиты в новейшее время // *Арабский мир в конце XX века: Материалы I конференции арабистов Института востоковедения РАН*. М.: ИИИБВ, 1996. С. 63–79.

Сейранян Б.Г. Эволюция социальной структуры стран Арабского Востока. Земельная аристократия в XIX в. – 60-е годы XX в. / ИВ РАН. Изд. 2-е, испр.; отв. ред. А.В. Сарабьев. М.: ИВ РАН, 2018. 420 с.

Семёновых В. Проиранские экстремистские организации Ливана // *Специальный бюллетень*, 1989, № 4 (261); ИВ АН СССР; отв. ред. В.В. Наумкин, С.Х. Кямилев. М.: Наука, 1989. С. 18–36.

Сирия: патриотическая идентичность как лекарство от конфессионализма // *Ближний Восток: политика и идентичность* / под ред. И.Д. Звягельской; ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. М.: Аспект-Пресс, 2020. С. 171–176.

Следзевский И.В. Борьба за истинную веру: религиозная революция в Черной Африке // *Религия и общество на Востоке*. Вып. IV (2020). С. 127–161.

Следзевский И.В. Десекуляризация мирового сообщества как источник напряженности в международных отношениях и мировой политике // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018, Т. 11, № 4. С. 30–45.

Смилянская И.М. Крестьянское движение в Сирии и Ливане в первой половине XIX в. М.: Наука, 1965. 227 с.

Стюарт, Филип Д. Миротворчество в Израиле: на пути к открытому обществу в условиях устойчивой демократии // *Религия и общество на Востоке*. Вып. IV (2020). С. 162–183.

Судьбы социалистической ориентации в арабском мире / ИВ АН СССР. М.: Вост. лит., 1983. 812 с.

Тимофеев И.В. «Среди серых стен и горячей пыли...» Хроника ливанской трагедии. М.: Молодая гвардия, 1984. 127 с.

Тимофеев И.В. Камаль Джумблат. М.: Прогресс, 2003. 496 с.

Труевцев К.М. Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности / Отв. ред. В. А. Кузнецов; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020. 370 с.

Февр, Люсьен. Бои за историю / Пер. с франц. М.: Наука, 1991. – (Памятники исторической мысли). 630 с.

Филин Н.А. Конфликт старых и новых религиозных форм в политической жизни Ирана после исламской революции 1979 г. // *Власть*, 2017. № 11. С. 107–110.

Филоник А.О. Некоторые итоги эволюции социальной структуры Сирии // *Специальный бюллетень*, № 2 (273), 1991; ИВ АН СССР; науч. ред. Б.Г. Сейранян. М.: Наука, 1991. С. 25.

Филоник А.О., Тегин Ю.Л. Религиозно-политический экстремизм в Сирии: предпосылки и развитие // *Современный ислам: проблемы политики и идеологии*. Вып. 2. М., 1984. С. 25.

Фурсенко А.А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущева. Тайная история противника Америки / Пер. с англ. О. Щелоковой, Т. Веденеевой. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 738 с.

Фурсов А.И. Операция «Ориентализм» / Доклад на конф. «“Геном” Востока: опыты и междисциплинарные возможности», Москва, 12-14 апреля, 2004 г. М.: Гуманитарий, 2004. 55 с.

Хабермас, Юрген. Между натурализмом и религией: Философские статьи / Пер. с нем. М.: Весь мир, 2011. 336 с.

Хлебникова Л.Р. Роль США и Израиля на начальном этапе «чужой войны» в Ливане (1975–1978) // *Вестник Московского ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*, 2016. № 4. С. 171–203.

Цивилизационная структура современного мира. В 3 т. Под ред. Ю.Н. Пахомова и Ю.В. Павленко. Т.2. Макрохристианский мир в эпоху глобализации / ИМЭМО НАНУ. Киев: Наукова думка, 2007. 693 с.

Шестаков А. Экспорт Ираном идей «исламской революции» в страны Арабского Востока (внешнеполитическая функция КСИР // *Специальный бюллетень*, 1984, № 1 (229); ИВ АН СССР; науч. ред. А.З. Арабаджян, Л.Е. Складоров. М.: Наука, 1984. С. 146–166.

Эспань, Мишель. История цивилизаций как культурный трансфер / пер. с франц.; под общ. редакцией Е.Е. Дмитриевой; вступ. статья Е. Е. Дмитриевой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. – (Серия «Интеллектуальная история»). 816 с.

Яковлев А.И. Фейсал: король-реформатор. М.: Рос. центр стратег. и междун. иссл., 1999. 224 с.

На европейских языках:

Abd-Allah, Umar F. The Islamic Struggle in Syria. Berkeley, 1983. P. 201–267.

Abu Izzeddin, Nejla M. The Druzes: A New Study of their History, Faith and Society. Leiden: Brill, 1984. 259 p.

AbuKhalil, As'ad. Druze, Sunni and Shiite Political Leadership in Present-Day Lebanon // *Arab Studies Quarterly*, Fall 1985, Vol. 7, No. 4: The Realignment of Power in Lebanon: Internal and External Dimensions. P. 28–58.

Abukhalil, Asad. Syria and the Shiites: Al-Asad's Policy in Lebanon // *Third World Quarterly*, Vol. 12, No. 2, Apr. 1990. P. 1–20

Abu-Rabi', Ibrahim M. Contemporary Arab Thought: Studies in Post-1967 Arab Intellectual History. London: Pluto Press, 2003. 485 p.

Adwan, Charles. Corruption in Reconstruction: The Cost of National Consensus in Post-War Lebanon // *Corruption in Post-War Reconstruction: Confronting the Vicious Cycle*. Ed. by D. Large. Beirut, 2005. P. 56–80.

Aldrich, Richard; Coleman, Michael. The Cold War, the JIC and British Signals Intelligence, 1948 // *Intelligence and National Security*, 1989, Vol. 4, No. 3. P. 535–549.

Ashcroft, Bill. Post-Colonial Transformation. London – New York: Routledge, 2001. 249 p.

Aulas, Marie-Christine. The Socio-Ideological Development of the Maronite Community. The Emergence of the Phalanges and the Lebanese Forces // *Arab Studies Quarterly*, Vol. 7, No. 4: The Realignment of Power in Lebanon: Internal and External Dimensions. Fall 1985. P. 1–27.

Avon, Dominique; Khatchadourian, Anaïs-Trissa. Hezbollah: A History of the “Party of God” / Transl. by J.M. Todd. Cambridge – London: Harvard University Press, 2012. 244 p.

Azhari, Naaman. L'Evolution du système économique libanais (ou la fin du *laissez faire*). Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1970. 134 p.

Azzi, Joseph. Les nousairites-alaouites (histoire, doctrine et coutumes). Paris: Publisud, 2002. 105 p.

Bahout, Joseph. Lebanon at the Brink: The Impact of the Syrian Civil War // *Middle East Brief* (Brandeis Univ.), No. 76, Jan. 2014. 7 p.

Balanche, Fabrice. The Alawi Community and the Syria Crisis / Middle East Institute, May 14, 2015. URL: <http://www.mei.edu/content/map/alawi-community-and-syria-crisis>.

Baroudi, Sami E. Sectarianism and Business Associations in Postwar Lebanon // *Arab Studies Quarterly*, Vol. 22, No. 4, Fall 2000. P. 81–107.

Baroudi, Sami; Tabar, Paul. Spiritual Authority versus Secular Authority: Relations between the Maronite Church and the State in Postwar Lebanon: 1990–2005 // *Middle East Critique*, Vol. 18, No. 3, Autumn 2009. P. 195–230.

Batatu, Hanna. Some Observations on the Social Roots of Syria's Ruling, Military Group and the Causes for Its Dominance // *Middle East Journal*, Vol. 35, No. 3, Summer 1981. P. 331–344.

Batatu, Hanna. Syria's Peasantry, the Descendants of Its Lesser Rural Notables, and Their Politics. Princeton University Press, 1999. 414 p.

Bennett, Anne. Reincarnation, Sect Unity, and Identity among the Druze // *Ethnology* (Univ. of Pittsburgh). Vol. 45, No. 2 (Spring, 2006). P. 87–104.

Beydoun, Ahmad. Identité confessionnelle et temps social chez les historiens libanais contemporains. Beyrouth: l'Université libanaise, 1984. – (Publications de l'Université libanaise: Section des études philosophiques et sociales, Tome 15). 610 p.

Beydoun, Ahmad. Le Liban: itinéraires dans une guerre incivile. Paris: Karthala; Amman: Cermoc, 1993. – (Collection «Hommes et Sociétés») 236 p.

Blanford, Nicholas. The Seven Villages, another Lebanese-Israeli complication // *Daily Star*, Aug. 25, 2009. URL: <https://www.dailystar.com.lb/Opinion/Commentary/2009/Aug-25/117967-the-seven-villages-another-lebanese-israeli-complication.ashx>.

Boneschi, Paulo. Une fatwa du Grande Mufti de Jerusalem Muhammad Amin al-Husayni sur les Alawites // *Revue de l'histoire des religions*, Vol. 122, No. 1 (July–August 1940). P. 42–54; No. 2–3 (September–December 1940). P. 134–152.

Butter, David. A sect with its back to the wall // *The World Today* (Chatham House), Vol. 68, No. 5, August–September 2012. P. 28–30.

Byrd, Dustin J. Post-Secularity and Its Discontents: The Barbaric Revolt against Barbarism // *Islam in a Post-Secular Society. Religion, Secularity and the Antagonism of Recalcitrant Faith*. London: Brill, 2017. P. 202–281.

Çakmak, Cenap; Ustaoglu, Murat. Post-Conflict Syrian State and Nation Building: Economic and Political Development. Palgrave Macmillan, 2015. 113 p.

Camera d'Afflitto, Isabella. Note sulla rivista *al-Muslimūn*: Analisi di alcuni temi della pubblicistica dei Fratelli Musulmani // *Oriente Moderno*, Anno 57, Nr. 5–6, Maggio-Giugno 1977. P. 260–261.

Cammett, Melani. *Compassionate Communalism: Welfare and Sectarianism in Lebanon*. Ithaca – London: Cornell University Press, 2014. 315 p.

Carré, Olivier; Michaud, Gérard. *Les Frères musulmans: Egypte et Syrie (1928–1982)*. Paris: Gallimard – Julliard, 1983. – (Collection Archives). 234 p.

Chaitani, Youssef. *Post-Colonial Syria and Lebanon: The Decline of Arab Nationalism and the Triumph of the State / fasc. and profounded by Patrick Seale*. London – New York: Tauris, 2007. 210 p.

Chamie, Joseph. *Religion and Fertility: Arab Christian-Muslim Differentials*. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 1981. 131 p.

Chamie, Joseph. *Religious Differentials in Fertility: Lebanon, 1971 // Population Studies, Vol. 31, No. 2, Jul. 1977. P. 365–382.*

Chamie, Joseph. *The Lebanese Civil War: An Investigation Into the Causes // World Affairs, Vol. 139, No. 3, Winter 1976/77. P. 171–188.*

Chamoun, Camille. *Mémoires et souvenirs du 16 juillet 1977 au 24 décembre 1978*. Beyrouth: Imprimerie Catholique, 1979. 424 p.

Chamussy, René. *Chronique d'une guerre: Liban 1975–1977*. Paris: Desclée. 1978. 280 p.

Chidiac, Edmond. *Les intérêts communs syro-libanais (1920–1950) // France, Syrie et Liban 1918–1946 / Ed. by Nadine Méouchy*. Paris: Presses de l'Ifpo, 2002. P. 266–267

Christians in Northern Lebanon Report Repulse of Leftist Attack // New York Times, July 7, 1976. P. 3. <https://www.nytimes.com/1976/07/07/archives/christians-in-northern-lebanon-report-repulse-of-leftist-attack.html>.

Crosby, Faye. *Relative Deprivation Revisited: A Response to Miller, Bolce, and Halligan // The American Political Science Review, Vol. 73, No. 1, Mar. 1979. P. 103–112.*

D'Ambrosio, Conchita; Frick, Joachim R. *Income Satisfaction and Relative Deprivation: An Empirical Link // Social Indicators Research. 2007. No. 81. P. 497–519.*

Dagher, Carole H. *Bring Down the Walls: Lebanon's Post-War Challenge*. Basingstoke: Palgrave, 2000. 248 p.

Dagher, Carole. *Le Liban à la croisée du repli et de l'ouverture inter-communautaire // Confluences Méditerranée, Printemps 1993, No. 6. P. 86–95.*

De Bar, Luc-Henri. *Les Communautés confessionnelles du Liban*. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1983. 240 p.

Deeb, Marius. *Militant Islamic Movements in Lebanon: Origins, Social Basis, and Ideology / Occasional Papers Series*. Center for Contemporary Arab Studies, Georgetown University, 1986. 27 p.

Deeb, Marius. *Shia Movements in Lebanon: Their Formation, Ideology, Social Basis, and Links with Iran and Syria // Third World Quarterly*, Vol. 10, No. 2, Islam & Politics, Apr., 1988. P. 683–698.

Deguilhém, Randi. *Turning Syrians into Frenchmen: The cultural politics of a French non-governmental organization in Mandate Syria (1920–1967): the French Secular Mission schools // Islam and Christian–Muslim Relations*, Vol. 13, No. 4, 2002. P. 459).

Developments of the Quarter: Comment and Chronology // Middle East Journal, Vol. 15, No. 2, Spring 1961. P. 195

Devlin, John F. *The Ba'th Party: Rise and Metamorphosis // The American Historical Review*, Vol. 96, No. 5, Dec. 1991. P. 1396–1407.

Di Peri, Rosita. *Stretching the Margins: Identity, power and new “frontiers” in Lebanon’s Maronite community // Mediterranean Politics*, 2019. P. 1–19. Doi:10.1080/13629395.2019.1681732.

Diener, Ed; Inglehart, Ronald; Tay, Louis. *Theory and Validity of Life Satisfaction Scales // Social Indicators Research*. July 2013. Vol. 112, No. 3. P. 497–527.

Ditton, Jason; Brown, Richard. *Why Don't They Revolt? 'Invisible Income' as a Neglected Dimension of Runciman's Relative Deprivation Thesis // The British Journal of Sociology*. Dec., 1981. Vol. 32, No. 4. P. 521–530.

Drysdale, Alasdair. *The Syrian Political Elite, 1966–1976: A Spatial and Social Analysis // Middle Eastern Studies*, Vol. 17, No. 1, Jan., 1981. P. 3–30.

Dukhan, Haian. *State and Tribes in Syria Informal Alliances and Conflict Patterns / Ed. by R. Hinnebusch; Centre for Syrian Studies, Univ. of St. Andrews. London – New York: Routledge, 2019. 173 p.*

Dumont, Gérard-François. *L'Irak face aux questions religieuses et ethniques // Géostratégiques*. Avril 2015, No. 44. P. 13–37.

Dylan, Huw. *Defence Intelligence and the Cold War: Britain's Joint Intelligence Bureau, 1945–1964*. Oxford University Press, 2014. P. 49.

Egiegba Agbibo, Daniel. *Why Boko Haram Exists: The Relative Deprivation Perspective // African Conflict and Peacebuilding Review*. Spring 2013. Vol. 3, No. 1. P. 144–157.

El Khazen, Farid. *Lebanon's First Postwar Parliamentary Election, 1992: An Imposed Choice*. URL: <https://lib->

webarchive.aub.edu.lb/BorreLudvigsen/https://almashriq.hiof.no/ddc/projects/pspa/lections92-part2.html#table-11.

El-Khazen, Farid. *The Breakdown of the State in Lebanon, 1967–1976*. London, New York: Tauris, 2000. 232 p.

Entelis, John P. Belief-System and Ideology Formation in the Lebanese Kata'ib Party // *International Journal of Middle East Studies*, Vol. 4, No. 2, 1973. P. 148–162.

Entelis, John Pierre. *Pluralism and Party Transformation in Lebanon: Al-Kata'ib, 1936–1970*. Leiden: Brill, 1974. 227 p.

Faksh, Mahmud A. The Alawi Community of Syria: A New Dominant Political Force // *Middle Eastern Studies*, Vol. 20, No. 2, April 1984. P. 133–153.

Faruki, Kemal A. The National Covenant of Lebanon: its genesis // *Pakistan Horizon*, Vol. 27, No. 3 (Third Quarter, 1974). P. 19–31.

Feener, R. Michael; Daly, Patrick. Religion and Reconstruction in the Wake of Disaster // *Asian Ethnology* (Nanzan University), 2016, Vol. 75, No. 1, Special Issue: Salvage and Salvation: Religion and Disaster in Asia. P. 191–202.

Firro, Kais M. Lebanese Nationalism versus Arabism: From Bulus Nujaym to Michel Chiha // *Middle Eastern Studies*, Sep. 2004, Vo. 40, No. 5. DOI: 10.2307/4289939. P. 1–27.

Firro, Kais M. The Druze Faith Origin, Development and Interpretation // *Arabica* (Brill). 2011, T. 58, Fasc. 1/2: Les Nusayris et les Druzes: deux communautés ésotériques à la périphérie doctrinale de l'Islam. P. 76–99.

Firro, Kais. *A History of the Druzes*. Leiden – New York – Koeln: Brill, 1992. 396 p.

Gemayel, Pierre. Lebanese Nationalism and its Foundations: The Phalangist Viewpoint // *Political and Social Thought in the Contemporary Middle East* / ed. by Kemal H. Karpat. New York: Praeger, 1968. P. 107–114.

Gendzier, Irene. US Perceptions from Lebanon, 1945–1947: “No Forum for the Lebanese People” // *Middle East Report* (MERIP), Jan. – Feb., 1990, No. 162: Lebanon's War. P. 35.

Ghosn, Fateh; Khoury, Amal. Lebanon after the Civil War: Peace or the Illusion of Peace? // *Middle East Journal*, Vol. 65, No. 3, Summer 2011. P. 381–397.

Gilmour, David. *Lebanon: The Fractured Country*. Oxford: Martin Robertson, 1983. 209 p.

Glock, Charles Y. On the Origin and Evolution of Religious Groups // *Religion in Sociological Perspective: Essays in the Empirical Study of Religion* / Ch.Y. Glock (ed.). Belmont, CA: Wadsworth, 1973. P. 207–220.

Glock, Charles Y. Origine et évolution des groupes religieux // *Archives de sociologie des religions*, 8-e année, No. 16, Jul. – Dec. 1963. P. 29–38.

Graziano, Manlio. The Long Crisis of the Nation-State and the Rise of Religions to the Public Stage // *Philosophy and Social Criticism* (Sage Publ.), 2016, Vol. 42, No. 4–5.

Gubser, Peter. Minorities in Power: The Alawites of Syria // *The Political Role of Minority Groups in the Middle East* / ed. By R.D. McLaurin. New York, 1979.

Gubser, Peter. The ‘Zu‘amā’ of Zaḥlah: The Current Situation in a Lebanese Town // *Middle East Journal*, Vol. 27, No. 2, Spring, 1973. P. 173–189.

Gurney, Joan Neff; Tierney, Kathleen J. Relative Deprivation and Social Movements: A Critical Look at Twenty Years of Theory and Research // *The Sociological Quarterly*, Vol. 23, No. 1 (Winter, 1982). P. 33–47.

Gurr, Ted R.; Bishop, Vaughn F. Violent Nations, and Others // *The Journal of Conflict Resolution*, Vol. 20, No. 1, March 1976. P. 79–110.

Gurr, Ted Robert; King, Desmond S. The State and the City. L.: Macmillan Education, 1987. 242 p.

Haas, Ernst B. The Reconciliation of Conflicting Colonial Policy Aims: Acceptance of the League of Nations Mandate System // *International Organization* (Univ. of Wisconsin Press), Vol. 6, No. 4, Nov. 1952.

Haddad, Simon. Lebanon: From Consociationalism to Conciliation // *Nationalism and Ethnic Politics*, 2009, Vol. 15, No. 3. P. 398–416.

Haddad, Simon. The political transformation of the Maronites of Lebanon: From dominance to accommodation // *Nationalism and Ethnic Politics*, 2002. Vol. 8, No. 2. P. 27–50.

Hagopian, Elaine C. Maronite Hegemony to Maronite Militancy: The Creation and Disintegration of Lebanon // *Third World Quarterly*, Vol. 11, No. 4: Ethnicity in World Politics. Oct. 1989. P. 101–117.

Hak, Durk H. Deprivation Theory // *Encyclopedia of Religion and Society* / Ed. by W.H. Swatos Jr., P. Kivisto. Walnut Creek – London – New Delhi: AltaMira Press, 1998. P. 136–137.

Hakim, Carol. The Origins of the Lebanese National Idea, 1840–1920. Berkeley – Los Angeles – London: Univ. of California Press, 2013. 364 p.

Hamizrachi, Beate. The Emergence of the South Lebanon Security Belt: Major Saad Haddad and the Ties with Israel. New York: Praeger, 1988. 211 p.

Hanf, Theodor. Arabismus und Islamismus. Der säkularistische arabische Nationalismus im Vorderen Orient vor der Herausforderung des islamischen politischen

Revivalismus // Geschichte und Gesellschaft. Sonderheft, Vol. 8, Nationalismus in der Welt von heute, 1982. P. 157–176.

Hanf, Theodor. Coexistence in Wartime Lebanon: Decline of a State and Rise of a Nation. London: I.B. Tauris, 1993. 712 p.

Harik, Judith P. “Shaykh al-'Aql” and the Druze of Mount Lebanon: Conflict and Accommodation // *Middle Eastern Studies*, Vol. 30, No. 3, July 1994. P. 461–485.

Harik, Judith P. Change and Continuity among the Lebanese Druze Community // *Middle Eastern Studies*, Vol. 29, No. 3, July 1993. P. 377–398.

Hazran, Yusri. Between Authenticity and Alienation: The Druzes and Lebanon's History // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* (Univ. of London). 2009, Vol. 72, No. 3. P. 459–487.

Hazran, Yusri. Lebanon's Revolutionary Era: Kamal Junblat, The Druze Community and the Lebanon State, 1949–1977. 2010

Hazran, Yusri. The Rise of Politicized Shi'ite Religiosity and the Territorial State in Iraq and Lebanon // *Middle East Journal*, Autumn 2010, Vol. 64, No. 4. P. 521–541.

Henley, Alexander D.M. Politics of a Church at War: Maronite Catholicism in the Lebanese Civil War // *Mediterranean Politics*, Vol. 13, No. 3. P. 353–369.

Hinnebusch, Raymond A. State and Civil Society in Syria // *Middle East Journal*, Vol. 47, No. 2, Spring, 1993. P. 243–257.

Hinnebusch, Raymond A. The Political Economy of Economic Liberalization in Syria // *International Journal of Middle East Studies*, Vol. 27, No. 3, Aug. 1995. P. 305–320.

Hinson, Matthew. Crimes on Sacred Ground: Massacres, Desecration, and Iconoclasm in Lebanon's Mountain War 1983-1984 / Honors Thesis, Georgetown University, 8 May 2017. 88 p.

Hourani A.H. Minorities in the Arab World. L.: Oxford Univ. Press, 1947.

Husayni, Ishaq Musa. Moslem Brethren: The Greatest of Modern Islamic Movements. Beirut: Khayat's College Book Cooperative, 1956. 186 p.

Husnul, Amin. Neoliberal Globalisation and Islamic Social Movements: Critical Reflections on Approaches and Models // *Islamic Studies*, Vol. 51, No. 4, Winter 2012. P. 403–421.

Irani, George E. Diplomats in a quandary: the Vatican and the Lebanon war // *American–Arab Affairs*, 1988, issue 24. P. 29–39.

Irani, George E. The Holy See and the conflict in Lebanon // *Diplomacy in the Modern Age*. Ed. by P.C. Kent, J. F. Pollard. Papal Westport, CT: Praeger, 1994.

Irani, George E. *The Papacy and the Middle East: The Role of the Holy See in the Arab-Israeli Conflict, 1962–1984*. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1986.

Jabbra, Nancy W. Family Change in Lebanon's Biqa Valley: What were the Results of the Civil War? // *Journal of Comparative Family Studies*, Spring 2004, Vol. 35, No. 2: Turbulent times and Family Life in the Contemporary Middle East. P. 259–270.

Jacquot, Paul, lieutenant-colonel. *L'état des Alaouites: guide* (Gouvernement de Lattaqué, 14 mai 1939). 2e Edition. Beyrouth: Imprimerie Catholique, 1931.

Jalaby, Sultan. Economic Consequences of Family Dispersion in Syria // *Local Economies in Syria Divisions and Dependencies* / Ed. by Salam Said. Beirut: Friedrich-Ebert-Stiftung, September 2019. P. 17–28.

Joffe, Lawrence. Amin al-Hafez obituary: Leader of Syria's first Ba'athist regime (1921-2009) // *The Guardian*, 16 February 2010. URL: <https://www.theguardian.com/theguardian/2010/feb/16/syria>.

Johnson, Michael. *Class and Client in Beirut: The Sunni Muslim Community and the Lebanese State, 1840–1985*. London: Ithaca Press, 1986. 243 p.

Johnson, Michael. Factional Politics in Lebanon: The Case of the 'Islamic Society of Benevolent Intentions' (Al-Maqāṣid) in Beirut // *Middle Eastern Studies*, Vol. 14, No. 1, Jan. 1978. P. 56–75.

Joumblatt, Kamal. *Pour le Liban*. Paris: Stock, 1978. 271 p.

Jureidini, Paul A.; McLaurin, R. D. Political Disintegration in Contemporary Politics // *International Interactions: Empirical and Theoretical Research in International Relations*, Vol. 11, No. 2, 1984. P. 167–191.

Kaufman, Asher. Phoenicianism: The Formation of an Identity in Lebanon in 1920 // *Middle Eastern Studies*, Vol. 37, No. 1, Jan. 2001. P. 173–194.

Khashan, Hilal. The Lebanese State: Lebanese Unity and the Sunni Muslim Position // *International Sociology*. March 1992. Vol. 7, issue 1. P. 87

Khoury, Philip Shukry. *Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1987. P. 617.

Khuri, Fuad I. *Being a Druze*. London: The Druze Heritage Foundation, 2004. 295 p.

Koury, Enver M. *The Crisis in the Lebanese System: Confessionalism and Chaos*. Washington: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1976. – (Foreign Affairs Studies, 38). 92 p.

Kramer, Martin. Syria's Alawis and Shi'ism // *Shi'ism, Resistance, and Revolution* / ed. by M. Kramer. Boulder: Westview Press, 1987. P. 237–254.

Krayem, Hassan. The Lebanese Civil War and the Taif Agreement / American University of Beirut Digital Documentation Center. N.d. [1995]
<http://ddc.aub.edu.lb/projects/pspa/conflict-resolution.html>.

Kreutz, Andrej. Marx and the Middle East // *Arab Studies Quarterly*, Vol. 5, No. 2, Spring 1983. P. 155–171.

Kreutz, Andrej. Vatican Policy on the Palestinian–Israeli Conflict: The Struggle for the Holy Land. London: Greenwood Press, 1990.

Kurzman, Charles. Social Movement Theory and Islamic Studies // *Islamic Activism: A Social Movement Theory Approach* / ed. by Quintan Wiktorowicz. Bloomington – Indianapolis: Indiana University Press, 2004. P. 289–304.

Kutschera, Chris. Syria: Muslim Brothers, the Question of Alliances // *The Middle East Magazine*, May 1983. URL: http://www.chris-kutschera.com/A/syrian_muslims.htm.

Leenders, Reinoud. In Search of the State: The Politics of Corruption in Post-War Lebanon. (Unpublished essay, May 2004). URL: <https://goo.su/4dnK>.

Levitt, Matthew. Hamas: Politics, Charity, and Terrorism in the Service of Jihad. New Haven – London: Yale University Press, 2006. 324 p.

Lewis, Bernard. The Middle Eastern Reaction to Soviet Pressures // *Middle East Journal*, Vol. 10, No. 2 (Spring, 1956). P. 134.

Libano e Siria // *Oriente Moderno*, Anno 16, Nr. 12, Dicembre 1936. P. 680.

Lister, Charles R. The Syrian Jihad: Al-Qaeda, the Islamic State and the Evolution of an Insurgency. Oxford University Press, 2015. 500 p.

Longrigg, Stephen H. Syria and Lebanon Under French Mandate / Royal Institute of International Affairs. London – New York – Toronto: Oxford University Press, 1958. P. 340.

Longrigg, Stephen H. The Middle East: A Social Geography. Chicago: Aldine Pub. Co., 1963. P. 128.

Lucas, Ivor. The Paradox of Syria // *Asian Affairs*, Vol. 25, Issue 1, Febr., 1994. P. 3–12.

Mahmoud, Rustum; Rosiny, Stephan. Opposition Visions for Preserving Syria's Ethnic-Sectarian Mosaic // German Institute for Global and Area Studies (GIGA) (Oct. 1, 2015)

Makarem, Sami Nasib. The Druze Faith. Delmar, NY: Caravan Books, 1974. 153 p.

Maktabi, Rania. The Lebanese Census of 1932 Revisited. Who Are the Lebanese? // *British Journal of Middle Eastern Studies*, Vol. 26, No. 2, Nov., 1999. P. 219–241.

Malik, Charles. Continuity of US Policy // *Journal of Palestine Studies*, Autumn 1974, Vol. 4, No. 1. P. 159–162.

Martino, Renato R. The Holy See and the Middle East // *American-Arab Affairs*, No. 29, 1989. P. 75–85.

Mattar, Mohammad F. Is Lebanese Confessionalism to Blame? // Choueiri, Youssef M. (ed.) *Breaking the Cycle: Civil Wars in Lebanon*. London: Stacy International, 2007. 323 p.

Melhem, Hisham. Syria between Two Transitions // *Middle East Report*, No. 203: Lebanon and Syria: The Geopolitics of Change. Spring 1997. P. 2–7.

Ménargues, Alain. Les secrets de la guerre du Liban: Du coup d'Etat de Bachir Gémayel aux massacres des camps palestiniens. Paris: Albin Michel, 2004. 542 p.

Milbank, John. *Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason*. 2nd ed. Malden – Oxford – Carlton: Blackwell, 2006. 448 p.

Moosa, Matti. *Extremist Shiites: The Ghulat Sects*. Syracuse University Press, 1987. 580 p.

Mortimer, Edward. *Faith and Power: The Politics of Islam*. New York: Random House, 1982. 432 p.

Murray, George T. *Lebanon: The New Future. An Economic and Social Survey*. Beirut: Thomson-Rizk, 1974. 237 p.

Nahas, Charbel. *Le confessionnalisme au Liban. Du fonctionnement discursif et idéologique vers la position objective du problème / Thèse de 3e cycle en anthropologie; Ecole des hautes études en sciences sociales*. Paris, 1980. 198 p.

Nasr, Vali. Iran Among the Ruins: Tehran's Advantage in a Turbulent Middle East // *Foreign Affairs*, March-April, 2018, Vol. 97, No. 2. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2018-02-13/iran-among-ruin>.

Nassif, Daniel. Nabih Berri: Lebanese Parliament Speaker // *Middle East Intelligence Bulletin*, Vol. 2, No. 11, 2000. https://www.meforum.org/meib/articles/0012_ld1.htm.

Neal, Mark; Tansey, Richard. The Dynamics of Effective Corrupt Leadership: Lessons from Rafik Hariri's political career in Lebanon // *The Leadership Quarterly*, No. 21, 2010. P. 33–49.

Nelson, Sally. Is Lebanon's Confessional System Sustainable? // *Journal of Politics & International Studies*, Summer 2013, Vol. 9. P. 332–387.

Nordbruch, Götz. *Nazism in Syria and Lebanon: The Ambivalence of the German Option, 1933–1945 / SOAS*. London – New York: Routledge, 2009. (SOAS/Routledge Studies on the Middle East, 8).

Norton, Augustus R. Lebanon after Ta'if: Is the Civil War over? // *Middle East Journal*, Vol. 45, No. 3, Summer 1991. P. 457–473.

O'Ballance, Edgar. *Civil War in Lebanon, 1975–92*. New York: Palgrave Macmillan, 1998. 234 p.

O'Leary, Brendan. The Elements of Right-Sizing and Right-Peopling the State // *Right-Sizing the State: The Politics of Moving Borders*. Ed. by O'Leary B., Lustick I., Callaghy Th. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 15–73.

O'Zoux R. *Les Etat du Levant sous mandat français*. Paris: Larose, 1931. 329 p.

Obeid, Anis I. *The Druze and their Faith in Tawhid*. Syracuse: Syracuse University Press, 2006. 318 p.

Olmert, Yosef. The Syrian Arabic Republic // *Middle East Contemporary Survey*, 1986, Vol. X / ed. by I. Rabinovich, H. Shaked; The Moshe Dayan Center. Boulder – London: Westveiw Press, 1988. P. 603–625.

Olmert, Yosef. The Syrian Arabic Republic // *Middle East Contemporary Survey*, 1987, Vol. XI / ed. by I. Rabinovich, H. Shaked; The Moshe Dayan Center. Boulder – London: Westveiw Press, 1989. P. 635–658.

Olson, Robert W. *Ba'th and Syria, 1947–1982: The Evolution of Ideology, Party and State from the French Mandate to the Era of Hafiz Al Asad*. Princeton: The Kingston Press, 1982. 235 p.

P.M., A.F. Libano // *Oriente Moderno*, Anno 40, Nr. 7/8 (Luglio-Agosto 1960). P. 445.

Pakradouni, Karim. *La paix manquée: le mandat d'Elias Sarkis (1976–1982)*. Beyrouth: Éditions FMA, 1984. 273 p.

Parle, William M.; Kisirwani, Maroun. Assessing the Impact of the Post Civil War Period on the Lebanese Bureaucracy: A View from Inside // *Journal of Asian and African Studies*, 1987. Vol. 22, Issue 1–2. P. 17–32.

Perceptions of Community and State among Lebanon's Druze Youth. 1993

Perthes, Volker. A Look at Syria's Upper Class: The Bourgeoisie and the Ba'th // *Middle East Report*, No. 170: Power, Poverty and Petrodollars (May – Jun. 1991). P. 31–37.

Perthes, Volker. *Der Libanon nach dem Bürgerkrieg: Vom Ta'if zum gesellschaftlichen Konsens?* Baden-Baden: Nomos, 1994. 157 S.

Perthes, Volker. La sécurité nationale et le développement de l'identité nationale en Syrie // *Nationalismes en mutation en Méditerranée orientale* / ed. by Alain Dieckhoff, Riva Kastoryano. CNRS Editions, 2002. P. 91–110.

Perthes, Volker. Myths and Money: Four Years of Hariri and Lebanon's Preparation for a New Middle East // *Middle East Report*, No. 203: Lebanon and Syria: The Geopolitics of Change. Spring, 1997. P. 16–21.

Perthes, Volker. Syria's Parliamentary Elections: Remodeling Asad's Political Base // *Middle East Report*, No. 174: Democracy in the Arab World. Jan.–Feb. 1992. P. 15–18, 35.

Perthes, Volker. *The Political Economy of Syria under Asad*. London – New York: Tauris, 1995. 273 p.

Petran, Tabitha. *Syria*. NY: Praeger, 1972.

Petran, Tabitha. *The Struggle Over Lebanon*. New York: Monthly Review Press, 1987.

Picard, Elizabeth. *Lebanon: A Shattered Country: Myths and Realities of the Wars in Lebanon*, Revised Ed. New York: Holmes & Meier, 2002. 248 p.

Pierret, Thomas. Karbala in the Umayyad Mosque: Sunnite Panic at the 'Shiitization' of Syria in the 2000s // *The Dynamics of Sunni-Shia Relationships: Doctrine, Transnationalism, Intellectuals and the Media* / ed. by Brigitte Maréchal and Sami Zemni. London: Hurst, 2013. P. 99–116.

Pierret, Thomas. Syrie: l'islam dans la révolution // *Politique étrangère*, Vol. 76, No. 4, Hiver 2011. P. 879–891.

Pierret, Thomas. The Syrian Baath Party and Sunni Islam: Conflicts and Connivance // *Middle East Brief* / Crown Centre for Middle East Studies. Feb 2014, No. 77. P. 1–7.

Porat, Liad. The Syrian Muslim Brotherhood and the Asad Regime // *Middle East Brief* (Crown Centre, Brandeis Univ.), Dec. 2010, No. 47.

Preston, Matthew. *Ending Civil War: Rhodesia and Lebanon in Perspective*. London, New York: Tauris, 2004. 322 p.

Rabil, Robert G. Religion, national identity, and confessional politics in Lebanon: The Challenge of Islamism. New York: Palgrave Macmillan, 2011. – (Middle East in focus). 213 p.

Rabinovich, Itamar. The Syrian Arabic Republic // *Middle East Contemporary Survey*, 1984–1985, Vol. IX / ed. by I. Rabinovich, H. Shaked; The Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies. Boulder: Westview Press, 1987. P. 643–659.

Rahman, M. Taufiq. *Social Justice in Western and Islamic Thought: A Comparative Study of John Rawls's and Sayyid Qutb's Theories of Social Justice*. (Preprint). 2010. 318 p.

Randal, Jonathan C. *Going all the way: Christian warlords, Israeli adventurers, and the war in Lebanon*. New York: Viking Press, 1984. 316 p.

Rasler, Karen. Internationalized Civil War: A Dynamic Analysis of the Syrian Intervention in Lebanon // *The Journal of Conflict Resolution*, Vol. 27, No. 3, Sep. 1983. P. 421–456.

Religion, State and Ideology // CEMAM Reports (USJ, Beirut) 1975, Vol. 3 / Centre d'études pour le monde arabe moderne. Beirut: Dar El-Mashreq, 1976. 254 p.

Reyhanian, Asal. Phoenicianism: a Parable of Lebanese Nationalism // *Aleph – Analisi Strategiche*. April 6, 2018. URL: <https://www.alephas.org/2018/04/06/phoenicianism>.

Reyhanian, Asal. Phoenicianism: A Parable of Lebanese Nationalism // *Aleph – Analisi Strategiche*. April 6, 2018. URL: <https://www.alephas.org/2018/04/06/phoenicianism>.

Richani, Nazi. The Druze of Mount Lebanon: Class Formation in a Civil War // *Middle East Report* (MERIP), No. 162: Lebanon's War. Jan. – Feb., 1990. P. 26–30.

Rouleau, Eric. Crisis in Lebanon // *Journal of Palestine Studies*, Vol. 5, No. 1-2, Autumn 1975 – Winter 1976. P. 233–243.

Rouleau, Eric. Réforme ou révolution? // *Le Monde*, 25.09.1975. URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/1975/09/25/v-reforme-ou-revolution_2591811_1819218.html.

Roussel, Cyril. *Les Druzes de Syrie*. P.: Presses de l'Ifpo, 2011. 283 p.

Saad-Ghorayeb, Amal. *Hizbu'llah: Politics and Religion*. London – Sterling: Pluto Press, 2002. 254 p.

Sadowski, Yahya M. Patronage and the Ba'ath: Corruption and Control in Contemporary Syria // *Arab Studies Quarterly*, Fall 1987, Vol. 9, No. 4. P. 442–461.

Saint-Prot, Charles. *Les mystères syriens: la politique au Proche-Orient de 1970 à 1984*. Paris: Albin Michel, 1984. 217 p.

Salam, Nawaf. La guerre civile au Liban (1975–1976): lectures dans le miroir des mémoires // *Revue française de science politique*, Vol. 31, No. 4, Août 1981. P. 769–789.

Salameh, Franck. *Language, Memory and Identity in the Middle East: the case for Lebanon*. Lanham: Lexington Books, 2010. 291 p.

Salibi, Kamal S. The Lebanese Identity // *Journal of Contemporary History*, 1971, Vol. 6, No. 1: Nationalism and Separatism. P. 76–86.

Salloukh, Bassel F. et al. *The Politics of Sectarianism in Postwar Lebanon*. London: Pluto Press, 2015. 230 p.

Salloukh, Bassel F. War Memory, Confessional Imaginaries, and Political Contestation in Postwar Lebanon // *Middle East Critique*, 2019, Vol. 28, No. 3. P. 341–359.

Sayre, Edward A. Relative Deprivation and Palestinian Suicide Bombings, *Asian Journal of Social Science*, Vol. 38, No. 3, 2010. P. 442–461.

Schmid, Evelyne. Rearranging Deckchairs on the Titanic? Consensus, Corruption and Crisis: Lebanon After the Ta'if Agreement // *Internationale Beziehungen*, No. 2, 2007. 13 p.

Schumann, Christoph. The Generation of Broad Expectations: Nationalism, Education, and Autobiography in Syria and Lebanon, 1930–1958 // *Die Welt des Islams*, New Series, Vol. 41, Issue 2 (July 2001). P. 174–205.

Seale, Patrick. *Asad of Syria: The Struggle for the Middle East*. Berkley – Los Angeles – London: Univ. of California Press, 1988. 552 p.

Seale, Patrick. *The Struggle for Syria: A Study of Post-war Arab Politics, 1945–1958* / Royal Institute of International Affairs. Oxford University Press, 1965. 344 p.

Seaver, Brenda. The Regional Sources of Power-Sharing Failure: The Case of Lebanon // *Political Science Quarterly*, 2000, Vol. 115, No. 2. P. 247–271.

Semaan (Davie), May. *La perception politique des Grecs-Orthodoxes au Liban / Mémoire de maîtrise, sous la direction des professeurs Sélim Abou et Jaen Aucagne*. Beirut, 1983. 229 p.

Shanahan, Rodger. *The Shi'a of Lebanon: Clans, Parties and Clerics*. London – New York: I. B. Tauris. 2005. 208 p.

Shariati, Ali. *On the Sociology of Islam: (Lectures)* / transl. by Hamid Algar. Berkeley: Mizan Press, 1979. 122 p.

Shorter, Edward; Tilly, Charles. *Strikes in France, 1830–1968*. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. 428 p.

Siklawi, Rami. The Dynamics of the Amal Movement in Lebanon 1975-90 // *Arab Studies Quarterly*, Vol. 34, No. 1, Winter 2012. P. 4–26.

Sleiman, Selim. *Le parlement libanais*. Zalka (Metn, Liban): Le livre préféré, 1979. 260 p.

Smith, Heather; Pettigrew, Thomas F.; Pippin, Gina; Bialosiewicz, Silvana. Relative Deprivation: A Theoretical and Meta-Analytic Critique // *Personality and Social Psychology Review*, 2012, No. 16. P. 203–232.

Sozer, Brendan. Development of Proxy Relationships: a case study of the Lebanese Civil War // *Small Wars & Insurgencies*, Vol. 27, No. 4. P. 636–658.

Spyer, Jonathan. Tehran's Servants: Iraq's Shia Militias Emerge as the Key Armed Force Facing IS in Iraq // Policy Paper (Centre for the New Middle East, The Henry Jackson Society), Oct. 2015, No. 6. 14 p.

Stark, Rodney; Glock, Charles Y. American Piety: The Nature of Religious Commitment. Vol. 1: Patterns of Religious Commitment. 3ed ed. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 1974. 230 p.

Stewart, Quincy Thomas. Reinvigorating Relative Deprivation: A New Measure for a Classic Concept // *Social Science Research*. 2006. No. 35. P. 779–802.

Stoakes, Frank. The Civil War in Lebanon // *The World Today*, Vol. 32, No. 1, Jan., 1976. P. 8–17.

Stoakes, Frank. The Supervigilantes: the Lebanese Ketaeb Party as a Builder, Surrogate and Defender of the State // *Middle Eastern Studies*, Vol. 11, No. 3. Oct. 1975. P. 215–236.

Stouffer, Samuel A. Social Research to Test Ideas: Selected Writings of Samuel A. Stouffer. New York: Free Press, 1962. Sf.: Hauser, Philip M. On Stouffer's Social Research to Test Ideas // *The Public Opinion Quarterly*, Vol. 26, No. 3 (Autumn, 1962). 314 p.

Suleiman, Michael W. Elections in a Confessional Democracy // *The Journal of Politics*, Vol. 29, No. 1, Feb. 1967.

Suleiman, Michael W. The Role of Political Parties in a Confessional Democracy: The Lebanese Case // *The Western Political Quarterly*, Vol. 20, No. 3 Sep., 1967. P. 682–693.

Swayd, Samy S. Historical Dictionary of the Druzes. Lanham – Toronto – Oxford: The Scarecrow Press, 2006 (Historical Dictionaries of Peoples and Cultures, No. 3). 265 p.

Talhamy, Yvette. The Fatwas and the Nusayri/Alawis of Syria // *Middle Eastern Studies*, Vol. 46, No. 2, March 2010. P. 175–194.

Talhamy, Yvette. The Syrian Muslim Brothers and the Syrian-Iranian Relationship // *Middle East Journal*, Vol. 63, No. 4, Autumn, 2009. P. 561–580.

Teitelbaum, Joshua. The Muslim Brotherhood in Syria, 1945–1958: Founding, Social Origins, Ideology // *Middle East Journal*, Spring 2011, Vol. 65, No. 2: Richard B. Parker Memorial Issue.

The Yale critics: deconstruction in America / Ed. by Jonathan Arac, Wlad Godzich, Wallace Martin. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1983. – (Theory and History of Literature, 6). 222 p.

Turquié, Sélim. Restaurer un état unitaire // *Le Monde diplomatique*, Jan. 1979. P. 9–10.

Utley, Freda. *Will the Middle East Go West?* Chicago: Henry Regnery Co., 1957.

V.V., U.F., E.R. Libano e Syria // *Oriente Moderno*, Anno 16, Nr. 12 (Dicembre 1936). P. 674-683. P. 675.

Valognes, Jean-Pierre. *Vie et mort des chrétiens d'Orient: Des origines à nos jours*. Paris: Fayard, 1994. 974 p.

Van Dam, Nikolaos. *De Rol van Sektarisme, Regionalisme en Tribalisme bij de Strijd om de Politieke Macht in Syrie (1961-1976)* / PhD thesis, Oosters Instituut, Nederlands, 1977.

Van Dam, Nikolaos. *The Struggle for Power in Syria and the Ba'th Party (1958–1966)* // *Orient* (Deutsches Orient-Institut, Opladen). Maerz 1973, Nr. 1. S. 10–19.

Van Dam, Nikolaos. *The Struggle for Power in Syria: Politics and Society under Asad and the Ba'th Party*. London – New York: Tauris, 1996. 228 p.

Wagner, Steven. *Intelligence and the Origins of the British Middle East* // *The Journal of Imperial and Commonwealth History* (Routledge), 2015. Vol. 43, No. 4.

Weiss, Max. *In the Shadow of Sectarianism: Law, Shi'ism, and the Making of Modern Lebanon*. Cambridge – London: Harvard Univ. Press 2010.

Wiegand, Krista E. *Reformation of a Terrorist Group: Hezbollah as a Lebanese Political Party* // *Studies in Conflict and Terrorism*, Vol. 32, No. 8, 2009. P. 669–680.

Wiktorowicz, Quintan. *Introduction: Islamic Activism and Social Movement Theory* // *Islamic Activism: A Social Movement Theory Approach* / ed. by Quintan Wiktorowicz. Bloomington – Indianapolis: Indiana University Press, 2004. 316 p. P. 1–36.

Willi, Victor. *Beirut – October 23, 1983: The Marine Barracks Bombing. The Conflict between the United States and the Arab World: A Perceptual Approach* / Master's Thesis, University of Zurich, 2005. 144 p.

Winslow, Charles. *Lebanon: War and Politics in a Fragmented Society*. London – New York: Routledge, 1996. 344 p.

Yassin-Kassab, Robin; Al-Shami, Leila. *Burning Country: Syrians in Revolution and War*. London: Pluto Press, 2016. 262 p.

Yiftachel O. 2001. 'Right-Sizing' or 'Right-Shaping'? Politics, Ethnicity, and Territory in Plural States // *Right-Sizing the State: The Politics of Moving Borders*. Ed. by O'Leary B., Lustick I., Callaghy Th. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 358–387.

Young, Michael. Review to: "Beirut Outtakes: A TV Correspondent's Portrait of America's Encounter with Terror, by Larry Pintak. Lexington, MA: Lexington Books, 1988. 347 p." // *American-Arab Affairs*, 1989, No. 29. P. 102.

Zebiri, Kate. *Muslims and Christians Face to Face*. Oxford: Oneworld Publ., 2000.

Ziadeh, Radwan. *Power and Policy in Syria: The Intelligence Services, Foreign Relations and Democracy in the Modern Middle East*. London – New York: Tauris, 2011. 228 p.

На арабском языке:

Абд-аль-Азиз [Аш-Шикаки], Фатхи. Аль-Хомейни: аль-халь аль-ислами ва-ль-бадил (Хомейни: исламское решение и альтернатива). Б.м.: 2001 (1979). 122 с.

Абу Джауде, Жозеф Дауд. Афак аль-фикр ас-сийяси фи Лубнан (Перспективы политической мысли в Ливане). Бейрут: Джами' аль-хукук аль-махфуза ли-ль-муаллиф, 2009. С. 243.

Абу Зейд, Хикмет Амаль. Ас-саура аль-муассасатийя фи Лубнан (Институциональная революция в Ливане). Бейрут: Антуан, 2021. 260 с.

Аль Хусейн, Абд ас-Ситтир. Тахзир аль-барийя мин нашат аш-ши'а фи Сурия (Предостережение о расширении шиитской активности в Сирии). [Дамаск]: Хукук ат-таба' махфуза ли кулли муслим, 2007. 110 с.

Аль-Бадауи, Абдуррахман. Мазахиб аль-ислабийин. Аль-джуз ас-сани: Аль-исма'илийя, аль-карамита, ан-нусайрийя, ад-дуруз (Исламские мазхабы. Ч.2: Исмаилиты, карматы, нусайриты, друзы). Бейрут: Дар аль-'ильм ли-ль-малайин, 1973. 832 с.

Бадияни ан-Нисабури, Мухамма Хасан. Аль-алавийюн: хум атбаа Ахль аль-Бейт. Фатава мараджихим ва шарх насс байанихим (Алавиты принадлежат к Ахль аль-Бейт. Фетвы их духовных лидеров и толкование текста их постановлений). Ч. 1. С. 65–95.

Аль-Бизри, Даляль. Дафатир аль-харб аль-ахлийя аль-любнанийя / Аль-марказ аль-араби ли-ль-абхас ва дираса ас-сийясат. 2017. 179 с.

Аль-Бизри, Даляль. Исламийю Лубнан ва Фаластын: аль-инкита' дымн аль-мутаба'а (Исламисты Ливана и Палестины: разрыв в преемственности) // *Аль-Хайят*, № 10949, 2.02.1993. С. 18.

Аль-Бизри, Даляль. Суннат Лубнан ва-ль-игра аль-усули (Сунниты Ливана и фундаменталистский соблазн) // *Аль-мудун*, 20.07.2014. URL: <https://www.almodon.com/opinion/2014/7/20/سنة-لبنان-والإغراء-الأصولي>.

Вафд мин аль-лика аль-ислами аль-вахдауи йазур ат-таджамму‘ (Делегация Исламского объединительного собрания посетила съезд) // *Аль-билад*, 22.01.2021. URL: <http://albylad.com/article.php?id=423240>.

Даллюль, Мохсен. Ат-тарик иля-ль-ватан: руб‘ карн би-рифкат Камаль Джумблат (Дорога домой: четверть века с Камалем Джумблатом). Бейрут: Ад-Дар аль-арабийя ли-ль-‘улюм наширун, 2010. 389 с.

Джаббур, Жорж. Аль-хайя аль-хизбийя фи Сурия ва мустакбалюха (Партийная жизнь в Сирии и ее будущее). Дамаск, 2004. С. 30.

Аль-Ибрахим, Али Азиз. Аль-алавийюн ва-т-ташайю‘ (Алавиты и шиитизация). Бейрут: Ад-дар аль-исламийя, 1992. 156 с.

Аль-Мазлюм, Хусейн Мухаммад. Аль-алавийя ва-ль-манахидж аль-ухра (Алавизм и другие пути). Бейрут: Дар аль-махаджа аль-байда, 2009. 156 с.

Аль-Мазлюм, Хусейн Мухаммад. Аль-алавийя: тарихан ва акыдатан ва сулюкан (Алавизм с точки зрения истории, теологии и этики). Бейрут: Дар аль-махаджа аль-байда, 2009. 107 с.

Мокуран, Джером; Каши, Акрам. Мухаваля ли-кираат аль-муджтама‘ ас-сури саласун сана ба‘д Мишель Сёра. Накд ва-тахлиль аль-хитаб ат-таифи (Попытка прочтения сирийского общества спустя 30 лет после Мишеля Сёра: Критика и анализ конфессионального дискурса) // *Омран*, адад 4/10, хариф 2014. С. 51–62.

Мухаммад, Юсуф Халиль. Аль-анба аль-хафийя ‘ан аш-ши‘а аль-‘алавийя (Тайные сведения об алавитском шиизме). Бейрут: Дар аль-исламийя, 1996. 312 с.

Нааман, Булос, аббат. Махаттат марунийя мин тарих Лубнан (Маронитские веки ливанской истории). Нисбайх – Госта: Дейр Сеййидат ан-Наср, 1998.

Аль-Харири, Абу Муса. Аль-‘алавийюн ан-нусайрийюн. Бахс фи-ль-‘акыда ва-т-тарих (Алавиты-нусайриты. Исследование исповедания и истории). Дияр-Акль: Дар ли-аджл аль-ма‘рифат, 2002. (Силсилаят Аль-хакика ас-са‘ба (серия: Трудная истина), 5). 269 с.

Ар-Рабита аль-марунийя. Аль-Маджлис ат-танфизи (Составы Исполнительного совета Маронитской лиги). URL: <http://maronite-league.org/executive-board>.

Ахмад, Таммам. Аухам аль-муаллифин фи ахваль аль-алавиин (Заблуждения авторов о положении алавитов). Бейрут: Дар аль-махаджа аль-байда, 2010. 358 с.

Ашраф, Мухаммад Рашид. Об арабском социализме» (Пер. с франц. А.З. Алмазовой из “*Démocratie nouvelle*”, june 1961) // Специальный бюллетень, № 22, Ин-т народов Азии АН СССР. М., 1961. С. 83–88.

Аш-Шариф, Мунир. Аль-муслимун аль-алавийюн: ман хува ва айна хува (Мусульмане-алавиты: кто они и откуда. Изд. 2-е). Бейрут: Муассасат аль-балаг, 2002. 245 с.

Аш-Шикаки, Фатхи Ибрахим. Аль-ма‘алим фи-т-тарик: ‘ард ва ру’йя (“Вехи на пути”: основы и мнение). Б.м.: Хукук ат-таб‘а махфуза, 1992. 36 с.

Агавельян Ю.А. Государственность и парламентаризм в Ливане // Востоковедный сборник. Вып. II. М., 2001. С. 3–11.

Ад-Дахамиша, Абдалла. Сурия мазра‘ат аль-Асад (Сирия – ферма Асадов). Бейрут: Дар ан-нава‘ир, 2012. 319 с.

Раеф, Имададин. Саб‘ун ‘амман ‘аля индихар аль-фашия (Семьдесят лет со дня разгрома фашизма) // *Ас-Сафир* (Ливан), 9.05.2015. С. 14. URL: <http://assafir.com/Article/418508>.

Сааде, Антун. Мабади аль-Хизб ас-сури аль-кауми аль-иджтима‘и ва гайатух (машруха би-калям аз-за‘им) (Сирийская национально-социальная партия и ее цели (пояснения на основе работ вождя)). Бейрут, 1981. С. 63–76.

Сааде, Антун. Мадар аль-хиляф байна аль-ислам ва-ль-масихия (опубл. в: «Аз-Зуб‘а» (Буэнос-Айрес), №30, 15.10.1941) // Аль-ислам фи рисалятайхи аль-масихийя ва-ль-мухаммадийя (Конфликт между исламом и христианством (Ислам в двух своих посланиях – христианском и мусульманском). Дамаск, 1954. URL: <http://antoun-saadeh.com/works/books/content/book6-2>.

Сабра, Хасан. ‘Ан ас-сахва аль-исламийя фи Любнан (Исламистское пробуждение в Ливане) // Аль-харакат аль-исламийя аль-му‘асыра фи-ль-ватан аль-‘араби (Современные исламистские движения в арабском отечестве). Бейрут: Марказ дирасат аль-вахда аль-‘арабийя, 2001. С. 161–186.

Таки-ад-Дин, Рияд Хамид. Ат-таджриба аль-аскарийя ад-дурузийя ва ма-саруха ат-такаддуми (Боевой опыт друзей и их прогрессистский путь). Бейрут: ЛАУ, 1987. 288 с.

Усман, Хашим. Аль-‘алавийюн байна-ль-устура ва-ль-хахика (Алавиты между легендой и действительностью). Бейрут: Аль-Муассаса аль-а‘ля ли-ль-матбу‘ат, 1980. 320 с.

Хавваш, Мухаммад. Такаввун джумхурия: Сурия ва аль-интидаб (Становление республики: Сирия и мандат). [Триполи]: Мактабат Ас-Саих, 2005. С. 228–229.

Халифа, Исам Камаль. Абхас фи тарих Любнан аль-му‘асыр (Очерки новейшей истории Ливана) / Джамил аль-хукук махфуза. Бейрут: Дар аль-хайль, 1985.

Ханна, Абдалла. Сафахат мин тарих аль-ахзаб ас-сиясийя фи Сурия аль-карн аль-‘ашрин ва-ль-адждауха аль-иджтима‘ийя (Страницы истории политических партий Сирии в XX в. и социальной обстановки страны). Бейрут: Аль-марказ аль-‘араби ли-ль-абхас ва-дирасат ас-сиясат, 2018. 592 с.

Шарафутдин, Таки. Ан-нусайрийя: дираса тахлилийя (Нусайризм: аналитическое исследование). Бейрут, 1983. 230 с.

Шейхо, Луис (аль-аб аль-иесуи). Джауля фи ад-дауля аль-алавийя (Поездка в страну алавитов) // *Аль-Маширик*, таммуз (июль) 1924, № 7. С. 481–495.

УПОМИНАЕМЫЕ РАБОТЫ АВТОРА

Сарабьев А.В. «Ориентальные» Церкви Леванта и Месопотамии в условиях продолжающейся социальной фрагментации // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018, № 4. С. 150–168.

Сарабьев А.В. Зарисовка церковной жизни русской диаспоры в Марокко // *Восток-Oriens*, 2018, № 5. С. 77–87.

Сарабьев А.В. К основам методологии изучения традиционных общин Востока (расширенная стенограмма круглого стола, ИВ РАН, 18 декабря 2017 г.) (Публикация А.В. Сарабьева) // *Религия и общество на Востоке*. 2019, Вып. III. С. 22–69.

Сарабьев А.В. Ливан: обыкновенная «консоциальная демократия» в региональном контексте // *Вестник МГИМО-Университета*. 2019, № 12(4). С. 89–112.

Сарабьев А.В. Локальное отражение глобальных течений: Сирия и Ливан на идеологическом рубеже (начало 60-х гг. XX в.) // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2017, т. 10, № 2: «Ближний Восток: на пути к новой политической реальности». С. 81–96.

Сарабьев А.В. Межконфессиональные отношения в свете вариантов депривационной теории // *Религия и общество на Востоке*. 2019, Вып. III. С. 85–136.

Сарабьев А.В. Меняющиеся очертания Ближнего Востока сквозь призму межконфессиональных отношений: теоретический аспект // *Вестник РАН*. 2018, том 88, № 12. С. 1122–1130.

Сарабьев А.В. Политическое участие христиан Ливана: амбиции, возможности и реалии // *Восток (Oriens)*, № 4, 2016.

Сарабьев А.В. Религиозный фактор в социально-политическом измерении // Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: (Коллективная монография) / Отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2018. С. 332–397.

Сарабьев А.В. Сирийский контингент в Ливане: документальная интерпретация начала // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*, № 2, 2021. (В печати).

Сарабьев А.В. Трансформация ливанской уммы в 50–60-х годах XX века: оценки западных дипломатов // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017, Т. 159, кн. 6. С. 1541–1555.

Сарабьев А.В. Хмурый рассвет независимости в отблесках славы победы: Сирия и Ливан в мае–августе 1945 года // *Вторая мировая война и Восток* / Отв.ред. и сост. Н.Г. Романова, Т.А. Филиппова; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2019. С. 226–255.

Сарабьев, Алексей. Кувват аль-интидаб табки ли-нафсиха хакк аль-идара: Идарат ан-назаат ат-таифийа аллати джасадатха кувват аль-интидаб аль-фаранси: Сурия, Любнан, ашринат аль-кырн аль-мади (Конфессиональный менеджмент со стороны французских мандатных сил: Сирия и Ливан в 20-е годы прошлого века) // *Ат-Таалим ва-ль-муджтамаа* (Дамаск). 2017, Вып. 5. С. 16–17. (На араб. яз.)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Компас: Вестник международной аналитической информации

Ан-Нахар

Ас-Сафур

Huffington Post

Al Jazeera

Financial Times

Le Monde

Neue Zürcher Zeitung